NIoNC

НОВЫЕ ИДЕИ НОВОГО ВЕКА - 2015
NEW IDEAS OF NEW CENTURY - 2015

ТОМ
vol.

The Government of Khabarovsk Territory
Khabarovsk City Hall
Khabarovsk Organization of Architects Union of Russia
NIITAG RAASN, Khabarovsk Department of REA
«Pacific National University» FSBEI for HPE
Faculty of architecture and design

«NEW IDEAS OF NEW CENTURY – 2015»

Proceedings
of The Fifteenth International Scientific Conference

In three volumes

Volume 1

Khabarovsk
Published by PNU
2015

Правительство Хабаровского края
Мэрия г. Хабаровска
Хабаровская организация Союза архитекторов России
НИИТАГ РААСН, Хабаровское отделение РИА
ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет»
Факультет архитектуры и дизайна

«НОВЫЕ ИДЕИ НОВОГО ВЕКА – 2015»

Материалы
Пятнадцатой Международной научной конференции

В трех томах

Том 1

Хабаровск
Издательство ТОГУ
2015

УДК 72:624:001(082)
ББК Нл0
Н776

Редакционная коллегия:
В. И. Лучкова, проф., канд. архит. (отв. ред.)
Л. Г. Дьячкова, проф., д-р пед. наук
А. Д. Ловцов, проф., д-р техн. наук
А. П. Иванова, доц., канд. архит.
М. Е. Базилевич, ст. преп.
Д. О. Рывкина (пер. с англ. яз.)
К. К. Шапошникова (монтаж, верстка)
К. Д. Хворостьянов (дизайн)

Новые идеи нового века – 2015 : материалы Пятнадцатой Международной
Н776 научной конференции = **The new Ideas of New Century – 2015** : The Fifteenth International Scentific Conference Proceedings : в 3 т. / Тихоокеан. гос. ун-т. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015. – 3 т.
ISBN 978-5-7389-1675-5
Т. 1. – 379 с.
ISBN 978-5-7389-1676-2

Первый раздел «Вопросы теории и истории в градостроительстве, архитектуре и дизайне» составляет первый том трехтомника.

УДК 72:624:001(082)
ББК Нл0

ISBN 978-5-7389-1676-2 (т. 1)
ISBN 978-5-7389-1675-5

© Коллектив авторов, 2015
© Тихоокеанский государственный университет, 2015

1

Вопросы теории и истории в градостроительстве, архитектуре и дизайне

Theory and history issues in urban planning, architecture and design

Базилевич М. Е.
mikhailbazilevich@gmail.com
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ХУДОЖНИКИ АРХИТЕКТУРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Абстракт – Статья посвящена особой категории проектировщиков, работавших на Дальнем Востоке с середины XIX века – художникам архитектуры – выпускникам Санкт-Петербургской Академии художеств и Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Дается краткий экскурс в историю этих учебных заведений. Раскрывается содержание терминов «художник архитектуры», «неклассный художник» и «классный художник». В табличной форме приводятся архивные данные о художниках архитектуры, внесших наибольший вклад в развитие архитектуры и градостроительства восточных окраин Российской империи (Благовещенск, Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Порт-Артур, Хабаровск, остров Сахалин) и Маньчжурии (Далянь, Харбин, Шанхай).

Ключевые слова: художники архитектуры, Академия художеств, Московское училище живописи, ваяния и зодчества, архитектура Дальнего Востока.

Интенсивное освоение восточных окраин Российской империи во второй половине XIX века требовало привлечения на Дальний Восток большого числа архитектурных и инженерных кадров. Большая часть специалистов прибывала сюда после окончания инженерных институтов Санкт-Петербурга и Москвы (инженеры путей сообщения, гражданские, военные и межевые инженеры), однако встречались среди них представители особой категории проектировщиков – художники архитектуры.

Художник архитектуры – это звание, которое получали выпускники архитектурного отделения Московского училища живописи ваяния и зодчества и выпускники Санкт-Петербургской Императорской академии художеств, дававшее право «производить постройки» и вступать на государственную службу.

Московское училище живописи, ваяния и зодчества. История учебного заведения началась в 1832 году с открытием в Москве творческого кружка «Натурный класс», созданного для художников, желающих совершенствовать свое мастерство в живописи и рисунке. Вскоре кружок стал носить название «Художественный класс», а в 1843 г. был преобразован в Училище живописи и ваяния при Московском художественном обществе. В 1865 г. произошло слияние Московского дворцового архитектурного училища при Московской дворцовой конторе и Училища живописи и ваяния. Таким образом, появилось новое учебное заведение, получившее название «Московское училище живописи, ваяния и зодчества» (МУЖВЗ). Обучение в училище на художественном отделении длилось восемь лет, а на архитектурном – десять [1]. По окончании архитектурного отделения воспитанники училища, имевшие малую серебряную медаль, получали звание неклассного художника архитектуры, а обладатели большой серебряной медали удостаивались звания класс-

ного художника архитектуры. Последние имели право на чин при поступлении на государственную службу [4]. Занимая посты в различных ведомствах, художники архитектуры нередко направлялись на службу на Дальний Восток.

Так, в 1899 г. на восточную окраину Российской империи прибыл Николай Ильич Гущин. После окончания МУЖВЗ в 1872 г. он более двадцати лет работал в Москве. В 1896 г. он получил назначение на должность младшего инженера Строительного отделения Витебского губернского правления, а в 1898 году занял должность младшего архитектора Строительного отделения Красноярского областного правления [8]. С 1899 г. Гущин работал младшим архитектором Строительного отделения при Приморском областном правлении. Н.П. Крадин [2] пишет, что по долгу службы Гущин занимался исследованиями и составлением проектов и смет подъездных грунтовых дорог к станциям Свиягино и Спасское [8].

Художники архитектуры работали не только в городах Дальнего Востока, но и в соседней Маньчжурии. Например, Л.Н. Пашков, занимавший пост городского архитектора в Благовещенске, в годы гражданской войны эмигрировал в Китай, где участвовал в конкурсе на разработку проекта православного храма в Шанхае и являлся архитектором нескольких крупных построек в Ляоршане [2]. Вслед за Пашковым, в 1922 году в Китай эмигрировал Георгий Степанович Мосашвили. После окончания МУЖВЗ в 1908 г. этот художник архитектуры сначала работал в Бакинской губернии, затем в должности временного архитектора при пятом отделении Московской городской управы. В годы гражданской войны он преподавал в Землемерном училище и женской гимназии в Забайкалье, а также занимался проектированием по частным заказам. В период эмиграции Мосашвили с 1922 г. жил и работал в Шанхае [2].

В тот же период в Китае оказался Виктор Степанович Подгурский. С 1920 году художник архитектуры жил в Шанхае, где работал декоратором и сотрудничал с архитекторами по декоративному оформлению зданий. Затем он открыл свою мастерскую по дизайну интерьера и декорированию. Н.П. Крадин [2] отмечает, что Подгурский, является автором проектов: комплекса зданий на набережной Нанкин-роуд, принадлежавшего крупному шанхайскому банкиру Дэвиду Сэссуну; Французского ночного клуба; здания Гонконг-Шанхайского банка и др. Подгурский являлся одним из первых художников-эмигрантов, он принимал активное участие во многих художественных выставках, писал картины, изображающие природу и быт Китая. В 1947 году Виктор Степанович вернулся в СССР и преподавал в Казанском художественном училище [3].

Художники архитектуры продолжали принимать участия в развитии городов Дальнего Востока и в советский период. В 1928 г. в Хабаровске проводился конкурс на проект строительства Дома Советов, победителем которого стал проект московских архитекторов Ильи Александровича Голосова и Бориса Яковлевича Улинича. Авторы получили первую премию и право на реализацию своего проекта. Улинич не раз приезжал в Хабаровск для проведения надзора над строительством, а также выполнения рабочих чертежей к проекту [6]. И.А. Голосов, выпускник МУЖВЗ 1912 года, являлся одним из крупнейших советских архитекторов и основоположников конструктивизма. В 1923 году он принимал участие в разработке павильона Дальнего Востока на Всероссийской сельскохозяйственной выставке, проходившей в Москве. В печати того времени отмечалось, что павильон отражал идею перехода от сурового Байкала – тайги – к Тихому океану [2].

Императорская академия художеств, основанная в Санкт-Петербурге в 1757 году, готовила специалистов по направлениям: живопись, графика, скульптура и архитектура. До 1885 г. выпускники архитектурного отделения получали звание художника архитектуры и золотую или серебряную медаль. В зависимости от цвета и степени медали, художники архитектуры получали различные звания. Так, например, звание неклассного (т.е. свободного художника) присваивалось выпускнику за серебряную медаль второй степени, а за медаль первой степени – звание классного художника третьей степени и право на чин при дальнейшем поступлении на государственную службу. Золотая медаль третьей степени давала право на звание классного художника второй степени. За золотую медаль второй степени присуждали звание классного художника первой степени. Обладатели золотой медали первой степени направлялись за границу (в так называемую пенсионерскую поездку) для изучения памятников архитектуры и подготовки проектов для получения звания академика. После 1885 г. все выпускники Академии получали звание художника архитектуры, а звание академика стали присваивать только за выдающиеся заслуги [4].

Выпускники Академии, исполнявшие государственную службу, нередко направлялись в Сибирь, Забайкалье и на Дальний Восток (см. Табл. 1). В 1865 г. после окончания курса наук в Академии художеств в Николаевск-на-Амуре прибыл Александр Владимирович Сапожников, где он сменил на должности Приморского областного архитектора П. В. Леонтьева. После десяти лет службы Сапожников подал в отставку и уехал в Благовещенск, где работал заведующим мастерскими в ремесленной школе [7].

Большой вклад в архитектуру дальневосточных городов внес Александр-Казимир Андреевич Гвоздиовский. Сразу после окончания Академии художеств в 1890 г. он получил назначение на должность Приморского областного архитектора, которую занимал 14 лет. За этот период он курировал строительство бессчетного количества различных зданий и сооружений, а также являлся архитектором ряда выдающихся построек (Владивостокский почтамт, Городское училище, здание Восточного института и др.) [9].

Как и выпускники Московского училища живописи, ваяния и зодчества выпускники Академии художеств внесли свой вклад в формирование архитектурного и культурного наследия Харбина. С 1902 г. на протяжении десяти лет в Харбине работал Константин Хрисанфович Денисов, по его проектам построены Иверская церковь и здание Железнодорожного собрания. Н.П. Крадин отмечает, что Денисов являлся инициатором идеи создания в Харбине художественной школы и музея, для чего обратился в Академию художеств с просьбой предоставить «копии антиков и произведений позднейших эпох скульптуры, копии с известных картин старых и новых школ» [10].

В годы гражданской войны в Харбин эмигрировал известный Санкт-Петербургский архитектор Александр Александрович Бернардацци – выпускник Института гражданских инженеров и Академии художеств, ученик профессора Л.Н. Бенуа. По его проектам построены доходные дома Г.М. Пека и Кольцова, здание 6-й гимназии в Санкт-Петербурге, здание Горного института в Екатеринбурге. После эмиграции Бернардацци работал преподавателем в Харбинском политехническом институте и занимался проектированием. Являлся архитектором дома Х.П. Гордона, особняка журналиста З.М. Клиорина, домов Н.М. Ходжиева и И. Рабиновича, особняка В.Ф. Ковальского [11].

Таблица 1. Санкт-Петербургские художники архитектуры, работавшие на Дальнем Востоке

Художник архитектуры	Годы жизни	Вид деятельности и занимаемые должности
Гвоздиовский Александр -Казимир Андреевич	18.01.1861 – ?	Приморский областной архитектор.
фон Гоген Александр Иванович	12.08.1856 – 7.03.1914	Архитектор двора великого князя Владимира Александровича, академик, классный художник 2 ст.
Денисов Константин Хрисанфович	17.05.1873 – ?	Жил в г. Харбине, где занимался архитектурным проектированием.
Дунаевский Казимир Станиславович	10.07.1871 – ?	Классный художник, младший архитектор строительного отделения при Приамурском областном правлении.
Еремеев Николай Николаевич	9.05.1862 – после 1929	Классного художник 1-й степени с правом на чин X класса, с предоставлением права производства построек. Архитектор -инженер о-ва Сахалин. Профессор Государственных свободных художественно-учебных мастерских по архитектуре.
Косяков Георгий Антонович	1872 – 1925	График, театральный художник, академик архитектуры, Действительный член Международного художественного общества.
Лихонос Яков Лукич	21.03.1891 – 18.2.1942	Архитектор, скульптор.
Покровский Владимир Александрович	18.03.1871 – 1931	Участник конкурса на проект Городского дома в Хабаровске (1-я премия). Автор проекта павильона Нерчинского горного округа на Приамурской выставке, 1913 г.
Сапожников Александр Владимирович	1840 – после 1897	Архитектор Приморской области, служил в Николаевске-на-Амуре в течение 10 лет., Заведовал мастерскими ремесленной школы в Благовещенске.
Сколимовский Казимир Гелиодорович	12.10.1862 – ?	Автор проекта планировки и застройки города Дальнего (Далянь).
Смирнов Николай Егорович	1855 – ?	Младший архитектор Строительного отделения при управлении Приамурского генерал-губернатора.
Степанов Иван Степанович	1859 – ?	Классный художник архитектуры. В 1890 входил в состав комиссии по устройству триумфальных арок, иллюминации и праздничного оформления центра Хабаровска для торжественной встречи цесаревича Николая Александровича.
Федоровский Петр Федорович	2.02.1864 – 24.10.1944	Жил и работал в Чаньчуне, Дайрене и Тяньцзине, а с 1926 в Харбине. Заведовал кафедрой архитектуры в Харбинском политехническом и институте Св. Владимира (1926 –1938 гг).
Хренов Александр Сергеевич	13.03.1860 – 1926	В 1918-19 находился на Дальнем Востоке, где состоялись выставки его акварельных работ (Владивосток, 1919). Из Владивостока эмигрировал в Харбин, а затем в Шанхай, где спроектировал несколько зданий, а также провел выставки работ.

Список использованных источников и литературы:

1. Гриц А.Е. Московское дворцовое архитектурное училище и стилевые поиски в русской архитектуре второй трети XIX века. Дисс..на соискание ученой степени к. арх. Москва, 2004 –364 с.
2. Крадин Н.П. АРХИТЕКТОРЫ И ИНЖЕНЕРЫ ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН (Дальний Восток, Забайкалье, Якутия, Китай) 765 персоналий. Рукопись.
3. Толстой А.В. Художники русской эмиграции. – М.: Изд-во «Искусство-XXI век», 2005.
4. Московское училище живописи, ваяния и зодчества. NATIONSHISTORY. [Электронный ресурс].– web-сайт. – Режим доступа: http://www.nations history.ru/nhistorys-404-1.html (дата обращения: 29.11.2014)
5. Ржевская Е. «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ: ИСТОКИ РУССКОГО ИСКУССТВА». [Электронный ресурс]. – web-сайт. – Режим доступа: http://www.rah.ru/the_academy_today/250_letie_akademii/detail.ph p?ID=21600
6. (дата обращения: 30.12.2014)
7. Хан-Магомедов С. Дома Советов, Дома правительства, Дома промышленности. [Электронный ресурс]. – web-сайт. – Режим доступа: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_magomedov/khan_golosov (дата обращения: 02.12.2014)
8. РГИА ДВ, ф.1, оп.1, дд.2177, 2220, 6059
9. РГИА ДВ, ф.702, оп.1, дд.1970, 5154
10. РГИА ДВ, ф.789, оп.10, 1880, д.154
11. РГИА ДВ, ф.789, оп.12, 1896, д. И-32; ф.323, оп.9, д.1422
12. РГИА ДВ, ф.1293, оп.126, 1893, д.56

Bazilevich M. E.
mikhailbazilevich@gmail.com
PNU, Khabarovsk, Russia

ARTISTS OF ARCHITECTURE IN THE FAR EAST (FIRST PART OF XIXTH – THE BEGINNING OF XXTH CENTURY)

Abstract – The article is devoted to a special category of designers who worked in the Far East since the middle of XIXth century such as artists of architecture who graduated St. Petersburg Academy of Arts and the Moscow School of Painting, Sculpture and Architecture. A short excursion into the history of these institutions is given. The contents of the terms «artist of architecture», «no class artist» and «class artist» are revealed. Author gives in tabular form the historical information about the artists of architecture, who contributed much for the development of architecture and urban planning of eastern borders of the Russian Empire (Blagoveshchensk, Vladivostok, Nikolaevsk-on-the Amur, Port Arthur, Khabarovsk, Sakhalin island) and Manchuria (Dalian, Harbin, Shanghai).

Keywords: artists of architecture, the St. Petersburg Academy of Arts, Moscow School of Painting, Sculpture and Architecture, the architecture of the Far East.

Базилевич М. Е.
mikhailbazilevich@gmail.com
ТОГУ, Хабаровск, Россия

К ВОПРОСУ О РАБОТЕ МЕЖЕВЫХ ИНЖЕНЕРОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (первая половина XIX – начало XX вв.)

Абстракт – Статья посвящена деятельности межевых инженеров – выпускников Константиновского межевого института Санкт-Петербурга, работавших на Дальнем Востоке в период с середины XIX века до 1917 г. Дается краткий исторический обзор истории развития землемерного образования в Российской империи. Описывается структура органов местного самоуправления на Дальнем Востоке. Приводятся данные о межевых инженерах, чертежниках и землемерах, работавших в Межевых отделениях (Областных чертежных) при Приамурском генерал-губернаторстве. Дается краткая характеристика деятельности данной группы специалистов.

Ключевые слова: межевые инженеры, чертежники, Константиновский межевой институт, областные чертежные, межевые части.

Введение. Активное переселенческое движение, начавшее во второй половине XIX века после отмены крепостного права, способствовало быстрому развитию городов Дальнего Востока. С 26 мая 1861 года согласно «Правилам для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» Амурская и Приморские области стали открытыми для заселения людьми всех сословий. С 27 апреля того же года по указу Сената переселенцы, прибывшие на Дальний Восток за свой счет, освобождались от рекрутской повинности и уплаты подушной подати [3]. Так, благодаря целенаправленной переселенческой политике к началу XX века число жителей Дальнего Востока увеличилось в 2,5 раза. В этой связи возникла необходимость административного регулирования имущественных и земельных отношений, и как следствие создания специальных инстанций при Генерал-губернаторствах. Производством межевых дел занимались «чертежные» (межевые отделения).

Константиновский межевой институт СПб. Развитие землемерного или межевого образования в России началось в период Московского царства. В то время землемерными работами занимались представители известных княжеских и боярских семей, знания передавались по наследству от отца к сыну, вследствие чего специальная академическая подготовка отсутствовала. И.Е. Герман [2] отмечает, что некоторые династии межевых специалистов существовали более 100 лет (Беклемишевы, Вельяминовы, князья Звенигородские и др.). Первая землемерная школа появилась в России в конце XVI века при Поместном приказе. В 1698 г. при Пушкарском приказе открылась школа «цифири и землемерия» [7]. С 1765 г. по указу Екатерины II в Российской империи начинается Генеральное межевание – комплекс мероприятий, призванный разграничить частновладельческие и казенные земли. В результате массового межевания в каждом уезде появились межевые книги и алфавитные реестры с указанием характеристик землевладений и сведений о каче-

стве пахотных земель [9]. Кроме того, с началом Генерального межевания остро встал вопрос о нехватке землемерных кадров. Так, в период с 1765 по 1766 годы в проведении межевых работ участвовало всего около ста специалистов межевиков, военных топографов, артиллерийских и армейских офицеров и др. Поэтому уже в 1779 г. в Санкт-Петербурге при Межевой канцелярии открылась Константиновская межевая школа, готовившая техников-землемеров, срок обучения в которой составлял два года. В 1819 г. школа была переименована в Константиновское землемерное училище, а срок обучения увеличился до четырех лет [6]. В 1835 г. по указу императора Николая I учебное заведение было преобразовано в Константиновский Межевой институт (КМИ) – одно из первых высших учебных заведений в России. Первоначально срок обучения составлял шесть лет (шесть классов), после 1845 г. – семь, позднее был введен восьмой класс, а после 1853 г. – девятый. После окончания восьмого класса выпускники получали звание межевого инженера – специалиста в области землеустройства и межевания. Некоторые выпускники после окончания девятого класса становились геодезистами [7]. Обучение в Институте предполагало изучение общеобразовательных предметов (русский язык, арифметика, история, география, закон Божий, геометрия, тригонометрия, физика и др.) и специальных дисциплин (межевание, межевые законы, межевое делопроизводство, рисование, черчение планов, агрономия), а также прохождение практики по проведению межевания, составлению топографических планов и ведению полевых журналов [6]. Ученики, проходившие обучение в девятом классе, направлялись на стажировку в Пулковскую обсерваторию [7].

Выпускники КМИ, как правило, поступали на службу в Межевое ведомство (работали при межевой канцелярии, направлялись преподавать в региональные землемерные училища, служили при областных чертежных).

Выпускники КМИ на Дальнем Востоке. Во второй половине XIX века структура и состав органов местного самоуправления на Дальнем Востоке неоднократно менялись. С 1822 по 1884 гг. территории Забайкалья, Приамурья и Приморья входили в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, 16 июня 1884 г. произошло его разделение на Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства. Параллельно с 1880 года существовало Владивостокское военное губернаторство, включенное в состав Приамурского генерал-губернаторства в 1888 году. Генерал-губернатор Приамурья являлся непосредственным начальником всех областей, входивших в состав генерал-губернаторства, а также всех губернаторов и градоначальников [3]. В.П. Казанцев и Я.Л. Салогуб [4] отмечают, что должность Приамурского генерал-губернатора до 1911 года была связана с должностью командующего войсками Приамурского военного округа и наказного атамана Приамурскою казачьего войска, вследствие чего на неё назначались военные не ниже генерал-лейтенанта. Во главе каждой области стоял губернатор, которому подчинялось губернское правление – учреждение с постоянным штатом, находившееся в ведении Министерства внутренних дел.

Главное управление Приамурского генерал-губернаторства состояло из присутствия и канцелярии. Присутствие представляло собой коллегию, состоявшую из губернатора, его помощников и советников, врачебного инспектора, областного инженера, областного архитектора, областного землемера, тюремного инспектора и асессора. Канцелярия состояла из распорядительного, врачебного, ветеринарно-

го, тюремного, строительного и межевого отделений. Последнее часто называлось областной чертежной [4].

Во главе Чертежной стоял областной землемер, руководивший работами по межеванию, составлению земельных планов, установке границ земельных участков и работой сотрудников межевого отделения. В чертежной работали делопроизводители и уездные землемеры (межевые инженеры), занимавшиеся утверждением полюбовных сказов, наблюдением за производством специального межевания, хранением планов и межевых книг [8].

Анализ архивных источников и литературы позволил выявить фамилии некоторых межевых инженеров – выпускников Константиновского межевого института, работавших в областных чертежных при Приамурском генерал-губернаторстве.

Одним из первых выпускников КМИ, прибывших на Дальний Восток, был Федоровский Владимир Афанасьевич. После окончания Института в 1879 году инженер поступил на службу в межевую канцелярию в должности землемерного помощника. В том же году Федоровский получил чин коллежского секретаря, а спустя четыре года 1 июля 1883 г. был произведен в титулярные советники [1]. В 1887 году Владимир Афанасьевич получил назначение на должность помощника Амурского областного землемера в Благовещенске, где прослужил почти двадцать лет. В 1906 г. Федоровский получил повышение по службе в виде назначения на должность областного инженера Приморской области и прибавку к жалованию в 850 рублей. После четырех лет службы во Владивостоке в 1910 году Владимир Афанасьевич за выслугу был произведен в чин статского советника [12]. Дальнейшая его судьба неизвестна.

В 1896 году на Восточную окраину прибыл коллежский асессор Сергей Владимирович Васильев. По окончанию курса наук в КМИ в 1888 г. согласно приказу по ведомству Министерства юстиции Васильев поступил на службу в межевую канцелярию старшим землемерным помощником и в том же году был утвержден в чин коллежского секретаря. В 1893 г. Сергей Владимирович получил назначение на должность Калязинского уездного землемера, а в 1896 г. –помощником Забайкальского областного землемера. 27 марта 1898 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству Васильев назначен делопроизводителем канцелярии Приамурского генерал-губернатора по межевой части и прибыл на службу в Хабаровск, где находился до 1910 года. За отличную службу Сергей Владимирович получил орден Святого Владимира 4-й степени и право на особую пенсию в размере 437 р. 50 коп. [14].

С 1893 г. в Амурской области служил Иван Алоизович Карпович. Выходец из крестьянской семьи, среднее образование получил в Реальном училище в Москве, а высшее – в Константиновском межевом институте в Санкт-Петербурге, по окончании которого прибыл на службу по ведомству Министерства юстиции (по межевой части) в Благовещенск, где занимался ведением различных делопроизводств. Н.П. Крадин [5] отмечает, что в 1901 г. Карпович перешел на службу в Переселенческое Управление и в том же году стал начальником межевого отдела Амурского района и в этой должности работал до 1912. Впоследствии вплоть до 1920 г. Иван Алоизович заведовал переселенческим делом на о. Сахалине. В этот же период с января 1917 г. он занимал должность городского головы в Александровске. В советский период межевой инженер продолжил службу на Сахалине в администрации Управления Сахалинской области в качестве консультанта по земельным вопросам и городского советника в Александровске. В 1925 г. Карпович выехал в Японию, а затем в КНР, где работал в железнодорожной полиции на станции Имяньпо [10].

Н.П. Крадин [5] также отмечает, что с 1894 по 1897 гг. на Дальнем Востоке в качестве межевого ревизора работал Федор Александрович Мошков. После окончания КМИ в 1861 г. он поступил на службу в Межевой корпус, где десять лет служил прапорщиком межевых инженеров. В 1871 г. Федор Александрович был назначен младшим землемером первого разряда, а в 1883 г. стал старшим землемером. В 1894 году Мошков прибыл на восточную окраину для проведения ревизий областных чертежных сначала в Чите, а затем Хабаровске, Благовещенске и Владивостоке [13].

Помимо выпускников Константиновского межевого института в областных чертежных при Приамурском генерал-губернаторстве работали выпускники уездных землемерных училищ. Эти средние учебные заведения стали открываться в связи с нехваткой специалистов по межевому делу в регионах, так в 1870-е годы Землемерные училища появились в Пскове, Курске, Пензе, Оренбурге и Уфе [1]. В Российском государственном архиве Дальнего Востока сохранились личные дела землемеров, чертежников, коллежских секретарей – выпускников этих училищ. Так, например, с 1889 в Приморской области служил выпускник Курского землемерного училища Николай Михайлович Болгов. Поступив на работу в межевое отделение в качестве чертежника, Николай Михайлович за усердную службу получил сначала чин коллежского регистратора, затем губернского секретаря, а с 1896 г. был назначен окружным землемером Приморской области [11].

Заключение. Профессиональное межевое и землеустроительное образование в Российской империи развивалось под влиянием аграрной, землеустроительной и переселенческой политики государства. Проводимые правительством реформы вносили существенные коррективы в учебные программы Константиновского межевого института и его техническое обеспечение. В дореволюционный период в КМИ в Санкт-Петербурге прошли подготовку тысячи специалистов межевого и землемерного дела, многие из которых стояли у истоков развития землеустроительного дела на Дальнем Востоке.

Список использованных источников и литературы:

1. Базилевич М. Е. (научный руководитель Н. П. Крадин). Строительное отделение и областная чертежная при Приморском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.). Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15-18 апреля 2014 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. – Т. IX. – Ч. 1.
2. Герман И. Е. История русского межевания. М., 1914.
3. История Дальнего Востока СССР (XVII-февраль 1917 г.), Москва, 1981
4. Казанцев В. П., Салогуб Я. Л. Организационно-правовые основы главного управления Приамурского генерал-губернаторства по административно-территориальной реформе 1884 г. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014, №2 (39). С 45–53.
5. Крадин Н. П. АРХИТЕКТОРЫ И ИНЖЕНЕРЫ ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН (Дальний Восток, Забайкалье, Якутия, Китай) 765 персоналий. Рукопись.
6. 175 лет – высшему землеустроительному образованию в России. [Электронный ресурс]. – web-сайт. – Режим доступа: http://www.guz.ru/ media/file/ redac/374.doc (дата обращения: 15.12.2014)
7. Геодезическое образование. [Электронный ресурс]. – web-сайт. – Режим доступа: http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s00/e0000502/index.shtml (дата об-

ращения: 15.12.2014)

8. «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора» Предисловие к фонду 702. РГИА ДВ. [Электронный ресурс]. – web-сайт. – Режим доступа: http://rgiadv.ru/fonds/spisok-fondov/702-1/ (дата обращения: 16.12.2014)

9. Обнародован Манифест о генеральном размежевании земель всей империи. Президентская библиотека. [Электронный ресурс]. – web-сайт. – Режим доступа: http://www.prlib.ru/History/Pages/Item.aspx?itemid=1137 (дата обращения: 17.12.2014)

10. ГАХК, ф.830, оп.3, д.19458.

11. РГИА ДВ, ф.1, оп.14, д. 100.

12. РГИА ДВ, ф.1, оп.14, д. 953.

13. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. д. 2217.

14. РГИА ДВ, ф.702, оп.1, д. 2128.

Bazilevich M. E.
mikhailbazilevich@gmail.com
PNU, Khabarovsk, Russia

THE PROBLEM OF THE SURVEYOR ENGINEER AT THE FAR EAST (first part of XIX - early XX centuries)

Abstract – The article is devoted to the activities of a land surveyor – adulates of Konstantinovsky Boundary Institute of St. Petersburg, worked in the Far East since the middle XIX century until 1917. A short description of the history of land surveying education in the Russian Empire is represented. The structure of local governments in the Far East is described. The data on land surveyor, draftsman and surveyor, working in surveyor's offices (regional drawing) at Amur General Government are given. A brief description of the activities of this group of professionals is shown.

Keywords: land surveyor, draftsmen, Constantine boundary Institute, provincial drawing, boundary parts.

Базилевич М. Е., Крадин Н. П.
mikhailbazilevich@gmail.com, n_kradin@mail.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ИНЖЕНЕРЫ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВВ.)

Абстракт – Статья посвящена инженерам путей сообщения, работавшим на Дальнем Востоке и в Маньчжурии над строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), Амурской железной дороги и Уссурийской ветки транссибирской железнодорожной магистрали, принимавшим участие в проектировании и строительстве поселений и городов, примыкающих к железнодорожным магистралям. Дается краткий экскурс в историю Санкт-Петербургского Института путей сообщения имени императора Александра I. Рассматривается творческая деятельность российских инженеров в Китае в период эмиграции. В табличной форме приводятся библиографические сведения о четырех десятках инженеров путей сообщения.

Ключевые слова: инженеры путей сообщения, ИПС, КВЖД, Служба пути, Уссурийская железная дорога.

Введение. Строительство Великого Сибирского пути, начавшееся в 1891 году, дало мощный импульс развитию дальневосточных городов, а также способствовало привлечению на восточную окраину Российской империи профессиональных инженеров и созданию большого числа рабочих мест. Появление непрерывных транспортных связей между западной частью страны, тихоокеанскими портами и азиатскими станами обусловило развитие торговли и приток крупных иностранных инвестиций.

Великий Сибирский путь разделялся на несколько частей: Западно-Сибирский участок (от Челябинска до Оби – 1418 км), Средне-Сибирский участок (от Оби до Иркутска – 1871 км), Южно-Уссурийский участок (от Владивостока до ст. Графской – 408 км), Северно-Уссурийский участок (от Графской до Хабаровска – 361 км), дорога от ст. Мысовой до Сретенска – 1104 км), Кругобайкальская дорога – 261 км и Амурская дорога (от Сретенска до Хабаровска – 2130 км) [7]. Одновременно со строительством Сибирской железной дороги началась прокладка магистрали по территории Маньчжурии (Китайско-восточная железная дорога), призванной создать кратчайший путь к Тихому океану и соединить Забайкалье и Уссурийский край. История строительства Китайско-восточной железной дороги рассмотрена в трудах Н. Е. Абловой [1], М. А. Вивдыч [2], Н. П. Крадина [3], А. А. Лисицына [4] и др. Для проведения работ по проектированию и строительству, а впоследствии и эксплуатации железнодорожных магистралей на Дальний Восток направлялось большое количество специалистов разных категорий, в том числе и инженеров – выпускников Санкт-Петербургского института путей сообщения, а также других учебных заведений России.

Институт путей сообщения (ИПС). В ноябре 1810 года в Санкт-Петербурге открылся Институт Корпуса инженеров путей сообщения, цель которого

заключалась в подготовке специалистов, знающих строительные науки и специфику транспортной инфраструктуры. Первоначально институт был гражданским и военные дисциплины в нем не преподавали. Срок обучения длился четыре года. В 1823 г. институт стал закрытым учебным заведением по образцу военных кадетских корпусов, в нем начали преподавать военные дисциплины. С середины XIX века институт стал одним из крупнейших учебных заведений Российской империи, активно участвовавшим в формировании системы русского инженерно-строительного образования. В 1877 г. учебное заведение было переименовано в инс титут инженеров путей сообщения императора Александра I. Изначально институт готовил специалистов широкого строительного профиля, но с появлением первой железной дороги в учебных программах появились дисциплины по строительству и эксплуатации железных дорог [6]. По окончании этого учебного заведения выпускники получали звание инженеров путей сообщения и получали направление на службу в разные регионы страны.

Выпускники ИПС на Дальнем Востоке. В период с конца XIX до середины XX вв. на строительстве дальневосточных железных дорог работало бессчетное количество инженеров путей сообщения, техников, механиков и представителей других специальностей. Многие из них приезжали на Дальний Восток по распределению и, отслужив положенный срок, уезжали обратно на запад, некоторые оставались и работали здесь всю жизнь. В годы Гражданской войны многие инженеры оказались в эмиграции. Некоторые из них продолжали работать на КВЖД в Харбине, другие стали преподавать в Харбинском политехническом институте и институте Святого Владимира (см. таблицу 1).

С первых дней строительства Великого Сибирского пути на Дальнем Востоке работал Николай Сергеевич Свиягин. Еще до начала строительства дороги, в 1898 г. он руководил экспедицией в Маньчжурию и разрабатывал будущий маршрут прохождения КВЖД [5]. С 1891 г. он состоял начальником 4-го участка по постройке Уссурийской железной дороги, руководил строительством Восточного участка КВЖД. С 1899 г. являлся начальником Восточного строительного отделения КВЖД во Владивостоке. В 1900 году Николай Сергеевич руководил строительством магистрали на участке от ст. Никольская до ст. Мулин, по завершении которого железная дорога подошла к Тихому океану. Вплоть до революции Н. С. Свиягин занимал ответственные посты в ведомствах, связанных с железной дорогой. После 1917 г. инженер продолжил службу на КВЖД, но уже в Харбине [9].

Большой вклад в развитие дальневосточных путей сообщения внес потомственный дворянин Николай Иванович Прилежаев, прибывший на Дальний Восток в 1903 г. и в течение пяти лет работавший на строительстве Уссурийской железной дороги (Бикинский, Никольский и Хабаровский участки). Прилежаев занимался проектированием и руководил строительством различных сопутствующих сооружений. Так, при его участии построено восемь домов в Никольск-Уссурийске, 18 домов-казарм и 68 железнодорожных мостов. С 1910 г. Николай Иванович занимал должность начальника участка пути на ст. Евгеньевка. В 1912 г. построил на станции четыре жилых дома, три церкви и народный дом. В том же году он участвовал в строительстве Народного театра во Владивостоке, а в советский период с 1927 по 1935 гг. работал в должности зав. железнодорожным отделением на Мулинских копях [8].

Таблица 1. Инженеры путей сообщения, работавшие на Дальнем Востоке и Маньчжурии

Инженер	Годы жизни	Вид деятельности и занимаемые должности
Александров Владимир Иванович	11.07.1873 – 29.05.1940	Работал над строительством КВЖД. Занимался основанием поселков и строительством жилья для служащих дороги.
Барри Владимир Андреевич	1.02.1876 – ?	Начальник десанта по постройке Северной ж.д., начальник участка Южно-Восточной железной дороги, инженер технического отдела Правления КВЖД.
Блюмберг Владимир Яковлевич	14.03.1879 – 14.09.1941	Начальник участков Службы пути в Ашихэ, Ханьдаохецзы и Харбине на КВЖД
Брянский Николай Николаевич	23.04.1886 – 20.11.1976	Начальник техническо-распорядительного отдела Службы эксплуатации на КВЖД. Преподаватель дорожно-строительного факультета в ХПИ.
Бухман Михаил Иванович	26.10.1873 – после 1945	Производитель работ, агент при начальнике по руководству хозяйственными работами на постройке восточной части Амурской ж.д.
Верховской Сергей Владимирович	23.09.1876 – 1900	Помощник начальника 1-го участка Службы пути на Балтийской ж.д. Начальник участка Службы пути и заместитель начальника отделения Тифлисской ж.д. Преподаватель Харбинского политехнического института.
Вильдеман-Клопман Удо Карлович	1875 – ?	Штатный по МПС, инженер VIII класса, надворный советник.
Вишняковский Адольф Юлиус-Иосиф Генрихович	13.10.1878 – 29.01.1941	Более 20 лет проработал на КВЖД. Начальник участка Службы пути на ст. Имяньпо. Основатель первого в Маньчжурии общежития при ж.д. школе для детей. Служил в Водном управлении на р. Сунгари. Занимался садоводством и цветоводством, создал парк на ст. Имяньпо.
Вяземский Валериан Орестович	3.10.1867 – ?	Начальник по производству изысканий по мостовому переходу Амурской железной дороги через р. Амур.
Данилевский Сергей Иванович	1871 – ?	Член комиссии Временного правительства на ДВ. Начальник тех. отдела КВЖД. Товарищ председателя Советско-китайского правления КВЖД.
Фон Депп Даниил Николаевич	13.11.1879 – 4.03.1941	Работал на КВЖД в Забайкалье и Маньчжурии. Служил в должности помощника начальника 8-го участка Службы пути в Харбине, ведал Сунгарийским мостом. Читал лекции в ХПИ.
Долматов Николай Павлович	1869 – 1.02.1936	Начальник строительного участка Уссурийской ж.д., представитель КВЖД в ее делах с краевыми властями. После революции уехал в Харбин. Инженер для поручений в тех. отделе правления КВЖД.
Дориан Георгий Георгиевич	15.03.1887 – ?	Зав. мастерскими Службы пути КВЖД.
Дормидонтов Николай Федорович	1859 – ?	Строитель северного уч-ка Уссурийской ж.д. Член Комитета народных чтений, член Общественного собрания в Хабаровске.

Таблица 1, продолжение

Жданов Александр Константинович	20.12.1874 – 1950	Заведовал карьерами по заготовке щебня для КВЖД. Начальник Службы пути на КВЖД. Преподаватель в ХПИ.
Железняков Александр Федорович	26.02.1877 – 1948	Состоял на службе КВЖД. Начальник 15-го участка Службы пути на ст. Яомынь. Преподавал в разных учебных заведениях.
Жикулин Борис Алексеевич	25.07.1888 – ?	Начальник тех. части Службы эксплуатации КВЖД.
Зурабов Николай Семенович	2.02.1854 – после 1919	Председатель Дальневосточного комитета по ж.д. перевозкам.
Игнациус Сергей Владимирович	13.02.1861 – 12.06.1906	Главный инженер по постройке КВЖД. Зам. управляющего дороги.
Калабановский Владимир Константинович	4.01.1885 – ?	Консультант Харбинского Управления Государственных ж.д.
Кациенко Александр Федорович	8.03.1881 – ?	Работал на Китайско-Восточной, Сибирской и Амурской ж.д., начальник Уссурийской железной дороги. Советник в Управлении государственных железных дорог в Харбине.
Кипарисов Александр Федорович	1856 – ?	Работал на КВЖД. Член комитета по устройству г. Порт-Артура.
Кнорринг Федор Иванович	21.05.1854 – 1914	Начальник службы пути Южно-Уссурийской дороги. Начальник Забайкальской дороги.
Ковалевский Василий Александрович	1875 – 14.08.1930	Много лет проработал на КВЖД. Вел подготовительные курсы в ХПИ. Директор Харбинского реального училища «Гуан-Хуа».
Колпаков-Мирошниченко Владислав Дементьевич	1.05.1882 – ?	Член Союза инженеров путей сообщения СПб. Учредитель Общества русских инженеров в Маньчжурии. В Харбине владел предприятием по изготовлению мебели.
Крузе Николай Александрович	24.12.1882 – 4.06.1942	Городской инженер в управе на ст. Маньчжурия. Начальник 9-го участка Службы пути. Пенсионер КВЖД.
Крынин Павел Павлович	31.12.1880 – 28.02.1927	Ст. пом. в управлении водных путей Амурского бассейна. Занимался изысканиями Амурской ж.д. Член гор. Совета в Харбине.
Остроумов Борис Васильевич	23.06.1879 – 7.09.1944	Управляющий на КВЖД. Главный инженер по постройке Хухайской ж.д. Председатель Комитета по улучшению Пекин-Мукденской ж.д., член Русского Технического Общества.
фон Оффенберг Стефан Цезаревич	1.08.1864 – 21.02.1939	Строитель 3 и 5-го участков западной линии КВЖД. Начальник Уссурийского отделения Службы пути КВЖД.
Павлов Николай Алексеевич	5.12.1880 – после 1940	Начальник Службы пути Уссурийской дороги, жил в Хабаровске. Член Общества Русских инженеров. С 1921 находился в китайской эмиграции, работал на КВЖД, преподавал в ХПИ и ин-те Святого Владимира.
Передерий Григорий Петрович	29.09/11.10.1871 – 14.12.1953	Ректор Института путей сообщения СПб. Автор проекта бетонных опор моста через Амур у Хабаровска.

Таблица 1, продолжение

Прилежаев Николай Иванович	1.05.1878 – после 1940	Работал на строительстве Никольского, Бикинского и Хабаровского участков Уссурийской ж.д. Автор большого количества зданий и сооружений. Служил на КВЖД.
Савин Сергей Александрович	27.05.1876 – 7.05.1954	Служил на КВЖД, в СПб и Харбине. Работал на строительстве Амурской ж.д., на ст. Бушулей и в Нерчинске. Профессор ХПИ.
Сафарьяц Леон Саркисович	4.03.1872 – 6.06.1942	Работал в Управлении по постройке КВЖД во Владивостоке. Начальник участка в Никольск-Уссурийске.
Свиягин Николай Сергеевич	3.12.1856 – 7.10.1925	Проводил изыскания и строительство Никольской ветки ж.д. до ст. Гродеково. Нач-к Восточного строит-го отделения КВЖД.
Тренюхин Владимир Михайлович	20.04.1869 – ?	Служил на КВЖД.
Устругов Леонид Александрович	7.11.1874 – 15.02.1938	Помощник Министра путей сообщения в правительстве Керенского. После эмиграции преп. Юр.факультета, ректор ХПИ.
Ушаков Евгений Семенович	27.01.1891 – 1954	Конторщик материальной службы КВЖД. Инженер в Управлении Государств. дорог.
Фаворский Владимир Сергеевич	28.05.1879 – ?	В Харбине руководил квартирным отделом КВЖД. Инженер для тех. занятий АО Службы пути при Тех. отделе Правления КВЖД.
Флеров Владимир Николаевич	12.02.1881 – ?	Работал во временных мастерских во Владивостоке, затем проектировщиком в элеваторной конторе. Преподавал в Ин-те Св. Владимира и в ХПИ.
Фоменко Михаил Львович	15.09.1883 – ?	Работал во Владивостокской конторе по переустройству Уссурийской железной дороги, в 1918-24 занимал должность управляющего КВЖД, в 1926-27 находился на постройке Хухайской железной дороги до ст. Суйхуа. В 1930 приглашен на должность главного инженера Управления ОРВП.
Хилков Степан Николаевич	1866 – 1916	Работал на строительстве 1-го, 8-го и 9-го участков КВЖД и на строительстве Харбина. Председатель О-ва Черноморской ж.д.
Эйсымонт Антон Антонович	3.02.1882 – ?	Помощник управляющего КВЖД.
Янушковский Ольгерд-Владислав-Болеслав Николаевич	ок.1882 – 5.09.1923	В течение многих лет работал в качестве крупного подрядчика строительных работ на КВЖД.

Заключение. Появление на Дальнем Востоке железнодорожного транспорта оказало огромное влияние на развитие этих территорий. Строительство железных дорог и сопутствующих им технических сооружений требовало привлечения большого числа квалифицированных технических и инженерных кадров. Вокруг железнодорожных станций начали развиваться поселения, некоторые из них впоследствии превратились в крупные города. Наличие непрерывного транспортного сообщения между Восточной окраиной и метрополией способствовало формированию единого экономического пространства на всей территории страны и повышению эффективности управления отдаленными территориями.

Список использованных источников и литературы:

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории: Первая половина XX в. Дисс…на соискание ученой степени д. ист. наук Москва, 2005 – 556 с.
2. Вивдыч М. А. Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в конце XIX - начале XX века. Автореф. дисс...к. ист. наук Новосибирск, 2011 – 24 с.
3. Крадин Н. П. АРХИТЕКТОРЫ И ИНЖЕНЕРЫ ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН (Дальний Восток, Забайкалье, Якутия, Китай) 765 персоналий. Рукопись.
4. Лисицын А. А. Деятельность инженеров путей сообщения по реализации железнодорожной транспортной политики на Дальнем Востоке России. Дисс…на соискание ученой степени к. ист. наук Хабаровск, 2011 – 269 с.
5. История строительства Восточно-китайской железной дороги. [Электронный ресурс]. – web-сайт. – Режим доступа: http://rzd-expo.ru/history/ Istoriya% 20 stroitelstva%20KVJD/ (дата обращения: 30.11.2014)
6. Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I. Университет до 1917 г. [Электронный ресурс]. – web-сайт. – Режим доступа: http://www.pgups.ru/nash_univer/history/index.php (дата обращения: 02.12.2014)
7. РЖД. История развития железнодорожного пути. Транссиб. [Электронный ресурс]. – web-сайт. – Режим доступа: http://history.rzd.ru/history/ public/ ru? STRUCTURE_ID=5166 (дата обращения: 01.12.2014)
8. ГАХК, ф. 830, оп.3, д.8656
9. РГИА, ф.229, оп.10, д.2637

Bazilevich M.E., Kradin N.P.
mikhailbazilevich@gmail.com, n_kradin@mail.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

RAILWAY ENGINEERS IN THE FAR EAST (END OF XIX – FIRST HALF OF XX CENTURIES)

Abstract – The article is devoted to railway engineers who worked in the Far East and Manchuria for the construction of the Chinese Eastern Railway (CER), the Amur railway and Ussuri branch of Trans-Siberian railway, and who participated in the design and construction of settlements and cities adjoined to railway lines. There is a short excursion into the history of St. Petersburg State Transport University. Authors consider the creative activity of Russian engineers in China during the period of emigration. Bibliographic information about four dozen of Railway Engineers are shown in tabular form.

The appearance of railway transport on the Far East has had a tremendous impact on the development of these areas. Construction of railways and accompanying technical facilities required to attract a large number of qualified technical and engineering staff. Settlements had started to develop around railway stations moreover some of them later developed into the major cities. The presence of a continuous transportation between Eastern borders and capital is contributed to the formation of single economic space throughout the country and improve the efficiency of management of remote areas.

Keywords: Railway Engineers, Institute of transport, IT, CER, service path, Ussuri Railway.

Балистрери Тринканато Коррадо
ГУАВ, Венеция, Италия

ВЕНЕЦИЯ: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ВЕКА И НАХОДКИ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА НЕОБХОДИМОСТЬ ОБНОВЛЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА

Абстракт - Работы по реконструкции и реставрации в Венеции иногда приводят к важным находкам, изменяющим взгляд на историю города. Так работы в зоне Пескерии (рыбного рынка) на Большом Канале позволили найти элементы Callis Maior, позволяющие говорить о более ранних городских поселениях в этой зоне еще во времена Римской Империи, а не послее ее разрушения. Все это еще более усиливает значимость особых подходов к архитектурным и каким-либо иным вмешательствам в городе, важность проведения новых исследований в городе.

Ключевые слова: история Венеции, Римская Империя, реконструкция и реставрация, новые проблемы.

Находки одной из Архитектурных студий, недавно полученные в ходе работ в Венеции, подтверждают предположения о развитии структуры города и его строительстве, сделанные учеными еще в прошлом веке. Я решил пересмотреть недавнюю публикацию (1), осуществленную мной совместно с арх. Dario Zanverdiani, которая опирается на исследования Wladimiro Dorigo, Giuseppe Samonà и Egle RenataTrincanato; при этом внимание особым образом акцентируется именно на том, насколько предположения вышеперечисленных ученых о формировании города и найденные ими же архитектурные и исторические фрагменты подтверждают их интуицию.

Выделяется несколько причин создания Венеции. Прежде всего, сформировавшиеся сообщества беженцев, которые объединялись на венецианских островах вокруг церквей, основанных по воле Святого Магна. Далее - неожиданно нагрянувшие орды варваров и медленный распад Западной части Римской империи, наконец образование Византийской империи в Равенне. О том, что Венецию следует и необходимо исследовать далее говорят те факты, что даже во время случайных раскопок под каменным фундаментом и деревянными субоснованиями или в процессе мелиорации участков лагуны продолжают обнаруживаются античные находки.

Мы не будем описывать сотни археологических пунктов, обследованных Ernesto Tito Canal и Wladimiro Dorigo (2) и полученные материалы, которые позволили расширить представления о лагунных поселениях в Венеции. В ходе раскопок, проводимых под несколькими зданиями для укрепления фундамента (3), были обнаружены керамика и стекло различных эпох, металлические предметы, римские кирпичи, скорее всего, привезенные из соседнего города Альтино, и обработанные камни.

Существует вероятность, что на некоторых островах Венеции поселения сформировались уже в первом веке до н.э., поскольку во времена императора Гая Юлия Цезаря Октавиана Августа остров Сан-Джорджо был известен как Остров Меммия (4).

Daniele Donghi в одной своей статье (5) замечает: «Действительно находились римские «кирпичи» прямоугольные, квадратные, круглые, изогнутые, с разными штампами, привезенные по большей части из Аквилены, некоторые особо прочные из них выдерживали 500 и даже 763 кг на кв.см...». Данное мнение также подтверждается обнаружением улицы шириной в 10 римских футов (6), что произошло во время раскопок в ходе исследования состояния фундамента колокольни, упавшей 14 июля 1902 г.

Среди находок - хаотично обработанных кусков мрамора, оснований фуст колонн и капителиев, - следует особым образом отметить погребальный алтарь периода римского Альтино, установленный у ног четвертого купца «Моро», примыкающий к дому Якопо Тинторетто (7), надгробную плиту (8), надгробный памятник I века н.э. (9), фрагменты классических произведений, размещенные на стене здания возле моста Сан Кадзан, части скульптур и саркофага, находящиеся во дворе дома Ка' Соранцо Ван Аксель (10), римскую мемориальную доску, установленную на углу здания (11) рядом с Кампо де Санта Мария Формоза, надгробный камень семьи Местри прикрепленный к фундаменту стены Ка Соранцио де л'Андзоло (12) на Рио де Палаццоили Рио де Каноника, римский бюст II – III века н.э. на фасаде здания Ка' Дзордзи Бон (13), могильную урну Энния Венерия, расположенную на стене колокольни Сан Пьетро ди Кастелло.

После произведенного выше достаточно лаконичного перечисления находок римского периода мы обратимся к факту «открытия», недавно осуществленного у здания на Фондамента де л'Оджио напротив Гранд-канала (Большого канала). Во время реконструкции одного из зданий были обнаружены целостные основание и субоснование, состоящие из густого частокола свай, которые в свое время позволяли ограничивать по своему периметру водное пространство; на эти основания опирался «ростверк» (платформа) из перекрестных бревен. Кратко представим данную проблему.

С X по XII век было осушено болото, расположенное в районе Риальто, между церквями Сан-Кассан (Сан-Кассиано), Сан-Маттео и Сан – Дзуане – Элемозинарио (14). Воды были направлены в водосборные каналы с системой затворов. Периметры зоны, так называемые мешки, ограничивались свайными конструкциями. В то же время открытые водные участки лагуны, или Бассейны, оставались заполненными. В участках предполагаемой постройки зданий, сооружался густой частокол из свай, на которые опиралась деревянная платформа «ростверк» и уже сверху устанавливался фундамент из камня или терракоты.

Материалы, имеющиеся в распоряжении ученых, подтверждают, что в этой зоне от Ривус Магадессус, нынешний Рио де ле Бекарие, до Рио де Сан Кассан, находились владения Микьель, документально отмеченные как «собственность, земля и дома, открытая и закрытая, укрепленная вместе, образовывающая центр канала». Можно также увидеть, что длинный Бассейн, называемый Гата Солдана, впоследствии осушенный, указывался как «Каллис Комунис, бывший когда-то бассейном». Позже в этом районе на Калле дей Ботери стали селиться ремесленники-бочкари. Кроме того, Калле дель Кампаньель указывалась как Каллис Майор (у римлян - основной стратегически важный тракт, направление с севера на юг).

Этот последний термин неизбежно приводит нас к римской решётчатой конструкции, прослеживающейся на территории Венеции, которая исследовал профессор Wladimiro Dorigo, взяв за основу аквиланскую центрацию (15).

Учитывая, что Калле дель Кампаниэль была обозначена как Кардо Майор, значит, измеряя актус (16) (мера, использовавшаяся в Римской Империи, равен 35,51 м) как с левой стороны, так и с правой фасадной, простирающейся вдоль Гранд-канала; мы видим совпадения дорожных и канальных осей или границ (фасадов) некоторых зданий. На острове Сан Кассан, где впервые было сделано данное заключение, актус совпадает с Калле дей Ботери и Рио де ле Бекарие (Ривус Магадессус).

Для того, чтобы более подробно проиллюстрировать идею, возвратимся к местоположению кардо (главных улиц, ведущих севера на юг), ограничивающих на участок одну из двух архитектурных перспектив Гранд-канала, подчеркнутые Дионисио Моретти (17) и на Плане Венеции 1970 г.

Таким образом, есть уверенность, что там, где было возможно, венецианцы продолжали использовать римские решётчатые и сетчатые конструкции, для разделения островных земельных участков и, продолжая урбанизацию, они направляли воды лагунных зеркал (бассейнов) в сторону сточных каналов, и не строили свои здания на свайных сооружениях (палафитах). Напротив, в период сезона, когда увеличивалась частота отливов, они устанавливали границы зон с помощью каркаса деревянных свай, расположенных в продольном и поперечном направлении. После этого в образовавшиеся участки забивались остроконечные сваи для уплотнения грунта. Помимо ила и песка (18), сваи вбивались также и межу камнями.

Древний фундамент и квадратное помещение с водой, возможно, кавана (крытый причал для лодок) были обнаружены на участке, где семья Микьел возвела в конце 1300 - начале 1400 века свою аристократическую резиденцию, а также дома для семейства или для получения ренты. Эти находки могли бы подтвердить, на первый взгляд, факт мелиоративных работ, проводимых с XI по XII век на земле, принадлежащей вышеупомянутыми патрициями (состоятельной венецианской семьей). Указаный выше участок воды, впоследствии покрытый илом, мог также быть конечной частью сточного каналетто (сточного рва), уменьшенного позже до каваны. Эта ценная находка, связанна с проведением мелиоративных работ в тот далекий период, а так же найденый фундамент вынуждают нас продолжить исследования, чтобы проверить существование вероятной «римской» Венеции.

Рассматриваемый случай также доказыват, что русло Гранд-канала ранее было более широким. Возможно там, где сейчас возвышается Фондамента де л’Оджио, была небольшая естественная набережная, на которую вытаскивали небольшие лодки, а в более глубоких местах бросали якорь когге, перевозившие продовольственные товары и вина. На пояснительных чертежах нам хорошо видно, как проходила установка свай, укладка ростверка и возведение зданий (19).

Факт пользования римскими единицами в Венецианции подтверждается в Дворец Дожей. Его размеры в некотором роде можно сопоставить с римскими. В качестве доказательства мы можем взять длину фасада, выходящего на набережную Сан Марко, и длина фасада со стороны Пьяццетты Сан Марко.

Вторая находка, сделанная во время реставрации крыши одной из венецианских церквей под руководством Архитектурной студии, подтверждает конструкторские и строительные способности марангони (плотников) в создании деревянных конструкций кровли и перекрытий венецианских зданий. Было обнаружено особое соединение, которое делало прочным строительную стойку. Этот тип соединения, применяемый в строительстве и столярных работах в Венеции, использовался так-

же при строительстве лодок и кораблей.

Одно из зданий, принадлежащее Суверенному Военному Мальтийскому Ордену, который работал как в Венеции, так на Святой Земле, расположено недалеко от Арсенала. Мы можем предположить, что для создания большой и малой обрешетки кровли были привлечены плотники из Арсенала - основной корабельной верфи Серринисстмой (Венецианской республики).

Реставраторы обнаружили наличие в стропильных формах шиповых соединений.

Шиповое соединение – это тип сцепления с соответствующим эквивалентным отверстием, называемым паз.

Плотник создает трапецевидную полость в деревянной цепи. После того, как головка строительной стойки, профилированнная эквивалентным шипом на конце будет вставлена в отверстие, она блокировалась клином, называемым фьекка (20), с усилием вставляемым с помощью столярного молотка. Соединение шипом придавало прочность строительной стойке с цепью и стропилами, которые также были профилированы пазами. Таким образом, создавалась недеформируемая ферма, способная выдерживать вес, намного превышающий ее собственный, распределяя его равномерно на основную кладку. При этом прочность стенной коробки обеспечивалась благодаря точному расчету одинакового расстояния от одной фермы до другой.

Учитывая эту информацию, конструкторские способности и умение венецианских мастеров, которые внимательно изучались также и в недавнем прошлом, мы всегда должны подходить с осторожностью и анализировать на любом этапе каждый конструкторский и декоративный элемент здания во время реставрации произведений архитектуры как высокого стиля, куртуазной, так и архитектуры более простой. Необходимо составлять соответствующие документальные схемы и, где это будет приемлемо, использовать те же строительные приемы.

Кроме того, мы хотим отметить, что нынешние реставрационные работы часто становятся грубым вторжением, которое в долгосрочной перспективе могут принести еще более значимый вред реставрируемому зданию. В любом случае, даже «уважительная» качественно произведенная реставрация изменяет первоначальный статус здания.

Примечания:

* Возможность познакомиться с материалами реализована благодаря помощи архитекторов и инженеров архитектурной студии ARKA из Венеция-Местре, при поддержке Главного управления по архитектурному и археологическому наследию Венеции;

** Некоторые чертежи и рисунки, прилагаемые к настоящему тексту, были выполнены при сотрудничестве с архитектором Omar Benetti, Мастерская ARKA из (Венеция-Местре);

*** к тексту прилагаются римские единицы измерения.

Fig. 1: Территория Венеции с обозначение рек
(из материалов конференции с участием Corrado Balistreri Trincanato)

Fig. 2: Венеция – карта Istituto Geografico Militare, scala 1:25.000

Fig. 3: Элементы пространства Венецианской лагуны
(из материалов конференции с участием Corrado Balistreri Trincanato)

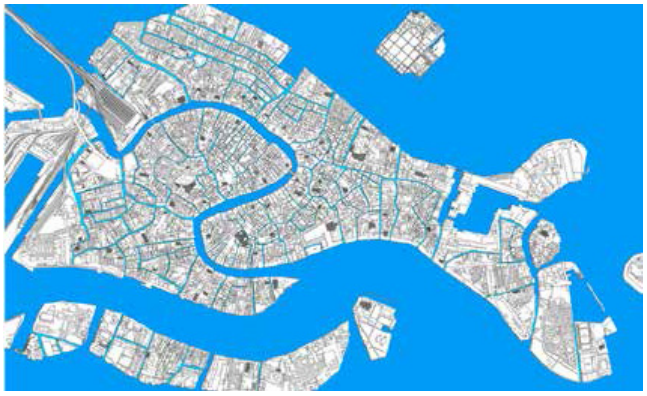


Fig. 4: Карта Венеции, 1970 г.; рисунок Corrado Balistreri Trincanato

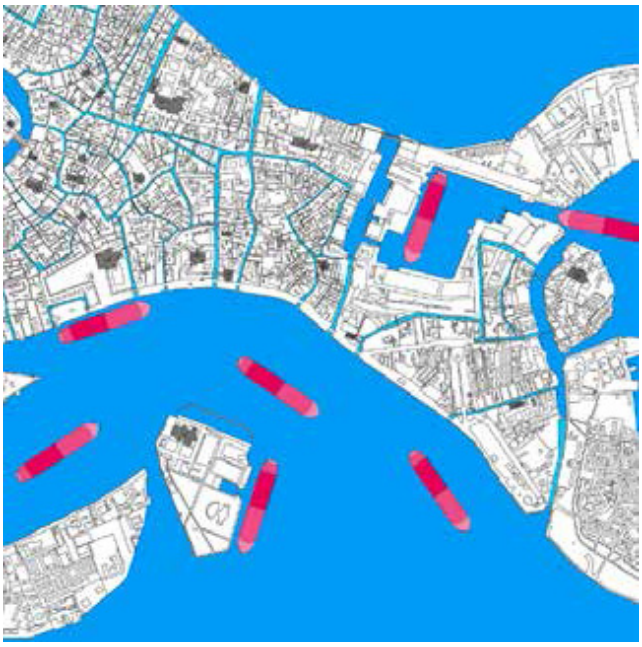


Fig. 5: Элемент карты Венеции, 1970 г., рисунок Corrado Balistreri Trincanato, переаработанный архитектором Omar Benetti в целях демонстрвции пропорций современных круизных лайнеров (длина 250 м.), входящих в Лагуну

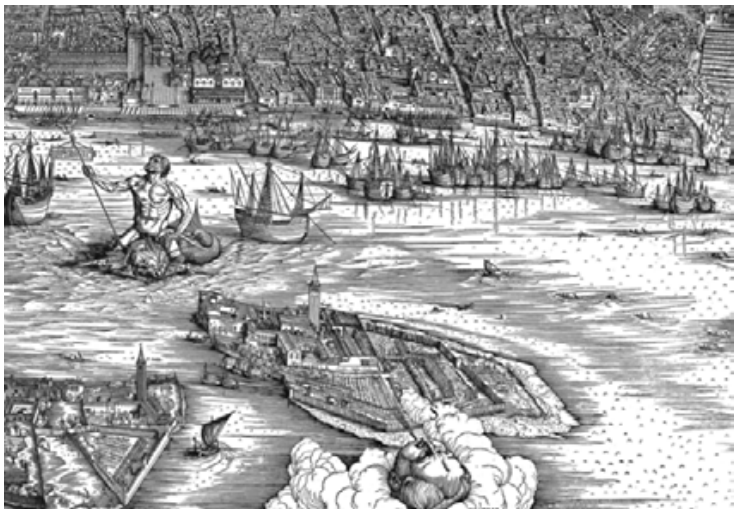


Fig. 6: Bacino di San Marco – элемент карты Jacopo de' Barbari, 1500 г.

Fig. 7: Круизный лайнер, фотография Corrado Balistreri Trincanato

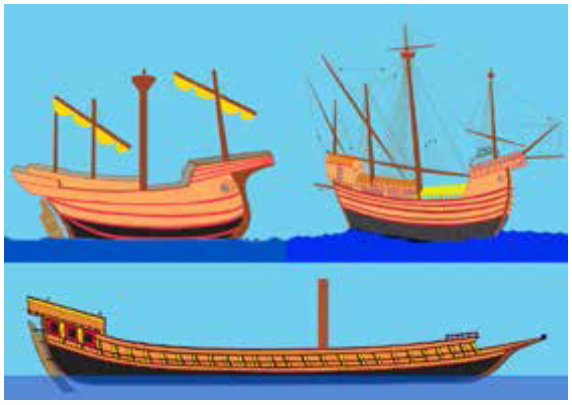


Fig. 8: Венецианские корабли - Cocca, Galea Grossa (широкая, для перевозки товаров), Galea sottile (узкая); Рисунок Corrado Balistreri Trincanato

Единицы римских линейных мер

Римская мера (наименование)	Наименование на латыни	В «стопах»	В сантиметрах		
			В см.	В м.	В км.
dito	*digitus*	1/16	1,8525		
palmo	*palmus*	1/4	7,4100		
piede	*pes*	1	29,6400		
cubito (gomito)	*cubitus*	1½	44,4600		
passo semplice	*gradus*	2½		0,741	
passo doppio	*passus*	5		1,482	
pertica	*pertica*	10		2,964	
atto (arpento)	*actus*	120		35,568	
stadio	*stadium*	625		185,250	
miglio	*miliarius*	5000			1,482
lega	*leuga*	7500			2,223

Ссылки:

1) Egle Trincanato, Corrado Balistreri, Dario Zanverdiani, Венеция во времени. Исторический атлас городского развития 726-1797, Издательство Aracne, Рим, 2013

2) Ernesto Tito Canal, Венеция, 1924, археолог; в течение 50-летней деятельности открыл 175 археологических точек и собрал свыше 90.000 находок; Почетный инспектор Главного управления по архитектурному и археологическому наследию Венеции, автор книги «Археология Венецианской лагуны» 1960 - 2010

Wladimiro Dorigo, Венеция, 1927 - 2006; доцент Университета, историк, политик, автор важных исследований о городе, среди которых: Венеция: происхождение, Electa, Милан, 1983 (3 тома); выдающееся открытие на дне Канала Сант-Антонио в Торчелло, - обозначение границ с помощью амфор

3) как пример: театр Ла Фениче и театр Малибран

4) Остров, принадлежащий семье Меммо

5) Daniele Donghi, Реконструкция Кампанилы Собора Святого Марка в Венеции, Stabilimento Tipo-Litografico del Genio Civile, Рим, 1913

Corrado Balistreri, Vincenzo Lucchese, Dario Zanverdiani, Кампанила Собора Святого Марка. Реконструкция Daniele Donghi, Издательство Cluva, Венеция, 1990

6) Римский фут = 29,56 см; венецианский фут = 34,77 см

7) Между Кампо дей Мори и Фондамента дей Мори, nn. aa. 3384 - 3397/A, сестьере (исторический район) Каннареджо, расположены четыре статуи в мавританском стиле конца XIII века или начала XIV века, представляющие трех купцов Риобу, Санди, Альфани и четвертого неизвестного

8) Калле дей Пали, ныне Тестори, сестьере (исторический район) Каннареджо

9) Ка' Манджилли Валмарана, Страда Нова, nn. aa. 4392 - 4393, сестьере (исторический район) Каннареджо; надгробный памятник из ауризианского камня с двумя мужскими фигурами по краям и женской фигурой в центре. Возможно, привезен из Конкордии-Саджиттария или Альтино, установлен у стены, окружающей сад, выходящий на Рио дей Санти Апостоли

10) Ка' Соранцо Ван Аксель, Фондамента Санудо, n. a. 6099, сестьере (исторический район) Каннареджо. Находки хранятся внутри других венецианских палаццо и Национальном археологическом музее в Новых Прокурациях;

11) Дома Капитула Санта-Мария Формоза, Фондамента дей Прети , nn. aa. 5841 - 5845, Рамо-ва- ин- Кампо n. a. 5846, сестьере (исторический район) Кастелло; здание шестнадцатого века было перестроено в семнадцатом-восемнадцатом и даже позже, находится на углу между Рио дель Мондо Ново и Рио дель Пестрин. В здании останавливались священники, образующие Капитул Прихода Санта-Мария Формоза, к которому принадлежала также прилегающая узкая улочка. Там, где от здания отходит лестница, ведущая к Понте дей Прети, который соединяется, в свою очередь, с мостом, ведущим к Калле дель Парадизо, чуть выше парапета прикреплена римская мемориальная доска из ауризианского камня, на одной стороне которой вырезана фигура, обращенная в сторону Рио дель Пестрин, и на другой имеется отшлифованная надпись.

12) Ка' Соранцо де л'Андзоло, Калле дель Ремедио, n. a. 4419, Кастелло

13) Ка' Дзордзи Бон, Калле дель'Арко, называемая Бон, n. a. 4907, Кастелло

14) Сан Кассан (Сан Кассиано), церковь была основана семьей Микьель вероятно в 726 – 737 гг.

Церковь Сан-Матио (Сан Маттео), основана в 1156 г.; в 1818 г. была разрушена колокольня и после 1821 г. здание церкви было перестроено в жилое здание; однако периметр бывшей церкви до сих пор еще можно определить

Церковь Сан-Дзуане Элемозинарио (Сан-Джованни Элемозинарио), основана в 966 г.

15) Аквилея – город, осажденный и разрушенный Аттилой, вождем гуннов в

452 г., за год до своей смерти;

16) В решётчатой конструкции ширина декумана была максимум 40 футов = 11,84 м, кардо максимум 20 футов = 5,92 м, лимитес квинтарии 12 футов = 3,55 м, виа комунис 8 футов = 2,37 м; наоборот же, сетчатая конструкция центурации соответствовала размеру мелиоративной техники или совпадала с делением на сельскохозяйственные участки;

17) Гранд-канал (Большой канал) Венеции, описанный Antonio Quadri и представленный на LX. Панно, обнаруженные и выгравированные Dionisio Moretti, Венеция, 1828, Venezia.

План Венеции, масштаб 1:2000, чертеж тушью Corrado Balistreri Trincanato;

18) Каранто = компактный красноватый глинистый песок

19) Пояснительные рисунки, автор – Эгле Рената Тринканато;

20) Пояснительные рисунки, автор – Эгле Рената Тринканато.

Balistreri Trincanato Corrado
IUAV, Venice, Italy

VENICE: NEW PROBLEMS DISCOVERIES IN HISTORICAL PART OF CITY AND IMPORTANCE OF NEW RESEARCH

Abstract - Reconstruction and restoration in Venice sometimes lead to important discoveries. This new information can change the opinion at the history of the city. So, was find elements Callis Maior during work in the area of Pesquera (fish market) on the Grand Canal. And now we can to think about the earlier urban settlements in the area during the Roman Empire, but not after its destruction. Such cases are reinforcing the importance of specific approaches to architectural and any other interventions in the Venice city, same the importance of new research in the city.

Keywords: history of Venice, the Roman Empire, reconstruction and restoration, new problems.

Wang Xiaoli, Liu Daping
jiuxiang1103@163.com; ldp_abc@sina.com.
HIT, Harbin, China

RESEARCH OF MOSQUE ARCHITECTURAL LANGUAGE FROM THE PERSPECTIVE OF MARGINAL CULTURE TAKING THE EXISTING MOSQUE IN HEILONGJIANG PROVINCE AS EXAMPLE

Abstract - Heilongjiang province is located in the marginal culture region and its existing mosque architecture has strong regional culture characteristic. This paper combined with field investigation and related information and gave a detailed interpretation of the existing mosque architecture language in Heilongjiang province which included the architectural layout, shape, decoration and so on. Summarized the characteristic of the existing mosque architecture language in Heilongjiang province and tried to find the reason that the regional architectural language of mosque produced in Heilongjiang province, and analyzed the multicultural phenomenon behind the multiple architectural language from the perspective of marginal culture, hoping to provide reference for the related study of concurrent.

Keywords: Mosque in Heilongjiang province; marginal culture; architectural language; regional characteristics

Introduction. Compared with the foreign mosque, Chinese mosque have obvious characteristics of localization. Compared with the local mosque, the mosque in Heilongjiang province presents the regional characteristic of diversification. Firstly, the long history of the mosque is significantly influenced by the Chinese traditional culture in the architectural layout, shape, decoration and so on, but the mosque in Heilongjiang province also shows features different from the traditional mosque, such as warm house for winter church, technology reference from Manchu residence etc. Secondly, the construction of the China-Eastern Railway brought the huge impact of foreign culture to the region of Heilongjiang province, lots of Arabia, Russian mosque style appeared in this period. Finally, the mosque in northwest of Heilongjiang province borders upon Russia was influenced by two kinds of culture, and the building fused two kinds of regional architectural elements and presented a new regional.

1. Application and innovation of China traditional architectural language

Hui culture was greatly influenced by both China and Islamic culture. It has close relations with Islam, but it is still fundamentally flowing Chinese civilization blood, and Chinese traditional culture is an important source and component of them.

1.1 Application of Chinese traditional architectural language

With the passage of time, when the mosque was introduced into China, the building form of the mosque has changed the Arabia to original traditional China courtyard in the early Ming Dynasty, and the structure has been initially changed the masonry structure into the wood structure of China. Although Heilongjiang province is located in the marginal culture region, the courtyard system of the traditional architectural has

formed for thousands of years in this region and has already ingrained, and the Hui people in Heilongjiang province are mostly came from Shandong, Gansu, Hebei province and other central culture region consulted from historical records, therefore, the mosque also inherited Chinese courtyard from central culture area. While affected by the local construction techniques and the geographical environment, the mosque in Heilongjiang province integrated local vernacular practices in function and decoration, but the building layout, structure and decoration are basically the same as Chinese traditional mosque architecture in core region (Fig.1-4).

Bukui mosque Yilan mosque Acheng mosque Hulan mosque

Fig.1-4 Chinese traditional mosque in Heilongjiang province

1.2 Innovation of Chinese traditional architectural language

Islam regarded Allah as the only god and forbids the worship of tangible objects except of it, and the decoration of the hall building forbids to use the grain shape of animal. However, Chinese traditional architecture likes to use auspicious dragon, lion and other auspicious to decoration since the ancient times. In the cultural center, mosque building general strictly follow the regulations not use the animal decoration, if there are occasional breakthrough, it is mainly used in ancillary building. Heilongjiang province is located in the marginal culture region, when faced cultural choices it often not stick to the original form and may make bold innovation sometimes. The attitude of acceptance in the cul tural selection containing is also reflected in the local mosque, such as the application of animal ornamentation including the main hall building (Fig.5-6).

Bukui mosque is the oldest mosque architecture in Heilongjiang Province and all of the architectural layout, structure and decoration are adopted Chinese courtyard form, the difference is the main hall building and ancillary buildings adopted the auspicious decoration of traditional building, and some of these decorative have no eyes, some have eyes but fail to see the beast. This approach inherited the traditional ar chitectural decoration practices, at the same time, complied with the provisions of the doctrine of the mosque. If this approach was a compromise in the collision of two culture, the animal decoration which has eyes appeared on the hall building in the west mosque of Bukui mosque (Jahriyya) and Hulan mosque (Gedime) can be regarded as mutations and variations in the process of dissemination of culture marginal culture zone (Fig.9-12).

1.3 Absorption and variation of 'Confucianism, Buddhism and Taoism' architectural language

Chinese Islam adhered to the fundamental belief of Islam on one hand, it was also absorbed Chinese traditional thought of Confucianism, Buddhism and Taoism and or ganically unifies both of them in the late Ming and early Qing Dynasty on the other hand. Architecture is the carrier of culture, this cultural phenomenon appears clearly in the mosque architecture decoration. For example, the hall building in Bukui mosque has appeared innovation of Taoist Tai Chi nosy and jewels without people took, this approach avoided worship for tangible objects and Showed out the good implied meaning (Fig.7-8).

Hulan mosque

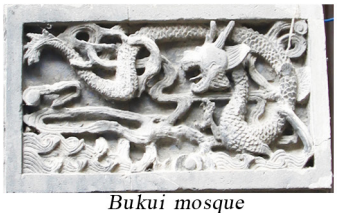

Bukui mosque

Fig.5-6 animal ornamentation

Bukui mosque

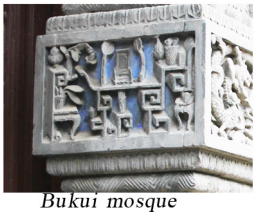

Bukui mosque

Fig.7-8 Taoist Tai Chi nosy and jewels

Hulan mosque

Hulan mosque

Hulan mosque

Bukui mosque

Fig.9-12 the animal decoration which has eyes

2. Expression of the northeast regional characteristics of architecture language

2.1 reference of Manchu residence building decorative elements

Manchu residence usually carved in the wall part, and the skillful craftsman feat often showed in these parts4. The construction processing of Manchu residence always showed the details of these parts, carved variety and presented beautiful style. Several existing mosques in Heilongjiang province were also carved in these parts which have delicate and rich subject matter, these reference of local vernacular architecture language promoted regional mosque architecture in Heilongjiang province (Fig.13-18).

Acheng mosque

Hulan mosque

Bukui mosque

Yilan mosque

Bukui mosque

Yilan mosque

Fig.13-18 reference of Manchu residence building decorative elements

2.2 reference of northeastern residence technology to adapt to the regional environment

Heilongjiang Province has long cold winter and the low temperature can reach to 20-30 degrees below zero, the traditional official mosque hall without heating equipment could not provide a comfortable indoor environment for people in winter. The fit of regional climate characteristics and the user needs for space environment promoted to traditional local mosque architecture produced a geographical characteristics of the worship space, namely “warm house” or “little temple”2. The warm house which has two heating mode like Manchu residence is generally arranged in the East or west side hall, it complied with the west for the respect of the layout like Manchu residence, and it also arranged Miha Raab in the west wall(Fig.24-27). The reference

of the construction technology not only met the need for people to worship and provided a comfortable environment for them. In addition, in the existing mosques in Heilongjiang province there are other references of traditional Manchu residence constr uction technique, such as the gate in the west mosque of Bukui which was often used in northeast classical temples, this architectural form have obvious regional characteristics (Fig.22). And the hall building wall of the east temple in Bukui mosque used common c onstruction technique of the local Manchu houses (Fig.19-21).

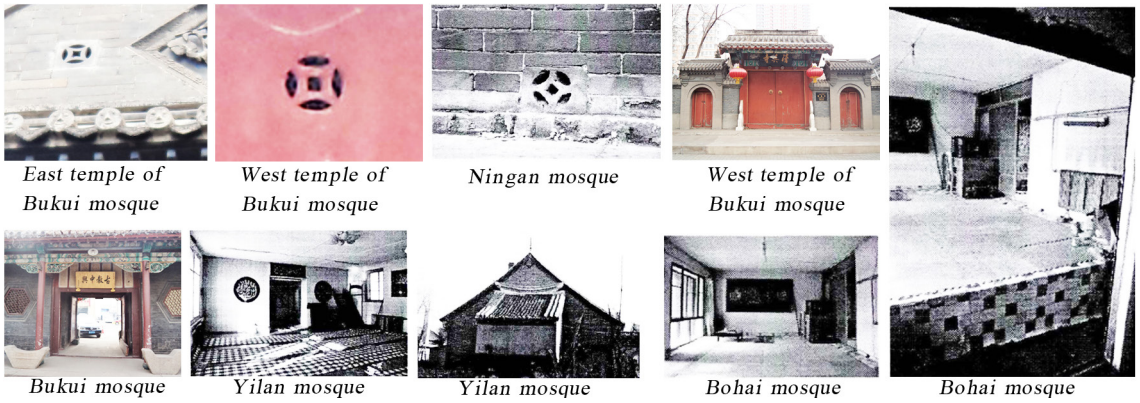


Fig.19-27 reference of northeastern residence technology

In some of the traditional dwellings in northeast region, people likes to set stones in floor below at the eaves dripping sometimes, this setting can not only meet the housing needs of the functions and can satisfy the psychological demand of people to pray for the good wishes, setting stones can form a local decoration of courtyard and make the courtyard look neat and clean in the rain. There are two stones set on both sides of the entrance in the east temple of Bukui mosque (Fig.23), this technique may be influenced by the local Han houses. The color of the stone with simple form is similar to the wall. It avoids the monotone of the entrance and can harmony the whole building.

All of these technology reference on the local feature of the traditional folk house not only highlighted the flexible construction technology of craftsman in the construction of the mosque but also reflected the cultural phenomenon that in marginal culture region that different architectural culture can easily influenced each other and mutual penetrated in the process of culture communication, Compared with the cultural center region, people in marginal culture region are more likely to break through the traditional fetter, put the different architectural language to fusion and create new architectural language, and this process is also the process of regional architectural characteristics gradually formed.

3. Infiltration of western style architectural language

The collision and integration of modern Chinese and Western architectural culture not only made the edge of the cultural characteristics in Heilongjiang province is more obvious, but also derived a new architectural culture landscape. The construction of the China-Eastern Railway promoted to the mutual penetration and integration of Chinese and Western architectural culture and the building received a new deductive method in this period3. Influenced by this the mosque in Heilongjiang province also appeared a fusion of Chinese and Western architectural styles, it also highlights the vitality and creativity of the marginal culture tenacious, while the cultural landscape of mosque in Heilongjiang province is therefore presented more obvious regional characteristics.

3.1 Penetration of Russian mosque architecture language

Built in 1910, Heihe mosque is the provincial level key cultural relic protection architecture in Heilongjiang province. Heihe city located in the north-west of Heilongjiang province and looks at Russia's third largest city Amur across Heilongjiang River. The hall building concentrated China, Islamic and Russia's architectural style and composited of front porch, the main hall, minaret1. The porch was composed of Chinese ancient building components, the roof was also a traditional Chinese style, the main hall was the imitation of Russian, and the decoration was used in Arabia text patterns, geometric patterns (Fig.28).

Heihe city is located in the edge region of China culture, and the culture elements is somewhat mutation and is extremely vulnerable to the adjacent cultural district. The emergence of mosques in Heihe city reflected the cultural phenomenon that different cultural landscape is extremely easy to influence each other in the process of communication in marginal culture region. The emergence of wood packing building always on a wooded area in Heilongjiang province since ancient times, the first temple construction materials in Heihe mosque was the camphor pine donated by local Hui, and the construction of the China-Eastern Railway brought the huge impact of foreign culture to the region of Heilongjiang province. Therefore Heihe mosque appeared rarely combination of architectural wonders in Chinese, Arabia sand Russian style and created a new regional characteristics of architecture in Heilongjiang province.

3.2 Penetration of Arabia style mosque architecture language

The Construction of China-Eastern Railway made a strong collision which never happened before between china and western culture in Heilongjiang province, and in the three lines of the China-Eastern Railway and the railway center area appeared a massive building with western architectural elements of the language, including the mosque building.

As the center of the China-Eastern railway, along with the construction of the China-Eastern railway, a large number of foreigners including Islam Muslim emerged in Harbin city. In order to meet the religious needs, the Turkey Tatar immigrants hired local architect designed a mosque known as tartar temple in Harbin city in 1906, the temple has distinctive Turkey Byzantine style from modelling to architectural decoration (Fig.30). In addition, it was also appeared Russian mosque architecture style known as the Harbin mosque in Daowai District of Harbin influenced by the western culture (Fig.29).

With the passage of time, the western style architectural language and Chinese traditional architectural language towards contend with each other to the final fusion, which can be found in trace from the railway branch line on the Yimianpo mosque. Yimianpo mosque was built in 1930, the Hall building has Russian and Chinese hybrid style, In the Russian architectural form there was a Chinese style hexagonal pavilion with appearance of novel and distinctive characteristics on the roof (Fig.31). The architectural color was also different from the traditional mosque, it used yellow color which follows the local Russian housing and the hexagonal pavilion was red in contrast to other regions of the mosque. This kind of architectural culture landscape reflected that the architectural language elements from different cultural area when faced in the collision and fusion process would often learned from each other and formed a new form in marginal culture region, and increased the new regional for mosque characteristics in Heilongjiang province.

Heihe mosque Harbin mosque Tartar temple Yimianpo mosque

Fig.28-31 reference of northeastern residence technology

Conclusion. In summary, we can see that the edge cultural origin influenced by China traditional architectural culture and foreign architectural culture was the main reason for the formation of the regional features of existing mosque in Heilongjiang province, differences of the mosque building cultural landscape in Heilongjiang province was also the physical manifestation of the essence of the culture of the mosque in Heilongjiang province, whereas it was also the regional characteristic of the mosque in Heilongjiang province. So we can say that the collision and integration between the old and the new culture, Chinese and Western culture, the central culture and the marginal culture produced the distinctive cultural landscape of the mosque in Heilongjiang province.

Bibliography:

1. Liu Min, Dong Zhengwei, Analysis of the Heihe Mosque under the influence of multi culture, Modern Decoration(Theory), 2013.7
2. Mo Na, Liu Daping, Analysis of cultural characteristics in Harbin city, Urbanism and Architecture, 2008.6
3. Zhang Chenglong, Han Ning, Decorative features of Islamic architecture in Northeast of China, Journal of Jilin Institute of Architecture & Civil Engineering, 2011.3
4. Zhang Yuhuan, Jilin folk houses, Tianjin University Publishing House,2009.9

Ван Сяоли, Лю Дапинг
jiuxiang1103@163.com; ldp_abc@sina.com
ХТИ, Харбин, Китай

ИЗУЧЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ЯЗЫКА МЕЧЕТЕЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МАРГИНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Абстракт – В провинции Хэйлунцзян расположены районы маргинальной культуры, характерными чертами которой является существующая архитектура мечетей. Данная статья, сочетает в себе исследования местности и историческую информацию, дает подробное толкование существующего архитектурного языка мечетей в провинции Хэйлунцзян, на основе архитектурной планировки, формы, наружной и внутренней отделке и т.д. В статье суммируются все особенности архитектурного языка мечетей в провинции, а также рассматриваются попытки понять причины появления собственного архитектурного стиля мечетей в провинции. Приводится анализ мультикультурного феномена, который характеризуется появлением различных архитектурных стилей с точки зрения маргинальной культуры для обеспечения ссылки для аналогичных исследований.

Ключевые слова: мечети в провинции Хэйлунцзянь; маргинальная культура; архитектурный язык; характерные черты

Васильева А. В., Косенкова Ю. Л.
VasilievAnna@bk.ru
НИИТИАГ РААСН, Москва, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ И ПРАКТИКА ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ РУБЕЖА 1930 – 1940-Х ГОДОВ

Абстракт – В данной статье автором проводится краткий анализ изменения социальных задач на протяжении первых трех пятилеток их влияние на архитектурную жизнь. Сопоставление социально-политической жизни страны и актуальных проблем в жилищном строительстве позволяет проследить эволюцию задач, над которыми работал архитектурный цех. Изменения, произошедшие в профессиональной жизни в конце 1930-х годов, и социальные задачи периода подтолкнули архитекторов к возвращению к некоторым идеям, зародившимся во второй половине 1920-х годов. Привлечение мастеров к массовому строительству позволило поднять жилищную архитектуру на качественно новый уровень. Краткий анализ практики строительства позволяет выявить и сопоставить разные творческие подходы к решению общих задач.

Ключевые слова: социальные задачи, архитектурные интерпретации, жилищное строительство, пятилетки.

История, как известно, развивается по спирали, и если мы хотим глубже осознать события современности, стоит заглянуть в прошлое архитектурной жизни нашей страны. Поэтому изучение истории советской архитектуры, в частности довоенного периода, когда были почти полностью сформированы принципы организации профессиональной деятельности и закреплено место архитектуры позади строительства, дошедшие до наших дней в почти неизменном виде, имеет непреходящую актуальность. Но любое исследование носит печать своего времени, что позволяет по-новому смотреть на те или иные исторические феномены. Создание целостной картины исторического этапа не может ограничиваться анализом выдающихся произведений, относящихся, как правило, к общественным сооружениям, выделением характерных стилевых направлений, соотнесением с мировым контекстом, но требует и тщательного изучения маргинальных явлений, в частности массового строительства, которое и составляет основной объем работы зодчих. Архитектура жилых домов отражает государственные установки, чаяния населения в области организации быта, уровень технического развития. Архитектурные интерпретации социальных задач включали в себя как общепрофессиональные представления, так и авторские предложения. Такой сложный подтекст, как отмечает Ю. Л. Косенкова [2, с 12-13], порождает исследовательские проблемы наслоения одного хронологического периода на другой при условии существования разнонаправленных концепций архитектурной деятельности, а так же общности, переемственности различных этапов. Социальные задачи рубежа 1930 — 1940-х годов и ответ на них архитектурного цеха находятся в центре внимания данной статьи.

1. Изменение социальных задач в жилищном строительстве Москвы 1930 — начала 1940-х годов.

Процессы, происходившие в архитектурной среде в 1930-х годах невозможно отделить от социально-политической жизни страны. Пятилетние планы развития народного хозяйства, определяли и хронологию событий архитектурной жизни. Установки, исходящие от партийного руководства, должны были отражаться во всех сферах общественной деятельности. Но задачи менялись не с переходом к новой пятилетке, а закладывались еще в середине предыдущего этапа, когда уже ясны были сложившиеся тенденции и необходимо было намечать пути их корректировки. В эту логику вписывались все ключевые события, определившие курс развития жилищного строительства Москвы в рассматриваемый период.

Постановление «О перестройке быта», вышедшее в 1930-м году, то есть в середине первого пятилетия, обратило взоры архитектурного цеха к удовлетворению насущных потребностей в области жилищного строительства. От создания концепций расселения и обеспечения организации обобществленного быта, творческая энергия была направлена к созданию жилищ, сообразных с реальными потребностями заказчиков и техническими возможностями. Параллельно формулировались социальные задачи на вторую пятилетку: повышение культурного уровня и улучшение качества жизни граждан, реконструкция быта, борьба с обезличкой. Задачей первостепенной важности, провозглашенной на июньском пленуме 1931 года, ставилось превращение Москвы в образцовый социалистический город. Именно эти требования, связанные в первую очередь с репрезентативной составляющей, определяли характер архитектурного творчества. Проектными мастерскими Моссовета, ведомственными проектными бюро разрабатывались проекты домов для специалистов и руководства, лучших рабочих и интеллигенции, для застройки первой линии, которые оформляли бы собой парадные магистрали. Перед архитектурой ставились в первую очередь эстетические задачи, отодвигая рациональность и экономичность на второй план. Недаром, именно в те годы появился термин фасадничество, обозначавший проекты, стремившиеся резко отмежеваться от аскетичной архитектуры периода 1920-х годов путем невероятного нагромождения деталей. Принятие Генерального плана реконструкции Москвы в 1935 году с одной стороны стало кульминацией масштабных процессов по перекраиванию города и очищению его от лишних, с точки зрения потребностей социалистической столицы, исторических напластований, а с другой стороны положило начало процессам, связанным с массовым строительством. Задача его скорейшей реализации вызвала необходимость перемен в организации процесса проектирования и форсированного развития строительной техники. Постановление, подписанное Н. С. Хрущевым в 1936 году «Об улучшении строительного дела и удешевлении строительства» открывало действительно новый этап советской архитектурной жизни. Пафос освоения новой техники, стахановские методы работы, новаторство, которые были социальными установками третьей пятилетки, провозглашенные партийными лидерами, стали фактически новыми задачами строительства. Непреходящую актуальность имела и пресловутая «сталинская забота о человеке», борьба за которую на всех фронтах усилилась после принятия Конституции в том же 1936 году. Новые установки развернули внимание архитектурной общественности не только в сторону реального строительства, но преимущественно к массовому его сегменту. Именно в этой области были сконцентрированы усилия советских зодчих на рубеже 1930

- 1940-х годов. Внимание к проблемам организации быта, раскрытие технических возможностей некоторым образом роднит тенденции первой и третьей пятилеток.

2. Трансформация предложений архитектурного цеха в области жилищного строительства первых трех пятилеток.

Более фундаментальными изменениями, существенно повлиявшими на всю отечественную архитектуру. Предопределяя пути ее дальнейшего развития, была эволюция творческой направленности советской архитектуры первых трех пятилеток. Подробно эти процессы, включая события, скрытые от глаз широкой общественности, анализируются в диссертационном исследовании А. Н. Селивановой, поэтому сосредоточим внимание лишь на проблемах жилищного строительства.

В период первой пятилетки выдвигались требования массового расселения, предельной экономичности, устранении жилищного голода и организации нового быта, который дал бы широким массам почувствовать реальные изменения, пришедшие с советской властью. И архитектурный цех давал ответ на эти задачи. Принципы расселения, новые типы жилых ячеек, организация коллективного быта, предельная рационализация стали главными темами архитектурных дискуссий в области жилищного строительства. Но многие концепции оказались слишком смелыми и далекими от простых и незамысловатых требований заказчиков и предпочтений потенциальных жильцов. Ключевым моментом было то, что концепции рождались внутри профессионального сообщества, которое предлагало организовать жизнь широких слоев населения сообразно со своими взглядами. Такая ситуация, с одной стороны, давала простор для творчества и полета мысли, рождавшей смелые предложения и яркие образы, с другой стороны, отдаляла архитекторов от насущных потребностей и реальных технических возможностей.

Как шаг на встречу массовым чаяниям, для снижения социальной напряженности. партийным руководством был провозглашен курс на изменение качества жилищного строительства, что потребовало и изменения стилистики. Жилищное строительство приобрело новый статус, став из фоновой застройки важным элементом реконструкции города. «Коробочный стиль» рубежа десятилетий был официально осужден и отвергнут, как примитивный и не отвечающий общественным запросам. «Едва ли существует другое искусство, более тесно, чем архитектура, связанное со всеми сторонами общественной жизни. Ведь дом, пусть он будет обыкновеннейшим жилым домом в Филях, - это социология, выраженная в бетоне и камне. Возможно ли создать дом для многих рабочих семей без точного здания их нового быта, привычек, стремлений» [3, с. 8]. Жилищная архитектура стала социальным инструментом, воздействующим на общество. Не только мастерские Моссовета занимались разработкой проектов, но и многие наркоматы имели собственные проектные бюро. Но строительная анархия приводила к распылению средств и односезонные стройки затягивались на несколько лет, а объемы финансирования многократно возрастали. В то же время работа с конкретным заказчиком давала архитекторам возможность творческого самовыражения, что вписывалось в установки борьбы с обезличкой.

Период третьей пятилетки принципиально отличался тем, что все требования спускались сверху, а архитектурный цех должен был четко следовать указаниям. Это существенно ограничивало творческий потенциал, но приближало архитекторов к реальной жизни. Профессиональное сообщество в своей работе должно

было ориентироваться не на будущее, а на реальные потребности. Социалистический реализм, окончательно провозглашенный на Всесоюзном съезде советских архитекторов в 1937 году как главный творческий метод, должен был во всех красках свидетельствовать о наступлении зажиточной жизни. Бурные дискуссии стихли, а отдельные высказывания сводились к общим фразам, вторящим партийным лозунгам. Архитекторы должны были стремиться максимально соответствовать массовым требованиям, а не поднимать культурный уровень масс. Несмотря на то, что при исследовании данного периода четко прослеживается перелом в 1937 году, а профессиональная жизнь делится на «до» и «после», в области жилищного строительства можно увидеть некоторую взаимосвязь идей первой и третьей пятилеток. Безусловно, произошло выхолащивание профессиональных интересов, а ключевые вопросы сместились из области поиска образов молодой советской архитектуры к техническим аспектам. Но именно в этом возросшем, хоть и принудительно, интересе к материалам, конструкциям и технике кроется возможность возвращения к идеям 1920-х годов, когда отсталая строительная база не позволяла воплотить новаторские предложения архитекторов. Разработка оптимального типа секции, рационализация жилой ячейки, использование новых материалов, выявление их пластических возможностей получили новое прочтение. Приоритетной категорий стало массовое строительство. Возвращение к типовому проектированию, фактически отмененному во второй пятилетке, позволило сократить сроки работы над проектом и обеспечить новоселов равноценным жильем.

3. Творческие подходы к интерпретации социальных задач в практике жилищного строительства Москвы рубежа 1930 — 1940-х годов.

В соответствии с новыми социальными задачами в третьей пятилетке и организацией профессиональной деятельности изменились и подход к проектированию жилых домов. Часть архитекторов в специально организованных мастерских занималась разработкой типовых секций для разных категорий строительства, а часть архитекторов занималась разработкой застройки магистралей. При этом авторы проекта того или иного дома фактически проектировали лишь фасад здания. Планировка соответствовала утвержденной типовой секции. Таким образом, жилищное строительство вернулось к практике массовой застройки второй половины 1920-х годов.

В центре внимания профессионального сообщества в конце 1930-х годов были поставлены проблемы массового расселения. Вновь потребовалась разработка новых типов жилых домов, экономичных планировок квартир. Архитекторы предлагали ячейки от 1,5 до 5,5 комнат, обеспечивающие расселение семей с различным составом и запросами. Новые планировки обеспечивали удовлетворение всех потребностей внутри квартиры посредством функционального зонирования и трансформируемой мебели вне зависимости от количества комнат. В жилые дома вновь стали вводится помещения для коллективных собраний и предприятий бытового обслуживания. Они должны были сохранять баланс между семейной и общественной жизнью. Таким образом, в конце 1930-х годов планировка здания, его рациональная организация, как и в первую пятилетку, оказалась в центре внимания архитекторов.

Несмотря на наличие единого метода соцреализма, четких требований к новой архитектуре не было сформулировано. «Одни думают, что социализм требует дешевого украшательства. Другие полагают, что социалистический человек может удовлетвориться убогим аскетизмом их примитивных проектов... Радостная архи-

тектура социализма должна быть правдивой. Поэтому эклектическая мешанина, отсутствие функциональной правды, правды конструкций и материалов, отсутствие художественной правды — это дефекты, уводящие нас от подлинно социалистической архитектуры» [1, с.3]. Эти требования были слишком литературны, что давало некоторые возможности для творческих интерпретаций, свидетельствующих о профессионализме архитекторов.

Наиболее влиятельной группой архитекторов в рассматриваемый период была команда молодых архитекторов, возглавляемая А. Г. Мордвиновым. Мастерская занималась застройкой улицы Горького — одной из главных магистралей города, и Калужской улицы, где отрабатывала скоростные методы строительства. Именно эти архитекторы принимали непосредственное участие в разработке концепции соцреализма в архитектуре. Трактовка новых принципов в их творчестве была слишком буквальна. На типовые секции одевались фасады, которые должны были транслировать ту или иную идею. Для улицы Горького была выбрана популярная «южная» стилистика, со светлой отделкой стен, растительным декором, изящными балконами. Огромные витрины образцовых магазинов должны были наглядно демонстрировать изобилие товаров и качество услуг. Характерное трехчастное деление фасада и имитация галереи на верхнем уровне были популярными приемами в жилищной архитектуре второй пятилетки. Таким образом, эта стройка, за исключением применения новых строительных технологий, демонстрирует продолжение тенденций жилищной архитектуры предыдущего этапа.

Другим творческим коллективом, оказавшим значительное влияние на архитектуру предвоенных лет была Проектная мастерская Треста блочного строительства, возглавляемая А. К. Буровым и Б. Н. Блохиным. Их работа основывалась на максимальном использовании новых строительных технологий, в частности строительстве из крупных блоков. В работах Бурова и Блохина, материалы стали играть ключевую роль в композиции фасада и образе жилого дома. Крупноблочные жилые дома на Б. Полянке были построены в 1939 году. Композиция их фасадов основана сопоставлении масштаба блоков стены и оконных проемов. Монотонность сетки перебивается расположенными в шахматном порядке балконами с обрамлением разной ширины. Фасад дома №4, который был построен первым, имеет трехъярусное членение небольшими карнизами. Это деление является характерным для всех жилых домов середины 1930-х годов. Фасад дома №3 этих членений уже не имеет.

Крупноблочный жилой дом на Ленинградском проспекте, построенный в 1941 году, представляет собой действительно новый тип массового жилища, отвечающий всем требованиям третьей пятилетки. На этаже, с одним общим коридором и двумя лестницами располагается 18 малометражных квартир от одно-, двух- и трехкомнатных квартир. Трехкомнатная квартира представляет собой принципиально новый тип, с круговой планировкой, где каждая комната соединяется с другими. Этот прием позволил экономить на коммуникативных пространствах квартиры и был вполне применим при посемейном заселении. Фасад жилого дома состоит из фактурных блоков, которые имеют масштабы простенка или междуэтажной перемычки. Глубокие лоджии так же забраны ажурными решетками. Таким образом, в фасад этого дома образуют сомасштабные друг другу, художественно обработанные конструктивные элементы. Высокая степень декоративности достигается не элементами декора, а переосмысления элементов, присущих жилому дому. Этот жилой дом был действительно новаторским типом массового строительства.

Ведомственное строительство, особенно таких организаций как Наркотяжпром и Наркомат Обороны, по-прежнему давало возможность архитекторам раскрыть свой творческий потенциал, насколько то было возможно в новых условиях. Наиболее выразительным примером может служить жилой дом на Смоленской площади, спроектированный в мастерской И. В. Жолтовского. Планировка дома построена по коридорной системе с малометражными компактными квартирами. Жилые комнаты и бытовые помещения сгруппированы так, что коммуникативное пространство остается минимальным. Несмотря на то, что этот прием на рубеже 1930 — 40-х годов был признан новаторским, подобный тип секции был применен М.В. Крюковым в 1928 году в доме в Подколокольном переулке. Отличием было наличие полноценного санузла в каждой квартире, и меньшее количество квартир выходящих в общий коридор. Качество работ в доме Жолтовского, в отличие от аналога 20-х годов, было на высоте, что заслужило отдельную похвалу руководства. Фасад дома соответствовал творческому кредо автора, и вместе с тем вписывался в требования третьей пятилетки. Его композиция построена на сочетании фактурной и гладкой обработки стен и ритме декоративных наличников, подчеркивающих движение к доминанте — башне. Благодаря гармоничному соотношению частей фасад здания смотрится уравновешенным. Отсутствие эффектных деталей, архитектурных украшений отвечает требованиям экономичности. Минимальными средствами, при высоком качестве работ, автор создал выразительный образ жилого дома.

Итак, жилищное строительство Москвы рубежа 1930-1940-х годов отражает социальные задачи третьей пятилетки: реализация генерального плана реконструкции Москвы и превращение ее в достойную столицу мирового социализма, стахановские методы работы, внедрение методов типизации и индустриализации, новаторство. Новые дома должны были транслировать в широкие массы идеи «сталинской заботы о человеке». Метод социалистического реализма, провозглашенный единственно верным творческим методом для архитектора, должен был поднять архитектуру на небывалые высоты и сделать ее доступной и понятной для всех слоев общества. Внимание к рациональной организации секций, оптимизация пространства квартир, выявление конструктивных и пластических возможностей новых материалов и технологий связывают архитектурные процессы первой и третьей пятилеток. Несмотря на официальную общую линию соцреализма, можно выделить несколько подходов к решению поставленных задач. Ряд архитекторов практиковал «архитектурную обработку» фасада типовой секции, ориентируясь на методы типизации и скоростного строительства. Другая группа архитекторов пытались выявить пластические возможности новых материалов, делая их основой композиции фасадов. Ряд архитекторов сохранили свой индивидуальный творческий почерк, пропорциями, декором, сомасштабностью композиции и тонко прорисованными деталями создавая новые образы столичных жилых домов.

Список использованных источников и литературы:

1. Косенкова Ю. Л. Четверть века изучения истории архитектуры советского периода в новых условиях. Что изменилось? / Косенкова Ю. Л. // ACADEMIA. Архитектура и строительство. - 2014. - №3. - с. 10 — 14.

2. Кригер Е. Обращение к архитектору / Кригер Е. // Архитектура

СССР - 1934. - №1. - с. 7 - 9.

3. Селиванова А. Н. Творческие поиски в теории и практике советской архитектуры 1930-х годов. : дисс. … канд. арх. : 18.00.01 / Селиванова Александра Николаевна. - М., 2009. - 252 с.

A.V. Vasilyeva, Y. L. Kosenkova
VasilievAnna@bk.ru
NIITAG, Moscow, Russia

SOCIAL TASKS AND PRACTICE OF HOUSING DEVELOPMENT OF MOSCOW DURING 1930-1940 YEARS

Abstract – In article the author examines the relationship of socio-political life of the country and the practice of residential construction. Changes in social tasks, coinciding with the five-year development plans of the national economy determines the change rate of housing architecture. The tasks that were set before the professional community spoke about the important social role of architecture. Socialist realism, which was announced chief creative method on the eve of the 1930's - 1940-ies had to bring architecture to the masses. Despite the overall creative direction architects differently treated the problem of the Soviet houses. Objectives of the third five-year plan, associated mainly with the development of construction machinery and Stakhanov practices have led architects to take a new approach to the design of residential buildings. A brief analysis of the practice of construction allowed us to identify several areas. The first group was literally reproduced the requirements of the lay public to new construction. Despite the introduction of new methods, they failed to create expressive images. Another group worked on understanding the features of construction materials and technologies, putting them in the image of the new housing architecture, free from artisanal decor. A number of architects continued to work within their own creative concepts, however, conforming to the General requirements, creating expressive images of Metropolitan architecture.

Keywords: social problems, architectural interpretation, housing, five-year plan.

Власова Е. С., Грин И. Ю.
laura.kovalt@mail.ru; grinirina@gmail.com
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ДЕПРЕССИВНЫЕ ГОРОДА. КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И ЭТАПЫ ПРОЦЕССА УГАСАНИЯ

Абстракт – Исследование посвящено проблеме возникновения заброшенных и угасающих городов, выявлению критериев определения депрессивности, причинам угасания, а также последовательности негативных процессов, производящих в регрессирующих городах. Депрессивность захватывает все сферы деятельности города, парализуя аппарат устойчивого развития. Как правило, в городах такого типа нарушается или блокируется большинство внутренних связей, что ведет к полному или частичному угасанию. Выявление городского дисбаланса на ранней стадии и применение правильно подобранной методики ревитализации, поможет своевременно предотвратить процесс деградации города.

Ключевые слова: депрессивность, депрессивный город, кризисный город, угасающий город, регрессирующий город.

Введение. Депрессивность - (от латинского depressio - подавление, подавленность) – процесс стадии деградации административно-территориальной единицы, характеризующаяся по сравнению с предшествующим периодом спадом производства, появлением безработицы, снижением качества уровня жизни населения и снижением в целом инвестиционной привлекательности. Сопровождается неспособностью самостоятельно (без помощи со стороны государства, извне) решить обостряющиеся деградационные проблемы затяжного кризисного типа.

Депрессивные города – явление, существующее уже более 2 тыс. лет, но все так же остро волнующий общественность и власть. Причины возникновения депрессивных городов очень разнообразны и зачастую обладают индивидуальным набором негативных предпосылок.

Критерии определения депрессивных городов. Для выявления депрессивных городов могут быть рекомендованы качественные и количественные критерии. Депрессивный город рассматривается в границах территории страны или субъекта федерации, в границах административно-территориальной единицы (города). Такой подход позволяет, с одной стороны, оценить остроту проблем города как части страны в целом, так и как части конкретного региона, так и на уровне органов местного самоуправления. Это дает возможность более объективной оценки ситуации, более целенаправленного выделения средств и оказание помощи, как со стороны федеральных, так и региональных органов. Достаточно типичными могут быть две ситуации: кризисный город в составе депрессивной территории (субъекта Федерации), кризисный город в составе относительно благополучной территории. В первом случае возможна поддержка федеральных органов, во втором — преимущественно региональных.

Для выделения кризисных городов могут быть рекомендованы качествен-

ные и количественные критерии. Критерии должны характеризовать устойчивые, длительные по времени процессы (не менее 5 - 10 лет). Число критериев должно быть жестко ограничено, но при обязательном условии, что они наиболее точно отражают депрессивные явления, иными словами, — играют роль наиболее информативных индикаторов.

Важным требованием является обеспеченность отобранных показателей регулярно разрабатываемой информацией и анализом данных. В качестве основных критериев выделения депрессивных городов рекомендуется выделение следующих показателей (рис.1):

1. Сокращение численности населения. Этот показатель отражает многие внутригородские процессы и является одним из индикаторов качества жизни, уровня дохода, экологической ситуации и других показателей. Данные по численности население ежегодно обновляется на государственных сайтах согласно переписи. Этот критерий необходим, когда за последние 3 года показатель сокращения населения вырос не меньше чем на 5 - 10 %.

2. Показатель валового регионального продукта (ВРГ) на душу населения. (млрд. руб.). Высокий уровень падения производства в стране и в регионах сигнализирует о растущей кризисной ситуации. Для определения депрессивности городов можно принять этот показатель ниже средних данных на 30% и более. Для большинства предприятий это значит остановку работы или даже банкротство, что влечет за собой массу негативных процессов.

3. Высокий уровень безработицы от общей численности населения на основании данных выборочного обследования. Падение показателей производства означает и сокращение значительного штата рабочих, а в кризисное время так вообще означает непременный рост безработицы (более 30 % от всего трудоспособного населения).

4. Показатель экологической напряженности. Этот показатель следует складывать из:

- Текущих затрат на охрану окружающей среды (млн. руб.),
- Инвестиций в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов (млн. руб.),
- Уровня выбросов в атмосферу загрязняющих веществ (тыс. т.),
- Уровня выбросов в атмосферу загрязняющих веществ от автомобильного транспорта (тыс. т.),
- Уровня выбросов в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников (тыс. т.),
- Уровня выбросов CO^2 (тыс. т.),
- Общего эколого-экономического индекса – индекс скорректированных чистых накоплений в процентном соотношении.

5. Показатель политической нестабильности. Для количественной характеристики этого показателя могут быть приняты масштабы миграции (массовый отток населения – рис.1) и соответственно — сокращение численности населения города. Для этого следует знать какое количество населения выехало, прибыло в регион и показатель естественного прироста и смертности. Мониторинг для выявления определенных закономерностей следует вести на протяжении не менее 5 лет.

6. Показатель качества жизни тесно связан с вышеперечисленными показателями, имея как сильнейшее влияние на них, так и зависимость. Складывается этот показатель из:

- Уровня доходов,
- Жилищных условий,
- Обеспеченности объектами социальной инфраструктуры,
- Уровня экономического развития,
- Безопасности проживания,
- Демографической ситуации.

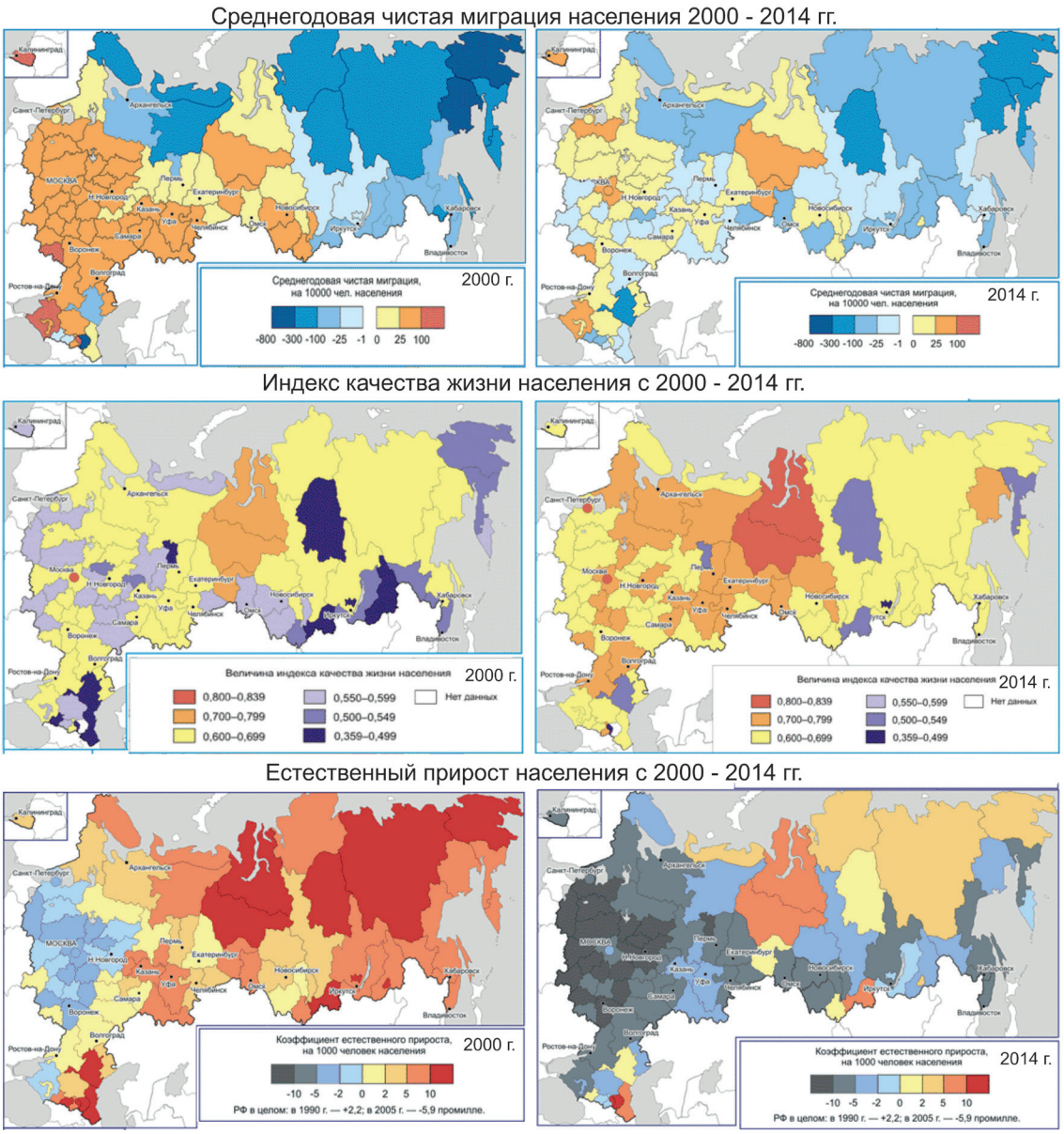


Рис. 1. Аналитические карты Российской Федерации в период с 2000 по 2014 гг.

Этапы депрессивности городов. Причины и последствия. Возникновение депрессивных городов обусловлено влиянием определенных причин. Из всей массы можно выделить 3 группы причин по характеру проявления:

- Антропогенная,
- Природно-климатическая,
- Экономическая- политическая.

Каждую из групп можно разделить на подгруппы по прямым причинам. В антропогенную группу входят города, павшие под действие техногенных ката-

строф, или угасшие из-за истощения сырьевых ресурсов. В Природно-климатическую группу входят города, заброшенные из-за разрушительных землетрясений, цунами, наводнений и других стихийных бедствий. К экономико-политической группе относятся города, пострадавшие под влиянием от кризисов, или военно-политических конфликтов. Сюда относятся города угасшие в последствии изменения региональной структуры (инфраструктуры), перенесением или ликвидации градообразующей функции или неудачным изменением политики развития города. Каждая причина подчиняется волновой системе следствий (рис. 2). Как правило, модели угасания имеют подобные причинно-следственные связи с закономерными последовательностями.

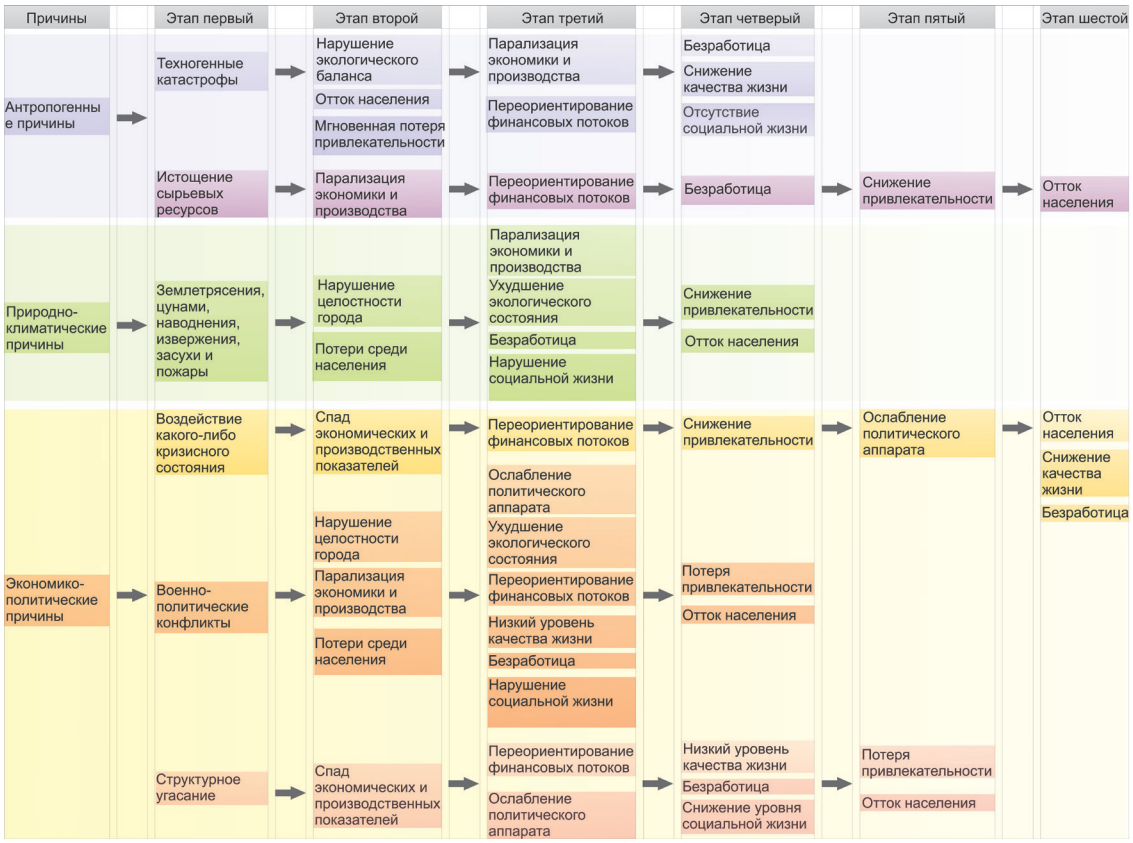


Рис.2. Схема цепочек причин и последовательных следствий угасания городов.

Для городов, находящихся в техногенной подгруппе на первом этапе характерно нарушение экологического баланса по всей территории, далее следует парализация экономических и производственных центров, мгновенный отток населения и переориентирование финансовых потоков. Привлекательность города, теряется сразу же с возникновением угрозы жизни населения (первый этап). Как известно, после большинства катастроф в город возвращается часть населения, и это происходит на следующем этапе. Возвратившемуся населению негде работать — рост показателей безработицы, колоссальное снижение качества жизни, отсутствие социальной жизни.

Истощение сырьевых ресурсов, очень распространенное явление среди угасших городов. Сразу после исчерпания происходит закрытие или консервация шахт, население теряет работу и причину остаться в городе. На этом этапе происходит парализация экономики и производства с последующим переориентированием

финансовых потоков, безработицей, и как следствие полной потери привлекательности города с значительным оттоком населения.

Процесс деградации городов от стихийных бедствий, схож с процессами при техногенных катастрофах. Зачастую, явления природы наносят, сильнейшие разрушения городу и несут за собой потерю большей части населения. На ряду с этим происходит парализация экономики и производства с последующим переориентированием финансовых потоков, безработицей, нарушением экологического состояния и социальной жизни города. И как следствие полная потеря привлекательности города с оттоком выжившего населения.

Кризисные города имеют другие механизмы угасания. Здесь процессы проходят более плавно и могут растягиваться на несколько лет. Так в кризисном городе в первую очередь происходит спад экономических и производственных показателей, далее переориентирование финансовых потоков. Далее следует снижение привлекательности города, ослабление политического аппарата, безработица, снижение качества жизни и отток населения.

Города, попавшие в зону военных действий, страдают от разрушений городской целостности, повышении смертности (более 30 %), и сильнейшего оттока населения. Параллельно, нарушается работа всех производственных предприятий и спад экономических показателей. Эти процессы влекут за собой ослабление политического аппарата, ухудшение экологического состояния, снижение качества жизни, безработицу и нарушение социальной жизни.

Структурное угасание городов имеет иную систему. Здесь все последующие процессы тесно взаимосвязаны с причинами угасания. В основном цепочка следственных связей на первом этапе связана со спадом экономических и производственных показателей, переориентирование финансовых потоков. Далее следуют: ослабление политического аппарата, снижение качества жизни, безработица, снижение уровня социальной жизни. Все это в итоге оборачивается постепенным спадом привлекательности и оттоком населения.

Заключение. Все выше перечисленные критерии являются главными индикаторами выявления депрессивных регионов. В составе депрессивных регионов всегда есть деградирующие или угасшие города, но стоит заметить, что они могут присутствовать и в благополучных, но, разумеется, в меньших количествах. Это может объясняется наличием притягательного города, который оттягивает населения с прилегающих территорий и поселений. На 2014 год в Российской Федерации из 85 субъектов приходится 45 депрессивных, из них 12 субъектов подвержены острому депрессивному состоянию. Из чего можно сделать вывод, что на уровне страны наблюдается затяжное кризисное состояние, сопровождаемое оттоком граждан в более благополучные города (г. Москва, С-Петербург и т.д.), или даже страны. Самыми депрессивными областями РФ можно считать: Архангельскую, Оренбургскую, Иркутскую, Мурманскую, Вологодскую, Волгоградскую и Кемеровскую. В этом же списке: Алтайский край, республика Саха, Забайкальский край и Приморский край. В городах этих субъектов срочно требуется проведение ревитализационных мероприятий с последующим мониторингом, анализом и курированием программ развития. Это возможно на первом и втором этапе деградации, но после третьего этапа, маловероятно так, как процесс является необратимым.

Список использованных источников и литературы:

1. Рио-новости [Электронный ресурс] // Эколого-экономический индекс регионов России URL: http://ria.ru/ecorating/ (дата обращения: 26.11.2014),
2. Рио-новости [Электронный ресурс] // Рейтинг регионов по уровню экономических потерь от смертности URL: http://www.riarating.ru/infografika/ 20141216/ 610640531.html (дата обращения: 19.12.2014),
3. Васильева А. Л. [Электронный ресурс] // «Депрессивные города Российской Федерации» URL: http://vasilievaa.narod.ru/mu/stat_rab/ books/mpsf/8-4.htm (дата обращения: 15.12.2014),
4. Clow.ru: Познавательный портал [Электронный ресурс] // Особенности урбанизации в России URL: http://www.clow.ru/a-russia/178.html (дата обращения: 14.12.2014),
5. Экологический портал [Электронный ресурс] // Модели устойчивого развития городов http://portaleco.ru/ekologija-goroda/modeli-ustojchivogo-razvitija-gorodov. html (дата обращения: 18.12.2014),
6. Гос-база. [Электронный ресурс] // Единая база официальных реестров Российской Федерации URL: http://www.gosbaza.ru/reestr_rf/ (дата обращения: 13.12.2014),
7. Мертвые города [Электронный ресурс] // Мертвые города, причины и последствия катастроф URL: http://dead-city.ru/techno/avariya_tokaymura/ (дата обращения: 18.12.2014).

Vlasova E. S., Grin I. Y.
laura.kovalt @ mail.ru; grinirina@gmail.com
PNU, Khabarovsk, Russia

DEPRESSED TOWNS. EVALUATION CRITERIA AND STAGES OF PROCESS OF EXTINCTION

Abstract - research is about the problem of occurrence of fading and abandoned cities. As part of the depressed regions always have degraded or extinct city, but it's worth noting that they can be present in both healthy, but, of course, in smaller quantities. It can be explained by the presence of attractive city, which has delayed the population of adjacent territories and settlements. In 2014 in the Russian Federation of 85 subjects accounted for 45 depressive where 12 subjects exposed to acute depression. From what we can conclude that at the national level there is a prolonged state of crisis, accompanied by the outflow of citizens in the more prosperous cities (Moscow, St. Petersburg, etc.), or even the country. The most depressed regions of the Russian Federation to be considered: the Arkhangelsk, Orenburg, Irkutsk, Murmansk, Vologda, Volgograd and Kemerovo. In the same list: Altai region, Republic of Sakha, Trans-Baikal region and Primorsky region. Cities of these subjects are urgently needed revitalization events by subsequent monitoring, analysis and curated development programs. It is possible for the first and second degradation stage, but after the third stage, so it is unlikely, as the process is irreversible.

Keywords: depression, depressive city, crisis city, dying city, town retrogressive.

Guaragna, Gianfranco
UT, Trieste, Italy

METAMORPHOSIS: CARLO SCARPA AND THE WATER OF VENICE. THE ARCHITECTURAL INTERVENTION ON THE PRE-EXISTENCES

Abstract - Carlo Scarpa's Venetian project perfectly succeded solving the delicate dialectic relation between the project and the site, instead of banaly recalling the architectural structures of Venice, relays on a more latent, almost subliminal reference.

This allusion appeals to the historic backgroud, thus it is not directly pointed towards one's individual cognitive capacities, but to the individual's subconscious perceptions that can evoque the essential implied connection between the sea wold and the Water City, a connection well carved in the collective memory and universally shared.

The bridge of the library Querini Stampalia is recognized as a modern structure, thus cut off from the typical historic venetian architecture, but in virtue of the statements above, it can certainly be perceived as a timeless and vague object as well as deeply familiar to the specific location.

Keywords: Carlo Scarpa, Venice, water, architectural, pre-exsistences

When speaking about the intervention on the pre-existences, transformation can't always be seen as a metamorphosis; for instance, a given manufactured good can take on a new "skin" and /or structure in order to assume not only a different shape, but also functions different from the ones it was originally meant to hold. However, there are instances when speaking about matamorphosis is legimitate, even necessary, considering the mix of wonder, surprise and magic that tacitely lay in the term itself and ineluctably refears to a universe of enchantement or to an oneiric world of fantasy.

Considering all the above, Carlo Scarpa's work on the restauration of Querini Stampalia in the early '60s seems like some sort of magic: he made a new entrance to the old venetian palace, from the water front, that was able to transform in a peculiar manner a simple window into an access, provided by a plainly fitting centering bridge made of iron and wood with brass inlays. (photo 1,2,3)

Photo 1

Photo 2

Photo 3

Scarpa's perfectly succeded attempt to solve the delicate dialectic relation between the project and the site, instead of banaly recalling the architectural structures of Venice, relays on a more latent, almost subliminal reference.

This allusion appeals to the historic backgroud, thus it is not directly pointed towards one's individual cognitive capacities, but to the individual's subconscious perceptions that can evoque the essential implied connection between the sea wold and the Water City, a connection well carved in the collective memory and universally shared.

The bridge of Querini Stampalia is recognized as a modern structure, thus cut off from the typical historic venetian architecture, but in virtue of the statements above, it can certainly be perceived as a timeless and vague object as well as deeply familiar to the specific location.

Connecting the campiello (small venetian square) and the palace, the bridge eases down effortlessly its elegant figure on a block of Istria rock set at the base of the entrance to the Foundation, allowing the access to the extraordinary spaces also projected by Carlo Scarpa for the venetian cultural association.

During the 1800s the XVI century palace was subject to interventions to the ground floor that altered the original configuration by creating a more scenographic environment with collumns and wooden linings; however, he manages to give back original architectural elements to the building, just like he did in many of his other works: "the byzantin master that lived by chance in the XX century (…) uses contemporary scripts to give voice to antique truths". (1).

Moreover, even if Scarpa keeps the container unchanged in regard to the content, he enriches the inside of the palace with a precious architecture made of "…fragmentary and "figurative" angles, drifted levels, water introduced to further dilute unstable forms…"(3), thus using shapes and materials to create a series of creative architectural inventions that heavely influence the overall disposition of the entire building. (photo 4,5,6,7,8)

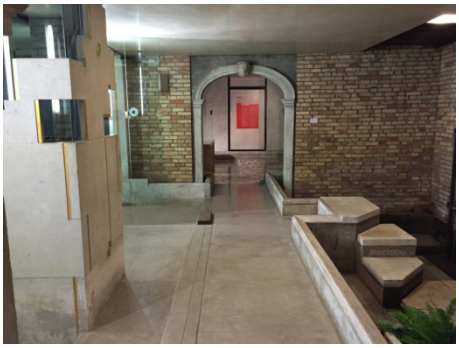


Photo 4

Photo 5

Photo 6

Photo 7

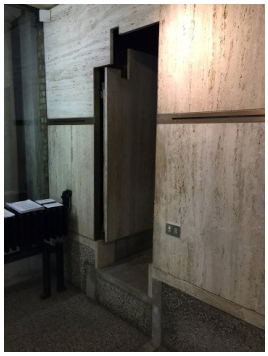


Photo 8

The most important allusion of this work needs to be searched for in the idea of water; in other words, it needs to be dug up in the simple but genious intuition to open up to this element of nature, letting it become a part of the whole and glorify a hidden world made especially to embrace it. (photo 9,10,11)

Photo 9

Photo 10

Photo 11

As a result, water turns into the main focus of the project becoming the protagonist in the story of an oneiric Venice, narrated by it's essential marbles, stones and finely crafted plasters; Tafuri says Scarpa uses "…(definetly) " much too full " words…" (4), but the wise use he makes of them reveals the poet.

The window's metamorphosis that counterpoints the magic of the entire project, must not be considered as an isolated case within Scarpa's portfolio. Another example lays in the splendid transfiguration he was able to make for the entrance to the Università IUAV of Venice: the way he manages to turn the antique door to the ex convent of Tolentini, made of Istria stone, into a suggestive water pool, seems like magic. (photo 12,13,14,15)

The portal's original function get's completely altered by being positioned horizontaly on a concrete spot high map within which the pool was carved. This pool is animated by a series of small steps, also made in concrete, that flow all aroud it's inside descending towards the bottom, proceeding according to a strict geometry, entirely free from the portal's outline. This last mentioned architectural motif holds a vague allusion to a wrightinian theme and although it could be considered as one of the most noticeable elements of his work, in our opinion it represents one of the less interesting; nevertheless, it is a theme that Scarpa employs frequently, as can be seen on the facade of the esternal wall and in the use he makes of it in almost all of his projects. Without further digging into the posthumous works, that are unavoidably accompanied by controversies and debates I won't further discuss since they fall outside of the subject at matter, we can establish that the great invention of this project is undoubtedly the idea of metamorphosis whose subject is the portal.

Between 1966 and 1978 (the year of his death) Scarpa elaborates three different projects for the entrance to I.U.A.V. (5) but the only thing that remains unvaried in these various solutions is the notions of the 'pool-portal'; even if this is indeed the real architectural transgression, it is paradoxically proven to be the most harmonious and less shattering part of the project.

Photo 12

Photo 13

Photo 14

Photo 15

As a matter of fact, Scarpa solves the issue of the real entrance by balancing a sliding gate with a heavy plate of Istria stone, a solution that seems overmuch when compared to the pool (photo 16,17).

Photo 16

Photo 17

This is a risk the venetian master often takes: the attention he gives to details in his works can be excessive to the point where it translates into a mere artistic exibition of an artisan's virtuosity. As a result, in many projects the "monument" of the functional element , be it a joint or a radiator, besides serving it's purpose, appears sickening. (photo 18,19)

Photo 18

Photo 19

It is fair to conclude that the result of the new architectural configuration obtained from the relation between the existing and the many superstructural components that compose a transformation,that can alter the disposition of the work or that of the pre-existing setting, is completely independent from the entity of the intervention and the nature of the materials.

One must admit that although the inside and the outside of a building are generally the result of only one process of composition that begins to take a certain form during planning, given new requirements, both sides can be subject to further changes that can alter the good at hand to the point where they constitute exemplar architectural works.

This type of intervention is generally knows as 'creative restoration', but it actually belongs to the world of architectural composition. The accurate work of critical rereading of the existing intends to find the qualities, the expression of the shapes and the hidden equivalences between the single parts and the disposition of the ensemble of a work; it outlines a concept of space and architecture different from the previous one, but it also creates a system of paths, a new configuration of the spaces, of the decorative setup or of the overall aspect of a good and it can push towards an interpretation of the object till the complete denial of the pre-existing distributive, formal and ornamental aspect in order to reach results that can sometimes be considered more interesting than the ones the original architectural complex held. When this happens, the outcome amounts to an assembly of various elements that combines through the perspicuity of the differential lines. The old and the new fuse together without being blurred, but the result cannot be ascrived to the universe theorized by Robert Venturini, an universe that sees the existence of an " and – and " architecture drastically counterposed to that of "either- either"(6); as opposed to this theory, Kraus' famous aphorism materializes in the pertinence of the architectural intervention:

" if a thought can live in two forms, it will never feel as good as two thoughts that live in one form alone". (7)

Notes

1. Manfredo Tafuri , Storia dell'architettura italiana 1944-1985, Torino, Piccola biblioteca Einaudi, 1997, p. 142

2. " In every building, the container is the wall case, the content the internal space."
3. Bruno Zevi, Saper vedere l'architettura – Saggio sull'interpretazione spaziale
4. dell'architettura, Torino, Giuluo Einaudi Editore, 1956, pag. 24
5. Manfredo Tafuri, cit. op. p. 141
6. Ibidem p.141
7. The first project dates back to 1966, the second one, a variation of the previous, dates back to 1972, while the last one, on which Scarpa works during the last two years of his life, left unfinished, is essentially an ulteriour re- elaborated version of the ideas in the first two.
8. Robert Venturi, Complessità e contraddizioni in architettura, Bari, Edizioni Dedalo, 1980
9. Karl Kraus, Detti e contraddetti, Milano, Adelphi, 1982, p.218

Гаванья, Джанфранко
УТ, Триест, Италия

МЕТАМОРФОЗА: КАРЛО СКАРПА, АРХИТЕКТУРНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В СУЩЕСТВУЮЩЕЕ И ОТНОШЕНИЯ С ВОДОЙ

Абстракт - Карло Скарпа в своих венецианских проектах нашел возможность решения деликатного диалектического взимоотношения между разрабатываемым объектом и его окружением. При этом архитектор не стремился предложить простое перенесение венецианских архитектурных форм в создаваемый проект, а наоборот, опирался на практически неуловимое, скрытое, почти подсознательное. Только ссылка, упоминание, то есть опора на историческую память, без адресации к прямому индивидуальному опыту познания, а наоборот, к бессознательному ощущению каждого; всё что действительно способно вызвать у отдельных индивидов эти неописуемые внутренние отношения сохраняемые в коллективной памяти и, следовательно, универсально разделяемые между миром моря и воды, и городом на море. Например, мост Кверини Стампалия (Querini Stampalia), который Скарпа реализует в начале шестидесятых годов, в силу всего вышесказанного, на практике может быть объективно признан как современный проект и, поэтому формально должен быть разделен от исторической венецианской архитектуры, однако безусловно будет бессознательно восприниматься как «вечный, исторический объект», как гармонично включенный в контекст определенного места.

Ключевые слова: Карло Скарпа, Венеция, вода, архитектурные, подсознание.

Головей Е. А., Дорофеева Н. Н.
cocatrise@mail.ru; artdnn@bk.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

КАМЕНЬ В КИТАЙСКИХ САДАХ. КОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Абстракт - В статье рассматривается роль камня среди других ландшафтных элементов в классических китайских садах. Целью исследования является изучение опыта композиционного построения китайских садов. Объект исследования – сады, парки и локальные композиции с природным камнем. Предмет исследования – камень как принципиальный отличительный элемент ландшафтной композиции китайского сада.

Ключевые слова: камень, садово-парковое искусство, Китай, композиция, каменные горки.

Введение. Садово-парковое искусство Китая насчитывает более двух тысяч лет. Его оригинальность и красота издавна стали предметом подражания не только в соседних регионах, но и в Европе. Однако разница в менталитетах и философии негативно отразилась на попытках привнести китайский опыт в европейское ландшафтное искусство. Специфика китайского сада сформировалась под влиянием многих факторов, из них можно выделить три основных: политические ситуации на различных этапах развития государства, характеры природных ландшафтов Китая и индивидуальные особенности национального характера.

1. Исторические этапы развития каменных композиций

Первым историческим этапом является эпоха династий Цинь и Хань, (221 г. до РХ – 220 г. после РХ). Это время первостепенной значимости и могущественности императорской власти. Одним из символов могущества являлись императорские парки, охватывающие большие территории, с возведенными на них крупномасштабными ландшафтными объектами. Основным принципом при построении парков был принцип заимствования природных пейзажей. В них впервые появляются каменные горки, приближенные по масштабу к природным доминантам рельефа [4].

Вторым этапом можно считать династию Северной Вэй (220 – 265 гг.). Идеи и принципы даосизма и буддизма в это время становятся обязательными составляющими сада. Раздробленность страны и дестабилизация политической системы существенно повлияли на отношение людей к парковому искусству. Теперь садово-парковые композиции располагаются преимущественно при частных чиновничьих усадьбах и призваны, в первую очередь, служить средством гармонии с природой, отразить внутренний мир и философию владельца усадьбы. Масштаб композиций существенно уменьшается, однако основным принципом создания сада все еще является максимальное сходство с реальными природными образами.

В период правления династии Тан (618 – 907 гг.) восстанавливается единство Китая. Сильное развитие получают поэзия, проза и садовое искусство.

Поэтические образы в это время сильно влияют на восприятие природы человеком, идет формирование идей идеального образа сада. Впервые камни используются и как самостоятельные ландшафтные объекты, такой прием можно встретить исключительно в китайских садах. Камень символизирует близость гор, древности, сокрытой в них [4].

После династии Тан примерно пятьдесят лет правят пять династий, в Китае постоянные политические перевороты и раздробленность. При династии Северной Сун (960 – 1127 гг.) восстанавливается единство империи, экономика страны развивается, увеличивается количество городов [2]. Для этого времени характерны: стремление к систематизации знаний, создание множества обзорных трудов по архитектуре и устройству садов, постоянные поиски идеального образа сада через живопись и поэзию. В этот период выходит первая «Книга о камнях», в которой объясняются принципы расположения в парках и художественном взаимодействии с другими элементами. Камень приобретает особый символический смысл, ему приписывают магические свойства и отдают множественные роли в садовом пространстве. Сохранившимся до наших дней примером сада Северосунской династии является Павильон Голубой Волны (Чанлантин), построенный в 1044 г. в городе Сучжоу. Многочисленные каменные горки и холмы, выполнены максимально естественно, имитируя горы.

При правлении династии Южная Сун (1127 – 1279 гг.) множество богатых городских жителей бежало на юг, в г. Линьань (ныне Ханджоу). Мягкий климат и потрясения после краха Северосунской династии повлияли на сознание людей, человечные жизненные представления заменили концепцию «космической» беспредельности мира [3]. Сад становится местом постоянного времяпровождения, развитие получают садово-парковые ансамбли и пейзажные сады [7].

В 1279 г. Китай оккупируется монголами почти на девяносто лет. В это время архитектура и ландшафтное искусство возвращаются в монументальности и крупномасштабности [3].

Четвертый этап. Наибольшее количество памятников ландшафтной архитектуры Китая сохранилось со времени правления династий Мин (1368 – 1644 гг.) и Цин (1644 – 1911 гг.). В это время формируется два основных направления садово-парковой архитектуры. Первое, южное, характеризовалось свободной и изящной планировкой садов, разбитых на малых участках в усадьбах богатых чиновников. Северное представлялось императорскими парками Пекина, расположенными на обширных территориях и высоких холмах [3]. Пространства садов тесно взаимодействовали с архитектурой, сам сад имел свою художественную идею. Природные мотивы играли роль главных или второстепенных героев, наблюдать за которыми стало возможно из-за получившего широкое распространение «внутреннего панорамного вида» [5]. Каменные композиции в этот период отличаются особенным разнообразием. В г. Сучжоу сохранились яркие примеры классических китайских садов того времени: сад Скромного чиновника (Чжочженъюань), сад Хозяина рыбацких сетей (Ваншиюань), сад Львиной пещеры (Хуаньсюшаньчжуан) и т.д. [3].

2. Приемы, используемые в построении локальных ландшафтных композиций из камня

Сад, расположенный внутри города, не мог занимать большую территорию,

строгое нормирование отводимых участков соблюдалось в Китае еще со времени правления династии Хань [5]. При Минской империи получили распространение пристраиваемые к усадьбам участки. Каждый такой участок дорого обходился владельцу, нередко площадь его была невелика, поэтому особенное развитие в приусадебных садах получили локальные композиции из камня. Вид экспозиции зависел от точки восприятия в саду и назначения композиции. Она могла фиксировать вход, сопровождать посетителя парка вдоль транзитов, быть «организатором» внутреннего пространства отдельных садов, восприниматься как картина или скульптура. Среди локальных композиций чаще всего встречались следующие типы:

Линейные сопровождающие композиции составлялись по нескольким осям, имитируя естественную природную среду. Расположенные вдоль дорожек и лестниц они состояли из небольших и средних по размеру камней (рис. 1, 2).

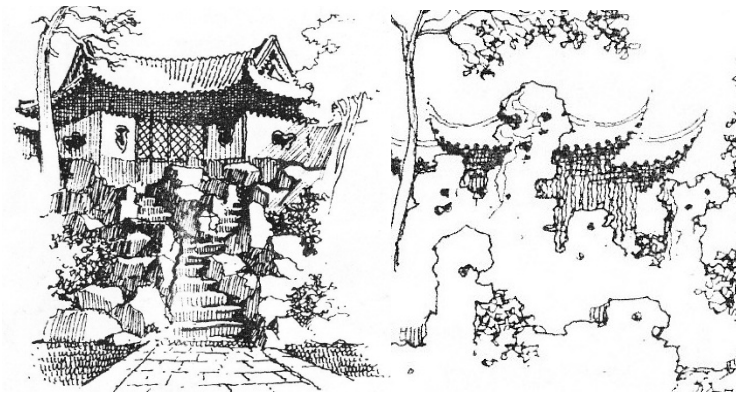


Рисунок 1. Примеры линейных сопровождающих композиций

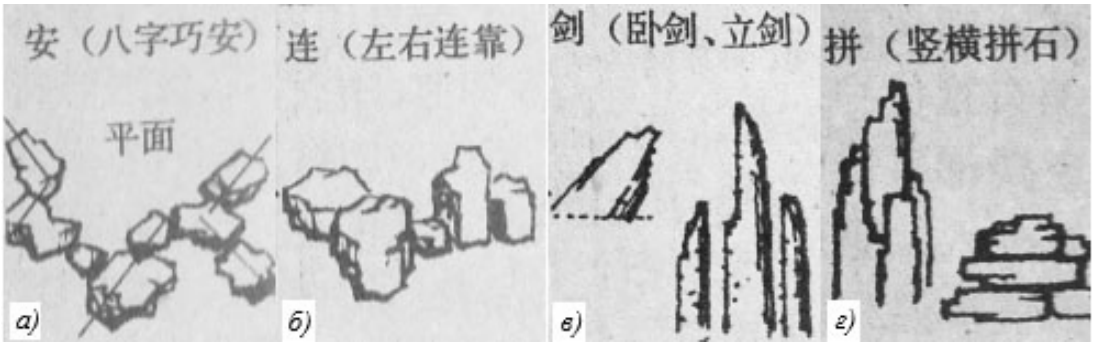


Рисунок 2. Примеры композиций: а) линейной, б) периметральной, в) точечной, г) презентативной. Фотография; музей сада Хозяина рыбацких сетей (Ваншиюань) 2014г.

Периметральная композиция включала в себя: пейзаж гор на горизонте; скалы, в том числе с гротами и тоннелями; горные гряды. Вокруг водоемов размещались композиции из нескольких камней для лучшего сходства с естественным каменистым берегом, а также для имитации каменистых островков.

Точечные композиции применялись на углах и поворотах дорог могли стоять одиночные средние и крупные камни, дополняющие общую структуру сада. У входа и выхода ставились одиночные камни с высеченными на них иероглифами.

Презентативные композиции, в которых камень играл роль скульптуры, являются самыми разнообразными в садово-парковом искусстве Китая. Они могли располагаться: в естественной природной среде, во внутреннем дворике, вдоль галереи, вдоль дорожек, на газоне и на покрытии, на постаменте или подносе. Рас-

положение каменных композиций в саду во многом зависело от правил фэншуй и природных особенностей территории [6].

Построение презентативных композиций в зависимости от точки восприятия: статичная и динамичная композиции с возможность обозрения с угла, фронта или с нескольких сторон, по кругу (рис. 3).

Рисунок 3. Пример Организация внутреннего пространства самостоятельных композиций

Картинные композиции всегда наблюдалась через раму оконных и дверных проемов. Среди них можно выделить: фиксированную, обзорную и композицию, воспринимаемую в движении (рис. 4). Большая их часть имела многоплановую структуру.

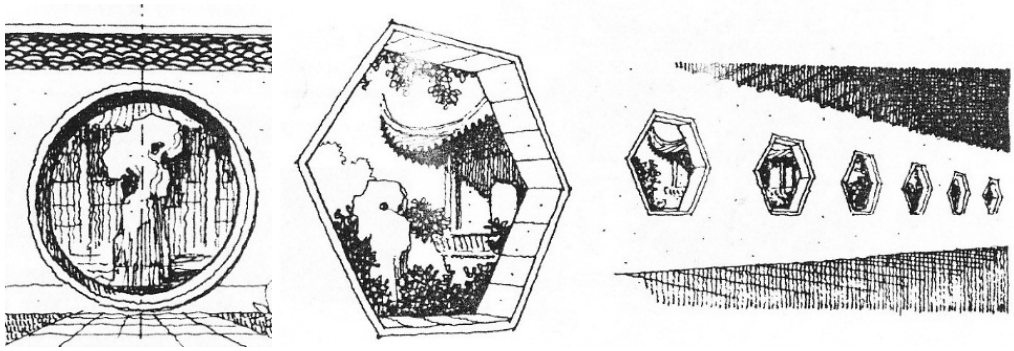


Рисунок 4. Примеры картинных композиций: фиксированная симметрично и ассиметрично ориентированная, воспринимаемая в движении

Презентативные композиции состояли из комбинации камней с растениями, с деревьями, с водными элементами и малыми архитектурными формами. Они могли иметь как один, так и несколько воспринимаемых планов.

Форма и фактура камней. Сходство камня с горными массивами выражается через фактуру и форму. Ценность камня в древнем Китае определялась в первую очередь естественностью его происхождения. Наиболее ценными считались камни, поднятые со дна озера Тайху, кремниевые монолиты с горы Куньшань в провинции Цзянсу и темные сталактиты из уезда Инчжоу в южной провинции Гуандун [7]. Такие камни старались расположить в среде, естественной для камня, так камни, имеющие пустоты внутри, располагались посреди озер, на ровных площадках, для улучшения циркуляции энергии в пространстве. Из монолитных камней сооружали искусственные горки, располагая их ближе к кабинетам чиновников.

Обязательным условием при подборе камней являлась однородность их

структуры. Так композиции собирали в зависимости от цвета камня, создавая сады осени, зимы, тигра и т.д. [8]; от возникающих в сознании ассоциаций: камень-луна, черепаха, шляпа, дерево, гора, волна; от возможной бытовой функции: камень-комната, стол, ступень, ширма [1]. Растения в таких композициях лишь дополняли основной образ.

3. Интерпретация традиционных форм в современном Китае

Традиционные бытовые элементы сада меняют свою прямую функцию на декоративную и становятся своего рода условно - знаковыми символами (рис. 5). Ранее усадебный сад создавали с эффектом вечности, состаривая природные элементы, для того, чтобы посетитель чувствовал полное единение с истинной природой. Сегодня же прослеживаются явные изменения, связанные с заменой естественных материалов на искусственные. Сад скорее произрастает в городском пространстве, частично поглощает его. Если раннее в классических китайских садах все элементы располагались «хаотично», подражая природным законам, а принцип линейного построения элементов отвергался в первую очередь, то сегодня происходит синтез прямых и хаотичных элементов (рис. 5, 6).

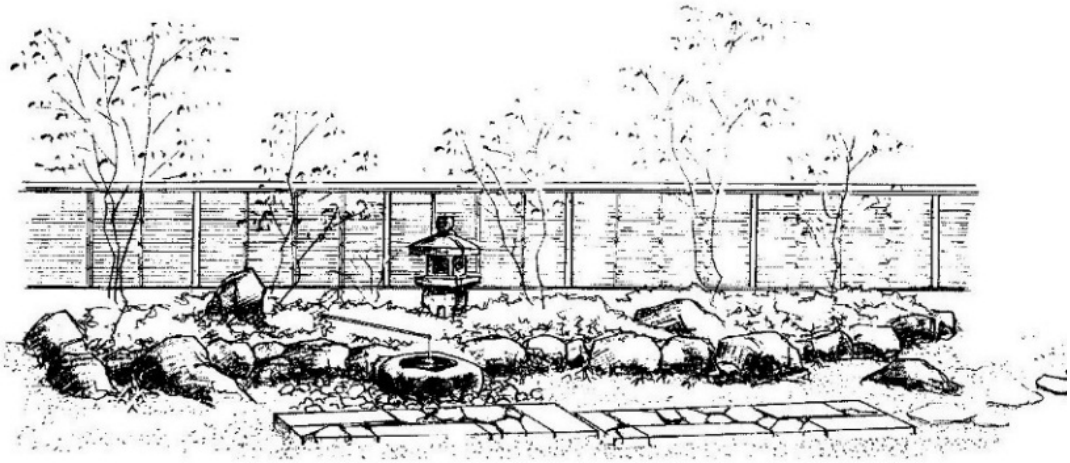


Рисунок 5. Пример современного китайского сада

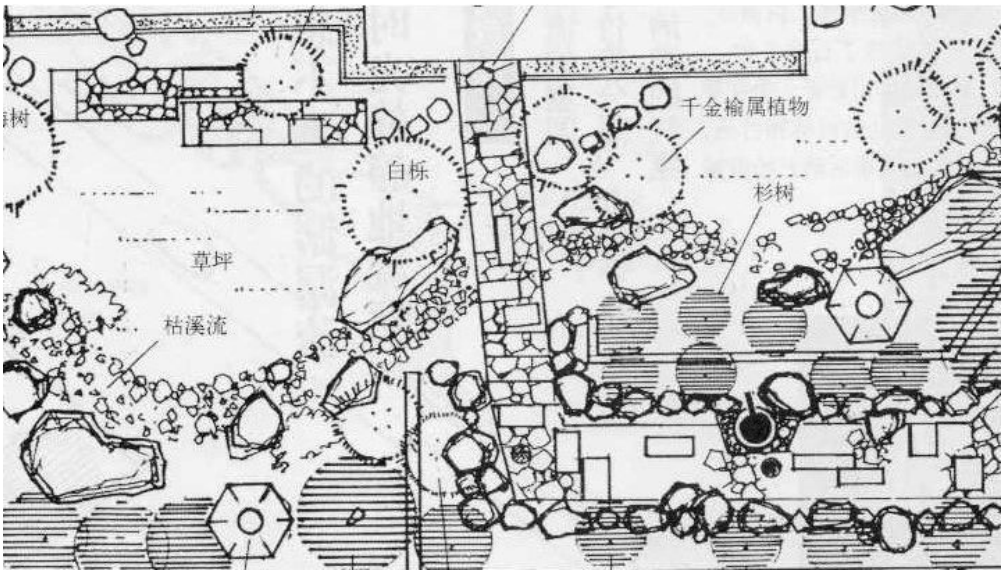


Рисунок 6. Пример фрагмент плана современного китайского сада

Заключение. На основе проведенного исследования выявлены следующие принципы построения композиций с камнем в китайском саду:

- масштаб локальной ландшафтной или каменной композиции соразмерен пространству;
- традиционные образы-символы стилизованы. Композиция выполняется из материалов однородных между собой;
- применяемые материалы либо натуральны, либо имитируют природные;
- в построении композиции отсутствуют острые углы и прямые линии;
- искусственные и природные элементы никогда не используются в равном количестве;
- тематика китайского сада подчеркивается за счет синтеза естественных и искусственных геометрических форм;
- использование традиционных понятных образов-символов при проектировании;
- традиционный фон (белые стены и перегородки) могут заменяется рядом подчеркнуто ровно подстриженных растений, ширмами из бамбука либо стенками, оформленными камнем и изогнутой черепицей;
- все современные элементы так или иначе напоминают основные составляющие природы: гору, дерево, водную гладь, луну(отражение), поэтому гармонично вписываются в пространство сада;
- территория, отведенная под сад, используется по максимуму независимо от размера участка [9, 10].

Наиболее характерной чертой китайского ландшафтного искусства является использование камня, его особая значимость и многоролевое назначение в формировании композиционной структуре сада. Современные сады следуют историческим традициям. Урбанизированная среда повлияла на отношение к садово-парковый пространствам и к камню в частности. Сегодня прослеживается тенденция перехода от сложных, перенасыщенных композиций из камня к более стилизованным и лаконичным формам.

Список использованных источников и литературы:

1. 王其钧主编 «中国园林图解词典» (Чжунго юаньлинь туцзие цидень), Ван Чи Цзюн. Иллюстрированный словарь традиционных китайских садов - Пекин.: Китайская печатная компания, 2007. - 305с. [на кит.] ISBN 978-7-111-20563-0
2. Васильев Л. С. «История Востока Т.1» - Москва: Издательство «Высшая школа»; 1998 ISBN 5-06-002909-3
3. Виноградова Н. А. Китайские сады. – Москва: Издательство «АРТ-РОДНИК», 2004. – 207с. ISBN 5-9561-0046
4. Лоу Чинси. Десять этюдов по китайской архитектуре. – Москва: Издательство Ассоциации строительных вузов, 2009. – 208с. ISBN 978-5-93093-671-1
5. Лучкова В. И. История китайского города. Градостроительство, архитектура, садово-парковое искусство. – Хабаровск, Тихоокеанский гос. университет, 2011. – 441с. ISBN 5738910117
6. Лучкова В. И. «Особенности классической садово-парковой культуры Китая» // Новые идеи нового века - 2012 = New Ideas of new century : материалы Двенадцатой междунар. науч. конф. ИАС ТОГУ : [в 2 т.] Т. 1. - Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2012. – 659с. [123-130]

7. Новикова Е. В. «Человек и Природа в духовной культуре Востока» - Москва: ИВ РАН: Крафт, 2004, с. 397-417 ISBN 5-93675-068

8. 彭一刚 «中国古典园林分析» (Чжунго гудень юаньлинь феньси), Пэн И Ган, «Анализ традиционых китайских садов» - Пекин: Китайское строительно-промышленное издательство. 1998. - 106 с. [на кит.] ISBN 7-112-00360-1

9. «花园别墅造园实例图册3, 小庭园» (Хуаюань бешу цзаоюань шилиту-цэ. Саньшаотхинюань). «Реализованные проекты приусадебной садово-парковой архитектуры 3, сады» - Пекин: Издательство «Архитектура Китая», 2002, с. 159 [на кит.] ISBN 7-112-05241-6

10. 《绿色庭园设计经典》编辑组编 (Люйсэ тинюань шецзи цзиндень беньцзи цзубень) «Классика устройства зеленых усадебных садов» сборник примеров – Шеньян: Научно-техническое издательство Ляонинь, 1999, - с.103 [на кит.] ISBN 7-5381-2731-3

Golovei E.A., Dorofeeva N.N.
cocatrise@mail.ru; artdnn@bk.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

STONE IN CHINESE GARDENS. COMPOSITIONAL ANALYSIS

Abstract - In the article examines the role of stone between other landscape elements in classical Chinese gardens. The aim of the research is to examine the experience of composite construction of Chinese gardens. The Objects of research are gardens, parks and local composition with natural stone. The subject of research is the stone as a principled distinctive element of the Chinese garden`s landscape composition.

Keywords: stone, landscape art, China, composition, rockery.

Danilov I. A.
iadanilov@mail.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

THE FAR EASTERN FRAGMENT OF GLOBAL SPATIAL AND GEOGRAPHIC TREND OF URBAN SETTLEMENT

Abstract - Global urban settlement in historical time was experienced two spatial and geographic spread trends:

1. agricultural trend when civilizations emerged and developed in the large rivers valleys in the latitude band of 230 – 400 N;
2. industrial trend was accompanied by the formation of the common global economy.

In both cases outermost geographic limits of spatial spread were the coasts of Pacific Ocean. In addition, urban settlement is developing thank to social consolidation of Mankind from sustainable inter-tribe union to conglomerate of inter-nation societies

(empire) till today. Both social and geographic trends of the global urban settlement can determine the status and role of any society is assimilated into civilizational process. The pacesetting role of many Far Eastern countries in the world economy, culture and politics indicates an alteration in the established in the recent past statuses. Indeed, the social and geographic trend is accompanied by migration of the center of total civilizational area: from Schumer through Eastern Mediterranean and Rome. Thank to Age of Discovery there were appeared industrial cities and societies in the Pacific region. The states located on the band of Pacific Ring, firstly in the Far East of Eurasia, claim on the role of a new center and a leader of a new stage of the global urban settlement. Today the outward expansion is completed. The next step is inner expansion. Also the social trend in the next stage leads all local societies to creation of the common planetary community – The Humanity.

Keywords: global urban settlement, conglomerate of societies, center of total civilizational area, global urban planning system.

Introduction. The global nature of urban settlement is indicated by the following facts:

- already in the XX-th century all areas of the globe except Antarctica which has a special international status are under the jurisdiction of an any state (historically the state form of society was arisen together with the cities – the first city known for historical science was the Sumerian city-state);
- the preexisting and functioning of the universal global transport system as a global infrastructure of the global settlement system [1];
- urban settlement is gone after the physical diffusion of Mankind on the planet, the global nature of which is already an indisputable scientific fact [7];
- spatial and geographical continuity of appearance of cities on the outskirts (frontier) of urban settlement area in different historical periods and the sequential expansion of the civilization area at the same time.

The result of urban settlement became the creation of the global urban system as a material and spatial sphere of humanity, built in the landscape sphere of the Earth. It's a buffer between noosphere is creating by humanity and other spheres-components, such as: the lithosphere, hydrosphere, atmosphere and biosphere.

Global urban planning system can become the object of scientific research at the same time as the theory of urban planning can overcome the framework of applied scientific discipline focused on the theoretical justification of the practical design of settlement systems [3]. The powers of the customer of such projects cannot overreach out concrete borders. Urban planning theory was appearing in the industrial period of development of society and had developing together with the expansion of the material and spatial industrial upgrading of settlement systems has formed an adequate theoretical apparatus to investigate the subject of any scale level, even going beyond the territorial limits of state.

Already international urban development initiatives – the so-called "road maps" – come to life. City planners are involved in projects in other countries – outside of their own one. The modern trend has been the development of cross-border areas. Deepening of these processes lead to the formation of an unified theoretical apparatus for understanding the various participants of inter-state urban planning activity.

All of this points out to the fundamental prerequisites for establishing the foundations of the theory of city planning [3].

1. Social Trend. Most important to understand that the formation, operation and development of all national city planning systems is a part of one whole global city planning process. It is necessary to overcome the narrow-minded state approach because in the historical time the state is unstable discrete unit. On the territory of one urban planning system taking into account all of its transformations are existing different states – each one in its time. States are also experiencing large-scale transformations. While states are discrete urban systems are stable and continuous. But both of them are social and territorial systems.

The study of the social component of these systems has given a vision on the continuity of the process of social and territorial development of Mankind as a whole (Table 1 [4]). The planetary sociosphere is complex and structured system is developing "horizontally" expanding its territorial limits and "vertically" forming a hierarchy of territorial sociums. There is a social and territorial enlargement of Humanity thank to the involvement of primitive societies to civilization and consolidation of "one kind" societies [6] into the new one. With the formation of the new social and territorial system been larger by contrast with initial components the former state borders are transformed into internal administrative-territorial one. Accordant to Table 1, in the historical past this transfiguration has always happened.

Table 1. The evolutionary series of social and territory systems in order to the stages of forming of territorial levels of urban systems

#	Areal Scale	Phase	Historical Example	Social Scale	Political Scale
1	District	1	Eridu, Uruk, Ur	Inter-Tribe Union	CITY–State
2		2	SUMER: Ur + Uruk + Lagash + Kish + Nippur + …	Conglomerate of Inter-Tribe Unions	System of City-States
3	Region	1	Egypt, Akkad, Assyria	Nation	Nation-State
4		2	MESOPOTAMIA: Babylonia + Assyria + Syria + Urartu + Elam + Midia	Conglomerate of Nations	System of Nation-States
5	Continent	1	Persia, Macedonia, Rome	Inter-Nation Union	Empire
6		2	MEDITERRANEAN EMBRANCHMENT: Carolingian Empire + Byzantium Moscow Russia + Arabic caliphate + France + Great Britain + Russia + USA + USSR	Conglomerate of Inter-Nation Unions	System of Empires
▼	Zone Sub-Globe	▼	Global NORTH + Global SOUTH	International Fellowship	United Nations Organization
7	Globe	1	PLANETARY CIVILIZATION OF HUMANITY		

However, the social trend connects the urban settlement of Humanity with the previous prehistoric physical diffusion of Mankind (Figure 1 [5]). The logic of this trend leads to an understanding of the next global cycle – the noosphere (Table 2 [4]) when Mankind will be consolidated. At this context, the role of urban settlement is seen as the creation of a sustainable global communications between peoples including the spatial and geographical one. The keys for sustainable spatial and geographic development of urban settlement are the law legal system created in writing and unified ideology.

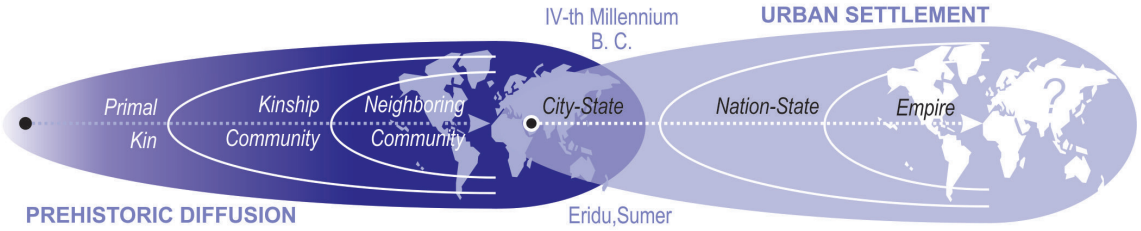


Figure 1. The general social trend of Mankind

Religion is the basis of civilization [8]. That is it allows for different societies to overcome the barriers of mutual understanding, to express solidarity in the general goal-setting and move to a new higher level of self-presence scale. For example, an imperial form of Roman society became historically stable in the Mediterranean branch of civilizations had passed away three phases:

1. political inequality under the rule of the titular nation;
2. general civil political equality of the representatives of different peoples were included into the Roman Empire;
3. the ideological unity of the different peoples in Byzantine Empire inherited Rome due to the adoption of the Christian monotheism as the state religion.

Table 2. The human society relation to the nature at different global periods of settlement

Sphere of Relationship	Form of Settlment / Age		
	Natural / Prehistoric	Urban / Civilization	Cosmic / Noosphere
Goal-Setting	Adaptation	Tool Convert	Harmonious Coexistence
Economics	Appropriation	Production	Sustainable Development
Ethics	Dependence	Supremacy	Equality

The ideological mission, economic circumstances, along with the new technologies have led to the fact that all branches of civilizations were united by the representatives of the Mediterranean one.

The gradual solidarization of peoples and states is a general social trend of urban settlement. However, the areas are combined too. This entire process takes so-called historical time. If the meaning of history lies in the development of civilization and unionization of Humanity so the global settlement system is the large-scale object of historical studies [4]. Conflicts of its coherent and mutually acceptable development can impartially explain any historical event, the motives of people to commit historic acts. In this case, the science of history comes from the ideological cover of the national political elites and also experiences a tendency to become a fundamental scientific discipline [4]. This history will show the cultural mission of various historical societies and also reveal the true face of figures of civilization process at all times, in all peoples and had any social status.

2. The Spatial and Geographic Trend. Chronologically, the first city in the world historical science recognizes the Sumerian Eridu. Since it gradually in historical time and geographic spatial sphere of the planet the urban settlement area is growing. The first agricultural phase concerned with the development of large river valleys to provide strategic food reserve of ancient societies leads to the creation of the main branches of

Mankind civilization: the Mediterranean, the Hindu, the Far-Eastern and the American. The second industrial phase concerned with the development of resources of industrial development gives rise to geographical unionization of Mankind. In both cases, the outermost confines of the distribution area are the Pacific Ocean coasts.

Today in the world there is not area (except Antarctica, which has a special international status) is not under the jurisdiction of any state. There are many states in the World and all of them play a special role in the life of the international fellowship. The system of these relations has formed as a result of historical development and operation of mechanism of social and areal enlargement. Largest systems are more significant. Just as oceans are a kitchen of weather so the largest imperial type societies in the face of their elites define the global political and economic order in the formed the global fellowship.

On the other hand, more powerful societies obey the rules of the natural process of social and territorial enlargement. With the achievement of the last external borders of its area the urban settlement did not stop the development. Completion of external expansion involves a process of internal expansion. It's thinking, this adjustment in direction of the efforts of the international fellowship determines the intrigue of today. The effect of these forces is always determined by the general law of physics movement of energy from the high pressure area to low pressure area, which should lead to the equalization of potentials of center and periphery.

Areal enlargement of urban settlement is always accompanied by the formation of a new center of expansion is gravitating to the borders of the general area:

1. the local level – Eridu, Sumer, the mouth of the Tigris and the Euphrates, the periphery of the Mesopotamian Semitic nomadic tribes and their temporary alliances, the first city-state;
2. the regional level – Egypt, Nile Valley, the periphery of the Fertile Crescent (Mesopotamia, Palestine), the nation-state;
3. the continental level – Rome, Apennine Peninsula, Europe, the periphery of the Eastern Mediterranean, the empire;
4. the global level – the coastal belt of the Pacific Ocean, the periphery of Western civilization – contains in itself the germ of a new center of global internal expansion of urban settlement.

The drift of the center of expansion may be governed by some kind of spatial and geometric pattern. This is shown by the experiments of different researchers to look for such patterns in the spatial and temporal historical sequences. The spatial and geometric properties of space and time are inseparable as the totality of the historical events is happening in the same space-time continuum of the planet – the globule. The closer to the subject of research on a global scale the clearer nature of space-time continuum is appearing. The evident nature of space-time continuum is inherent to the works by researchers of XX-th century such as O. Spengler, F. Braudel and L. Gumilev [4]. If the family tree of civilizations will placed into the geographic sphere of the Earth so the real spatial-temporal dendrite with its specific geometric characteristics can be seen [4].

3. Is Far East the New Center of Global Urban Settlement? On the shores of the Pacific Ocean the Mediterranean civilizational branch was coming by many paths were leading from Europe: Portugal, Spain, Holland, France, Great Britain, Russia. These countries represent two civilizations – the West and Russia [8]. Energy cost of these

super-ethnics (correlated with the data Civilizations) during the Age of Discovery are equal if achievement of the West is seemed to be significantly superior geographically: the movement to the Pacific Ocean by land (Russia) is costly compared with ways by seas (West) in virtue of resistance of the medium [2].

Historical practice and science will reveal the general geographical trajectory of the global urban settlement. But observations made already are entitled to make certain assumptions. In particular, the Russian-Eurasian track of urban settlement correlates with a fragment of the global spiral is leading through the space-time of a dendrite of Mankind civilization from Sumer through Egypt, Rome, Byzantium, Russia, Asia-Pacific Region to Africa. Africa is a pole of attraction of the global vector of internal expansion of urban settlement, as it is urbanized least at all.

In general the Pacific pole of the global World has established itself as a new center – technologically, economically and culturally – especially its fragment such as the Asia-Pacific region. The question is: what qualities have been inherent to the new growing-point of the global urban settlement.

At first, the unionization of societies high kind at this stage of the historical development the imperial one should be happen. On the Pacific Ring the same are Russia, China, Japan and the USA. They adjoin most compactly in the Far East. The phenomenon of the Asia-Pacific region is a consequence of activation of the Pacific periphery. Young Asian Tigers play a catalytic role in cementing of regional civilizational monolith.

Secondly, it should be manifest the leader of process of inter-empire consolidation. Now this is hard to estimate but the new leader will determine the "parameters" of civilization alignment within the new association. The undoubted seems the new association will be voluntary. Association will help to overcome some difficult circumstances had global character. New always was born in ordeals...

Thirdly, the new association becomes stable thanks to the adoption of the new ideological doctrine been general for all participants. Until now, this role was playing by religions. Each scale enlargement of social and territory forms was accompany by appearing religion had giving more comprehensive view on the world in compare with the previous one. So the evolution of the mental and spiritual horizons of Humanity had place. Religious views also were evolving. Most compactly the civilizational and ideological doctrines have place on the Pacific Ring including its carriers are represented in the Far East.

Revealed signs point at the fact the Far East has attributes to become a new center of the new stage of global urban settlement – the last one. Perhaps there the consolidation of Mankind will start. New Humanity will live without state borders and solicitous of new spatial limits are located outside the geographical sphere of our planet.

Conclusions. The result points of the gradual and mutually acceptable global urban settlement are:

1. creation of an unitary global city planning system as a material and spatial sphere of the planet – the people's life environment;
2. development of conglomerate of social and territorial systems, the highest of them became the imperial kind societies;
3. arrival the outermost limits of the territorial distribution – the coastal belt of the Pacific Ocean – and the involvement of all territorial communities of the planet into the process of civilization;
4. the depletion of external areal expansion and the designation of the

prospects of a new stage to develope – global internal expansion;

There the center of the global inner expansion of urban settlement will have to form on the periphery the Pacific. According to the social trend at this stage of historical development it should be located in a conglomerate of imperial form societies compactly representing in North Pacific: Russia, USA, China and Japan. Three of its members excluding the United States have location in the Far East.

Consequently the Far East has the attributes of the new center of the impulse of urban settlement development according to the global social trend should lead to the unionization of Mankind. To come to one's knowledge the step-wise algorithm of this transformation it is necessary to research in detail the entire process of development of the global urban settlement and the formation of a global city planning system.

References:

1. Гольц Г. А. Транспорт и территориальная структура общества // Территориальные аспекты развития транспортной инфраструктуры. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. – 112 с.

2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд., стереотипное – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. – 528 с.

3. Данилов И. А. К вопросу о верхнем территориальном уровне градостроительных систем // Новые идеи нового века 2006: Материалы шестой международной научной конференции ИАС ТОГУ. / Тихоокеанский государственный университет. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2006. – С. 24-28.

4. Данилов И. А. Место исследования глобального городского расселения в формировании исторической картины мира // Новые идеи нового века – 2009 : материалы Восьмой международной научной конференции ИАС ТОГУ. Тихоокеанский государственный университет. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. – С. 44-50.

5. Данилов И. А. Территориальные уровни градостроительных систем как ступени социальной эволюции человечества / И. А. Данилов // Новые идеи нового века 2007: Материалы седьмой международной научной конференции ИАС ТОГУ. / Тихоокеанский государственный университет. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2007. – 556 с.

6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. – М., 1996. – С. 256-309. (Durkheim, D.E., 1996. On the Division of Labor in Society. Western European sociology XIX - early XX centuries, pp.256-309.)

7. История первобытного общества: Учеб. для вузов. Спец. «История» / Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. – М.: Изд-во Высшая школа, 1968. – 208 с., илл.

8. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 640 с. (Toynbee, A.J., 2003. A Study of History. M.: Iris Press.)

Данилов И. А.
iadanilov@mail.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФРАГМЕНТ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ТРЕНДА ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Абстракт – Глобальное городское расселение за историческое время испытало два географических тренда распространения:

1. аграрный – появлялись и развивались в долинах крупных рек в полосе 230-400 с. ш.;
2. промышленный, сопровождавшийся формированием единой глобальной экономики.

В обоих случаях крайними географическими пределами распространения были берега Тихого океана.

Кроме этого, городское расселение развивается благодаря социальному укрупнению человечества от устойчивого межплеменного союза до конгломерата межнациональных сообществ, или обществ имперского типа (по состоянию на сегодняшний день).

В своей совокупности социальный и географический тренды глобального городского расселения позволяют определить статус и роль любого общества и государства, ассимилированных в цивилизационный процесс. Ведущая современная роль многих дальневосточных стран в мировой экономике, культуре и политике свидетельствует об изменении сложившихся в недавнем прошлом статусах. Действительно, социально-географический тренд сопровождается миграцией центра общего цивилизационного ареала: от Шумера до Европы.

На сегодня можно считать завершенным этап внешней экспансии цивилизационного ареала. Следующий этап – внутренняя экспансия, которая должна завершиться в Африке как наименее урбанизированном континенте. Также социальный тренд на следующем этапе ведет к оформлению единого планетарного сообщества – человечества. На примере развития Римской империи выявлены три стадии формирования новой социально-территориальной идентичности.

Ключевые слова: глобальное городское расселение, конгломерат обществ, социально-географический тренд, центр общего цивилизационного ареала, социально-территориальная идентичность.

Danilov I. A.
iadanilov@mail.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

THE SYMBOLIC STRUCTURE OF ANCIENT RUSSIAN CITIES AND A NEW STAGE OF URBAN MODERNIZATION OF KHABAROVSK

Abstract - There was embodied the traditional concept of ancient Russian city in Khabarovsk. It is expressed theistic idea of likening of the city to the ancient model of the world. According to it, the Universe is divided into two parts – the Heavenly World and the Earthly World, interconnected through the World Tree. The projection of the Heavenly World lied down on the high sites, which, as a rule, were the top sites on the high banks of rivers. Rivers were the main inter-communications of the ancient Slavonic world. The river facade of ancient Russian city was decorated with the most representative buildings, first of all with temples. The whole territory of Khabarovsk is a collection of forty hollow areas embedded in a continuous system of top sites of relief. The hollow areas of Khabarovsk represent a significant territorial resource of urban development in that time, as the top site almost fully utilized. Only in the historical Centre, which has experienced eight stages of urban upgrading, two hollow areas fully are mastered with building. «Heavenly» and «Earthly» worlds of Khabarovsk city center are also opposite symbolically and functionally. The new trend of transformation of accent building on the line of slope crest supposes the conversion of the city center ensemble at large and to become an example for the development of all other hollow areas. This trend leads to a deeper integration of urban society and urban space. In this way there can appear a global trend of Smart City in Khabarovsk.

Keywords: ancient Russian city, symbolic structure, high slope, upland street, hollow area.

Introduction. Khabarovsk has similar characteristics like ancient Russian cities that allow speaking about their cultural kinship. First of all it is a stereotype of visual perception of the urban environment, as intra-urban space and outer panorama – the river frontage. The structure of the common visual characteristics includes landscape features, first of all, relief, a way to place building in it, first of all, the most important public buildings and constructions [2]. Despite the vast differences between the historical ages of different Russian cities urban canon was formed in antiquity continues to incarnate in modern construction and, to influence on cultural identity of the Russians and be a «visit card» of Russia in front the face of its foreign guests.

The study suggests:

1) the analysis of features of the landscape;

2) analysis of objective laws of traditional accommodation building in landscape;

3) Revealing of urban development features including perspective one of Khabarovsk city, reinforcing the importance and relevance of the incarnation of traditional image of Russian cities in its appearance.

1. Landscape features of Russian cities. In the pre-state period on the territory of Slavic tribes of Eastern Europe habitation in addition to them other tribes were settled there, such as Finno-Ugrians, ancient Germans, and the ancestors of the modern Baltic Eastland Nations. All of them settled separately: Slavs – along the river valleys, Finno-Ugrians and proto-Balts – on the woody uplands, ancient Germans – on marshy and other barren lands. The most important transport communications were rivers, accordantly the status of the Slavic tribes in the intertribal and international relations was higher in comparison with the neighbors in the region, and identified, in the end, the national title status of the largest state emerged on this territory – Russia. Thank to the climate of Variable Zone with average January temperature below 00 C rivers were reliable routes in cold winter time. As exceptions were periods of autumn ice cover and spring movement of ice that used to take one month in these seasons of the total annual traffic.

Ground communications were still only forming and have not created a common continuous network yet. Here, «Dark Forest» was dominating on the uplands and enshrined in Russian folklore as hazard symbol: on the one hand, there were inhabited dark forces, including gang of robbers, on the other – it had become a symbol of ignorance (over one's head, clear as mud), the cause of all evil and all misfortunes.

The focus of worldly life was concentrated near the river banks. River and lake communications were the channels of economic metabolism of this part of oecumene.

2. The image of Russian city. The symbolic structure of ancient Russian city was created in the context of the relief of the East European (Russian) Plain. Slavic tribes settled along the rivers, which served as the most important transport communications. Cities were built so those, on the one hand, to monitor the water-transport arteries, on the other, to protect the local population from the military aggression of the hostile forces. In these geographical conditions uplands of accidental terrains located at the confluence of two rivers were adequate. Accordingly, the most secure place in these cities were the top grounds of the relief, where the kremlin (fortress), included, first of all, the objects of secular and spiritual power. The domination of a kremlin above surrounding area determined those places as nodes, or centers of visual connections. This is the best place for defensive watch and visual contemplation wide panoramas, or pictures of the local world.

The significance of the power institutions was emphasized by the location of the most important buildings so that they are visible from all sides. Best of all, areas at the edge of the slopes leading down to the rivers were agree with. Thus the temples and palaces of the Kremlin were dominated above the wide river valleys along of which cities were developing and travelers were moving. Any traveler and a local resident were able for a long time of moving or staying in the vicinity of the Kremlin to contemplate architectural symbols of local world.

The most significant among them since the end of X-th century temples of the Russian Orthodox Church had become. Thank to their vibrant dominant architecture they not only do drew the center of the local visual communications however placed on the upper landing of relief where «dark forest» previously was dominating, thus sanctified it's a dangerous place and has become the symbol of enlightenment and of victory over the forces of evil and darkness. It seems that this semantic speculation radically changed along with the other the view of the inhabitants of the Russian Plain in favor of Christian Orthodoxy, adopted the faith in the victory of the forces of good.

This view was clear to every inhabitant of these landscapes, as it was based on

organic, natural philosophical, native attitude.

But this mental transformation not only changed the usual picture of the world, but even more it has strengthened. There was in a basis the ancient pagan idea of the Highland (Heavenly World) spiritual and Lowland earthly worlds. Bright temple architecture of the Russian Orthodox Church has made the domination of spiritual principles more convincing in a comparison with earthly, because Network of temples historically was connected not by road communications but thanks to the heavenly Kingdom of God. It is likely, special piety and religiosity of Russian man takes beginning because blocking of Heavenly world by «Dark forest» on the upper levels of the relief was overcome. Thus divine mental act of salvation of the human soul from the dependence from the dark forces was priori committed. While the pagan gods and spirits were dividing the world into parts, the Christian God gathered the whole world into a common brotherhood of Nations. Misunderstanding between people, tribes and peoples had been to give way to universal trust and consent.

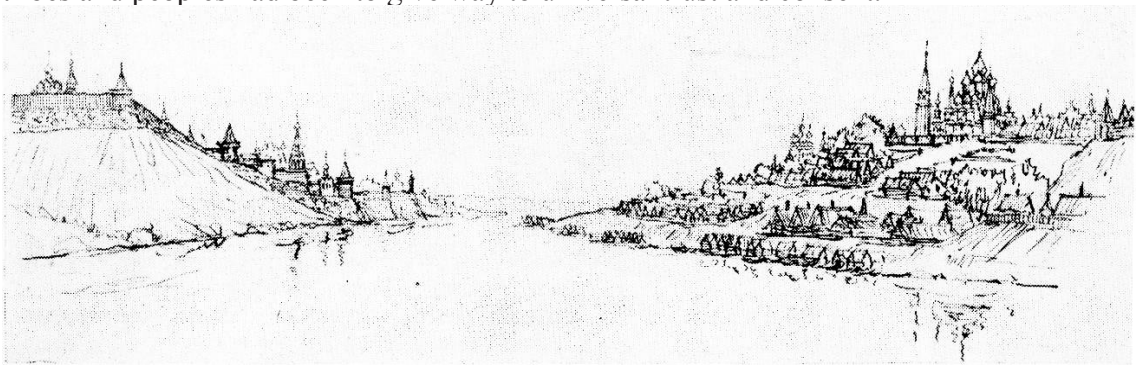


Figure 1. View on Romanov-Borisoglebskiy at the end of XVII-th century

The idea of universal peace was preceded to a further consolidation of the network of roads. When this network is selected first place after river ways, essentially embodied faith of Russian people in the necessity to reflect on the earth plane a projection of the common and indivisible divine Kingdom.

A huge territory of the Russian Plain (together with Amazonian Plain are the largest on Earth) has similar characteristics of the relief in different parts. Established in the long centuries of the history of this town planning tradition was reflected in the mental structure of the local tribes and peoples.

3. Traditional features of Russian landscape in Khabarovsk. Khabarovsk is located on the Bank of the Amur river, the largest river in the far East of Russia. Unlike the Russian Plain its valley lies not between the hills, but between the mountains. Landscapes of Khabarovsk surrounding belong to the Middle Amur Lowland – there are islands of floodplain of the Amur river, meadows, running up to the far mountain ranges. Russian city stretches along the Northern Eurasia. If in the European part of Russia they mostly occupy the basin of Volga river, in the far East – the Amur river basin. Emphasizing the large geographical scale of their country Russians affectionately called Volga-Matushka (Volga the Mommy), and Amur-Batushka (Amur the Daddy) – like parents of a huge family of numerous peoples of Russia.

The southern part of the city occupied terraces above the floodplain, Central and Northern lie on the hills – the likeness of the Russian Plain in miniature – is fully included in the city limits. Former plateau is cut by local streams running down from the central dividing range into two sides. Thus, the high part of city is a system of forty valley spaces,

separated by single central and many peripheral watersheds.

Urban morphogenesis of Khabarovsk city is similar to forming of traditional Russian city. Initially there was established a military post after signing Aigun Treaty (1858) between Russia and China gave the left bank area and the entry of Amur River in possession of Russian Empire. The strategic significance of the place is difficult to overestimate because Ussuri River flows into Amur here. The first half century of Russian history in the Amur basin in the XIX-th century these rivers were the main transportation lines.

Military post was located on the South-Western outskirts of the local hummocky topography near the confluence of these rivers. Initially the settlement was occupied area within the coastal strip of modern city center of Khabarovsk. Here three mountains facing to Amur by their capes have place, two hollow areas are placing between the mountains. It is became the accepted local urban landscape jokingly called the «Three mountains, two holes». The south mountain was called the Artillery and the north one the Military because there were constantly border patrol was conducting and large military garrison was stationed. Till our days there the Headquarters of the armed forces of Russian Far East including the grouping of Pacific Navy, one of the four Russian is situated in Khabarovsk.

4. The results of the researching of the Khabarovsk urban landscape. In previous researching of the peculiarities of Khabarovsk city center development the following positions were revealed:

- the influence of features of the natural landscape on the formation of building,
- the characteristic features of placement of different types of building on corresponding types of the relief components,
- functional differentiation of building on the lower and upper relief grounds,
- historical stages of city-planning modernization with consistent «activation» of the individual relief components,
- placing accent building on the edges of the slopes,
- the continuity of the line of edge of slopes and the accent building on it,
- differentiation accent development, depending on its placement on different types of edge of the slopes,
- tendency of formation of a new phase of urban modernization of city center development along the edges of slopes with strengthening its visually-symbolic value,
- symbolic differentiation of urban development in mountain and valley spaces and for the first time, the coming change of their priorities in favor second,
- relationship of visual image of the city with the traditional stereotype of perception of Russian city.
- From all this it follows that:
- new phase of urban modernization of the Khabarovsk center gives the city a typical features of post-industrial city,
- into force of typicality relief on throughout the city territory the methods of town-planning formation of the city center can be repeated in all other parts of the city,
- development and urban modernization of peripheral valley spaces will bring integrated (the basis for the realization of the concept of Smart City) large-scale character requires a new way of investment in building of city,
- the basis for the formation of long-term (30-50 years ahead) Khabarovsk urban development program with common parameters on the basis of cluster approach

will be created,

- the development and symbolic- imagery differentiation of complex of modern accent development along edge of slopes continuous throughout the city will be realize.

Despite the fundamental difference of large landscape complexes of European and Amur Russia the local landscape of Khabarovsk city corresponds to the principal positions to form image of the traditional Russian city:

- location on the place near river confluence,
- presence of a relatively high relief with slopes, upper and lower grounds,
- presence of edge of slopes along the river bank, separating the upper area of relief from the hollow space with the river valley [1].

In Far East of Russia, there are different landscape types of cities: plain, mountain-plain and mountain. Khabarovsk like many cities of the Russian Plain is the mountain-plain type city. This feature makes it unique among other Far Eastern cities of Russia. As Khabarovsk is the administrative and political center of the Russian Far East so its russian image acquires special importance at both national and international levels.

Phenomenologically russian character of Khabarovsk enshrined in the images of the architectural symbols of the city on the largest for today in Russia five-thousand ruble banknote. Among all possible variants Moscow artists selected for the image on the money banknote only objects visible from Amur river: the building of the Cliff with a monument to count N. N. Muravyov-Amursky and Amur Bridge. Positioning of Moscow artists at the typical image of Russian cities has allowed to make such a choice is a kind of recognition of Khabarovsk not only geographically, not only in spirit but also in image this Russian city.

5. Tendency for formation of a new phase of urban modernization in Khabarovsk. City center of Khabarovsk has experienced in its history 8 stages of urban upgrading: from the initial construction of single-story wooden buildings and structures to high-rise buildings [3]. Today on the territory of the center there are no free building areas for new construction. Thus resource to development high-rise buildings within the modernization phase exhausted.

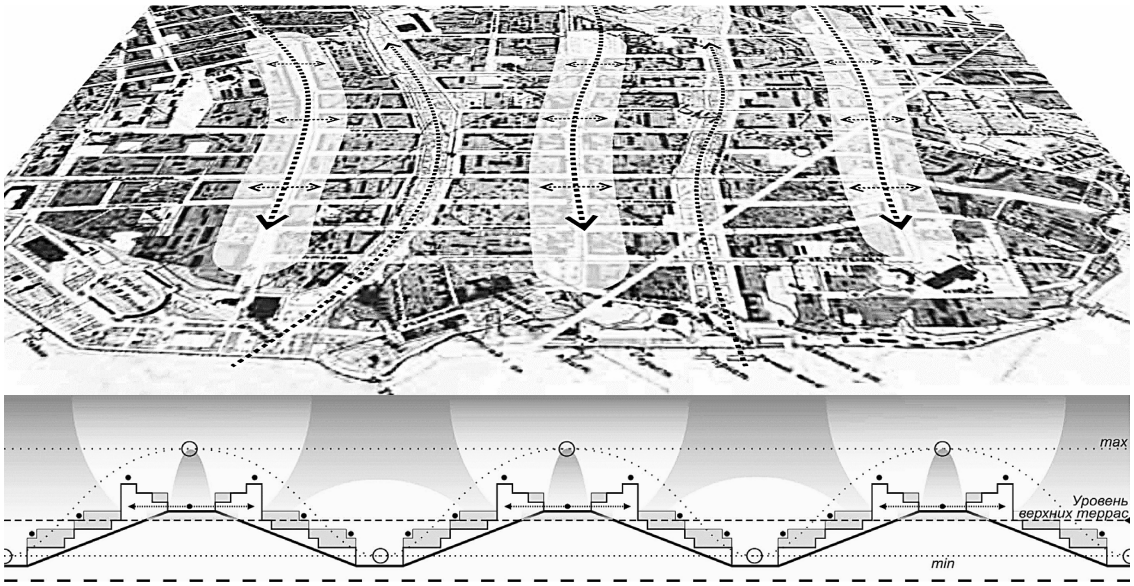


Figure 2. Expanding of showy space of upland streets in Khabarovsk city center

The next stage was revealed almost by accident. The study of peculiarities of formation development in the center of Khabarovsk was watching massive appearance of the entrances to the underground floor of historic and modern buildings on the main Muravyov-Amursky Street [3]. The essence of this phenomenon lies in the commercial attractiveness of the areas of the underground floors. If earlier they were used for uploading, placing of warehouses and workshops so in the modern city the need for these functions almost disappears. Where the entrances to the underground floors were appeared, they are used for placement of objects of cultural services, trade, public catering and offices.

This functional transformation applied on all areas adjacent to the three main upland streets of the city center can give a large-scale spatial effect that has not only functional, but the economic and town-planning importance. Can be consistently embodied this trend will lead to a rethinking of use of territories and spaces of these development sites:

- to formation of multifunctional complexes on aggregate plots within the same quarter,
- to device underground (beneath the main streets on the top grounds of relief) pedestrian crossings between opposite and adjacent areas with accompanying objects of service,
- to device multistory underground parking lots.
- Should be consistently realizing, this trend will lead to a significant transformation of the city center:
- the central part of Khabarovsk will become more roomy for the Khabarovsk citizens and guests of the city – there above-ground floors with rentable area in multifunctional complexes will be added,
- will significantly solve the problem of storage of individual vehicles,
- will lead to some urban transformation in the structure of hillside quarters – would separate the top parts of quarters, located at the edge of the slope and adjacent to the main upland street,
- will increase the width of the showy spaces of main streets at the expense of the device passage-ways, leading through multi-functional complexes to galleries along the valley spaces – there will enlargement of the image of major streets, the increase of spatial scenarios for movement of pedestrians,
- will promote of large-scale development of tourism industry,
- will give considerable economic effect [4].

This transformation leading to creation of urban space with a complex combination of functional zones has synthetic post-industrial character. This is indicated by the experience of countries leading at economics where the post-industrial period has begun immediately after the Second World War when world capitalism has been updated, finding the path of humanization and greening of the spatial environment of human and society life.

In architectural sense main transformation will happen in building enlargement along the edge of the slopes – it will increase in the number of stories and the main facades of the buildings will look at a valley spaces. It will be the accent building of the city center complying with formation of the traditional image of the Russian town – but on a new modern level.

But there is still a long way in the distribution of sense accents is different buildings to form the image of the universe reflected in urban development – modernity is very much changed meanings and senses. What is more important: image of office as national or multinational brand, apartment-house of social superiority, architectural symbol-beacon of tourist attractiveness of the city or the temple as an image of the universe? In the context

of increasing globalization it will be looking for answer the question: who is a man and why he came to Earth. In own image traditional Russian city was crystallized philosophy of spatial existence, combining Slavic idea of space circumambulation and Byzantine-Christian idea of the concordance of spiritual and secular authorities and social harmony.

Conclusion. Landscape conditions of Khabarovsk have created prerequisites for formation of a typical recognizable image traditional Russian city. Buildings of the historic city center is already bears its image. The tendency to formation of a new stage of urban modernization even more should enrich its image, in particular, through the development of accent building on the edges of the slopes leading down to the streams. High level of irregularity of terrain with very long continuous line-edge of slopes creates prerequisites for the formation of a great architectural ensemble of Khabarovsk, especially on upland ground. The typical landscape structure of the urban area will allow using the method of formation of the city center building in peripheral areas. Integrated multifunctional character of new development typical for the post-industrial city will allow implementing modern concept of Smart City. The image of traditional Russian town and modern technologies will give a synthesis of enrichment of ancient tradition in modern conditions. All of this should effectively reflect on the cultural and patriotic education of the Far Eastern Russians and to represent the Russian culture in front of foreign guests of Khabarovsk. At the same time, philosophical question about the place of man in the universe is updated – the image of traditional Russian town carries the answer.

References:

1. Данилов И. А. Освоение ложбинных пространств в Хабаровске // Новые идеи нового века 2008: материалы Восьмой международной научной конференции ИАС ТОГУ. / Тихоокеанский государственный университет. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2008. – С. 173-177.

2. Данилов И. А. Рельеф высокой части Хабаровска как естественный градостроительный регламент // Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного комплекса: материалы региональной научно-практической конференции. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2007. – Вып. 9. – (Научные чтения памяти профессора М. П. Даниловского). – С. 267-271.

3. Данилов И. А. Современная тенденция развития застройки на бровках склонов в Хабаровске // Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного комплекса: материалы региональной научно-практической конференции. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2008. – Вып. 10. – с. 45-51 – (Научные чтения памяти профессора М. П. Даниловского). С. 45-51.

4. Danilov I. A. The research of Khabarovsk city-planning landscape // Материалы Семнадцатого межуниверситетского семинара по проблемам крупных азиатских городов. Природные риски и городское развитие = Proceedings the 17th inter-university seminar on Asian megacities. Natural risks and the urban environment, Хабаровск, 6–8 сент. 2012 г. / Тихоокеанский государственный университет. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. – С. 170 – 175.

Данилов И. А.
iadanilov@mail.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДРЕВНИХ РУССКИХ ГОРОДОВ И НОВЫЙ ЭТАП ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ХАБАРОВСКА

Абстракт – В Хабаровске была воплощена традиционная для русского города концепция, выражающая теистическую идею уподобления города древней модели мироустройства. Согласно ей, Вселенная делится на две части – небесный мир и мир земной, взаимосвязанные через мировое древо. Проекция Горнего мира ложилась на верхние площадки высоких речных берегов. Реки были главными межселенными коммуникациями древнеславянского мира. Речной фасад русского города был украшен самой репрезентативной застройкой, прежде всего – храмами. Вся территория Хабаровска представляет собой совокупность из сорока ложбинных пространств, встроенных в непрерывную систему верхних площадок рельефа. Ложбинные пространства Хабаровска представляют значительный территориальный ресурс развития застройки, в то время как верхние площадки рельефа почти полностью освоены. Только в историческом центре два ложбинных пространства полностью освоены застройкой. «Горний» и «Дольний» миры здесь также противоположны функционально и символически. Новая постиндустриальная тенденция трансформации акцентной застройки на бровках склонов предполагает придать всему ансамблю городского центра характер традиционного русского города и стать примером для развития всех других ложбинных пространств. В то время, как городской центр развивался постепенно в течение полутора сотен лет истории города, новые ложбинные кластеры должны будут формироваться почти единовременно – за несколько очередей строительства. Комплексность формируемых пространств должна соответствовать новейшим тенденциям в мировом градостроительстве – например, Smart City. Синтез исторической традиции и современных технологий.

Ключевые слова: образа русского города, верхняя площадка рельефа, бровка склона, акцентная застройка.

Zhang Lijuan, Liu Daping
512673753@qq.com;Ldp_abc@sina.com
HIT, Harbin, China

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT AND THE CHARACTERISTICS OF MODERN NATIONAL FLOURINDUSTRY BUILDINGS IN HARBIN

Abstract - With the construction of Chinese Eastern Railway in 1898, many foreign capitalists involved into Harbin to engage in commerce and industry, making Harbin from a small fishing village evolved into a commodity distribution center and a trade center. The industry of flour is the earliest and the largest development industry in Harbin, which is in a large part by the stimulation of the Russian forces, and then developing in the hands of the national capitalists. This paper studies the evolution process of modern national flour industry in Harbin in the method of history. And then through the field trips to overview the general situation of modern national flour industry buildings in Harbin. Last and not least, summarize the characteristics presented of the spatial pattern, the technically achieved in structure; the artistic style of these industrial buildings in detail.

Keywords: Modern national flour industry buildings; Development; The spatial pattern; The structural features; The artistic style

1. The development of the modern national flour industryin Harbin

The flour industry is one of the three pillars of modern industry in Harbin. Since it was produced, it has been monopoly by Russia for a long time. Later, although the national capital gradually made an intervention on flour industry, in general terms, it is still dominated by Russia and developing difficult. However, from World War I to the early post-war (1914-1921), there was a brief and rapid trend on the development of national flour industry in Harbin, mainly in the following aspects:

1.1. The domestic and foreign markets is open

Since the World War I broke out, foreigners stepped up to the northeast of china to plunder resources. Food as the important strategic material, the demand increased directly. The Japanese government not only interrupted for northeast China's flour output, but also purchase wheat and flour from the northeast; at the same time, the Russian government in order to purchase rations in Northeast China, also abolished the Sino-Russian border trade restrictions. Thus, external pressures and restrictions no longer exist in the market of flour industry in Harbin. Not only the South and the border areas of Russia market have been restored, but also the Shandong and Hebei provinces and the Russian mainland have been developed, flour price did not falling, but rising.

1.2. National capital becoming dominant

With the construction of Chinese Eastern Railway in 1898, Russian businesses entering Harbin, such as in 1900 the first flour company of Manchuria founded by the Russians in Harbin. Since it was produced and it has been a monopoly of Russians. However, during World War I, the Western powers are busy making war, resulting in

industry pause, have quit the flour industry in Harbin. Meanwhile, China's businessmen took this opportunity to buy some of the Russians mills, such as the firemill of Diliej in was taken over by Zhang Tingge, which developed the interest of domestic businessmen, they have come to Harbin to invest flour industry, make it develop quickly.

1.3. The establishment of Association of Flour

After World War I, the fire mill Association organization was founded. While developing "the guild rules of fire mill ", the purpose is to protect the public interest in the flour business, to operate on correcting the shortcomings. Seek in the real choice of raw materials in the manufacture of which seeks to improve the machine to create a good atmosphere of competition for business. Founded fire mill industry will indeed safeguard the common interests of the flour industry in promoting the development of the flour industry, it played a certain role.

During the nearly ten years (from 1914 to 1921), the national flour industry in Harbin has been developed rapidly, but it lived only for a short time. After World War II, industrial powers come to recover gradually in Western countries. Under the pressure of foreign powers, Chinese government had to issue an order of removing the constraint of foreign goods.It should be noted that during this period the national flour industry is rapidly developing in the stimulation of the war, some mills only be invested their funds, butthe equipment and technology are not developed by foreign manufacturers. Soonly a few stronger flour factories survive abroad with the serious exclusion. Although the national flour industry will eventually disappeared with the invasion of foreign capital, however, it has experienced a very brilliant period of development. It was an indelible mark in the history of Harbin.

2. Remains of modern national flour industry buildings in Harbin

Nearly a century of historical evolution, modern national flour industry in Harbin still remains some historic buildings (Table 1), including the No.4 flour mill of Tianxingfuand accountant, the office building of mill fire of Dongxing, flour mill of Yichangtai, flour mill of Zhong Xing Fu accountant and No.2 flour mill of Tianxingfu on the farm Street and so on. Most of the buildings belong to the immovable heritage building. These buildings represent the level of development and characteristics of modern industrial buildings in Harbin, reflecting the city of Harbin as the consumer at the time of its social development, with a profound sense of this research.

Meanwhile, due to the complexity of the production process the flour, then the constitution of the building group in the flour mill district also have corresponding features. In general, the system includes flour mill plant, accountant, boiler room, warehouse and other parts, formed among the fixed building processes, coordination, unique.

Flour milling plant is the core of the main building group, usually located in the center of the factory. As the auxiliary building of factory, accountant office buildings are mainly responsible for the completion of the food material procurement and the financial matters. It also has some functions of service and at a distance with the milling plant, even some of them will be separated. Boiler room located in the corner of the factory, to provide heat for the entire plant production and living activities. Treasury mainly used to store food and other supplies warehouse. In the siting of the warehouse, general around of the plant, accessing to the goods is convenient.

Table 1.Architectural remains of modern national flour industry in Harbin

No.	Name	Year	Address	Existing status
1	No.2 flour mill of Tianxingfu	1920	Xiangfang	Material library
2	No.4 flour mill of Tianxingfu	1926	Daowai	Logistics stand
3	The accountant of Tianxingfu	1926	Daowai	House building
4	The accountant of Zhongxingfu	1929	Daowai	Idle
5	The fire mill of Wangfuguang	1916	Daowai	Office building of market
6	The fire mill of Dongxing	1920	Daowai	Office building of Grain bureau
7	The flour mill of Yichangtai	1916	Daowai	Amaterial market

3. The Characteristics of modern national flour industry buildings in Harbin

3.1. Multi-story space

Multi-story space is much common in Harbin, which exalted history of modern industrial development and has certain characteristics. Multi-story building, to accommodate industrial equipment, generally have a larger story, and each floor has a specific spatial process equipment processes, and the processes in each floor are different. Hanging lift on the side of building, by using this lift, people can reach each floor, easy to transport the raw materials up and down. Building become an industrial production machinery and equipment, it is usually called “fire mill.”

Such as the No.4 Tianxingfu flour mill and the Wanfuguang flour mill(Figure1), located on the Daowai District of Harbin. Because of the flour with the completion of the production process need to work closely in a building where the use of vertical transportation systems and transportation, so according to the production process, functional area is divided into five levels: the first layer is disposed surface grinders, centerless grinder; story set inside and outside structure grinder; within three sets structures and external polishing machine; four assembly and product testing; five for the finished products. Due to the large amount of machine body, so the height of each floor is higher, and the relatively bulky machines are placed in the lower, building gable section is provided for the delivery of goods lifts.

Figure1. The No.4 Tianxingfu flour mill and the Wanfuguang flour mill

3.2. The structure of masonry-brick hybrid

Due to the features of simple, economical, practical and other notable features, brick, masonry hybrid structure was used in many fields since it was introduced in Harbin. This structure of buildings are generally used the brick or the stone to bear the weight of the roof. Then the arch technique, wooden beams or slabs, timber roof or wood truss roof are using in the structure of the roof, the construction is very simple, fast and convenient.

Such as the No.4 flour mill of Tianxingfu(Figure2), is also a typical multi-story brick

industrial building. External walls are all brick by brick, the floor is covered with wood, and the roof is frame of wood too. In order to resist the influence of the lateral loads, many wall battlements of brick through the external walls to reinforce the integrity of the structure.

Figure2.The No.4 flour mill of Tianxingfu

3.3. The colorful artistic style

Russian-style décor Because of a long time invasion in Harbin by Russia, most construction activities are completed by Russian native designers. Due to the similar natural and geographical conditions in Russia and Harbin, many Harbin modern industrial buildings adopted the Art Deco-style building in Russia style.

For example, there is a beautiful building used as the accountant of Zhong Xing Fu pulverizing factory (Figure3)near the railroad, which is preserved well with two stories and six words on the top of the door that can still be recognized. The wooden corridor is set on the side of the main entrance of the building, through which people can go upstairs to the second floor directly. The gray building elevation is divided vertically by protruding bricks, which has been extended to the Daughter Wall forming small columns. Each column has a wealth of decorative moldings and columns on the corners of the building also have a hipped column top forming a sense of rhythm. Over these years, the building's windows still maintains the original wooden frames and architraves full of Russian style. Between the upper and the lower windows, the decoration in the rectangular moldings seems very neat, consistent with the square decoration on the Daughter Wall, which clearly shows the Russian Art Deco-style in buildings.

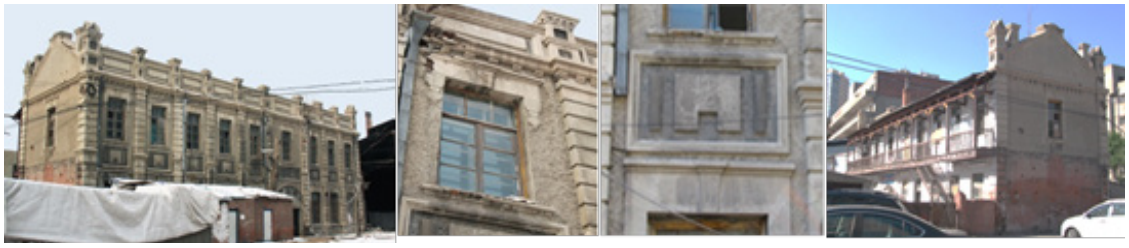


Figure3.The accountant of Zhong Xing Fu pulverizing factory

Early Modernist décor With the mutual influence of the colonial culture and the local culture, the development of modern industrial buildings in Harbin is rapid. The requirement of the large space and stringent process, as well as the urgent duration, which makes people to focus on the efficiency and other conditions that can make industrial buildings gradually get rid of retro form once, instead of contacting the new materials, new structures, new technology, new equipment and so on. A new architectural style of early modernist architecture is generated.

The NO.4 flour mill of Tianxingfu(Figure 4), located in the "three horses" area, is a representative building of the early modernist architectural style. The building was built in 1926, with the appearance that similar with the second flour mill of Tianxingfu. With brick masonry on the exterior walls, a simple rectangular plane, steel beams inside the frame. The building is constructed by brick and the plan is rectangular. Windows on the wall are all rectangular and orderliness. Some place between the two windows with a simple foot line to be modified. Among the windows, there are many vertical wall battlements that making the building visually significantly increased height. In addition to using brick on the entire facade and assembled a simple line in a central location between the fifth-story and the sixth-story, the building almost has no frills. An elevator is using to transport the raw materials on the side of the building, but now replaced by the stairwell for people up and down. In short, the early modernist style of architecture in the form of fully subordinated to the internal functions, displaying characteristics of industrial buildings.

Figure4.The NO.4 flour mill of Tianxingfu

Conclusion. Modern national flour industrial buildings in Harbin have nearly a hundred years of history. With standard constituent elements to form a unified functional paradigmin the layout of the building group, in the Art Deco style of architecture, the introduction of the Russian architectural style elements, while the formation of the early modernist architectural style; in technology with the hybrid structure of brick, masonry and other more common, but also the practice of building concrete structures will make a lot of popularity. These achievements and characteristics reflect the cultural connotations in the particular historical period of Harbin, it has profound historical and cultural value and it is a gem in Harbin on industrial architectural heritage.

Such a rich culture and a lot of valuable industry industrial historic buildings, mapping out the old city of Harbin, driven by consumer up industrial development, but also witnessed the historical changes in Harbin in the past century. Therefore, to protect this valuable asset is necessary, and it is our bounden duty and responsibility.

Bibliography:

1. Ding Yanli, LvHaiping. "Extension to Value of Eastern Railway and its subsidiaries history ". China Modern Architecture Research and Protection(E) [C]. Beijing. Tsinghua Science Hill Publishing House .2006 .384-389

2. Li Guoyou, Liu Daping "Harbin Modern Architecture Research Status and Prospect of China Modern Architecture Research and Protection" (seven), NorthBeijing Tsinghua University Press .2010.130-139

3. Liu Songfu."Structure and content of a new architectural culture of modern urban architecture in Harbin " [J]. " The new building " .2002. 1

4. Liu Songfu"Western modern architecture in the development path of Harbin "[J]. Journal of Harbin Institute of Technology .2002.3

5. Liu Songfu"Harbin city building modern transformation and Models " [M]. Beijing. China Building Industry Press .2003 Shang

6. LiuChunli"Russia and overseas business activities in Harbin and its influence on Harbin (1898--1931) " [D]. Northeast Normal .2006.

7. MengQu. Daping Liu "Harbin existing modern industrial architectural heritage Preliminary ".2012.

8. Xiang Qin editor. "History of China's national industrial and commercial development " [M]. Shijiazhuang: Hebei People's Publishing House, 1997.

Джан Лиджуан, Лю Дапинг
512673753@qq.com;Ldp_abc@sina.com
ХТИ, Харбин, Китай

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗЕРНОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗДАНИЙ В ХАРБИНЕ

Абстракт - При строительстве Китайской Восточной железной дороги в 1898 в Харбин привлекалось много иностранных капиталистов для участия в торговле и промышленности, что способствовало развитию Харбина из небольшой рыбацкой деревни в полноценный торговый центр. Индустрия зернопереработки является самой ранней и крупнейшей промышленностью в Харбине; она играла значимую роль для российских вооруженных сил, а затем развивалась в руках национальных капиталистов. В данной статье анализируется процесс развития современной национальной промышленности зернопереработки (муки) в Харбине через призму истории. Затем рассматриваются производственные практики и общая ситуация современных национальных промышленных зданий для зернопепереработки (муки) в Харбине. В заключение рассматриваются особенности пространственного образа, техническое развитие в промышленной структуре; художественный стиль этих промышленных зданий.

Ключевые слова: современные национальные зерноперерабатывающие промышленные здания, развитие, пространственный образ, художественный стиль

Diao Cuicui, Liang Jiang, Sun Hui
43999233@qq.com; sunliang8691@sina.com
DUT, Dalian, China

ROAD FORM ANALYSIS IN TRADITIONAL GARDENS COMBINING CHINESE AND WESTERN STYLES

Abstract - The authors study the road form of the 17th to 20th Century gardens which combined Chinese and Western styles. The paper analyzes the characteristics of the road form combining both styles, makes comparative study of the road location, dimension, hierarchy, and roadscape, and explores the different design approaches of road form between traditional Chinese and Western gardens. By illustrating the diagram of road form with both styles, the paper expands the research scope of landscape theories, promotes the cultural integration between Chinese and Western gardens, and provides insight to modern Chinese gardens design.

Keywords: traditional Chinese and Western gardens, integration, road, form

1. Introduction

There are generally three systems in the world gardens: Oriental garden, the Middle East and the West of Asia garden and Western garden. Oriental and Western gardens are the two important components of the world, which have more research value. Among them, Chinese garden is the represent of Oriental garden, with natural and sensual characteristics. The main styles of Western garden include Italian Renaissance style, Le·Notre-style and English landscape style [1, p. 9], which have regular and rational features. Two different styles of the garden experience integration and imitation with each other and generate a new form combining Chinese and Western styles. The new form has more artistic vision value and cultural connotation.

The road is an important element of connecting views in garden construction with guidance and mobility, and has a higher aesthetic value. The road form in Western classical garden is straight and radiation shape, arrange to a style of regular geometric. The road form in Chinese traditional garden is winding, preferring to "Scenes change in different steps" visual experiences. The road form combining Chinese and Western styles compromises between the two characteristics: diversity and unique, adds recently aesthetic theories of the road form in China.

In this paper, the research object is the road forms of the 17th to 20th Century gardens which combined Chinese and Western styles. English landscape garden was popular when the "Chinoiserie" in Europe. France and Russia all imitated "Le Jardin Anglo Chinois" styles and constructed a large number of classic gardens combining irregular and regular styles in local. By researching aesthetic forms of both roads' integration styles, the study will expand the research strategy of the garden's road and promote the cultural integration between Chinese and Western gardens better.

2. The characteristics of road forms in traditional gardens combining Chinese and Western styles

Road is the skeleton of garden and one of the important gardening elements. Affected by the 18th "Chinoiserie" in the West, a lot of local gardeners and architects advocated Oriental culture and like the Chinese garden style, and transformed rule-shape road into winding form to try to create "small paths zigzag across the garden". For example, Schonbusch Park of German, several radial boulevards were altered to a strip of winding paths in original hunting palace [2, p. 249] with the decorative taste. In China, Some foreigners or gardens' owners who had overseas experiences boldly designed straight roads in their gardens. For example, a square pool was built in the entrance of Guangdong Qinghui Garden. The roads along with layout of the pond, rockeries and pavilions formed regular linear shapes. Those classic gardens demonstrated that Chinese and Western traditional gardens learned from each other and accepted different cultures, and played an exemplary role of combining both styles.

3. Road form analysis in traditional gardens combining Chinese and Western styles

3.1 Road location

"Building principles"was the center of Western garden construction, which set the form of square roads to straight or radiation, and made the garden layout regularly. When they added winding paths, they separated from the main roads and placed in the edge of gardens or in the jungle. For example, Schwetzingen Garden was the represent of German Natural-style Garden. Boulevards and axis roads before the palace in square of Schwetzingen Garden arranged in a regular style, while the winding paths were far away from the palace and put the corner within the jungle. The integration form of roads showed a peculiar landscape combining regular structures with natural scenes (Fig. 1) [3, p. 237]. The main views were set with winding roads in Chinese traditional garden. There were also several gardens with geometric-shape roads around architectures or ponds. For example Shuangqing Villa of Beijing, the main part of garden was formed by a intact axis road from South to North, which was divided roughly into symmetrical shapes and set straight and winding roads together [4, p. 270]. The straight roads followed with the layout of buildings and ponds (Fig. 2) [5, p. 266].

3.2 Road dimension

Winding roads in Western garden were generally small trails. The widths, the lengths and scenes transition distances of them were bigger and longer than that in Chinese traditional garden. For example the Birch Area of Pavlov Garden in Russia, there were 8 boulevards radiating from the center of the annulus square and crossing with winding paths, and the widths of narrowed winding paths were about 3 meters (Fig. 3) [6, p. 97] which wider than paths in Chinese traditional garden, whose paths were generally no more than 2 meters. The distance of two sight spots alternated about every 50-100 meters in Pavlov Garden, while it was just about 3-5 meters "scenes change in different steps"in Chinese traditional garden. The geometry shapes roads of Chinese garden compared with that in Western garden, their widths and lengths were less and also combined with regular buildings' layout. For example, Chinese imperial garden—European palace of Yuanmingyuan, there was mainly an East-west straight road between "Xieqiqu" and "Wanhuazhen", and also several branch paths in North-south direction, which were all about 2-3 meters width (Fig. 4). The widths of straight roads were narrower than that above 5 meters in Western garden.

3.3 Road hierarchy

There were different hierarchies of integration roads in Chinese and Western gardens. It often set above two levels in Western garden, and was usually formed by mainly straight roads and subordinately winding paths or primary and secondary straight roads and branchy winding paths. By the transformation of width, location and forms of roads, they made up a series of changing and layering of landscapes. For example Chiswick Garden in the Britain, the first level road was radial shape and the secondary level winding paths interspersed between the main roads. Two road forms formed road hierarchy (Fig. 5) [7, p. 172]. The straight roads in Chinese traditional garden were commonly set with buildings and winding roads, in order to reach a "both forms set together" visual effect. For example Yu Garden of Beijing, the East courtyard in garden was composed of halls and houses that there were winding and straight roads on the same level. The integration of both road forms made peoples' eyes brighten (Fig. 6) [8, p. 341].

3.4 Roadscape

Winding paths often surrounded the jungle or forest in Western garden. Plants and trees were set aside of winding paths to form the meandering perspective. For example Catherine Garden of Tsarskoe Seloe in Russia, the winding paths aroud the ponds connectted the viewpoints of the transformed natural-style garden. The neatly trimmed plants and trees of road two-sides enriched the landscape levels of the garden (Fig. 7) [9], which were different from roads two-sides without any trimming or modification in Chinese traditional garden (Fig. 8). The straight road in Chinese traditional garden was designed a regular geomatic shape, which along with buildings to become broad and flat. For example Qinghui Garden in Guangdong province, the land was small and some straight roads along with rockeries, pavilions and untrimmed plants formed regular shapes (Fig. 9) [10]. So the roadscapes of Chinese and Western gardens were different (Fig. 10) [11, p. 215].

4. Road form integration of Chinese and Western styles

According to Chinese and Western traditional gardens' artistic features and both road forms' changing, the author takes the road forms integration as the research object, and draws a diagram within them (Fig. 11). It is from more than 20 classic gardens combining Chinese and Western styles in 17th-20th. Also it extracts 12 road forms representative and universal, and illustrates a gradual process that a pure Western (Chinese) road form which locate in the each end of the diagram bring in Chinese (Western) path form. Both ends of the diagram have distinctively local characteristics of each road form. Western road form along with the layout of buildings is regular geometric shape. It is straight and symmetrical which has orderly aesthetic and expands one's horizon, such as the square road forms of Nymphenburg Palace in German (Fig. 11a). The thought of Chinese traditional garden absorbs in natural view and enjoys "scenes change in different steps". The road form of Chinese garden is designed to flowing and meandering shape, such as the road forms of Lingering Garden in Suzhou (Fig. 11g).

Road forms combining Chinese and Western styles experience from simple to complex integration process over time. Road forms of the Figure 11 illustrate an integration process from both ends to middle which the integration quality and diversity are increasing. For integration degree, the integration degree of Figure 11c, Figure 11d, Figure 11e are the deepest. The integration proportion of both road forms is about a half. Most forms of Figure 11b are regular shapes which add in a few of winding paths away from main roads. In Figure 11f, there are mostly meandering roads but set a very small scale of

straight roads. In short, the degree of one road form integrate another in Western garden is deeper than that in Chinese garden, and even some road forms of Western landscape garden are majority in winding shapes, such as Bowood Garden of English,1761.

For integration form, the winding roads in Western garden were usually far from the palace area in a corner or directly distributed in the whole park. The winding forms usually connected straight or radial lines. There were also "ring-shape"and "snake-shape"and so on of road forms. The winding paths in the Chinese traditional garden interspersed straight roads which were regular shapes along with the layout of the buildings. The combination forms of roads were "十"or"口"shapes and so on. For the culture background, the character of Western nation is open and rational. That is the reason that a lot of various winding paths around the garden to express the people yearning to nature. Chinese national character is reserved and sensual. The Chinese gardeners use the straight roads arranging to the layout of the buildings and link winding paths carefully, such as the straight roads in European palace of Yuanmingyuan and Lingnan Garden, were not exaggerated the dimension and form which only according to the local condition. Thus, the diagram integrates both road forms of Chinese and Western gardens, and analyzes and summarizes the best pattern of road form integration for today's Chinese gardening westernize from different perspectives.

5. Conclusion

Road form combining Chinese and Western styles is changing with the time and social thought, which experiences a process from the pure Western (Chinese) form to the integration form. The integration form has flexible layout, diverse forms, better vision quality, and advantages of both broaden one's sight of Western garden and "scenes change in different steps"of Chinese garden. It is easy to attract the attention of the visitors and become the focus of the garden. Also it has the important aesthetic value.

In today's era of culture diversity, globalization, as one of the consequences of modernity, promote the exchange of ideas in different nation-states. It is suitable to learn and choose references from the other cultures, which can enhance the cultural complementary and improve the level of the local garden designing, and guide Chinese garden construction at present.

Bibliography:

1. Lin J. Rational Beauty: Garden Art Analysis of French Gardens of Le Notre's Style; China, Chinese Landscape Architecture, 2006. – 9 p.

2. Zhu J. N. Western Landscape History (2); Beijing, Chinese Forestry Press, 2013. – 249 p.

3. Zhu J. N. Western Landscape History (2); Beijing, Chinese Forestry Press, 2013. – 237 p.

4. Jia J. Record of Private Garden in Beijing; Beijing, Tsinghua University Press, 2009– 270 p

5. Jia J. Record of Private Garden in Beijing; Beijing, Tsinghua University Press, 2009– 266 p

6. Du A. The Glory Of The North: The Russian Traditional Garden Art; Beijing, China Architecture & Building Press, 2013. – 97 p.

7. Zhu J. N. Western Landscape History (2); Beijing, Chinese Forestry Press, 2013– 172 p.

8. Jia J. Record of Private Garden in Beijing; Beijing, Tsinghua University Press, 2009– 341 p

9. http://1947w.blog.163.com/blog/static/108232857201352073025587/

10. http://pp.fengniao.com/566056_3.html

11. Li Z. R., Zhu J. N. Occidental Gardens and Parks; Henan, Henan Science and Technology Press, 2002. – 215 p.

Диао Куйкуй, Лян Цзян, Сан Хуи
43999233@qq.com; sunliang8691@sina.com
ДТУ, Далянь, Китай

АНАЛИЗ ФОРМ ДОРОЖЕК В ТРАДИЦИОННЫХ САДАХ КИТАЙСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО СТИЛЕЙ

Абстракт - Проведен анализ форм дорожек в садах 17-20 веков, выполненных в китайском и западных стилях. Рассмотрены особенности форм, совмещающие в себе 2 стиля, сделан сравнительный анализ месторасположения дорог, измерены, упорядочены и открыты новые варианты форм между традиционным китайским садом и западным парком. Иллюстрируя дорожные схемы в обоих направлениях, статья расширяет исследовательскую сферу в области ландшафтной теории, что способствует культурной интеграции между китайским и западным ландшафтным искусством.

Ключевые слова: Традиционный Китайский и Западный комплекс, интеграция, направление, форма.

Ерещенко А.Г.
ereshchenko@i.ua
ПолтНТУ, Полтава, Украина

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КЛУБНЫХ ЗДАНИЙ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Абстракт – В статье представлен комплекс исторических факторов, которые повлекли за собой возникновение новых типов общественных зданий. Становление и развитие клубной архитектуры вызваны такими субъективными предпосылками: политическими установками, господствующей идеологией, особенностями социально-политической жизни Украины на протяжении советского периода. Рассмотрены три этапа становления и развития клубной архитектуры. Первый ограничен второй пол. 1920-ых - I пол. 1930-ых годов; второй – II пол. 1930-ых – серединой 1950-ых гг. и третий этап – II пол. 1950-ых – 1980-ые годы. Выявление поэтапных исторических особенностей позволяет выяснить концепцию развития клубной архитектуры на каждом этапе становления.

Ключевые слова: советский период, исторические предпосылки, факторы, клубное здание.

1. Этап становления рабочего клуба. Первая треть XX века стала новым этапом в развитии мировой и советской архитектуры. Резкое изменение заказчика, потребителя искусства, а также переосмысление социально-этического критерия его оценки существенно повлияли на процессы развития архитектуры. События 1917 г. стали началом очередного витка отечественной истории. Строительство новой общественной системы определило особые социальные и экономические условия развития советской архитектуры.

Во второй пол. 1920-ых - I пол. 1930-ых годов основными политическими предпосылками, которые повлияли на развитие архитектуры клубных зданий, были установление диктаторских органов управления и строительство новой общественной системы, международная конфронтация, изменение руководящего класса. Потребность в воспитании «винтиков» коммунистического общества непосредственно повлияла на развитие центров культурно-просветительской деятельности и пропаганды.

Волевое внешнее воздействие не касалось сферы искусства, благодаря чему существовала сложная система различных творческих течений. Ориентация на максимальное расширение творческих поисков даже поддерживалась высшим партийным руководством страны (резолюция ЦК ВКП (б) от 13 июня 1925 «О политике партии в области художественной литературы») [2, с. 13]. II пол. 1920-ых - I пол. 1930-ых гг. можно считать расцветом советского архитектурного авангарда. Традиционалистические концепции постепенно теряют свое влияние, многие из их сторонников переходят на позиции новаторских течений.

Стимулировать культурное и социальное развитие других народов призывала также политика коренизации, начатая в 1923 году. В 1920-ых гг. проектирование и строительство полностью перешло из рук отдельных лиц и частных организаций к государственным, сформированным по отраслевому принципу. Для урегулирования строительного процесса в Украине было создано в июне 1922 г. Всеукраинское акционерное строительное общество.

Подготовительный этап формирования советского клуба характеризовался разработкой новых форм деятельности учреждения и новых архитектурных решений. Рабочий клуб должен был стать формой классового объединения рабочих в сфере агитационно-массовой и культурно-просветительской работы, политического воспитания. Посредствам профсоюзных организаций партией выбирались и контролировались направления клубной работы. Клубное здание должно было служить таким целям: улучшение культурно-образовательного уровня, ликвидация неграмотности, организация читален, библиотек, проведение массовых образовательных и культурологических мероприятий (лекции, концерты, спектакли и т.д.). Комплексность предназначения клубных зданий отражала недифференцированность функций системы культурно-бытового обслуживания. Стремление объединить многие заведения и организаций в одном здании обусловлено тем, что новое общественное здание для пролетариата хотели видеть масштабным, величественным, его рассматривали как центр политической и культурной жизни рабочих [3, с. 97].

Важную роль в поисках путей развития архитектуры клубных зданий играли конкурсы и дискуссии, в которых принимал участие широкий круг архитекторов, художников, литераторов. Итак, характерными признаками духовной жизни общества стали, с одной стороны, новаторство и поиск, ломка стереотипов, привлечения широких народных масс к достижениям культуры, а с другой – форсиро-

ванными темпами нарастали унификация, централизация, тотальная идеологизация, общее снижение уровня культуры.

Социально-политические и культурные предпосылки, которые сложились в 1920-ых - II пол. 1930-ых гг., стали основой для возникновения, становления и развития такого уникального явления, как социалистическая архитектура. На архитекторов была возложена миссия по созданию новых типов зданий, отвечающих требованиям времени *(рис. 1)*.

Рис. 1. Исторические предпосылки возникновения новых типов клубных зданий в 1920-ые – I пол. 1930-ых гг.

2. Исторические предпосылки второго этапа развития клубной архитектуры (II пол. 1930-ых - середина 1950-ых гг.). В период со II пол. 1930-ых до середины 1950-ых гг. в политической жизни страны происходит стабилизация командно-административной системы. Послевоенные пятнадцать лет в истории украинской культуры были сложным периодом, насыщенным проявлениями культа

личности Сталина. Усиление идеологического давления в Советском Союзе, где все прочнее укреплялся тоталитарный режим, проявилось в желании полного контроля над всеми сферами культурной жизни, в том числе над архитектурой.

Сложность образного языка искусства авангарда предыдущего периода не давала возможности официального контроля со стороны государства. Так во II пол. 1930-ых - II пол. 1950-ых гг. развитие архитектуры было четко ограничено единым творческим методом социалистического реализма. Внешней причиной отказа от эстетической и идейной программы авангарда и появлением нового пролетарского стиля стало, в первую очередь, внедрение политико-идеологических рычагов управления в области архитектуры.

«Положение о профсоюзном клубе», принятое на III Всесоюзном съезде клубных работников и утвержденное Президиумом ВЦСПС 13.05.1939 года, сформулировало единую официальную концепцию клубного здания, определило его задачи и виды деятельности. Создается сеть клубных учреждений. Проектные институты занимаются разработкой типовых проектов клубов для массового строительства. Возведение учреждений культуры, как и в предыдущие годы, финансировалось по остаточному принципу. Клубы нередко сооружались не за счет централизованных капиталовложений, а методом народной стройки *(рис. 2)*.

В послевоенные годы велась активная работа по восстановлению и реконструкции клубов и дворцов культуры. Недооценка архитектурных достижений 1920-ых - II пол. 1930-ых гг. привела к тому, что объекты клубной архитектуры потеряли свой первоначальный вид. Особенно пострадали интерьеры, которые полностью перерабатывались под новые эстетические вкусы.

Рис. 2. Исторические предпосылки возникновения новых типов клубных зданий во II пол. 1930-ых – II пол. 1950-ых гг.

3. Исторические предпосылки второго этапа развития клубной архитектуры (II пол. 1950-ых – 1980-ые гг.). Суть кардинальных изменений, которые начались после смерти Сталина, состояли в либерализации всей общественной жизни, прекращении кампании против национализма и росте украинского фактора в государственной и общественной жизни. Права республики были расширены в экономической, финансовой и юридической сферах. Духовная жизнь в период «хрущевской оттепели» характеризуется непоследовательностью и противоречивостью реформ. Произошло определенное ослабление давления административно-командной системы на культуру. Расширились границы для творческой и научной самореализации и национального возрождения. Для социально-экономического развития Украины в период с 1965 до 1985 годов были характерны кризисные явления, которые углублялись под влиянием особенностей функционирования хозяйства республики.

Очередным поворотным пунктом в развитии советской клубной архитектуры оказалась известное постановление 1954 года. Основной целью типового проектирования было получение большого эффекта, как в отношении экономии средств, так и в ускорении и улучшении качества строительства. Типовое проектирование из конкурсного стало постепенно превращаться в плановую работу проектных институтов, а анализ и обобщение опыта стало основной темой научно-исследовательских организаций. В 1950-ые – 1980-ые гг. продолжали проводить конкурсы на типовые проекты клубных зданий. Архитекторы создавали варианты на основе трех главных параметров клуба – вместимость зала, тип демонстрационной площадки и емкость клубной части. Благодаря комбинации этих параметров клубы одинаковой емкости получали различные характеристики. Предполагалось также кооперирования клубов с другими учреждениями, в соответствии с местными потребностями *(рис. 3)*.

Рис. 3. Исторические предпосылки возникновения новых типов клубных зданий во II пол. 1950-ых – 1980-ые гг.

Количество типовых проектов быстро росло, и к 1964 году было уже 30 действующих типовых проектов 10-и различных проектных организаций [4]. Проектные институты разрабатывали специализированные клубы – молодежные, по интересам, профессиям и т.д. Кроме того, предполагались разработки отдельных блоков помещений с возможностью их пристройки к существующим клубам, происходила еще большая дифференциация клубов по составу помещений [5]. Но в строительстве широкое распространение имели наиболее экономически выгодные типовые проекты, разработанные на основе премируемых проектов архитекторов Ю. Арндта, А. Полянского, А. Хрякова, В. Красильникова, А. Степанова, С. Брод и другие. Подытоживая, следует сказать, что условия, которые сложились во II пол. 1950-ых – 1980-ые гг. в Украине были чрезвычайно сложными, но некоторое ослабление давления со стороны государства положительно повлияло на дальнейшее развитие типологии общественных зданий, клубов в частности. К сожалению, достижения в поисках новых типов клубных объектов не воплощались в жизнь. Начиная с послевоенных лет вплоть до середины 1980-ых годов, для клубного строительства характерным стало типовое проектирование и унификация. Продолжалось нормативное регулирование клубных программ.

Заключение. Изменение социально-политических и культурных предпосылок обусловили факторы, которые определили концепцию формирования клубных зданий. Революция в архитектуре первого этапа становления советского клуба (1920-ые - I половина 1930-ых гг.) проявилась в формировании новых типов зданий клубных учреждений, таких как: дворец труда, дворец рабочих, дворец культуры, рабочий клуб (производственный; бытовой; профессиональный; территориальный), дом крестьянина. Новый заказчик определял критерии оценки художественных произведений, где преобладает идейность над художественностью, содержание произведений сузилось до агитации и пропаганды коммунистической идеологии.

Коммунистический режим, укрепившийся на втором этапе (II половина 1930-ых - II половина 1950-ых гг.) проявился идеологизацией, унификацией, централизацией. Состоялось окончательное оформление типологии клубных зданий. Существующая номенклатура клубных учреждений обогатилась такими типами: дома пионеров, клубы военных, советской интеллигенции, клубы-кинотеатры. Согласно классицистическим традициям произошло упрощение функционально-планировочного решения клуба, который вместе с тем получил роль доминанты в городской среде. На следующем этапе (II половина 1950-ых - 1980-е гг.) приоритетным направлением в строительстве было достижение экономического эффекта. Отвергались прогрессивные теоретические разработки, продолжалось строительство клубов по типовым проектам.

Список использованных источников и литературы:

1. Хазанова В. Э. Клубная жизнь и архитектура клуба: 1917–1941. М.: Изд-во «Жираф», 2000. 159 с.
2. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: в 2. кн.: кн.1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996. 709 с.
3. Всеобщая история архитектуры: в 12 т. – М.: Стройиздат, 1975. – Т.12 (первая книга): Архитектура СССР / отв. ред. Н. В. Баранова. 754 с.

4. Милашевская Е. К., Прянишников М. Е., Савченко М. Р., под. общ. ред. М. Р. Савченко. Клубы. М.: Стройиздат, 1990. 248 с.

5. Ерофеева Н., Ковальков В., Савченко М. Проблема проектирования массовых зрелищных зданий // Архітектура СССР. 1972. № 7. С. 18–22.

Ereshchenko A.G.,
ereshchenko@i.ua
PoltNT, Poltava, Ukraine

HISTORICAL PREREQUISITES OF EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF CLUB BUILDINGS OF THE SOVIET PERIOD

Abstract. The article presents complex of historical factors that led to the emergence of new types of public buildings. Formation and development of the club's architecture caused by such subjective conditions: political attitudes, the dominant ideology, features of social and political life of Ukraine during the Soviet period. We consider three stages of formation and development of the club's architecture.

At the first stage (1920s – the 1-st half of 1930s) working club was made-up. According to requirements of the new customer there was a development of the folk house. A stage of specialization and customization of the Soviet club building typology continued from the 2-nd half of 1930s up to the 1-st half of 1950s. The subsequent stage (from the 2-nd half of 1950s till 1980s) is characterized by wide introduction of cooperation, blocking, integration principles. Identifying incremental historical features allows us to determine the concept of club architecture at each stage of development.

Analysis of stage-by-stage development of the club establishments allows to reveal tendencies of development of the functional-spatial arrangement. The club institution turns from an independent object under designing and building to seamless supplement to multipurpose complexes.

Keywords: the Soviet period, historical background, conditions, factors, club building.

Ермоленко Е. В.
gemma80@bk.ru
МАрхИ, Москва, Россия

АНТИЧНЫЕ ПРОТОТИПЫ СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ

Абстракт – В данной работе музей рассматривается как цельная культурная модель, «сотканная» из метаморфоз, связанных с изменением культурных типов, присущих разным поколениям и обществам. Музей – своего рода доминанта времени, система ценностей которой выражается через процесс отношения человека к тому, что он хранит, собирает, на что смотрит и чем восторгается и дорожит. Смена приоритетов в культурной модели влияет на пространственную структуру музея. В основе всех современных музеев лежат стабильные и повторяющиеся во времени пространственные, структурные и функциональные изменения, возникшие в процессе становления и развития музея как типа здания. Вне зависимости от времени, географического расположения, внешних условий и архитектуры, структура здания имеет в своей основе ранее существовавший тип. Культура «вспоминает» старые типы и конструирует новое из старого. В данной работе рассматриваются и выявляются античные прототипы, «протомузеи», которые легли в основу современного музейного здания. Структура музея вне связи со временем практически всегда использует уже имевшие место ранее функциональные лакуны, и то, что в современном музейном зодчестве называется «нововведением» или изобретением, на самом деле перегруппировка исходных типов, заложенных, подчас, в глубокой Древности.

Ключевые слова: музей, мусейон, пинакотека, галерея, экспозиция.

Введение. На самом раннем этапе развития человечества, во всех мировых цивилизациях, зарождение человека означало практически одновременное возникновение традиции собирания, хранения и выставления почитаемых, ценных и важных предметов. С самого начала человек выделял те или иные предметы из числа прочих, используя различные критерии оценки, и, зачастую, эстетический критерий, который так тесно впоследствии связывался с музейными коллекциями, не всегда являлся основополагающим и формирующим ценностное отношение. Самым первым и древним типом хранения ценностей можно считать храм. Предметы, участвующие в ритуалах и служащие для отправления культа, всегда особенно береглись людьми. Наиболее ценные для формирования мировоззрения человека предметы практически никогда не выставлялись напоказ, и собирательство, хранение, приравнивалось к почитанию. Вотивные дары складывались в специальных хранилищах, сакральные тексты и произведения помещались на внутренние стены храмов, пирамид, гробниц. Важно отметить, что скрытое хранение предназначалось для «вечного хранения». Практически сразу в Древнем мире произошло разделение на закрытое хранение и открытое экспонирование. К примеру, в Древнем Египте статуи фараонов устанавливались перед пилонами храмов, сфинксы фланкировали дороги, ведущие

к храму, внешние стены были покрыты рельефами, иллюстрирующими ритуал, однако ценности, связанные с культом, хранились глубоко в гробницах. Позднее, открытое хранение ляжет в основу экспозиции – публичного показа предметов искусства, а противоречие между хранимым скрыто и выставляемым напоказ ляжет в основу музея как новейшего типа здания.

1. Мусейон и пинакотека. Мусейон - первый из исторических прототипов, являющийся культовой, храмовой постройкой, но также считающимся прообразом современного понятия «музей». Морфологически мусейон не является музеем, однако именно в нем видны некоторые качественные признаки построения архитектурного пространства, получившие свое развитие в структуре художественных музеев. Дословно «мусейон» обозначал место, посвященное музам, т.е. своеобразное святилище. Первоначально мусейон представлял собой небольшой жертвенник, скрываемый от посторонних глаз на вершинах гор, в рощах, а позднее так стали зваться крупные общественные, культурные учреждения, в состав которых входило помещение для приношения даров музам.

Очевидно, являясь культовым сооружением, мусейон не предполагал посещение простыми людьми, и хранимые ценности оставались невидимыми. Сразу стоит обратить внимание, что ценность приношения напрямую была связана с уровнем исполнения, и уже сам по себе этот уровень включался в понятие сакрального дара. Впоследствии именно этот критерий – высокий уровень исполнения, эстетика – ляжет в основу ценностного отбора коллекций в музеях, однако, не всегда этот критерий был первоочередным. Все даримые предметы искусства тщательно хранились, за ними бережно ухаживали, создавали перечни, как правило, с указанием дарителя. Если подносимых даров становилось слишком много, часть из них изымалась и закрывалась в подземных хранилищах.

Подчеркивая, что в мусейонах не существовало понятие «осмотр», можно предположить, что обращенные к Олимпу хранимые предметы располагались горизонтально, параллельно плоскости земли, и тем самым «презентовались» смотрящим сверху. Эта особенность – некоторая идеальная точка зрения – будет позднее прослеживаться в различных культурных традициях.

По своей пространственной структуре первые мусейоны являлись простыми квадратными в плане постройками, вероятно с жертвенником в геометрическом центре. Однако довольно скоро из отдельно стоящего жертвенника мусейоны превратились в крупные учебные, общественные, культурные центры городов. Так, при Академии – знаменитой школе философа Платона, а также при Ликее, школе Аристотеля, работали мусейоны. Один из самых известных – Александрийский мусейон, включавший в себя научные, учебные и прочие функции. В этом крупном культурном центре по-прежнему существовало святилище, как место подношения даров музам, вместе с тем, появились принципиально иные по качеству функции. К примеру, в Александрийском мусейоне находилась одна из самых больших на тот момент библиотек, хранившая свыше 700.000 папирусов. Иными словами, ценность для приобретения и хранения стали иметь не только предметы искусства, но и знания, опыт, умения. Важно отметить, что еще на самом раннем этапе хранения предметов искусств добавляется обучающая, образовательная и в широком смысле слова культурологическая функция, что сразу привело к расширению мусейона как первомузея. Таким образом, мусейон в одно и то же время был, самостоятельным объектом, и частью единого более значительно и крупного целого. Рассматривая

мусейоны как некоторый функциональный прообраз будущего музея, важно отметить следующее: являясь, по сути, храмом, мусейон одновременно совмещал в себе функции хранилища, самоценной части целой культурной системы, образовательным учреждением и местом, формирующим память и знания целой цивилизации. Все эти слова можно сказать и о современных музеях. Таким образом, в древнегреческих мусейонах уже существовали традиционные для нашего времени отношения между хранимым, хранителем и созерцателем, впоследствии перенесенные в публичный музей. Кроме того, на примере трансформации мусейона из крохотного сооружения в крупный общекультурный центр становится несколько более понятна современная тенденция развития музеев в музейные комплексы с невероятным разнообразием предлагаемых просветительских услуг.

Принципиально иной тип отношения к предметам искусства прослеживается в пинакотеках, которые называют прообразом современных картинных галерей. Пинаками назывались в Древней Греции деревянные или терракотовые дощечки, на которых восковыми мелками наносились изображения. Слово происходит от греч. pinakotheke, от pinax – доска, картина и theke – хранилище. Самая известная пинакотека располагалась с левой стороны Пропилей на Афинском Акрополе, и члены процессии, проходя мимо, могли любоваться развешанными полотнами.

В отличие от мусейона, пинакотека изначально создавалась для выставления напоказ, экспонирования живописных полотен. Этим объясняется и общедоступность такого рода галерей, и протяженность в плане. Характерно, что и по сей день, традиционная схема музейного пространства включает в себя протяженные помещения галерейного или анфиладного типа (анфилада появится позднее). Пространственное решение пинакотеки представляло собой вытянутую в плане крытую галерею, с одной стороны размещалась сплошная стена, с другой – колоннада. Вдоль длинной стены, по ходу движения процессии, развешивались картины. Защищал от жаркого солнца пинаки массивный навес. Фактически, пространство пинакотеки стало пространством для публичной экспозиции предметов живописи.

Принципиальным для понимания развития данного прототипа будущих музеев становится отношение к предметам искусства. Экспонирование – это основное назначение музеев. Выставление достойных, ценных предметов искусства для рассмотрения, любования, обучения – все это имело место уже в пинакотеке. Крайне важно отметить и то, что если в мусейонах хранимые предметы были частью культа и несли в себе несколько смыслов, в том числе и наложенный как дар богам, то в пинакотеках картины обозначали сами себя, то есть искусство репрезентавало себя. Разделение на четкую экспозиционную функцию привело к уходу от метафизического значения искусства.

Понимая и учитывая необходимость в организации осмотра картин, древние греки старались улучшить качество пинакотек. Известно, что Витрувий писал о необходимости размещать пинакотеки на северной стороне, чтобы солнце не мешало осмотру, а также создания просторных пинакотек и галерей, не менее просторных, чем экседры. Также существовало представление о нормировании расстоянии осмотра тех или иных картин. Таким образом, пинакотека сложилась как самостоятельное отдельно стоящее сооружение в древней Греции. Позднее, у римлян пинакотекой стала называться комната при входе в атрий виллы, украшенная картинами, а также статуями и художественными предметами, которыми особенно дорожил хозяин. Удивительно, но в случае с пинакотеками, мы видим обратную трансформацию,

подобную той, что происходила с мусейоном. Пинакотека, возникшая как публичное крупное сооружение, впоследствии становится небольшой частью более крупного сооружения, опять же, с принципиально иной функциональной жизнью. Очевидно, что роль «цензора», которую первоначально в мусейоне выполнял жрец, теперь, на вилле, выполнял хозяин дома, охранявший свое собрание.

Следовательно, можно сделать вывод, что пинакотека в Древнем Риме превратилась из общедоступного типа пространства в закрытую частную коллекцию, которая, разумеется, создавала определенную репутацию его хозяину, говорила о высоком статусе и богатстве. Среди известных коллекционеров были имена Цицерона, Асиния Поллиона, Плиния Младшего. Картины, размещенные в пинакотеке частной виллы, в частном собрании, вновь меняют систему взаимоотношений между хранимым, хранителем и созерцателем. Хозяин дома, владелец коллекции, рассматривал хранимое как часть своей жизни, интерьера дома, утрируя, можно сказать даже антуража или декора. Произведения искусства стали оформлением образа жизни. Позднее, это отношение будет прослеживаться в парках, эрмитажах, дворцах. Пинакотека, также как и мусейон, заложила архетип отношения к предметам собирания. Частное хранение постепенно уйдет в кабинеты, студиолло и антикварии Средневековья, и далее, к частным коллекциям современности. А пинакотека как выставочная галерея легла в основу галерей, анфилад и выставочных пространств от XVIII века до наших дней.

2. Стоа, портик, галерея. Помимо пинакотек, существовали в древности и ряд других архитектурных сооружений, которые необходимо рассмотреть для понимания становления современного музея.

Так, следует выделить стоа или портик, галерею и экседру. Стоа (греч. stoa, от steg – крыть) это крытая колоннада. Колоннады возводились при храмах, на рынках и служили общественным местом отдыха, прогулок и собраний. Одна из самых известных стоа – Пойкиле, или Пестрая колоннада. Стоа была расписана сюжетами на мифологические темы.

Портик – это римское название стоа. Один из самых известных – портик Метелла, построенный во II веке до н.э. Квинтом Цецилием, завоевателем Македонии. Внутри портика были установлены скульптуры воинов. Позднее портик был перестроен, в него были добавлены экседра, библиотека. Новый портик получил название портик Октавии.

Экседра – это полукруглая ниша в здании или же отдельное полуоткрытое полукруглое сооружение. В экседре проводились встречи, беседы. В отличие от портика пространство экседры позволяло соблюдать определенное расстояние между картинами и посетителями, оно лучше освещалась. Часто в экседре располагали скульптуры известных людей или героев.

Галереей называется длинное крытое светлое помещение, в котором одна из стен заменена колоннами или балюстрадой. Первой публичной портретной галереей стала открытая в Риме в 38 году до н.э. галерея «Памятники Асиния Поллиона».

Говоря о структуре пространства, галерея и пинакотека практически одинаковы, разница лишь в назначении - пинакотека проектировалась сразу же под экспозицию полотен, тогда как назначение галереи было более широким. В различные времена понятие галереи менялось. Так, порой это было самостоятельное протяженное пространство, а порой – одна из комнат в апартаментах. В любом случае, именно галерея как тип протяженного пространства с обилием естественного

освещения стала прямым прототипом музейного или выставочного пространства. Так, к примеру, некоторые галереи, располагавшиеся в эпоху Возрождения в домах богатых коллекционеров, впоследствии стали известными музеями.

Говоря о пространственной организации стоа и галерей, можно отметить протяженность в плане, что позволяет сразу же говорить о «маршруте» осмотра. Экседра же, напротив, акцентировала внимание, устанавливала «точку зрения», и дистанцию между смотрящим и экспонатом. Фактически, речь шла о создании «фокуса» смотрящего. Известно, что иногда картины или скульптуры ценились так высоко, что для них строились отдельные павильоны, так было с работой «Аргонавты», автора Кидия. Древнеримский оратор Гортензий настолько был увлечен картиной, что построил для ее экспозиции отдельное помещение. Все перечисленные постройки носили светский характер и предполагали публичное экспонирование и осмотр предметов искусства. Надо отметить, что в Древнем Риме тенденция к «выставлению напоказ» достигла своего апогея. Так, на площадях и форумах, в храмах, термах и садах, практически повсеместно стали располагаться скульптурные группы, предметы живописи, фрески, вазоны. В отличие от Древней Греции, в Риме предметы искусства хранились в храмах, на форумах. Один из самых известных – форум Веспасиана (ранее форум Мира), вмещал в себя многочисленные предметы, вывезенные из Греции в Рим.

Публичность экспонирования была невероятно важна для римлян, так, известно, что оратор Цицерон настаивал отдать на всеобщее рассмотрение те богатства, которые коллекционер Верра прятал у себя дома, а министр Агриппа требовал извлечь все художественные коллекции из частных домов и поместить их вдоль дорог к храмам, в театрах и термах. Трудно сейчас говорить об истинных мотивах таких стремлений, возможно, речь шла о публичности и наглядности власти, мощи Империи, а не столько об эстетизации пространства, однако тенденция создания открытых экспозиционных пространств перешла и в последующие эпохи. Так, когда в Европе начала формироваться система дворцовых парков, французские сады впоследствии начали использовать скульптурные группы как часть общего ансамбля. Кроме этого, в парках специально начали строить легкие павильоны, гроты и беседки. А в эпоху Возрождения даже появился термин «античный сад», который объяснял и повторял структуру римских публичных пространств.

Использование предметов искусства как антуража, элемента среды стало еще одним типом отношения к хранимому. И сегодня такая среда – одна из наиболее распространенных. Пространство музея как экспонат, зарождение этого подхода мы видим в Древнем Риме, когда целый город являл собой открытую экспозицию, одновременно являясь и предметом искусства, и обрамлением его.

Заключение. Музей как культурный тип насчитывает не более 3 веков существования, но столь пристального внимания к его развитию и особенностям практически никогда не было. Впервые в культуре возникла ситуация, когда музей стал важнейшим типом общественного здания. Являясь сложным социокультурным феноменом, музей создает многочисленные темы для обсуждения на конференциях и симпозиумах. Вместе с тем, очевидно, что несмотря на то, что музеи зачастую сводят в некоторым архитектурным знакам, это целая культурная система, связывающая многочисленные междисциплины, а также определенные архитепические установки.

Несмотря на уникальность каждого музейного здания и музея как нового

типа сооружения, современные художественные музеи во многом несут в себе традиции, заложенные еще в глубокой древности. Каждая эпоха «домузейного» периода внесла свой вклад в формирование отношения к предметам искусства, коллекционированию, собирательству и экспонированию. Структура музея вне связи со временем практически всегда использует уже имевшие место ранее функциональные лакуны, и то, что в современном музейном зодчестве называется «нововведением» или изобретением, на самом деле перегруппировка исходных типов, заложенных, подчас, в глубокой Древности.

Список использованных источников и литературы:

1. Калугина Т. П. Художественный музей как феномен культуры. СПБ., 2008
2. Камин Дж. Великие музеи мира. White Star, Italy, 2007
3. Морозова О. Художественный музей //Энциклопедия Кругосвет
4. Ревякин В. И. Художественные музеи. М., 1991
5. Словарь Античности. Москова, «Прогресс», 1989.
6. Юренева Т. Ю. Музеи мира. История и коллекции, шедевры и раритеты. Эксмо, 2011

Ermolenko E.V.
gemma80@bk.ru
MArchI, Moscow, Russia

ANTIQUE PROTOTYPE OF MODERN ART MUSEUMS

Abstract – In this work the museum is considered as the integral cultural model “weaved” from the metamorphoses connected with change of the cultural types inherent in different generations and societies. The museum - some kind of dominant of time which system of values is expressed through process of the relation of the person to that it stores, collects, on what looks and than admires and values. Change of priorities in cultural model influences spatial structure of the museum. The stable and repeating in time spatial, structural and functional changes which arose in the course of formation and development of the museum as like the building are the cornerstone of all modern museums. Regardless of time, a geographical arrangement, external conditions and architecture, the structure of the building has earlier existing type in the basis. The culture “remembers” old types and designs new of the old. In this work antique prototypes, “protomuseums” which formed the basis of the modern museum building are considered and come to light. The structure of the museum out of communication with time practically always uses earlier functional lacunas which were already taking place, and that in modern museum architecture is called as “innovation” or the invention, actually a regrouping of the initial types put, sometimes, in an extreme antiquity.

K**eywords:** museum, museon, picture gallery, gallery, exposition.

Задвенюк Л. В.
lusyzadver@mail.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ПОДЗЕМНЫЙ ДОМ. ВЗГЛЯД ИЗ БУДУЩЕГО В ПРОШЛОЕ. НА ПРИМЕРЕ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА КИТАЯ ЯОДУН

Абстракт – Статья посвящена рассмотрению особенностей китайского традиционного подземного жилища «яодун». Подземное строительство в современной архитектуре и градостроительстве решает многие задачи организации городского организма. Однако до недавнего времени подземное пространство рассматривалось в основном как место сосредоточения общественных функций или для транспорта. Современные тенденции развития урбанизированных территорий говорят о необходимости возвращения архитектуры к человеческому масштабу. «Эко-архитектура», «зеленая архитектура», «энергосберегающая архитектура», «лэндформная архитектура», «новый урбанизм» возвращают архитекторов к традиционным формам. Появляется подземная жилая архитектура, сочетающая в себе такие понятия как экологичность, энергосбережение, контекстуальность и т. п.

Одним из уникальных примеров традиционного подземного жилья является китайская грунтовая усадьба яодун. Этот тип жилья зародился в архаичное время, но со временем не исчез, а эволюционировал наравне с наземными жилищами. Современный яодун по функционально-планировочной организации не уступает сыхэюаню, но в отличие от него, практически полностью соответствует современным трендам в развитии жилой архитектуры. Эта традиционная форма организация жилого пространства, несомненно, приобретает большую актуальность в XX в.

Ключевые слова: яодун, подземное жилище, традиционное жилище, Китай, эко-архитектура, энергосбережение.

Введение. В современной архитектуре и урбанистике все чаще проявляется стремление к формированию среды на основе т. н. «человеческого масштаба». Такие тренды как «эко-архитектура», «зеленая архитектура», «энергосберегающая архитектура», «лэндформная архитектура», «сенсорная архитектура», «новый урбанизм» создают совершенно отличный от агрессивной урбанизированной среды образ психологического комфорта, где отсутствуют раздражающие глаз мегаздания и мегапространства. Эти направления отличаются акцентом на ландшафт, гармонией с окружающей природной средой, малой этажностью, использованием природных материалов в архитектуре, сомасштабностью человеку, наличием множества зеленых и пешеходных пространств и т. д. В целом это направление можно назвать, прежде всего, возвращением к традиционным способам организации жилой среды, т. к. многие современные постройки в этом стиле относятся именно к типологической группе жилых пространств. В рамках новых тенденций одним из ответов на вопрос, о будущем современного жилья, архитекторы обращаются к подземной или полуподземной архитектуре [6].

Землянки и полуземлянки являются одними из самых архаичных форм

жилища. Во всех культурах подземные жилища вытеснялись наземными. Однако на сегодняшний день существует несколько видов подземных жилищ, которые развивались, не уступая наземному в сложности функциональной организации.

1. Первобытные землянки и полуземлянки. Современные традиции строительства грунтовых жилищ. Несмотря на разность в климате, природном окружении, доступных строительных материалах и конструктивных элементах древние жилища различных народов организовывались по единому принципу. Как правило, землянки или полуземлянки не имели окон, были небольшими по площади из соображений сохранения тепла, не имели хорошей вентиляции. Форма жилищ могла быть круглой или прямоугольной, но принцип внутренней организации был единым.

Так например у славян землянки и полуземлянки представляли собой прямоугольные постройки, заглубленные в землю и перекрытые скатной крышей, покрытой дерном. Стены сооружались из тесанных плах или бревен. Стены полуземлянок поднимались над уровнем земли не более чем на 1-1,5 м (рис. 1).

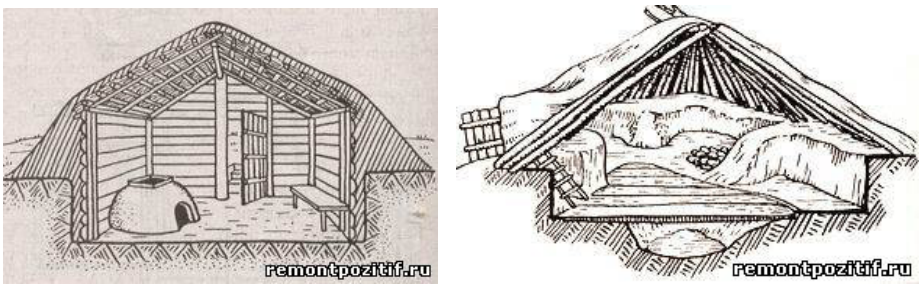


Рис. 1. Землянки и полуземлянки древних славян [6]

А полуземлянки китайской народности бай представлял собой круглое или прямоугольное углубление, перекрытое шатром (рис. 2).

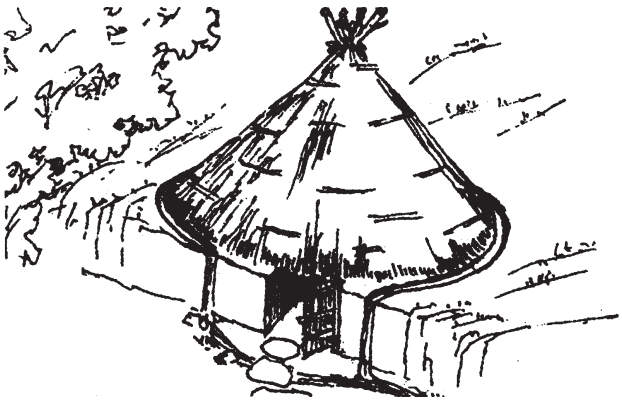


Рис. 2. Жилой дом эпохи неолита в провинции Юньнань [1,5]

Землянки и полуземлянки амурских чжурчжэней также были чрезвычайно схожи с вышеописанными примерами: прямоугольная форма, срубные стены, шатровая крыша (рис. 3).

Рис. 3. Подземное жилище амурских чжурчжэней

С развитием хозяйственных отношений и необходимостью более сложной функциональной организации пространства жилого дома землянки и полуземлянки были вытеснены наземными жилищами. Традиции достаточно массового строительства грунтовых жилищ до настоящего времени сохранились в основном в Китае и Северной Африке, в южных районах европейского Средиземноморья. Такие постройки характерны для территорий с сухим климатом и мягкими грунтами.

В пустыне Сахаре берберы до сих пор строят подземные жилища. Они представляют собой котлованы, вырытые в песчаном грунте, по периметру которых рассоложены помещения. Такие котлованы могут достигать 20 м в диаметре и иметь несколько подземных уровней (этажей) (рис. 4)

Рис. 4. Жилище берберов [7]

Одним из ярких примеров сохранения традиций грунтового жилища до настоящего времени является итальянская Матера. Поселению более 7 тыс. лет. Мягкий известняк местных горных пород, и жаркий климат благоприятствовали такому способу возведения зданий (рис. 5).

Рис. 5. Матера [8]

2. Грунтовые усадьбы яодун. Древние грунтовые жилища Китая являлись простейшими строениями, однако их можно характеризовать как простейший тип экологичной архитектуры. Территория, где получил развитие яодун, находится на лессовом плато в центральной части Китая. Зарождение этого типа усадьбы произошло в западной части провинции Хэнань, район, где находится археологический памятник древнейшей культуры Яншао [4]. С исторических времен грунтовое строительство было распространено на севере провинции Шэньси, на востоке провинции Ганьсу, в центральной и южной частях провинции Шаньси и на западе провинции Хэнань. Первые письменные упоминания яодунов относятся к периоду династий Цинь и Хань. Более подробные описания встречаются в документах династии Южная Сун. В отчетах инспекторов того периода описываются процесс строительства, организация поселений, устройство быта и т. д. [4]. Земля здесь плотная, климат сухой, дождей выпадает мало. Устройство жилищ в пещерах было самым удобным и дешевым способом организации жилого пространства. История яодуна насчитывает более чем 4 500 лет и на сегодняшний день эти традиционные китайские усадьбы можно отнести к уникальному типу грунтовых жилищ (дошедших в своем развитии до современности), с выработанным максимальным экологическим балансом природы и человека. Из-за уникальных природных и географических условий, в вышеперечисленных провинциях по прежнему существует более 100 подземных поселений. А на севере провинции Шаньси, в районе Мичжи подземные жилища занимают почти 80% всех крестьянских домов [2].

3. Типы грунтовых усадеб яодун. Характеристики китайских традиционных грунтовых жилищ показывают, что люди в полное мере использовали естественные особенности местности. Несмотря на то, что все жилища устраивались в земле, они подразделялись на определенные группы. Лоу Чинси делит яодуны на 2 основных типа. Первый тип жилищ: помещение, выкапываемое горизонтально, на склоне холма. Форма у них была прямоугольной с арочным сводом. На входе в комнату устанавливались двери и окна. При необходимости можно было добавлять подобные помещения слева и справа. Для большего удобства можно было также выкопать пространство перед пещерой и получить свой отдельный дворик. Второй тип: устройство подземных помещений на ровном участке земли. В этом случае неизбежным было появление внутреннего двора из которого можно было попасть в любое помещение [2]. Однако можно выделить еще один тип яодуна – без внутреннего двора.

В целом яудуны можно разделить на три основных типа, имеющих свои особенности в построении пространственной композиции, по в зависимости от типа рельефа местности, на которой расположено такое жилище: яодун, расположенный на склоне с крутым уклоном, яодун, расположенный на склоне с пологим уклоном, яодун, расположенный на ровном плато. Эти типы имеют принципиальные отличия и формируют различные по своей внутренней структуре посления.

Яодун на крутом склоне представляет собой одно или несколько помещений, линейно нанизанных на продольную ось. Застройка в этом случае формируется террасами. Размеры террас небольшие, поэтому в таких жилищах отсутствует внутренний двор (чрезвычайно сакральное место в китайской традиционной архитектуре). Примером такого жилища можно считать восстановленный в 2008 комплекс пещерных жилищ бывшего Яньаньского университета (рис. 6).

Рис. 6. комплекс пещерных жилищ бывшего Яньаньского университета [9]

Второй тип яодуна на пологом склоне также относится к террасированной застройке, однако здесь могут быть вариации. Эти постройки, в отличие от первого типа, обладают большей свободой пространственной композиции и возможностью устройства внутреннего двора. В первую очередь к этой группе относится многоэтажное ярусное жилье, в котором внутренний двор усадьбы может располагаться на одном-двух уровнях (рис. 7) [3]. Поселения в этом случае представляет собой комплекс больших усадеб, компактно сосредоточенных на одном участке.

Рис. 7. План поселения из многоэтажных ярусных жилищ, внутренний вид [2]

К этой же группе относятся усадьбы, охарактеризованные Лоу Чинси как яодун на склоне, с внутренним двором, сформированным с помощью достройки внешних наземных стен на нижних отметках рельефа [2]. Для таких усадеб также характерно обязательное присутствие внутреннего двора. Усадьба формируется помещениями с одной, двух или трех сторон, в зависимости от размещения в структуре поселения. Сами поселения по пространственной организации схожи с предыдущими.

Третий тип грунтовых жилищ на ровном плато представляет собой полностью заглубленное под землю пространство с открытым внутренним двором. Эти жилища полностью соответствуют характеристикам сыхэюаня, разница лишь в том, что они возводились не на земле, а выкапывались в ней. Все помещения группировались вокруг открытого двора.

Поселения из таких усадеб представляют регулярную структуру, также как застройка из наземных сыхэюаней (рис. 8)

Рис. 8. Поселение на ровном плато, вид сверху

Как правило, такие усадьбы ориентировались по странам света, количество комнат – пещер могло достигать двенадцати. Помещения выходившие на южную сторону (с максимальным естественным освещением и прогревом солнечными лучами) становились основными жилыми пространствами. Остальные помещения, располагавшиеся с других сторон двора, тажке можно было использовать как спальные комнаты или же как подсобные помещения [2].

Для строительства яодуна на ровном плато выкапывался квадратный в плане котлован с глубиной 6 – 7 м, шириной (длиной) 12 – 15 м – будущий внутренний двор. Во внутренних стенах котлована выкапывались помещения высотой 3 м с арочным сводом, длина таких помещений достигала 10 м, ширина 3 – 4 м. Для защиты стен внутреннего двора от эрозии, вызванной осадками, а также для предотвращения падения людей сверху, по периметру внутреннего двора в уровне земли делались парапеты, с устройством карнизного выноса внутрь усадьбы. Вход осуществлялся с пощью деревянных лестниц или пандусов.

В таких грунтовых жилищах отопление используется кановое. В спальных комнатах сооружаются большие лежанки ближе к внешней стене (рис. 9).

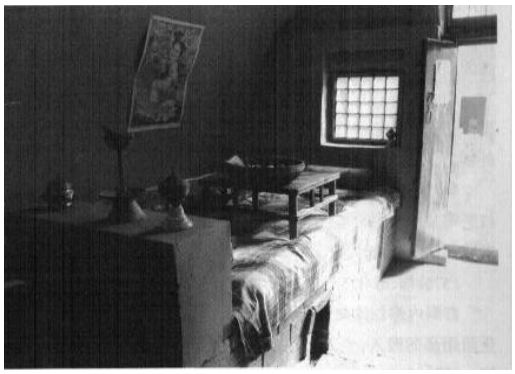


Рис. 9. Отапливаемая лежанка в помещении яодуна

Роль водопровода играет колодец вырытый внутри усадьбы. Вентиляция осуществляется через слуховые окна под сводом в наружных стенах. Для защиты от воды и грязи в дождливый период пол в помещения приподнимается над уровнем пола внутреннего двора, замощенного плиткой. Внутренний двор часто засаживается фруктовыми деревьями, превращаю его в частный сад [4].

Заключение. Естественный процесс формирования жилой среды на протяжении исторического периода дает обществу выверенную веками модель жилого пространства, наиболее отвечающее условиям жизнедеятельности человека в

том ландшафтом, климатическом, культурном ареале, в котором она и формируется.

Грунтовое жилище яодун до сих пор сохраняет свои традиционные формы. Это в целом характерно для китайской культуры. Однако роль яодуна особая. Яодуны представляют собой выверенный баланс не только между природой и человеком, но и между традициями и современностью с ее стремлением к такому балансу. Использование рельефа и природного окружения для устройства жилища, возможность обходится малым (только тем, что дает местность) делает такой тип жилья экономичным и экологичным, что не может не привлекать современную архитектурную мысль.

Список использованных источников и литературы:

1. Задвернюк Л. В. Формирование и развитие традиционных народных жилищ национальности бай ки-тайской провинции Юньнань. Новые идеи нового века – 2014 : материалы Четырнадцатой Международной научной конференции в 3 т. / Тихоокеан. гос. ун-т. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. – 3 т. Т. 1. С. 93-98.
2. Лоу Чинси. Двадцать лекций по древней архитектуре Китая. – М. : Издательство Ассоциации строительных вузов, 2010. – 392 с.
3. Лучкова В. И. История китайского города. Градостроительство, архитектура, садово-пар -ковое искусство : монография. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун та, 2011. – 442 с.
4. 在版 目（C I P) 数据 窑洞地坑院 造技 /王徽等著.一合肥:安徽科学技 版社，2013. 7 (中国 建筑 造技 ）(на китайском языке) (пер. с кит.: Серия книг. Ван Хуэй Строительство подземных домов. – Хэфэй: Издательство научно-методической литературы пров. Аньхой, 2013, 168 с. (исследования китайской традиционной архитектуры).
5. 白族 民居建筑 / 崇礼著.一昆明：云南民族出版 社，2007. 12 (山文. 第 2）(на китайском языке)(пер. с кит.:Традиционные жилища народности Бай / г. Куньмин: Юньнань. : Национальный Издательский дом, 2007.–337 с.(Цаншань Веньконь выпуск 2))
6. http://www.arhiecology.ru/sochrannost-prirodi/podzemnie-zhilischa
7. http://tainyplanet.ru/blog/43782327343/Traditsionnyie-zhilischa-narodov-mira
8. http://all-italy.net/goroda-italii/matera.shtml
9. http://russian.china.org.cn/photos/txt/2008-11/30/content_16876442.htm

Zadvenyuk L. V.
lusyzadver@mail.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

BELOWGROUND HOUSE. VIEW FROM THE FUTURE INTO THE PAST. THE EXAMPLE OF CHINA TRADITIONAL ACCOMMODATION YAODUN

Abstract – The article studies the peculiarities of Chinese traditional belowground dwellings “yaodun”. A belowground construction and urban planning solves many problems of functional organization of urban infrastructure and urban organism in modern architecture. However, until recently the belowground space was seen primarily as a place of concentration of public functions or for transport. Modern trends of development of urban areas talk about the necessity to return to a “human scale” architecture. “Eco-architecture”, “green architecture”, “energy-efficient architecture”, “landform

architecture", "new urbanism" returns to traditional forms of architecture. Belowground residential architecture now appears. It's combines concepts such as sustainability, energy efficiency, contextual, and so on.

One of the unique examples of traditional Chinese belowground housing is a subterranean manor yaodun. This type of housing originated in archaic times, but eventually disappeared, and evolved on a par with the ground dwellings. Modern yaodun is not inferior Siheyuan on functional planning organization, but unlike it, closely follows current trends in the development of residential architecture. This traditional form of organization of living space undoubtedly becomes increasingly important in the XX century.

Keywords: yaodun, belowground dwelling, traditional dwelling, China, eco-architecture, energy conservation.

Зайчиков Р. С.
Zaichikov.r@mail.ru
ДВФУ, Владивосток, Россия

ДЕКОРАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФАСАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ (ИСТОРИЧЕСКОЙ) ЧАСТИ Г. ВЛАДИВОСТОКА

Абстракт – В свете последних лет при подготовке к саммиту АТЭС во Владивостоке было развёрнуто масштабное строительство, которое изменило облик городского центра. В связи с этим был разработан гостевой маршрут по наиболее достопримечательным местам краевого центра. Были окрашены и частично отреставрированы многие здания в центральной части города, представляющие архитектурную и историческую ценность. В процессе были выявлены неповторимые, оригинальные декоративные элементы фасадов исторических зданий, нуждающиеся в немедленной реставрации. Многие детали погребены под толстыми слоями окрасочных составов и практически не читаются. Однако, в силу различных причин, расчистки не были сделаны. Имеются примеры, когда детали разрушаются под воздействием атмосферных и техногенных факторов. В целях сохранения историко-художественного облика г. Владивостока и фасадов исторических зданий как стилеобразующей основы городского центра, выявление декоративных элементов фасада как художественной составляющей облика сооружений, может являться предметом изучения. Так как изучение композиционных приёмов и основных декоративных деталей решений фасадов, центральной части города, комплексно не проводилось, выявление этих элементов, и систематизация их по стилевым признакам позволит проследить их видоизменяемость и применение в пластике фасадов этих зданий.

Ключевые слова: декоративные элементы, декор, фасад здания, исторический, стилевой признак, пластика фасада, Владивосток.

1. Застройка центральной части города. Историческая застройка, формирующая городскую среду, хорошо сохранилась на территории Владивостока. Это, прежде всего центральная улица города – Светланская, Алеутская, Семёновская, Пологая, Океанский проспект, застройки которых с полным правом можно назвать ансамблем, почти не имеющим современных включений. В архитектурной среде данного участка исторического центра Владивостока можно наблюдать все архитектурные стили, которые бытовали в творчестве архитекторов в то время – от неоклассицизма, модерна, конца XIX века до конструктивизма и неоклассицизма 1930-1950-х годов.[4]

Первые капитальные здания начали появляться во Владивостоке после 1880 года, когда стало известно, что Владивосток будет основным портом на Дальнем Востоке России. Первое время иностранные коммерческие суда с заграничными и русскими товарами, которые шли во Владивосток со всех стран света. Это и строительные материалы, и главное, книги, научные и беллетристические, которые можно было приобрести в магазине "Кунст и Альберс".[2] Это обогащало информационное поле и позволяло иметь представление о современных направлениях в архитектуре европейских стран и высокоразвитых городов России – Санкт-Петербурга и Одессы. Значительный след в застройке оставило и привлечения иностранных архитекторов, объединивших модные направления европейской архитектуры с традиционно русскими стилями. Рассматриваемый период в развитии пластики фасада в России в целом и во Владивостоке в частности не отличался от общемировых тенденций и модных стилей того времени конец XIX начало XX века. Наличие собственных производств кирпича и цемента позволяло не зависеть от поставок этих материалов морским или сухопутным путём. Первые здания возводились из кирпича, фасады не штукатурились. В конце 90-х годов начали постепенно появляться здания с оштукатуренным фасадом, на котором появился более развитые и разнообразные декоративные элементы в отличие от декора «кирпичного стиля».

Историческая ценность зданий, построенных в конце XIX начале XX вв., расположенных в центре города по улицам: Алеутская, Светланская, Семёновская, Пологая, Комарова, Океанский проспект, Фокина, Краснознаменный переулок, Уборевича, Петра Великого с течением времени претерпевает определенные изменения и развитие. Если в советские времена значение этих сооружений носило в основном функциональный, социальный смысл в качестве полезных сооружений для инфраструктуры города объектов, то в настоящее время это предназначение утратило свой смысл. На данном этапе развития города эти сооружения уже не выполняют практической функции, которая требуется от современных зданий. Возникает проблема обоснования их нужности. Таким основанием является художественная ценность этих зданий, которая преобладает над материально-утилитарными аспектами в цивилизованных обществах. В рамках этой установки является целесообразным обозначить стилистические моменты этих сооружений, чтобы ими руководствоваться в процессах, как обучения, так и ревитализации и продолжения стилистической преемственности в интересах единого художественно-исторического пространства г. Владивостока. На федеральном, краевом и городском уровне имеются проекты охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры).[4] Как правило, эти дома, большая их часть находятся в частной собственности, что влечёт различные проблемы. Не все собственники с должным вниманием относятся к зданиям как к историческому наследию, изменяя их по своему усмотрению, что влечёт изменение художественно-исторического пространства центральной части г. Владивостока.

2. Проблематика декоративной отделки фасада. Являясь художественно-исторической ценностью, здания своей визуальной частью, то есть фасадом, задают образ, как самого сооружения, так и облика застройки кварталов, либо улиц, а также самого города. Поиски архитектурной образности здания проявляются в выборе декора фасада, как результат индивидуального архитектурного творчества, уникальности и запоминаемости.

Какие элементы декора фасада можно рассмотреть в качестве стиле- и формообразующих, связанным с функционально-конструктивными факторами, или формами, являющимися лишь чистым украшением. Декоративные элементы, форма оконных проёмов, дверей, ниш, завершения крыш и другие части, создающие образ фасада сооружения, могут являться стилеобразующими объектами. Разнообразные формы оконных и дверных проёмов, применяемых на фасадах зданий, их размеры, форма как элемент формообразующий. Выявление конструктивных особенностей здания способствуют пилоны, пилястры, карнизы, междуэтажные пояски. В связи, с чем важность их изучения проявляется не только с функциональной точки зрения. Нахождение взаимосвязи конструкции и архитектурно-художественного образа, одна из проблем развития зодчества. Конструкция (как чисто техническая структура) получает значение декоративного элемента архитектурного решения, лишь с конкретными функциональными и эстетическими задачами.[1]

Размещая декоративные элементы на фасаде, задаётся непосредственное развитие фасада в горизонтальном либо в вертикальном направлении. Оно определяется по количеству превалирующих элементов. Основным украшением чистых плоскостей фасада являлись, либо вертикально растянутые элементы-лопатки, декорированные пояски, кольца с нитями, пилоны, лепнина, маскароны, растительный и животный декор. Большую часть декора принимают на себя оконные проёмы, оконные оси, карнизы, пилоны, фронтоны, щипцы. Также можно говорить об использовании различных фактур при декорировании плоскости. Чаще всего она применялась как решение для цоколя (при нарезке рустами - гладкая или грубая фактуры), либо как заполнение ниш или выделения, какого либо элемента на гладкой поверхности, так и как обрамление окна.

Различия между одинаковыми (по типу) декоративными элементами, можно объяснить как поиск развития фасада как элемента художественной образности здания, и попытке уйти от канонических форм из каталогов.[2] Не стоит забывать о том, что г. Владивосток был военно-морской базой, это тоже наложило отпечаток на развитие зданий. В частности это выражается в большей лаконичности фасада и упрощению элементов декора.

Необычность применения декоративных элементов на фасадах зданий в городе можно считать их лаконичность на большинстве зданий. Это, скорее всего, объясняется тем, что г. Владивосток захватил последнюю стадию стиля модерн, которую часто называли рационалистической. Основное отличие от предыдущих стадий была лаконичность декоративных элементов. [1]

Можно говорить о том, что применялись определённые типовые виды декоративных элементов и приёмы их размещения в структуре фасада, которые видоизменялись в зависимости от типа и назначения здания.

3. Применение декоративных элементов в современных условиях. В последнее время часто появляются здания с применением приёмов декоративной

отделки фасадов. Однако не всегда декоративные решения фасадов выявляют тектонические особенности конструкции сооружения. Появляются упрощенные виды применения декоративных элементов, которые искажают восприятие фасада как цельной композиции, несущей эстетическую и функциональную нагрузку. Такие примеры встречаются всё чаще, это, по всей видимости, связано с тем, что заказчики стремятся выделить своё здание среди других, и для этого применяют различные традиционные и не традиционные виды отделок фасадов, смешивая различные приёмы и комбинации декоративных элементов, сообразуясь со своими представлениями. Появление монотонных фасадов, сделанных из какого либо материала (стекла, бетона, отделочных панелей т.п.), акцентирует внимание на пропорциях здания и его выступающих частях (если таковые имеются), либо на цокольном этаже, либо на первых этажах. Фасады теряют смысл как элемент художественной ценности и как выражение традиционной архитектурной мысли. Новая эстетика не предполагает наличие архитектурных излишеств на здании. Это делает сооружения крайне функциональными и сугубо практичными. В них есть красота пропорций, но отсутствует элемент визуальной эстетики (эмоциональное восприятие), которая позволяет не скользить взглядом от одного угла здания до другого, не встречая на своём пути ничего, а разглядывать элементы украшения здания и оценивать работу архитектора как искусство, а не как простое проектирование сооружения.

Заключение. Определено разделение зданий по типу основного отделочного материала на: кирпичные, оштукатуренные, комбинированные – кирпич-штукатурка, штукатурка + декоративные материалы (глазурированный кирпич, плитка), отделочный кирпич + плитка.

Также можно разделить декор по направлению развития на вертикальные и горизонтальные, по превалированию вытянутых вверх или растянутых по горизонтали, элементов.

Как правило, первые этажи зданий декорировались меньше чем 2,3,4 этажи, на которых декора было больше, что объясняется восприятием здания с дальнего расстояния, например с другой стороны улицы, когда взгляд стремится охватить всё здание целиком. Декорирование фасада, производилось по определённым композиционным приёмам и с использованием декоративных элементов используемых в строительных каталогах того времени[2].

Важность исследования декоративных элементов, подобных зданий, заключается не только в сохранении здания как объекта архитектурного наследия, но и как материал для реставрационных работ. Сохранение и изучение элементов декорирования фасада позволит разнообразить пластику современных зданий, а также грамотно применять композиционные решения по декорированию фасада, сообразуясь с историческими аналогами. Воссоздание утраченных элементов по аналогии таких же построек этого периода может помочь в реставрации исторических архитектурных памятников.

Список использованных источников и литературы:

1. Агеева Е.Ю., Акилова Е.В., Костина Е. В. Архитектурные стили конца XIX- нач. XX вв. Учебное пособие - Н. Новгород: Издательство Нижегородского гос. архит. – строительного университета, 2011. – 70 с.

2. Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX

века. том VII. Детали. СПб, «Строитель», 1904. 132 с.

3. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г.Владивостока 1860-1910 гг. - Владивосток: Изд. «Уссури», 1990. - С. 216-217 (переиздание 1910 г.).

4. Проект зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на северном берегу бухты золотой рог, в том числе ансамбля механических мастерских Владивостокского военного порта в составе разработки проекта планировки территории в районе размещения культурно-выставочного комплекса с музеем военно-морского флота. Том 2. ОАО «Приморгражданпроект» Владивосток, 2010 г.

Zayachikov R. S.
Zaichikov.r@mail.ru
FEFU (DVFU), Vladivostok, Russia

DECORATIVE ELEMENTS OF FACADES OF THE CENTRAL (HISTORICAL) PART OF VLADIVOSTOK

Abstract – In the light of the last years by preparation for the APEC summit in Vladivostok large-scale construction which changed the image of the city center was developed. In this regard the guest route in the most noteworthy places of the regional center was developed. Many buildings in the central part of the city which are of architectural and historical value were painted and partially restored. In process the unique, original decorative elements of facades of historical buildings needing immediate restoration were revealed. Many decors are buried under thick layers of painting structures and are practically not read. However, owing to various reasons, it wasn't made. There are examples when details self-destruct under the influence of atmospheric and technogenic factors. For preservation of historical and art shape of. Vladivostok and facades of historical buildings as style forming basis of the city center, identification of decorative elements of a facade as art component of shape of constructions, can be a studying subject. As studying of composition methods and main decorative details of solutions of facades, the central part of the city, in a complex wasn't carried out, identification of these elements, and systematization them on style signs will allow to track their changeability and application in plasticity of facades of these buildings.

Keywords: decorative elements, decor, building facade, historical, style sign, plasticity of a facade, Vladivostok.

Zong Min
531263899@qq.com
HIT, Harbin, China

ANALYSIS OF THE AESTHETIC CHARACTERISTICS OF CONTEMPORARY WESTERN ARCHITECTURE

Abstract - The contemporary western architectural aesthetics, its remarkable characteristic is to change the aesthetic thoughts as the theoretical basis, by the use of the superb technology as a means of realization. In the construction process of creation, it is no longer confined to the construction entity static design creation, but pay more attention to the behavior and use of the process; to meet the interests of all aspects of design, reflect the designer's personality and respect the creative technology in architectural philosophy, pay attention to solve the problem. This paper will analysis the contemporary western architectural high-tech what development trend, aesthetic features and the manifestation of the.

Keywords: high-tech, contemporary western architecture, aesthetics characteristic

The structure of light

After the 1960s, some of the new skills of architects from the technical point of view began to start to dig a new aesthetic expression of artistic expression brought the building structure.Especially the new technology and materials to make expression for non traditional aesthetic architectural form of contribution.

Contemporary avant-garde architects will realize the architectural form an extreme exquisite beauty with a high level of technology structure.Development of modern building structure technology almost can help architects arbitrary show their creative inspiration.

Some architects advocated in architectural creation reflect the building's"weightless" and "sense of lightness". Reflect the building"weightless"architect soften violate institutional logic, the architectural design of the "top-heavy", often make people doubt the architects how to overcome the gravity of the earth is located on the ground. For example Mike de Haas architects in Holland in Utrecht"aluminum forest» is completely subvert the rational structure of logical rules followed by traditional architecture. «Alumin um forest» in this work (Figure 1-1),rectangular building huge size structured only «small diameter fragile» aluminum alloy column support in calm waters, and the distribution of these columns appear in ordinary people are randomly placed in the water, not only the distribution uneven, some even skew. It is unthinkable for the traditional architectural aesthetic experience.

Some architects with contemporary technology began to try to launch to the architectural form of light, nothingness and emptiness aesthetical expression of creation. Maijima Wase and SANAA architectural design works, with a more important "penetrating" style. The use of a large number of glass wall material,make the building feel light and floating. Also have a story called "penetration and flow" type of building. As the Pulitzer committee chairman Lowder Palumbo said: "her architectural style, slender and forceful, determined and flexible, clever but not too. His works "Li Shulin house» building exterior wall only 5mm so thin, but reached the insulation requirements for general residential, to

which we must pay attention to the doctrine, long reinforced concrete building can hold. Ideal spatial mode in her heart is: under one roof, in addition to their rooms, there are many places can be stagnant, can gather can powder, near or far. Such a flow transparent space is generated (Fig. 1-2).

HPP firm to design the Neven Dumont press is the use of transparent glass and fine steel structure to build the building appearance (Fig. 1-3). The inner courtyard and around is also determined by the glass partition. Through the two outer layers of glass people can still see the courtyard green. Day or night, the building looks like have if have no, very close to the misty. The two buildings changed the conventional sense of architecture as the aesthetic object, real image. The ethereal, gentle,ethereal, nothingness..... The former building words and unrelated, now to describe them is very appropr iate and consistent.

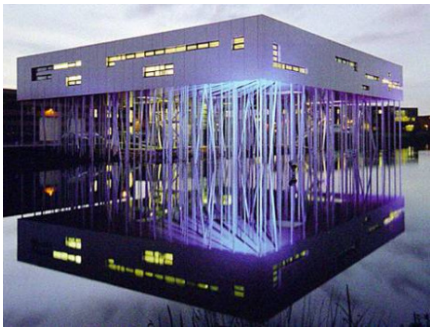


Figure 1-1 "aluminum forest"

Figure 1-2 Tuault shows a senate shop

Figure 1-3 text•Du hoodwinks the publishing house

Intelligent Environment

High and new technology plays a very important role in the process of development of contemporary western architecture. Their intervention not only increased to enhance efficiency in the use of buildings, improve the use of building function, but also provides a new architectural form for building. There are a lot of contemporary western avantgardism architecture form creation work is completely out of the building technology of architects to explore new results show. These works not only become a milestone in the development of construction field, has become an important vane architecture aesthetics development. They are the architectural aesthetic presentation in terms of the most powerful proof in rationality. High tech in the most representative personage Norman Foster, his works do not show the"ecological architecture", "humanistic care" design concept.

The headquarter building of Frankfurt commercial bank is considered the world's first high-rise ecological architecture, representative of the absolute (see 2-1). It is triangular plane to the maximum acceptable sunlight, interior atrium is like a big chimney, natural ventilation organization office space. After the wind tunnel test after the internal layout of the building air garden. The garden reaches as high as 4, and set three on each side of the plane of the triangle, the garden according to the range of different planting different plants and flowers, the side facing theatrium of the completely opening, and become the "chimney" inlet, outlet. These design techniques makes space to maximize the satisfaction of ventilation and natural lighting of buildings, building energy consumption will be run down to the lowest, save a lot of energy. In addition, the building indoor use of auto mation sensitive temperature system, central control system can

adjust the indoor temperature and humidity by automatic sensors. Different wall openings with sound absorbing material and filtering material and other facilities to form multifunctional"absorption wall», in the regulation of temperature and humidity can also filter the dust reducing noise. Building, except in a handful of heat and cold weather can not open air conditioning, greatly reduce air pollution and energy consumption. From the design point of Bank of view, low energy consumption and Forster reasonable use technical means to realize the cross disciplinary building, to reduce the operation cost of building from all aspects. From the innovation thought, he put the garden layout in high-rise office buildings, is the realization of ecological architecture design concept of people-oriented, environmental protection.Ecological architecture has from the beginning to the end in the whole design of the penetration.

Located in the South Bank of the Thames River in London, London City Hall, its architectural appearance helical round vitreous body tilt, the overall bottom-up tilts to the south of 31 degrees, constitute a twisting, transparent glass body building transparent, lively, novel (see 2-2). This has a strong visual impact and very novelty architecture form is mainly for environmental control technology is adopted to design the results of indoor space. Inclined building form South transparent, is mainly for the cut to accept sun light area, reduce the inside of the building because of direct sunlight and elevated indoor temperature, reduce energy consumption. In addition, building tilts to the south, north of the shadow area is reduced, so that the North sidewalk as much as possible to get the sun. At the same time, the building also incorporates a set of comprehensive environmental control system, in order to reduce the energy consumption of the building. The consumption of energy and the system itself by the normal office building air-conditioning system energy consumption reduces about 75% compared to. The latest achievements of the building shape design is both energy saving and environmental protection technology of beneficial exploration, also subversive of the same type of public building serious and dull appearance style, but also for the creation of contemporary architectural morp hology showed a trend of new aesthetics. This type of construction Norman Foster also designed many, such as the GermanHouses of Parliament expansion project and the Swiss Insurance headquarters building is this.

Figure 2-1 Frankfurt Bank

Figure 2-2 London city hall

Building transparency

The contemporary West constructs more and more is understood by the people that is different from the traditional construction outward appearance's closeness, the contemporary West constructs more and hides its organization in the spatial internal ventilation duct, on the down-flow pipe and so on presented. Makes the audience from the

construction outward appearance apparent its construction “skeleton” and “visceral organ”, is construction even more transparence.

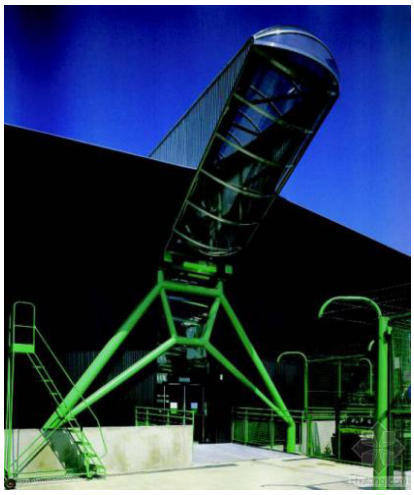


Figure 3-1 Home Bess supermarket

Figure 3-2 Pompidou arts center

Located at the corner of Home Beth Thain Hong Kong supermarket used to be a huge Wine library location. The client only two requirements: one is 4000 square meters of shopping area to the pillar less as far as possible, the parking lot as large as possible, to achieve the optimization function; the two is to make this market has an attractive image, maket ravel from nearby locomotive cars on the fast track to see a clear, easy to identify.In order to achieve the requirements of owners, Grimshaw selected oblique Rajacantilever structure. The whole building core structure is composed of steel column four thick tree only a steel frame column pier. Suspension from the pier on the oblique pulling fixing the building back -- a longitudinal through building truss girder, suspension Rachel’s position is not symmetrical, on both sides of the distance is almost 1:2 relationship. The short end is connected with the truss initial sitting position entrance awning part, long end bearing the whole building roof, also the cantilever than its distance for a longer period of truss. Looks very simple structural element is carrying a large scale of construction, but also realize the indoor space without pillars, can be arranged according to the needs. But its image with the system of steel frame column pier cable-stayed tall and become the air signs. Through truss girder construction covered with transparent glass materialand become the important source of indoor air recovery. Grimm Shaw with structure of the logic of the most concise completed a huge, complex functional requirements of the construction works, and showed a stable, quiet elegant,architectural form. He completed a structure technology beautiful show logic and clear. By Richard Rogers and Renzo Piano co designed Paris French Pompidou Art Center in this work can illustrate this problem (Figure 3-2). In the construction Wailimian, various conventional sense need to hide in the construction of the inner space of the ventilation pipe, passenger elevator, structural steel, water pipelines and various cable pipes have been unreservedly exposed within the line of sight of people. The whole building is like being from inside to outside and inside out athorough. This should be the construction of the “internal organs” has become a depiction of architectural expression “external features”. This is particularly interesting architects feared that the “organ” is not visible, in order to attract people’s attention, the architect also specially to classify them painted in eye-catching color. The results of this approach is that the architectural form of the art effect appears entirely by these colorful pipe, steel frame and outdoor elevator to take. In this work, the previous building internal member turned itself into a people’s aesthetic object. Specific use functions mingled with the demand of aesthetic value and unique aesthetic meaning complex. The aesthetic features of this work show has not only past technological supremacy fengruoguinie inevitable result. It also carried this time around the aesthetic complex machinery aesthetics lingeringpumianerlai. The aes-

thetic expression that the contemporary industrial civilization,technology and culture, the spirit of the times, the aesthetic ideal of doped together, tangled up.

Summary

Science and technology have a special significance in the contemporary aesthetics, aesthetic orientation, technology has universal existence in all aspects of social life, the contemporary architectural aesthetic attention and explore the potential of technology has also become significant aesthetic phenomenon in contemporary architecture, aesthetic attribute of construction technology has been to establish. As a special media records and the spread of human civilization, the building also unceasingly spread to people life style, aesthetic style and other cultural characteristics and information. The contemporary western architecture in the material level, ideological level and mental level conveys high-tech unique aesthetic quality, therefore, the expression is a high-tech technology under the contemporary western architectural aesthetics in an important extension of construction representation level.

Bibliography:

1. (Italy) Giovanni Leos world renowned architect comments on the works of Norman Forster series - Dalian University of Technology press 2011
2. (Austria) Roland Hagenberg professional architect: 20 Japanese architect side visit Tsinghua University press 2
3. Liu Songfu, Chen Suliu Renzo Piano, China Building Industry Press, 2007
4. Wan Shuyuan aesthetics of Contemporary Western Architecture Journal of Guizhou University, 2003
5. The contemporary western architectural aesthetics
6. Wen Bo Liu Xiaoying high tech under the new expansion of Shaanxi building 2011
7. Cheng Shizhuo British architectural aesthetic genealogy research doctora te thesis 2013

Зон Мин
531263899@qq.com
ХТИ, Харбин, Китай

АНАЛИЗ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Абстракт - Основной эстетической характеристикой современной западной архитектурной является изменение эстетической мысли в качестве теоретической основы, с помощью новых технологий как средства реализации. Процесс строительства архитектурных сооружений не ограничивается созданием строительной компанией статического дизайна, а внимание больше уделяется использованию различных методов строительства; при этом под контролем находятся все аспекты проектирования, также отражается личность автора и креативная технология философии архитектуры. В этой статье проанализирована современная западная архитектура стиля хай-тек, тенденция ее развития, ее эстетические особенности и проявления.

Ключевые слова: хай-тек, современная западная архитектура, эстетические характеристики.

Зуева П. П.
ppzueva@mail.ru
МАрхИ, Москва, Россия

ВЗГЛЯДЫ Ф.Л.РАЙТА НА АРХИТЕКТУРУ И ОБЩЕСТВО

Абстракт – в работе раскрывается понимание Ф. Л. Райтом значения личности архитектора, приводится ряд определений термина «органичная архитектура», показана связь органичной архитектуры с понятием «демократия» и ее определение Райтом. Описываются особенности концепции расселения на примере Бродакр-Сити, раскрывается тема Узонианской цивилизации в качестве образца настоящей свободы.

Ключевые слова: Франк Ллойд Райт, органичная архитектура, принципы проектирования, цивилизация, демократия, Бродакр-Сити, «Узония».

Америка очень волновала Франка Ллойда Райта, и он пытался ее понять. Американский образ жизни всегда называли цивилизацией, а душу цивилизации, по мнению архитектора, составляло искусство и религия, так всегда было в прошлом. Мастер задавался вопросом, что взяли США из Старого света, кроме рабочих поселков, больших городов и колониального стиля, потому что для создания собственной культуры необходима собственная архитектура и если бы был взят лучший опыт, то народ мог бы стать несоизмеримо богаче.

Райт был одним из тех, кто старался дать лучшее миру, а это, по его убеждению, возможно лишь тогда, когда в основании культуры встанет архитектура вместе с синтезом всех искусств.

1. Представления Ф. Л. Райта об архитекторе и архитектуре. Архитектор называл себя старым ветераном с 60-летним стажем и считал, что немногие смогут ответить на вопрос, что отличает плохое здание от хорошего, потому что не все архитекторы чувствуют и видят основы, и потому что художниками рождаются, а не становятся.

По мысли Райта нельзя создавать художников подобных бизнесменам, архитектура – это проявление любви к красоте, целостности, истине, цели.

В прошлом настоящие строители зданий проходили трудный путь, утверждая свое мастерство. А современным молодым архитекторам не надо доказывать тяжелым трудом свой профессионализм, достаточно просто иметь диплом, чтобы получить практику.

Архитекторы, создатели формы американской цивилизации и проводники ее культуры, всегда должны много работать над собой, чтобы сделать себя совершеннее и выработать в себе такое качество, какое бы хотели видеть в своих проектах и постройках. Если у архитектора есть что сказать в совершенной форме, изящной линии и выразительном цвете, то каждое выражение мастера будет иметь собственную грамматику, слово будет использовано в самом достойном его значении и будет говорить универсальным языком красоты, оставив ограниченный набор застывших архитектурных фраз.

Определяя органичную архитектуру Ф. Л. Райт отмечал, что это архитектура личности для личности и ради личности. Самое трудное для зодчего сохранить дух свободным, не подражать, не копировать, не следовать слепо и бездумно за модой.

Сегодня архитектура делится на архитектуру, ландшафтную архитектуру и дизайн интерьера, а для Райта такое разделение было невозможно, т.к. в органичной архитектуре все едино.

2. Строительство Демократии. Демократию Ф. Л. Райт рассматривал с точки зрения свободы архитектуры. Более того, если демократия и архитектура органичны, они не являются разными понятиями. В демократическом обществе, архитектор имеет право быть самим собой и если архитектор не подтвердит то, на что он претендует, он не получит заказа. Демократия и архитектура, по утверждению Райта, основаны на качестве.

Индивидуальный дом Райт понимал как демократический институт, и если дом обезличен, качество его плохое, то не может быть и демократии. Органичные (целостные) здания – это демократические здания. Дом должен «познать» то место, где его возвели и принадлежать своему участку. В постройке всегда использовались природные материалы для природной жизни. Метод строительства по Ф. Л. Райту, это когда органичное сооружение вырастает из земли в соответствии с природой жизни человека на земле. Таким образом, органичное здание служило природе его цели.

Интересно высказывание Ф. Л. Райта о том, что демократия – это высшая форма аристократии, но не с точки зрения привилегий, основанных на праве наследования, незаслуженно, извне, а с точки зрения идеи, что все возникает изнутри, т.е. в демократии форма аристократии внутренняя.

3. Новая свобода жизни в США. Бродакр-Сити. В связи с тем, что Райт искренне верил в идею, что органичная архитектура может стать основой культуры демократии, он для обозначения культуры равных возможностей в США в 1928 г. создает термин «Узония» (от US, Соединенные штаты). Автомобилизация страны становилась достижением Америки, а значит благодаря этому, была бы возможной дисперсная форма цивилизации.

Согласно дезурбанистической концепции - идеи «Города широкого простора», будущий демократический американский город вообще мог не осознаваться как город, отличаясь от всех поселений, он вырастал сам, «стихийно», но с другой стороны, люди осознанно строили новую дезурбанистическую систему.

Впервые с макетами «Города широких просторов» – «Бродакр-Сити» общественность познакомилась в 1935 г. на выставке Промышленных Искусств Национального Союза Искусства и Промышленности, проходившей в Нью-Йорке.

Главный макет Бродакр-Сити размером 3.6х3,6х0,2 был изготовлен из дерева в масштабе 1см:18 м. Он представлял собой территорию в 4 кв. мили (1036 га) или, по более традиционному определению, четыре земельных участка топографической службы США общей площадью 2560 акров (1036 га). Как сообщалось в статье 1935 г. «Архитектор моделирует новый тип города» на этой площади в 2 кв. мили должны были разместиться 1400 семей или жилых единиц. [4, p.16,]

Транспорт в Бродакр-Сити был показан на модели в виде широкого артериального скоростного шоссе состоявшего из нескольких транспортных потоков в верхнем уровне, монорельсовых скоростных поездов в центре и грузовых перевозок в нижнем уровне. Внутри этих шоссейных сооружений были также склады, где хранились запасы сырья.

Земля в Бродакр-Сити была перераспределена государством: бездетным семьям отводился 1 акр, более крупные семейные единицы получали больше, хотя Райт ощущал, что архитектор должен быть агентом государства во всех делах, касающихся расселения.

Философские и проектировочные темы, заявленные в Бродакр-Сити, вновь возникают в его последующих архитектурных, градостроительных и научных работах. В 1950-х годах он формально вернулся к идеям Бродакр-Сити начала 1930-х гг. и усовершенствовал их. В книге «Живой город» (The Living City, New-York, 1958) он предлагал принять во внимание новые силы, которые приведут к созданию «Города широких просторов» – среди которых современное использование материалов, стекла и стали, электричество как источник бесшумной энергии, электрификация, автомобиль и самолет как достижение мобильности и расширение средств человеческой коммуникации, и органичная архитектура.

В начале 1930-х гг. Райт считал, что «в Бродакр-Сити можно найти не только образец для настоящей свободы личности как личности, но найти там сооружения, основанные на децентрализации почти всего, что создал большой бизнес, чтобы быть большим, также базовую экономическую структуру, нацеленную на большую индивидуальность, большую простоту, более прямую ответственность правительства там, где это не касается личности человека. Итак Бродакр-Сити - не просто идея возврата «назад, к земле», но скорее разрушение искусственного разделения между городской и сельской жизнью». [5, pp. 35-37]

О некоторых особенностях «Города широких просторов». Из беседы Ф. Л. Райта с Мис ван дер Роэ. Макет Бродакр-Сити находился в Тейлезине и, когда в 1937 г. Людвиг Мисс ван дер Роэ посетил Ф. Л. Райта, и они побеседовали о современной Узонианской цивилизации [3, pp.69-80]. Райт объяснил, что земельный участок на макете представлял собой характерный пример главного города округа. Проект предполагал, что город идет в деревню и вбирает ее в себя. Была представлена типичная топография с холмами, равниной и рекой, чтобы смоделировать развитие земельного участка американского Узонианского округа. Вариант окончательного Бродакр-Сити собирался из подобных округов, но сгруппированных в штаты. Затем все округа и штаты объединялись в Федерацию.

Бродакр-Сити – большая страна, в основе которой лежала идея, что каждый ее житель не только обладает акром земли на протяжении всей жизни, но каждый мужчина имеет свой собственный автомобиль или даже самолет. На макете была представлена как целое лишь малая часть от города, который когда-нибудь вместил бы все Соединенные Штаты. Макет являлся не окончательным образцом, а промежуточной схемой, которая была свободной по главной и второстепенной осям, что не давало ей никогда превратиться в обычную академическую статичную идею. Схема всегда была готова к органичным изменениям, т.е. она не «классична», а органична.

Из правления округа должны были исходить все правительственные акции, поступала почта, осуществлялось необходимое официальное распределение, руководство и защита обеспечивалась вертолетами, общественные коммунальные услуги поступали по каналопроводам, расположенным в одном метре от обочины.

Поскольку старые железные дороги Ф. Л. Райт считал несовременными, он взял ее полосу отчуждения и спроектировал центральную скоростную дорогу экспресс-транспорта от океана до океана. Главная артерия - измененная железная дорогая связывала округа штатов и сами штаты в конечный Бродакр-Сити. Все при-

надлежало правительству и управлялось им.

Округа США занимают от 30 до 40 квадратных миль каждый и в каждом есть главный город, но не надо было менять расположение городов в главных округах. По идее архитектора упразднялись мелкие деревенские власти, и таким образом упразднялась мелкая бюрократия. Управление концентрировалось на более высоком уровне, правительство округа теснее связывалось с федеральной администрацией, но его численность становилась меньше. Правительство штатов, по мысли Райта, становилось бы менее необходимо, по мере того как процесс правительственного контроля становился бы более органичным. А всем владели бы и все контролировали обычные жители.

В определении протяженности города Райт исходил из того, что каждый человек имеет машину. Миля для него в автомобиле или несколько миль в воздухе составило бы лишь временную дистанцию. Расстояние считалось отрезками времени, не дюймами или футами. На макете были показаны условия развития не особенно отличные от того, что было в некоторых районах американских городов во времена Ф. Л. Райта.

Для решения роста населения были зарезервированы специальные зеленые зоны. Но на макете дома и сады занимали больше места, чем было необходимо в действительности при фактическом развитии.

Каждая община в Бродакр-Сити обладала определенными функциями: это искусства, ремесла и маленькие домашние мануфактуры. Образовательная функция осуществлялось в университетах, с новыми университетами, децентрализованными элементами, были связаны дендрарий, аквариум, зоопарк. Все фазы развития природы были собраны для специального природного обучения. Человек изучал человека в связи с местом его рождения – землей – и человека в отношениях с людьми. Ф. Л. Райт рассказывал Мис ван дер Роэ, что человек должен был не только содержать свою землю, используя и улучшая ее, но посвящать себя ей в лучшем духовном смысле. «Заочное» владение землей не допускалось. Проектом были предусмотрены условия существования для тех людей, которые были разлучены с природой из-за урбанистического идеализма.

Социальное общение в Бродакр-Сити было облегчено благодаря увеличению пространства и приобретению свободы.

На макете все было представлено в абстракции, но в окончательном «Городе широких просторов» ландшафт становился архитектурой, как и архитектура в свою очередь становилась ландшафтом. Оба были едины с землей и оба являли гармоничное сочетание формы с природой.

Правильно понятые промышленность, искусство, наука и сельское хозяйство – все имеют общую основу. Благодаря разумному использованию развитых научных сил человечество утверждает практический образ жизни, который соединит искусства, сельское хозяйство и промышленность в гармоничное целое.

На маленьком макете Бродакр-Сити получился определенный поперечный срез и новая форма всего, что необходимо для совершенно современной Узонианской цивилизации, получилась Истинная культура.

Заключение. Ф. Л. Райт как архитектор-мыслитель всегда стремился донести до своих современников понимание значения личности архитектора, представления об общечеловеческих ценностях, демократии, объясняя все через целостность и свободу органичной архитектуры.

Список использованных источников и литературы:

1. The Master Architect: Conversation with Frank Lloyd Wright./Edited by Meehan, Patrick J.– New-York: John Wiley and Sons, 1984. – Pp.330.
2. Schapiro M. Architects' Utopia.//Partisan Rewiew, 4, No. 4, – Mar.1938, pp.42-47.
3. Tafel Edgar. Apprentice to Genius: Years with Frank Lloyd Wright. –New-York: McGraw-Hill Book Company, 1979, pp.69-80.
4. Wright F. L. Architect Models New Type of City.//The New York Times, – March 27, 1935, p.16, column 1.
5. Wright F. L. Speech at Rockefeller Center, April 15,1935. A New Freedom for Living in America.//Taliesin I, No.1, – October 1940, pp.35-37.
6. Зуева П. П. Бродакр-Сити Ф. Л. Райта - поселение будущего. //Архитектура. Вып.4. /Белорусский национальный технический университет, Архитектурный факультет./Гл. ред. А. С. Сардаров. – Минск: БНТУ, 2012. С.78-83.
7. Фремптон К. Современная архитектура: критический взгляд на историю развития. – М.:Стройиздат, 1990. – 535 с.

Zueva P. P.
ppzueva@mail.ru
MArchI, Moscow, Russia

THE VIEWS OF F. L. WRIGHT ON ARCHITECTURE AND SOCIETY

Abstract - This article observes the role of an architect from F. L. Wright's point of view. It contains a number of definitions of the term "organic architecture" and shows the relationship of organic architecture with the concept of "democracy" and its definition, given by F. L. Wright. Frank Lloyd Wright tried to understand America. The American way of life has always been called a civilization, and, according to Wright, the soul of civilization was art and religion.

Defining organic architecture F. L. Wright noted that this architecture is created by individual for the individual. The most difficult for the architect is to keep the spirit free, not to imitate, not to copy, not to follow blindly and mindlessly the fashion. Today architecture is divided into architecture, landscape architecture and interior design. As for Wright, this division was not possible, because there is only «organic architecture» and no other architecture.

The article describes features of settlement with Broadacre city as an example and pays attention to Usonian civilization as a model of true freedom.

Keywords: Frank Lloyd Wright, organic architecture, principles of design, civillzation, democracy, Broadacre City, Usonian style.

Иванова А.П.
iva.nova@mail.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ОРИЕНТАЛИЗМ И ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ: ЭФФЕКТ БУМЕРАНГА

Абстракт - В тексте сделана попытка с разных ракурсов взглянуть на проблему транскультурных связей между Европой и Китаем. Выделены две темы: поиск оптимальной знаковой системы, которой европеец мог бы объяснить самому себе легитимность пребывания в абсолютно чужеродной среде и опыт конструирования зеркальной системы, с помощью которой автохоны перепрограммировали под себя чужие культурные коды. Процесс инфильтрации условного Востока в западную культуру рассмотрен на примерах Chinoiserie и колониальных выставок; зеркальный процесс – на примерах феномена китайского барокко и движения «Chinese Form»

Ключевые слова: колониальная архитектура, «китайское барокко», «Chinese Form»

Введение. Поднимая тему ориентализма, нельзя обойти молчанием одноименный классический текст Эдварда Саида [1], опубликованный в Нью-Йорке в 1978 г. Э. Саид «определил ориентализм как способ общения первого мира с третьим» [2; с. 45]. Основной тезис Саида: европейское представление о Востоке сформировано мифами колониальной политики. Из новых исследований можно рекомендовать вышедший в 2014 г. сборник статей «Запутанные истории: транскультурное прошлое северо-восточного Китая» [3], состоящий из трех частей: трансгрессия культурных и национальных границ; конструирование идентичности: случай Харбина; мягкая сила и империализм. Автор статьи и раннее обращался к теме архитектуры «контактных зон», на примере китайских сеттльментов [4,5], в данном тексте рассматриваются рефлексии колониального и постколониального опыта.

1. «Эффект бумеранга». Развивая идеи Э. Саида профессор А. Эткинд вводит понятие «эффект бумеранга» – перенос практик метрополий, выработанных в колониях, обратно в метрополию. Классическим примером эффекта бумеранга в архитектуре является Королевский павильон (Royal Pavilion) в Брайтоне, построенный для принца-регента, будущего короля Георга IV (арх. John Nash, 1818-21 гг.). Условно-восточная архитектура павильона (минареты, луковичные купола, стрельчатые и фестонные арки, ниши-михрабы, ажурные солнцезащитные решетки, фантастические колонны с лотосовидными капителями) стала первой репрезентацией индо-мавританского стиля в Британии. При этом, некоторые интерьеры летней королевской резиденции были декорированы в «китайском» стиле, а главный зал, со стеклянным потолком, поддерживаемый пальмами, был наглядной метафорой «ориентализма» в целом. «Эффект бумеранга» демонстрируют разнообразные «экзотические» стили (Moresque, Turquerie, Chinoiserie, Anglo-Japanese style, Indomania), пережившие расцвет в эпоху рококо и неоднократно входившие в моду снова (ар-нуво) и

снова (ар-деко) [6]. Остановимся подробнее на стиле Chinoiserie, массовая популярность которого начинается в 1757 году, когда для императора Фредерика II в садах Сан-Суси под Потсдамом был построен Китайский чайный домик и, одновременно опубликована книга сэра Уильяма Чемберса (William Chambers) «Проектирование китайских зданий, мебели, одежды». Чемберс, пользовавшийся покровительством молодого принца Уэльского, (будущего короля Георга III), приступил к реконструкции королевских ботанических садов в Кью (Kew), и построил там многоярусную пагоду, напоминающую Железную пагоду в китайском Кайфене. Пагода в Кью – символом новомодного стиля «чинуяз» имела много реплики, например в мюнхенском саду Englischer Garten, в саду Тиволи г. Копенгагена и проч. Благодаря сэру Х. С. Уолполу популярность приобретает якобы японское понятие «шараваджи», которое используется для описания асимметрии, живописности и нерегулярности китайской садовой архитектуры [7]. Беседки, эстрады-веранды, павильоны, декоративные пагоды, мостики, фонарики и прочие затеи в «китайском вкусе» стали обязательными атрибутами европейских парков от Царского Села до Сан-Суси; ориентальные мотивы использовались при оформлении зоологических и ботанических садов, увеселительных заведений и проч. неофициальных общественных пространств.

2. Колониальные Выставки: ар-деко и этнография. Настоящим триумфом ориентализма являлись колониальные Всемирные выставки, проходившие в Европе с середины XIX в. (Intercolonial Exhibition of Australasia, Мельбурн, 1866; Internationale Koloniale en Uitvoerhandel Tentoonstelling, Амстердам, 1883; Colonial and Indian Exhibition, Лондон, 1886; Exposition internationale et coloniale, Лион, 1894 и проч.) до 40-х годов XX в. (Empire Exhibition, Глазго, Шотландия, 1938; Empire Exhibition, Йоханосбург, ЮАР, 1936 и проч.). В 1931 г. в Париже открылась Колониальная Выставка (Colonial Exposit), явившаяся попыткой примирения республиканских идеалов «Свободы, Равенства, Братства» с суровой реальностью колониализма, для чего активно использовалась идеология «Mission Civilisatrice». Экспозиция должна была быть демонстрацией достижений Французской Республики в области колониальной политики, колониальной архитектуры и градостроительства, а так же в сфере научных и философских теорий, оправдывающих колониализм, как благо, даруемое цивилизованными государствами отсталым народам. Были представлены не только материальная культура, сырье, товары промышленного назначения колонизируемых территорий, но и жители экзотичных заморских стран, вместе с их традиционными предметами быта и образцами самобытного искусства. Выставка имела сенсационный успех, за полгода было продано более 30 миллионов. Архитектура и градостроительные решения Выставки рассматриваются в книге Патрисии Мортон [27], по мнению которой Colonial Exposition-1931 производила двойственное впечатление: колониальный «Восток» трактовался как пространство разгула чувственности, декаданса, и, одновременно, как лаборатории западной рациональности. Французские павильоны демонстрировал изысканность европейского ар-деко, в то время как колониальные павильоны изображали этнографическую аутентичность «подлинной» среды коренных народов. Экзотические артефакты, заполняющие выставочные стенды и диорамы послужили источником вдохновения сюрреалистам, а экспозиция в целом спровоцировала волну антиколониальных выступлений. Colonial Exposition стала высшей точкой французского колониализма, в 1931 году никто не мог предсказать, что в течении последующих 30 лет, французская колониальная империя рухнет.

Приступая к рассмотрению примеров вестернизации традиционной архитектуры Китая, хотелось бы в очередной раз процитировать А. Эткинда: «В национальных государствах Европы линия прогресса была прямой, в их имперских владениях она искривлялась и образовывала складки» [9; с. 29]. В этих делезовских «складках» и формировалась архитектура контактных зон, оригинальными примерами которой являются т. н. «китайское барокко» и «Chinese Form» о которых пойдет речь ниже.

3. «Китайское барокко». Термин был предложен японским ученым, чье имя условно транскрибируется как Xize Tai Yang; последовательное изучение стиля ведется силами Harbin Institute of Technology, School of Architecture под руководством доктора Liusong Fu. Постройки, относящиеся к категории «китайского барокко» созданы руками китайских ремесленников и представляют собой традиционные жилые структуры с лабиринтами перетекающих друг в друга внутренних дворов (всего в харбинском районе Фуцзядяне сохранилось 257 дворов), по периметру окруженных многоярусными галереями с резными фризами; навесы и балконы, куда ведут многомаршевые лестницы, поддерживают тонкие резные колонны с объемными кронштейнами, типичными для китайского ордера гоу цзя. Часто несколько зданий составляют отдельный двор, имеющий один проем или сквозной проход, ведущий в соседний двор. Пластическое убранство фасадов, выходящих на красную линию и формально повторяющих европейские исторические схемы (рустовка цоколей, бельэтаж, венчающий ярус, сетки членения и проч.), основано на традиционной народной китайской культуре и перенасыщено благоприятными символами богатства и удачи. Именно избыточность декора дало повод назвать застройку Фуцзядяня первой половины XX в. «китайским барокко». Термин успел войти в международный научный дискурс и сейчас бессмысленно обсуждать его релевантность. «Двуличность» подобной архитектуры, скрывающей за европеизированными фасадами традиционный уклад, отражало двойственный характер экономической и социокультурной жизни Харбина. По мнению китайской общественности «эти здания не только свидетельствуют, что успешные коммерсанты гордились национальными традициями, но и отражают их позитивное отношение к обучению западной культуре». Для фасадов, атрибутируемых как китайское барокко, типичен избыточный лепной декор, как правило флористического характера, символизирующий в европейской традиции изобилие и процветание владельца; восточная символика цветов гораздо сложнее и не всегда поддается однозначной трактовке. Наиболее часто встречающиеся мотивы: – гирлянды из соцветий, плодов и листьев, напоминающие ритуальные связки колокольчиков, цветки и бутоны сакуры, ирисов, пионов, лотосов и хризантем, замещающие традиционные европейские розетки. Несколько реже встречаются изображения плывущих облаков, волшебных грибов, «знаки счастья» и другие священные китайские символы. Главная отличительная особенность китайского барокко, придающая особое обаяние небольшим фасадам – лепнина ручной работы, некоторая грубоватость форм, искажение пропорций, атектоничность, сбой масштабов, привычных европейскому глазу, вольность трактовки канонических элементов. Однако именно эта примитивизация выделяет китайское барокко из общего ряда усреднено исторической транснациональной архитектуры, которую легко может скомпилировать любой выпускник художественного или архитектурного училища.

4. Ретроспективное направление «Chinese Form» так же известное под условным названием «Восток над Западом /Азия над Европой», (т.к. многоярусные скатные кровли как гряда облаков поднимались над классицисткими объемами монументальных сооружений, придавая им характерные, пагодообразные очертания), постепенно стало официальной эстетикой в различных государственных образованиях на территории бывшей империи Цин (Манчжоу Го, Нанкинская республика, КНР. Для построек в духе «Chinese Form» характерно использованием традиционной китайской крыши, венчающей железобетонные конструкции, использование национальных декоративных мотивов, и, в меньшей степени, обращение к принципам традиционной пространственной организации. По мнению проф. Jianfei Zhu [9,10] движение «Chinese Form» являлось попыткой восстановить традиционные культурные ценности и конфуцианский принципы в современной китайской культуре; подъем национальной культуры был связан с движением за государственную независимость и освобождения Китая от колониального гнета; китайским архитекторам в процессе конструирования нового национального кода отводилось важная роль. Архитекторы Нанкина пытались найти убедительную архитектурную знаковую систему, выражавшую, через новые строительные конструкции, идею общечеловеческих ценностей; подразумевалось, что новая эстетика эффективно заменит иерархически стратифицированную культуру династии Цин. План 1929 г. предполагал возведение современного города с набором коммерческих зданий и частных предприятий, а также государственных и муниципальных комплексов Гоминьдана. Формы государственных учреждениях и общественных зданий должны были воспроизводить историческую традицию императорских дворцов, в то время как генплан города скрещением диагоналей в сетке ортогональных линий прямо отсылал к градостроительным принципам Beaux-Arts. Создатели генплана и макета нового Нанкина, ориентируясь в основном на Вашингтона DC и Париж, предлагали новую столицу с широкими бульварами, застроенными общественными зданиями и торговыми центрами; городской центр с регулярным парком недвусмысленно напоминал Национальный Молл в Вашингтоне, округ Колумбия. Прощальным манифестом «Chinese Form» стал мавзолей лидера китайской демократической революции и «отца нации» Сунь Ятсена, возведенный на горе Цзыцзиньшань в Нанкине (арх. Люй Яньчжи, 1926-29 гг.). В молодой КНР стиль «Chinese Form» назывался «Стиль 1959 г.». [11]

Заключение. По мнению американского философа Лилы Ганди (праправнучки Махатмы Ганди) «рефлексия колониального опыта – как и любого опыта культурно-психологической зависимости – дает возможность осмысления этого опыта и формирования нового субъекта, а отказ от такой рефлексии приводит к торжеству мифологизирующего забвения» [13]. Автор статьи пытался показать переплетение двух процессов: поиски оптимальной знаковой системы, которой европеец мог бы объяснить самому себе легитимность пребывания в абсолютно чужеродной среде и опыты конструирования зеркальной системы, с помощью которой автохоны перепрограммировали под себя чужие культурные коды (китайское барокко, «Chinese Form»).

Список использованных источников и литературы:

1. Саид, Э. Ориентализм. Западные концепции востока / Эдвард Саид. – СПб.: Русский мір, 2006. – 637 с.

2. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

3. Ben-Canaan, D. Entangled Histories. The Transcultural Past of Northeast China / Dan Ben-Canaan, Frank Grüner, Ines Prodöhl. – Springer, 2014. – 238 p.

4. Иванова А.П. Архитектура китайских сеттельментов: к проблеме культурных стратегий дальневосточной колонизации: / А.П. Иванова. – Вестник Тихоокеанского Гос. университета. №3 (30). 2013 – С. 129-138.

5. Иванова, А.П. Ретроромантизм в дальневосточной архитектуре. Цинда-о-Тяньцзинь-Шанхай, Харбин-Порт-Артур-Дальний, Пекин. 1860-1960 гг. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. – 121 с.

6. Koppelkamm, S. Der imaginäre Orient: exotische Bauten des achtzehnten und neunzehnten Jahrhunderts in Europa/ Stefan Koppelkamm. – Berlin: W. Ernst, 1987. – 192 p.

7. Соколов, Б. Английская теория пейзажного парка в XVIII столетии и ее русская интерпретация / Борис Соколов. – Режим доступа: http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=140.

8. Сайт Colonial exhibition – Режим доступа: http://goo.gl/1CMoKh.

9. Morton, P.A. Hybrid Modernities. Architecture and Representation at the 1931

10. Colonial Exposition, Paris / Patricia A. Morton. – The MIT Press, 2003. – 390 p.

11. From Nationalism to Nation-Building: A Comparative Perspective on the Modern Encounter in Beijing and Nanjing. – Режим доступа: http://swatcities.tumblr.com.

12. Zhu, J. Architecture of Modern China: A Historical Critique / Jianfei Zhu. – Routledge, 2008. – 336 p. – Режим доступа: http://goo.gl/QfnTST.

13. Постсоветское сознание и postcolonial studies. Редакторская колонка. – Новое Литературное обозрение. – №94. – 2008.

Ivanova A.P.
iva.nova@mail.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

ORIENTALISM AND WESTERNIZATION: THE BOOMERANG EFFECT

Abstract - There was made attempts to take a look of the problem of transcultural connections between Europe and China. Two topics are exhaled: the search of optimal sign system that Europeans can explain himself as legitimacy of staying in absolutely alien environment and experience in designing of mirror system by which aboriginals reprogrammed alien cultural codes for themselves. The process of infiltration of conditional East in Western culture is considered by examples of Chinoiserie and colonial exhibitions; mirror process is analyzed by examples of the phenomenon of Chinese Baroque and movement of «Chinese Form».

Keywords: colonial architecture, Chinese Baroque «Chinese Form»

Иванушкин Е. Ю., Лучкова В. И.
imperion____v@outlook.com; luch@mail.khstu.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

АРХИТЕКТУРА ОТЧУЖДЕНИЯ КАК ПРИЗНАК МАРГИНАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Абстракт - В статье рассматривается ряд причин появления сниженных социально и потому опасных слоев общества в градостроительной среде. Целью исследования является изучение формирования городской среды как источника опасности. Объектом исследования в таком случае становится городская среда, а предметом – социальный статус человека в городской среде.

Ключевые слова: маргинал, доминирование, Гонконг, Коулун, апартеид, Йоханнесбург, Соуэто.

Введение. В Европе XIX века была распространена точка зрения, полагающая доминирование «белой расы» над всеми. Убеждение аморальное, а главное – неверное. В Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, расовая дискриминация определяется как «любое различие, предпочтение, ограничение или исключение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни». Расовая дискриминация, определяемая рядом терминов, трактуемая как расизм, в современном мире преследуется законом государственными и частными учреждениями, и такие преследования не осуждаются как иные виды политических репрессий. Вопрос самой пользы или оправданности расизма не допускается к обсуждению[3].

1. Как возникают «опасные районы»

Возникновение опасных районов напрямую зависит от социального статуса жителей, населяющих эти районы. Неравенство определяет городскую структуру, имеет свои определяющие приоритеты. В больших городах классовое неравенство проявляется особо ярко.

Смысл и сущность определения маргинального контингента

Использование термина «маргинальный» в социологическом ключе соотносимо с первой третью XX века, поскольку данное определение первично возникло в 1928 году в эссе североамериканского исследователя Роберта Эзры Парка «Человеческая миграция и маргинальный человек», которая посвящена изучению процессов в среде иммигрантов. Прежде всего, Роберт Парк известен проведениями исследований в области развития городской среды (а также работы в области исследования иммигрантских сообществ в американских городах) и расовых отношений межкультурного взаимодействия людей. Им был сформирован новый тип, «пограничный» человек, который был характерен для интенсивных миграционных процессов в североамериканском обществе. В истолковании Парка понятие маргинальности означает

положение индивидов, которые находятся на границе двух различных культур, конфликтующих между собой, и служит для изучения последствий неадаптированности мигрантов, особенностей положения мулатов и других «культурных гибридов».

Маргинальное общество возникает при массовой миграции или в условиях «выталкивания» определенной части населения за пределы социально значимых структурных построений (потеря работы, жилища, обнищание, лишение гражданских и политических прав). Типичной группой маргиналов, например, являются люди, лишившиеся постоянного заработка, жилья, находящиеся «на дне», на периферии значимых позиций для социализированного общества. Либо это индивиды, которые по своему желанию решили выбрать данный путь существования.

Маргинальные группы, исключенные из круга общества, основывают собственную субкультуру. Они могут представлять серьезную опасность для социума, если растут в отношении количества, т.к. нередко не приемлют основные ценности данного общества. В условиях нестабильности общества, его переструктуризации, присущая только маргиналам система ценностей может распространяться на широкие слои общества, что чревато усилением конфликтных ситуаций в этом обществе и серьезными последствиями для его политической системы [4]. Любое притеснение данного социума может повлечь за собой разные последствия, и предугадать события не всегда возможно.

2. Архитектура, как причина иерархии общества

Градостроительный регламент сосуществования разных классовых сообществ не допустим, если эти сообщества сильно расходятся в условиях комфорта. Комфорт проживания зависит от желания людей, от работы и от статуса. Самоопределение происходит в условиях проживания общества в целом. Жилищные условия в городской среде всегда будут различаться. Осуществление перехода от одного класса общества к другому, находящемуся на более высоком уровне, происходит достаточно медленно, но переход к низшей ступени общественной структуры происходит скачкообразно.

Иерархия социального положения находит свое отражение в архитектуре. Изменение городской структуры происходит по выявлению социального негатива. Ярким примером подобного в прошлом является Франция. Париж из-за частых революций был полностью перестроен: улицы были расширены, чтобы баррикады не настраивались, в планировке центра города проявляется четкая геометрия для удобного прохождения армии.

3. Расовое превосходство

В любом обществе существует неравное положение людей. В городском пространстве каждый человек занимает свою нишу. Все страны без исключений имеют слои общества с низкой социальной структурой. В разных странах были предприняты попытки раздельного расселения людей по разным признакам. Наиболее яркими принципами расселения можно считать попытки расселения по расовому признаку в г. Йоханнесбурге (рис. 1). Южно-Африканская Республика во времена апартеида являлась последним оплотом официального расизма и колониализма. Положение дел в этой стране, характер взаимоотношений населяющих ее людей, их образ жизни – все это можно охарактеризовать одним словом – апартеид. Это слово на языке африкаанс означает «разделение». Формально апартеид – это только концепция разделенного развития рас, но по существу – это расистская концепция господства белого меньшинства над черным большинством населения страны.

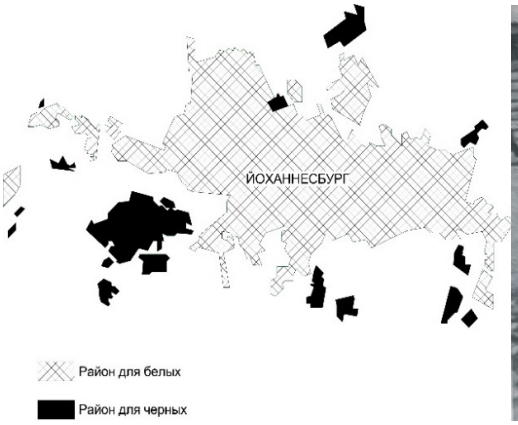


Рис. 1.План г. Йоханнесбург

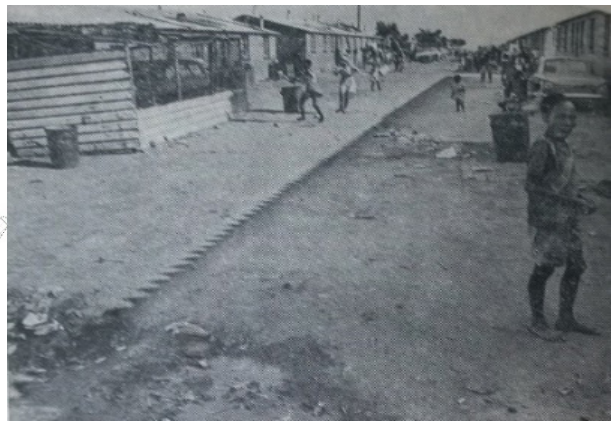


Рис. 2. Первые одноэтажные общежития под Йоханнесбургом

Апартеид уходит глубоко своими корнями в прошлое этой страны, где сложился особый вид колониализма. Основа агрессии завязана на взаимоотношениях жителей города Йоханнесбурга и населенных пунктов Соуэто, Александр, Софиятаун и другие. Реализация концепции апартеида, по замыслу ее инициаторов, должна была обеспечить раздельное развитие рас в ЮАР и тем самым исключить возможность конфликтов между ними. Политика полного разделения, основанная на доктрине, не удалась.

Жизнь в Йоханнесбурге в условиях апартеида была напряженной, чреватой острейшими конфликтами и взрывами. Йоханнесбург вокруг себя создавал новые поселения для черных, потом сносил. Но жизнь черных жителей был завязана на экономике города, избавиться полностью от поселков-спутников город не может. Причина – развитие промышленности и наличие дешевой рабочей силы. С годами Йоханнесбург вел внутреннюю войну против черных жителей. Основа попытки контроля завязывалась на передвижениях людей. При попытках увеличения платы за транспорт, жители начинали бойкот.

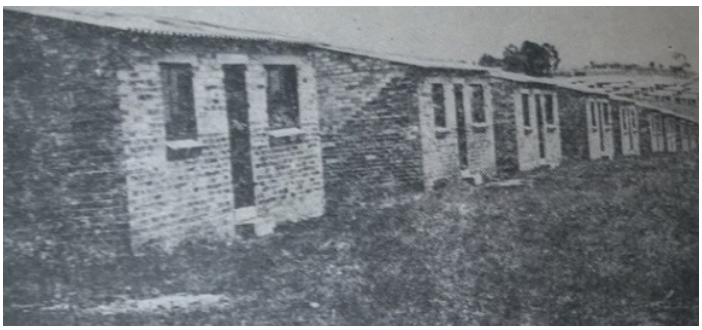


Рис. 3 Кирпичные дома Соуэто

Тотальный контроль имел тяжелые последствия. Поселок Александра является подобием экспериментальной площадки. В 1972 году принято решение по строительству 20 общежитий на 60 тыс. человек. Все эти общежития были разделенными по половому признаку. В случае бунта, секции общежитий автоматически закрывались железными дверями. Если секция была изолирована, то бунт не распространялся. Принцип постройки общежитий был похож на казармы, но со строгими условиями жизни – все комнаты выходили в общий коридор, мебель была железной, пища готовилась в общей кухне, окна расположены под самым потолком.

Санитарно-гигиенические условия неудовлетворительны. Женские общежития строились по такому же принципу, но комнаты были меньше. Основная причина связана с силовым трудом, поэтому мужское население превалировало.

После первых экспериментов правительства Йоханнесбурга, в 50-х появляется поселок Соуэто. При планировке и строительстве новых локаций, отвечавших требованиям апартеида, осуществлялась не просто жилищная сегрегация. Лондонская «Times» в статье о новых поселках-гетто писала: «Эти новые поселки находятся на определенном расстоянии от города, окружены забором, и европейцам запрещен въезд. Между ними и городом есть широкая полоса земли, которая может хорошо простреливаться…»[2].

Целью строительства Соуэто, являлась возможность дать жить людям в условно благоустроенных домах. На поверку они не имели ничего общего с условиями основного города. И эти построенные дома не являлись собственностью проживающих – дома принадлежали городу, и жители Соуэто могли их только их арендовать. В собственность и по наследству они не переходили.

В поселках часто менялись обслуживающие организации и учреждения, управляющие, но африканцы-горожане знали одно – хозяином в их поселке являлся «белый чиновник» [2]. После падения апартеида, все поселки вокруг Йоханнесбурга стали частью города.

4. Улей, как символ сплочённости общества

В XIX столетии британская империя имела доминантное положение в мире. С 1847 года Великобритания ведет активную военную политику по отношении к Китаю. По итогам первой опиумной войны 1842 года остров Гонконг отошел британцам, а в 1898 была заключена новая конвенция, расширявшая юрисдикцию британской империи на полуостров Коулун. В условиях договора Британия арендует территории в течение 99 лет.

Согласно конвенции, укрепленный форт, находившийся на полуострове, где проживали китайские чиновники, продолжал являться территорией Китая, образовав в британской колонии своеобразный анклав. В начале XX века и не предполагали, что этот форт станет самым плотным по численности населения на земле. Экстерриториальность города-крепости Коулун была лишь номинальной. Фактически контроль над китайским фортом осуществляли англичане, но только на начальном этапе.

Рис. 4. Карта Гонконга XIX века

Рис. 5. План форта Коулун

Во время второй мировой войны, японцы разобрали стены форта для строительства военного аэродрома. После войны де-юре город-крепость уже без крепостных стен продолжал оставаться китайской территорией. Фактические законы Гонконга и его администрация не имели права действовать, и в результате жители Коулуна не платили никому налоги.

Основной причиной увеличения численности города послужила гражданская война в Китае. Рост шел на сотни, а позже на тысячи беженцев. Формально люди имели особый статус и были независимы, но пользовались всеми благами Гонконга. Администрация Гонконга пыталась препятствовать стихийному разрастанию на территории размером 210 на 120 метров, но попытки были безуспешны из-за сопротивления жителей и политики КНР, угрожавшей дипломатическим конфликтом.

Рис. 6. Резиденция мандарина «ямэнь»

К концу 1960 года на территории в 2,6 Га проживало примерно 20 тыс. человек. Фактически вся территория была застроена многоэтажными домами. Единственное не застроенное место находилось в центре квартала – резиденция мандарина «ямэнь», один из реликтов, напоминающий о прежней истории Коулуна.

Десятки тысяч жителей адаптировались к условиям жизни анархичного общества. Центрального водоснабжения не имелось как такового в принципе, поэтому жители вырыли 70 колодцев, и электрическими насосами вода поднималась на крыши, а оттуда по бесчисленным лабиринтам из труб доставлялась до потребителей. При отсутствии электричества некоторые работники из компании Hong Kong Electric, проживающие в Коулун, смогли нелегально подключиться к электросетям.

Строительством города занимались сами жители. Сначала на территории города-крепости, удачно расчищенной от довоенной застройки бомбардировкой авиации союзников, появились одно-, двух- и трехэтажные дома. Затем по мере увеличения численности населения района этажность начала стремительно расти. Росла и плотность застройки. Большинство жителей жили в квартирах площадью 23 кв. м. Распространение получили пристройки на внешних и внутренних фасадах. Они окончательно срастались в районе образования второй параллельной наземному переходу улицы на втором этаже. Коулун стал единым организмом, своеобразной «коммунальной квартирой». Улиц не было, были только запутанные проходы. Внутри этого анархичного образования естественного освещения тоже не было. Проходы освещались фонарями и вывесками от лавок, магазинов, парикма-

херских и врачебных кабинетов, занимавших весь первый этаж. Фактически город был автономным: было налажено кустарное производство, детские сады и школы. Пространством для социализации и рекреацией являлась крыша. На крыше играли и росли дети, встречалось взрослое поколение. Из-за непосредственной близости аэропорта жителями выполнялось только одно требование – высотность застройки была ограничена 14 этажами.

Рис. 7. Вид на современный парк Коулун

Рис. 8. Памятник о существовании города-крепости

Из-за появления триад внутри Коулуна в 70-х годах прошлого столетия, администрация Гонконга получила поддержку правительства КНР и провела первый полицейский рейд по изгнанию преступных группировок. В те же годы были проведены централизованные водоснабжение и канализация и стала доставляться почта. Но эти важные изменения к лучшему, превращавшие город-крепость в более-менее удобное место для жизни, на внешнем облике Коулуна никак не отражались. Безвластие здесь продолжалось, самострои росли, о каком-либо капитальном ремонте зданий или хотя бы косметической реновации фасадов не шло и речи.

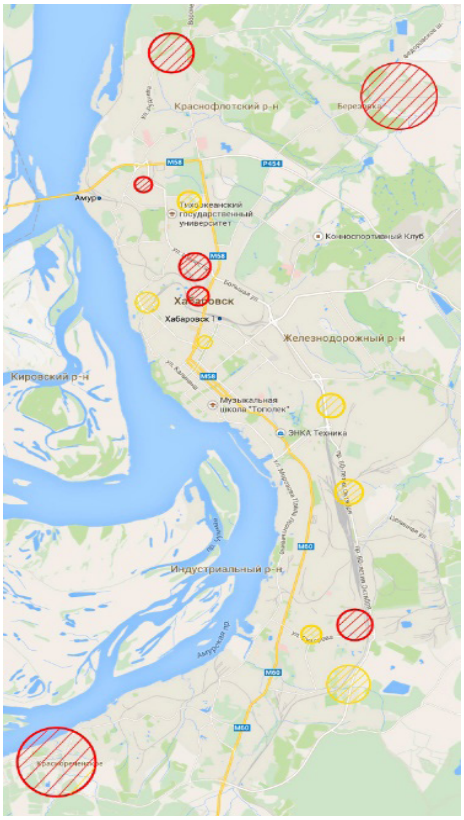
В 1987 году правительства Великобритании и КНР заключили соглашение, урегулировавшее статус Коулуна в свете предстоявшего через 10 лет возвращения Гонконга под юрисдикцию Китая. На тот момент население составляло 33 тыс. человек. Администрация британской колонии получила право снести Коулун. В 1992-1993 годах начался снос. Все жители получили денежную компенсацию за переезд или квартиры в новостройках Гонконга. Снос города происходил под протесты жителей, не желавших лишаться привычной жизни. Во время сноса, оказалось, что проживавших на территории 2,6 га оказалось около 50 тыс. человек.

Снесли Коулун быстро, но опустевший район начал застраиваться одноименным парком, повторяющий очертания самого города. И был установлен памятник в память о существовании города-крепости

География опасной архитектуры Москвы и Хабаровска

Представленные ниже карты дают показательное представление о неблагополучных районах городов Москвы и Хабаровска. Обозначение неблагополучных мест основывается на анализе города.

Карта Москвы [8]



Карта Хабаровска

Заключение. На основе проведенного исследования выявлено, что социально опасные городские территории имеются в большинстве крупных городов мира. Многие из них связаны с особыми способами расселения и концентрации маргинальных слоев городских жителей. Проблемы мигрантов, расовые и другие дискриминационные вопросы в современном городе должны иметь не только политические пути их разрешения, но и грамотное и внимательное архитектурно-градостроительное проектирование и строительство.

Список использованных источников и литературы:

1. Глазычев В. Л. «Урбанистика»: Европа; Москва; 2008 ISBN 978-5-9739-0148-6
2. Городнов В. П. Черные жители «белого» города. Жизнь и борьба африканского гетто; Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» 1983. – 203с.
3. Расизм [Электронный ресурс]: Традиция - URL: http://u.to/STbWCQ (дата обращения:)
4. Маргинал. Понятие и основные виды [Электронный ресурс]: Allbest.ru - URL: http://otherreferats.allbest.ru/sociology/00158979_0.html (дата обращения: 05.12.2014)
5. Соуэто [Электронный ресурс]: Wikipedia - URL: http://link.ac/4Ibd (дата обращения: 28.11.2014)
6. Коулун - город-апокалипсис [Электронный ресурс]: Surfingbird - URL: http://link.ac/4Ibe (дата обращения: 15.10.2014)
7. Город-крепость Коулун [Электронный ресурс]: Клуб «Моя планета»

- URL: http://link.ac/4Ibf (дата обращения: 23.10.2014)
8. Где страшно жить: карта опасных районов Москвы [Электронный ресурс]: Большой город - URL: http://link.ac/4Ibg (дата обращения: 08.12.2014)

Ivanushkin E. Y.; Luchkova V. I.
imperion____v@outlook.com; luch@mail.khstu.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

THE ARCHITECTURE OF ALIENATION AS A SIGN OF THE MARGINAL POSITION

Abstract - The article discusses some of the causes of reduced social and therefore dangerous society in an urban environment. The aim of the research is to study the formation of the urban environment as a source of danger. The research object in this case becomes the urban environment and the subject is the social status of a person in an urban environment.

Keywords: marginal, domination, Hong Kong, Kowloon, apartheid, Johannesburg, Soweto.

Иванчук А. С., Лучкова В. И.
anaivanchuk@icloud.com, luch@mail.khstu.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ИНТЕГРИРОВАННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДСКИХ НАБЕРЕЖНЫХ

Абстракт - Целью работы является создание нового подхода в составлении типологии современных общественных пространств – набережных. Они отличны тем, что совмещают в себе сразу две главные составляющие ландшафта – воду и сушу. Прибрежные зоны призваны гармонично объединять эти различные компоненты природы, формируя качественную городскую среду. В первом разделе публикации приведены базовые классификации и перечислены основные характеристики береговых сооружений, встречающихся на сегодняшний день. Во второй части статьи предпринята попытка составления новой спецификации по наиболее характерным признакам в существующем градостроительстве. В табличной форме рассмотрены следующие виды набережных: парадная, площадь-набережная, жилая, многоярусная, пляжная, парковая, улица-канал, условная и фасадная набережные. Для каждого типа описываются принципиальные черты и приводятся примеры.

Таким образом, интегрированная классификация показывает обзорную картину мировой практики в проектировании и реновации общественных пространств, что в дальнейшем способно помочь архитекторам в решении некоторых задач урбанистики.

Ключевые слова: набережная; интегрированная классификация, типология; общественное пространство; городская среда.

Введение. Формирование подавляющего числа городов мира было привязано к главному источнику жизни – воде. С ней связаны торговля и экономика, промышленное производство и рыбный промысел, водоснабжение и канализация, транспорт и военная оборона. Населенные пункты, локализуясь близ береговой линии, имели хороший потенциал развития, в дальнейшем многие выросли в крупные поселения. Люди всегда осознавали значимость водных объектов, старались приблизиться к ним, выделить их в окружающей застройке.

С наступлением индустриализации и развитием альтернативных методов транспортировки грузов, товаров и продуктов промышленности в прибрежных городах, нагрузка на судоходство снизилась, привязка к воде потеряла актуальность при создании новых предприятий, площади существующих индустрий вдоль берегов существенно сократились. Таким образом, освободившиеся территории могли быть использованы под иные нужды горожан. В процессе переустройства и изменения функций береговых линий различных населенных мест стали формироваться основные современные типы набережных.

Базовые классификации набережных. В строительной и архитектурной литературе можно встретить два основных понятия термина «набережная». Одно будет описывать конструктивное сооружение для берегоукрепления, причала судов, транспортировки грузов и пассажиров. Второе же говорит о виде городского пространства, которое располагается у кромки воды и является частью градостроительной системы.

И в том, и в другом случае, набережные тесно связаны с окружающей застройкой и акваторией. Они могут включать в себя общественные сооружения, жилые здания, естественный или искусственно создаваемый прибрежный ландшафт, а также подземные и наземные инженерные сооружения, коммуникации и оборудование [3].

Архитектурный облик набережной в большей степени формируется окружающим фронтом застройки. Это может быть как плотный ряд зданий, заковывающий берег в камень, так и озелененные террасы, естественно подчеркивающие природный ландшафт. Сооружения в прибрежных зонах также делятся на несколько типов – наземные (на террасах и откосах), подземные (водозаборные устройства, водовыпуски, транспортные тоннели и пр.) или плавучие (пирсы, здания-поплавки) [3].

В ходе проектирования, реконструкции и реновации прибрежных территорий выделились основные классификации: ***конструкционная, гидротехническая, строительная, функциональная, географическая, градостроительная, композиционная***. Каждое направление характеризуется определенными представлениями о набережных [3].

Конструкционно выделяются следующие типы: *с вертикальной подпорной стенкой, откосные, полуоткосные, камненабросные*.

Гидротехническая классификация указывает на водный режим набережных: *затопляемые* и *незатопляемые*.

По строительному признаку различают: *одноярусные, двухъярусные* и *многоярусные* прибрежные зоны. При этом ряд ярусов набережной может быть и подземным. Так, в Генуе имеется набережная с четырьмя подземными ярусами, в

которых размещены транспортные тоннели, инженерные коммуникации, торговые учреждения, склады [3].

Рис. 1, 2. Набережная Генуи, Италия.

Функциональная типология является основным определяющим признаком современных набережных в условиях крупных городов и включает в себя: *зоны отдыха, пешеходные, транспортные, жилой и общественной застройки, промышленные, причальные*. При полифункциональном использовании главной считают преобладающую функцию

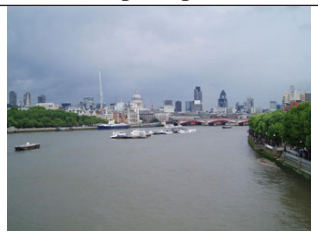
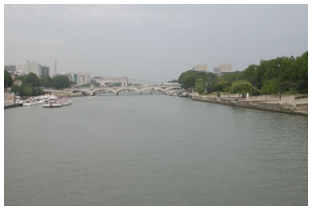
В градостроительной среде прибрежные территории также бывают нескольких типов: *центральные, периферийные, парковые, портовые*.

По географическим признакам набережные подразделяются на: *океанские, морские, озерные, речные, прудовые*, т. е. по характеру того водоема, на котором набережная находится.

Композиционно современные прибрежные объекты образуют сложные системы в городской среде, из которых следует отметить следующие: *линейные, точечные, фигурные.* [3]

Учитывая вышеперечисленные основные характерные черты набережных, можно вывести новую, интегрированную классификацию.

1. Интегрированная классификация современных городских набережных.

Наименование, описательная характеристика	Примеры
Парадная Во многих крупных речных городах можно встретить характерный тип набережных. Он выделяется мощной панорамой реки, которая может подкрепляться высотной доминантой или акцентироваться окаймляющими берегами. Главными элементами здесь выступают вода и небо. Парадные набережные могут быть закованы в гранит или мягко спускаться к воде природным ландшафтом. Но главной их видовой точкой зачастую будет мост, с которого раскроется выгодный портрет города с уходящей в горизонт перспективой.	  *Рис. 3 и 4. Парадные набережные Сены, г. Париж, Франция*

Площадь-набережная

В крупных мегаполисах набережные часто меняли свои функции в процессе переустройства и развития городской среды, превращаясь в многофункциональные пешеходные пространства. Обширная территория близ воды превращается в площадь, с одной стороны ограниченная береговой линией. Объединяя в себе архитектурные панорамы, торговые линии, смотровые площадки, инсталляции, кафе и рестораны, такие набережные задают пульс жизни всего города, являются магнитом притяжения людских потоков.

Прекрасным примером такой площади стала недавно реконструированная набережная южного берега Темзы в Лондоне. Это пространство появилось не само собой, как итог «бессознательно коллективных действий», а в результате 40-летней целенаправленной работы и драматической борьбы идей, политик, планов, амбиций и денег. [1]

Рис. 5. Участок новой набережной реки Темзы в виде на фоне моста Тауэр, Лондон, Великобритания

Рис. 6. Площадь Сан Марко, Венеция, Италия

Жилая

К данному типу относятся берега, на которых устроены плавучие дома и общественные здания. В последнее время такой тип жилья встречается довольно часто. Технологии строительства и перенаселенность крупных городов приводят современное общество к новым методам проживания.

Типов плавучих домов великое множество. Это широкие дебаркадеры, с трудом помещающиеся в узенький канал, одноэтажные и двухэтажные «садовые домики», дома современной архитектуры с плоскими и скатными крышами и большими окнами — витражами. На фотографии современной застройки Амстердама видно, что здесь сохранены те же принципы организации жизни, что и в старом городе: парковки машин вдоль канала, деревья, велосипеды и также пришвартованные дома и корабли. [1]

Рис.7. Жилой одноэтажный плавучий дом. Амстердам, Голландия

Рис. 8. Двухэтажный плавучий дом. Амстердам, Голландия

Многоярусная

Основными представителями многоярусных набережных являются города Европы. Узкие каналы одеты в камень. В верхних уровнях зачастую проходят автомобильные проезды и парковки, магазины и кафе. Нижние ярусы представлены в виде прогулочной зоны, укрытой от городской суеты. А под дорогой могут располагаться помещения, окна и двери которых также выходят на нижний уровень, к воде.

Основной принцип заключается в том, что верхняя набережная связана с улицей, нижняя – с водой и служит для отдыха.

Такая схема является очень рациональной в стесненных условиях исторических городов Европы. Данный прием создает уютную и неповторимую атмосферную среду.

Рис. 9. Склады и офисы на нижней набережной канала. Утрехт Голландия

Рис. 10. Нижняя набережная. Утрехт Голландия

Пляжная

В теплых, морских, туристических городах главным градообразующим объектом является побережье. Такие пляжные набережные зачастую очень протяженные и обширные, с крупной зоной отдыха. Главный объект — вода, вокруг которой начинает формироваться рекреационная среда, насыщенная отелями, кафе, малыми архитектурными формами, обеспечивающими комфортный отдых горожанам и туристам. Как правило, помимо пляжа, имеется прогулочная полоса с зелеными насаждениями, и проходят транспортные магистрали.

Рис. 11. Bathing Area, Барселона, Испания

Рис. 12. Г. Майами-Бич, США

Парковая

Эти водно-природные объекты удалены от крупных автомобильных потоков, сохраняя себя для пеших прогулок и отдыха. Природный ландшафт максимально сохранен, озеленен, спускается к воде мягкими, плавными террасами. Создание парковых набережных связано с масштабными берегоукрепительными мероприятиями и формированием откосов, высаженных травой [1].

В зависимости от величины водного пространства и его очертания, расположения, протяженности, прибрежная зона может иметь вид бульвара с ландшафтным озеленением или вид парадной регулярной эспланады. [2]

Рис. 13. Жилая улица с каналом. Утрехт Голландия

Рис. 14. Набережная, Зальцбург, Австрия

Улица-канал

Особенно характерны улицы-каналы населенным пунктам, насквозь пронизанным речной сетью. Каналы были основой дренажной системы, с помощью которой осуществлялась мелиорация территорий. Так, отметки земной поверхности поднимались выше уровня воды и превращались в улицы и площади города. [4]

Кромки узких, небольших рек и каналов полностью укреплены подпорными стенками. Вдоль воды обычно устраивается проезжая часть, парковочные зоны, зеленые насаждения, велосипедные дорожки, тротуары. По каналам ходят суда, катера, водные трамваи, вдоль берега устраиваются парковки плавучих транспортных средств. Завершающим элементом улицы-канала является плотная застройка жилых и общественных зданий вдоль транзитных путей.

Рис. 15. Улица – мост через канал. Амстердам, Голландия

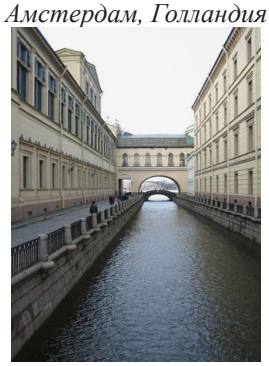


Рис. 16. Зимняя канавка. Санкт-Петербург, Россия

Условная Самый неявный тип береговых линий, который присущ историческим городам с дефицитом земной поверхности. В такой среде набережные, как таковые, отсутствуют — застройка нависает над водой, в лучшем случае, оставляя проход по первому этажу. Береговые стены выполняют функцию фундаментов зданий. Причем, это в равной степени касается и старого города, и новой жилой застройки. Гулять негде, однако, стоячая вода и отражение в ней, постройки с деталями старой архитектуры, вырастающие из воды, обеспечивают сентиментальность среды. [1]	 *Рис. 17 и 18. Современная жилая застройка. Нюрнберг, Германия*
Фасадная Города, расположенные близ крупных рек, морей и океанов, имеют протяженную береговую линию, на которой формируется основной фронт застройки, стелящийся по рельефу к самой кромке воды. Особенно характерны фасадные прибрежные зоны для мегаполисов, обладающих индивидуальным силуэтом, который выгодно открывается с ракурсов на некотором удалении. Они отличны своей разноплановостью за счет высотных построек и небоскребов. В темное время суток фасадные набережные впечатляют благодаря отражению огней и подсветки в водной глади и выделенным абрисом.	 *Рис. 19. Лейк-Шор-драйв, г. Чикаго, США* *Рис. 20. Фасад г. Сидней, Австралия*

Заключение. В ходе анализа базовых спецификаций прибрежных зон предпринята попытка составить новую, комплексную типологию набережных по наиболее характерным признакам, выявленным в рассматриваемых городах мира. В статье приведено девять типов береговых общественных пространств в современной застройке: парадная, площадь-набережная, жилая, многоярусная, пляжная, парковая, улица-канал, условная и фасадная.

Интегрированная классификация призвана упрощать решения многих вопросов при проектировании и реновации городских пространств в прибрежной полосе. Таким образом, попытка выделить приоритеты и пути, которым следуют современные города, в дальнейшем может способствовать созданию более совершенных и комплексных методов в практике средообразования и градостроительства, призванных повысить качество жизни современного человека.

Список используемой литературы:

1. Высоковский А. Городские набережные [Электронный ресурс] / А. Высоковский // Как. – 2007. – №6. – URL: http://kak.ru/columns/ urbanenvironment/ a395 (Дата обращения 10/12/2014)

2. Горохов В. А. Набережные [Электронный ресурс] – URL: http:// landscape.totalarch.com/node/25 (Дата обращения 10/12/2014)

3. Зуева И. Л. Краткий курс лекций по дисциплине «Основы ландшафтного проектирования» : учеб. пособие / И. Л. Зуева. – Ухта : УГТУ, 2013. –227 с. – ISBN 978-5-88179-765-2 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lib.ugtu.net

4. Козлов А. С. Планировочная организация общественного городского пространства набережной / Козлов А. С. //«Архитектон: известия вузов» № 34 Приложение Июль 2011 [Электронный ресурс] – Екатеринбург : периодическое издание ГОУ ВПО «Уральская государственная архитектурно-художественная академия» – ISSN 1990-4126 – URL: http://archvuz.ru/2011_22/25 (Дата обращения 10/12/2014)

Ссылки на используемые графические материалы:

1. Рис. 1 и 2 http://anshar.livejournal.com/62933.html
2. Рис. 3-5, 7-10, 13, 15-18 http://kak.ru/columns/urbanenvironment/a395
3. Рис. 6 http://www.peterlanghout.nl/italie/adriatische-kust/venetie/
4. Рис. 11 http://www.landezine.com/index.php/2009/10/forum-bathing-area/
5. Рис. 12 http://www.iwallhd.com/
6. Рис. 13 http://www.nodima.ru/travel/salzburg2013/
7. Рис. 19 http://godzillafannon.wikia.com
8. Рис. 20 http://wallpaperpixel.com

Ivanchuk A.S., Luchkova V.I.
anaivanchuk@icloud.com; luch@mail.khstu ru
PNU, Khabarovsk, Russia

THE INTEGRATED CLASSIFICATION OF MODERN URBAN EMBANKMENTS

Abstract - The aim of this work is to create a new approach of preparation the typology of modern social spaces like embankments. They are distinctive because it combines two main components of the landscape - water and land. Coastal zones are designed to harmoniously combine these various components of nature and to create a quality urban environment. There are the basic classifications and lists of the main characteristics of coastal structures, which occurring on this day in the first section of the publication provides. In the second part of the article author makes an attempt at making a new specification on the most typical features in the existing urban development. In tabular form the following types of embankments are reviewed: ***front*** (powerful river perspective, bordered by beaches, which can be seen from a bridge), ***square-embankment*** (multifunctional public pedestrian space, one boundary – a water object), ***residential*** (there are waterfronts set houseboats), ***multi-layered*** (the basic principle is that the top embankment is connected with a street and the lower one's used for recreation and related with the water), ***beach*** (an urban beach with hotels and cafes, at the top there's a road and a promenade), ***park*** (a natural landscape with water is a recreation area, which contains plants, lawns and boardwalks), ***street-canal*** (a narrow river in stones with

boats and launches, there're the promenades, parking, roads and plants above), ***nominal*** (embankments, as such, are missing - building hangs over the water, in the best case, leaving a passage on the first floor; coastal walls act as the foundations of buildings), ***facade*** (a multifarious creeping construction, down to the water, opens a city skyline at a distance on the water). The principal features and examples are described for each type.

Thus, the integrated classification shows an overview of world practice in the design and renovation of public spaces, which further can help architects in the solution of some problems of urban studies.

Keywords: embankment; integrated classification, typology; social space; urban environment.

Yingli Mao, Yinghui Mao, Yan Wang
mystic19890103@163.com; 8521099@163.com; ayan97@sina.com
QQC, Qingdao, China;
HIT, Harbin,China

PLANNING LAYOUT FOR RESIDENTIAL GROUP OF CHINESE EASTERN RAILWAY

Abstract - Residential construction group is the largest urban construction project amount, it's the layout of the urban landscape is particularly important. The layout of the city along the Chinese Eastern Railway, under the guidance of modern planning theory, has been out of the house and the traditional concept of single design considerations, but to the entire group of residential planning and design. Residential buildings of Chinese Eastern Railway were located on one side or both sides of the railway, the formation of a determinant or perimeter-style layout features, and residential group occupied the building in all types of functions for the largest proportion of residential uses in cluster groups or neighborhood type combinations arranged near the railway, which not only brings convenience for employees to travel and rail construction-related jobs, railway withstand cold zone which brought winds also to some extent, play a cold thermal effect.

Keywords: residential construction group, planning layout, Chinese Eastern Railway

Layout of the form and characteristics of the residential group.

Planning layout for residential group of Chinese Eastern Railway contains two forms, determinant and peripheral, and the layout of the main determinant appears in the second and third levels of the site in the town, such as Boketu, Hengdaohezi, Angangxi and so on. Peripheral layout mode is mainly used Manchuria, Harbin, Dalian and other large population size, epidemic strong town.

1.1. Determinant. Determinant layout mainly refers to workers in single-family residential or joint household way distributed on both sides of the axis of the living area, thus forming a residential community with high uniformity and can be identified, while construction workers are equipped with a certain area courtyard, the formation of interior space plus outdoor space in the form, in such form as the basic unit, several groups according to the determinant of the arrangement in a residential area of the town.

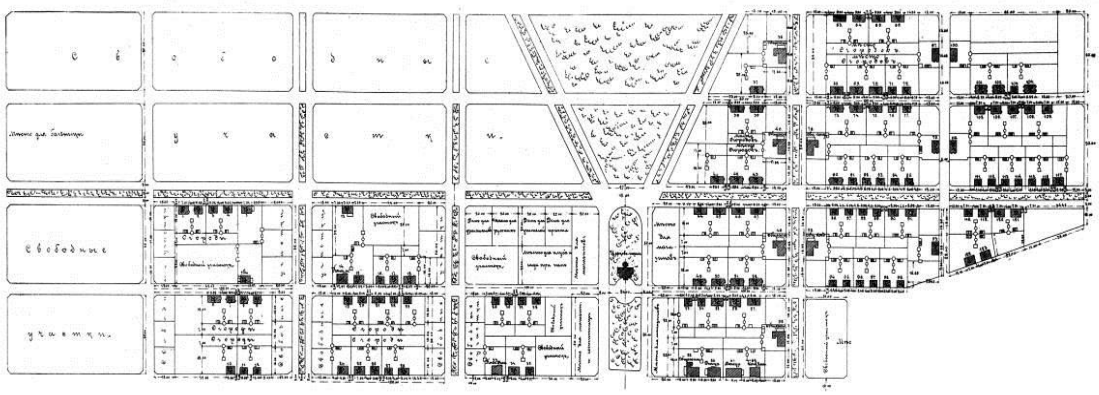


Figure 1. The standard chart in staff living area of second station

Determinant layout has many advantages, such as the layout of the first ways to make the building to get good sunlight and ventilation, and to meet the occupants are free to use the courtyard of demand; secondly courtyard equipped with basic amenities to ensure the privacy of living, and provides a fresh and natural environment contend; again located on both sides or one side of the street the way arrangement enhances the sense of space of the street, make a clear path to the living area. As shown in Figure for workers living area layout standard second station, you can clearly see the neighborhoods of the main axis was perpendicular relationship with the railway and road systems and orderly arrangement of the living area, the symmetrical arrangement of the house together to form one small living area, under the command of the station, turn down administrative arrangement, education, police station building classes, different functional building workers into the living area, jointly fill the entire railway land (Fig.1).

1.2. Peripheral. Building along the road edge or arranged around courtyards arranged to form a typical perimeter layout, this arrangement is more likely to form a closed courtyard space, but also provides a shared space for the buildings tenants. Although this form of suitable living arrangement cold zone in the Middle East railway land, but also make the house quite negative towards the part, while ventilation and sanitary conditions are also affected.

As shown in Figure are residential layout diagram of Hengdaohezi station and Muling station, we can see the formation of a distinct group of residential perimeter layout, compared with the determinant layout of the form, the surrounding layout makes private courtyard space into a public space, and in order to meet users' privacy, public space designer will also be divided into several small courtyard for household use.Generally between adjacent two residential shares an entrance, courtyard setting within a variety of assisted living facilities (Fig.2).

a) Staff living area of Hengdaohezi b) Staff living area of Muling

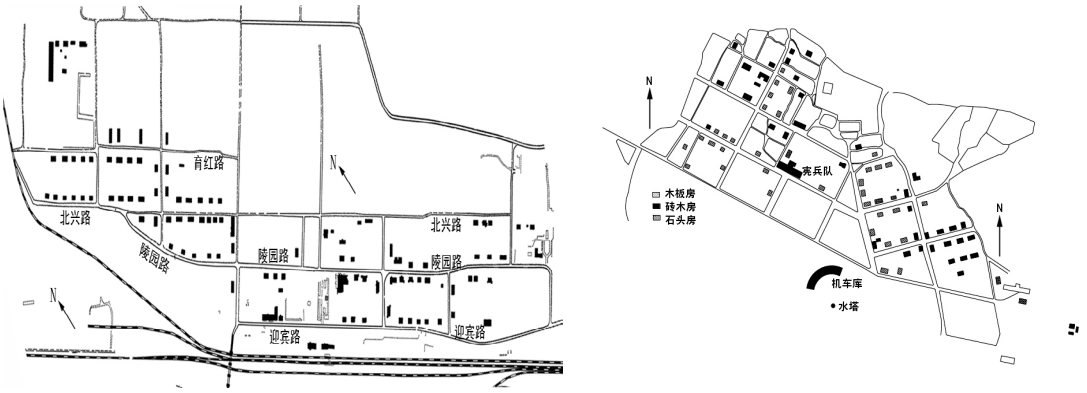
Figure 2. Layout of the form of peripheral in staff living area

2.The historical evolution and situation of building.

Chinese Eastern Railway town house arranged in groups of more flat area, or because of special natural environment hillside, territorial waters and build, combination group formed mostly Group-style and Neighborhood-style, or both mixed up- style, making the combination of these two residential groups appear united in the face of the total land in the entire railway construction.

2.1. Group-style. This combination is the same or different types of dwelling together, in the form of «group» or «circle» formed by a certain number and size of the house, as the basic unit of urban residential communities, and in this as the basic unit development of base groups, including construction layers, natural factors, configuration and use of public buildings, such as the status quo conditions will affect the size of the group of buildings.

From the figure, a certain number of residential buildings in accordance with the form of the road dividing evenly arranged in a residential area, the formation of an irregular rectangle shape or regular tours, tour groups, not only in the form of residential neighborhoods can make each other well also be able to share some of the public spaces and assisted living facilities, such as warehouses or courtyard space. Roads play an important role in the combination groups through different levels of roads will tour with the group connected to each other, forming a system of road network, making walking the entire residential area convenient(Fig.3).

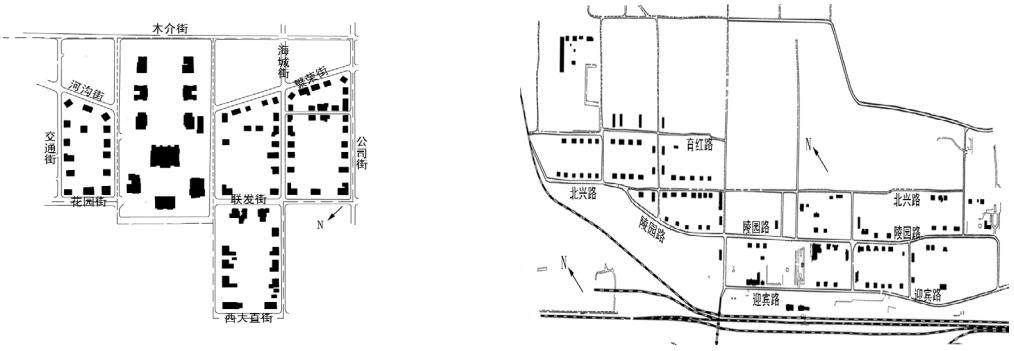


a) Angangxi station b) Boketu station

Figure 4. Neighborhood-style status map of residential group

2.2. Neighborhood-style. Neighborhood-style combination is generally used for smaller towns, neighborhood type can also be divided into a street-style details and a workshop-style, into a residential street style refers to the distribution in urban and residential areas along the main road and ribbon lots, street linearly; a workshop style refers to the residential area where the plan as a whole unit for smaller neighborhood. Both often appear together in the planning and layout of residential communities in Chinese Eastern Railway.

In the Western Railway line, Boketu and Angangxi Station as an example, residential buildings of Boketu town intertwined with military buildings located in the north side of the train tracks, the low-lying north to south down sequentially arranged, mostly residential with neighborhood-style combinations arranged on both sides of the city roads, residential communities Angangxi arrangement also has obvious «neighborhood style» effect, the number of residential buildings generally greater than 8 along the road direction, horizontal and vertical interleaving in a residential area in the distribution. Along the landscape «into the street into a square» style, slightly different facades, stable single building plus courtyard space, decorated with fresh flowers and color, making the whole building group full of warm quiet residential atmosphere(Fig.4).



a) Harbin Nangang District *b) Angangxi station*

Figure 3. Group-style status map of residential group

图2-15 组团式住宅群体的现状图

3. Planning feature of the residential group

Decomposed into residential housing group entities courtyard space, layout planning in different regions produce different planning aesthetics, Planning aesthetic beauty and space can be divided into physical beauty, in the residential group, and also covers both aesthetics. From the looks of that sense of architectural beauty and overall body control people's visual experience, from the interior that houses the courtyard space with a strong US performance space. This section will house the group's courtyard space and streetscape was analyzed in two ways.

3.1. Rich courtyard space. As an introverted exterior courtyard space, its design and internal configuration of great significance, courtyard space formed from the polymerization of organisms constitute the space and the use of functions. This section of Chinese Eastern Railway rich residential group performed a detailed analysis of the courtyard space.

By enlarged figure shows that the figure is a typical two-family house joint household groups, between one or both sides of the building gable configuration sunlight,

each household has a separate entrance or door bucket, a private hospital in the use of space, namely residential courtyard. Two families sharing a courtyard space, furnished warehouse, cellar, outdoor kitchen and toilets in the courtyard, and in between the sun surrounded by vines planted plants, the hospital is equipped with tables and chairs and flower beds and other landscape sketches, in order to meet the residents and family members exchange leisure purposes, and the road between the courtyard surrounded by a wooden fence separating do. While setting the trees on both sides of the main road, with green inner courtyard echoes, forming a space with a multi-level features (Fig.5-6).

3.2. Beautiful streetscape. Under the control of the relevant policies, not only between the emergence of a large number of residential groups of trees, as well as the green yard space layout, Harbin residential area, for example. The Japanese scholar in the «green agreements in advance method» was probably counted the number of trees in the district of Harbin, where the proportion of trees and Majia and Nangang District accounted for 42 percent of all proportion and 33 percent, living in the top two, which which again elm and poplar tree species most elm even reached 50.5% of the proportion, courtyards and green residential land on both sides of the road together to create a beautiful urban landscape (Table1).

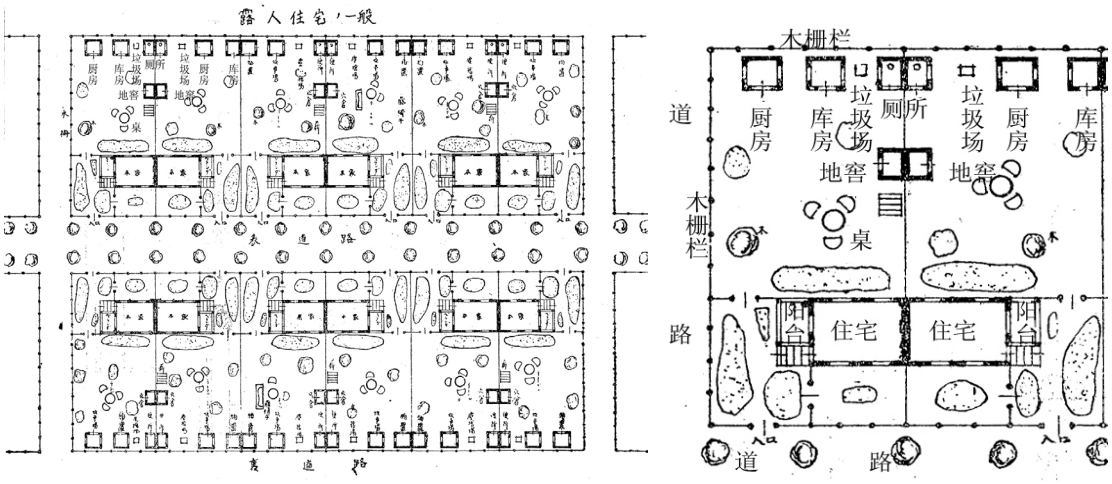


Figure 5. Schematic plan of the courtyard space

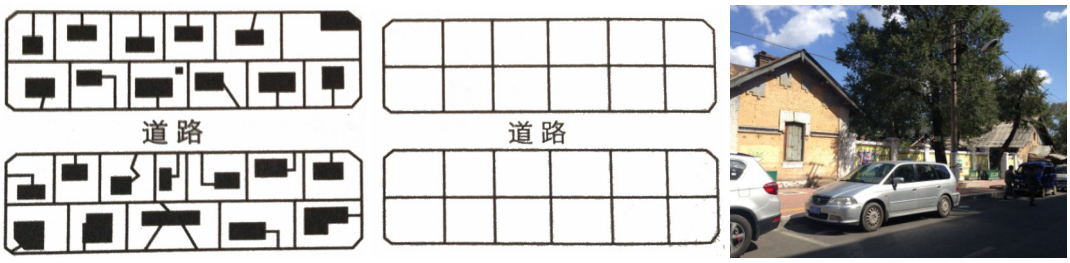
a) Vining plant, Manzhouli b) Courtyard space, Yimianpo c) Wooden warehouse, Zalantun
Figure 6. Courtyard space of residential construction

The main tree species and the number of Harbin *Table 1*

Tree species names	Tree number	The proportion（%）
Elm	148,526	50.5
Poplar	71,964	24.5
Apple Tree	19,620	6.7
Plum Tree	8,732	3.0
Gouldian finch	7,852	2.7
Cloves	7,563	2.6
Willow	4,301	1.5
Total	268,558	91.5

Elm and poplar trees occupy the vast majority of species in Harbin, especially elm occupy more than half of the number, date of Garden Street, Nangang District, Harbin region also remains a large elm, these green trees form a neat, shade style the streetscape, also adorned cityscape. This shade-style streetscape lots of trees not only from the landscape, but also from the special green deal, the joint action rules, land use, environmental and other factors, the residential area of the formation of rich green landscape. Street trees next to it is to create a straight streetscape, as passers-by walking played a certain role in the guidelines, and to improve the uniformity in the streets, too, have an important impact.

Harbin Nangang residential group, the often used in the form of road construction and arrangement shown, it is because this form of ventilation in the sunshine and mutual respect cannot block or influence, flexible layout to make the building of residential streetscape formation lively and dynamic effect, breaking the rules of the single street in the form of a low-key, and to some extent, to avoid mutual peering between buildings, to ensure the independence of the house. This compared with the general pattern of architectural forms, have greater adjustability and superiority (Fig.7).



a)Road form, Harbin Nangang *b) General pattern* *c) Situation Streetscape, Harbin*
Figure 7.Residential streetscape schematic in Harbin Nangang District

Conclusion. Under the guidance of some western urban planning theories of the 19th century, residential communities can be combined with local natural conditions, even take the constraints of political, military, economic and other factors, in combination, multi-residential population in cluster or neighborhood-style layout in the vicinity of the railway, and residential neighborhood in a group or in the formation of a determinant, neighborhood-style layout of the form, and has a different layout characteristics. Almost all have a certain amount of household residential courtyard space, and equipped with the necessary living facilities in the courtyard space, so that the occupants can always live in a warm and comfortable living environment. Overall, a reasonable layout of construction

groups, consider the function and alignment, good urban planning layout not only can play while avoiding disadvantages, cold warm effect, but also reflects the uniform appearance of the city, these are fully reflected when the Russian people planning concepts.

Bibliography:

1. Liu Songfu. Chinese, China: Typological Modernization and Pattern of Analysis in Harbin City Building; Beijing, China Architecture & Building Press, 2003. – 137p.

2. The Kanazawa Ming. Japanese, Japan: Urban Design of Harbin (1898-1945); Harbin, Harbin Press, 2014. – 19 p.

3. Pang Xuechen. Chinese, China: Picture Album of Chinese Eastern Railway ; Harbin, Heilongjiang Publishing Group Press, 2013.

4. H.п. Cragin. Russian, Russia: Harbin——the Ideal City in Russian Minds; Harbin, Harbin Press, 2007. – 70 p.

5. Oizumi Yi. Japanese, Japan: Russian Residential Construction in Cold Regions; Japan, Manchuria architectural magazines, 1928 (8).

6. Li Baihao. Chinese, China: Urban Design and Its Centuries of Modern Evolution in China; China, Architect (90), 1999.

Йингли Мао, Йингхуи Мао, Ян Вэн
mystic19890103@163.com; 8521099@163.com; ayan97@sina.com
Циндао, Китай; ХТИ, Харбин, Китай

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ГРУППЫ ЖИЛЫХ РАЙОНОВ ВДОЛЬ КИТАЙСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Абстракт - Строительство группы жилых районов является самым большим градостроительным проектом, этот проект городской планировки имеет высокое значение. Макет города вдоль Китайско-Восточной железной дороги, создан по правилам теории современного планирования, хотя вначале рассматривалась традиционная концепция для всего проекта группы жилых районов. Жилищное строительство Китайско-Восточной железной дороги ведется либо с одной, либо с двух сторон дороги, формируя стиль периметров. Здания разбиваются на кластеры по своему типу или функциям. Все это создает удобство для рабочих, а также позволяет выдержать тяжелые климатические условия.

Ключевые слова: группа жилищного строительства, планировочный макет, Китайско-Восточная железная дорога.

Yingli Mao, Yan Wang
mystic19890103@163.com; ayan97@sina.com
HIT, Harbin, China

THE RESTORATION AND REUSE OF HARBIN KOREAN NO.2 MIDDLE SCHOOL

Abstract - In late 19th and early 20th century, with the construction of Chinese Eastern Railway, large scale of western architectural culture was transported into Harbin, and the amount of European style architecture gradually increased, among which the Harbin Korean No.2 Middle School(original Harbin Jewish Middle School) was the most unique one not only for its typical Jewish style but also for its being the only existing Jewish educational architectural heritage in Harbin with plenty of historic information. By exploring its history and analysis of its historical and architectural values, this essay provide some corresponding measures for restoration and reuse of its architectural space, so as to give this architectural heritage a wholly new life.

Keywords: Harbin, Jewish buildings, restoration, reuse

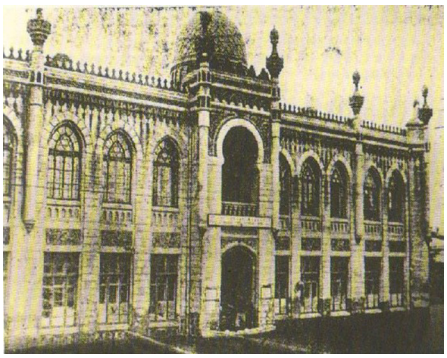
1. Overview. As the construction of Chinese eastern railway, a lot of Western architectural culture inflexed into Harbin. At the same time the large Jews because of political factors also moved along the Eastern Railway into Harbin, and established here including a variety of building types of the Jewish community. Harbin Korean No.2 Middle School is the original Jewish Middle School, is the only existing Jewish educational building, where a typical representative of the Jewish architecture. Through the construction of research, preservation and restoration of proposed targeted measures, and some of the existing building space for reuse, and strive to ensure that historic buildings in the original style, but also to ensure its real usefulness, so that coruscate the new life.

2. The historical evolution and situation of building.

2.1. The historical evolution. Late 19th and early 20th century, with a large number of Jews moved to Harbin, Harbin formed a certain scale of the Jewish community, the community has many types of commercial, cultural, religious and residential and other buildings. Jews have a special emphasis on cultural and educational traditions, so in April that year, Harbin Jewish Religious Society opened the first Jewish primary school, but it was very small, only 26 students, until after 1909 due to the increasing number of school-age children appear, community leaders decided to build a more spacious, more formal shape school." October 17, 1910, the new Jewish school in Harbin quay area artillery Street (now Daoli District, Tongjiang Street) completed in school. The first president was Л • Г • Koertunofu, when school is one bungalows, implementing a five-year school education, in addition to conventional primary education in Russian, but also taught Hebrew."[1,p.35].

Jewish students after graduating from primary school, secondary education is an urgent need, so the Jewish community decided to further expansion on the basis of the original school. "October 1, 1917, the Jewish high school held a grand ceremony. Gerry Donets donated 1,500 rubles lay the first stone, the ceremony all the donations amounted

to 120,000 rubles."[1,p.35] Г • Б • Delhi Jin who is Construction Committee under the chairmanship of the Jewish high school, the building designer was a famous engineer Joseph • Vassiliev • Levijin. In 1918 December, the Jewish high school was officially inaugurated (Fig.1).



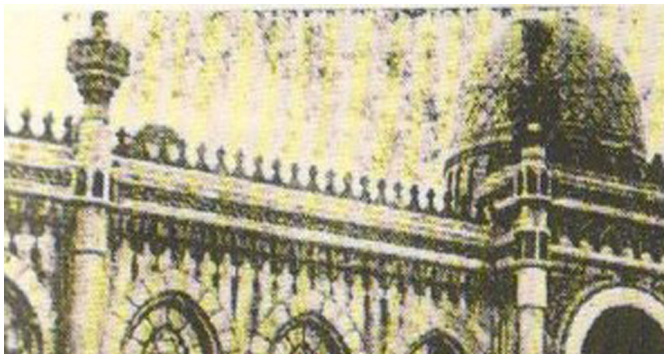


Figure 1.The Jewish high school which built in 1918
Figure 2. Glazunov higher music school in 1925

The school is closed in December of 1924, during school initiated by the Harbin Jewish youth, high school building in the Jewish establishment of the Jewish national university. "Its colleges and universities without the administrative department of education approved the spontaneous nature of the school, in January 1925 the official opening." [1.p.36]. In school, Jewish youth who accepted the system of national education, for the preservation and inheritance of the Jewish people's religious beliefs, ideas and ethics, and other Jewish cultural significance. In the same year, the famous Glazunov higher music school was also opened here (Fig. 2). Then, as the school changing, who has alteration into Harbin No.2 Middle School since 1962, which has been using so far. The building was designated in 2013， now it has been a national cultural relics protection units.

2.2. The situation. Building overall look gorgeous and rich, the Star of David pattern on the facade window frames are special signs of Judaism, simple building blocks of the body and fine architectural detail to form a bright warm decorative architectural style. The building is L-shaped floor plan, in Tongjiang Street facade, Hongzhuan Street facade and the corner of facade, a total of three entrances (Fig.3). Architectural form and moldings are very rich, and enhance the building's artistic charm; the whole building looks gorgeous and rich, forming a very Jewish architectural style tone. And the windows are shaped like small decorative next two windows, and in the transverse center line of a rectangular building facade floral wall. (Fig.4). Construction with double windows, interior architecture can be seen in the window frames of decorative patterns, interior window frames on the wall outside the window frames in the form of style and unity, but also with a Star of David design; interior of stone stairs, railings and pillars for the stocky body, column to one side of the upper body wipe angle square, a different kind of floral carved above, the entire interior line with the overall form of the building unity (Fig.5).

2.3. Architectural value. The building has been called "the world's only twelve typical Jewish buildings." From the historical value is concerned, it is for the preservation and inheritance of the Jewish national culture has made a great contribution, from cultural values is concerned, it is also the time of the Jewish religion, language, history the base of cultural and ethnic education for our future research Harbin Jewish culture and education was retained a historical basis; from the artistic value in terms of its typical architectural

features, become a highly distinctive Jewish buildings. “The Jewish High School has become an important stop Harbin Jewish history and culture on tourist routes. This will facilitate both the Jewish nation, to the mutual understanding and friendly cooperation of the two countries to a large extent.”[2,p.37]

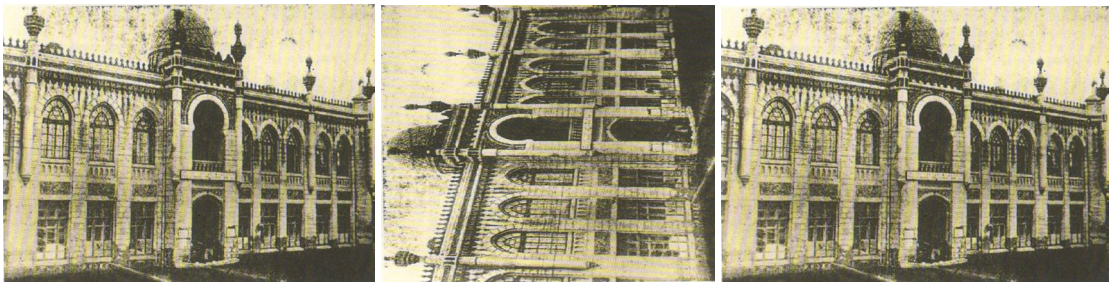


Figure 3-4-5.The entrance, the decoration, and the inner of Harbin Korean No.2 Middle School

3. The restoration and reuse of building

3.1. The restoration. As the situation of Harbin Korean No.2 Middle School, when the repair of “repairing the old as the old” principle does not change the shape and internal structure of the building, as realistic as possible, historical information and architectural features of the building intact preservation, that as far as possible multi-preserved old building materials, as much as possible using the original process approach. So as to not affect the integrity of the building and the surrounding historic environment prerequisite for effective protection of historic buildings repaired**.**

Follow these basic principles, specific repair practices of Harbin Korean No.2 Middle School are as follows (Table 1):

1. Building outdoor stairs badly worn, uneven ground subsidence. Concrete repair method is to choose the same material repair steps, and re-adjust the pan of water and bulk water slope reinforcement of existing water system (Fig. 6).
2. Clear outdoor wall on existing structures; on the eaves of the drainage pipes were replaced; will be repaired at the wall to fall off, in order to ensure their durability, the use of good quality exterior paint; Part of the wall floral defect repair, and re-oil ornaments; decorative walls and eaves should be patched with color (Fig.7).
3. Demolition at the back facade retrofitting buildings, restore the original facade style; building local damage and make changes as at recovery. Second floor outdoor staircase removed, reserved balcony (Fig. 8-11).
4. Basement entrance does not meet the original style and architectural forms, transformation; repair the basement stairs and walls of the basement entrance wear damage (Fig.12).
5. Indoor wall and ceiling construction to refurbish, cover paint; removal of part of the inner wall be built, and to restore the original spatial layout; resurfacing classroom ceramic floor tiles, wooden skirting do; indoor public spaces to terrazzo floor tiles ; on the part of the damaged stair railing floral repair, re-oil ornaments; if indoor lighting is replaced, the reference is not to replace the part filled; full adjustment to the sewer lines and indoor distribution lines (Fig.13-14).

Table 1

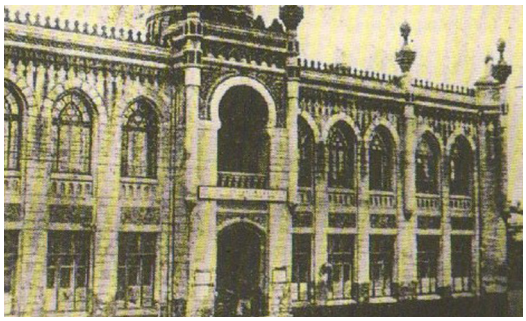
Figure name	*Image*	*Figure name*	*Image*
Figure 6 Outdoor stage floor of the entrance		*Figure 7 Façade and Floral*	
Figure 8-9 Eaves drainage member *Plugging sash*		*Figure 10 Outdoor floor stairs*	
Figure 11 Retrofitting buildings in back facade		*Figure 12 Basement entrance*	
Figure 13 Interior window		*Figure 14 Indoor public corridor*	

3.2. The reuse of building space. In order to be able to meet the needs of the original building of new features, specific design solutions for:

One of the original buildings were replaced with laboratory classrooms, counseling rooms replacing the original office; the corner of the warehouse to buy, within all libraries and dismantle the wall between male sleep, integrated into a large space series, do use audio-visual musical instrument stores ; between logistics and sports office wall removed, become a VIP reception. Within the wall of the original chemical laboratories dismantled, make a small rehearsal room; plus original art room again within the wall dividing the space, change to the office; former public walkway additional exhibition space and rest function; to retain the original hall, part of the Office of Archives, Treasury and toilet. Retain the original building basement cafeteria function (Fig.15).

The building in Tongjiang Street direction replaced classroom reading, three classroom building at the corner of replacement parts for rehearsal rooms, classrooms and offices remaining part is replaced by a small rehearsal rooms and rehearsal rooms; original large computer room with an adjacent office room suitable for addition and subtraction within walls, re-division of space for the piano room; the same original small computer room with an adjacent office processing methods, but also changed the piano

room; one bathroom will add on a bit of office within the construction walls, transformed into bathroom; retain their original principal's office, through the direction of the Office of River Street and the former conference room (Fig.16).



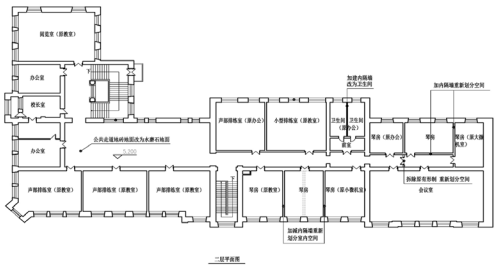


Figure 15.The first reuse plan of Harbin Korean No.2 Middle School
Figure 16.The second reuse plan of Harbin Korean No.2 Middle School

The re-use design, the original architectural features slightly changed from the original regular schools into a music school, according to the basic condition of existing buildings and new functional requirements, this second school of Korean reuse designed mainly uses two methods replacement and reassembly. Replacement refers to the original function of the building space is replaced by the new features, the greatest degree of play space capabilities. Under the original restructuring that the main structure does not move the premise of the original building space within plus or minus walls, re-divided into more practical space.

Conclusion. Harbin Korean No.2 Middle School is a typical Jewish building in Harbin modern architectures, it is also a representative building who contains Harbin Jewish cultural, with a rich historical connotations. Through the construction of field research and detailed analysis, the appropriate protective measures and repair space reuse design, which not only historical information sufficient to retain the original building, but also to adapt them to the functional requirements of modern architecture, while we have to realize the importance of protecting these historic buildings, recognize its profound historical value, thus can fully protect and utilize this precious heritage of historic buildings for the city's future development and updating of great significance.

Bibliography:

1. Qi Yongguang. Chinese, China: Historical Events and Remains of Jewish in Harbin; Jilin, Jilin University, 2011. – 36 p.

2. Han Tianyan. Chinese, China: Discussion about School Education of the Jewish Community in Harbin; Heilongjiang, Heilongjiang Social Sciences No.6 Press, 2007. – 37 p.

3. Lai Desen. Chinese, China: Research for Modern History of Chinese Architecture; Beijing, Tsinghua University Press, 2007.

4. Ma Chao. Chinese, China: Research for Old Building Interior Space Transformation and Reuse; Tianjin, Tianjin University, 2003.

5. Ru Hongjun. Chinese, China: Protection Principles and the Protection of Historic Buildings Research; Tianjin, Tianjin University, 2007.

Йингли Мао, Ян Вэн
mystic19890103@163.com; ayan97@sina.com
ХТИ, Харбин, Китай

РЕСТАВРАЦИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ КОРЕЙСКОЙ ШКОЛЫ №2 В ХАРБИНЕ

Абстракт - С конца девятнадцатого века до начала двадцатого века при строительстве Китайско-Восточной железной дороги большая часть западной архитектурной культуры была перевезена в Харбин, и значение европейского архитектурного стиля постепенно начало увеличиваться. Среди таких построек - Корейская средняя школа № 2 Харбина (в оригинале - еврейская средняя школа Харбина), которая была самой уникальной не только для типичного еврейского стиля, но также и для всего существующего еврейского архитектурного наследия в Харбине с большим историческим наследием. Исследуя историю школы и анализируя её исторические и архитектурные ценности, эта статья представляет некоторые соответствующие меры для восстановления и повторного использования её архитектурного пространства, чтобы дать этому архитектурному наследию новую жизнь.

Ключевые слова: Харбин, еврейская архитектура, реставрация, эксплуатация.

Yinghui Mao, Yingli Mao, Yan Wang
8521099@163.com; mystic19890103@163.com; ayan97@sina.com
QQC, Qingdao, China; HIT, Harbin, China

THE MAIN TYPES AND DISTRIBUTION OF RESIDENTIAL CONSTRUCTION OF CHINESE EASTERN RAILWAY

Abstract - A residential group is made up of several individual residential component, which according to the needs of different users and use are divided into different types of residential housing types, Chinese Eastern Railway is mainly divided into single-family residence, joint-family residence and amalgamated dwelling, in each of the number of urban land associated with joint-family residence units in the majority, while the different housing types has its own distribution characteristics. Single family residence because of different users, then dividing into two types, advanced single-family residence and ordinary single-family residence. Advanced single-family residence as rank higher housing types, in a residential area allocated only to the appropriate level of senior railway workers lived in the number of residential small proportion of the population.

Keywords: residential group, advanced single-family residence, ordinary single-family residence, amalgamated dwelling, Chinese Eastern Railway

1.Various shapes of single-family residence.

In a book entitled “History of East Provincial Railway History” wrote: “Here in the construction of houses, mostly level, and many are cottages that they have a variety of auxiliary facilities, courtyard. along fence, refrigerated cellar, shed and a separate board with summer kitchen. most have a balcony house, and other external facilities. ”[1,p.11]

1.1. advanced single-family residence. In residential areas, for example the new city of Harbin, the new city is located in the highest position in Harbin terrain, built railway station, Railway Bureau office buildings and railroad clubs and other public buildings, the majority of railway workers house located near the area where public buildings. Districts in the new city in the southwest with a garden and a vegetable garden is single-family homes, generally are two-story, and with a winter greenhouse, these single-family homes in different areas, different layout. Meanwhile, due to the construction of large public buildings in the new city, which also is becoming a senior staff, government officials and the general staff of the residential areas, such as villas, the official residence and single-family homes, with its modernist architectural style mostly based.

It has still retained blocks of luxury villas in Harbin Nangang District (Fig.1)., then these are the only railway officer floor, these alone are generally equipped with a certain floor area of the courtyard, and a richly decorated vault balcony. This unique floor living area generally vary, usually according to my level or at the level of the duties of the authorities to distinguish between different railway, the most common residential senior staff has 156 square meters, while the Eastern Railway Authority can enjoy 1090 square meters of luxury [1,p.11]

a)Gongsi street number78 ,Harbin *b) Lianfa street number64 ,Harbin*

Figure 1. Advanced single-family residence of Harbin

1.2. Ordinary single-family residence. The façades of ordinary single-family residence is more complex compared with the general joint-family residence, there will be an Art Nouveau building local or symbol of the Renaissance as a decoration, construction is generally level, in addition to the basic use of the interior space as well as a servant room , living room and so on. The building environment is spacious and comfortable. Ordinary single-family residences in Yimianpo and Boketu, which are novel and unique architectural style, building a wall at the entrance to make prominent treatment, using a different kind of decorative brick wall, these decorative brick neoclassical style embodies the characteristics (Fig.2).

a) Pingshan Station b)Muling Station c) Boketu Station

d) Yuquan Station e) Yimianpo Station f) Hengdaohezi Station

Figure 2. Ordinary single-family residence along with Chinese Eastern Railway

2. Convenient and pleasant of joint-family residence

Joint-family residence, mostly single rectangular plane, but the internal layout of the diverse, flexible, suitable for 2-8 family household use, and because relatively simple architectural forms, different sizes, different units can reference the appropriate design standards for construction, so the relatively broad range of applications associated family homes.

2.1. Two Apartment style. Two joint-family residence are linked family homes in the more advanced types of residential, residential generally have two separate entrances, or use a common entrance, often equipped with a sun room, sun room, or diagonally arranged symmetrically arranged in two buildings side, usually two tenants share a courtyard space, number of rooms for internal use room 1-5 range. Building a plane generally rectangular, usually set at the midpoint household wall construction plane, two-family use of the area are equal, mutually symmetrical pattern interior space (Fig.3).

a) Anda Station b) Muling Station c) Boketu Station

Figure 3. Two Apartment joint-family residences along with Chinese Eastern Railway

2.2. Three Apartment style. Most three-family residential area showed uneven distribution, generally as “a big two small” form, and because of this distribution makes them a family or two-family and airy room facing the situation is not ideal, so use is not

wide enough. If the plane is a rectangular plane, "Transverse" type, the basic equality of the three families of the area. Three multi-family homes for two or three entrances, balcony area, number and orientation of the configuration and there is no specific standard, basic household can configure a kitchen, an individual also has a shared kitchen, two-family situation (Fig.4).

a) Anda Station c) Boketu Station

Figure 4. Three Apartment joint-family residences along with Chinese Eastern Railway

2.3. Four Apartment style. Four family homes are linked Family groups use more common units, similar to the two-family homes, flat rectangular single building, the interior of the space is divided into four parts equal to "Bedroom"type mostly basic the household are equipped with a kitchen, there are cases of two families sharing a kitchen or a living room. Door bucket and the sun house are generally 2-4, and symmetrical layout. Four family homes in the most common model is the flat plane pattern "field" glyph (Fig.5).

a) Boketu Station b) Zhalainuoer Station c) Hengdaohezi Station

Figure 5. Four Apartment joint-family residences along with Chinese Eastern Railway

2.4. Multi Apartment style. More than four residential units called multi-family residential units, multi-family residential living standards of low and construction costs over the previous several inexpensive, exterior walls of the smaller, but comes with a few families shared courtyard area. Multi-family homes more than a simple "one" -shaped plane, generally in accordance with the number of households design entry, mostly for a room type, construction less configuration between the sun, which is more suitable for single-family railway staff accommodation. Building entrance can be used "a one-in" form can also be used in the form of several families shared. Building entrances often set up in the mountains, building entrance wall or facade ends, this design ensures the integrity of the building facade, relatively easy to form a strong sense of street (Fig.6).

a) Suifen River Station b) Fulaerji Station c) Muling Station

Figure 6. Multi Apartment joint-family residences along with Chinese Eastern Railway

3. Concise and trendy of amalgamated dwelling. With the development of urban construction and population base increases, personal residential use of the area has been limited, plus the start of centralized heating, centralized residential thus began the construction of apartment-style, best embodies this cluster of houses is the Middle East along the railway staff quarters, including staff quarters because of the different layout gallery style collection divided into inner corridor and unit type amalgamated dwelling.

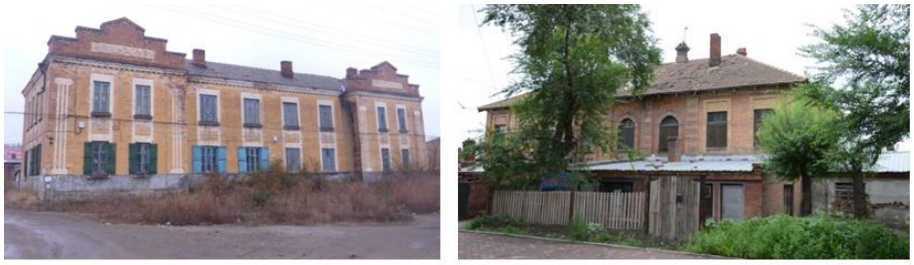
3.1. Inner Corridor. This collection of dormitory space constitute a very simple style, almost repeated the same living space, can also be seen as an early type of residential units. Such as Manchuria, a second set of dormitory apartments Hengdaohezi locomotive apartment, Suifenhe railway staff quarters (commonly known as the white building), Yimianpo crew Apartment and so on.

In order to fit a larger staff accommodation building plan in the "one" on the basis of shape in more complex changes, the formation of broken line, shape or dendritic enclosed so as Yimianpo crew Weiheshi spatial structure of the apartment is. Suifenhe railroad workers to housing for example, also known as "white building", it's flat elongated square ring, protruding roof done locally processed and made Mengsuo style roof, doors and windows fine carving, construction was typical European style, with wrought iron fence and trees around, elegant and vicissitudes of the building environment (Fig.7).

a) Number 5Building site, Zalantun b) Railway staff Apartment, Suifen River

Figure 7. Inner Corridor of amalgamated dwelling along with Chinese Eastern Railway

3.2. Unit type. Chinese Eastern Railway dormitory buildings have in modern modular housing means, and already has a modular housing features, such as multi-planar rectangular building, with a standard cell as a template, can form a ladder or a ladder more than two family residential patterns, which are household stairwell as traffic space, interior features and reasonable layout, kitchen, bathroom and other configuration is complete. Architectural composition easier to follow a certain percentage of relations especially is good at using the symmetrical composition principles (Fig.8).



a) Manzhouli Station b) Acheng Station

Figure 8. Unit type of amalgamated dwelling along with Chinese Eastern Railway

Conclusion. Amalgamated Dwellings in general entrance on the second or third first apply to officially enter into the room, and then to continue to bypass the stairwell upstairs, so take off your shoes in the bottom of the stairs where it is located, and this entrance way to reduce the user at the entrance residence time at speed up the access speed, but this approach also has a certain role in the cold wind, and also to ensure clean room.

As Inner Corridor style**,** In Zalantun Building was built in 1908 five railway for example, it was the staff quarters Eastern Railway, two-storey building, the use of "a" shape plane through the interior space of the gallery fish bone structure, building exterior simple and clean, architectural form was divided vertically asymmetrical facade at doing outstanding handling, very simple wall, door and window openings without too much cheek decorative roof made of wood cornice. As Unit type**,** Modular set of residential buildings tend to use some symbols or some detail treatment to demonstrate its architectural style, in which the performance of classical style, mostly, it is because the set of modular housing is generally "a ladder two" or "a ladder four "and other forms.

Bibliography:

1. H.п. Cragin. Russian, Russia: Harbin——the Ideal City in Russian Minds; Harbin, Harbin Press, 2007. – 70 p.

2. Liu Songfu. Chinese, China: Typological Modernization and Pattern of Analysis in Harbin City Building; Beijing, China Architecture & Building Press, 2003. – 137p.

3. Pang Xuechen. Chinese, China: Picture Album of Chinese Eastern Railway; Harbin, Heilongjiang Publishing Group Press, 2013.

4. Yu Binyang. Chinese, China: Harbin • Impression (1897-1949); Beijing, China Architecture & Building Press, 2004. – 81 p.

5. Wu Guoqing. Chinese, China: Architectural Art Gallery——Old Building Pursuit of Chinese Eastern Railway; Harbin, Heilongjiang Publishing Group Press, 2008.

Йингхуи Мао, Йингли Мао, Ян Вэн
8521099@163.com; mystic19890103@163.com; ayan97@sina.com
QQC, Циндао, Китай; ХТИ, Харбин, Китай

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИДОРОЖНОЙ ЗАСТРОЙКИ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Абстракт - Придорожные жилые районы Китайско-Восточной железной дороги представлены разными типами жилья в зависимости от потребностей про-

живающих в нём жителей. Структура таких жилых районов состоит из домов для одной семьи, домов для нескольких поколений семьи и домов, в которых проживает сразу несколько семей. Типы домов для одной семьи, в зависимости от статуса проживающих, делятся на два подтипа: дома для семей обычных работников КВЖД и дома для семей, чьи члены занимают высокие руководящие посты, которые представляют малую часть населения.

Ключевые слова: жилые районы, дом для одной семьи, дом для семьи из нескольких поколений, дом для нескольких семей, Китайско-Восточная железная дорога.

Cai Jun, Liu Daping
326445856@qq.com,ldp_abc@sina.com
HIT, Harbin, China

ANALYSIS ON THE SPACE PATTERN OF BUILDINGS OF THE CHINESE EASTERN RAILWAY STATIONS

Abstract - The the Chinese Eastern Railway is a cross-border railway line in northeast china which was built from the 19th century to the first half of 20th century.On the basis of the perspective of building typology, this paper aims to analyze and classify the Station Buildings of the Chinese Eastern Railway station. Taking station buildings of different current situations of application as examples,to perform the on-the-spot studies on the architectural complex of the Chinese Eastern Railway through the classification analysis on Space Pattern of Buildings of Chinese Eastern Railway Stations, this paper explores its characteristics and change regularity, so as to try to have systematic knowledge on the patterns of buildings on the Chinese Eastern Railway stations and provide an evidence for the conservation of the liner heritage of the Chinese Eastern Railway as well.

Keywords: Patterns of building patterns, Chinese Eastern Railway station, Buildings of station

Architecture is formed accompanied with the entire history; architecture originates from its own rationality, only by such surviving process can architecture be integrated with surrounding artificial or natural environment. [1]
— Aldo Rossi

Introduction to the buildings of Chinese Eastern Railway stations

Chinese Eastern Railway refers to the railway and outbuildings built in northeast China from Manzhouli to Suifenhe from 1896 until 1935, where the Russian government aimed at plundering and invading northeast China. Buildings of Chinese Eastern Railway station are representative type of railway buildings at that time for meeting. Its design has strong exotic style, where decorations of some small and medium station are also of strong

style and folk characteristics, which can be described as an older Western building in China or Chinese-Western architecture, which is also a unique type of Chinese Modern Architecture.

1. Exploration on the Space Pattern of Buildings of Chinese Eastern Railway Stations

Conversion of architectural patterns. Space is the essence of the building. Pattern relationships and external body image of the building is an outward manifestation of architectural space form. Its patterns are mainly divided in plane pattern and facade pattern in buildings:

Plan pattern; In order to form a plane with the railway echoes, as a whole, the Middle East railway station building is mostly in a plane parallel to the rail way, was lined up, which will also help buffer the flow and relieve congestion. The station house from a formal point of view plane can be divided into two parts:A part of the station house of the plane with a strong central axis, presenting "A" shape, have large interior space, stretching layout, its flat form reflects the rigorous and magnificent public building space. In general, the largest station building main entrance is located on the center of the building, there are times twice entrance for staff and outbound travelers to use. Plane waiting at the entrance to the hall as a large space and traffic on both sides of the spatial organization of the different functions of the auxiliary space (Fig.1); a higher level of the station buildings have more than one waiting room with a large space, generally interspersed aid form space to connect, so the crowd to reach the purpose of diversion, not only save space and easy to use (Fig.2).

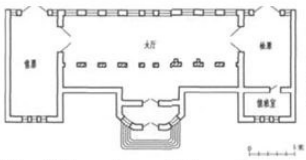


Fig.1 the plan of Xiangfang station

Fig.2 the plan of Harbin station

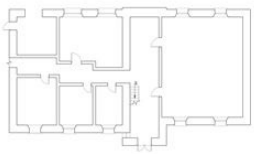


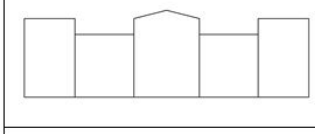
Fig.3 the plan of Anda station

Another part of the station building is no clear axis plane, the plane was "T" type (Fig 3), this type of station house traffic generally small, so small architectural form, the designer in the design process, a anti norm of public buildings designed to make the body light and lively performance, its spatial organization is flowing freely. The main entrance for the station staff and passengers simultaneously, due to the smaller traffic, no larger waiting room area using a combination of the station staff on their flat organization, so station building versatile, part of the station house still Outdoor set gray space as temporary waiting space, such as Anda Station and Ang'angxi Station.

Facade pattern in buildings: There are many facade patterns in buildings of Chinese Eastern Railway Stations; most of them are Russian rural architectural styles which are simple and plain. They are mainly divided into two forms:A part of the stations houses show a strong central axis in building facade, while the axis in the region often in the form of construction of the main highlights of flowers decorated the formation of the visual center, which is part of the station house of the composition according to the traditional theory of design, attaches great importance to primary from the treatment relationship, making it a complete and unified whole, the symmetry of the stability of the volume is most evident. Symmetrical form of combination, the central part of the more general role to highlight the many wings, so as to make the wings part is under his control and subordinate to the main body, thus highlighting the axis. There are narrow wings

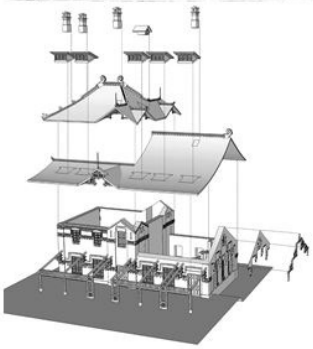
to balance the body, in order to achieve a balanced and stable visual. Meanwhile, the symmetrical form of processing is also conducive to the performance of public buildings, construction of a solemn atmosphere and as a gateway to the city station house building. Its facade is generally way constitute a “five vertical and three horizontal” or “three vertical and three horizontal” form (see Tab.1), mainly composed of vertical platform, the main building and the roof of three parts.

Tab.1 the Facade pattern and Examples of the Chinese Eastern Railway Stations

Facade pattern	Examples	
		

A part of the station buildings do not have a prominent central axis in the facade, with the scattered elevation to form a height difference, presenting strong asymmetry, thus demonstrating the architectural form of light. (Tab.2) According to the standard design drawings, thanks to asymmetrical design and stairwell prominent gable form of treatment, so the image of the center of the building is very striking, vivid and full contour changes. [2] Such a station house with a traditional Russian architecture of ethnic flavor in the facade decorated, it is worth mentioning that, in the early stages of the design of the station house, the roof of the building is also a bold use of the practice of traditional Chinese roof.

Tab.2 the Facade pattern and Examples of the Chinese Eastern Railway Stations

Facade pattern	Examples	
		

2. Convergence of the functional spaces

Buildings have specific using modes, which appears as a spatial order. [4] Spatial organization of houses in Chinese Eastern Railway Stations are simple and smooth, with free convergence of function spaces. On the other hand, the traffic space is the link station building between users and buildings, also the clues for different elements of unit spaces. Among buildings of Chinese Eastern Railway Stations, the "A" shape station buildings generally are the waiting hall linking to the ticket office and main office, so that the tangible traffic flow lines disappear may disappear in the broad spaces, which has a direct result of decomposition without specific traffic spaces as transition (Fig.4) Since the railway at that time were mainly for freight with relatively less passenger flow, generally the entrance and exit were integrated in the design, which will not have great impact on evacuating the flow of people. Levels of "T" shaped flat station buildings are generally low, where the passenger flow was small. In general particular traffic spaces were used to separate the station staff office space and passengers waiting space to achieve the purpose of diversion. Take the station plan of Anda Station as example (Fig.5), staff using space was on the left, while the waiting room for passengers were on the right. Both spaces were connected by a corridor for both passengers and staff as the horizontal and vertical spaces to link the formation of diversion.

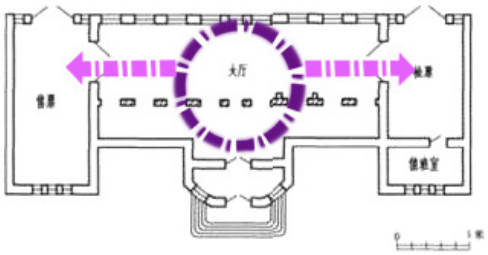


Fig.4 the analysis of Xiangfang

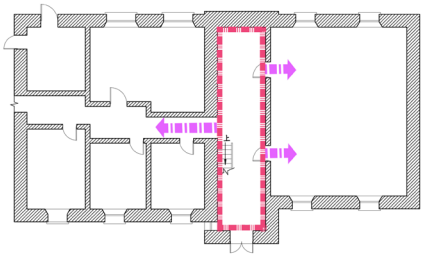


Fig5. the analysis of Anda

3. Transition between abstract and concrete spaces

Among buildings of Chinese Eastern Railway Stations, a series of different virtual line space were applied in a part of small and medium local station houses as the interior transitional space, which enhances the sense of space level. Most of them exist in the forms of galleries around or rain canopies. Among these virtual spaces, some were partially enclosed for the physical spaces and extended as the interior space of the room to become internal organization of space by (buffer space), so as to produce a positive interaction for indoor and outdoor spaces. At the same time, this kind of space can complement indoor and outdoor spaces functionally, so that the finally excessive gray spaces have considerable vigor space (Fig.6); another type of gray space setting is to be modified, and stressed that both excessive physical space to the external environment, which is not only the only way to enter the building entities, physical space for the station house node (such as doors, windows, etc.) while providing activities of the external environment as well, so as to connect with the external ventilation, rain, snow, and sunshine (Fig.7). Settings of multiple gray spaces are an ingenious external space processing means of station buildings (Tab.3).

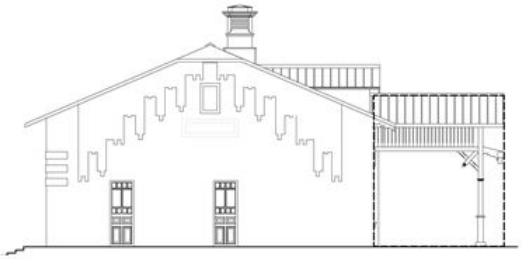


Fig.6.

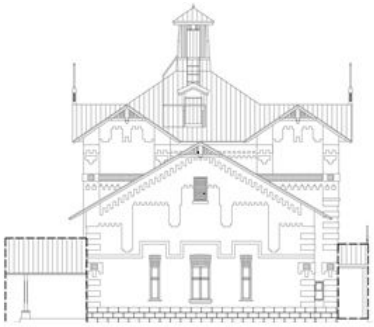
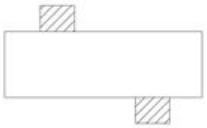


Fig.7.

Tab.3 the gray spaces patterns and Examples of the Chinese Eastern Railway Stations

gray spaces patterns	Examples	
		

4. Consideration in proportion and scale

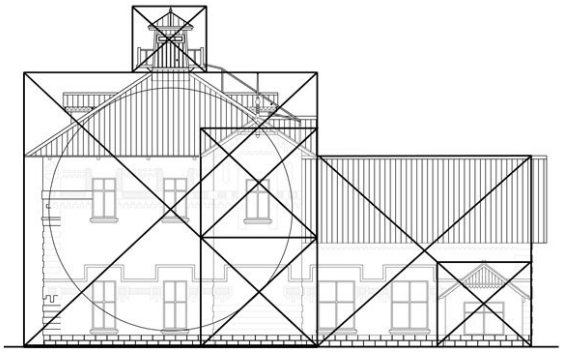


Fig.8 the ratio analysis of Anda Station

Proportion can be seen as building on the history and geography of the model abstracted prototypes. From behind the buildings shape gauge line relationship, we can see that the seemingly complex architectural forms attributed to the overall and unified proportions. Buildings in Chinese Eastern Railway Stations are harmonious. As can be seen from our analysis, with the diagonal parallel or perpendicular to the square, proportional relationship exists between the whole and the parts of the buildings. Take the Anda Station building as an example, we can see from the analysis of the relationship between the ratio of the building (Fig.8) that from the proportion of point of view, the building block of the overall proportion of each body part are approximately golden ratio. Classical architecture

proportional relationships are recommended in the design. From the scale point of view, the whole building is not an absolute symmetrical combination. Different from symmetric architecture, each element of the asymmetrical massing in combination was unfolded in accordance with the symmetric equilibrium principles. By emphasizing the outstanding amount of the object is to go over the size of the different body mass, has reached a master-slave relationship clearly, so as to achieve overall stable equilibrium, to meet the "comparative unity" aesthetic principles.

Buildings in Chinese Eastern Railway Stations are designed in accordance with the "people-oriented" principle which highly reflects the people-oriented thinking, practical thinking, as well as the spirit of simplicity. Chinese Eastern Railway Stations were not large-scaled in general, because the population at that time was not dense with small urban building floor area ratio. So most of the buildings only have one or two levels, corresponding to the urban volume. As a whole, the scale station buildings were more appropriate, which did not exaggerate the building volume or architectural style for special needs. [3]

5. Space rhythm and rhyme

"Architecture is frozen music." The most common interpretation of the music and building bridges is that they are due to repetitive stress generated beauty. We know that music is the most important manifestation of his rhythm: a combination of fixed voice constitutes a melody. [4] As a result, we can analyze the axis of the building plan to see the inherent rhythm of architectural space through the external form of the building. As shown in the first floor of the old Harbin We stand vertical and horizontal plane drawn axes and measure the distance you can get a plane rhythm analysis diagram old Harbin Station (Fig.9), we see that the rhythm of its stretch of elegant space. Repeat and similar spaces, building space was so certain rules changes, the size of the space is well-proportioned, but without losing the richness. We can see that the spatial distribution of structured and rigorous, so with style and building facades match. Such station house, mostly classical style or art nouveau, are space-paced style to make the building more thoroughly rigorous performance, like Xiangfang Station, the Old Harbin Station, and Shangzhi Station.

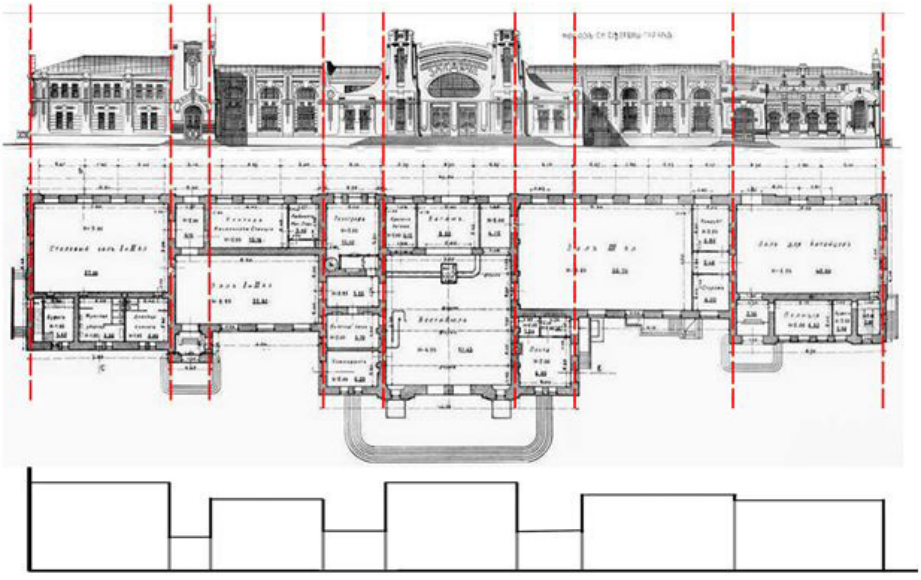


Fig.9 the rhythm analysis of old Harbin Station

Spatial organization in the Chinese Eastern Railway Stations use contrast, repetition, excessive handling, etc., so that the space was certain rules with a variety of changes, from the point of view of both repetitive rhythm of space, which will organize a variety of space become an orderly change, unity complete spatial clusters. This spatial sequence of both the performance of the public buildings rigorous dignified bearing, while letting the space change appears certain limit, the more the performance of the eclectic architectural style lively and agile.

Conclusion. Buildings in Chinese Eastern Railway stations have rich spatial patterns, which all have unique techniques in the conversion between architectural patterns, convergence of functional spaces, as well as transition between abstract and concrete spaces. In addition, elaborations for proportions and scale in the design of Chinese Eastern Railway station buildings as well as spatial rhythms and rhymes are extremely clever, where the design ideas have reflected the cultural heritage of the buildings in Chinese Eastern Railway stations, reflecting a high degree of aesthetic appeal. On the basis of building typology, the author has analyzed the spatial design features of buildings in Chinese Eastern Railway station from the perspective of space patterns, hoping to find some of its inherent qualities and temperament to get valuable content for today's design, so as to provide useful lessons on architectural and cultural heritage and innovation.

Bibliography:

1.Aldo Rossi:The Architecture of the City,The MIT Press,1982

2. Li Guoyou,Interpretation Of The Architectural Culture On The Chinese Eastern Railway From The Culture Perspective,Dissertation For The Doctor Degree In Engineering,Harbin,Harbin Institute of Technology,2013

3.Qu Meng,Modern Architecture And Urban Planning In Zhalantun,Dissertation For The Master Degree In Engineering,Harbin,Harbin Institute of Technology,2013

4.Wang Lijun,A Study on the Generalized Architectural Typology,TianJin Institute, TianJin,2002

Кай Джун, Лю Дапинг
326445856@qq.com,ldp_abc@sina.com
ХТИ, Харбин, Китай

АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОБРАЗА ЗДАНИЙ ВОСТОЧНЫХ ВОКЗАЛОВ КИТАЯ

Абстракт - Китайская Восточная Железная дорога представляет собой трансграничную железнодорожную линию на северо-востоке Китая, которая строилась в период с XIX до первой половины XX века. Целью данной статьи является анализ и классификация зданий вокзалов КВЖД. Здания вокзалов выбраны в качестве примеров для проведения исследований архитектурного комплекса Китайской Восточной Железной дороги, включая классификационный анализ пространственной картины зданий Китайских Восточных Вокзалов. Авторы статьи пытаются выявить систему закономерностей объемно-пространственных композиций зданий вокзалов, а также освидетельствовать сохранение наследия Китайской Восточной Железной Дороги.

Ключевые слова: Модели зданий, Китайский Восточный Вокзал, Вокзалы

Ким А. А., Лучкова В. И.
ant.kim@mail.ru; vera.luchkova@mail.khstu.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ КИТАЯ

Абстракт - Целью статьи было изучение процессов европейской колонизации с эпохи Великих географических открытий до распада колониальных империй в XX столетии. В данной работе проведен краткий анализ основных типов колонизации и процессов, связанных с ней. Отдельно рассмотрено развитие данного процесса в Китае. Проведен анализ европейского проникновения, начиная с первых контактов с португальцами в XVI столетии и заканчивая превращением Китая в европейскую полуколонию. Рассмотрен процесс влияния европейской культуры, распространяемой колонизаторами, на развитие традиционной архитектуры Китая на примере уезда Кайпинг южной провинций Гуандун и г. Харбина, расположенного в северной провинции Хэйлунцзян.

Ключевые слова: колониальная политика, Китай, дяолоу, китайского барокко, географические открытия.

Введение. Предпосылками европейской колонизации стал переход от феодализма к капиталистическим отношениям. Развитие торговли и товарного производства Европейских стран резко повысили потребность в деньгах, являющихся основным средством товарного обмена. Торговля с азиатским регионом в XV в. контролировалась итальянскими городами, остальные европейские государства практически не принимали в ней участия, происходил отток благородных металлов на Восток. В этот период произошел распад монгольской державы, ознаменовавший прекращение караванной торговли через Монголию и Среднюю Азию, захват Турцией Балкан и Передней Азии, закрывший торговые пути через Сирию и Малую Азию. Оставшийся торговый путь через Красное море был монополизирован египетскими султанами, существенно поднявшими пошлины [1]. Эти события ознаменовали начало упадка средиземноморской торговли и поисков новых торговых путей.

1. Этапы европейской колонизации. Началом колонизации странами Европы стала эпоха Великих географических открытий, начавшаяся в начале XV в. и закончившаяся в XVII столетии. Она стала возможной благодаря развитию мореплавания, науки и техники, позволившим совершать долгосрочные морские переходы. Историю колонизации можно условно разделить на 5 этапов *(рис. 1)*.

I. Господство католических Испании и Португалии (XV-XVI вв.). В XV в. главенствующую роль играли два государства – Испания и Португалия. Португальская корона контролировала Западное побережье Африки, Ост-Индию и Бразилию. Испания – Вест-Индию, Луизиану, Центральную и Южную Америку и Филиппины. Русским царством начинается присоединение Сибири. В африканском регионе устраивались торговые форпосты и опорные базы на побережье. В Ост-Индии шла борьба с арабскими и китайскими купцами за контроль над мор-

скими торговыми путями. В Америке проводилась территориальная экспансия, порабощение местного населения. [1]

II. Появление торговых компаний (XVII-середина XVIII вв.). К началу XVII в. начинается укрепление Голландии, Англии, Франции, действовавших через торговые компании. Голландцы захватили Ост-Индские владения Португалии, став лидером в регионе. Англия и Франция до середины XVII в. довольствовались торговлей на Индийском побережье. В Карибском регионе, Южной и Центральной Америке продолжалось господство Испании и Португалии, но Англия, Голландия и Франция захватывают часть Вест-Индии и часть побережья Южной и Центральной Америки. В Северной Америке начинается колонизация Францией, Англией, Нидерландами. Россия расширяет владения на Дальнем Востоке. [1, 7]

III. Господство Великобритании, появление первых независимых колоний (середина XVIII – середина XIX вв.). В этот период начался расцвет Великобританской колониальной империи. Английская Ост-Индская компания захватила Индостан. В Северной Америке захвачена французская Канада, в Африке – Капская область. Австралия стала местом ссылки английских преступников. Однако в этот же период колонии Новой Англии объявляют о своей независимости и создают США. На данном этапе Российская Империя колонизирует Аляску. В начале XIX в. страны Южной и Центральной Америки избавляются от протектората стран Пиренейского полуострова. [1, 7]

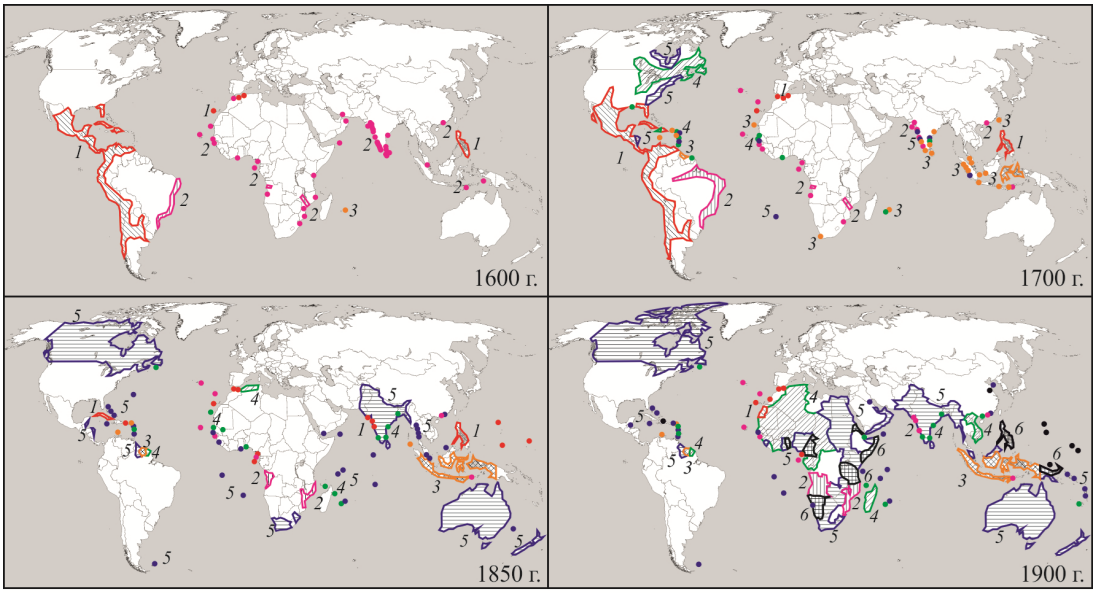


Рисунок 1. Развитие европейской колонизации

IV. Период активных колониальных захватов (середина XIX – начало XX вв.). Северо-западное побережье Африки стало зоной интересов Франции, а южная и восточная часть материка с Суэцким каналом перешли под контроль Великобритании. В Восточной Азии началось превращение Китая в полуколонию. На его побережье стали создаваться сеттльменты Великобритании, Франции, США, Германии, России, Японии и др. стран. Появляется единственная колониальная империя Азии – Япония, контролировавшая Корею и Тайвань. Россия этого периода отка-

зывается от Аляски, и начинает экспансию в Среднюю Азию и Маньчжурию. [1, 7]

Распад империй, начало деколонизации (с начала XX в.). Одним из итогов Первой мировой войны стал распад Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской империй. Однако прирост территорий оставшихся колониальных империй был небольшим. Активную экспансию продолжала Япония, сделав зависимой территорией Маньчжурию. С окончанием Второй мировой войны начался процесс деколонизации. Провозглашение независимости Индии в 1947 г. стал отправной точкой, за которой последовало освобождение Индокитая и Африки.

2. Типы колоний. Колониальная политика европейских держав на разных континентах существенно различалась. На этом фоне можно рассматривать колонизацию по 4 позициям: типу, взаимоотношение с коренным населением, степени участия государства, степени подчинения метрополии *(схема 1)*.

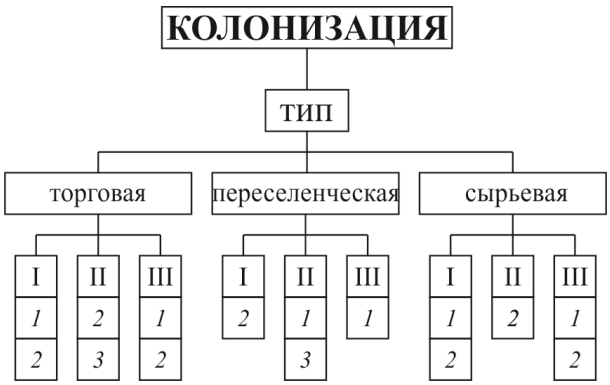


Схема 1. Типы колонизации. I – Степень подчинения метрополии: 1) полуколония, 2) зависимость; II – Взаимоотношение с населением: 1) экспатриация, 2) эксплуата-ция, 3) интеграция; III – Степень участия государства: 1) прямое, 2) косвенное

По типам колонизации выделяются переселенческая, сырьевая, торговая. Первый тип был характерен для освоения Северной Америки, Сибири, российского Дальнего Востока и Австралии. Велся захват территории и последующего расселения жителей метрополий. Второй тип – сырьевой – развивался в странах с неблагоприятным климатом, который препятствовал заселению европейцами, и неразвитой культурой, которая не могла заинтересовать Европу в полноценной торговле. Наиболее ярким примером таких колоний является Африка. Торговые колонии развивались в странах с сильной государственной властью и высоким уровнем развития. Таким регионом стала Азия. Существовали и производные типы колонизации, в Южной и Центральной Америки переселенческая колонизация была тесно переплетена с сырьевой, а в Ост-Индии сырьевая с торговой.

По степени взаимоотношений с коренным населением можно выделить экспатриацию, эксплуатацию, интеграцию. Первый тип характерен для территориальной экспансии в Северной Америки и Австралии. Второй тип был распространен на Африканском континенте, в Центральной и Южной Азии, в Индонезии и Индостане. Третий тип характерен для освоения российского Дальнего Востока и Сибири, а также частично для колонизации Восточной Азии.

По степени участия государства можно выделить прямое участие государство в колониальной политики, а также действие через сторонние организации. Первый тип применялся Испанией и Португалией, а также при заселении Северной Америки, Австралии, территории современной России. Второй тип появился в начале XVII столетия и был характерен для регионов с устоявшейся властью, которая не потерпела бы прямого вмешательства иностранных государств. Эталоном стали Ост-Индские торговые компании. Российская империя применяла данный тип

колонизации при присоединении Аляски, посредством Российско-Американской компании и при строительстве КВЖД в Маньчжурии через Русско-Китайский банк.

По степени подчинения колоний метрополии выделяются полная зависимость и действие через марионеточное правительство – полуколонии. Первый тип использовался в основном при колонизации Американского Континента, Австралии, центральной и южной Африки. Второй тип подразумевал под собой протекторат или формальную независимость и управление через лояльное колонизаторам правительство. Данный тип применялся в основном в Азиатском регионе и на Севере Африки в более развитых государствах.

3. Колонизация Китая. Одновременно с увеличением влияния европейских государств в южно-азиатском регионе европейцы начали продвигаться к странам Восточной Азии. Особенностью этого региона стали централизованные государством с сильной властью, что не позволило ему стать колонией Европы.

Появление первых торговых форпостов, закрытие границ Китая. Первыми Китай посетили португальцы в 1515 г, высадившись в провинции Гуандун. В 1557 г. им удалось получить в аренду Аомэнь (Макао). Голландцы и испанцы осели на Тайване (Формозе). В XVII в. активизировались Англия, Франция, США. В 1715 г. Британия получило право разместить факторию близ Гуанчжоу, а Франция в Нимбо. Увеличение влияния иностранцев привело к тому, что в 1757 г. был издан императорский указ, по которому торговля разрешалась только в Гуанчжоу. Право монопольной торговли было отдано объединению крупнейших купцов – гунхан (кохонг). [2, 4, 6]

Рисунок 2. Зоны влияния европейских госу-дарств в Китае, границы 1850-х гг.

Опиумные войны. Сильная зависимость Англии от чая и шелка-сырца вынудил ее искать товар, способный проломить таможенный барьер Китая. Итогом Первой Опиумной войны (1840-1842) стало открытие портов Гуанчжоу, Сямыня, Фучжоу, Нинбо, Шанхая и передача в вечное владение острова Сянган (Гонконг). Итогом Второй Опиумной войны (1856-1858) стало открытие р. Янцзы, и новых

торговых портов. В 1860 г. Китай передал Англии южную часть Коулунского полуострова и открыл Тяньцзинь. В 1858-1860 гг. России переходит левый берег Амура и Уссурийский край. [2, 4, 6]

Превращение Китая в полуколонию. Последующие договоры лишили Китай вассальных владений, и все больше открывали границы страны. В 1895 г. Япония получила Тайвань и Пэнхуледао. Сферой влияния Англии стали Южные провинции и бассейн р. Янцзы, Франции – Южный и Юго-Западный Китай, Германии – Тяньцзини и Ханькоу, России – Маньчжурия. В 1898 г. Германия получила Шаньдунский полуостров и Циндао, Россия – Ляодунский, Франция – побережье Гуанчжоуваньского пролива, Англия – полуостров Цзюлун и порт Вейхайвей. К началу XX века Китай превратился в полуколонию Европы. Недовольство местного населения и слабость власти стало предпосылкой к преобразованиям, произошедшим в Китае в новом столетии *(рис. 3)*. [2, 4, 6]

4. Влияние колонизации на архитектуру Китая. Появление иностранцев на границе Китая не могло не повлиять на развитие традиционный архитектуры. Первоначальное влияние шло из Гуанчжоу – центра торговли с европейскими государствами. Именно в провинции Гуандун располагаются первые примеры интеграции европейских архитектурных элементов с традиционной китайской архитектурой. В Кайпинге, Байхэчжэне, Сианданчжэне, Тангкучжэне появились жилые башенные комплексы дяолоу. [5]

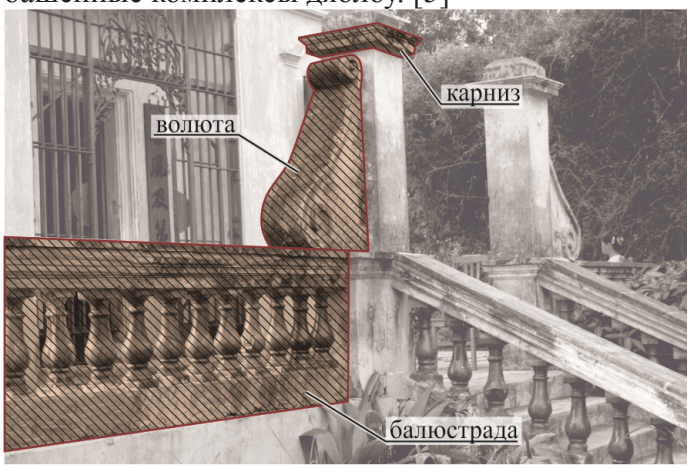


Рисунок 3. Архитектурные элементы дяолоу, городской уезд Кайпинг, провинция Гуандун

Первые сторожевые башни появились в конце правления династии Мин, когда в стране орудовали разбойники и крестьяне вынуждены были делать из своих домов крепости. Приход к правлению династии Цин существенно снизил уровень преступности, поэтому в эту эпоху построено лишь небольшое количество дяолоу. Опиумные войны вынудили часть китайцев иммигрировать в Северную Америку и Австралию. Накопив капитал, они начали активно возвращаться в начале XX в. Налеты бандитов способствовало возрождению строительства укрепленных усадеб. Именно на этот период пришелся всплеск строительства дяолоу, за период 20-х и 30-х гг. XX столетия было построено 90% башен. Дальнейшее развитие этого типа архитектуры прекратилось связи с депрессией 30-х гг. и началом войны. [5]

Особняком стоит застройка Чиканьженя. Здесь вместо башенных комплексов велась малоэтажная плотная застройка вдоль набережной. Основными застройщиками были китайские торговцы начала XX столетия. [9]

Дяолоу делились на 3 типа: общего пользования, для защиты от набегов бандитов, усадьбы богатых семей и строения в виде наблюдательных башен, появившиеся позже других. Общей чертой стало богатое завершенное верхнего яруса

с обильным использованием террас и куполов, активно внедрялись европейские элементы, такие как волюты и балюстрады *(рис. 3)*. Отличительной чертой стала точечная застройка с отсутствием двора, ограждающих стен и парадных подъездов, свойственных европейской архитектуре. [5, 8]

Наиболее старый из сохранившихся дяолоу Инлунлоу в деревне Саньмэнь был построен в период 1522-1566 гг. Его особенностью является массивная конструкции, контрастирующая с высокими декорированными башнями поздних периодов. Изначально стены прямоугольного дяолоу были выложены большим красным кирпичом, углы были фланкированы башенками. В 1919 г. была проведена реконструкция, полностью изменившая завершение и достроившая этаж. [5]

В центральном Китае в середине XIX в. появился феномен Шикумэнь, распространенный в районе Синьтяньди в Шанхае. Здесь происходило заимствование элементов архитектуры сеттльментов и их интерпретация в традиционных китайских жилых единицах. Кварталы представляли собой типовые фаршированные дома, сгруппированные вокруг внутреннего двора. [3]

Примером влияния европейской архитектуры в северных провинциях можно назвать район Фуцзядян (Даовай) г. Харбина. Построенный на берегу р. Сунгари рядом с мостовым поселком он, в отличии от районов Пристань (Нанган) и Новый город (Даоли) застраивался местными ремесленниками, а не профессиональными архитекторами. Район появился за полосой отчуждения КВЖД, разделявшей город на европейскую и азиатскую части. [3]

За европеизированными фасадами, выходящими на главную улицу Цзиньюй располагались традиционные жилые структуры Китая – хутуны. Более ранняя западная часть представляла собой хаотичную застройку, в появившейся позже восточной части уже преобладала регулярная планировка, выполненная по образу европейской части города. [3]

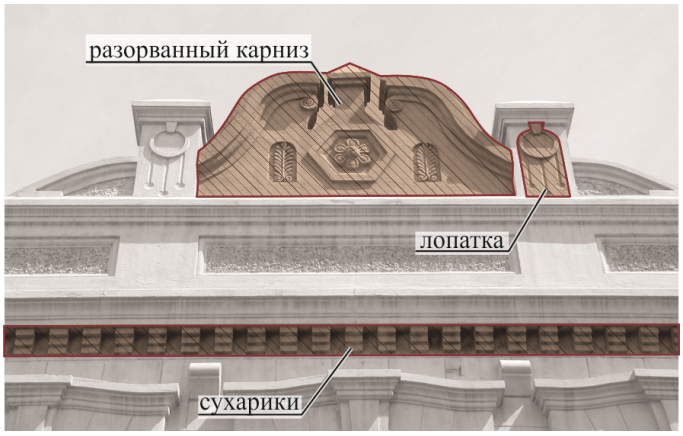


Рисунок 4. Архитектурные элементы китай-ского барокко, район Даовай, г. Харбин

Перенасыщенные ручной лепниной фасады среднеэтажных домов были построены по китайским традициям с преобладанием символов богатства и удачи. Сформировавшийся из национального романтизма и историзма стиль получил название «Китайского барокко» и стал преобладающим в этом районе города. Главной отличительной чертой стала вольная трактовка традиционных элементов европейской архитектуры, атектоничность, сбой масштабов, искажение пропорций *(рис. 4)*. [3]

Заключение. Эпоха Великих географических открытий положила начало колонизации новых регионов. На разных континентах эти процессы протекали по различным сценариям. Одной из последних стран, ставшей полуколонией Европы стал Китай, носитель древней и развитой культуры. Долгое время его закрытые границы не давали возможности проникновения европейцам, однако промышленный переворот и научно-техническая революция Европы позволили ей на несколько десятиле-

тий опередить остальной мир в развитии. Начавшееся проникновение европейской культуры затронуло все аспекты жизни Китая, в которых долгое время главенствующую роль занимали традиции. В различных регионах началась интеграция европейских элементов и приемов в традиционную архитектуру Китая. В Гуандуне это были башни дяолоу, в Шанхае – шикумень, в Харбине – китайское барокко.

Список использованных источников и литературы:

1. Всемирная история в 10-ти томах / гл. ред. Е.М. Жуков – М., 1955-1965 – Т. 4-7
2. Дацышен, В. Г. Новая история Китая : учебное пособие. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004 – 346 с. ISBN 5-8331-0071-2
3. Иванова, А. П. Иностранные влияния в архитектуре Китая и Индокитая. 1860-1960-е гг. : учебное пособие / А. П. Иванова. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. – 135 с.
4. История Китая с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев – гл. ред. вост. лит. – М. : «Наука», 1974. – 536 с.
5. Лучкова, В. И. История китайского города. Градостроительство, архитектура, садово-парковое искусство : монография / В. И. Лучкова. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. – 442 с. – ISBN 978-5-7389-1011-1
6. Никифоров, В. Н. Очерк истории Китая: II тысячелетие до н. э. – начало XX столетия – ин-т ДВ РАН. – М., 2002. – 448 с. – ISBN 5-8381-0036-2
7. Новая история колониальных и зависимых стран / под ред. С. Н. Ростовского. – Ин-т истории Академии наук СССР. – М. : гос. социально-экономическое изд-во, 1940. – 784 с
8. Kaiping Diaolou and Villages [Электронный ресурс] : UNESCO World Heritage Centre – URL : http://whc.unesco.org/en/list/1112 (дата обращения : 12.12.14)
9. 中国古镇游珍藏丛书. **福建**, **广**东分卷 / «**中国古**镇游» 编辑 **部**编. –**西史** : 陕西师范大学出版社 [Сборник рассказов о путешествиях по древним городам Китая. Фуцзянь, Гуандун / под ред. «Путешествия по древним городам Китая». Изд-во педагогического ун-та Шэньси], 2003.5 – 220 с. – ISBN 7-5613-2566-5

Kim A. A., Luchkova V. I.
ant.kim@mail.ru; vera.luchkova@mail.khstu.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

COLONIAL POLICY IN EUROPE AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF CHINESE ARCHITECTURE

Abstract - The purpose of the article was to study the processes of European colonization with the age of Great geographical discoveries to the collapse of the colonial empires in the XX century. In this paper, a brief analysis of the main types of colonization and the processes associated with it was carried out. The development of this process in China was separately considered. Analysis of European penetration, starting with first contact with the Portuguese in the XVI century and ending with the emergence of China as a European semi-colony, was carried out. The process of the influence of European culture spread by the colonizers on the development of the traditional Chinese architecture as an example of China Kaiping County, the southern province of Guangdong and Harbin, located in the northern province of Heilongjiang, was considered.

Keywords: colonial policy, China, diaolou, Chinese barocco, geographical discovery.

Kim Kyubum
Kyubum88@hanmail.net
HKNU, Anseong, Republic of Korea

GURYONG RESIDENTIAL VILLAGE REVITALIZE PLAN

Abstract - Guryong village started to be built by the residents who were moved from Gaepo-Dong in Buksa-Mun, to Guryong Mountain, 'unintentionally'(local government pushed) because of Gaepo-Dong development project which was carried out as the part of the preparations of 88 Olympic in 1983.

Guryong village is exceptional even though Gangnam was developed as a planned city consisted of relatively homogenous urban spaces compared to Gangbuk and et etc. Guryong village which faces apartment districts across a wide arterial street is called 'a light and shadow of Gangnam' which means the high quality Apt. and Stores of one side of the street and the illegal vinyl green house village of the other. Guryoung village is also only one shantytown left as the nature town of Gangnam, Seoul.

However, only one nature town left in Gangnam is rather destroying nature. Its residential environment is not good and it has a lot of problems. Thus an eco-friendly town which is suitable for a nature town is tried to be planned.

Figure 8 Final plan pan

Keywords: Energy & Energy use plan, Communication, A second class citizen, Condition

I. Analysis of problem.

1. Communication breakdown

A communication breakdown problem is shown due to living differences and the wide arterial street.

Figure 1 acute comparison of housing different sides of the arterial street

2. Low income class citizen

Many low income-class citizens are living in an old house.

Figure 2 Dilapidated dwelling

3. Residential environment

In general, the residential environment is not good. There is nothing good for hygiene, construction materials, facility and so on.

Figure 3 Facilities, Building materials, Sewerage

II. Solution

1. New land usage plan

Through a new land usage plan, the spaces for communication are planned. They will be an ecological park and a waterside park. There will be also an energy center.

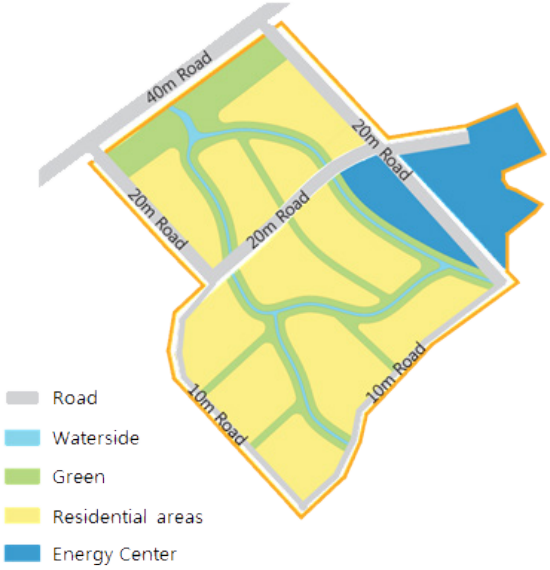


Figure 4 New land use plan

2. Energy usage plan

By using new renewable energy, a zero energy town will be made for the disadvantaged. The energies are rainwater energy and solar heat energy and another one is biomass energy. Biomass energy will characterize the town. It will also be beneficial to the town to sell the energy which is produced by biomass..

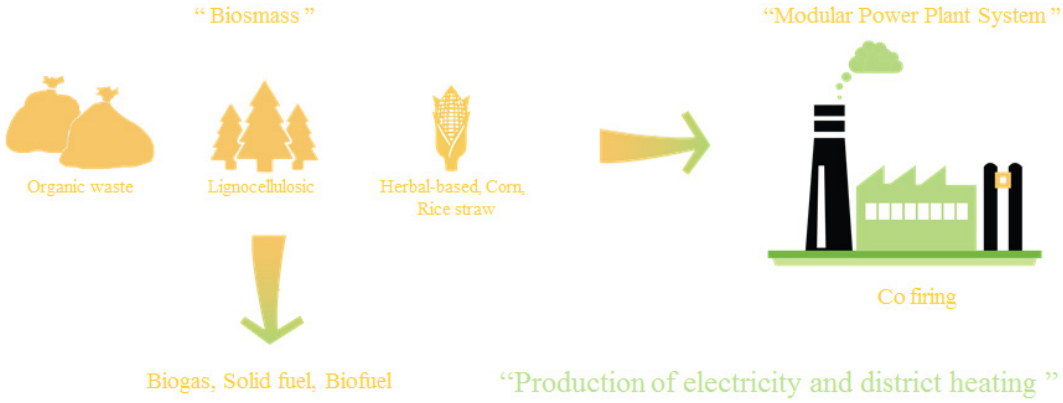


Figure 5 Renewable energy diagram

3. Housing plan

A cluster share house for the communication among the villagers is designed by the housing plan. Additionally, rainwater reuse, geothermal energy and solar heat energy and a green home are drawn up through the plan to make a zero energy town

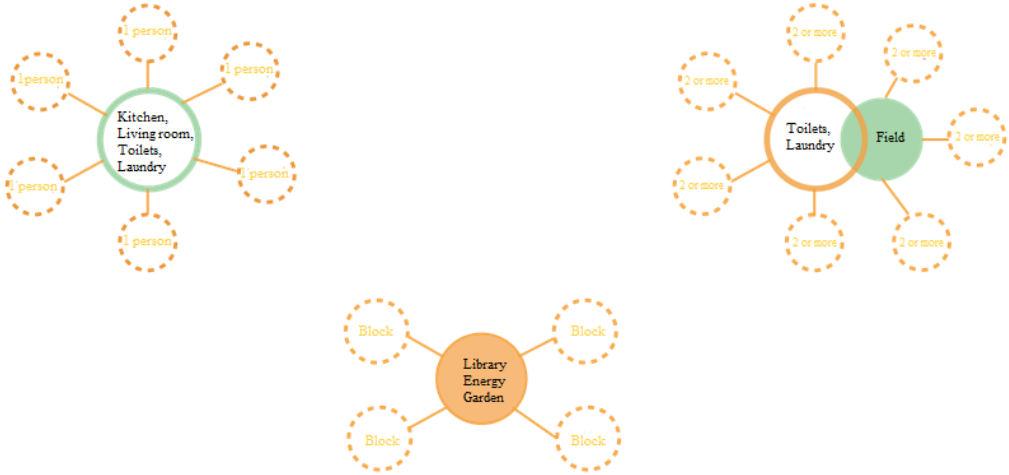


Figure 6 share housing diagram

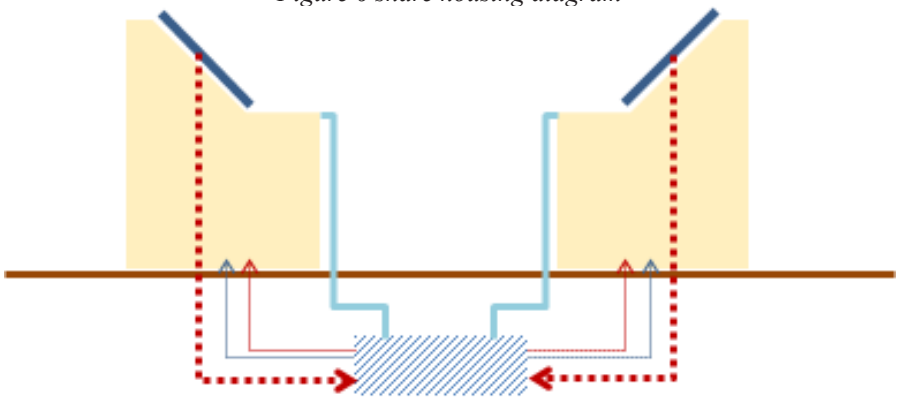


Figure 7 Rainwater, geothermal, solar energy use plan diagram

III. Conclusion

Bibliography:

1. performance evaluation of building components for 3 liter house Jongseo, Won 2005
2. A Study on the Ecological Housing Design in Elderly with Case Analysis of Ecological factors Songna, Yoon 2010
3. website
4. www.archydaily.com
5. www.energy.or.kr
6. www.gangnam.go.kr

Ким Кьюбам
Kyubum88@hanmail.net
УХ, Ансон, Южная Корея

ПЛАН ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЕРЕВНИ ГУРЬОНГ

Абстракт - Деревню Гурьонг начали строить жители, которых переселили из Гаэпо-Донга в Букса-Мун, к горам Гурьонг, «непреднамеренно» (местное правительство надавило на жителей) из-за проекта по развитию Гаэпо-Донга, который был выполнен как часть подготовки к олимпийским играм 1983 года.

Деревня Гурьонг исключительна, хоть и был Гангнам разработан как тщательно спланированный город, состоящий из относительно однородных городских пространств. По сравнению с Гангбуком и др., деревня Гурьонг обращена жилыми районами поперек широкой артериальной улицы, которую называют «свет и тень Гангнама», это название подразумевает с одной стороны улицы высокое качество жилых зданий и магазинов и с другой незаконных самодельных домов. Деревня Гурьонг имеет также единственные трущобы, оставленные как часть природного наследия города Гангнам под Сеулом.

Однако, единственный район, оставленный в Гангнаме, скорее погубил природу. Его жилая среда имеет много проблем. Делаются попытки создать экологический город, который соответствует природной гармонии.

Ключевые слова: энергия и план использования энергии, связь, граждане второго сорта, состояние.

Кожар Н. В.
nkazhar@bud.pcz.czest.pl; kozharnina@rambler.ru
ПЧ, Ченстохов, Польша

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ «ИДЕАЛЬНОГО» И «РЕАЛЬНОГО» В АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕОРИИ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА

Абстракт – В статье выполнено исследование взаимосвязи понятий «реального» и «идеального» в архитектурной мысли эпохи романтизма. Показано, что вопрос о соответствии реальной формы выражаемой идее являлся самостоятельной теоретической проблемой: в эстетике романтизма велся поиск нового идеала, который должен был вобрать все лучшее, достигнутое в прошлом.

Романтики обратились к истории, в которой надеялись найти абсолютные, вневременные «вечные ценности». В архитектуре это выразилось в стремлении придать современным сооружениям черты конкретных исторических зданий и, наоборот, придать отдельным формам обобщенный характер («академическое» направление»). Было создано много «идеальных» проектов: города, собора, дворца, памятника «гению». Романтизму в целом свойственна идеализация: идеальная ре-

волюция, идеальная самодостаточная свободная и активная личность, идеальное общество. Стремление к подчеркнутой образности архитектурных сооружений, заставлявшее обращаться к различным историческим и национальным источникам, создавало «характер» сооружения, выражающего идейно-эстетическую платформу его создателя. Практическим воплощением поисков «идеала» явилось «многостилье» архитектуры эпохи романтизма.

Ключевые слова: архитектура; романтизм; теория; реализм; символизм, иррационализм; историзм; идеал; фантазия.

1. Романтический идеал и реальность. Идейно-философские разногласия в отношении к реальности и к предшествующим концепциям Просвещения обусловили возникновение нескольких течений внутри романтизма. Часть из них базировалась на «теории органичности», другие во главу угла ставили роль фантазии – «поэтизации действительности». Например, Жан-Поль (И.Ф.Рихтер), характеризуя «идеал романтической красоты» как «прекрасное, не имеющее границ», пытался доказать существование в реальности «чудесного». Эта вера в «чудесное» и «фантастическое» была обусловлена тем, что, по словам Я.Бялостоцкого, «интенсивный ритм художественного развития после волны классицизма вынес на поверхность волны чувственного, иррационального» [8, с.132]. Однако это не означает, что художественный процесс был неподвластен рассудку. Здесь важно учитывать замечание Ф.В.Й. Шеллинга, отметившего, что процесс создания произведения искусства не сводится ни к чистой рассудочности, ни к интуиции, а составляет их сложное сочетание и взаимодействие.

Историческое мышление, по словам Э. Трёльча (1865-1923), разрушило все «устойчивые нормы и идеалы жизни человека» [5, с.23]. Осознание неповторимой индивидуальности каждого явления потребовало изучения его собственных тенденций развития, выходящих за рамки общих законов. Это породило проблему соотношения индивидуального и идеального. Чтобы избежать «анархии ценностей», от каждой индивидуальности потребовалось создание собственного идеала. Моральной обязанностью человека стала необходимость открыть этот идеал и соответствовать ему. В поисках идеала романтики обратились к истории, в которой надеялись найти абсолютные, вневременные «вечные ценности». В архитектуре это выразилось в стремлении придать современным сооружениям черты «узнаваемой индивидуальности» и наоборот, придать отдельным формам обобщенный характер («академическое» направление»). Архитекторы руководствовались утверждением Ф. Шлегеля о том, что «идеал есть одновременно и идея и факт» [1,с.85].

Высокая оценка отдельной индивидуальности не случайно сочеталась со стремлением приблизиться к «вечной идее». Это соответствовало философскому романтическому понятию «идентичности». Романтикам было присуще понимание того, что каждое индивидуальное проявление исторического момента должно быть соединено с идеей, «непосредственно с Богом», а потому следует «искать и находить проявление вечности в каждой минуте, в индивидуальном ощущении жизни» [5, с.24]. Характерным примером является письмо Ф.В.Г.А фон. Гумбольдта к И.К.Ф. фон Шиллеру от 25.6. 1797 года. Автор писал: «Художник всегда идеализирует и все же остается одновременно индивидуальным. Поэтому собственные устремления я направляю на то, чтобы находить идеал, не разрушая индивидуальность» [9, с.22].

2. Романтический идеал. Новое понятие идеала было сформулировано в период предромантизма (2-я пол. XVIIIв.). По Г.В.Ф. Гегелю, именно индивидуализация идеала способствует возникновению «романтического искусства», в котором «художник всецело распоряжается как содержанием, так и способом его формирования». И следует согласиться с высказыванием А.В.Михайлова о том, что в «сознании романтических мыслителей – свидетелей заката французской революции – идеал и реальность (выделено-Н.К.) располагаются в разных плоскостях. Идея, идеал бесконечно выше, существеннее реальности». Поэтому «мысль романтика становится полем, на котором противоречиво сосуществует старое и новое: с одной стороны, громадная традиция культурной истории, идеал как вневременной полюс бытия, с другой, самый свежий опыт истории и непосредственное переживание происходящего… опыт истории вливается в романтический идеал» [7, с. 9].

Эпоха не случайно создала так много «идеальных» проектов города, собора, дворца, памятника «гению». Романтизму в целом свойственна идеализация: идеальная революция, идеальная самодостаточная свободная и активная личность, идеальное общество. Все устремления эпохи потонули в «героических иллюзиях». Это время расцвета идей национального единства и общеевропейского «содружества духа» (Д. Спадолини), идеальных красоты, природы и человека, религиозного смирения.

Идея «смирения» обусловила обращение к христианским ценностям, новое звучание обрели религиозные чувства. Например, статья Новалиса (Ф. фон Гарденберг) «Христианство или Европа» (1799) воспевала добрые замечательные времена, когда вся Европа была единой «христианской землей». «Средневековье, преломленное сквозь призму романтического идеала, выступает весьма многокрасочным и многосторонним миром, полным богатого духовного содержания», – писал В. Ванслов [2, с.133]. Романтики произвели переоценку исторического периода, который во времена Просвещения считался эпохой варварства и мракобесия. В соединении христианства и культуры они усматривали путь к будущему идеальному свободному обществу.

По Гегелю процесс выражения идеи как конкретной действительности художественного произведения заключался в переходе от субъективной манеры через стилизацию к настоящей оригинальности. Искусство могло считаться искусством тогда, когда его произведения выражали не только идеал (понимаемый как «прекрасное»), но и идею. Однако большинство романтиков, приветствуя «самобытность» народного искусства, не считали «оригинальность» большим достоинством. Наоборот Ф. Шлегель считал чрезмерное стремление к оригинальности проявлением варварства, Новалис – «ученым позерским эгоизмом».

3. Проблема «самобытности и подражания». В современной эстетике принято считать, что «одним из важнейших моментов романтической эстетики является формирование понятий исторической психологии, обусловленных определенной эпохой и особенностями местных национальных проблем» [3, с.141]. И действительно, «местный колорит» являлся существенной категорией романтической эстетики, в том числе и архитектурной теории. Он требовал выявления национального своеобразия. Два полюса романтической архитектурной эстетики: историзм и символизм создали силовое поле, в котором возникали различные варианты архитектурных решений. Потребовался критерий, который позволил бы определить своеобразие каждого из них. Им стал «критерий народности искусства» («критерий самобытности»), тесно связанный с принципом историзма и позволяющий оценить значение и достоинства художественного творчества различных эпох и народов «на равных условиях».

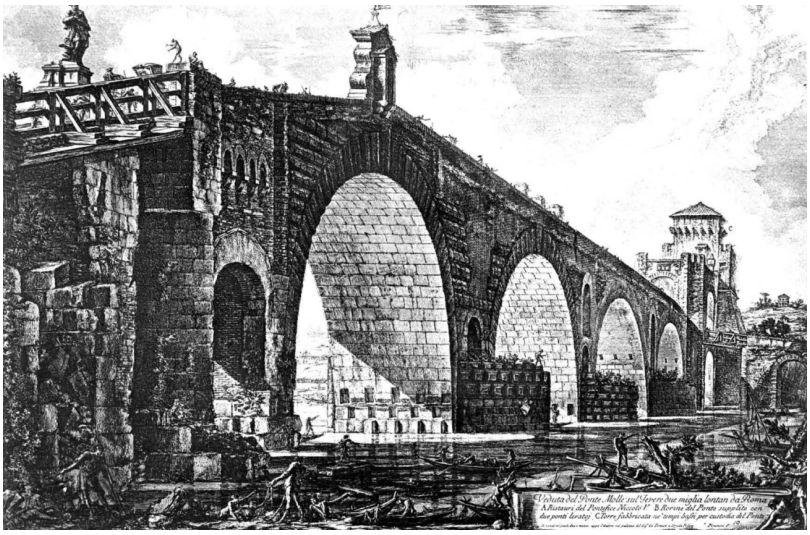


Рис.1. Д.Б. Пиранези. «Понте Моле». Из цикла «Виды Рима» Офорт. 1762 [11]

Поискам самобытности сопутствовал вопрос о «наследовании», «заимствовании». Поэтому, по мнению З.Лемпицкого, «проблему так называемых влияний надо поставить для романтиков иначе, чем для других поэтов и мыслителей. В этом случае речь идет не о влиянии в обычном смысле слова, а о совершенно сознательном заимствовании. О поиске опоры, перенимании тем, их связей и соединений, о создании вариаций на заимствованную тему» [10, с.216]. Эти слова идеально подходят и для описания творчества архитектора эпохи романтизма. Стремление к подчеркнутой образности архитектурных сооружений, заставлявшее обращаться к различным историческим и национальным источникам, создавало заостренность «характера» сооружения, выражающего идейно-эстетическую платформу его создателя.

В развитии субъективности выражения взглядов и чувств в архитектуре существенную роль сыграли гравюры Дж. Б. Пиранези, их возвышенный пафос и сила (рис.1.). В «пластическом мире» Пиранези романтики усматривали аллегорию судьбы человека, атмосферу тревоги и тоски. Романтическая типизация, которая сосредотачивалась на внутреннем мире творческой личности, была свойственна взглядам многих архитекторов эпохи. Идея Новалиса о «всяком произведении как живом индивидууме» проявилась и в теории «органичности», и в понятии «характера» сооружения, способствуя расшифровке его социального, функционального и художественного содержания.

4. Романтическая фантазия и реальность. «Без фантазии нет искусства». Это романтически звучавшее утверждение поддерживалось не только в творчестве, но даже в естествознании, в перцепционной психологии. Для романтиков «усиление внутреннего смысла, заложенного в художественный образ» позволяло содержанию возвыситься до вымысла» [1, с.60]. Это утверждение в полной мере относится к архитектуре, где именно фантазия отличает «романтический способ строительства» (Ф. Шлегель). К.В.Ф. Зольгер вообще считал художественное произведение «фантазией, перенесенной в действительность» [5, с.25].

Рис.2. Брюссель. Дворец юстиции. 1866—83. Архитектор Ж. Пуларт [12].

Начало перехода от «мимесиса» к «фантасии» относится к позднеантичной эстетике. В средневековом искусстве была создана эстетическая модель, в которой фантазия и вымысел преобладали над разумом. Из этой модели и было позаимствовано важное свойство романтического искусства, охарактеризованное. Гегелем как «перевес образа над идеей». Этот перевес обусловил разлад «мечты и реальности» в романтизме, идеал красоты из материального образца превратился в «божественный», нереальный. Произошел переход от гармонии к «поэтике контрастов». На этой основе возникла «образная гигантомания» в различных областях искусства. Новалис писал: «Абсолютизация, придание универсального смысла, классификация индивидуального момента, индивидуальной ситуации и т.д. – составляют существо всякого претворения в романтизм» [6, с. 122]. Сооружения стали символом, знаком характерных явлений определенного этапа жизни человека. Поэтому «архитектурные образы принимают на себя функцию, ранее принадлежавшую образам и понятиям античной мифологии и истории» [4, с.43]. Эта мифологизация текущей действительности оставалась характерной на всех этапах развития романтизма.

В 1822 году в письме В. Скотту Д.Г. Байрон (Ноэл, 1788-1824) написал: «Мы живем во времена гигантских, преувеличенных масштабов. Когда все, кто мельче Гога и Магога, кажутся пигмеями» [5, с. 42]. В градостроительстве огромные масштабы городских пространств потребовали грандиозных объемов, сооружения становились стихийными блоками в городе, как например здание Дворца юстиции в Брюсселе (1862-1883) (рис.2). Созданная в эпоху романтизма Людвигштрассе в Мюнхене представляла собой пример того, как «улица людей» становится «улицей великанов». Был нарушен масштаб, соразмерный простому человеку Улица, ограниченная Залом полководцев и Воротами Победы, с одной стороны возвращала к барочной идее зального пространства. С другой – являла собой пространство для «Гога и Магога», которое трудно охватить сразу взглядом и тем более измерить шагами (рис.3).

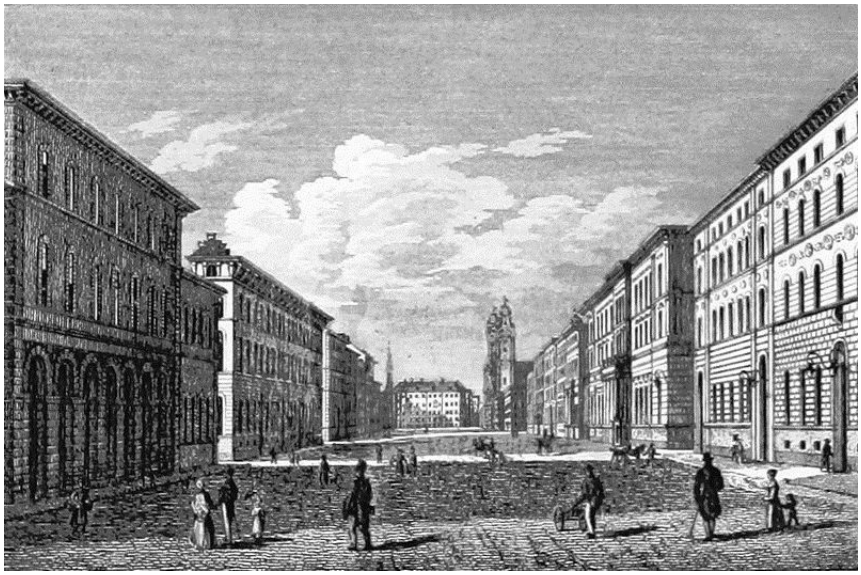


Рис.3 А.фон Шаден. Мюнхен. Людвигштрассе в первой трети XIX века [13].

М. Элиаде метко отметил, что «этимологически… воображение - immaginato связывается со словом образ- imago… и со словом подражать – imitare» [5, с.42]. Воображение романтика наследует образы прошлого, актуализирует их, превращает в средство собственного творчества. Безусловно, существует глубокая связь между романтическим воображением и эклектическим методом в архитектуре. Эклектика создает ситуацию, при которой возможно выявить «грани фантастических образов». Но романтик-архитектор вынужден сужать поле своего воображения ограничениями, которые обусловлены материальными законами зодчества и традицией применения материалов. Или, пренебрегая ими, создавать утопические проекты-фантазии, не предназначенные к реализации (К.-Н. Леду, Э.-Л.Булле, Ф. Жилли, К.Ф. Шинкель).

Появилась возможность «выбора стиля». Романтики пришли к рассмотрению художественного процесса как смены отдельных уникальных и неповторимых культур, что делало невозможной абсолютизацию одной из них. С конца 1820-х годов в европейской архитектуре сосуществовали и вели острую полемику следующие «неостили»: классицизм, неоренессанс, неготика, «рундбогенстиль», бидермейер и «современный стиль» (свободная переработка всех форм с целью создания нового архитектурного языка). Они отразили «множественность» положений архитектурной мысли эпохи.

Заключение. Вера романтиков в великую миссию архитектуры как искусства, с которого «начнется преобразование» оставалась неизменной на протяжении всей эпохи. В области архитектуры это проявилось в осознании того, что как современному, так и будущему «идеальному обществу» должны соответствовать новые архитектурные формы, новые принципы их создания и соединения. Иррационализм, находящийся в определенном противоречии с разумом, во многом обусловил возникновение скульптурного, экспрессивного мышления в архитектуре эпохи романтизма. Многочисленные «неостили» эпохи романтизма, имевшие собственное теоретическое обоснование, создавали широкое поле творческих поисков между полюсами «реального» и «идеального».

Идейным установкам сопутствовали требования комфорта, уюта и учета местных особенностей. В соединении таких разнородных начал виделся путь к соз-

данию «стиля эпохи», нового качества, которое будет достигнуто путем соединения «идеальной структурной формы» с «художественным выражением».

В эстетике романтизма велся поиск нового идеала, который должен был вобрать все лучшее, достигнутое в прошлом. «Современную красоту» невозможно было достичь, лишь используя формы прошлого. Обращение к стилю-прототипу в первую очередь связывалось с вызываемыми им ассоциациями, его содержательным началом. Поэтому «высокая идея» явилась связующим звеном между «целесообразностью» и «стилем». Именно наличие данной «высокой идеи» проводит водораздел между архитектурой эпохи ронматизма и эклектики.

Список использованных источников литературы:

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – Л.:Худож. Лит.,, 1973. - 568 с.
2. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. – М.: Искусство, 1966. - 403 с.
3. История эстетической мысли. В 6-ти т. - М.: Искусство, 1986. – Т.3. - 496 с.
4. Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века в России. – М.: Искусство, 1986. - 344с
5. Кожар Н.В. Архитектурная теория эпохи романтизма в Германии и развитие западноевропейского зодчества конца XVIII - первой половины XIX вв. – Минск: Парадокс, 2000. – 260 с
6. Литературная теория немецкого романтизма: Документы: Пер. с нем. / Ред., вст.ст. Берковского Н.Я. - М.: Гослитиздат, 1934. – 334 с
7. Эстетика немецких романтиков / Сост. пер. вст. ст. и ком. А.В. Михайлова.- М.: Искусство, 1987. - 736 с.
8. Białostocki J. Pięć wieków myśli o sztuce. – W-wa: PWN, 1969. – 295 s.
9.Krakowski P. Z zagadnień architektury X1X w. Historyzm i eklektyzm // Sztuka drugiej połowy X1X wieku. – W-wa, 1973. – S.23-35.
10.Trzeciak P. Historia, psychika, architektura. – W-wa: PWN, 1988. – 240 s.
11. [Электронный ресурс] Режим доступа: *hhtp://dic.academic.ru/sic.nsf/enc. pictures/.* Дата доступа: 12.12.2014.
12. [Электронный ресурс] Режим доступа http://bse.sci/lib.com/partikle/. Дата доступа: 12.12.2014.
13. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://commons.wikimedia.org/. Дата доступа: 1212 3.2014.

Kazhar N.
nkazhar@bud.pcz.czest.pl; kozharnina@rambler.ru
PCz, Częstochowa, Polska

THE PROBLEM OF CORRELATION OF “IDEAL” AND “REAL” IN THE ARCHITECTURAL THEORY OF THE ROMANTICISM ERA

Abstract - In this article we have investigated the relationship of concepts of “real” and “ideal” in the architectural thought of the Romantic era. It is shown that the problem of accordance of real form to the expressed idea is an independent theoretical problem: in the aesthetics of Romanticism was conducted search for a new ideal, which was to incorporate all the best achievements in the past.

Romantics turned to history, in which hoped to find the absolute, timeless “eternal values”. In architecture it is reflected in the effort to give specific features of historic

buildings to modern buildings and, on the contrary, to give particular forms generalized character (“academic” direction).

A lot of ‘ideal’ projects were created: the city, the cathedral, the palace, the monument for “genius.” Romanticism in general characterized by an idealization: an ideal revolution, the ideal self-contained free and active person, the ideal society. The desire for emphasized imagery of architectural structures, forced to turn to various historical and national sources, created a “character” of building, expressing the ideological and aesthetic platform of its author. Practical realization of searches was variety of styles in architecture of the Romantic era.

Keywords: architecture; romanticism; theory; realism; symbolism; irrationalism; historicism; ideal; fantasy.

Кремлёва Д. В, Десятов Л. В., Швец А. В.
dariya.kremleva@yandex.ru; delevl@mail.ru; eremina_shvec@inbox.ru
УралГАХА, Екатеринбург, Россия

МАРКЕТИНГОВАЯ «ЗАПУТАННОСТЬ» ТОРГОВЫХ ЦЕНТРОВ ЕКАТЕРИНБУРГА

Абстракт – Торговля, развиваясь, превращается в одну из ведущих отраслей, которая направлена на решение важных социальных потребностей современного общества (удовлетворение спроса населения на товары массового потребления, организация и обслуживание досуга). В условиях нарастающей конкуренции возникают и активно развиваются новые организационные формы предприятий розничной торговли. Наиболее популярной формой становится «торговый центр». Первые крупные торговые центры в России появились в середине 90-х гг. Перенимая опыт западных стран, центры объединяют в себе не только торговлю, но и развлечения. Включая огромный спектр развлекательных услуг, которые являются не только средством привлечения потребителя, но и способом повышения конкурентоспособности, торговые центры становятся своеобразным местом притяжения горожан.

Огромные пространства современных центров сформированы развитой системой торговых «улиц», залов. Каждая подобная система вписана в торговое пространство центра, имеет свой характерный рисунок (размещение основных торговых улиц, залов), влияющий на построение траектории движения потребителя и количество элементов (торговые «улицы», «переулки», тупики, точки максимальной концентрации). В статье были представлены и изучены торговые пространства крупных торговых центров города Екатеринбурга, выявлены основные приемы организации торговых пространств, описан феномен маркетинговой «запутанности».

Ключевые слова: торговый центр, маркетинг, потребитель, планировочные решения, маркетинговая «запутанность».

1. Современное общество потребления. Динамика жизни современного общества, экономический и технический прогресс дают возможность производителям товаров массового потребления, втянуть в это потребление все социальные классы общества.

Потенциал современного производства товаров массового потребления сегодня опережает возможности индивидуального потребления, происходит маркетинговая революция, результатом которой является маркетинговая ориентация фирм, специфика, которой заключена в желании производителя сбыть товар уже на переполненном рынке.

В обществе потребления происходят революционные изменения в организации торговли. Ключевые позиции занимают крупные торговые центры, супермаркеты, которые становятся основным местом проведения досуга. Соответственно этому меняется поведение покупателей. Наиболее распространенной формой досуга становится шопинг («шопинг» (shoping) — форма время препровождения в виде посещения магазинов, обычно в торговых центрах и комплексах [1]). Для интенсификации рынка сбыта маркетологи используют целый арсенал маркетинговых стратегий, таких как: стратегии персональных продаж, обслуживание операций; стратегии рекламного обращения, стратегии работы с медианосителями, стратегии работы в среде Интернет, стратегии мерчендайзинга и др. [2]. Каждая маркетинговая стратегия использует индивидуальный набор средств для продвижения товара на рынок сбыта (рекламные акции, рекламная агитация) и направлена на построение коммуникативных связей с основным потребителем.

Пространство современного торгового центры, из-за своих внушительных размеров организовано очень сложно (множество торговых залов, пересекающихся торговых улиц, переулков, тупиков и торговых коридоров). Подобное явление наблюдается во всех крупных предприятиях розничной торговли, что позволяет сделать предположение о существовании маркетинговой стратегии, которая способна повлиять на поведение потребителя в пространстве торгового центра. Условно назовем выявленное явление стратегией маркетинговой «запутанности».

Итак, стратегией маркетинговой «запутанности» можно назвать прием организации торгового пространства, в рамках которого возможно сформировать модель поведения потребителя, определить маршрут его движения, а также увеличит время препровождение потребителя в границах торгового центра. Было выявлено три основных приема: посредством размещения брендовых точек «якорей» (крупных торговых сетей), посредством решения пространства торговых площадей, посредством изменения (увеличения) торгового пространства (торговых залов) за счет реконструкции или наращивания очередей.

2. Формирование траектории движения потребителя посредством размещения брендовых точек «якорей» (крупных торговых сетей). «Якорные» арендаторы – это крупный сетевой оператор розничной торговли, привлекающий в торговые центы основной поток потребителя [2]. Основными признаками «якорей» является их узнаваемость потребителем и масштаб торговой площади, в границах которой размещен ассортимент товаров. «Якоря», располагаются, как правило, в зонах «менее привлекательных» для потребителя (нулевые уровни, цокольные этажи). Размещение «якорей» в торговых пространствах позволяет наиболее точно предсказать поведение потребителя и его маршрут.

В результате изучения схем крупных торговых предприятий Екатеринбурга

можно утверждать, что размещение «якорей» в площади торгового пространства может быть рассредоточенным («якоря» расположены в разных уровнях, этажах, торговых залах), кконцентрированным (расположение нескольких «якорей» на одном уровне, этаже, в одном торговом зале) (сх. 1). При рассредоточенном размещении, «якоря» располагают по периметру или в центре торгового зала. Размещая «якоря» по периметру торгового зала, маркетологи предполагают, что потребитель сформирует наиболее простую траекторию движения. Движение от «якоря» к «якорю» прокладывается через все торговые «улицы», что увеличивает возможность совершения покупки в менее крупных торговых точках. «Якоря», находящиеся в центре зала, позволяют направить покупателя при приближении к «якорю» - в центр зала, при удалении от «якоря» - из центра зала в окружающие либо прилегающие торговые улицы.

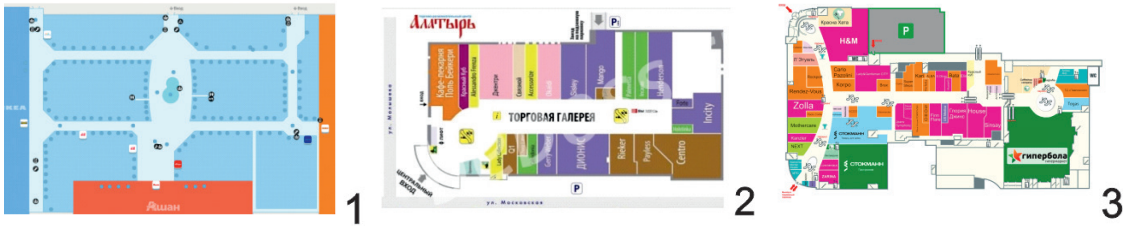


Схема 1. Размещение «якорных» арендаторов крупных торговых центров Екатеринбурга. ТРЦ «Мега», ТРЦ «Глобус», ТРЦ «Алатырь»,

Схема. 2. Размещение «якорных» арендаторов крупных торговых центров Екатеринбурга. 1,2. Рассредоточенное размещение (1. По периметру торгового зала; 2. В центре торгового зала); 3. Концентрированное размещение

При сконцентрированном размещении, «якоря» располагаются как в центре торгового зала, так и по его периметру. При таком размещении «якорей» формируется сложная траектория движения. Маршрут потребителя в этом случае начинается от «якорей», расположенных по периметру и далее в центр торгового зала (сх.2).

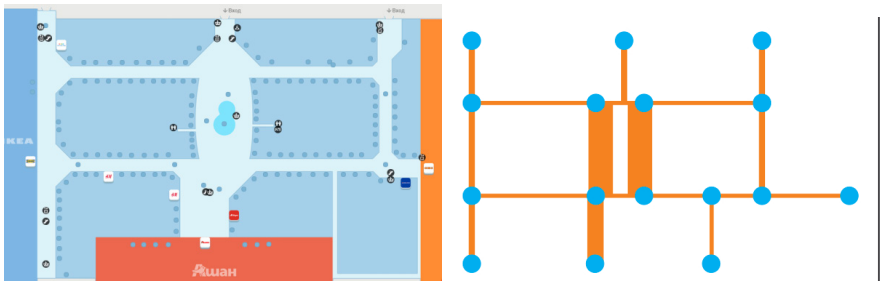


Схема 3. Траектория движения потребителя. Торговый центр «Мега». Екатеринбург

3. Формирование траектории движения потребителя посредством планировочного решения пространства торговых центров. Пространства торговых площадей сформированы разными элементами, которые были объединены в две

группы: структурная группа, предметная группа. В первую группу были включены пространственные элементы (торговая улица, торговый переулок, тупик, точка максимальной концентрации, точка остановки), во вторую включен набор средств, предназначенных для формирования торгового пространства (торговое оборудование, витрины, стеклянные ширмы, перегородки).

Синтез элементов, представленных групп, создает сложное пространство (планировочное решение), где движение потребителя осуществляется по прямоугольной или треугольной сетке.

Траектория движения потребителя по прямоугольной сетке обусловлена наиболее простой планировкой торговых площадей, формируемых системой перпендикулярно пересекающихся торговых улиц. Спецификой подобного решения является большое количество тупиков (завершение торговой улицы).

Попадая в торговый зал с подобным решением, потребитель оказывается в простом для ориентирования пространстве. Двигаясь по прямой, широкой улице потребитель завершает свой маршрут, достигая ее завершения (тупика). Движение в обратном направлении и повторный обзор всего пространства торгового зала увеличивает возможность приобретение посетителем товара.

Ярким примером планировочного решения торгового пространства, которое формирует движения потока потребителя по прямоугольной сетке, может послужить торговый центр «МЕГА». Торговое пространство этого центра сформировано группой квадратов. Находясь в центре «торговой площади» (главная торговая улица), посетитель начинает движение по «торговым улицам» прямой, проходя через все торговые точки, расположенные по периметру квадрата (элемент сетки), который образует пять точек остановки (места пересечения торговой улицы) и четыре тупика. Остальные элементы прямоугольной сетки (квадраты) подобны. Достигая одну из точек остановки, потребитель может либо поменять свой маршрут (вернуться в исходную точку), либо двигаться дальше до завершения улицы (тупика) (сх. 3).

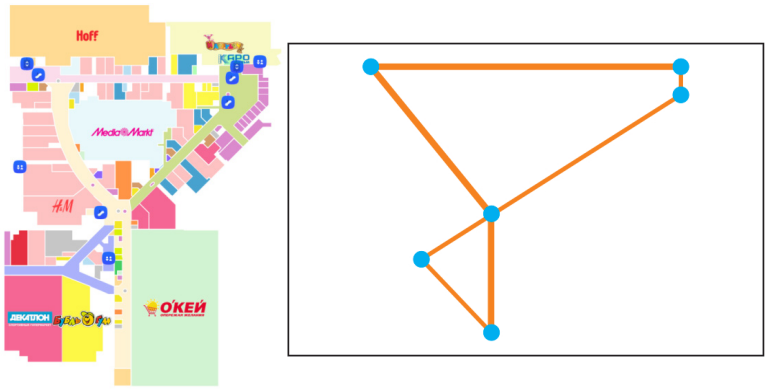


Схема. 4. Траектории движения потребителя. ТРЦ «Радуга Парк». Екатеринбург

Траектория движения потребителя по треугольной сетке формируется сложной структурой пересекающихся торговых улиц и переулков и включает точки остановки, точки максимальной концентрации (точка пересечения элементов треугольной сетки) и тупики. Проходя по главной торговой улице, потребитель имеет возможность поменяет свой маршрут, достигнув точки максимальной концентрации (вернуться на исходную точку, продолжить движение, перейти на другую улицу), точки остановки (повторно обойти торговый зал, дойти до завершения улицы) или завершения улицы

(перейти на другую торговую улицу, повторено обойти торговый зал).

Планировочное решение торгово-развлекательного центра «Радуга Парк» сформировано по принципу движения потребителя по треугольной сетке. Попадая в торговый зал, покупатель начинает двигаться по малому треугольнику, минуя точку максимальной концентрации и переходя в следующий элемент сетки (большой треугольник). Также движение потребителя может начинаться с близлежащей улицы, двигаясь по которой он минует точку остановки и точку максимальной концентрации (сх. 4).

В основу каждого решения пространства центров могут быть заложены различные виды торгово-рекреационных пространств (галерейное пространство, молл, пассаж, атриум, форум), усложнение которых за счет увеличения структурных элементов пространства и предметного наполнения позволяет сформировать сложное с точки зрения ориентирования маркетинговое «поле».

4. Формирование траектории движения потребителя в зависимости от изменения (увеличения) торговых площадей. Данный способ формирования маршрута потребителя зависит от изменения пространства торгового центра. Разрастание торгового предприятия (наращивание), происходит вследствие увеличения его торговой мощности, реконструкции или по причине расширения функций. Наращивание торговых площадей происходит в зависимости от изменения возможных границ или освоения участка, реализация которого осуществляется минимальным расширением площадей или масштабно целыми районами, кварталами.

Максимальное увеличение торговых площадей отражает массивный пристрой очередей, сказывающийся на увеличении торгового пространства в два и три раза. Подобное явление весьма распространено и отражает увеличение спроса на торговые площади и рост покупательной способности населения. Ярким примером, максимального увеличения торговых пространств является постоянно «расстраивающийся» гигант розничной торговли торгово-развлекательный центр «Гринвич». Его огромные торговые площади постоянно увеличиваются за счет ввода в строй новых торговых очередей. Торговые объемы «Гринвича» перетекают один в другой, логику и последовательность его структуры сложно отследить. Бесчисленное количество торговых галерей и тупиковых улиц, дезориентирует покупателя, увеличивая время его нахождения в центре.

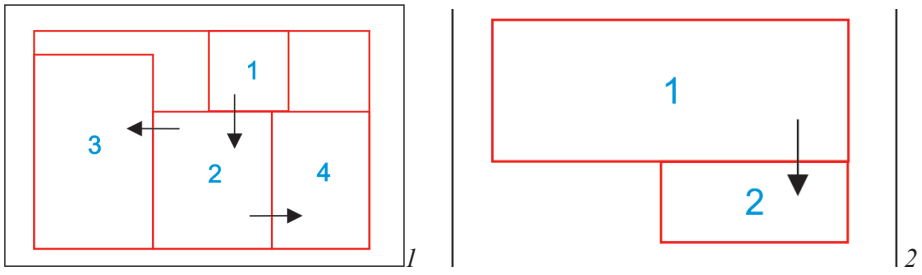


Схема 5. Увеличения торгового пространства посредством наращивания очередей торговли.
1. Максимальное наращивание торговых площадей ТРЦ «Гринвич»;
2. Минимальное наращивание торговых площадей. (ТРЦ «Глобус»).

Первая и вторая очереди «Гринвича» были построены в 2009 году. Третья была открыта в 2013 году, четвертая откроется в конце 2014 года. Сейчас идет строительство пятой очереди.

Минимальное увеличение торговых площадей меняет пространство центра незначительно с учетом реконструкции, обновления или расширения функции.

Так, торгово-развлекательный центр «Глобус», нуждался в реконструкции, и ребрендинге. К уже существующему зданию было пристроено несколько залов (торговый зал, зал с зоной фут-кортов, детский зал). Несмотря на незначительное увеличение пространства торгового центра, ориентация в нем усложнилась. Система транзитных залов была расширена новым пространством, которое включило новый узел торговых «улиц», тупиков и точек концентрации.

Заключение. Стремительное развитие торговых центров объясняется целым рядом социально-экономических и организационно-экономических факторов. В отличие от стихийно складывающихся торговых сетей и торговых зон, современные торговые центры представляют собой единый комплекс взаимосвязанных между собой предприятий торговли, общественного питания, бытового и других видов обслуживания.

Изучение крупных торговых предприятий города Екатеринбурга позволило выявить три основных приема реализации маркетинговой «запутанности», каждый из которых направлен на определение модели поведения потребителя в торговом пространстве (формирование траектории движения потребителя посредством размещения брендовых точек «якорей»), определение маршрута движения и увеличение время препровождение потребителя в границах торгового центра (формирование траектории движения потребителя посредством планировочного решения пространства торговых центров; формирование траектории движения потребителя в зависимости от изменения (увеличения) торговых площадей). Определены две группы элементов, формирующих пространство современного торгового центра (структурная группа, предметная группа), обозначены модели возможного поведения потребителя в торговом пространстве (движение потребителя при размещении «якорей», потребитель в точке концентрации, в точке остановки). Предприятия розничной торговли сегодня представляют широкое поле для реализации множества маркетинговых стратегий. Выявленное явление маркетинговой «запутанности» применяется практически во всех современных торговых центрах. Приемы описанной стратегии не существую автономно поскольку наиболее эффективно они реализуются в синтезе.

Список использованных источников и литературы:

1. Безбородова Т. М., Дюжева М. Б. Управление предприятиями торговли. Учебное пособие – Омск: Издатель Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2013. - 340с.
2. Радаев В. В. Экономическая социология. – М.: Аспект-пресс, 1998 –368 с
3. Современное положение и тенденции развития международной торговли [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/international/00080656_0.html
4. Торговые центры [Электронный ресурс]. –2014. – Режим доступа: http://all-malls.ru/torgovye-tsentry/

Kremleva D., Desyatov L. V., Shvets A. V.
dariya.kremleva@yandex.ru; delevl@mail.ru; eremina_shvec@inbox.ru
USAAA, Yekaterinburg, Russia

MARKETING «COMPLEXITY» SHOPPING CENTERS OF YEKATERINBURG

Abstract - Trade, developing, turns into one of the leading branches which is directed on the solution of important social requirements of the modern society (satisfaction of demand of the population for the consumer goods, the organization and an upkeep of leisure). In the conditions of the accruing competition arise and actively new organizational forms of the enterprises of retail trade develop. “Shopping center” becomes the most popular form. The first large shopping centers in Russia appeared in the mid-nineties. Adopting experience of the western countries, the centers unite in themselves not only trade, but also entertainments. Including a huge range of entertaining services, which are, not only means of engaging of the consumer, but also way of increase of competitiveness, shopping centers become a peculiar place of an attraction of citizens.

Keywords: shopping malls, marketing, consumer, layout design, marketing «complexity».

Koo Young-Min, Huh Gang-Moo
vraysun@naver.com
INHA Univ, Incheon, South Korea

NODE OF INCUBATED AREA A STUDY ON COMMUNITY SPACETHAT INCUBATES CULTURALLY HYBRID ENVIRONMENT

Abstract - As cultural diversity dominates the contemporary cities, urban landscape has become more and more multifarious. Itaewon, as a representatively hybrid town in Seoul, in particular, exhibits the state of chaos rather than that of order. Particularly, the less polished area such as back alleys behind the main streets, in which individuals’ everyday lives supposed to be interconnected to each other, have been losing the indigenous sense of community due to a collision of different cultures. If such cultural collisions are deepened to continue diversified spatial partition, autonomous urban development is to be prevented. In order to solve such kinds of problems, the study attempts to examine how to assemble the neighborhood which is regarded as the subcategory of a city, to explore ways how to patch the fragments of urban fabrics, and to propose a new type of community space. The flow of urban space from the alleys links the polarized areas with the main streets to enable areas isolated to interact. The study also aims at incubating the alien residents with a special community area.

Keywords: Itaewon, collision of culture, sense of community, incubating.

1. Introduction

1.1 Background and Purpose

The Seoul consists of the third space which is made by a creation of new, hybrid, and transformative identity, and where 'differences' leading impossible homogeneity are negotiated with each other and boundary entities are co-exiting. It is limited to consider the Seoul's urban space pattern only with dichotomous way of thinking in the collision between old and new, spontaneousness and factitiousness. Especially, the urban fabric of Itaewon cannot be read by traditional way of understanding a city. However, there might be a danger that isolates newly proposed programs from the city with such urban fabric as what Itaewon possesses. Accordingly, it is recommended to develop righteous and general solutions dealing with axes, grids, and street patterns. As discussions about moving the Yongsan U.S. army base started in earnest at the beginning of 2000, a drastic change burst forth over the environment surrounding Itaewon. As a result, Itaewon has had the hybrid regional characters that are difficult to come across anywhere in Korean society. In this movement, foreign population, as one of the major components making the local human-scape, has built its own way of life style and created the regional character. The study attempts to cast psycho-cultural boundary within a city, made by unique communities of immigrants, as an opportunity constructing another kind of place, and to propose a multi-cultural community center that integrates immigrated culture with the region. It is expected that such an attempt exhibits amotive not only shaping fragmented immigrants' culture in architecture, but also reinterpreting a mixed socio-cultural programs to create a new community space.

1.2 Scope and Methods

Figure1.Site Scope
: 732 Itaewon Dong, Yong-san Gu, Seoul

The study executes a design experiment on a real site. The site is located on street number 732 in the south of Itaewon. The selected site which was originally a hill had been developed to be a building lot. The reason why the study selects this site is that the land is reconstructed by patches of new programs to conceal the improper destruction of the land,

that the site displays several layers of changes, and that it is suitable to represent fragmental history of Itaewon. The study attempts to apprehend the historicalevents inherent in the site, to explore the types of physiographical changes by the events, and to investigate the sense of place in the past, present, in order to anticipate the future condition. The main argument is focused on a design strategy how to convert the site that becomes alienated in the socio-economic interest into a place of new identity, and how to compose new programs that display the metaphor of incubating and healing the fragmented and alienated site.

2. Community space

2.1. Modernized Community Space

What makes the Itaewon area distinct from other commercial zone in the city is the co-existence of commerce, residence, and the multi-nationality of the population. It is, therefore, how space composition is multi-layered in accordance with time that should be firstly observed in order to understand the structure of Itaewon community. It is the scale of population hourly occupying space that makes each community around Itaewon area discriminated. The community is also temporarily influenced by the events hourly occurred in each space. In order to explore unfolding method of events following the time zone, it is needed to categorize all the events within 24hours. Then, all the events are re-categorized by subjects of each events and the level of movements to be recognized. It is noted that the capability of juggling time and space is the key to recreate the context in modern community space. Community space that used to be understood as an agency for mere communication is nowadaysrecognized to be an indeterminate public space, as well as a potential perspective by which the relationship between a city and architecture is newly comprehended. As a consequence, modern community center must possess not only an architectural function of cultivating fraternity and communicating but also urban role of social interaction.

2.2. Analysis of cases on community space in modern city

2.2.1 Leon de Grief Library Park (Giancarlo Mazzanti)

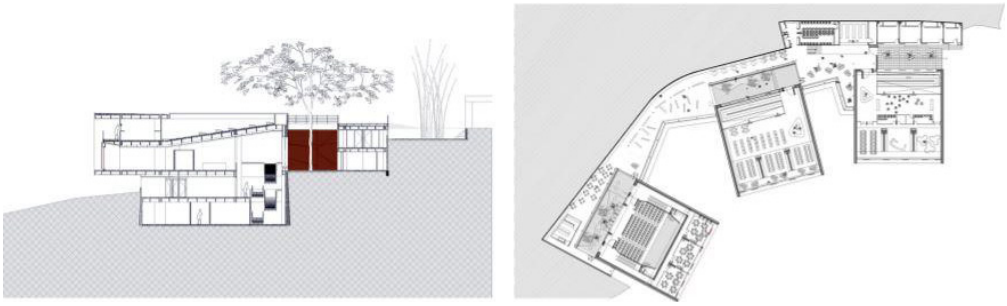


Figure 2. Section and Plan of Leon de Grief Library Park

Leo de Grief Library Park of Giancarlo is multi-purpose community space utilizing the nature of Ladera's local characteristic. This project forms masses naturally mingled with topology without sophisticated design. It integrates programs on the platform named Curved Container by naturally converting topologic al characteristic into 3 masses.

2.2.2 Kunsthal (OMA)

Kunsthal project, which is the early period work of Rem Koolhaas, connects community space with functional programs, and integrates community and event into one. Especially Auditorium, the main program, is involving the gallery as part of the program.

3. An Investigation on the Site

3.1 Site Condition

The site was firstly developed for building a mosque and access roads by cutting almost half of the slope 40 years ago. A rapid industrialization and urbanization have encouraged cutting slope in order to construct multiple dwelling houses and rental buildings. Now, the original hilly land has gone. At least in 1950s, the image in which shanty residences were clustered with military camp town market as the center around the hill displayed the site's physiographic character. As the mosque was built with a development of town and markets in 1970s, however, indigenous physiographic feature has been concealed under the disguise of cultural identity.

3.2 Site as Chaos

It is a golden age of Itawwon when military camp town-market enjoyed the increased demands during 88 Seoul Olympic. After then, Itaewon went through a slump for about 20 years. It is, then, in the mid 2000s when new type of commercial buildings along the Itaewon street, reflecting new consuming trend, encroached on the surrounding context. Themain venue for this sprawling has resulted in a so called "Comme Des Garcons" street. Regardless of the nostalgia for the military camp town-market, fragmentation of Itaewon area is being accelerated. Before discussing about the regional character, however, it is not denied that the increase of exotic commercial buildings and programs have made the Itaewon street trendier. Unlike tourists, however, such a rapid fragmentation is widely seen as negative from the inhabitants' viewpoint. What an argument is focused on is that the city space itself has fallen into a chaotic state, due to a deportation and separation of inhabitants during the creation of luxury street, economic exploitation, and a loss of identity derived from a collision between exotic consumingculture and regional character.

3.3 Making the Urban Linkage through

A unique cultural community has been recently set up along the Usadanro 10th street. Diverse programs that highlight the local character are established along the street from the mosque to the old market, alias 'a ghost market'. Most of them are multi-purpose space including studio-cum-shop. They are formed by the self-sustaining under the collaboration between Usadanro residents and tourists, to create a new urban movement. The new urban movement is drawn into the site while the inserted programs. assist the movement. These ambivalent programs accept peoples' behaviors to develop a urban linkage gradually.

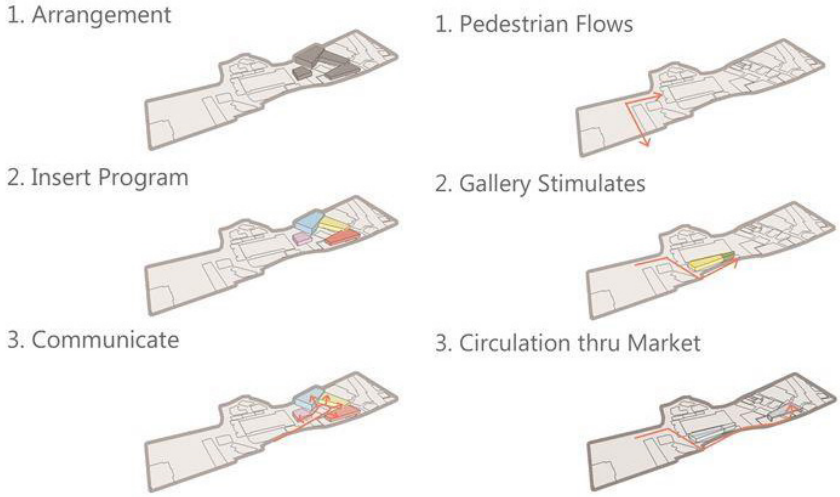


Figure 5. Process of Making The Promenade-Linkage

4. Design Experiment

4.1 Design Process

Binding up 18 lots enclosing the "Itaewon Land", the selected site occupies residences, bars and clubs. Avoiding a collision on every border condition, the project intends to draw the flow of Usadanro 10th street into the site in order to incubate the hybrid environment. Separated by 12m-high-retaining wall, two levels between the mosque and the site are linked by promenade. Programs give shape to the forms derived from the promenade-linkage. The embodied forms act as agencies creating a new sense of place. Coexistence of the past and the present are represented by inserting the original topography of hilly site. Then, the project composes low-lying masses in order to adjust to the surrounding context and minimize influence to the surroundings. Such an effort is signified as a recomposition of the existing environment. Placing a sunken garden on the vacant lot of Itaewon Land to signify urban space is also a recomposition of the existing environment. This method of construction has meaning of succession of the original condition. For example, establishment of urban definition, by making sunken garden on the part of vacant lot beside the Itaewon-land, is also such kind of act.

4.2 Program Incubating node

Considering the corner at the right shoulder of Itaewon-land as a 'portal' that touches all the buildings, programs are arranged by difference between the level of the terrain, in order of Arts corridor –Community space –Marketplace –Multipurpose hall. The sequence of the programs displays our intention to implant Urbanism in the steep incline in the site. Multipurpose hall, which is the main space, is a free-open space that can be used by every one, and which eventually becomes incubating device that embraces the alienated inhabitants in Itaewon. Various shapes of void provided not only controls the speed of pedestrians' momentum but also signifies act of 'flaneur'. Such an attempt aims at making a balance between urban space and architecture, and creating intermediate space that links all the disconnected blocks to Usadanro 10th street.

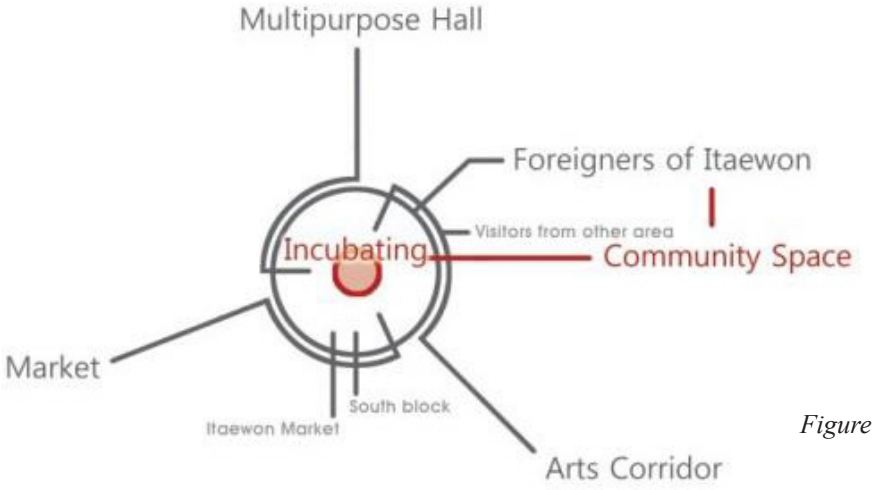


Figure 6. Concept Explanation

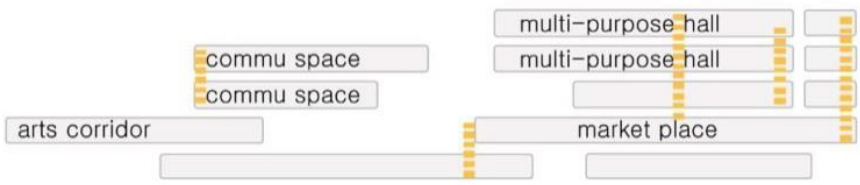


Figure 7. Program Diagram

5. Design Results

Figure 8. Plan

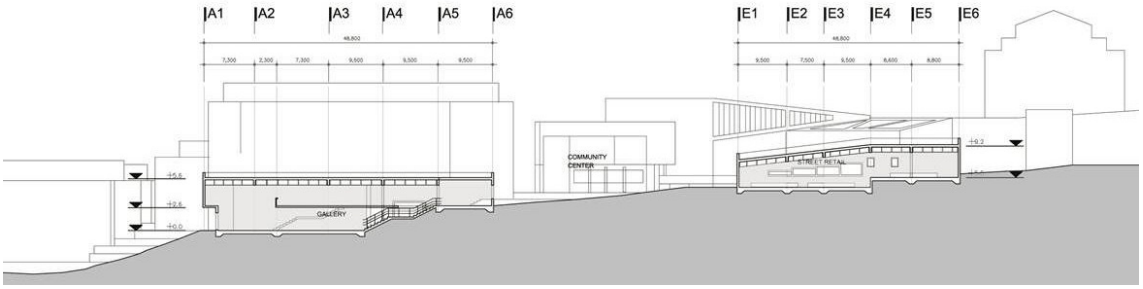


Figure 9. Longitudinal Section

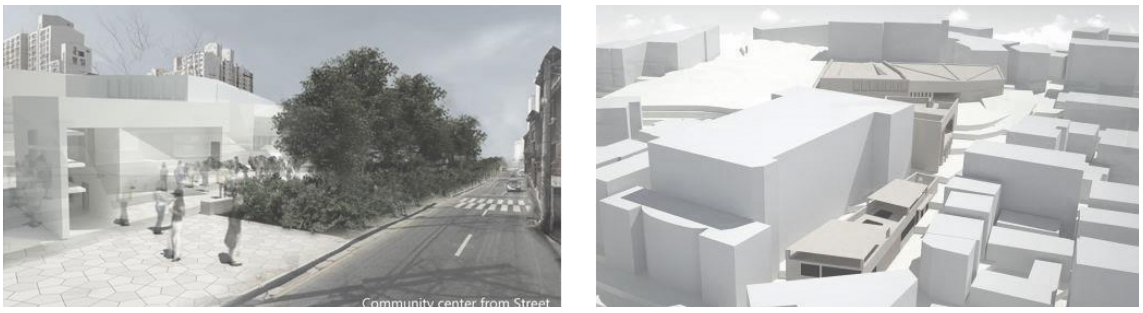


Figure 10. Scenery

6. Conclusion. The community space in contemporary society is not any more a mere fraternal social space but a place in which diverse cultural colors are integrated while at the same time, multi-layered urban characters are reflected. Itaewon has a unique urban fabric different from other parts of Seoul, in not only her pace of change but also her appearance. What the study attempts to is patching cultural fragments scattered around the site through a new conceptual platform, and recomposing a new community space that integrates fragmented multi-cultural nature in Itaewon. Throughout the study, it is found that today's community space should act as an agency that mitigates the confrontation among different cultures and promotes the autogenic power of a city. And the duration of the study should be given to find how a newly created space is to be re-signified as a linkage between culturally polarized area and physically disconnected blocks.

Bibliography:

[1] Kooyoung min, Dialog in-between, Spacetime, 2009

[2] Chung-ang Univ Lab of History, Historical Approach for Diversity of Itaewon Culture, 2013

[3] Council of Korean Literature, Study about Political Terms in Multi-culture Period, 2013

[4] Park Jong-Soo, Religious Trait of Itaewon Area and Understading of Multi-culturalSpace, 2013

[5] Choi Jae-Yeon, Study of Differences between Natives and Immigrants about Image for the Place, 2013

[6] Kang Hong-Bin, Itaewon; Space and Life, 2010

Ку Ян-Мин, Хо Ган-Му
vraysun@naver.com
УИ, Инчхон, Южная Корея

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ, ПОРОЖДАЮЩЕЕ КУЛЬТУРНУЮ ГИБРИДИЗАЦИЮ СРЕДЫ

Абстракт - В образе современных городов доминирует своя культурная разновидность, городской пейзаж становится все более и более разнообразным. Рассмотрен новый город Итхэвон, как пример гибридного города в пригороде Сеуле, он демонстрирует состояние хаоса, а не порядка.

Например, изысканные закоулки позади главной улицы, на которых проходит повседневная жизнь людей, должны быть соединены друг с другом, иначе теряется ощущение природной коммуникации в результате столкновения различных культур.

Если такие культурные соединения углубляются, чтобы продолжить диверсифицированное пространственное разделение, автономное развитие городов прекращается.

Для того чтобы решить эти проблемы, в исследование рассмотрены суб-категории города, изучены способы, как соединить фрагменты городских точек, а также предложен новый тип общественного пространства. Поток городского пространства соединяет как аллеи и поляризованные районы с главными улицами, так и недоступные области, изолированные для горожанина. Исследование также направлено на создание особого пространства для иностранцев.

Ключевые слова: Итхэвон, столкновение культур, чувство общности, инкубация.

Kuzmin di Diego
d.kuzmin@tin.it
UT, Trieste, Italy

FROM MIDDLE EUROPE TO EGYPT ANTONIO LASCIAC ARCHITECT (1856-1946)

Abstract - Antonio Lasciac, an architect in Egypt. Son of a Slovenian father and a Friulian mother, Antonio Lasciac (1856-1946) was born in Gorizia, at time Austro-Hungarian Empire, now in Italy. After graduating at the University of Vienna, he moved in Egypt to Alexandria in 1883, to contribute to the reconstruction of the city destroyed the previous year by the British fleet during the crushing of the anti-European revolt. After a period of collaboration with real estate companies, towards the end of the century he established himself as designer of buildings for the high society and became chief architect of the Court in 1907. He designed palaces in Cairo, Alexandria, Istanbul and Kavala in Macedonia, and it is in this period that he re-evaluates the importance of local architecture, as a member of the Commission for the Conservation of Arab Art, with a professional dichotomy which sees him from one side working as designer of large villas in eclectic style for the aristocratic class and well-to-do families, and on the other side as designer of buildings for special customers (eg Assicurazioni Generali), with a new language which interprets in a modern key the traditional Arabic architecture.

Keywords: Antonio Lasciac, Austrian Empire, Gorizia, Egypt, Cairo, Alexandria, Istanbul, Kavala, Commission for the Conservation of Arab Art, Assicurazioni Generali, Neo mamluck architectur

Antonio Lasciac was born on September 21st 1856, to Peter, a “tanner” and to Giuseppina Trampus, in the house of his mother’s parents, which still exists today, at the corner of Via Veniero and Piazza San Rocco in Gorizia, which today is located in Italy, but which was then part of the of Austrian Empire.

The family of Peter Lasciac came from the Soča river Valley, today in Slovenia, and in the district of San Rocco, an enclave that spoke Friulian within an Italian-speaking town, they reached a certain comfort that enabled them to own a house and give their children an academic education.

In fact, according to Mario Ranieri Cossar, after attending his primary and secondary schools in Gorizia, Antonio enrolled in the Technical University of Vienna and as still a student, he married Maria Plesnizer, a Goritian woman coming from a Slovenian family, who gave him three children.

After an apprenticeship at the Building Office of the Municipality of Gorizia in 1876, and a period of practice in his hometown when he was twenty-six years old, he moved to Alexandria in Egypt, to participate in its reconstruction, after its destruction by British gunboats in July 1882, as a reaction to the uprising of Egyptian independence, culminating in the massacre of many Europeans who lived there (fig.1).

At that time, Alexandria was one of the main ports of the Mediterranean, a cosmopolitan metropolis devoted to business and very prosperous, competing with

Marseilles or Trieste. The opportunity was very good, because the city was to be totally rebuilt and soon from all over Europe a lot of builders, designers and contractors went to Egypt, thus definitively giving to Alexandria the unmistakable look of a European city of the second half of the Nineteenth Century, in an eclectic style similar to the one of Trieste and of its waterfront. Along the edge of the ancient Greek semicircular harbor, Alexandria, with its buildings surrounding it look very much like those on the Trieste shores, built in the same spirit of the Mediterranean port city (fig.2).

Lasciac's early works are some buildings for rental apartments (1883-1886), on the main street of the town, the rue Cherif, for the "Societé des Immeubles d'Egypte". Then he realized other commercial and residential buildings, as well as some public structures, such as the Ramleh urban rail-station (1883, fig.3), later replaced by a new building in the rationalist style, and the headquarters of the Jewish Community of Alexandria (1887).

His great professional opportunity occurs when in 1892 Abbas Hilmi II (1874-1944) took the Khedive throne (fig.4). Unlike his father Tewfik Pasha and his predecessors, Abbas Hilmi studied in Vienna, at the Theresianum, where he knew most of the young representatives of the nobility of the Habsburg Empire, and where he met his second wife, the Hungarian countess May Török von Szendrö (1877-1968), sister of one of his study fellows.

From the beginning young Khedivè tries to free Egypt from the UK "protection" to maintain the control of the Suez Canal, a strategically important way to the Indies. He rejects his predecessor's British advisors, and surrounds himself with Austrian and German experts - including his personal chemist and dentist - choosing, in 1907 as the chief architect of the royal palaces, the Austrian Antonio Lasciac , who attended his wife's friends belonging to Habsburg and Cairene families.

According to the Egyptian tradition, the court architect was a member of the Commission for the Preservation of Arabian Art , an important institution founded in 1881 and consisting of two committees, one for the inventory and the other one for the study and preservation of monuments, the major local and European scholars active in Egypt were part of (fig.5).

It was an important experience, which would lead Lasciac to change his architectural language, which had been until then a mere eclecticism, taking Jugendstil tones after the affirmation of this current, and that would decline in an Islamic style reinterpreted in a modern way and culminating in the designs for the "Palazzo delle Assicurazioni Generali" at Cairo in 1911 and for his house in Gorizia on the Rafut hill, completed in 1914 (fig.6).

Therefore he adopted a new architectural language, not particularly appreciated by the court of Cairo and by the rich Egyptian people who were often educated in Europe, Paris, London and other capitals. In fact for them he continued to build, always with great opulence of means, according to the usual stylistic European eclecticism often inspired by the Italian Renaissance, as he did in 1919 for the villa of Princess Fatma El Zahra, now the Museum of the Crown Jewels, in Alexandria of Egypt (fig.7).

After Sarajevo assassination, the First World War started with the Turkey allied with the Austro-Germans against the Triple Alliance, which Italy joined the following year.

Egypt was formally part of the Ottoman Empire, although completely independent from the Sublime Gate. But the title of Khedivè, given by the Sultan for the first time in 1867 and translatable as "viceroy", still meant some formal subjection, under whose pretext the British occupied Egypt, deposed the Sultan and transformed the country into a British protectorate.

Until then Antonio Lasciac had alternated long periods at Cairo with frequent

trips to Europe to visit the great fairs of the time, and purchase marbles and furniture for the palaces of his rich clients. Owing to his frequent stays in Gorizia, he lost his job at the Court of Abbas Hilmi, but above all he had to leave Egypt, because of his Austrian passport, being a citizen of an enemy state in time of war.

This was almost an irony for a person who had always expressed Italian feelings and who during the whole period of the First World War he settled in Rome, where he continued to design buildings and where he made the reconstruction plan for Gorizia, which was highly praised by the institutions then, but never seriously considered (fig.8).

After the war, the architect returned to his former life, alternating business trips to Egypt to periods of rest in Gorizia, designing buildings for the members of the Court but also other very important buildings in Cairo, such as the headquarters of the Misr Bank, built between 1922 and 1927 (fig.9), the main bank of Egypt, and the Midan Cairo station (fig.10), the railway station in Alexandria, just completed in 1946, after the end of The Second World War.

He usually spent his winters in Egypt and the summers in Gorizia, loofing for warm weather (fig.11).

On October 5th 1946, at the arrival of the first cold, he moved to Cairo, where she died on December 26th at the age of ninety.

He is buried at the Latin cemetery in Cairo (fig.12) .

THE GORITIAN DRAWINGS

The building production of Antonio Lasciac spans through a very long time that goes from 1876, when he was the practitioner at the Office Building of the Municipality of Gorizia directed by the engineer Joseph Bridiga , until his death in 1946 at 90 years old in Cairo shortly after having completed the railway station of Alexandria of Egypt.

During his activity, which lasted about seventy years, he produced a lot of designs of which, however, very little remains, while a great part of its most significant buildings in Cairo, Alexandria, Istanbul and Gorizia are still on place, although often in precarious conditions.

Concerning his archive, part of which had to be kept in Gorizia and part in Egypt, it consists of only about a hundred drawings, which were recovered about thirty years ago by Mercedes Volait, with really great merit, and kept today in her private archives in Paris. They are drawings which, as the note reads: “are signed and dated, coming, probably, from the archive of the Office of Architecture of the palaces of the Khedivè, purchased at an auction by a collector in Cairo, and found by chance.”

When we think about the loss of the rich archive which Lasciac undoubtedly had, we have to remember that, until twenty-thirty years ago, in Gorizia there was the habit of storing all the things that were not used in the attics of all houses, both blocks of flats and detached houses.

Probably something of Lasciac’s archive could have been recovered, if there had been a timely intervention before the demolition of the property where he lived, in via IX August no.7, where today there is a new block built in the Sixties, or in his parents’ house, in via Parcar no.3, completely restored in 2002 (fig.13).

Maybe something could have been also found in the villa on Rafut, where Lasciac never lived but where he spent some holidays in the cold woods on the slopes of Panovitz.

The building, however, was bombed during the First World War (fig.14), and also hit during the Second and then was given on December 14th, 1939 to the “Istituto Nazionale

delle Assicurazioni" [National Institute of Insurance], in return for an annuity for himself and for his wife Maria Plesnicar. The building was then nationalized by the Yugoslav Republic on April 4th, 1959, and used as a chemical laboratory for health analysis .

The fact that his children were all emigrants and died abroad has certainly contributed to the dispersion of the archive of this relevant architect.

The few documents held in the archives of Gorizia, thus, have a particular importance for outlining his work, witnessing a transition from his original drawing style, generically eclectic, to a mature one, elaborated during his stay in Cairo, in order to afford the theme of neo-Islamic architecture, derived from the Mamluk architecture of the medieval period and very well translated, ça va sans dire, in the palace of the "Assicurazioni Generali" in Cairo in 1911 (fig.15) and in his house on Rafut in 1914.

In Gorizia, Lasciac's documents are kept in the "Archivio Storico del Comune di Gorizia" [Historical Archive of the Municipality of Gorizia], in the "Archivio di Stato di Gorizia" [State Archive of Gorizia], in the "Musei Provinciali di Gorizia" [Provincial Museums of Gorizia], in the "Archivio Storico Provinciale di Gorizia" [Historical Provincial Archive of Gorizia] and in the "Fototeca dei Musei Provinciali" [Photo Library of the Provincial Museums]; some other documents are located in the "Fondi Speciali della Biblioteca Statale Isontina" [Special Funds of the Isontina State Library] and finally in the "Archivio della Fondazione Coronini" [Archives of the Coronini Foundation], which is also kept at the "Archivio di Stato di Gorizia" [State Archives of Gorizia].

In the "Archivio della Fondazione Coronini" together with a couple of autograph letters, there is an interesting autograph drawing by Lasciac, realized in 1944, a heliography , concerning a musical composition written on the occasion of the death of Charles Coronini Cronberg, entitled Ave Madonna di Monte Santo and accompanied by celebratory images (fig.16).

At the "Biblioteca Statale Isontina", in addition to his apologetic text Come l'impronta del Leon di S. Marco si trova sul Castello di Gorizia [How the mark of the St. Mark Lion is on the Castle of Gorizia], printed in 1916 in Rome by the Danesi typography (fig.17), there are two large heliographies, one for the plan and the other one, still unpublished, containing executive details, about a project drawn in Cairo in 1938, for the adaptation of Piazza Vittoria [Victoria Square] in Gorizia as a fascist Forum (fig.18), with flagpoles, grandstand and the "Rostro for Speakers".

At the "Archivio Storico Provinciale", fortuitously discovered in recent years, there is a very important copy, the only one known today, of the, (fig.19), known before only for a photographic reproduction, included in the album of 86 photographs by the photographer Aristide Del Vecchio in Cairo, and donated in 1929 by Antonio Lasciac to the Accademia di San Luca in Rome, during the celebration of his nomination as a member of that association .

From the analysis of the photography by Del Vecchio many details of this plan, generally dated 1905, could not have been fully analyzed; the analysis of the original drawing, cm 165 x 100 height has subsequently revealed a new date later than 1912, that is the date of completion of the Minor Seminary (fig.20), drawn with great precision, where today is located the Degree Courses in Architecture of the University of Trieste .

In addition to the project for the Master Plan, between 1917 and 1918, Lasciac designed some well-drawn projects which are stored at the "Musei Provinciali", representing, with some almost executive details, the different types of buildings for the various areas of expansion that had planned for Gorizia. They are six small sheets, some of

them containing depictions also on the back, for a total number of eleven drawings (fig.21).

In the "Fototeca dei Musei Provinciali" then, there is a series of images – photographs and postcards – of the immediate postwar period, which describe the appalling conditions of villa Lasciac on Rafut, partially destroyed by the war, which are included in this exhibition for the particular interest, although they are not drawings.

One of these, which seems to be unpublished, is a postcard recently catalogued showing the villa in 1934, after its post-war reconstruction, allowing us to highlight the changes on the original building, such as a more stretched dome of the minaret, a different parapet of the terrace above the loggia and a crowning changed in the central part of the main entrance façade (fig.22).

The "Archivio Storico del Comune di Gorizia", located at the "Archivio di Stato", is the most interesting part of what is shown.

The projects of the architect's maturity kept are here: namely, the fountain for Piazza San Rocco (fig.23, 1908); the Villa on Rafut, later demolished by bombing during the conquest of the town by the Italian army in 1916 (fig.23); the parents' house (fig.24, 1903), which will be made with a different project by the architect Luzzato; the drawings for the post-war reconstruction of his house at no. 32 of Riva Castello (1919) – also demolished by cannons in 1916 – in a style that recalls certain affinities with some works realized in Istanbul by Raimondo D'Aronco . The house design, never rebuilt, presents on the main street façade, a reproduction of the St. Mark's Lion, that is the theme of his 1916 pamphlet, concerning the Castle of Gorizia (fig.25).

Then, there are, among the "Atti Presidiali del Comune di Gorizia", always kept at the "Archivio di Stato", four projects of 1906, with the Lasciac's letters to the Municipality of Gorizia proposing the town planning of the area in front of the "Transalpina" railway station , a project only partly considered then, which are now very important, if we think that the "Transalpina" line is not only the connection between Gorizia and Trieste, but above all the one between the Mediterranean, the Egypt and the Suez Channel, with Central Europe and Vienna, which was the capital of the Habsburg Empire and Central Europe (fig.26a,b,c,d).

All the drawings are already known, together with the unbuilt project for the Riekertzen House in via Vaccano (fig.27, 1882), in a lovely watercolor on paper. In this case, when the design was presented to the Municipality to be approved, the Building Office obliged "to exclude the collocation of the statues inside the niches drawn in the façade, allowing to locate some others after presenting the drawings to this Office."

The early projects presented here are, instead, completely unknown, and turn out to be the result of a systematic research at the "Fondo del Comune di Gorizia", concerning the years 1876-1883, from the activity of apprenticeship at the "Ufficio Tecnico Municipale" [Municipal Technical Office], to the year of his departure to Egypt.

A complex research, which is still the ongoing survey for the year 1877, in course of verification.

The result was unexpected, with the discovery of 21 building practices signed by Antonio Lasciac that were completely unknown.

The first is dated 1876, and was commissioned by Andrea Covacig, for the construction of a roof of small size in San Rocco (fig.28), when Lasciac was just twenty years old; another one is dated 1879, and about other twenty building we can attribute to Lasciac are distributed between 1881 and 1882.

This is a relevant number, if we consider that the Office Building analyzed about thirty practices annually, distributed among all the professionals of Gorizia, in a town of

twenty-one thousand inhabitants.

"Ant.o Lasciac m.p." is the signature that is usually marked on the drawings, where "m.p." means "manu propria" ["by his hand"] in a sort of self-certification of authenticity, which was in use in that period. Some other times, he used simply "Ant.o Lasciac". In one case, the signature "Ant.o Lasciac elaborated" for the Zoratti project (1879); in another one he wrote "Ant.o Lasciac for surveillance and work direction", for Alfredo Lenassi (1882). Then "Ant.o Lasciac c.m.m.", in the project for the house of Mattia Bressan (1881), where "c.m.m." means "mason master builder", there is never a title before his name, even in the cases of the drawings that are stamped in blue ink, but just "Antonio Lasciac Gorizia".

The stylistic diversity of the graphic representation of the drawings, suggests that in many cases Lasciac assumed the only role of project manager, as evidenced in the Luttmann House (1882) for which on the application for construction, Lasciac specifies that "the technical direction will be done by the signed person" , regarding the drawing of someone else, who remained unknown, because at that time there was the obligation of notification of the technical direction but not the one of the designer.

In fact, curiously enough, it can be seen that on the projects Lasciac designed for their own houses, the one on Rafut and the one on Riva Castello, the signature of the architect Girolamo Luzzatto appears, while for the house of his father in San Rocco, the one of the engineer Emilio Luzzato.

At the time there was a municipal register of building responsibles, where the Mason Master Builder's name was entered after assessing his professional ability, which was usually acquired after a period of training, only residents could be work directors , while there was no mention of the project activity. In fact, only sometimes do we find a designer's signature, as in the case of Lasciac for the Zoratti House (fig.29).

In the notes of the Registry Office of the Municipality of Gorizia, Lasciac's departure for Egypt is not recorded, he traveled there for the first time in 1883, in order to contribute to the rebuilding of the city of Alexandria, bombed by the English in July 1882 . Actually, Lasciac was resident with his family in Gorizia in Riva Castello from 1880 until 1918, when he moved to via Parcar 3.

He is said to have gone to Egypt for the difficulties he had in working as a designer in Gorizia, because of his "irredentist" character, which must have made him unpopular with much of the population of Gorizia, which was instead "loyalist" to the Habsburg Crown. Such assumptions were given as to be true also in the international literature , but are now contradicted by the discovery of these early projects, which prove that during the years immediately preceding his stay in Alexandria he was one of the most active architects in Gorizia, although he very often designed buildings of modest importance.

The reason for his moving overseas should therefore be attributed to the ambition of the young designer, who was conscious of his experience and his professional capacities, and ready to seize the opportunity – as in fact happens in Egypt – of obtaining the highest title of Court architect (fig.30).

Bibliography:

1. AA.VV., From the Shores of the Nile to the Bosphorus, Traces of Kavalah Mehmed Ali Pasha Dynasty in Istanbul, Istanbul Research Institute Pubblications, Istanbul, 2011;

2. Mohamed Awad, Italy in Alexandria, influences on the built enviroment, Alexandria Preservation Trust, 2008;
3. L.A. Balboni, Gl'Italiani nella Civiltà Egiziana del Secolo XIX, Tipo-Lit.V. Penasson, Alessandria d'Egitto, 1906;
4. Diana Barillari, Alberto Sdegno, Diego Kuzmin (a cura di), Antonio Lasciac – Disegni goriziani, Goriške risbe, Goritian drawings, RES Edizioni di Roberta Riva, Gorizia, 2014;
5. Doris Behrens-Abouseif, Islamic architecture in Cairo, an introduction, The American University in Cairo Press, 1989;
6. Marco Chiozza, Antonio Lasciac, tra echi secessionisti e suggestioni orientali, Edizioni della Laguna, Mariano del Friuli (GO), 2005;
7. Luisa Codellia e altri, Il Novecento a Gorizia. Ricerca di una identità, Marsilio Editore, Venezia, 2000;
8. Ranieri Mario Cossàr, Storia dell'Arte e dell'Artigianato in Gorizia, Arti Grafiche F.lli Cosarini, Pordenone, 1948;
9. Licio Damiani, Arte del '900 in Friuli, il Liberty e gli anni venti, Del Bianco Editore, Udine, 1978;
10. G.B. Danovaro, L'Egypte A L'Aurore du XXeme Siecle, J.C. Lagoudakis Editeur, Alexandrie, 1901;
11. Ezio Godoli, Marco Chiozza e Silvia Bianco, Da Gorizia all'Impero ottomano, Antonio Lasciac architetto, Fratelli Alinari, Firenze, 2006;
12. Ezio Godoli e Milva Giacomelli (a cura di), Architetti e Ingegneri italiani in Egitto dal diciannovesimo al ventunesimo secolo, Maschietto Editore, Firenze, 2008;
13. Ezio Godoli e Milva Giacomelli (a cura di), Architetti e ingegneri Italiani dal Levante al Magreb 1848-1945, Maschietto Editore, Firenze, 2005;
14. Robert Ilbert, Alexandrie, 1830-1930, Institut Francais d'Archéologie Orientale, Le Caire, 1996;
15. Diego Kuzmin, Il quaderno fotografico delle opere di Antonio Lasciac presso l'Accademia di San Luca a Roma, in "Studi Goriziani" IXXXIX-XC, Gorizia, 1999, pp. 113-127;
16. Diego Kuzmin, La villa Lasciac sul Rafut, finalmente i disegni originali, in "Borc San Roc" n. 24, Gorizia, 2012, pp.49-58;
17. Alessandra Marin, Gorizia. Piani e progetti per una città di confine, Casamassima Libri, Udine, 2007;
18. Cynthia Myntti, Paris along the Nile: architecture in Cairo from Belle Epoque, The American University in Cairo Press, Cairo, 2003;
19. Bernard O'Kane, Creswell Photographs Re-examined, new perspectives on Islamic architecture, The American University in Cairo Press, 2009;
20. Marta Petricioli, Oltre il mito, l'Egitto degli italiani (1917-1947), Paravia Bruno Mondadori Editore, Milano, 2007;
21. Tarek Mohamed Refaat Sakr, Early Twentieth-Century Islamic Architecture in Cairo, The American University in Cairo Press, Cairo, 1992;
22. Nihal S. Tamraz, Nineteenth-Century Cairene Houses and Palaces, The American University in Cairo Press, Cairo, 1998;
23. Mercedes Volait, La communautè italienne et ses édiles, in: "Revue del l'Occident musulman et la Médeterranée, n. 46, 1987, pp. 137-156;
24. Mercedes Volait, Un architecte face a l'Orient: Antoine Lasciac (1856 –

1946), Actes des journèes d'etude du CEDEJ: "La Fuite en Egypte – Supplément aux voyages européens en Orient", Institut francais d'archeologie orientale, le Caire 17 et 18 avril 1986, Le Caire, 1989, pp. 265-274;

25. Mercedes Volait e Ghislaine Alleaume, L'età dei cambiamenti, il XIX e il XX Secolo, in "Il Cairo", Garzanti editore, Milano 2000, pp. 361-464;

26. Mercedes Volait (a cura di), Le Caire - Alexandrie, architectures europèennes, 1850-1950, Institut Francais d'Archéologie Orientale, Le Caire, 2004;

27. Mercedes Volait, Architectes & Architectures de l'Egypte moderne, Éditions Maisonneuve et Larose, Paris, 2005;

28. Fulvia Zorzut, Le trasformazioni urbane e architettoniche nella Gorizia ottocentesca, Edizioni Cassa di Risparmio di Gorizia, Gorizia, 1988;

Кузьмин Ди Диего
d.kuzmin@tin.it
УТ, Триест, Италия

АРХИТЕКТОР АНТОНИО ЛАЗЬЯК ОТ ЕВРОПЫ ДО ЕГИПТА (1856-1946)

Абстракт - Сын отца-словенца и матери-фриуланки, Antonio Lasciac (1856-1946) родился в Гориции, относящейся в то время к Австро-Венгерской империи (в настоящее время город принадлежит Италии). После окончания Венского университета, в 1883 году молодой архитектор переехал в Египет для участия в реконструкционных работах в Александрии - городе разрушенном английским флотом в 1882 году во время разгрома анти-европейского восстания. Сотрудничая с реэлторскими компаниями Antonio Lasciac специализируется на проектах зданий, предназначенных для высшего общества. В 1907 он становится главным придворным архитектором; его проекты - дворцы в Каире, Александрии, Стамбуле и Кавала в Македонии. В качестве члена Комиссии по сохранению арабского искусства, Antonio Lasciac поддерживает значимость местной архитектуры. Для него характерна профессиональная дихотомия: с одной стороны как дизайнер крупных жилых зданий для аристократического класса и хорошо обеспеченных семей Lasciac работает в стиле эклектики, с другой стороны – в проектах для особых клиентов (например, таких как Assicurazioni Generali) использует новый язык архитектуры, интерпретируя в современном ключе традиционный арабский дизайн зданий.

Ключевые слова: Antonio Lasciac, Австрийская Империя, Гориция, египет, Каир, александрия, Истамбул, Кавала, Комиссия по сохранению арабского искусства, Assicurazioni Generali, нео-мамлюкская архитектура

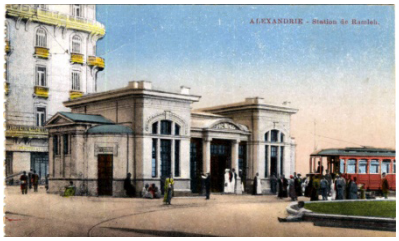


Fig.1 The ruins of Alexandria, after the fire of 1882
Fig.2 Alexandria of Egypt during the '50
Fig.3 Alexandria, Ramleh tram station, 188

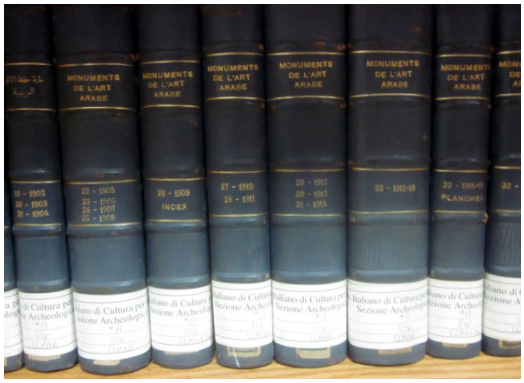


Fig.4 the Kedivè Abbas Hilmi II
Fig.5 Acts of the Commission for the preservation of Arabian art
Fig.6 The villa of Lasciac, for himself, on the hill of Rafut, 1909-1912

Fig.7 Palace for the princess Fatma El Zahra, 1919
Fig.8 Urbanistic regolation plan for Gorizia, around 1912
Fig.9 Bank Misr, headquartiers, 1927

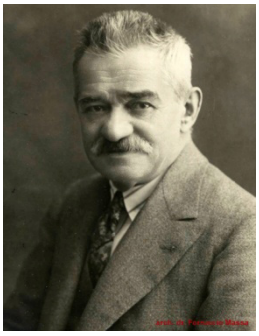


Fig.10. Alexandria of Egypt, the Midan Cairo station, 1925-1945
Fig.11. Antonio Lasciac, in a donating portrait to Argia Bombi, dated 29 september, 1931
Fig.12. The tomb of Romeo, son of Antonio Lasciac. Father is together

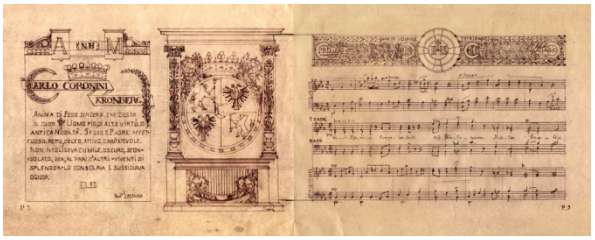
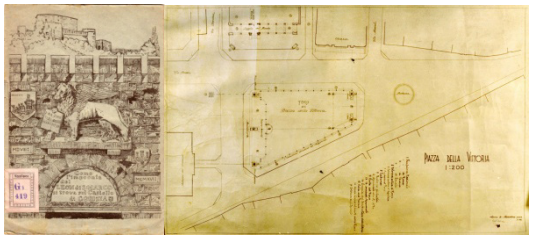
Fig.13 The house of Lasciac parents, to day
Fig.14 Villa Lasciac on Rafut hill, after the bombed of 1916
Fig.15 The "Assicurazioni Generali" building in Cairo, 1911



Fig.16 Musical composition, for the death of Charles Coronini Cromberg, 1944
Fig.17 How the mark of the St. Mark Lion is on the Castle of Gorizia, 1916
Fig.18 Victoria Square in Gorizia, as a fascist Forum, 1938

Fig.19 Master Plan for Gorizia, around 1912
Fig.20 The Minor Seminary. Today Courses in Architecture of Trieste University, 1912
Fig.21 Exemple of suburbian villa, by Antonio Lasciac, 1918

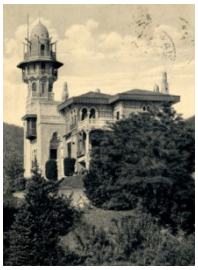
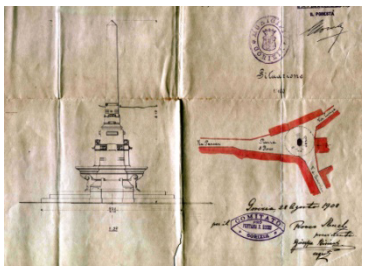
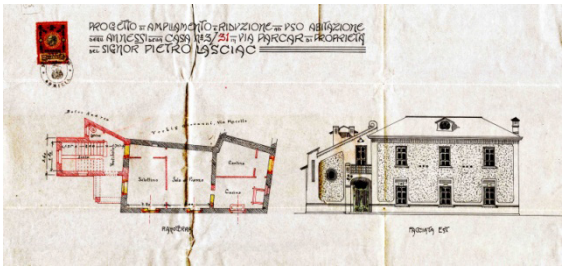




Fig.22 The villa on Rafut in 1934, after its post-war reconstruction
Fig.23 The fountain for Piazza San Rocco, 1908
Fig.24 the project for the parents' house, 1903

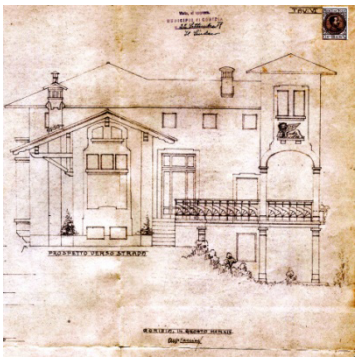
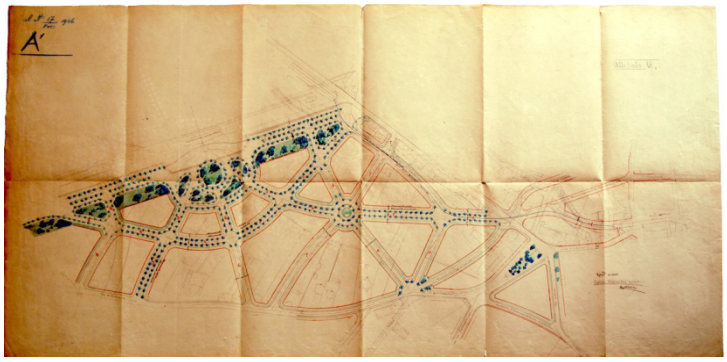



Fig.25. Cover of the pamphlet of Antonio Lasciac, concerning the Castle of Gorizia, 1916
Fig.26. Transalpina railway station, 4 solutions to find the city: a, b, c, d, 1905

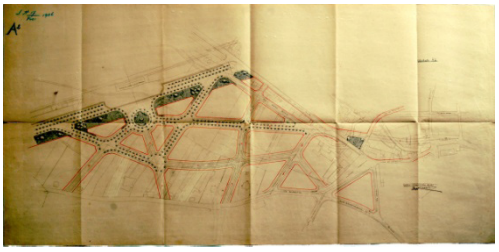
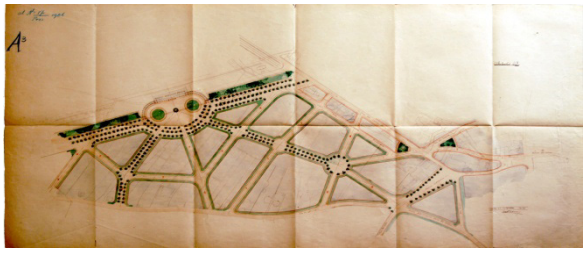
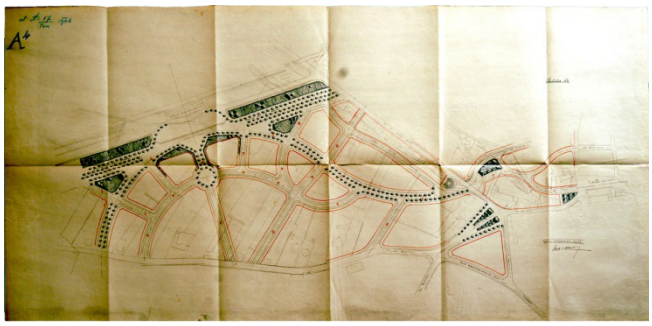
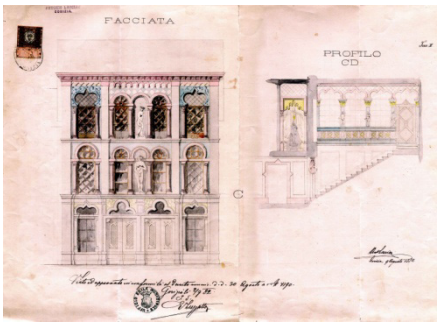





Fig.27. Riekertzen House, 1882

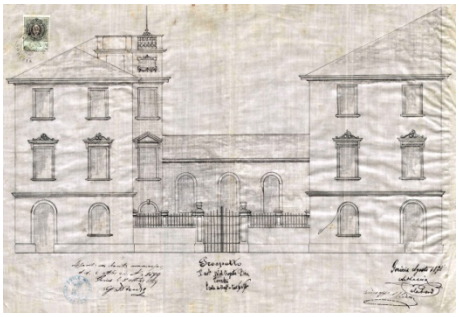


Fig.28 The first project of Lasciac, for a roof in San Rocco when he was twenty years old
Fig.29 Don Francesco Zoratti House, 1878
Fig.30 The Royal Abdine Palace, Cairo, renovated by Lasciac between 1909 and 1911

Литвиненко Н. С., Лучкова В. И.
nikola_27_90@mail.ru; luch@mail.khstu.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ИНТЕГРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СИСТЕМ МОДУЛЕЙ И ПРОПОРЦИЙ С ИНФОРМАЦИОННО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОПТИМИЗАЦИЕЙ ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРЫ

Абстракт - В статье освещены итоги сравнительного анализа мировых систем исчисления и мировых систем мер (измерений) длины (расстояния), их происхождения и пропорционального соотношения.

Представлены данные сравнительного анализа основных мировых систем модулей и пропорций в архитектуре и градостроительстве: единая система канонов и правил «Шильпашастра», руководство по архитектуре и строительству «Вашту-видия», трактат по архитектуре «Манасара», социально-политический трактат «Артхашастра», трактат «Инцзао фаши», модульная система «цай фень» и система «Доу-Коу», трактат Чжоу Ли, система «Киварихо» и модуль «Кен», система античных ордеров и гипподамова структура организации планировочной сетки городов, Модулор Ле Корбюзье, «Золотое сечение» (числовая последовательность Фибоначчи) и фрактальная геометрия.

Рассмотрены основные архитектурно-технологические задачи (принципы) оптимизации (организации) современных объектов архитектуры (градостроительства). Определены характеристики основы методики (программы) оптимизации современных архитектурных (градостроительных) объектов – модуль (пространственная единица) на основе сравнительного анализа основных систем модулей и пропорций в архитектуре. Разобран принцип работы концепции оптимизации архитектурных объектов. Определенно место внедрения разрабатываемой концепции в систему информационного моделирования здания (BIM).

Ключевые слова: архитектура, модуль, пропорция, система, структура, оптимизация, гармонизация, информационное пространство.

Введение. Фундаментальные разделы математики – арифметика и геометрия, способствовали возникновению систем счисления и систем мер измерений длины [1]. Все системы счисления, несмотря на большое количество и принципиальные различия по прогрессивности устройства (аддитивные, субтрактивные, мультипликативные), а так же по целочисленному основанию (единичные, десятичные, двенадцатеричные, двадцатеричные, шестидесятеричные), основаны на единых принципах устройства и функционирования человеческого тела, организма и мышления.

Все мировые системы мер длины, учитывая их многообразие и количество мест происхождения, имеют единую модульную составляющую. Разница (погрешность) выражена числовым значением длины относительно современной единой метрической системы (Рис. 1).

Системы мер (измерений) длины (расстояния) являются основой создания всех мировых систем (теорий) модулей и пропорций в архитектуре (градостроительстве).

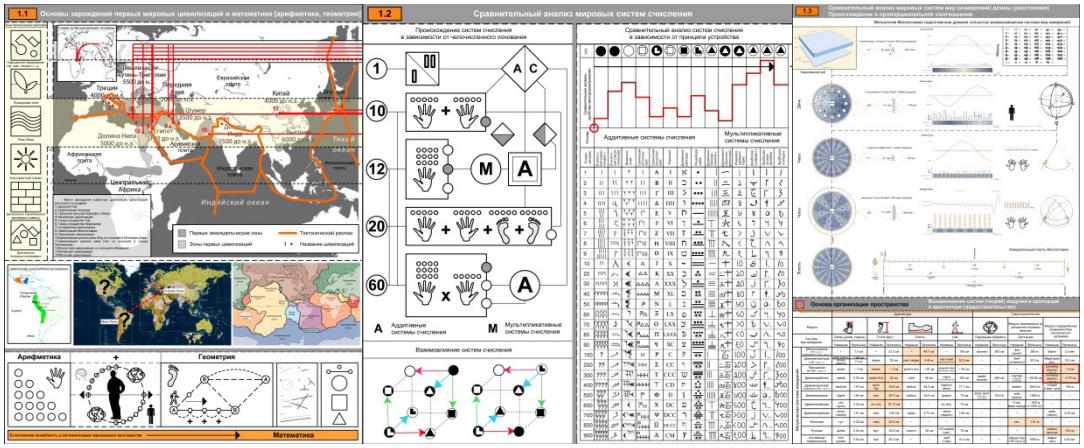


Рисунок 1. Сравнительный анализ мировых систем исчисления и мировых систем мер длины

Общие технологические и архитектурные аспекты (принципы) формирования и закономерности систем (теорий) модулей и пропорций в архитектуре (градостроительстве). С появлением понятия меры и пропорции, естественнее было остановиться на простейших из них, из которых неизбежно вытекает закон простых отношений [2].

Сформулированы основные признаки подобия мировых систем (теорий) модулей и пропорций:

- все системы модулей и пропорций основываются на принципах строения человеческого тела, которое полностью подчиняется законам «Золотого сечения».

- все системы модулей и пропорций основываются на простейшем модуле, относительно которого строятся сложносоставные структуры (системы).

- анализы различных сооружений Запада и Востока, построенные на основе разных систем (теорий) модулей и пропорций, показывают наличие «Золотого сечения» в архитектуре данных культур.

Основные мировые системы модулей и пропорций (единая система канонов и правил «Шильпашастра», руководство по архитектуре и строительству «Ваштувидия», трактат по архитектуре «Манасара», социально-политический трактат «Артхашастра», трактат «Инцзао фаши», модульная система «цай фень» и система «Доу-Коу», трактат Чжоу Ли, система «Киварихо» и модуль «Кен», система античных ордеров и гипподамова структура организации планировочной сетки городов, Модулор Ле Корбюзье) подчинены общим законам и принципам формообразования, выраженные фундаментальными системами (законами) «Золотое сечение» (числовая последовательность Фибоначчи) и фрактальной геометрией, а так же основой организации пространства – антропометрией и эргономикой. Все существующие системы (теории) модулей и пропорций основаны на единых принципах, так как имеют общие предпосылки создания.

Основные архитектурно-технологические задачи (принципы) оптимизации (организации) современных объектов архитектуры и градостроительства. С учетом изменения представлений об архитектурном пространстве для архитектора важно теперь не расположить в проектируемом пространстве правильные, сложившиеся «идеальные» схемы будущего объекта, а предоставить определенные возможности для жизнедеятельности человека.

Архитектурное пространство становится операционной категорией. Изменчивость становится характерной чертой любого представления о пространстве.

Далее были определены основные аспекты формирования современной архитектуры. Совокупность всех категорий даёт возможность представить предмет в целом, логику его построения, законы его развития.

Основными задачами методики оптимизации современных архитектурных (градостроительных) объектов являются:

минимизация и оптимизация внешней структуры объекта;

максимизация и оптимизация внутреннего пространства объекта – габариты, объем, соотношение пропорций помещений и т. д.;

гибкость и адаптируемость пространства;

ограничение экспансии антропогенного пространства – баланс природной и искусственной среды, оптимизация пространства обитания.

Информационное моделирование здания (BIM) – это подход к возведению, оснащению, обеспечению эксплуатации и ремонту здания (к управлению жизненным циклом объекта) [3]. Предполагает сбор и комплексную обработку в процессе проектирования всей архитектурно-конструкторской, технологической, экономической и иной информации о здании со всеми её взаимосвязями и зависимостями, когда здание и все, что имеет к нему отношение, рассматриваются как единый объект. Трёхмерная модель здания, либо другого строительного объекта, связанная с информационной базой данных, в которой каждому элементу модели можно присвоить дополнительные атрибуты. Модели и объекты управления BIM – это информация, позволяющая автоматически создавать чертежи и отчёты, выполнять анализ проекта, моделировать график выполнения работ, эксплуатацию объектов и т. д. Информационная модель здания имеет замкнутую систему, состоящую из следующих девяти основных шагов: планирование, концепт дизайн, детальная разработка, анализ, документирование, изготовление, строительное планирование, сборка, эксплуатация и техническое обслуживание [4].

Разрабатываемая концепция оптимизации объектов архитектуры интегрируется в начальный уровень информационного моделирования здания – планирование (Рис. 2).

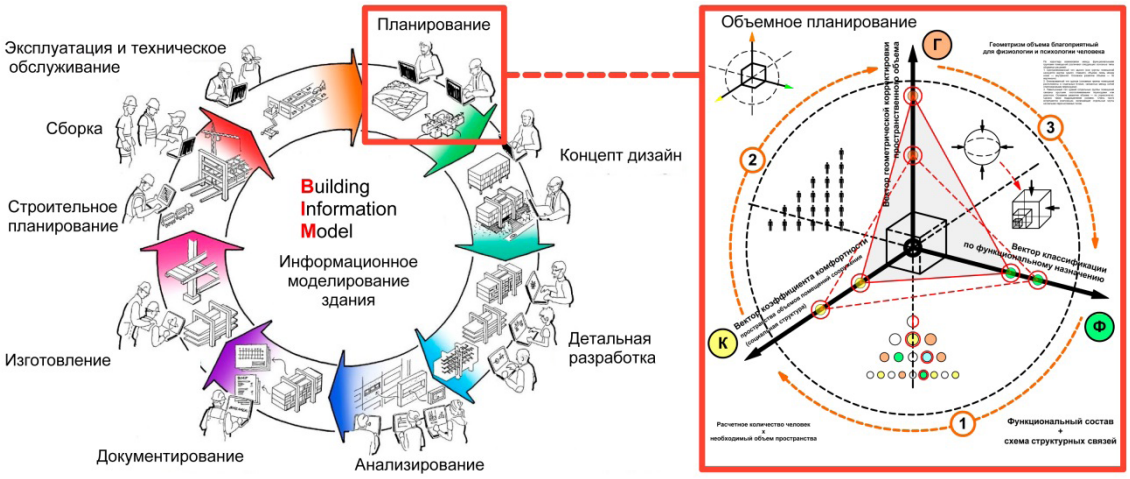


Рисунок 2. Принцип интеграции и работы концепции методики оптимизации современных архитектурных объектов

Принцип работы концепции методики оптимизации современных объектов архитектуры и градостроительства. Модуль – архитектурная пространственная единица (операционная категория) объема функционально используемого человеком. Изменчивость, деформация и адаптация – главная характеристика основы концепции методики оптимизации систем модулей и пропорций (гармонизация) современных архитектурных и градостроительных объектов [2].

Принцип работы концепции методики оптимизации систем модулей и пропорций (гармонизация) современных архитектурных (градостроительных) объектов основан переходе от двухмерного планирования к трехмерной структуризации пространства объекта (архитектуре) посредством движения по трем векторам (Рис. 2).

1. Вектор классификации зданий, основных групп помещений, помещений, зон и сооружений по функциональному назначению. Определение набора и правил (структуры) сопряжения объемов помещений сооружения.

Архитектурно-пространственная среда представляет собой единство нескольких основных компонентов: зданий и сооружений, пространства между ними и внутри них и элементов естественной природы, в той или иной степени включенных в среду. Функциональное назначение зданий определяет их форму. Процесс формирования типологической структуры сложен. Кроме четко выраженных типов зданий, существует множество переходных неопределившихся форм. Это объясняется тем, что в процессе развития общества типы зданий постоянно видоизменяются.

Каждый тип имеет в свою очередь собственную типологическую структуру в зависимости от специфики этой группы. Основным признаком зданий, по которому определяют принадлежность его к определенному типу, является его назначение как отражение потребности общества в здании определенного типа для определенной цели.

Далее каждый вид (объем) сооружений состоит из группы функциональных правильно сопряженных объемов. В свою очередь каждый функциональный объем состоит пространственных зон подфункций.

2. Вектор коэффициента комфортности пространства объемов помещений сооружения (социальная структура). Абсолютная величина пространства в интерьере мысленно соизмеряется с количеством людей, которые будут находиться в помещении. Для каждого человека выделяется «моторное пространство», – это условно ограниченная часть общего пространства для конкретного человека. Индивидуальное (моторное) пространство изучается эргономикой.

Кроме типологической классификации, т. е. классификации зданий по назначению, существует подразделение зданий на классы по значимости.

Каждому классу зданий и функциональных объемов предъявляются определенные требования относительно характеристики эксплуатационных качеств.

3. Вектор геометрической корректировки пространственного объема в зависимости от эстетической категории, внутреннего и внешнего психического комфорта человека, внешних физических ограничений (ситуации), а так же технологических и материальных возможностей.

Существует несколько типов объемных композиций, наиболее часто используемых в архитектурной практике. Однако такое подразделение условно. Очень

часто встречаются композиции, включающие отдельные черты нескольких типов.

Данный фрактальный принцип членения здания на информационно-пространственные объемы сохраняется до организации личного (моторного) пространства человека определяемого эргономическими правилами (Рис. 3).

Такая методика позволяет быстро сгенерировать множество вариантов информационно-пространственных и функциональных моделей разрабатываемого объекта (Рис. 4).

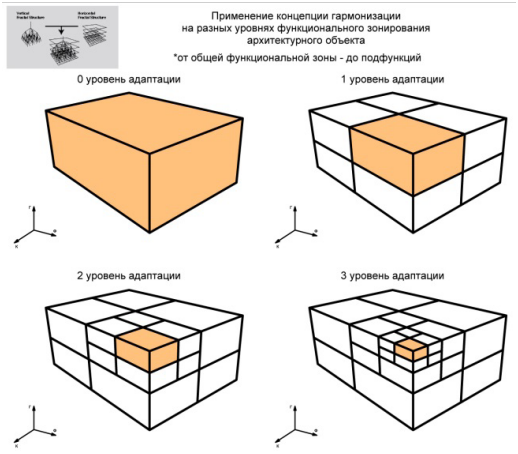


Рисунок 3. Фрактальный принцип членения здания на информационно-пространственные объемы

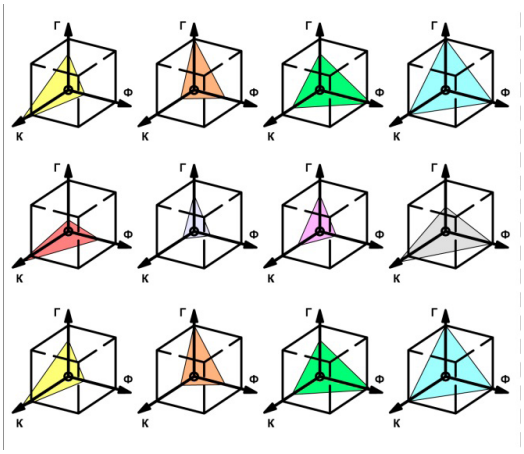


Рисунок 4. Варианты генерирования объемов с помощью концепции методики оптимизации современных архитектурных объектов

Заключение. С учетом изменения представлений об архитектурном пространстве произошел отказ от статичных «идеальных» схем будущего объекта, в пользу предоставления определенных возможностей для жизнедеятельности человека. Архитектурное пространство становится операционной категорией. Изменчивость является характерной чертой любого пространства.

В данное время осуществляется переход к новым прогрессивным методам проектирования объектов архитектуры и градостроительства, такие как BIM (Building Information Modeling – информационное моделирование сооружений). Так же активно развиваются новые способы считывания пространственной информации, которые позволяют получать высокоточные информационные и цифровые 3D модели объектов архитектуры (ЛНС – лазерное наземное сканирование) и градостроительства (ГИС – геоинформационные системы). Взаимодействие данных систем позволяет синтезировать новые инструменты для оптимизации всех параметров структуры окружающего пространства.

Разрабатываемая система оптимизации современных архитектурных объектов интегрируется в начальный этап информационного моделирования здания

Принцип работы методики оптимизации систем модулей и пропорций (гармонизация) современных архитектурных (градостроительных) объектов основан на переходе от двухмерного планирования к трехмерной структуризации пространства объекта (архитектуре), посредством движения по трем векторам. Модуль является пространственной единицей, которая трансформируется, оптимизируется и сопрягается в зависимости от присваиваемой функции, эргономической структуры и психофизического уровня ответственности.

Список использованных источников и литературы:

1. Васютинский, Н. А. Золотая пропорция. М.: Мол. гвардия, 1990. – 238с.
2. Чинь Франсис, Д К. Архитектура: форма, пространство, композиция. М.: АСТ : Астрель, 2005. – 399 с.
3. Eastman Chuck. BIM Handbook: A Guide to Building Information Modeling for Owners, Managers, Designers. Wiley, 2008. – 374 p.
4. Underwood Jason. Handbook of Research on Building Information Modeling and Construction Informatics: Concepts and Technologies, Information Science Publishing, 2009. – 325 p.

Litvinenko N. S., Luchkova V. I.
nikola_27_90@mail.ru; luch@mail.khstu.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

INTEGRATING THE PRINCIPLES OF MODULE SYSTEMS AND PROPORTIONS WITH INFORMATION-SPATIAL OPTIMIZATION OBJECTS OF ARCHITECTURE

Abstract - The article highlights the results of a comparative analysis of world systems of calculation and world systems of measures (measurements) length (distance), their origin and the proportional ratio.

Here is a comparative analysis of the world's major systems of modules and proportions in architecture and urban planning: a unified system of Canoa and new rules "Shilpashastra" Guide for Architecture and Construction "Vashtuvidiya", a treatise on architecture "Manasara" socio-political treatise "Arthashastra" treatise "Intszao fashi" modular "Cai Fen" and the system "Dou Kou," a treatise Zhou Li, the system "Kivariho" module and "Ken", the ancient system of orders and "gippodamov's" structure of the organization of the planning grid cities Modulor Le Corbusier "Golden Section "(numerical sequence-productivity of the Fibonacci) and fractal geometry.

In this article describes the main architectural and technological problems (principles) optimization (organization) of modern architecture objects (Urban Development). Here defined characteristics and the basic methods (programs) ¬ optimization of modern architectural (urban development) facilities - a module (spatial unit) on the basis of a comparative analysis of the main systems of modules and proportions in architecture. As a result, the principle of operation was pulled optimization concept of architectural objects and the place was definitely the introduction of the concept developed in the building information modeling (BIM).

Keywords: architecture, module, proportion, system, structure, optimization, harmonization, information space.

Лиханский А. Ю., Лапшина Е. А.
littleredrooster@mail.ru; likhlap@mail.ru
ДВФУ, Владивосток, Россия

МЕТАФОРА В ТЕКТОНИКЕ

Абстракт – Уже более ста лет как архитектура стала на путь инновационно-креативного развития. Причем этот процесс является двухсторонним - на каждую новую проектную задачу идет запрос на новые конструкции, материалы, технологии и, с другой стороны, изобретенный материал или конструкция дают толчок для решения архитектурных задач иными способами, раскрывают возможности нового формообразования. Разумеется, не каждая постройка была инновационной, с точки зрения применения конструкций и материалов. Но то, что к смене творческих направлений архитектуры XX века – модерн, ар-деко, конструктивизм, неоклассицизм, брутализм, постмодернизм, деконструктивизм… приурочены смены конструкции, материала и технологий, - не является простым совпадением.

Благодаря возможностям компьютерного программирования особый взлет развития конструирования и технологий демонстрирует вторая половина XX века. Это совпадает с активизацией поиска нового формообразования архитектуры, отражающие картину мира человека эпохи пост-модернизма. Практика, оказавшись на переднем крае эксперимента, демонстрирует целый ряд творческих удач, находок, так и системных ошибок. В это же время появляются архитектурные объекты, которых относят к направлению деконструктивизм, ставящему под сомнение обязательность, необходимость, нужность использования понятия тектоники для теоретического осмысления этого архитектурного направления. В результате широчайших экспериментов в области практической архитектуры, реализующих новаторские идеи и технические возможности, накоплено огромное количество новых разностилевых приемов художественной интерпретации конструктивных систем в архитектонике здания.

Осознание и объяснение взаимосвязей формообразования и конструкции в архитектуре, зависимость их от материалов, технологий предпринимались и предпринимаются в рамках теории архитектуры, теории архитектурной композиции. В понятийный аппарат этих теорий введено даже специальное понятие, «схватывающее» эту взаимосвязь – тектоника. Особенность мышления эпохи постмодернизма, связана не столько с формированием новых смыслов, сколько в оппонировании с историей. В работе рассмотрены наиболее характерные для новейшей архитектуры метафоры возникающие в языке архитектуры, наиболее ярко выраженные через тектонику.

Ключевые слова: тектоника, метафора, семантика, морфология конструкции, теория архитектуры, теория композиции.

1. Современная интерпретация тектоники. Предмет тектоники – морфология конструкции, превращаемая в средство выразительности. Не целесообразны попытки расширить понятие за счет закономерностей организации пространства, тем самым тектоника теряет специфичность содержания накладываясь на такое понятие, как композиция [1, стр. 22]. Тектоничность архитектурной формы опреде-

ляется использованием свойств конструкции как средств выразительности, но не выражением самой конструктивной структуры. Конструкция как таковая – средство осуществления функции архитектуры, в том числе и функции выразительности, но не содержания, которое должен нести архитектурный образ. Это содержание в первую очередь социально, техническое не может заменить в нем человеческое.

В новейшей архитектуре, конца XX начала XXI века, мы сталкиваемся с тем, что тектоника играет роль метода внесения сложных метафор в конструкцию. Рассмотрение же метафоры, ее понятийный аппарат заложен в морфологическом взгляде на конструкцию.

Уместно будет провести аналогию с искусствоведческим методом работы с текстами, тем самым создать связь и с поэтикой архитектуры, которая является методом описания архитектурного произведения в наши дни. Работа с морфологией конструкции подобна работе с текстом, вернее с методами постмодернизма, когда текст рассматривается как набор несвязных слов, происходит разбор каждого из которых, и смысловая нагрузка, полученная от разбора слов, как таковых накладывается на общее понимание текста. Происходит разложение текста, деконструкция целого с целью при новой его сборке получить иное, более глубокое понимание.

Если такую образную работу с текстом переложить на анализ морфологии конструкции, то получается, что работа будет происходить с архитектурными метафорами, а тектоника является аппаратом выработки сложных метафорических образов.

По определению, данному А.Ф. Лосевым, метафора «есть перенос значения одного предмета на другой предмет, и эти два предмета, переносимый и воспринимающий новое значение, понимаются как единое целое» [2, стр. 308].

В наше время, когда технология создания архитектурных форм опережает создание самих форм, то есть сложилась тенденция разработки систем и технологий работы с формой для архитектуры не привязанных к конкретной решаемой задаче. Сначала складывается определенная прослойка инженеров от архитектуры, которые не задействованы в решении проектных задач, они занимаются поставкой «сырья» - метода или технологии работы с формой, с неопределенным применением. Архитектор в таком случае является интерпретатором такой технологии в применении ее в конкретных целях, он работает в роли «создателя метафор», освобождаясь от обязанности поставщика задач для инженера.

Хорошим примером может служить архитектурное отделение Массачусетского университета, где ведутся разработки в области архитектуры и создания архитектурных форм. Происходит эксперимент на высокотехнологической базе, результатом которого служит произведение формы, скорее как арт-объекта, инсталляции представляемой на суд зрителя и таким путем проверяя свою жизнеспособность. Архитектор в свою очередь находится в образе зрителя дает свою трактовку и имеет возможность дальнейшего осмысления в приложении к конкретики, которую он выстраивает в определенном архитектурном произведении.

Вообще такой инверсионный процесс начал активно развиваться начиная с последнего десятилетия XX века и продолжая набирать свои обороты по сей день. Видный теоретик архитектуры А.В. Иконников относил начало этого процесса к середине XX века: «Темпы технического прогресса во второй половине XX века настолько ускорились, что стереотипы не успевают укорениться в сознании. Однако контакты с формами техномира раздвинули круг привычных ассоциаций. Новое в архитектуре подчас получает признание в общественного вкуса благодаря похожести на

освоенное в других областях. Так, решетчатые конструкции радиомачт подготовили к восприятию вантовых конструкций, вошедших в архитектуру. Даже парадоксальные формы пневматических и воздухоопорных конструкций, поддерживаемых внутренним давлением и сопротивляющихся ему, не вызвали особого изумления – нечто подобное уже возникало в очертаниях воздухоплавательных аппаратов – дирижаблей, аэростатов. Освоение нового перестало быть мучительным процессом» [3, стр. 62]. Активная фаза инверсионного процесса приходится на наши дни. Под активной фазой в данном случае подразумевается, то что «форма техномира» приходит в архитектуру не посредствам виденного нами в технических произведениях инженеров (автомобиль, самолёт и т.д.), а специально преподносится нам на суд архитекторами, которым в свою очередь «поставляет» в виде «полуфабриката» инженер.

Мы не утверждаем, что роль архитектора, как человека отсылающего заказ инженеру, ушла. Просто складывается ситуация, в которой инженер сам генерирует идеи, а архитектор–интерпретатор работает с образом, выступая в роли «писателя формы».

Но это не единственный подход, выдвижения конструкции как архитектурной формы, через прообраз (инсталляции, арт-объекта). Анализ практики показывает, что архитектор, работая с какой-либо системой, причем система подразумевается скорее как интерпретация чего либо (устоявшиеся тектоническая система, детский конструктор, бионическая метафора и т.д.), создает выдержку из метафоры которую он закладывает в общую концепцию архитектурной формы и представляет ее на суд зрителя. Таким образом, архитектор имеет почву для работы над ошибками, в виде информации поступающей от зрителя, и главное – подготавливает его к развертыванию концепции в полномасштабную архитектурную форму. Так, к примеру, архитектор Кенго Кума представил свою интерпретацию стеновой системы в инсталляции во дворе Токийского объединенного национального университета, в 2011 году. Через 2 годы мы можем наблюдать воплощение его концепции в здании Sunny Hill (Токио, район Минами-Аояма).

Тектоника и есть метод работы с «сырым материалом» или арт-объектом протородителем полномасштабной архитектурной формы.

Метафоры, рождаемые в интерпретационном аппарате тектоники, различны, но роднит их технический подход к созданию образа, то есть через конструкцию. Метафоры, выдвигаемые тектоникой можно разделить на метафоры технологии, природные метафоры и метафоры мыслительных конструкций.

Метафора технологии – могут привносить «след» технологии в произведение, как прямой, так и косвенный. Прямым может служить прообраз, какой либо вещи (детский конструктор, фюзеляж самолета и т.д.), которую мы можем наблюдать в мире не связанном с архитектурой. Косвенным же смена материала, то есть исконным материалом для данного вида конструкции был, например, металл, но благодаря новым технологиям удалось добиться от дерева той же прочности и применить его в конструкции.

Природные метафоры – имеют широкий спектр от бионических метафор до антропоморфных. Причем стоит выделить геотектонические, как подвид, полноценно характеризующий современные течения в нелинейной архитектуре.

Метафоры мыслительных конструкций – это зачастую архитектурные метафоры, не всегда понятные современному зрителю, в виду отсутствия необходимой договоренности о значениях в современной культуре. Примечателен псевдопортик на Венецианском биеннале искусств (архитектор Ханс Холляйн, 1980 год). Так же

имеет место определенная игра с историей. Например, Чарльз Мур встраивая в арку гипертрофированный в размерах замковый камень, собственно не сам камень, а его отсутствие, отсылает нас к его первоначальному смыслу в арке и тем самым дает понять, что сама конструкция всего лишь декорация.

2. Метафоры техники. Родившаяся в начале XX века метафора техники, сформировала свою эстетику техницизма, что не могло не отразится на представлении тектоники архитектурной формы в конструктивизме и функционализме.[4] Правда конструкции и правда материала, рационализм, логика построения формы - лежат в основе тектоники архитектуры модернизма начала века. Динамика, экспрессия революционного пафоса первых преобразований, родившая целый ряд новаций в тектоническом осмыслении архитектурных конструкций (Мельников К.С. Клуб им. Русакова, Москва, 1927-1929 гг. – в консолях клуба, освобождении стены сквозным остеклением и др.) постепенно выхолащивается в канве, задаваемой условиями индустриального производства строительных конструкций для индустрии домостроения.

Позднее, освоение космоса расширило представление о метафоре техники, сделав привычными образы невесомой архитектуры. Развитие большепролетных конструкций (сетчатых, вантовых), использование металла и стекла, позволило создавать крупномасштабные архитектурные формы воспринимаемые как невесомые. Новая антигравитационная тектоника архитектурных форм являла собой символ технического прогресса XX века, время освоения космоса.

В какой-то степени попыткой реанимации техногенной эстетики модернизма можно признать хай-тек. По сути, выведение инженерных систем обеспечения на фасады зданий было последним средством привлечения внимания к чисто инженерной эстетике, служило своего рода украшательством надоевшей сухости правильных, правдивых конструктивных систем.

С середины XX века эйфория от технического прогресса идет на убыль, экологические проблемы выходят на первый план и человек чувствует себя неотделимым одновременно как от техники, так и от природы, сочетая эти два мира в творчестве. За техникой и природными явлениями закреплены совершенно разные ассоциативные представления. Контрасты, инверсии, противоречия таящиеся в сочетаниях «природной» формы и «технической», острота и сложность, скрытая угроза самой образности «живой техники» формируют, на наш взгляд, основу для творческих поисков на ближайшее будущее (торговый центр в городе Бирмингем, Англия (группа Future-systems), К-музей в Токио, Япония (арх. Макото Сей Ватанабе, выставочный комплекс в Невшателе - группа Multipack).

Природная метафора так же не осталась в рамках традиционной. Постмодернизм сформировал игровое отношение к природе, создав метафору мыслительных конструкций природы на основе эстетикимультфильмов. Упрощение природных форм, сведение их к формам понятной геометрии, стало характерным и для архитектуры (проект школы Marcel Sembat High School во французком городе Sotteville-les-Rouen архитектор: archi5 with B.Huidobro, ландшафтный парк в Ивердон-ле-Бэне на ЭКСПО-2002 (группа West 8)). Есть примеры сращивания приемов формообразования в архитектуре и ландшафтной архитектуре (дома-ландшафты – Намба-парк в Осака. 2009 г. Архитектор Джон Джерде; и арх. Ч.Дженкс – сад «Космических размышлений», Шотландия). Эти примеры показывают стирания граней архитектоники и геотектоники.

Нелинейная архитектура так же предлагает свою трактовку природной ме-

тафоре. Сегодня становится интересна сама идея трансформации, движения поверхности земли - геотектоника. Актуальна и пластика естественного ландшафта как прообраза и основы построения архитектурной формы. В формообразовании стали актуальны приемы расслоения - появились объемные складки, сползающие, свободно «наброшенные» плоскости на поверхность архитектурной конструкции. Многослойность, скульптурность, складчатостьархитектуры подчеркнута сближенной палитрой материалов, использованием новых материалов разной степени прозрачности (стекло, перфорированный металл, металлические сетки и т.д.), что позволило создать эффект «скользящих» поверхностей. При этом обязательно предъявляется и несущий остов конструкции как некий стабилизирующий элемент, формируя тектонику противоречий стабильного и ускользающего, движущегося.

Приверженцам этого направления интересна сама идея трансформации, движения поверхности земли. Нет ничего постоянного – все движется, меняется, ускользает, мимикрирует… уходит в прах и из него возрождается. Поэтому помимо пластики форм естественного ландшафта, многослойность, скульптурность, складчатость его строения (геотектоника – результат эндогенных и экзогенных сил – вертикальной и горизонтальной направленности) отразилась в особой тектоничности форм этой архитектуры.

Образы движения, ассоциативно связанные с техникой в начале прошлого века, в архитектуре начала XXI века усложнились. Средствами пластики, тектоники передается не просто динамика механического движения, а все его органические фазы от рождения к смерти и разрушению… Художественные образы в литературе, кино, футур-архитектуре во многом предвосхитили появление нового фетиша XXI века – живой техники, биотехницизма. Соединение несоединимого – уже с середины XX века является одним из основных творящих принципов, а сочетания таких противоположностей как природа и техника остается по-прежнему продуктивным.

Интересна еще одна версия взаимодействия образов природы и техники, основанная на их конфликтном столкновении и придающая оттенок некоторой болезненности поискам средств самовыражения в тектонике форм современной архитектуры. Это направление основано на тяге к созданию экстремальных образов, будоражащих психику человека – угрозами атектоники форм деконструктивизма, разломами, разрывами, тектонических сдвигов форм катастрофической версии ленд-арта.

Нехватка адреналина в крови среднего благополучного члена общества сделала популярными не только массу новых экстремальных видов спорта, но и сформировала запрос на создание образов экстрим-среды. С другой стороны - реалии времени – крупномасштабные техногенные и природные катастрофы, исподволь сформировали эстетику архитектуры катастроф. Неудивительно, что архитектура на грани хаоса и гармонии стремится выразить себя в агрессивных или даже диссонансных сочетаниях форм, руинированных конструкциях (технический колледж Токио, Япония арх. Макото Сей Ватанабе). Атектоника дектонструктивизма формируется на диалоге с традиционными конструктивными системами, их тектоническим предъявлением в архитектурной форме. Степень агрессивность деконструкции различна. Возможны варианты не разрушения, а сборки, что несет меньший заряд агрессии. Есть варианты воскрешения приемов руинированной архитектуры (варианты имитации разрушения стены сети офисов фирмы Бест).

Эстетика мультфильмов, востребованная игровой концепцией пост-модернизма, породила архитектурное формообразование имитирующее игру в гигант-

ский конструктор. Эта игровая метафора предлагает новую эстетику сборности в тектонике архитектурной формы, создает иллюзию возможности легкости перемещения, перекомпоновки ее элементов в заданной стабильной структуре (жилой дом в пригороде Токио Митака, Японии, архитектор Сусаку Аракава, 2002-2004 гг.).

С приходом идеологии постмодернизма свобода манипуляции с историческим наследиемпородила не только причудливость стилистических миксов, но и прием увеличения масштабов и упрощения формы узнаваемой конструктивной детали, что превратило признаки тектонических систем (сборных деталей, узлов соединения) в средство декорирования в направлении техно-арт. Причем, наряду с этими псевдо-тектоническими признаками (детали) имеет место нарочитая правдивость предъявления тектоники стеновой конструкции и технологии ее изготовления (опалубка, блоки, панели).

Заключение. Современный тектонический язык более метафоричен, чем символичен. В условиях глобализации культурных связей трудно сохранить идентичность языка символов конкретной культуры, эти языки перемешиваются, сливаясь в многоязычный часто противоречивый хор. Поэтика универсальна в своей ассоциативности, поэтому выявляет симптоматику изменения тектонической культуры, признаки рождения нового.

Список использованных источников и литературы:

1. Волчок Ю. Проблемы формообразования в современной архитектуре. М.: ЦНТИ, 1975. – 236 с.
2. Лосев А.Ф., Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. - 365 с.
3. Иконников А.В., Функция, форма, образ в архитектуре. М.: Стройиздат, 1986. – 256 с.
4. Лиханский Ю.И. Метафоры техномира в архитектуре XX века. Владивосток: ДВФУ, 1998. - 148 с.

Likhaskiy A., Lapshina E.
littleredrooster@mail.ru; likhlap@mail.ru
FEFU, Vladivostok, Russia

METAPHOR IN TECTONICS

Abstract - The architecture has been on the way of innovation and creative development for more than a century. Moreover, this process is bidirectional: every new design task requires new structures, materials and technologies, on the other hand, the invented material or construction give impulse for solution of architectural problems in other ways and discover new possibilities of shaping. Certainly, not any structure was innovative in terms of design and materials applications. But fact that change of creative trends of the twentieth century architecture – Art Nouveau, Art Deco, constructivism, neoclassicism, brutalism, postmodernism, deconstructivism happened in the same time as change of construction, material and technology is not a mere coincidence.

Due to opportunities of computer programming, the second half of the twentieth century demonstrates unique advance in the development of design and technology. It coincides with the activation of a new search for architectural forming reflecting worldview

of human in the postmodernism period. Practice at the forefront of the experiment demonstrates a number of creative successes, discoveries, and system errors. At the same time, there was appearance of architectural objects referred to deconstructivism, calling into question commitment, necessity and need of using the concept of tectonics for a theoretical understanding of this architectural approach. Wide experiments in practical architecture, realizing innovative ideas and technical opportunities, resulted in enormous quantity of new methods for artistic interpretation of constructive systems in the architectonics of building.

Awareness and explanation of the relationship between shaping and design in architecture, their dependence on materials, technologies and efforts undertaken in the framework of the theory of architecture, theory of architectural composition. In the conceptual apparatus of these theories there is a special concept, “catching” this relationship - tectonics. Feature of postmodern thinking has not so much relation the formation of new meanings, as with opposition to the history. The paper studies the most typical for modern architecture metaphors appearing in the architectural language and most clearly expressed in terms of tectonics.

Keywords: tectonics, metaphor, semantics, morphology of structure, architectural theory, the theory of the composition.

Лучшев А. А.
Luch55555@gmail.com
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СОЦИО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ, ДУХОВНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЛИЯНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРИЗАМКОВЫХ ГОРОДАХ

Абстракт – В данной статье рассматривается влияние социо-экономических, духовных и политических факторов на пространственную структуру города. Каждое из этих влияний имеет свои градостроительные элементы, такие как рыночные площади, жилые кварталы, крепостные стены, военные районы, сакральные сооружения и т.д. Представлен порядок этих влияний на призамковые поселения для стран Европы и Азии. Выделены территории, в которых происходит пересечение нескольких факторов, что на плане города выражается в формировании новых городских структур. На этих территориях определены конфликты (ратуша – храм – рынок) и объединения (территории турниров, кварталы развлечения и т.д.) этих векторов в архитектуре, которые при разнообразии культур имели сходные градостроительные черты в призамковых городах Европы и Азии. Центром пересечения этой системы становится замок, так как является совокупностью всех влияний и служит центром формирования города

Ключевые слова: Средние века, Япония, призамковые города, градостроительство, кварталы развлечений и рыцарские турниры.

Введение. На протяжении всей средневековой истории образование замков и призамковых городов подчинялось разнообразным факторам, совокупности которых были схожи для стран Европы и Азии. Они объединяются в социально-экономические, духовные и политические (силовые) влияния, которые четко выделяются именно в этот период времени. Выделяются столицы, портовые и прихрамовые и города, в которых, один из этих векторов имел наибольшую концентрацию. Замок, как главное фортификационное укрепление, в эпоху средневековья, располагался на ключевых точках государства, вне зависимости от квинтэссенции влияний в этих городах.

Порядок этих векторов на формирование призамкового города в странах Европы и Азии было различным. Во Франции и Германии главным фактором образования служило социо-экономическое влияние, то есть образование рынка или экономического пути. Влияние силовых и духовных структур на формирование таких поселений сказывалось позднее, выражаясь в создании храма и крепостных стен. В Японии призамковые города развивались по другой структуре. Вследствие особенностей национального характера централизованной власти политическое влияние выходит на первый план. Следующим этапом формирования призамкового города было развитие социо-экономического влияния, образование рынка или торгового ряда. Духовное влияние, не смотря на то, что было повсеместным, при этом почти не влияло на образование структуры призамкового города.

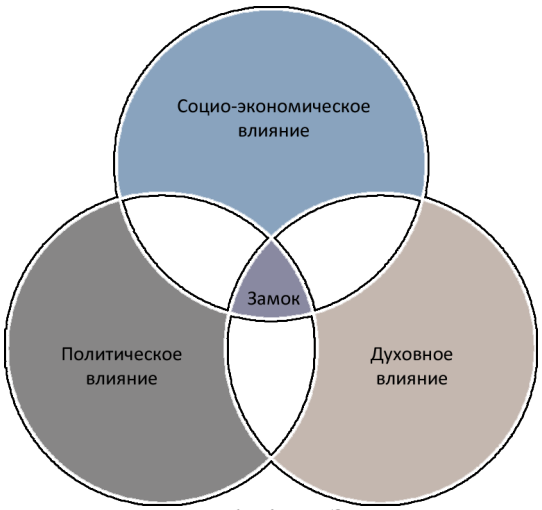


Рисунок 1. Круги Эйлера

Каждому из факторов, влияющих на поселения, соответствует определённые градостроительные элементы. К социо-экономическим территориям относятся рынки, торговые ряды и жилые кварталы. Духовное влияние представлено сакральными сооружениями и их территориями. Политическую функцию выражают крепостные стены и военные кварталы. Выражая эти факторы в кругах Эйлера (рис.1), зрительно выделяются участки, в которых они пересекаются, образуются новые градостроительные элементы.

Взаимодействие духовного и социо-экономического влияния на городскую структуру

Экономические и социальные проявления в архитектуре и градостроительстве имеют одинаковые принципы построения на плане города, но разные варианты размещения по территории (рис.2). Например, торговые ряды в Японии располагались преимущественно вдоль дорог, в то время как в странах Западной Европы выделялись рыночные площади. Но принцип формирования жилых участков, которые непосредственно примыкали к этим торговым рядам, был одинаков. Он заключался в выходе главных фасадов задний на эти торговые зоны, что вызвало уменьшение фронтальных фасадов для разрешения большего количества жителей на этих

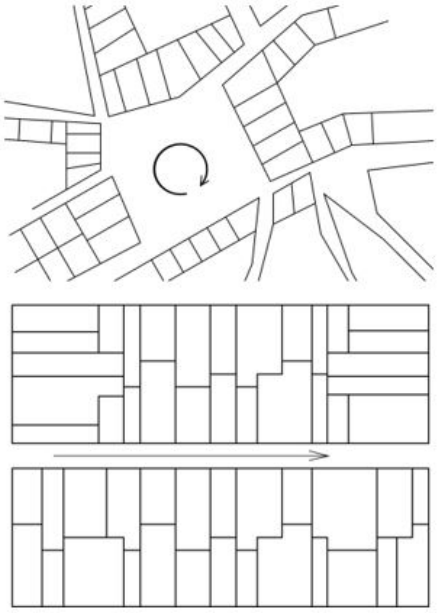


Рисунок 2. Принципы построения \торговых зон в Европе и Азии

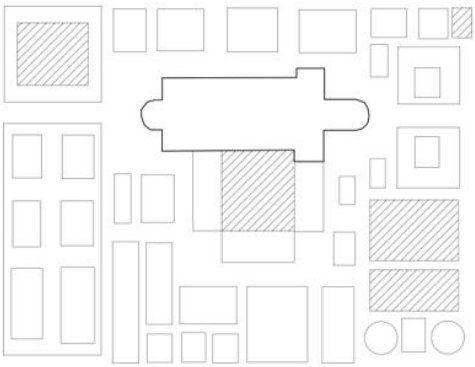


Рисунок 3. Сады аббатства Святого Галлена

участках. Особенностями торговых районов призамковых городов является их непосредственная близость к замковым воротам. За исключением Европейских поселений с длинным рынком и прибрежных призамковых городов, в которых из-за усиления социо-экономического фактора произошло выделение самоуправления, что на плане города выделилось как ратуша.

Средневековый период характерен отсутствием большого количества свободного времени и тяжелыми условиями жизни, что способствовало увеличению социального влияния на религиозную составляющую. Улучшение благосостояния города привело к тому, что прихрамовые территории Европы и Азии которые изначально формировались с небольшими садами и огородами для выращивания продовольствия и лекарственных трав, потеряли свою первоначальную функцию (рис.3). Произошло постепенное сепарирование их в отдельную структуру города – парковые территории общественного назначения.

Пограничное соседство храмовых и рыночных областей, приводили к конфликтам этих территорий, которое выделяются только в европейских городах. Выражается это в крупных пространственных доминантах на плане города, так как каждый из этих сооружений был большим центром формообразования города. Эти конфликты привели к последующему разделению или переносу торговых площадей на новые территории, а прихрамовые территории эволюционировали. В Азии эти разногласия решались по средствам переноса храмов и святилищ на периферию города (рис 4).

Рисунок 4. Перенос храмов и святилищ в средневековой Японии (города Хатака, Амагасаки и Сакай)

Союз политического и социо-экономического курса в средневековом зодчестве

В политических силах видно отчётливое разделение на Европейское и Азиатское средневековье. Такие распространённые сооружения как военные кварталы и крепостные стены хорошо показывают влияние силовой власти на призамковаые города. Крепостные стены в Европейской и Азиатской части света имели много общего, стены были выполнены бутовым камнем и имели большую толщину, иногда создавались двойные или тройные стены. Но среди всех стран особенно выделяется Япония, так как там стены в основном являлись рвом и земляным волом.

Бойницы стран функционально отличались мало, так как они были необходимы для обороны, но имели разную форму и сечение. В Европейских странах бойницы большую площадь отверстий и высоту, но просвет, выходящий на огневые рубежи, был значительно меньше внутреннего, это обусловлено тем, чтобы вражеским лучникам было сложнее попасть в обороняющихся людей. В Японии бойницы имели форму цилиндра или параллелепипеда сжатого посередине, то есть два усечённых конуса или усечённые пирамиды примыкающие вершинами друг к другу (рис. 5).

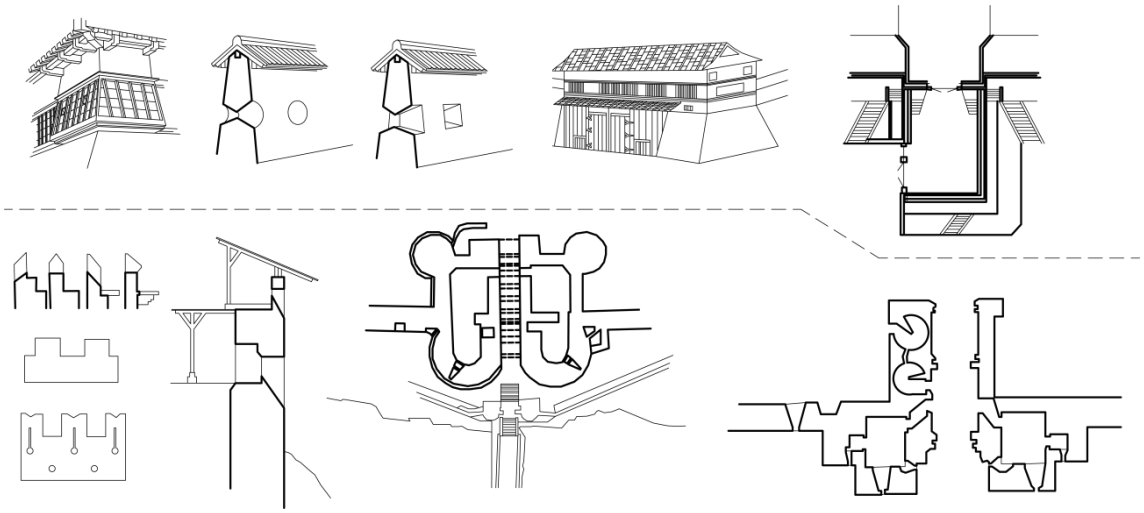


Рисунок 5. Примеры бойниц и замковых ворот в средневековой Японии и Франции

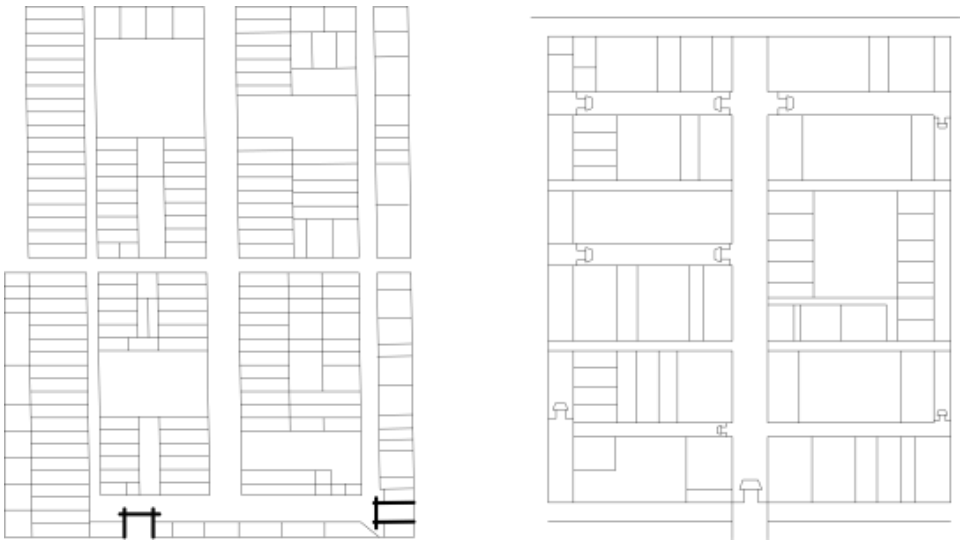


Рисунок 6. Кварталы развлечений г. Эдо

Средством объединения стран во время феодальной раздробленности кроме силового противостояния, существовал способ бескровного завоевания, которое происходило под особым наблюдением феодала.

В архитектуре оно выражалось возведением мест для рыцарских турниров или турниров певцов и образование специфических кварталов развлечений.

В европейском градостроительстве распространение получили турниры, это были участки вне городских стен. Турнирные сооружения были не многочисленны и были представлены ареной для сражений на мечах, ипподромом для конных сражений и ложем для зрителей, все участники располагались в построенном шатровом городе, всё они были временными сооружениями. В Японии большее распространение получили кварталы развлечений, случилось это тогда когда сёгунат Токугава, для удержания своей власти, приглашал вассалов провести время в своём дворце, вместе с армией (рис. 6).

В ходе исторических событий и политических интриг территории знатных родов постепенно теряли или поднимали свой экономических статус. Это приводило к образованию общедоступных или частных садовых районов. Которые впоследствии, также как и территории, сепарировавшиеся от храмов, приобрели статус парковых городских территорий.

Объединение политического и духовного направления

В эпоху средневековья четко выделяются религиозные влияния на все аспекты жизни человека. В архитектуре они выражаются в виде строительства храмов, святилищ, монастырей, аббатств, церквей и часовен. В градостроительном отношении духовное направление сильно зависело от силы влияния сакральной функции на государство. Так, например, в странах Европы и западной Азии, где это влияние было преобладающим, возводились крупные каменные храмы, способные принимать на себя оборонительные функции (рис.7).

Тогда как в странах центральной и восточной Азии (Китай, Япония, Корея, Вьетнам и другие страны), храмы не принимали на себя такие фортификационные обязанности, вследствие чего сложилось формирование множества маленьких святилищ.

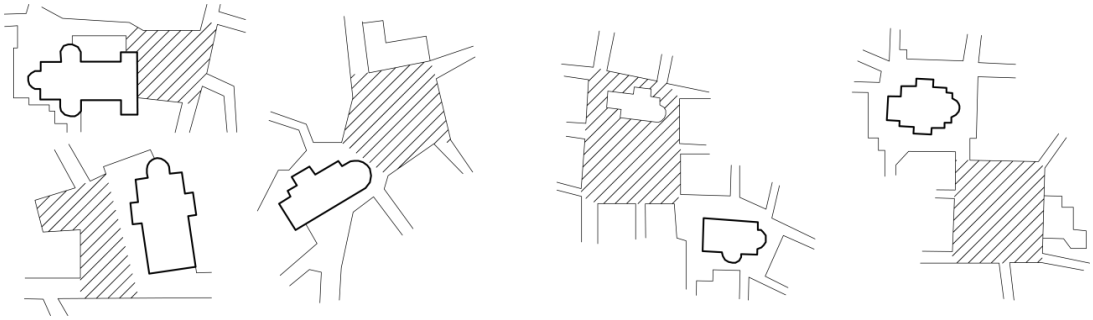


Рисунок 7. Храмы и рыночные площади в средневековой Европе (города Падуя, Мэйсен, Дрезден и Росток)

В архитектуре историческим слиянием светской и религиозной власти, было образовании церкви или часовни (для европейского градостроительства) и храма или святилища (в азиатской части света) в призамковом комплексе (рис.8). Следует выделить, что в странах Европы принципы формирования прихрамовых городов и призамковых городов были идентичны, в данном случае произошло объединение политического и духовного факторов в сакральном соединении.

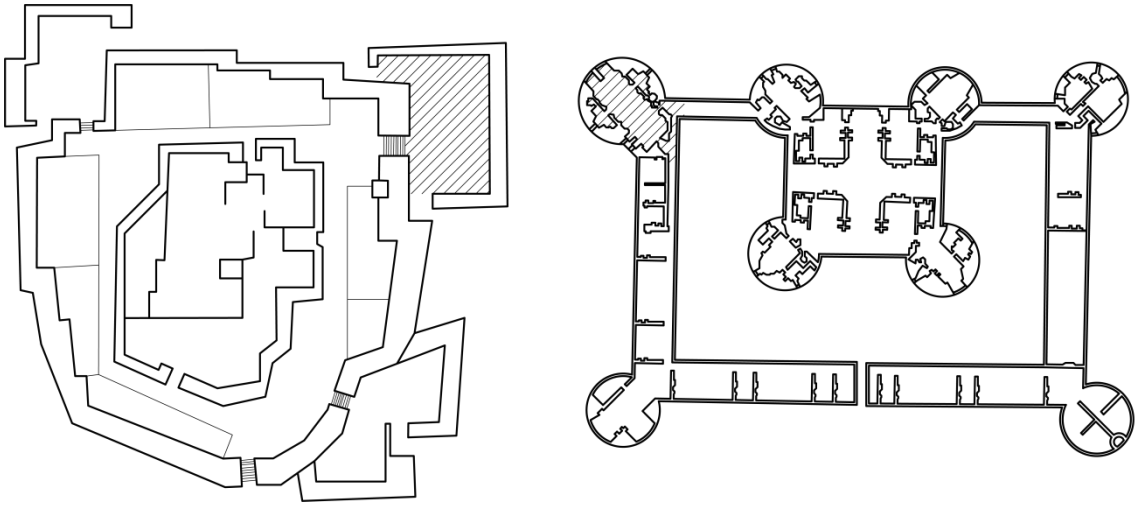


Рисунок 8. Сакральная функция в замковом комплексе. Замки Осака и Шамбор

Заключение. В результате изучения политических, социо-экономических и духовных векторов влияющих на образование призамковых городов можно заметить, что они имеют одинаковые принципы построения с точки зрения планировочной структуры, но процессы сооружения и стилистические принципы на этих территориях индивидуальны для каждой страны. В области пересечения этих факторов выделены градостроительные структуры, такие как места рыцарских турниров, парковые зоны общего назначения и кварталы развлечений. Замок совмещает в себе все сферы деятельности города и, следовательно, в средневековое время в этой системе занимает центральное место.

Список использованных источников и литературы:

1. Дил У. Япония. Средние века и начало Нового времени / Уильям Дил. – М. : Вече, 2011. – 464 с.

2. История Японии. Т. 1. С древнейших времен до 1868 г. / Гл. ред. Мещеряков А. Н. М., 1999. – 357 с.

3. Лучкова В. И. Восточный путь: особенности истории архитектуры и градостроительства стран Юго-восточной Азии / В. И. Лучкова // Научное обеспечение технического и социального развития Дальневосточного региона : сб. науч. ст. к 55-летию Тихоокеан. гос. ун-та. – Хабаровск : изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. – С. 180-183.

4. Лучкова В. И. Архитектурно-типологические основы средневековых городов Японии в контексте влияния традиций Востока и Запада // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – № 3. – 2013. – С. 129-138

5. Лучкова В. И. Градостроительство и архитектура древней и средневековой Японии : учеб. пособие/ В. И. Лучкова. – 2-е изд. испр. и доп. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. – 181 с.

6. Лучшев А. А., Лучкова В. И. Формирование планировки кварталов призамковых городов средневековой Японии / А. А. Лучшев, В. И. Лучкова // Новые идеи нового века – 2014: материалы Четырнадцатой научной конференции ФАД ТОГУ: в 3 т., Хабаровск, 20–27 фев. 2014 г. / Тихоокеанский государственный университет. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. – Т.1. – С. 222-228. – ISBN978-5-7389-1394-5;

7. Han Kyoung-ho, Lee Young. A Stady on the Interrelation between the Capital of Balhae and old historic City Planning of China and Japan. / The New Ideas of New Century 2008 : International Scentific Conference Proceedings of IACE PNU / Хабаровск : Изд-во Тихоокеан.

гос. ун-та, 2008. – С. 314-318

8. Kazuaki Seki. Floating in air and on water. Japanese architecture: tradition and imagination. / The New Ideas of New Century 2012 : International Scentific Conference Proceedings of FAD PNU : в 2 т. / Тихоокеан. гос. ун-т. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. – Т. 1. С. 79-89

9. Kazuaki Seki. Outline of the History of City Planning in Japan - Three phases of development and five characteristics. / The New Ideas of New Century 2011 : International Scentific Conference Proceedings of FAD PNU : в 2 т. / Тихоокеан. гос. ун-т. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. – Т. 1. С. 332-337.

10. Kazuo Nishi, Kazuo Hozumi. What is Japanese architecture? A survey of traditional Japanese architecture. (translated by H. Mack Horton). Rinted in Japan, 1983

11. Luchshev A. A., Luchkova V. I., Features of planning medieval castle town in Japan and Western Europe / A. A. Luchshev, V. I. Luchkova // 19th Inter-University Seminar on Asian Megacities: Smart Urbanism for Asian Mega Cities, Hanyang university, Seoul, Korea, August 27-30, 2014 / Hanyang university. – Seoul: Изд-во Hanyanguniversity, 2014. – С. 39

12. Nihon Kenchikushi Zushu (История градостроительства, на яп.яз.). Shokokusha, Tokyo, 1988. – vol. 1. p.167

13. Takahashi Yasuo, Yoshida Nobuyuki, Miyamoto Masaaki, Ito Takeshi. 図集日本都市史. (An Illustrated History of Japanese Cities) Tokyo, Univversity of Tokyo Press, 1993, 2008. – 340 c.

14. Zadvernyuk L. V. A polylogue of cultures of East Asian states during an epoch of the middle ages. / The New Ideas of New Century 2010 : International Scentific Conference Proceedings of FAD PNU : в 2 т. / Тихоокеан. гос. ун-т. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2010. – Т. 1. С. 58-62.

Luchshev A. A.
Luch55555@gmail.com
PNU, Khabarovsk, Russia

FEATURES OF FORMATION OF TERRITORIES UNDER THE ACTION SOCIO-ECONOMIC, SPIRITUAL AND POLITICAL INFLUENCE IN THE MEDIEVAL CASTLE TOWN

Abstract – This paper examines the impact of socio-economic, spiritual and political factors on the spatial structure of the city. Each of these influences has its own urban elements such as market squares, residential quarters, fortifications, military areas, sacred plants, etc. This article provides an order of magnitude of these effects on a castle settlement for Europe and Asia, and highlighted areas in which there is the intersection of a number of factors expression in the formation of new urban structures. In these areas defined conflicts (Town Hall - Temple - market) and association (area tournaments, entertainment districts, etc.) of these vectors in architecture, which in the diversity of cultures had similar urban features in the castle town in Europe and Asia. Crossing the center of the system to become the castle, as it is the totality of all influences and serves as the center of the city formation

Keywords: Middle Ages, Japan, a castle town, urban planning, entertainment districts and jousting tournaments.

Макуха Е.В.
makukhaev@ukr.net
ПолтНТУ, Полтава, Украина

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЗЕМСКИХ ШКОЛ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Абстракт – статья посвящена проблемам архитектурного проектирования сельских школьных зданий во второй половине XIX - в начале XX века в Полтавской губернии. Рассматривается вопрос школьного строительства в рамках деятельности земских учреждений – органов местного самоуправления. Именно в этот период были созданы основные типы сельской начальной школы, которые формировались и сооружались после проведения сельской реформы 1861 года. В статье уделяется внимание особенностям конструктивного, функционально-планировочного и объёмного решения земских школ Полтавской губернии.

Ключевые слова: земские школы, Полтавское земство, О.Г. Сластион, одно-двухкомплектные школы, классы, украинский народный стиль.

Актуальность темы. Становление Украины как цивилизованного европейского государства невозможно без развития образования, которое выступает решающим фактором модернизации экономики, устойчивого развития аграрного комплекса, подготовки кадрового потенциала государства. Часть сельских школ в структуре общеобразовательных учреждений составляет 67,8%. Современные сельские школы Украины характеризуются малочисленностью, которая связана с неблагоприятной демографической ситуацией, миграцией сельских семей в города.

Чрезвычайно актуальной для жителей сельских районов остаётся проблема доступности качественного образования. Исторический опыт даёт возможность понять процессы, которые происходят в наше время, и определить направления развития и реформирования сельского образования сегодня.

Земской опыт создания и функционирования сети сельских начальных школ является достаточно важным в процессе модернизации национального образования в Украине на современном этапе развития.

Основная часть. Земские школы – это общеобразовательные школы, которые открывались и содержались земствами. Формально земские школы относились к Министерству народного просвещения, хотя содержались они за счет земств. Земства также не имели возможности формировать программу обучения и оказывали на школы лишь опосредованное влияние, занимаясь подготовкой учителей и набором персонала. Опыт земского школьного строительства интересен в связи с тем, что строительство и эксплуатация школьных зданий были единственной областью в деле народного образования, где земство было полностью самостоятельно в своих действиях [2].

Первые земские школы появились на территории Российской империи после проведения сельской реформы 1861 года. Первые сведения о появлении земских школ в Полтавской губернии относятся к 1871 году. В то время их насчитывалось

48 зданий, в 1895 году – их уже стало 436. Школы были однокомплектные (с одним классом), двухкомплектные, с тремя классами и существовал небольшой процент школ с четырьмя классами. Классы были переполнены (от 50 до 80 учеников). После 1917 года земские школы были реорганизованы в единые трудовые школы.

На начальном этапе существования земства под школьные здания приспосабливались существующие постройки, но уже первые ревизии показали их непригодность для проведения образовательного процесса.

В основу гигиенических и планировочных требований к земским школам были положены разработки профессора Ф.Ф. Эрисмана. Основными требованиями, которые выдвигал Ф.Ф. Эрисман к классному помещению, были:

1. Длина классного помещения не более 9-10 м, так как при большей длине плохо видны буквы на доске.
2. Высота комнаты должна быть не менее 4 м, так как при меньшей высоте окна оказываются слишком низкими и дневного освещения не хватает. При большей же высоте в комнате появляются акустические помехи.
3. Отношение площади окон к площади пола равно 1:5.
4. Окна должны располагаться слева от учащихся, чтобы тень от руки не мешала писать.

Вопросы освещения были для Ф.Ф. Эрисмана одними из наиболее значимых [4].

Земские архитекторы по возможности стремились следовать этим требованиям, хотя часто отступали от них, руководствуясь экономическими соображениями.

Здания земских школ в Полтавской губернии сооружались по проектам земских инженеров и техников и состояли из учебных классов, рекреации, квартиры для учителя и библиотеки.

В 1910 году Полтавское земство провело конкурс по разработке проектов зданий школ в украинском народном стиле. Лохвицкая земская управа летом 1910 года постановила начать строительство школ в украинском стиле. Однако, в это же время появились и противники этого решения, поэтому в 1910 году построили лишь две земские школы – в с. Млины и в с. Голинцы по проектам техников строительного отдела Лохвицкого земства. В 1911 году таких школ построили уже 22.

В 1912 году художником О.Г. Сластионом была разработана серия земских школ. В своих проектах школ О.Г. Сластион детально разрабатывает фасады, в архитектуру которых вносит декоративные элементы из кирпичей в виде отдельных вставок, арабесок, ковровых композиций, что подчёркивало национальный характер архитектуры земских школ. В своих записях О.Г. Сластион упоминал, что Лохвицкое земство заказало ему проекты для 83-ох зданий школ на один, два и три класса.

По мнению искусствоведа В.Н. Ханка, таких школ построили не менее 140. В наше время насчитывается 58 школ, а именно, в таких населенных пунктах: с. Безсалы, с. Бербеницы, с. Белогорилка, с. Белоусовка, с. Белоцерковка, с. Бодаква, с. Бондари, с. Брыси, с. Бубны, с. Васильки, с. Гаивщина, с. Галяве, с. Герасимовка, с. Гильци, с. Городище, с. Жданы, с. Закроиха, с. Западинцы, с. Засулье, с. Искивцы, с. Ковали, с. Куринька, с. Лука, с. Луценки, с. Лучки, с. Млины, с. Мокиевка, с. Новое, с. Пестычивское, с. Пески, с. Песочки, с. Риги, с. Рудка, с. Синякивщина, с. Скоробагатьки, на хуторе Сухоносовка, с. Токари, с. Христановка, с. Чернухи, с. Шмыгли, с. Яблунивка, с. Яхники, с. Яцыны и др.

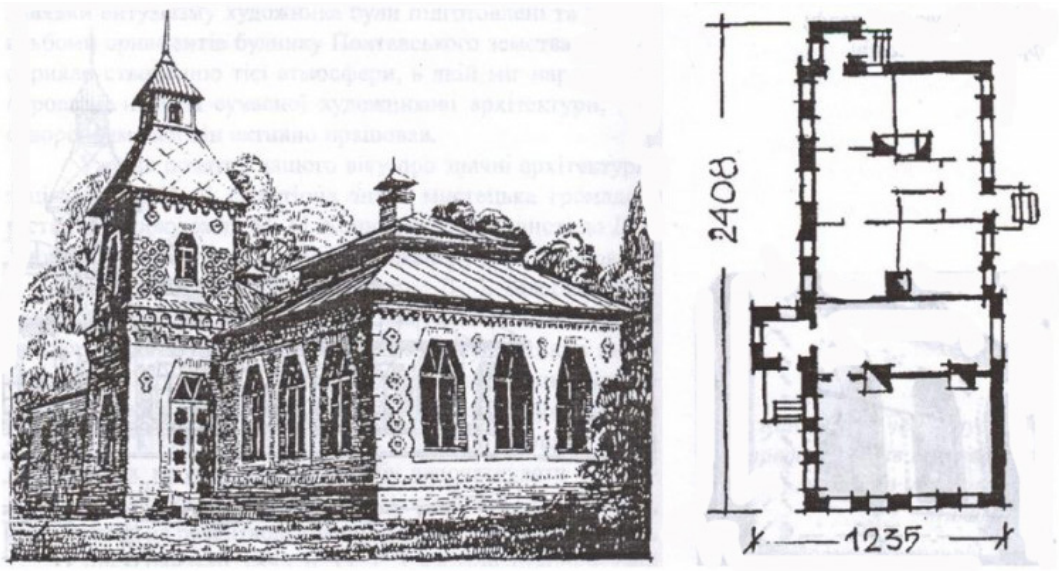


Рис. 1. Однокомплектная земская школа в с. Западинцы Лохвицкого уезда. Арх. О.Г. Сластион. Общия вид, план. [9].

В школах Лохвицкого земства (1910 – 1916) за основу были взяты планы, разработанные архитектором Н.Ю. Лермонтовым для Ярославского земства, который, в свою очередь, создал их по образцам планов финских архитекторов, поэтому иногда эти школы называли «школами финского типа». Планы полностью подчинены требованиям целесообразности, которые проявились в функциональной группировке помещений. Учебная зона включала входной тамбур, раздевалку, рекреацию, классы, комнату учителей. В плане школы присутствовала жилая зона, в которую входили двухкомнатная квартира учителя с кухней, хозяйственное помещение и прихожая. Рядом с жилой зоной находилось отдельное помещение для библиотеки или сторожа. В школах с двумя или тремя классами стены между комнатами можно было объединить в один большой зал, где проводились собрания или празднования.

Основной конструкцией здания школы был деревянный сруб или каркас, снаружи обложенный кирпичной кладкой. Благодаря общему планировочному и архитектурно-образному решению школа в окружении других зданий, даже хозяйственных построек, становилась своеобразным ансамблем, составные части которого были объединены общими пластическими и стилистическими чертами и представляли национальное своеобразие архитектуры.

Функционально-планировочное решение определило объёмную композицию зданий школ, в которой школы с одним или двумя классами имели Г-образный план и асимметрическое решение, а школы с тремя и четырьмя классами - симметрическое решение плана в виде букв V и П. В объёмно-пространственной композиции здания школы главный объём был создан учебным блоком, который был перекрыт высокой четырёхскатной крышей. К учебному блоку были пристроены один или два блока, где находились жилые, хозяйственные и другие помещения. Эти помещения по высоте были меньше помещений учебного блока. Между учебным блоком и пристроенными блоками возвышалась башня, перекрытая четырёхскатной крышей со шпилем, что подчёркивало главный вход. В одно- или двоекомплектных школах башня акцентировала асимметричность общей композиции, а в школах с тремя и четырьмя классами – было две башни, которые композиционно

подчёркивали главный вход в здание.

Здание четырёх комплектной школы имело наиболее пластическое решение главного фасада, в нём три выдвинутых вперёд объёма, из которых средний фланкировался двумя башнями, создавало впечатление значительного и возвышенного образа. Высокие башни подчёркивали входы и имели значение своеобразных знаковых элементов украинского архитектурного стиля, а также активным силуэтом выделяли здание в общей панораме застройки села. Большое значение имели трапециевидные шестигранные формы дверей и окон, которые тоже были присущи украинскому народному стилю.

Часть земских школ была построена по проектам земских техников, эти школы отличались чрезвычайной сдержанностью архитектуры и почти полным отсутствием архитектурного декора, благодаря чему они могут быть отнесены к рационалистическому течению украинского архитектурного стиля.

Здания школ, построенные по проектам О.Г. Сластиона, украшены орнаментами из кирпичной кладки: дверные и оконные проёмы на главном фасаде имели шестигранную форму, фланкировались широкими лопатками, фризом и своеобразным кирпичным меандром. Кирпичные орнаменты на стенах школ развивали традиции полтавских вышивок «белым по белому». В функционально-планировочном отношении проекты О.Г. Сластиона отличались чётким зонированием учебных и вспомогательных помещений. Автор применил мобильные деревянные перегородки, которые в случае необходимости позволяли объединять классные помещения. О.Г. Сластион при создании проектов зданий земских школ применил принцип типового проектирования [7, с. 288-290]. Он учёл то, что здания школ в разных местах будут находиться в абсолютно различных градостроительных ситуациях, поэтому предусмотрел многочисленные варианты проектов с чертами серийности.

Здания бывших земских школ ёще до сих пор функционируют, некоторые из них сохранили своё функциональное назначение. Многие из школ были реконструированы, некоторые потеряли башни, снесённые после 1930-х годов, но всё же ещё есть примеры земских школ, которые сохранили свою первоначальную архитектуру.

Заключение. Можно сказать, что к началу XX века в земстве сложилась характерная типологическая схема, отражавшая специфику земских школ:

1. Школы подразделялись по количеству классов, где проводились занятия, на одно-, двух-, трёх- и четырёхкомплектные школы.
2. Школьное здание имело помимо классных комнат дополнительные помещения – прихожую, квартиру учителя, помещение для сторожа или библиотеки.
3. В двух-, трёх- и четырёхкомплектных школах между двумя классами устраивались разборные перегородки. Их рекомендовали делать звуконепроницаемыми.

Таким образом, в земском школьном строительстве в Полтавской губернии были реализованы все основные достижения земства в разработке санитарно-гигиенических и объёмно-планировочных норм. Серия земских школ, разработанная О.Г. Сластионом, служили примером для строительства и планировки других земских школ на территории Украины.

Список использованных источников и литературы:

1. Андрійчук Н.М. Початкова народна школа кінця XIX–початку XX ст.: ретроспектива її становлення / Н.М. Андрійчук //ВІСНИК Житомирського державного університету імені Івана Франка: зб. наук. пр. – Житомир, 2006. - № 29. – С. 115-118.

2. Гуз А.М. Культурно-освітня діяльність земських установ в Україні (1864 – 1914 рр.): автореф. дис. … канд. іст. наук : 07.00.01 / А.М. Гуз; Київський університет імені Тараса Шевченка. – К., 1997.- 16 с.

3. Жук В.Н. Наш рідний край: з історії освіти на Полтавщині в дореволюційний період [збірник] / В.Н. Жук, Т.П. Пустовіт. – Полтава, 1991. - №12. – 87 с.

4. Комлев А.А. Типологические аспекты архитектурного проектирования сельских земских школ в Саратовской губернии в конце XIX - в начале XX века / А.А. Комлев // Вестник Саратовского государственного технического университета: научно-технический журнал – Саратов, 2007. - № 2 (24) Выпуск 1. – С. 124 – 127.

5. Мармазова О.І. Просвітницька діяльність земств в Україні (кінець XIX – початок XX століть): автореф. дис. … канд. іст. наук : 07. 00. 01/ О.І. Мармазова; Донец. держ. ун-т. – Донецьк, 1998. – 16 с.

6. Отчёт о состоянии профессиональных учебных заведений Полтавского губернского земства. – Полтава, 1906. – 175 с.

7. Полтавщина: Енциклопедичний довідник / За ред. Кудрицького А.В. – К.: «УРЕ» ім.. М.П. Бажана., 1992. – 1024 с.

8. Сахній М. Зародження земської освіти на Лівобережній Україні в другій половині XIX – на початку XX століть. – Режим доступу: http://elibrary.nubip.edu.ua/10510/1/11sm.pdf. - 06.07.2014.

9. Чепелик В.В. Український архітектурний модерн / Упорядник З.В. Мойсеєнко-Чепелик. – К.: КНУБА, 2000. – 378 с.

Makukha E.V.
makukhaev@ukr.net
PNTU, Poltava, Ukraine

TYPOLOGICAL ASPECTS OF DESIGNING OF ZEMSKY SCHOOLS OF POLTAVA GUBERNIA

Abstract - Article is devoted to problems of architectural design of rural school buildings in the second half of XIX - the beginning of XX century in Poltava province. It is considered the question of school building as part of the “Zemsky” institutions - local authorities. The main types of rural primary schools were established during this period. School buildings were constructed and formed after the rural reform of 1861. The article focuses on structural characteristics, functional planning and volumetric solutions “Zemsky” schools Poltava province. All the basic achievements have been realized in “Zemsky” school construction in Poltava province in the development of sanitary and volume-planning regulations. Series “Zemsky” schools developed serve as an example for the construction and layout of “Zemsky” other schools in the territory of Ukraine.

Keywords: “Zemsky” school, Poltava province, school classes, Ukrainian folk style.

Неудачина М. А., Козыренко С. М.
neudachina.maria@mail.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ЖИЛИЩА

Абстракт - Возникновение коллективного жилища тесно связано с появлением общины и общинного строя. Вместе с эволюцией и развитием общины коллективное жилище преобразовывалось, трансформировалось согласно потребностям новых общинных образований: родовая, соседская, религиозная, сельская, профессиональная, идейная и светская община. Теряя ненужные, атавистические атрибуты, коллективное жилище приобретало новые, что позволяло ему сохранить свои позиции в современном обществе, трансформировавшись в кондоминиумы, жилищно-строительные кооперативы и товарищества собственников жилья (ТСЖ).

Ключевые слова: коллективное жилище, коммуна, община, родовая община, соседская община, религиозная община, кондоминиум.

Ранние формы коллективного жилища. История формирования человеком жилища начинается еще в доисторические времена, когда вместо укрытий в естественном природном ландшафте древние люди стали возводить искусственные сооружения. Индивидуальное и коллективное жилище возникло примерно в одно и то же время, однако коллективная форма стала преобладающей на многие тысячи лет. Это объяснялось различными факторами, например тем, что подобное строение было проще оборонять и отапливать. В таких постройках обычно проживала родовая община – союз, основанный на коллективном труде, потреблении, собственности и общих орудиях труда. Коллективное жилище обычно имело большую площадь и толстые укрепленные стены, не отличалось изысками в планировке. Об их строении и внешнем виде мы можем судить лишь из остатков фундаментов домов, так как большинство строительных материалов, используемых в древности, не были рассчитаны на тысячелетний срок использования.

Самое древнее из известных науке доисторических жилищ человека было обнаружено на юге Франции, около Ниццы, построенное около 150 тыс. лет назад. Это временное жилище в виде шалаша из жердей, вкопанных в землю, и овальной формы в плане было рассчитано на пребывание на одном месте не более чем на десять дней. Такая постройка вмещала в себя большое количество людей, в ее центре находился сложенный из камней очаг. Учитывая, что время строительства данного жилья приходится на период палеолита, можно предположить, что в нем проживала община, ведущая кочевой образ жизни и занимавшаяся в основном охотой и собирательством. Еще одним примером временной постройки может служить жилище родовой матриархальной общины, найденное в селе Костенки, близ Воронежа. Это строение в длину 35 м и в ширину до 16 м, внутри представляло единое, ничем не деленное пространство с 9 очажными ямами по продольной оси [7].

С появлением скотоводства и земледелия быт древних людей изменился, запустился процесс образования классового общества. Люди стали вести оседлый

образ жизни, жилища стали постоянными и более надежными. Появились новые методы и материалы для строительства, численность людей общины возросла благодаря большему количеству пищи и повышению безопасности жизни. Эти факторы привели к трансформации родовой общины в соседскую. Община теперь делилась на семьи с общим бытом, но уже не связанных прямым кровным родством и потому нуждавшимся в отдельной площади для проживания.

Такие изменения повлияли на планировку жилья, основной объем которого членился на комнаты-квартиры, соединенные между собой единым сводом либо проходом. Позже жилища окончательно преобразовались в индивидуальные, оставаясь объеденными лишь хозяйственными постройками и внешней оборонительной стеной.

Одним из примеров неолитических коллективных жилищ является Скра-Брей, возведенный в XX–XVIII вв. до н.э. на острове Мейленд в Великобритании. Это семиквартирный жилой комплекс, сложенный из глыб слоистого гнейса, укрепленный по периметру мусором. Однокомнатные квартирки, из которых состояло строение, имели площадь примерно 10-12 м² и освещались лишь через отверстие в потолке. Маленькие габариты постройки можно объяснить потребностью сохранения тепла внутри и тем, что оборонительная функция на данной территории большого значения не имела [7].

Более сложная организация быта была в поселении Чатал-Хююк, найденном в Анатолии (территория современной Турции). Самый ранний временной слой постройки этого поселения датируется 6500 г. до н.э. Примерно в это же время возник город Иерихон. Это был дом-город, представляющий собой сплошную террасную застройку площадью 150 на 500 м и состоявший из множества отдельных квартирок. Между помещениями не было дверей, в дом-город люди попадали через отверстия для выведения дыма, а во внутреннем пространстве передвигались с помощью лестниц, переходя с террасы на террасу, так как город не имел улиц. Подобная конфигурация делала дом-город почти неприступным для нападающих извне и обеспечивала главное - безопасность жильцов [7].

Спустя примерно 85 веков на другом конце света, в Америке, племя Пуэбло стало использовать в чем-то подобную форму здания. Найденный на территории США, в штате Нью-Мехико, Пуэбло-Бонито представлял собой уже не хаотичный массив из различных по высоте строений, а планировочно- организованный город-дом полукруглой формы с террасами-улицами и общими хозяйственными помещениями в центре. Строение занимало 150 на 87 м, где основной жилой полукруг из террас в ширину был примерно 27 м. В отличие от Чатал-Хююка, помещения внутри этого города-дома сообщались между собой, хотя вход в основные жилища так же производился через отверстие в крыше [7].

В северных лесообильных регионах также существовали коллективные жилища. Наиболее ярким примером является дом-поселок Баркаэр, найденный на территории Дании и датирующийся около 2500 г. до н.э. Он представлял из себя два длинных 26 квартирных дома, стоящих параллельно друг к другу. Между домами пролегала трехметровая в ширину улица с каменным мощением, огражденная с двух сторон воротами [7].

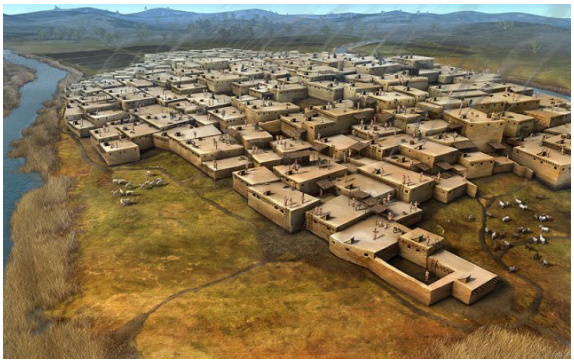


Рисунок 1. Дом-город Чатал-Хююк

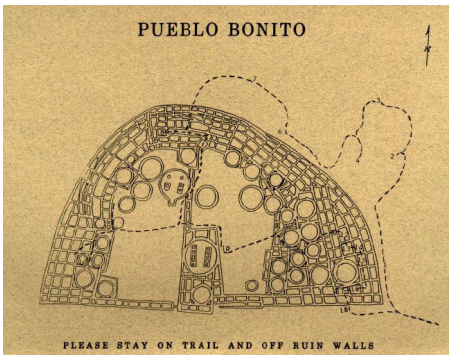


Рисунок 2. Дом-город Пуэбло-Бонито

Коллективные жилища позднего периода. С развитием человеческого общества и с возникновением больших городов родовая община утратила свое повсеместное значение, сохранившись лишь в мало цивилизованных уголках мира, однако соседская община не исчезла. Так крестьянская община в дореволюционной России, сохранилась почти неизменной вплоть до начала XX века. Несмотря на более индивидуальный быт крестьян, земля и множество хозяйственных построек находились в коллективной собственности. Подобные общины наделялись коллективной ответственностью за уплату налогов.

Общество перешло на товарно-денежные отношения, а жилища и быт стали по возможности индивидуальными. Коллективный строй быта не исчез окончательно, приобрел новые черты и был преобразован в другие формы. Теперь людей, собирающихся в общину, объединяло не кровное родство или необходимость в безопасности, а род деятельности, мировоззрение и вероисповедание. Так появились рабочие (профессиональные) и религиозные общины. Подобные общины имели право устанавливать свои внутренние правила, однако учитывать и не противоречить при этом законам государства, на территории которого находилась община.

Профессиональная община формировалась в основном там, где отрасли промышленности могли обеспечить постоянную и устойчивую трудовую занятость. В основном общины имели региональное расположение в зависимости от рода деятельности: угледобычи, судостроения и др. Также возникали общины, не зависящие от регионального фактора, такие как: книгопечатанье, ткачество и ювелирное дело. Один из древнейших примеров подобной общины – община мастеров-строителей царских гробниц. Она была основана в 1584 г. до н.э. и просуществовала до 1071 г. до н.э. на западном берегу Фив, в нынешнем Дейр-эль-Медине (Египет). Основными жилыми постройками этого комплекса являлись секционные дома с базиликальным разрезом. Множество квартир-ячеек, в некоторых случаях даже двухэтажных, располагались с обеих сторон от центрального общего помещения, имевшего более высокий свод, для устройства окон в перепаде высот [7].

Религиозные общины могли исповедовать не только официальную религию. Известно об общинах со множеством иных религиозных течений, это: православные монастыри, католические аббатства, буддийские храмовые общины, индийские ашрамы, общины мормонов, старообрядцев, язычников, молокан, амишей и религиозные секты. Примером наиболее распространенной на территории России религиозной общины является православный монастырь – это комплекс из богослужебных, жилых и хозяйственных построек, чаще всего окруженный

крепостной стеной. Принятое деление на мужские и женские монастыри, не вносило особых различий в состав внутренних построек. Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь, расположенный на Соловецких островах в Белом море возник в 1429-1430 гг. и представляет собой пример мужского монастыря. Его форма в плане напоминает пятиугольник, по периметру обнесенный массивными стенами 8-11 м в высоту и 4-6 м в толщину. В этот храмовый комплекс входят такие постройки как Успенский собор с пристроенной к нему трапезной и келарской палатой, Преображенский собор, Церковь Благовещения, каменные палаты, водяная мельница, колокольня, Николаевская и Троицкая церковь, и несколько хозяйственных построек [5].

Другим примером религиозной общины является монастырь Лабранг, находящийся на территории Ганьнань-Тибетского автономного округа КНР. Комплекс был основан в 1709 году на высоте 2920 м над уровнем моря. На его территории располагается 18 крупных молельных зала, две крупных ступы, библиотека, приблизительно 500 небольших капели и монашеских келий, а так же хозяйственные постройки. Некоторые постройки монастыря были разрушены в годы «культурной революции» Китая, а сведения о них были утеряны. Вдоль стен монастырского комплекса тянется паломническая тропа, вдоль которой расположены мани – молитвенные колеса, высотой до 2,5 м. Община монастыря начитывает около 2000 человек, хотя это не самая большая цифра. До «культурной революции» и упразднения монастыря община насчитывала более 4000 человек [4].

Рисунок 3. Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь

Рисунок 4. Монастырь Лабранг

Коллективные жилища нового времени. С течением времени самосознание человека изменилось, а с ним изменились и порядки в обществе. Взгляды на быт трансформировались, законы стали полнее регламентировать социально-экономическую жизнь человека. Человек отдалился от исторических истоков общества. Сформировалась новая светская идейная община, значительно оттеснив религиозную на второй план. Для нее появился новый термин – коммуна (от лат. communis – общий). Хозяйственную основу коммун составляло обобщение земли, труда и жилища.

Появление коммун нового типа связано с появлением теоретиков нового быта и продвижением их идей в массы. Особо выделялись теоретики утопического социализма, такие как Оуэн и Фурье.

Оуэн выдвигал теорию «рационального» общества, поделенного на

небольшие самоуправляющиеся общины, где все должны были следовать принципам уравнительного коммунизма. Все члены общины имели право на одинаковую пищу, одежду, жилище и воспитание детей. В 1820-е годы, Оуэн осуществил попытку создания подобной общины на территории США, назвав ее «Новая гармония». Однако на практике коммуна быстро обанкротилась, будучи не в состоянии обеспечивать себя самостоятельно.

В середине XIX века была популярна идея другого утопического теоретика – Шарля Фурье. Он считал, что людям необходимо объединятся в фаланги – так называемые социальные общины, где быт и хозяйство становилось общим, а в качестве жилья предполагались огромные дворцы – фаланстеры. Отличительной чертой идеи Фурье являлось то, что общность собственности не отменяла собственности частной. Все финансовые доходы предполагалось делить между членами сообщества, также была возможность делать личные накопления. Любой член общины мог выкупить пай в фаланге, приобретя статус полноправного собственника [9].

На основе данных теорий было создано несколько подобных коммун на территории США и Англии, но, после непродолжительных успехов, воплощение этой идеи на практике окончилось провалом и разорением. В России же, после свершившейся революции 1917 года, идеи коммунизма стали основными и были тесно связаны с целями государственной политики. Начали возникать новые коммуны, как стихийно, так и под эгидой предприятий. Важно заметить, что в условиях послереволюционной разрухи коллективизм становился не столько вопросом идеологии, сколько вопросом выживания. Быт обобществлялся полностью. В экономическом плане: от 40 до 100% заработка шли в общую казну, откуда деньги распределялись согласно нуждам членов коммуны.

Идеи коллективизма сильно повлияли и на принципы формирования жилища. Появились абсолютно новая архитектурная концепция – дома-коммуны. «Типовое положение о доме-коммуне» (1928 г.) предписывало жильцам отказ от накопления мебели и предметов быта, предполагало коллективное воспитание детей, стирку, уборку и приготовление еды и т.п. По составу такой дом представлял собой объединенные индивидуальные квартиры и коммунальные учреждения, такие как: бани, аптеки, клубные залы, библиотеки, ясли, кулинарии и гаражи. Но к концу 30-х годов двадцатого века практика домов-коммун была осуждена специальным постановлением ЦК ВКП(б), уступив свое место идеи коммунального жилья, которое, в свою очередь, начало сдавать свои позиции к началу 1950-х годов [1].

Период 1920-х годов в России был эпохой всевозможных социально-экономических экспериментов. Новые формы общин и коммун, артелей и кооперативов получили возможность развития за этот небольшой временной промежуток. Но утопические теории коммунизма прижились не везде, а идея коллективного владения и управления собственностью не потеряла своей актуальности до настоящего времени. Возникло понятие кондоминиум – совместное владение единым объектом, домом или иным недвижимым имуществом. В этом случае уже не идет речь о полном обобществлении быта, но принцип коллективного проживания остается тот же. Появились жилищные кооперативы. Различных исторических и юридических примеров кондоминиума в мире существует множество: это и территориальные сообщества жителей в Канаде и США, синдикаты во Франции, строительные союзы Германии и квартирные акционерные общества в Финляндии [3].

В России в 1920-е годы, наряду с домами-коммунами, появились и другие формы коллективного жилья – жилищно-строительные кооперативы (ЖСК). В послереволюционное и послевоенное время множество людей объединялись в подобные строительные кооперативы, с целью строительства жилья и впоследствии управления им. Такое жилье строили за счет пайщиков, которые, в свою очередь, получали под строительство от государства ссуду на срок до 20 лет. Иногда для ускорения строительства сами будущие жильцы создавали строительные бригады и лично участвовали в строительстве. Чем-то схожи с ЖСК и современные товарищества собственников жилья (ТСЖ), правда в его целью является не строительство жилья как такового, а самоуправление построенными или существующими многоквартирными домами [2].

Заключение. Перенеся сильные трансформации и преобразования, институт общины, а с ним и коллективное жилище, по-прежнему существует и развивается. Общинные жилища возникли многие тысячелетия назад в ответ на потребности эволюции, среды, демографии, культуры и экономики. Из века в век коллективное жилище подстраивалось под изменения общинного строя, меняясь конструктивно, планировочно и функционально, приобретая отличительные атрибуты, свойственные только этой форме жилища, и заимствуя новые, ранее не встречающиеся аспекты индивидуального жилища. Сегодня, в итоге, общинное жилище представляет собой симбиоз коллективно-индивидуального быта.

Список использованных источников и литературы:

1. Википедия, статья «Дом-коммуна». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дом-коммуна (дата обращения: 17.12.2014)
2. Википедия, статья «Жилищно-строительный кооператив». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Жилищно-строительный_кооператив (дата обращения: 17.12.2014)
3. Википедия, статья «Кондоминиум». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кондоминиум (дата обращения: 17.12.2014)
4. Википедия, статья «Лабранг» // https://ru.wikipedia.org/wiki/Лабранг (дата обращения: 17.12.2014)
5. Википедия, статья «Соловецкий монастырь». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Соловецкий_монастырь (дата обращения: 17.12.2014)
6. Википедия, статья «Товарищество собственников жилья». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Товарищество_собственников_жилья (дата обращения: 17.12.2014)
7. Гинзберг Л.А., Спешилова Е.С. - История развития архитектуры жилища от неолита до эпохи возрождения, Екатеринбург, 2009 г.
8. Жилищные и градостроительные принципы, традиции, концепции и подходы // РДБ. URL: http://www.rusdb.ru/dom/researches/town-planning_principles/ (дата обращения: 17.12.2014)
9. История общин и коммун // RevBel.ORG. URL: http://revbel.org/2013/03/istoriya-obshhin-i-kommun/ (дата обращения: 17.12.2014)
10. Милютин Н. А. – Соцгород - Берлин, 2008 г.
11. Новое Литературное обозрение – Советский дом-коммуна: границы тела. URL: http://www.nlobooks.ru/node/2118 (дата обращения: 17.12.2014)

Neudachina M. A., Kozyrenko S. M.
neudachina.maria@mail.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

HISTORY OF COLLECTIVE HOUSING

Abstract - The emergence of collective housing is closely linked with the emergence of community and community building. Together with the evolution and development of the community collective dwelling was converted, transformed according to the needs of the new community education: gender, neighbor, religious, rural, professional, ideological and secular community. Losing unnecessary, atavistic attributes, collective housing to buy new, which allowed him to maintain its position in modern society, transformed into condominiums, building society and homeowners' associations.

Keywords: collective housing, commune, community, tribal community, neighborhood community, religious community, condominium.

Нечаева А.Ю, Горнева О.С.
arsinia@bk.ru, hjule@yandex.ru
УралГАХА, Екатеринбург, Россия

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ «МОЛОДЁЖНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ» В СОСТАВЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА АРХИТЕКТОРОВ

Абстракт – Статья посвящена Молодежному объединению архитекторов Свердловской организации Союза архитекторов России. Целью было выявление потенциала Молодежной организации архитекторов, предложение методов работы и практических рекомендаций по реорганизации ее деятельности.

В работе выявлен ряд проблем в архитектурном и градостроительном проектировании Екатеринбурга в начале XXI века, определена сфера деятельности административных структур, управляющих архитектурным процессом.

Изучены принципы формирования и работы профессиональных общественных архитектурных организаций в России с начала XX века на примере Свердловской организации Союза архитекторов, а также выявлены актуальные проблемы данной организации.

Предложен план реорганизации Свердловской организации Союза архитекторов России (СО САР), предполагающий развитие Союза в трех направлениях:

- включение Союза в процедуру согласования проектов;
- популяризация архитектурного процесса среди населения и повышение престижности профессии архитектор;
- активизация деятельности СО САР по средствам реорганизации Молодежного отделения.

Изучены принципы формирования молодежных организаций в России в начале XXI века и выявлены наиболее востребованные среди молодежи направления работы современных молодежных объединений.

В итоге предложены рекомендации для реорганизации Молодежного отделения Свердловской организации Союза архитекторов с перспективой развития Союза, разработана структура «Молодежного объединения архитекторов» (МОА) и определены его центральных программы.

Ключевые слова: общественная профессиональная организация; Союз архитекторов; молодежное объединение; реорганизация; развитие.

1. Проблемы градостроительного и архитектурного развития Екатеринбурга в начале XXI века. На сегодняшний день в Екатеринбурге существует ряд проблем архитектурного процесса, среди которых можно выделить следующие:

- отсутствие административного аппарата регулирования застройки, несогласованность действий застройщиков, а также дефицит свободных строительных площадок провоцируют уплотнение застройки и появление новых сооружений, часто не гармонирующих с уже сложившейся застройкой;
- зависимость архитектора от крупного девелопера приводит к строительству огромных, похожих друг на друга зданий и целых кварталов. Влияние коммерции на строительство приводит к упразднению эстетических параметров в архитектуре;
- коммерциализация архитектуры приводит к переизбытку зданий использование наиболее прибыльно (торговые центры, офисные здания и пр.);
- «атомизированность» архитектурного сообщества.

Общеизвестен факт, что, ошибки градостроительного процесса могут привести к катастрофическим результатам. Неграмотное вмешательство в структуру города, в его естественные процессы развития и функционирования может изменить его самобытный образ. Отсутствие контроля над архитектурной жизнью приводит к хаотизации среды, нарушению структуры и функций тех или иных территорий.

2. Организации, регулирующие архитектурный процесс Екатеринбурга. Около 90% объектов строится сегодня на частные деньги, сообразно с вкусовыми предпочтениями и финансовыми возможностями заказчика. Однако любое строительство изменяет городскую застройку и потому, так или иначе, регулируется муниципальными организациями, такими как «Департамент архитектуры, градостроительства и регулирования земельных отношений г. Екатеринбурга» [2], «Министерство строительства и развития инфраструктуры Свердловской области» [3], Градостроительный совет. Анализ структур и перечня деятельности данных регулирующих архитектурную жизнь города организаций показал, что они не могут полностью охватить все вопросы архитектурного процесса, в частности проблемам объемного проектирования и художественной выразительности архитектуры уделяется крайне мало внимания.

В связи с этим были сделаны выводы о необходимости налаживания работы архитектурной организации, способной решить те проблемы градостроительного и архитектурного проектирования, которые не входят в область деятельности существующих надзорных организаций.

3. Деятельность Свердловского отделения Союза архитекторов в XX – начале XXI века. В недавнем прошлом в архитектурной жизни Свердловска принимало активное участие Свердловское отделение Союза архитекторов СССР (СО СА СССР), помогая в решении проблем архитектурного процесса, находящихся вне сферы действия надзорных и управляющих организаций, способствуя повышению эстетических качеств городской застройки и поддержке, и воспитанию молодых специалистов-архитекторов [1, с.5].

Целью Союза было содействие развитию архитектуры города и области. Союз стремился к формированию полноценной среды для комфортной жизни горожан, старался сохранить исторический образ Свердловска, при этом возводя на улицах города оригинальные здания, отвечающие тенденциям времени и современным потребностям города, гармонично сочетая их с типовой жилой застройкой, на фоне которой индивидуальные постройки воспринимались еще более эффектно.

Союз архитекторов участвовал в создании и развитии системы правил и стандартов в области архитектуры и градостроительства, контролировал их соблюдение и защищал общество от вмешательства непрофессиональных действий в этой отрасли. Помимо этого члены союза занимались изучением истории развития архитектуры в России, анализировали и оценивали состояние современной российской и мировой архитектуры и градостроительства, пропагандировали отечественный и мировой опыт, тем самым повышая в обществе авторитет и значимость профессии.

На сегодняшний день Свердловское отделение Союза архитекторов практически не участвует в архитектурном процессе Екатеринбурга, однако, восстановление его функций, возможно, позволит решить ряд существующих проблем:

- сделать внедрение новой застройки менее враждебным по отношению к сложившейся среде;
- ввести определенные требования к вновь возводимой застройке и критерии ее оценки с целью обогащения ее художественности;
- объединить архитектурное сообщество;
- восстановить преемственность архитекторов;
- создать композиционное единство городской архитектуры благодаря коллективному мнению профессионалов;
- повысить качество знаний и уровень подготовки молодых архитекторов;
- популяризировать архитектуру и профессию архитектора;
- вернуть архитектуре статус искусства в глазах обывателя.

Для достижения этих целей и возобновления деятельности Союза архитекторов необходимо двигаться в трех направлениях:

1. Сверху – от административного аппарата: необходимо включить Союза архитекторов в процедуру согласования проектов нового строительства и документировать его функцию как экспертной организации, заключение которой требуется для проектирования значимых для города объектов.

2. Снизу – от общественности: СО САР должен при помощи средств массовой информации, печатных изданий, проведения выставок, лекций и мастер-классов, открытых заседаний и выступлений пробудить в обществе интерес к архитектурным процессам и стимулировать участие в них, знакомить жителей города с последними достижениями в области архитектуры и строительства, привить архитектурный вкус обывателю.

3. Изнутри – внутреннее развитие Союза: для того что бы вести динамич-

ную и стабильную работу, идти в ногу со временем, эффективно исполнять свое предназначение организация нуждается в квалифицированных, целеустремленных и активных профессионалах.

Для активизации деятельности СО САР в архитектурной жизни города и решения ряда обозначенных проблем архитектурного процесса основной задачей становится реорганизация Молодежного отделения Союза, где начинающие архитекторы могли бы общаться, делиться друг с другом новыми идеями, проводить встречи с профессионалами, включаться в работу архитектурного сообщества, а в дальнейшем принять архитектурную эстафету у своих учителей.

4. Молодежные организации в России в период XX – XXI веков. Одна из главных особенностей психологии молодежи – стремление к объединению со своими сверстниками. Развитие личности на этом возрастном этапе должно привести его к новой ступени социализации, позволить обрести независимость от взрослых. В группе по интересам вырабатываются и апробируются навыки социального взаимодействия, умение подчиняться коллективной дисциплине и в то же время отстаивать свои права, соотносить личные интересы с общественными, умение завоевывать авторитет и занять желаемый статус [6].

Важными составляющими молодежных организаций являются:

- разнообразие направлений и гибкость к изменениям интересов молодежи;
- эмоциональная насыщенность: творческий подъем, ощущение братства;
- имитация реальных жизненных процессов общества;
- оптимальное сочетание общих интересов и возможностей для творческой самореализации каждого.

Сегодня под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

Для создания жизнеспособной молодежной организации, имеющей силы и возможности оказывать поддержку молодежи и влиять на процессы развития общества и города, был произведен анализ различных аналогов – ныне существующих молодежных объединений, изучена их жизнь и деятельность, рассмотрены их ошибки и достижения.

Для аналитической работы выбраны три молодежных объединения:

- УО МОО «МИЦ», Молодежный инициативный центр;
- МОХ ТСХР, Молодежное объединение творческого Союза художников;
- РСО, Российские студенческие отряды.

Организации были выбраны не случайно: несмотря на общую основную деятельность молодежных объединений, каждое из них имеет свои особенности, более узкое направление работы.

Так, программы МИЦ в большей мере направлены на объединение молодежи по интересам, раскрытие лидерских способностей и работу в команде, налаживание контактов со сверстниками, формирование у всех членов МИЦ способности к взаимопомощи, поддержке, взаимодействию и взаимопониманию, проведение различных тренингов, приобретение дополнительных знаний и наработку навыков, а также содействие воспитанию молодёжи на общечеловеческих гуманистических принципах. Каждый вступивший в Молодёжный инициативный центр сам иниции-

рует постоянное развитие организации и содействует ему, определяет направление своей деятельности и помогает руководителям организации [5].

МОХ – творческое объединение, и вся его деятельность ограничена сферой искусства и вопросами, к ней примыкающими. Основная деятельность МОХ направлена на развитие творческого потенциала молодых художников, их самореализацию, а также популяризацию профессии в обществе [4].

Ведущими направлениями деятельности РСО являются повышение уровня профессионализма молодых людей, наработка специализированных навыков, профессиональная адаптация и включение в работу над проектами, направленными на развитие страны [6].

На сегодняшний день все рассмотренные организации востребованы среди молодежи и активно ведут свою деятельность.

5. Развитие потенциала «Молодежного объединения» Свердловской организации Союза архитекторов России.

Для создания «Молодежного объединения архитекторов», было необходимо скорректировать направления работы структуры с учетом специфики целевой аудитории, то есть начинающих архитекторов. Для этого был проведен социологический опрос среди студентов старших курсов и выпускников двух последних лет Уральской государственной архитектурно-художественной академии. В опросе приняли участие пятьдесят молодых специалистов-архитекторов. Основными задачами соцопроса было выявить:

- основные проблемы в профессиональной сфере, с которыми сталкиваются студенты и выпускники-архитекторы;

- основные потребности начинающих специалистов для профессиональной реализации.

На основе анализа молодежных объединений, ведущих активную деятельность в работе с молодежью, и данных социологического опроса начинающих архитекторов были выдвинуты предложения и рекомендации по реорганизации Молодежного объединения архитекторов Свердловской области.

Молодёжное объединение архитекторов – это Свердловская областная молодёжная общественная, не правительственная и не политическая организация.

Молодёжное объединение архитекторов – добровольная и самоуправляемая организация, сообщество людей, объединенных общими профессиональными интересами. В МОА входят школьники, студенты и работающая молодёжь из разных районов Свердловской области.

Молодёжное объединение архитекторов – это молодая и амбициозная команда профессионалов своего дела, которые объединились, чтобы реализовать свои идеи.

Деятельность Молодёжного объединения архитекторов заключается в реализации пяти своих центральных программ (рис.1):

- программа «Я архитектор»: развитие и повышение профессиональных качеств и навыков среди молодых архитекторов;

- программа «Вместе»: это систематическая деятельность по популяризации архитектуры среди общественности в Свердловской области, создание информационного пространства (работа со школьниками, студентами, обществом, организация собственных структур СМИ и сотрудничество с существующими органами общественной информации), проведение открытых для всеобщего доступа мero-

приятий, направленных на освещение и раскрытие архитектурных процессов города, области, России и мира;

- программа «Творец»: поддержание, развитие и возможность реализации творческого потенциала архитекторов;

- программа «Право»: комплекс мероприятий по правовому просвещению молодых архитекторов.

Разработанные предложения по реорганизации Молодежного отделения Свердловской организации Союза архитекторов России направлены на повышение уровня подготовки молодых архитекторов-специалистов, привлечение внимания профессионалов и общества к существующим проблемам градостроительного и архитектурного проектирования и, в итоге, к развитию и совершенствованию архитектуры Екатеринбурга, повышению художественно-выразительных и эстетических характеристик застройки.

Рекомендации могут быть использованы региональными организациями САР для повышения эффективности работы основного и молодежного отделений с учетом особенностей и потребностей каждого региона.

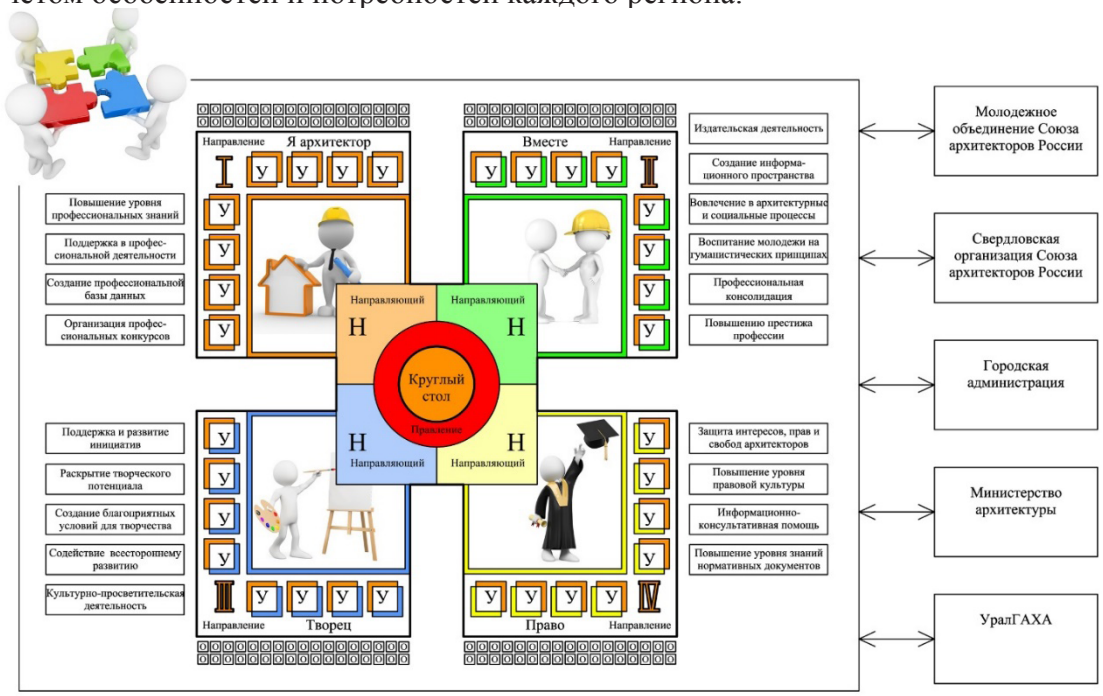


Рисунок 1. Структура «Молодежного объединения архитекторов» на базе Свердловской организации Союза архитекторов России

Заключение. Обоснованы необходимость и возможность реорганизации «Молодежного объединения» (МО) как общественной профессиональной организации архитекторов-специалистов, активно участвующей в современных градостроительных и архитектурных процессах Екатеринбурга. Проведенный анализ деятельности молодежных организаций позволил предложить рекомендации для реорганизации Молодежного отделения Свердловской организации Союза архитекторов России для современных условий с дальнейшей перспективой развития Свердловской организации Союза архитекторов России, разработана структура «Молодежного объединения архитекторов», а также определены четыре центральных программы «МОА».

Список использованных источников и литературы:

1. Вилесов, А.И. О возникновении, становлении и развитии общественной творческой организации свердловских архитекторов. 1923-1961 годы. / А.И. Вилесов. – Екатеринбург. : Tatlin, 2010. – 128с.
2. Департамент архитектуры, градостроительства и регулирования земельных отношений г.Екатеринбурга [Электронный ресурс].–Режим доступа: http://www.eguar.ru/default.aspx
3. Министерство строительства и архитектуры Свердловской области [Электронный ресурс] // UralStroyInfo. – Режим доступа: http://uralsroyinfo.ru/?id=17.
4. Молодежное объединение творческого Союза художников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tshr.msk.ru/.
5. Молодежный инициативный центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ulmic.ru/.
6. Психолого-возрастные аспекты молодежного и детского общественного движения [Электронный ресурс] // Поддержка в интернете университетских проектов Алексея Дедова. – Режим доступа: http://dedovkgu.narod.ru/org/org01.htm.
7. Российские студенческие отряды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.shtabso.ru/.

Nechaeva A.U., Gorneva O.S.
arsinia@bk.ru, hjule@yandex.ru
USAAA, Yekaterinburg, Russia

DEVELOPMENT POTENTIAL OF THE «YOUTH ASSOCIATION» AMOUNT OF SVERDLOVSK FOUNDATION OF THE UNION OF ARCHITECTS

Abstract - The work is devoted to the Youth association of architects of the Sverdlovsk foundation of the Union of architects of Russia. Purpose of this research was to identify potential of the Youth association of architects, to propose the work methods and practical recommendations for the reorganization of their activity.

In this study were investigated some issues in architectural and town-planning design of Yekaterinburg at the beginning of XXI century, defined the sphere of activity of the administrative organizations managing an architectural process.

Principles of forming and work of the professional social architectural organizations in Russia from beginning of XX century were studied on the example of Sverdlovsk foundation of the Union of architects, also actual issues of this organization were revealed.

Proposed the plan of reorganization of the Sverdlovsk foundation of the Union of architects, supposing the development of the Union in three directions among which the main proposed reorganization of the Youth association.

Were studied the principles of forming of youth organizations in Russia at the beginning of XXI century and investigated the most popular among the youth directions of work of the modern youth unions.

In summary were offered recommendations for reorganization of the Youth association of architects of the Sverdlovsk foundation of the Union of architects with the prospect of development of Union were developed Regulation and structure of the «Youth union of architects» and defined the general programs of it.

Keywords: professional social architectural organizations; Union of architects; Youth association; reorganization; development.

Павлович В. И., Шангареев Р. Р.
laskowasarna@gmail.com
МАСИ, Москва, Россия

СОХРАНЕНИЕ УСАДЬБЫ МИХАЛКОВО КАК ОБРАЗЦА МОСКОВСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ В НЕОГОТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

Абстракт - Статья посвящена проблематике сохранения исторического и архитектурного пласта г. Москвы: городским усадьбам XVIII века. В ходе летней практики проведено исследование усадьбы Михалково. Статья раскрывает: историю создания усадьбы, периоды расцвета и упадка, описано композиционное решение усадьбы, большое внимание уделено архитектурным объектам и малым архитектурным формам.

Усадьба выполнена в стиле русской неоготики, поэтому выдвинуто предположение, что авторство комплекса принадлежит В. И. Баженову.

Ключевые слова: XVIII век, Екатерининская эпоха, городская усадьба, Михалково, беседка-ротонда, Баженов В. И.

Введение. Русская неоготика, как предромантическое направление развилось в русской архитектуре в период правления Екатерины II. Направление свободно объединяла атрибуты московского барокко, европейской готики, и архитектурные дополнения мастеров этого стиля. Часто, архитектура этого периода была заполнена символикой масонского ордена.

Русская готика, после кончины Екатерины II, стала развиваться параллельно с неоготическим направлением архитектуры Западной Европы. В отличие от неоготики, русская готика, мало имеет общих соприкасаемых с зодчеством средних веков. Есть предположение, что архитектор В. И. Баженов при сооружении Царицынского дворца, примерно начиная с 1776 года, изобрел стиль русской готики. В своих творениях Баженов использовал красный кирпич и белокаменные детали. Внешний вид таких построек напоминает Московский Кремль, сооружения усадьбы Михалково, в таком стиле построены церкви Нарышкинского барокко

Цель работы. Анализ и изучение объектов усадьбы Михалково: реконструкция истории усадьбы и его окрестностей в XVIII веке, выявление персоналий связанных с усадьбой и событий, которые происходили. Раскрыть архитектурную природу места в прошлом и настоящем. Описать и проанализировать архитектурные объекты и малые архитектурные формы.

Особое внимание, уделено планировочной композиции усадьбы, рассмотрены формы, характерные для архитектурных сооружений Екатерининской эпохи. Проанализировано развитие предромантического направления русской готики. Опираясь на данные, полученные в результате исследования, проведенного во время проектно-изыскательской практики и исследовательских обмеров некоторых объектов усадьбы Михалково, прослежен путь от первых упоминаний о ней до настоящего времени.

1. История усадьбы. Впервые, упоминание об усадьбе Михалково встречается в 1584 году. «В писцовой книге 1585-1586 годах это место записано как «пустошь, что была деревня Михалково» [1,с.6], входит в состав «Ховринской вотчины сына Третьяка Семена Фомина» [2,с.8]. Позднее, поместье принадлежало дворцовому ведомству и записано на Новгородского служащего Загоскина Антона Павловича. Михалково в 1623 году становится деревней.

За самоотверженную службу в органе управления по борьбе с преступностью - в Разбойном приказе Дашков Ивана Иванович был награжден земельным наделом.

Поместье Михалково становится его собственностью в середине XVII века. В последующем, вплоть до его продажи, поместье принадлежит его семье. Как было указано в документе экономические примечания 1766 года, что «сельцо Михалково числиться за князем Михаилом Ивановичем Дашковым, служившим посланником в Константинополе и начальником вспомогательного отряда в Польше» [3,с.14]. Основная работа по облагораживанию усадьбы были проведены в период владения Дашковым. На месте регулярного парка был посажен сад с плодовыми деревьями, выкопаны пруды для полива и декоративного характера, позже, пруды были переделаны в каскадные. Господский дом сооружен из дерева и расположен на суходоле. Особняк окружен несколькими крестьянскими дворами. На возделываемой крестьянами земле выращивались зерновые культуры, рос ячмень, овёс, рожь. В прудах водилось много рыбы.

Дашкова Екатерина Романовна была женой князя. Она была родом из привилегированной знати Воронцовых. При свершении Екатериной II государственного переворота, восемнадцатилетняя Екатерина Романовна Дашкова была ее близкой помощницей. Дашкова руководила Российской и Петербургской академиями. После смерти ее мужа, Екатерина много времени проводила в поместье со своими детьми. Екатерине был назначен опекун, находящийся в родстве с покойным мужем - граф Панин Никита Васильевич. Само имение было в плачевном состоянии, требующем больших капиталовложений. Екатерина Романовна решает продать имение своему опекуну. После выплаты всех долгов в 1769 году, Дашкова планирует уехать со своими детьми за границу. Она берёт псевдоним Михалкова и покидает страну.

Граф Панин служил в Петербурге канцлером, много время уделял службе Отечеству, поместье Михалково он наведывал редко. Брат Никиты Васильевича, прославленный взятием турецкой крепости Бендеры в 1770 году, генерал-аншеф Петр Иванович, изъявил желание приобрести Подмосковное сельцо, выменяв его на земли Малоярославской вотчины. Петр Иванович использует поместье как летнюю резиденцию.

2. Планировочное решение усадьбы. Основой планировочной композиции усадьбы, является полукруглый парадный двор, обнесенный каменной оградой с двумя включенными в неё служебными корпусами, и тремя парами псевдоготических въездных башен к которым примыкал липовый парк, с двумя прудами. Сегодня, эти пруды называются Головинскими.

С 1780 по 1784 идет строительство каменной усадьбы и парадного двора, образованными крепостными стенами и башнями, которые были пристроены к деревянному дому построенному ранее. Усадебный комплекс поражал глубиной замыслов и изящностью форм.

Композиционное решение усадьбы Михалково построено на принципах регулярных парков. Продольная ось подъездной аллеи закреплена полуциркульным парадным двором, в глухую ограду которого были встроены дом с боковыми флигелями и три пары въездных башен. За домом был разбит партер, а на берегу запруженной речки Лихоборки – обширный пейзажный парк с прудами (Рис.1).

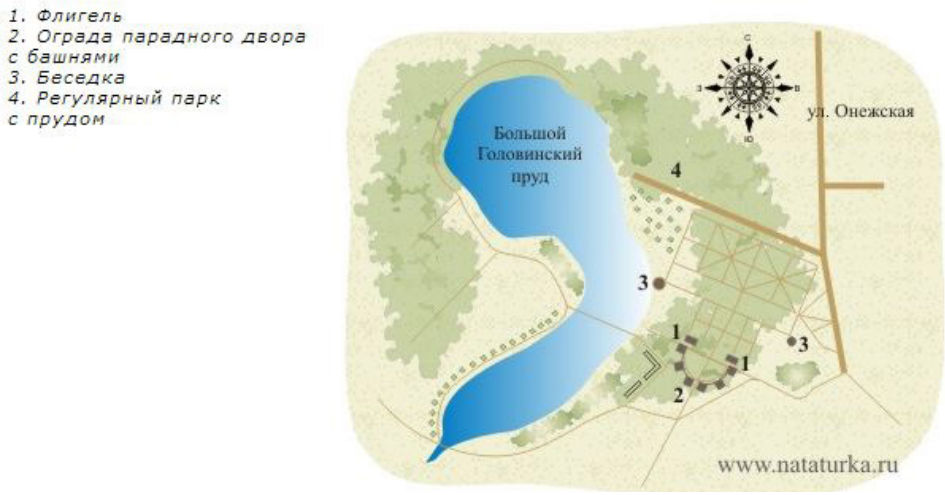


Рис. 1. Композиционное решение усадьбы Михалково (источник: www.nataturka.ru)

3. Усадебные объекты. Парадные ворота усадьбы, в которые въезжали посетители, располагаются на юго-востоке. И сегодня парадный вход восхищает въездными башнями красивыми силуэтами с белокаменными фиалами и стрельчатыми арками (Рис.2). Верхняя часть ворот украшают кокошники белокаменные полумесяцы и пинали. Далее служебный корпус, мотивы украшений повторяют заданный характер оформления башен въездных ворот усадьбы.

Рис. 2. Восточные ворота усадьбы

Сохранилось здание клуба фабрики им. Петра Алексеева. Правее въездных ворот на площади находится клуб фабрики (Рис.3). Объект построен в форме конструктивизма 1928 года. Над проектом работал архитектор Л.А.Веснин. В настоящее время, подобные сооружения сохранились в редких экземплярах. Современный вид, здание обрело в 1982 году, когда его перестроили, облицевали песчаником.

Рис. 3. Суконная фабрика имени Петра Алексеева и клуб

Сохранилась высокая каменная стена посередине западных ворот и юго-западным флигелем. Стена носила не оборонительный характер, а скорее декоративный. Стена красиво декорирована рустом со стороны двора, аркадой и поясом треугольников, которые были полностью восстановлены в 2006 году (Рис.4).

Рис. 4. Стена между юго-западным флигелем и западными воротами

Башни западных ворот имеют грациозный вид, благодаря тому, что стоят на высоком фундаменте, впечатление дополняет мощная кирпичная ограда. (Рис.5)

Рис. 5. Западные ворота

На северо-западной территории парадного двора расположены пара жилых флигелей, которые относятся к самым старым постройкам Михалково. Флигели сохранили красоту, по замыслу архитектора украшены рустованными ризалитами. Время строительства флигелей не известно, но ясно точно, что они построены в более ранний период относительно «дашковского» периода (Рис. 6).

Рис. 6. Жилой флигель

На территории усадьбы находилась, ныне утраченная парковая постройка – павильон – ротонда. Это была своеобразная портретная галерея. Ротонда была украшена бюстами семьи графа Панина. Бюсты знатного рода Паниных были изготовлены из мрамора. Это была фамильная галерея в камне. Некоторые сохранившиеся скульптурные произведения находятся в Государственной Третьяковской галерее.

К сохранившимся постройкам парковой архитектуры, относятся две уцелевшие от времени беседки-ротонды. Беседки расположены по главной линии парка по сторонам. Одна беседка-ротонда являлась пристанью (Рис. 7). Время постройки, указанное в реестре памятников города Москвы датируются 1773 - 1776 годами. «В отличие от основных построек, в облике беседок преобладают барочные черты, а формы, по общей композиции, восходят к знаменитому памятнику Лисикрату в Афинах (334 г. до н.э.). Храм-ротонда крайне типичен для английского ландшафтного парка, исключительно редко встречается этот тип сооружения в более старых регулярных французских садах, где, подчиняясь закону симметрии. В Михалково он повторяется в симметричных архитектурно-планировочных точках» [4,с.39]

Рис. 7. Беседка-ротонда

Заключение. Усадьба Михалково, является объектом русской готики, с выраженными архитектурными деталями в строениях, свойственных стилю той эпохи. Сейчас, Михалково располагается в населенном районе, застроенном жилыми домами, так называемом районе «Головинский». Район быстро растет и развивается, в нем успешно реализуются государственные проекты. Вблизи, планируется построить подвесную железную дорогу, ведущую в Шереметьево-Сити, рядом

планируют построить Третье транспортное кольцо для улучшения транспортной ситуации вокруг Москвы. Конечно же, для удобства и большей доступности, непосредственно возле входа на территорию усадьбы будут сделаны остановочные пункты. Создание зеленой зоны отдыха лежит в основе градостроительной концепции воссоздания и реконструкции самой усадьбы и прилегающих территорий.

Все эти годы, продолжает оставаться открытым вопрос о необходимости Государственной поддержки недопущения ее разрушения, ввиду нормативных и бюрократических проволочек, а в дальнейшем и воссоздании усадьбы. Усадьбу Михалково необходимо реставрировать не только для сохранения архитектурного комплекса русской неоготики, но и для сохранения такого культурного пласта как московская городская усадьба XVIII века.

Список использованных источников литературы:

1. Бусева-Давыдова И. Л., Нащокина М. В. Архитектурные прогулки по Москве. М., 1998.
2. Греч, А. Н. Венок усадьбам / А. Н. Греч // Памятники Отечества. – 1995. – № 32.
3. Злыгостев, Ю. П. Век нынешний и век минувший : Рассказы рабочих суконной фабрики им. Петра Алексеева / Ю. П. Злыгостев. – М., 1937.
4. Крылова, Г. Я. Усадьба XVIII века в “Михалково” / Г. Я. Крылова // Лесной вестник. – 2000. – № 5.
5. Романюк, С. К. По землям московских сел и слобод / С. К. Романюк. – М. : Сварог и К, 1999. – ч. 2.

Pavlovich V. I., Shangareev R. R.
laskowasarna@gmail.com
MACI, Moscow, Russia

PRESERVATION ESTATE MIHALKOVO AS A MODEL OF MOSCOW NEOGOTHIC NOBLE ESTATE

Abstract - Paper is devoted to the preservation of historical and architectural formation of Moscow: urban estate of XVIII century. The investigation of the estate Mikhalkov was during the summer internship. The article reveals: history of creation the estate, the periods of prosperity and decline, described compositional decision of the es-tate, much attention is paid to architectural objects and small architectural forms. The estate is made in the style of Russian neo-Gothic that is why suggested that the author of the complex is the V.I. Bazhenov.

Keywords: XVIII century, the era of Catherine, urban estate, Mihalkovo, arbor-rotunda, Bazhenov V. I.

Петунина Т. Ю., Шипицына О. А.
tegarchitect@gmail.com; oshipits@usaaa.ru
УралГАХА, Екатеринбург, Россия

ОТКРЫТЫЕ ГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВА: ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ИСТОЧНИКИ ХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Абстракт – В статье в виде теоретического обобщения приведен обзор основных источников, в которых может содержаться информация об открытых городских пространствах, указан тип данных, содержащихся в том или ином виде ресурса. Основным положением, объединяющим рассмотренные работы в одну группу, является их доступность широкому кругу пользователей, что предполагает их использование пользователями с различным уровнем подготовки в области поиска данных. Анализ информации осуществлен для традиционных и электронных форм изданий, их совокупное рассмотрение позволило сделать вывод, что при поиске данных и их последующем использовании большее значение имеет не форма хранения информации, а способ ее систематизации. Изученный материал носит территориальный окрас, так как в нем приводятся ссылки на информационные ресурсы о г. Екатеринбурге.

Ключевые слова: информация; поиск; открытое городское пространство; традиционные источники; электронные источники.

1. Вопросы поиска информации. Неоспоримым преимуществом современной профессиональной деятельности в сфере архитектуры является доступность информации. Действительно, сегодня не отходя от рабочего места можно получить необходимый набор знаний и данных, которые способствуют развитию профкомпетентности и могут положительно повлиять на качество проектируемого продукта. Однако определенные слои важной информации по-прежнему остаются скрыты от широкой публики. Это главным образом относится к научно-исследовательским материалам, что отчасти и формирует барьер, существующий между архитектурной теорией и практикой. Поэтому важно поднимать вопросы о доступности и систематизации информации и работать в этом направлении. В данной статье на примере открытых пространств г. Екатеринбурга рассмотрена степень пользовательской обеспеченности информацией, представляющей исследовательский интерес в данной области.

За долгое время формирования среды Екатеринбурга был накоплен большой объем информации, так или иначе затрагивающей различные аспекты исследования открытых пространств города. Представлена она в целом массиве разнообразных источников, что существенно усложняет поиск необходимых данных и требует значительных временных затрат. Кроме того, процесс поиска информации часто оказывается сопряжен с определенным количеством проблем, которые могут быть связаны с двумя группами причин: во-первых, с неумением пользователя осуществить информационный поиск, во-вторых, с объективной нехваткой информации [5]. Порой для того, чтобы найти нужные данные, пользователь должен обладать

определенными навыками, знанием путей их поиска, в особенности, если дело касается неопубликованных сведений: научно-исследовательских отчетов, научных обзоров, архивных документов, личных фондов, художественных коллекций и т.п. Из-за чего большое количество информации часто оказывается недоступно широкому кругу пользователей и так и остается не примененным в практической деятельности специалистов. Поэтому определенную ценность сегодня имеет развитие направления популяризации исследовательских данных, выраженное в наиболее распространенных формах хранения информации, поиск которых может быть осуществлен в сжатые сроки при помощи общеизвестных методов, пользователями с различным уровнем подготовки.

Обзор общедоступных источников хранения информации об открытых пространствах, проведенный в рамках исследования городских пространств Екатеринбурга, позволил выявить наиболее содержательные пути поиска информации, хранящейся как в традиционной, так и в электронной формах.

2. Традиционные источники хранения информации. Под традиционными источниками в собирательном значении понимается все многообразие печатной (опубликованной) продукции [3]. Видов таких изданий насчитывается огромное множество. Для удобства обзора их стоит разделять по периодичности на периодические и непериодические.

К периодическим изданиям относятся, главным образом, печатные СМИ, такие как журналы «Стройкомплекс Среднего Урала» и «Домострой», газета «Вечерний Екатеринбург» и др. Данные об открытых пространствах и зданиях Екатеринбурга в подобных источниках встречаются, как правило, в виде исторических обзоров, воспоминаний старожилов и известных людей. Такие статьи удовлетворяют больше фактологический интерес к объекту. Кроме того, в периодических изданиях освещаются текущие события и проблемы города, например, планы реализации новых проектов и реконструкции фрагментов городской среды. Неоспоримым достоинством СМИ является то, что в них можно найти редкую и актуальную информацию об открытых пространствах города, которой может не оказаться в более фундаментальных трудах, и проследить за функционированием пространства в периоды его переорганизации, например, в праздничные дни. При помощи подобных данных можно получить наиболее полные сведения о функциональном зонировании пространства, которые бывает сложно отследить на натурной практике. К изданиям, содержащим аналитическую информацию, можно отнести журнал «Архитектон», но отдельные пространства города здесь рассматриваются редко и лишь в некоторых аспектах. Основными недостатками периодических изданий является и то, что опубликованные в них данные об открытых пространствах рассредоточены по различным источникам и временным отрезкам, что значительно осложняет поиск. К недостаткам также можно отнести и, свойственные печати, метафорические названия статей, часто вуалирующие истинное содержание текста.

Непериодические издания при поиске информации о городских пространствах следует различать по целевому назначению, так как оно существенно влияет на параметры и содержание текста. Из них выделяются следующие виды: справочные, учебные, научные и научно-популярные издания, а также литературно-художественные и официальные издания [1].

Наиболее широкий охват рассматриваемых фрагментов среды Екатеринбур-

га и их систематизированное представление характерно для справочных, научных и научно-популярных трудов. К справочным изданиям, содержащим сведения об открытых пространствах, можно отнести энциклопедии и каталоги. В них представлены краткие, хорошо структурированные фактологические данные о наиболее значимых с исторической и архитектурной точек зрения фрагментах городской среды: скверах, улицах, площадях, а также формирующих и наполняющих их объектах. Поиск информации в подобных источниках легко осуществим и очень удобен, однако перечень объектов, включенных в справочные издания, невелик, текстовые данные в малой степени подкреплены иллюстративным материалом, не содержат ни аналитических, ни графоаналитических сведений и не дают достаточного визуального представления об объекте. Среди научных и научно-популярных изданий выделяются различные монографии и сборники научных трудов, посвященные архитектуре, истории, монументально-декоративному искусству, градостроительству Екатеринбурга. Работы данной группы являются наиболее содержательными, в них рассмотрено большое количество открытых пространств, но в основном центральной части города. Представленная в публикациях информация дает наиболее полную, в отличие от энциклопедий, историческую справку. Данные о памятниках архитектуры удобно распределены по стилистическим направлениям, что облегчает их поиск. Для основного массива книг характерна описательная и фотографическая информация, которая способствует проведению ретроспективных исследований объектов.

Традиционные издания также стоит различать по знаковой природе содержащейся в них информации. Так выделяют: текстовые издания, карты, карты-схемы и изоиздания.

Среди изоизданий встречаются различные фотоальбомы и художественные альбомы, а также изобразительные открытки. Иллюстративный материал, содержащийся в них, как правило, подкреплен хронологическими подписями, которые позволяют установить исторические данные, необходимые для анализа границ и элементов пространства и для составления исторической справки. К изоизданиям можно отнести и учебно-наглядные пособия, которые отличаются содержанием подробных обмерных графических материалов о некоторых исторических архитектурных сооружения города.

Важным исследовательским материалом являются карты и карты-схемы, так как они отражают различные этапы развития города, а, следовательно, и его открытых пространств. При отсутствии необходимой текстовой информации они помогают восполнить недостающие данные и проследить эволюцию открытого пространства за все время его существования. К этой группе изданий можно отнести и современный генплан города, на который нанесены, в основном, технические данные, такие как: планировка местности, высотные отметки, расположение инженерных сетей и т.п., – однако часто именно эти материалы помогают объяснить, чем обусловлены некоторые морфологические особенности исследуемых мест.

3. Электронные источники хранения информации. Электронных источников хранения информации, в которых фигурируют открытые пространства Екатеринбурга, существует также достаточно много. Для лучшего понимания подобных ресурсов на сегодняшний день предприняты различные попытки их классификации, однако перед нами не стоит задача рассмотреть все многообразие электронных источников, а только наиболее информативные из них.

С точки зрения технологии распространения и доступа, электронные источники делятся два типа: сетевые и тиражируемые. К сетевым относят издания, доступные в сети Интернет, к тиражируемым – электронные издания, распространяемые на компакт-дисках. Наибольший интерес для исследования городской среды представляют сетевые ресурсы, так как они формируют максимально возможный объем информации, регулярно обновляются, откликаясь на какие-либо изменения, происходящие со средой города, и позволяют осуществлять поиск «свежих» данных.

Наиболее содержательными электронными изданиями, предоставляющими информацию о городских пространствах, являются веб-сайты. В большинстве своем они комбинированные и содержат данные разного рода, сформированные из нескольких источников. Однако среди множества их вариаций выделяются следующие основные виды: интернет-представительства, информационные ресурсы, веб-сервисы [6].

К сайтам-интернет-представительствам можно отнести корпоративные сайты, т.е. сайты организаций. Примером подобного ресурса является сайт Департамента архитектуры, градостроительства и регулирования земельных отношений г.Екатеринбурга, на котором содержится обобщенная информация об открытых пространствах: описание генерального плана развития города, интерактивный генеральный и адресный планы, карта правил землепользования [2]. Здесь можно найти информацию о строительстве новых объектов, об основных функциональных зонах города, зонах охраны памятников и т.п. Еще одним примером является сайт Министерства культуры и туризма Свердловской области, где представлен перечень объектов культурного наследия города и кратко дана основная информация о них [4]. Сведения, содержащиеся в данных ресурсах, являются косвенными, но необходимыми для исследования фрагментов городской среды.

Среди сайтов – информационных ресурсов выделяются тематические сайты, и интернет-энциклопедии. Электронные энциклопедии являются аналогами традиционных изданий подобного типа. Тематические сайты отражают различные стороны жизни города. Чаще они являются экскурсионными, т.е. дают общеизвестную информацию о достопримечательностях города, в том числе о городских площадях, улицах, скверах. Но есть и очень информативные, хорошо структурированные издания, в которых собрано и представлено множество публикаций – как архивных текстов, являющихся эквивалентами печатных изданий, т.е. традиционных носителей, переведенных в электронный вид: книг, статей из журналов и газет, открыток, оцифрованных карт города, – так и впервые опубликованных статей, существующих только в электронном виде. Наиболее ярким примером такого ресурса является сайт 1723.ru [7]. Помимо текстовой и картографической информации здесь можно встретить систематизированный массив фотографий открытых пространств, их фрагментов и компонентов на разных этапах развития города, в том числе интерактивные городские панорамы. Обращение к тематическим сайтам позволяет получать качественную информацию в короткие сроки, однако авторитетных ресурсов насчитывается немного, а их содержание аналогично традиционным источникам.

Среди сайтов – веб-сервисов можно выделить справочно-информационные картографические сервисы, основанные на спутниковой съемке, такие как «Google Maps», «Yandex Maps», электронные справочники с картами – «2GIS», «FutureGIS». Визуальная информация, содержащаяся здесь, очень разнообразна: панорамы улиц, фотографии, спутниковая съемка, функциональное назначение и т.д. Она ориенти-

рована на широкий круг пользователей и содержит данные общего порядка, однако для анализа планировочных особенностей места и сбора информации о среде подобные ресурсы незаменимы.

Электронные издания позволяют сравнительно быстро и легко производить многоаспектный поиск необходимых сведений. Кроме того, они имеют множество других преимуществ: легкость доступа, возможность тиражирования и добавления вспомогательных данных, что позволяет увеличивать объем накопленной информации и формировать фактически неограниченную базу данных и т.д. Однако сетевые ресурсы не охватывают всего объема материала, касающегося исследования открытых пространств, который существует в традиционных источниках, что не дает возможности рассматривать их в качестве более актуальных.

Заключение. Исследование показало, что большее значение при поиске данных и последующем их использовании имеет не вид хранения информации (традиционный или электронный), а способ ее систематизации. При анализе источников было выявлено, что большинство приведенных в них сведений раздроблено и часто хранится на вспомогательных ресурсах. Для поиска необходимого материала требуется привлечение множества как традиционных, так и электронных источников. Структурированных изданий, посвященных непосредственно самим открытым пространствам, создано немного, а имеющиеся работы ориентированы, в основном, на исследование исторического аспекта и изложены в описательной форме. Каких-либо попыток проведения более подробного анализа пространств города, а также сведения их компонентов воедино найдено мало, и в основном по единичному количеству объектов. В существующих изданиях наблюдается явный недостаток графоаналитического материала. Из проведенного анализа следует необходимость разработки баз данных, основанных на научном подходе к исследованию открытых пространств города и их отдельных компонентов, которые восполнят недостаток аналитического и графоаналитического материала, наблюдаемый в существующих ресурсах. Подобная работа поможет расширить информационное поле в области организации городской среды и обеспечит практическую сферу необходимой теоретической платформой.

Список использованных источников и литературы:

1. ГОСТ 7.60 – 2003. Издания. Основные виды [Текст]. – Взамен ГОСТ 7.60 – 90; введ. 2004 – 07 – 01. – Минск: Межгос. Совет по стандартизации, метрологии и сертификации; М.: Изд-во стандартов, сор. 2004. – 44 с. – (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу).

2. Департамент архитектуры и градостроительства [Электронный ресурс]. – Екатеринбург. – 2008-2014. - URL : www.eguar.ru/default.aspx.

3. Книговедение: энциклопедический словарь – М.: Сов. энциклопедия, 1982. – 664 с.

4. Министерство культуры и туризма Свердловской области [Электронный ресурс]. – Екатеринбург. – 2006-2014. - URL : www.mkso.ru.

5. Паршукова, Г.Б. Методика поиска профессиональной информации / Г.Б. Паршукова. – СПб.: Профессия, 2006. – 224 с.

6. Сайт [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: ru.wikipedia.org/wiki/Сайт.

7. 1723.ru [Электронный ресурс] : Екатеринбург+Сверловск. – Екатеринбург. – 2003-2014. – URL: ewww.1723.ru/index.htm.

Petunina T. Y., Shipitsina O. A.
tegarchitect@gmail.com; oshipits@usaaa.ru
USAAA, Yekaterinburg, Russia

URBAN OPEN SPACES: PUBLICLY AVAILABLE DATA SOURCES

Abstract - This article gives an abstract research on the main sources which contain data on urban open spaces. It describes the type of data available for each type of source. The key principle which is common for all the sources and allows grouping them as a dedicated category is their availability for a wide range of users, which means they are used by people with different levels of expertise in data search. The analysis is provided for conventional print data and digital data. Print data sources include periodicals such as print media and non-periodicals like reference, education, science, popular science, fiction and official publications. Analysis of the digital data is provided for content resources and websites: official websites, content resources and web services. The research of the whole range of mentioned sources suggests that the key factor in data search is the way it is being systemised and not the way of storing it. This research also reveals that urban open spaces subject recently is not being well addressed by the available sources of structured data, and the existing information is mainly focused on narrative historical perspectives research. These sources also show a lack of graph-analytical information. The analysis indicates that there is a strong need for developing a database which would follow a scientific approach and provide data based on research of urban open spaces and their components. Such a project would fill the analytical and graph-analytical information gap. The materials researched are territorial and refer to data sources providing Yekaterinburg, Russia territorial information.

Keywords: information; search; urban open space; print sources; digital sources.

Прокофьева И. А.
archirina@mail.ru
МАрхИ, Москва, Россия

ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА АРХИТЕКТОРА С. М. КАЛУГИНА. ПЕТРОВСКИЙ ПАССАЖ — КЛЮЧЕВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ МАСТЕРА

Абстракт – Сергей Михайлович Калугин выдающийся мастер отечественной архитектуры конца XIX – начала XX вв. Архитектор работал совместно с архитектором Б.В. Фрейденбергом и инженером В. Г. Шуховым. Наиболее известными его проектами стали такие уникальные сооружения Москвы конца XIX - начала XX вв как Сандуновские бани и Петровский пассаж. В пассаже и Сандуновских банях были использованы отечественные традиции и зарубежный опыт строительства новейших общественно-торговых сооружений, что является основой его творческого метода. К наименее известным работам автора относится реконструкция усадьбы Середниково в Подмосковье и девять доходных домов в Москве. Данная статья посвящена творчеству архитектора, выявлены основные аспекты его профессиональной деятельности, подробно рассмотрены основные объекты мастера в контексте истории архитектуры, а также истоков и особенностей творческого метода мастера.

Ключевые слова: творческий метод, пассаж, торговое сооружение, бани, усадьба, доходный дом, светопрозрачное покрытие, цилиндрический свод.

Введение. Не смотря на то, что сегодня сохранились далеко не все постройки архитектора С. М. Калугина, и его имя в специальной отечественной литературе упоминается редко, можно говорить о его несомненном вкладе в архитектуру рубежа столетий. Калугин работал совместно с архитектором Б. В. Фрейденбергом и инженером В. Г. Шуховым. Наиболее известными его проектами стали такие незаурядные сооружения Москвы конца XIX - начала XX вв. как Сандуновские бани и Петровский пассаж. Оба объекта сочетают новаторскую внутреннюю структуру с богатой отделкой фасадов и, особенно, интерьеров. К менее известным работам мастера можно отнести реконструкцию усадьбы Середниково в Подмосковье и девять доходных домов в Москве.

Ранние работы мастера. Первыми реализованными объектами архитектора были сооружения на станции Фирсановка – кассовый павильон, служебное здание и недалеко от станции – больница. В 1893 году по проекту С. М. Калугина в усадьбе В. И. Фирсановой Середниково было построено новое сооружение – белокаменная лестница-пандус, ведущая от Главного дома к Нижнему пруду. [2, с.42-43] В дальнейшем С.М. Калугин занимался реставрацией и реконструкцией интерьеров усадьбы Середниково в стиле классицизма. Эти первые работы свидетельствуют о деликатности юного архитектора, его профессионализме, высоком художественном вкусе. Этот первый опыт профессиональной деятельности был решающим в судьбе юного архитектора. В.И. Фирсанова стала для С. М. Калугина постоянным заказчиком, покровителем и другом. У них установились деловые отношения: понимание, доверие и поддержка. Одним из наиболее известных их общих проектов стало стро-

ительство новейшего комплекса ***Сандуновских бань***. В качестве подрядчика выступал муж Фирсановой А. Н. Ганецкий. В 1890 г. «Вера Ивановна перестройку одобрила и открыла мужу «банный» кредит без ограничения. Ганецкий объехал лучшие бани от Турции до Ирландии, пригласил известного архитектора Б. В. Фрейнденберга и работа закипела». [4, с.5] В 1894 году на месте старых бань начал строиться «истинный дворец» с мраморными залами, малахитовыми каминами и росписями на стенах и потолке. Однако, на самом раннем этапе работ из-за разногласий между А. Н. Ганецким и Б. В. Фрейденбергом, известный архитектор оставляет строительство Сандунов и покидает Москву. Таким образом, С. М. Калугин, которому до этого отводилась роль второго архитектора, в результате возглавил этот сложный объект и довел его до реализации. Банный комплекс соответствовал мировому уровню, в них были представлены все типы услуг и новейшие технические достижения того времени. Калугин работал с питерскими инженерами и сам выполнял свои и изучал расчеты коллег при строительстве данного комплекса, в частности создания автономной системы подачи воды и устройстве уникальной вентиляции. Особое внимание было уделено отделке и стилистическому решению, которое было разнообразно. Фасады и интерьеры зданий Сандунов были выполнены в стиле эклектики, использующей мотивы самых разнообразных национальных и исторических архитектурных стилей: барокко, мавританского, классицизма, ренессанса, готики, рококо, а также кирпичного, так называемого «фабричного стиля». Архитектурно-образное решение комплекса Сандунов напоминает средневековый замок с крепостными стенами и башнями, множеством корпусов и системой внутренних двориков и проездов. Москва была поражена масштабом нового комплекса. Сандуны – «многофункциональная фабрика», а по отделке – это великолепный дворец.

С. М. Калугин в комплексе Сандуны проектировал жилые корпуса с дорогими квартирами, бани разных разрядов, два бассейна, ресторан, электростанцию, систему водопровода и освещения. Следует подчеркнуть, что Калугин, изучив мировой опыт строительства подобных сооружений и комплексов, приобрел значительный опыт как архитектор. Невиданный успех данного предприятия подтолкнул Фирсанову к новым проектам. Вера Ивановна решает на другом своем участке в самом центре Москвы построить самый лучший европейский пассаж.

Пассаж как тип появился в Европе в конце XVII века. Пассаж — это общественно-торговое сооружение, основа которого – протяженное пешеходное пространство со светопрозрачным покрытием. Построенные по западным образцам, московские пассажи быстро, приобрели популярность. Горожане называли пассаж «улицей, заключенной в стекло». Здесь можно было гулять, отдыхать в кафе или ресторане, делать покупки, назначать встречи с друзьями, просто укрыться от непогоды или использовать галерею пассажа для кратчайшего прохода из одного оживленного пункта к другому. В результате такой тип сооружения явился калейдоскопическим отражением всей полноты городской жизни.[4, с.5-6]

Петровский пассаж — стал одним один из самых лучших Московских пассажей, построенных на рубеже XIX – XX вв.

Петровский (Фирсановский) пассаж. 1904-1906 г. г., арх. С. М. Калугин.

К этому времени в Москве уже было построено семь пассажей. С. М. Калугин изучив европейский и отечественный опыт строительства современных типов торговых сооружений создал новое комфортабельное общественно-торговое пространство в самом центре Москвы. Петровский пассаж относится к числу таких сооружений торговой архитектуры, в которых последовательно воплотились ком-

позиционные и градостроительные принципы и особенности пассажа как типа.

Участок, на котором было решено расположить пассаж, имел форму неправильного четырехугольника; короткими сторонами он выходил на Петровку и Неглинную улицы. В 1891 году владение перешло в собственность В.И. Фирсановой, которая уже имела в Москве пятнадцать жилых домов и Сандуновские бани. «Успех Сандуновских бань поощрил А. Н. Гонецкого заняться еще какой-нибудь постройкой. Сама Вера Ивановна выбрала для него занятие - построить пассаж. В те годы во всех столицах Европы пошла мода на торговые галереи под стеклянной крышей»[4, с. 6]. Опыт строительства первых московских пассажей В. И. Фирсанова считала не совсем удачным, лучшие образцы для изучения и подражания находились за границей. «Вера Ивановна загорелась построить свой пассаж, чтобы показать всем купцам, что для настоящего дела одних денег мало, - нужен еще и вкус...»[4, с. 6]. В связи с постройкой пассажа Алексей Николаевич часто ездил по Европе и очень много времени проводил в Париже - «...там самые привлекательные пассажи», - писал он жене. Однако поиски подходящего архитектора для Петровского пассажа длились недопустимо долго и обходились слишком дорого. Вскоре после очередного отъезда мужа за границу Вера Ивановна получила известия о том, что он не занимается делами, а тратит все деньги на развлечения, и не ищет нужного архитектора. Вера Ивановна «...обошлась без французского архитектора, - и, «нашла» сама в Москве Сергея Калугина.»[5, л. 8] Молодой архитектор за короткий срок подготовил первый проект. Первоначально проект планировки Петровского пассажа был похож на Галерею Голицына и представлял собой два ряда магазинов с одним проходом по середине. В марте 1903 года В.И. Фирсанова обратилась в Московскую Городскую Управу с просьбой разрешить сломать все существующие в ее владении строения и возвести каменное трехэтажное торговое здание. К прошению были приложены детальные чертежи, подписанные архитектором С. М. Калугиным. В мае 1903 года С. М. Калугин предложил новый проект, по которому пассаж представлял собой три продольно ориентированных ряда торговых помещений с двумя широкими проходами между ними. Проходы имели покрытия в виде сплошных стеклянных цилиндрических сводов. Каждая из торговых линий соединялась с Петровкой и Неглинной улицами высокими арками входов, являвшимися основными элементами наружных фасадов здания. Сплошные капитальные стены здания ограничивали его объем с севера и с юга. Уровень входов в пассаж со стороны улицы Петровки совпадал с уровнем первого этажа торговых линий. Со стороны Неглинной улицы в торговые линии вели две лестницы из вестибюлей цокольного этажа, который был устроен благодаря сильному понижению местности в восточной части землевладения [6, л. 15].

Структура пространства торговых линий пассажа была основана на делении площади всех этажей поперечными несущими, капитальными стенами. Между ними, в силу конструктивной необходимости, Калугин устроил систему пилонов, несущих междуэтажные перекрытия, которые, в свою очередь, обогатили интерьеры проходов мотивом колоннады. Вдоль верхних ярусов торговых линий по проекту располагались открытые галереи с элегантными чугунными ограждениями и переходными мостиками.

В июне 1903 года проект С. М. Калугина был утвержден Московской Городской Управой. Работы по возведению здания Петровского пассажа начались, как показывают документы, лишь весной 1904 года[6, л. 6], и завершились в ноябре 1906 года [6, л.10].

Конструкции стеклянных цилиндрических сводов Петровского пассажа разрабатывал выдающийся инженер В.Г. Шухов. В пассаже своды были сделаны на основе стянутых стальных дуг (этот тип конструкции был уникальным и был уже впервые применен в Верхних торговых рядах). В.Г. Шухов предложил в Петровском пассаже новое интересное решение – стеклянные секции в стальных рамах были наложены одна на другую (по принципу черепицы) так, чтобы между ними проходил воздух для проветривания. Однако это решение привело к тому, что, проходы под стеклянной крышей отапливать было не эффективно и было принято решение отапливать только пространства магазинов.

Помещения подвала были предназначены для хранения товаров и освещались дневным светом через иллюминаторы, устроенные в уровне пола первого этажа, расположенных прямо около магазинов. Позднее, по желанию заказчицы, было решено увеличить подвал для размещения в нем большого ресторана. В 1911 году архитектор С. М. Калугин и инженер М. Г. Гейслер разработали специальный проект. Для доступа в помещения нижнего уровня предполагалось сделать два входа, «не изменяя наружных фасадов здания»[6, л. 17], внутри пассажа. После того, как в январе 1912 года работы по переустройству подвала завершились «во всем согласно проекта, утвержденного 27 июня 1911 года»[2, с.42-43], А. В. Рыжиков-Лепин, бывший крестьянин Смоленской губернии, Вяземского уезда, села Горки, получил в аренду почти весь подвал и открыл в его помещениях ресторан первого разряда под названием «Ришъ». Под ресторан была приспособлена не только вновь образовавшаяся площадь под проходами торговых линий, но также и значительная часть уже существовавших помещений подвального этажа под средним рядом магазинов. Таким образом, Петровский пассаж получил три уровня площадей, используемых для торговли и ресторана, что было возможным только при высоком техническом уровне инженерных конструкций (т.к. уровень грунтовых вод между улицами Петровкой и Неглинной был высоким) [3, с.104].

Интерьеры пассажа – это произведение современной архитектуры начала XX века. Они были решены элегантно в светлых тонах и имели многочисленные белые лепные украшения, на этом фоне контрастно выделялись черные чугунные решетки галерей и переходов, мостиков. Светлое пространство проходов ступенчато расширялось кверху. Крытые улицы пассажа представляли собой сплошные симметричные ряды магазинов. Большие витрины и двери магазинов являлись элементами, задавшими масштаб первого этажа этих, «заключенных в стекло», улиц. Масштаб тонких ажурных решеток балкона и узкие оконные проемы третьего этажа как бы готовили зрителя к восприятию воздушной конструкции свода, венчающей всю композицию интерьера.

С. М. Калугин использовал в интерьере пассажа контрастные элементы, симметрию, стилизованные классические элементы, но главное в пространстве этого объекта для архитектора – это свет. Композиция интерьера построена таким образом, чтобы в нем было как можно больше света и воздуха. Можно сказать, что Петровский пассаж является самым удачным примером подобного типа сооружений, что свидетельствует о несомненном мастерстве архитектора. Петровский пассаж, обнаруживая очевидное влияние европейского опыта строительства данного типа сооружения, сочетал простую схему планировки и новейшие конструкции [1, с. 19].

Крытые пешеходные торговые улицы Петровского пассажа стали излюбленным местом для москвичей и гостей столицы. Здесь многое привлекало и удивляло посетителя. Огромные стекла витрин поражали своими размерами, пассаж называ-

ли произведением «стеклянной» архитектуры.

Заключение. В Петровском пассаже были использованы отечественные традиции и зарубежный опыт строительства новейших общественно-торговых сооружений, что является основой его творческого метода. Для Калугина пассаж стал главным объектом, в котором воплотился весь профессиональный творческий опыт архитектора. Сандуновские бани, Петровский пассаж, доходные дома – новые типы сооружений, в которых органично сочетаются классические мотивы и новейшие пространственные структуры, исторические стили и уникальные конструкции. В современном городе они существуют не только как памятники архитектуры, но и продолжают выполнять свои функции и являются важными общественными центрами деловой жизни. Уникальность этих сооружений говорит о несомненном вкладе русского архитектора С. М. Калугина в отечественную архитектуру конца XI X – начала XX вв.

Список использованных источников и литературы:

1. Прокофьева И. А., Хайт В. Л. Московские пассажи – вчера, сегодня, завтра. /Архитектура и строительство Москвы. №1, 2001, с. 18-21
2. Прокофьева И. А. Историзм и новаторство в творчестве Калугина Сергея Михайловича/Жилищное строительство, М., №4, 2010, с. 42-43.
3. Прокофьева И. А Строительные материалы и конструкции в творчестве Сергея Михайловича Калугина./Строительные материалы., М. № 4, 2010, с. 102-106.
4. Рубинов А. Н. Вот такой пассаж./Обозреватель. - 1994. - №3, с. 5.
5. Архив ЦНД УГК ОИП г. Москвы. 1-751 Петровский пассаж т. 1 кн. 1 д. 2
6. Архив ЦНД УГК ОИП г. Москвы. 1-751 Петровский пассаж т. 3 кн. 1 д. 7

Prokofieva I.A.
archirina@mail.ru
MArcI, Moscow, Russia

ORIGINS AND FEATURES CREATIVE METHODS OF ARCHITECT S.M. KALUGIN. PETROVSKY PASSAGE – A KEY WORKS OF THE MASTERS

Abstract - Sergey Kalugin is outstanding master of Russian native architecture of the late XIX - early XX centuries. The architect worked with architect B.V. Freidenberg and engineer V.G. Shukhov. The most famous of his projects are such unique Moscow buildings of late XIX - early XX centuries as Sandunovskie Baths and Petrovsky Passage. In design of the Passage, and the Sandunovskie Baths, Russian native traditions and foreign experience were used in the construction of the most modern public and commercial buildings. That is the basis of its creative method. The least well-known works of the author include the reconstruction of the estate Serednikovo in the Podmoskovye (outskirts of Moscow) and nine apartment buildings in Moscow. This article is devoted to the work of the architect. The main aspects of his professional activity are determined; the main objects of the master in the context of the history of architecture, origins and characteristics of the creative method are studied in details in the article.

Keywords: creative method, passage, commercial buildings, baths, estate, apartment house, translucent cover, barrel vault.

Piao, Huiying, Koo Young Min
IU, Incheon, South Korea

A STUDY ON ARCHITECTURAL REPRESENTATION AS A METHOD OF INTERPRETATION OF AN EVOLUTION OF DEFAMILIARIZATION-FOCUSED ON LACAN'S PROCESS OF FORMING SUBJECT ON THE BASIS OF THE SYSTEM OF IMAGINATION, SYMBOL, ACTUALITY

Abstract - "Defamiliarization", a general method in literature and art, makes subjects be defamiliarized to people and interfere the process of recognition to suggest new experience. This study attempts to investigate the technics of defamiliarization to apply into architectural design and to acquire a possible theory of defamiliarization in architectural realm. Escaping from conventional and routine thoughts and practice, the study attempts to investigate Lacan's process of subject constitution including the system of imagination, symbol, and actuality, to discover new layer of meaning in a subject, and to apply the new theoretical layers in architecture.

Keywords: defamiliarization, Lacan, imagination, symbol, actuality, unconscious

1. Introduction

1.1 Background and Purpose

Human being possesses unconscious desire to be renewed by breaking away from everyday and intellectual character of avoiding conventional. It can be explained as a will to bring down the existing standardized order system and deconstruct absolute values in order to grant new order. As Hegel's dialectic theory describes, there are paradox and opposition between consciousness and objects; the object and its consciousnessis is to be firstly situated in the disruption and negation from each other; then, through constant effort, they recover unification in a high-dimension.

The consciousness of objects has appeared in architectural trends; that is, it was given its existential value based on criticism of previous popular trends and this criticism will be the spiritual background of pursuit of novelty.

This study will first explore and analyze the theory of "defamiliarization" particularly on its development factor, secondly will regard it as meaningful to comprehend the "defamiliarization" trends appeared in modern architecture, thirdly will apply the "representation of new meaning" to architecture, which is made by an effect of defamiliarization technics including hybrid, distortion, randomness, metaphors, metonymy, non-meaning.

1.2 Scope and Method

In this study, Chapter 2 will comprehend how the target is to be understood on the basis of Lacan's theory on the process of subject constitution, and how it achieves the differance from target and from consciousness to illustrate two types of customary relationship of this way. Chapter 3 will analyze the cause factor of 'differance' in architecture and how it has been expressed in architecture trends. Chapter 4 will be the design experiment on the method of defamiliarization in architecture. In the experiment,

the study attempts to investigate specialization of the target as the 'differance' in target, an ambiguity as the 'differance' in consciousness, and difficulty of differance relating to

relation, and finally the diverse possibilities of architectural representation when these three properties are mixed together.

2 Defamiliarization

2.1 Consciousness to objects from the view point of Lacan's process of subject being

As Lacan said, "Humans only can think inside the formed concepts, can not master the reality without the concepts", the subject of objects or consciousness is the one always changing in the reality which is recognized from symbol world. The first subject enters from imaginary world where consciousness and unconsciousness are coexisting, through a so called mirror step, and into the symbolic world where human can learn society, culture, and norms by language. In this process, unconscious desire is to be suppressed and the formed subjects miss the possibility of unconsciousness.

Studying on this process of subject being suggests how to bring out the possibilities not yet been activated by discovering the unconscious - representing experience in the imaginary world-, and how to apply the defamiliarization into architectural realm.

2.2 Two types of customary relationship

What customary relationship is, either existing or conventional ways related to systematization and signification; that is, a way for objects and human, language and images to be related to each other by tenacious of old habits, makes architectural objects recognized systematically as well as formally. Lacan, on the basis of Saussure's semiotics, saying unconsciousness' consisting of language, explained that the method of making the unconscious revealed includes similarity of language(metaphor) and proximity of language(metonymy); that is, the unconscious can be only recognized by linguistic distortion by such as dream and joking. The study reveals a case study for this.

2.2.1 Architecture in customary relation with similarity

As in mirror step of infant, the similarity or synchronizing drives people to recognize an object comparing with similar images in one-to-one relationship. Architecture through similarity and homogeneity, it is presented by custom or tradition, which is led by experiences of hearing or seeing, to lose the novelty and to stay in the absolute sense.

Figure 2. Louvre Pyramid reminds Giza pyramid

For example, the shape of Louvre Pyramid reminds Giza pyramid. Such architectural imitation of god and idea can be explained, in metaphysics, as an infant's desire to resemble her mother at the mirror stage. The desire for being as same as god and nature, as synchronizing transcendent target, has brought about golden ratio to create obelisk and pyramid.

2.2.2 Architecture in customary relation with proximity

Modern architecture originating from industrial revolution pursued human-centered architecture excluding god and Nature. Admitting father's being as signifier during infant's subject being process, means to acceptance of the 'differance' as a metonymy. Modern architecture originating from industrial revolution pursued human-centered architecture excluding god and Nature. Admitting father's being as signifier during infant's subject-forming process, means to acceptance of the 'differance' as a metonymy. As a result, architecture has fallen into a vain object in which regional character

Figure 3. Glass skyscraper plan,1921

was eliminated while metonymy dominated, to become functional and regular and to be divested of an opportunity of being new. The glass skyscraper plan offered by Mies in 1921, which analogized the human body structure of "skin and bones", is a representative example.

3. A Conversion to defamiliarization

Defamiliarization is derived from Russian formalist Shklovsky and German poet Brecht's concept. In short, it asks changing or teansforming a way of seeing in order to recompose or recreate what is seen familiar. According to Shklovsky, we can rediscover the unconsciousness or novelty, which has been disregarded due to conventional and habitual way of recognition, through an extension of our perception-defamiliarization. For instance, the montage technique- make story from collection of different scenes or collage technique-connecting various episodes to structuralize the whole.

As Shklovsky said in "As a method for art", the art is "specializing the target, making the form ambiguous, driving the recognition difficult and delayed.

3.1 Specializing the target

Figure 4. "Men with golden arms" and "Age of Innocence"

The target, mentioned here, is a dominant notion commonly admitted in the same society. In other words, the subject that makes formation of matters and perception possible is the very value(code)1 that is taken for granted by every one in the reality rcognized through symbol system. Shedding new light on the code of the target is considered to be resistance against the convention and system and to be a motive evoking defamiliarization.

A comparison the poster of "Age of Innocence" with that of "The man with golden arms" explains the above fact.2

3.2 An ambiguity of recognition

Figure 5. Daniel Libeskind's Jewish museum in Berlin

Strange presentation by approaching not familiarly opposite to descriptive and portray of the recognition, delays the conventional way of perception for viewers to have critical vision on reality. A technique of defamiliarization that avoids the conventional

thinking on similarity and contiguity, can be understood in the same context of defamiliarizing the metaphor on metonymy. According to Lacan, " Metaphor is located where meaning come from non-meaning". In other words, the real metaphor is that eliciting meaning as metonymy by stressing the difference to make non-meaning. That is to say, metaphor's integrating elements without any links.

Daniel Libeskind's Jewish museum in Berlin can explain the above well. He converted the absence of line into new matter to apply the metonymic metaphor that makes spectators communicate with traces of the past, musical rhythm, exiles, texts. In summary, this work expresses well defamiliarization by metaphor of absent metonymy.3

3.3 Difficulty in establishing relationship

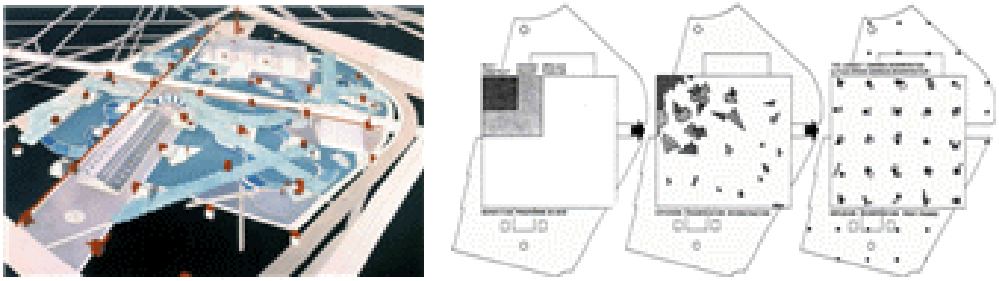


Figure 6. Bernad Tshumi, La villete park, the design process of program

Delaying the process for a spectator to recognize a target is another way of de-familiarization. In other words, the emotional distance between what the visible target represents and how a viewer interprets produces strangeness, discovers meaning buried under another layers, and/or brings about an effect by which viewers face with the target with critical mind.

Let's look at Bernard Tschumi's tactic in designing La villete park in which he adopted a structure a so called "Poly" arriving at the variety without any functions and programs. These structures remain as incomplete form which can be used as cafe, platform and so on. Thus there are different by offering doubt and confusion to the visitors. Tschumi sought the program as combination of pieces of instant actions, then de- construct the program of events, finally mapping each area to dispose again on the grid and form new relationship.As Tshumi said, "La villete is not copy of nature, it is production in progress and word of changing", this work is dealing with -time and and building- about how to match changing event and time with unchanging building. 4

4. Design experiment

In order to avoid conventional thinking and representation, the study selects a familiar and general type of apartment as a subject. The experiment attempts to investigate the evolution of defamiliarization within the typical plan of apartment through specializing the target, ambiguity of recognition, establishment of relationship.

4.1 Design process

Design proceeds as follows: first, regarding the three viewpoints in defamiliarization discussed above as sequential methods, 6 unit types are to be found in the give plan. Then, the new unit types, like Bernard Tshumi's folie, are intervened in the existing plan to deconstruct conventional understanding of everyday life. What the study attempts to find is whether or not the indeterminate programs and ambiguous boundaries by artificially encouraged defamiliarization, becomes the motive for "being strangely familiar.

1) step 1

New space is composed by the existing walls once reduced to be lines. The target is returned to an original condition prior to be planned by decoding the typical apartment plan.

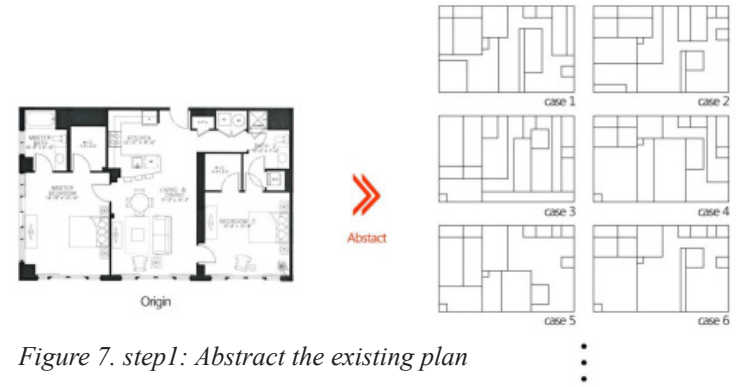


Figure 7. step1: Abstract the existing plan

2) step 2

This process exhibits representing the presence of absence between abstract and reality by cutting line. Cutting line, like a signifier such as text, image, and language, in the process of recognizing the target is a kind of metaphorical transposition that connotes the ‘differance’.

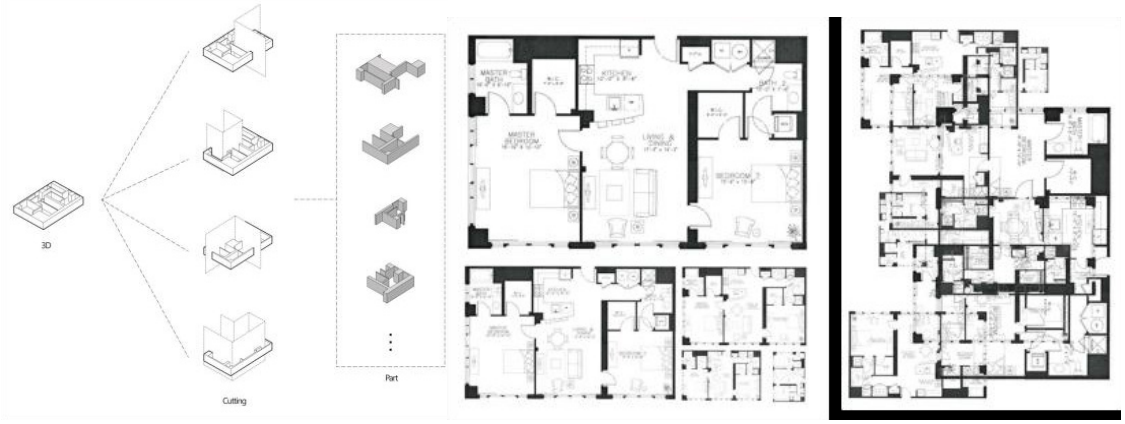


Figure 8. step2: cutting lines

3) step 3

This process shows the way to avoid the traditional form-making through scaling and nesting. The target is to be estranged from its own context to create an object with obscure origin.

4.2 Design result

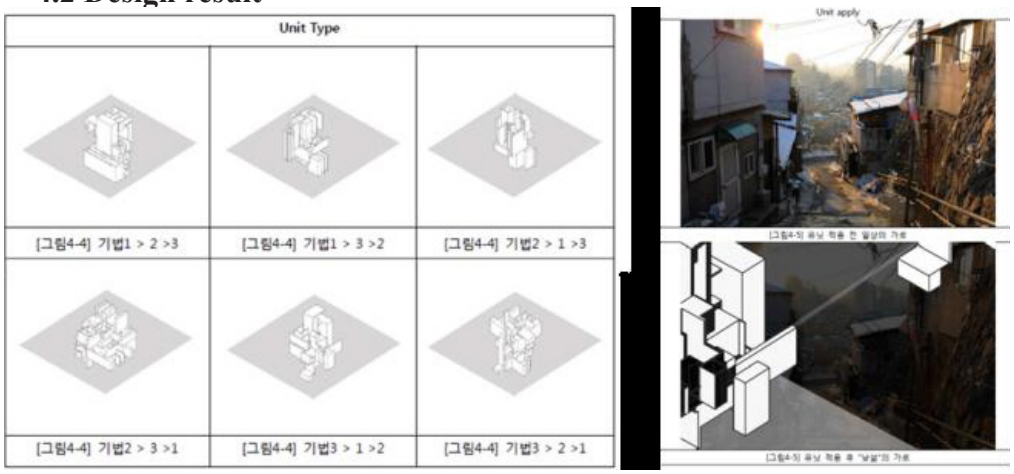


Figure 10. the process of transformation and the result

As potential non-familiarity derived from the apartment, the final objects are expected to evoke a sense of being strangely familiar or vice versa to the city dwellers when they are placed in the familiar city space.

4. Conclusion

Based on defamiliarization viewed from Lacan's process of forming subject, the study analyzed the possibility of applying defamiliarization in architecture with 3 aspects of target, recognition, and relationship. The study observed the possibility of realizing not yet activated targets and breaking from the conventional thinking, avoiding the symbol generated from the target and making the symbols related to ordinary place by metaphor or metonymy. And such an observation tells the fact that architecturally defamiliarizing is both a conceptual and physical method to control the settlement of defamiliarization while admitting the change of time. Even though, the method has been applied in architecture, however, it is trud that the process from the theory to practical use is still insufficient. This study can be recognized as an experimental attempt to realize an architecture accompanying the evolution of defamiliarization by analogizing architectural strategy out of such an abstract and theoretical process.

Bibliography:

[1] Kooyoung min, Dialog in-between, Spacetime, 2009
[2] Hong Jungi, Lacan and Contemporary philosophy, 1999
[3] Madan Sarup, Jacques Lacan, 1992
[4] Tzvetan Todorov, Russian Formalist, 1972
[5] Jacques Derrida, La dissémination, 1972
[6] Heinrich F. Plett, Einfuhrung in die rhetorische Textanalyse, 1979
[7] Kim Ukdong, Metaphor and Metonym, 1999
[8] Na Byeongcheol, Modernism, Post-modernism and beyond, 1999
[9] Hwang Hyunchul and Lee Dongeon, A study on the Device in the Architecture through 'Defamiliazation', 2001
[10] Cho Sunghyun and Lee Dongeon, A study on 'Defamiliarization' in Architecture through the Reinterpretation of Metaphor and Metonymy, 2004 Kim Inseong, A comparative study on the Parc de Villette Project by Tshumi and Koolhaas-By investigating the Actions of Points, Lines, and Surfaces in their Drawings, 2011

Пяо Хуи-Йин, Ку Ян-Мин
УИ, Инчхон, Ю. Корея

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ АРХИТЕКТУРНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ КАК О МЕТОДЕ ТОЛКОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ОТСТРАНЕНИЯ - НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕССА ЛАКАНА О ФОРМИРОВАНИИ ОБЪЕКТА НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ ВООБРАЖЕНИЯ, СИМВОЛОВ, АКТУАЛЬНОСТИ

Абстракт - «Отстранение» – общий метод в литературе и искусстве, который представляет собой процесс познания и предлагает новый опыт. Это исследование, изучающее технику отстранения, применяемую в архитектурном проектировании и разрабатывающую возможную теорию отстранения в архитектурной сфере. Избегая обычные и повседневные мысли и практику, исследование ведется

путем изучения процесса Лакана предметной конституции, включающей в себя систему воображения, символов и актуальности.

Открытие новых уровней смысла темы применение новых теоретических уровней в архитектуре.

Ключевые слова: остранение, Лакан, воображение, символ, действительность, без сознания

Разыков Ш. Б., Задвернюк Л. В.
razykov.sherzod@mail.ru, lusyzadver@mail.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Абстракт – Статья посвящена традиционному жилищу в Средней Азии. Тысячелетний опыт народного жилища поучителен не только с познавательной, но и с практической точки зрения. Располагая подручными материалами и простейшей техникой, строители извлекли из них все возможное, чтобы создать оптимальные условия существования. При этом все элементы, направленные на облегчение быта в условиях местного климата, шли на пользу облику дома: айваны придавали ему живописную пространственность, а детали становились произведениями декоративного искусства.

Ключевые слова: жилища, дом, юрта, очаг, айван, Зарафшан, Памир, Средняя Азия.

Введение. Жилища разных народов мира очень разнообразны. Их архитектурно-планировочные решения во многом подчиняются ландшафтно-географическим условиям местности, климата, историко-культурных и этнических особенностей народа. Существуют несколько основных вариаций традиционного жилища в Средней Азии. Можно выделить две основные природно-географические зоны, на которых размещались жилища земледельцев – оазисы, горы и предгорные территории. На территориях оазисов расположены следующие районы: а) междуречье рек Амударьи и Сырдарьи; б) Районы среднего течения Амударьи и Хорезмский оазис; в) южные регионы Туркмении и частично южная часть Узбекистана. Во вторую зону входит два района: а) Памир, Припамирье, Нуратинские горы, Верхний Зеравшан, Чаткальский и Угамский хребты; б) предгорья Копетдага [3].

Особенности национального жилища объясняются традициями и образом жизни народов Средней Азии. Таджики и узбеки занимались преимущественно традиционным земледелием и редко сменяли район проживания, если обстоятельства не заставляли их менять свои поселения. А в это же время киргизы, казахи и туркмены изначально жили кочевым образом жизни [5].

Типы горных жилищ. В горных районах Средней Азии, выделяют два основных типа жилища с различным устройством очага. Типы стационарного высокогорного жилища сложились в бассейнах Зарафшана и Ворзоба, в долинах Западного Памира и Припамирья. Несмотря на их отличия, можно проследить в планировочных и конструктивных решениях жилища постепенный переход от умеренных высот к высокогорью.

Жилище долины Зеравшана представляет собой одно помещения с условным разделением на две половины – чистую и хозяйственную, где находится мури – очаг под колпаком. С увеличением высоты расположения селения над уровнем моря, прорезанные до пола окна сменяют маленькие оконца со ставнями вплоть до полного исчезновения оконных проемов. В верхнем Ягнобе выделялось мур – зимнее помещение. Его пол представлял собой площадку, нагреваемую жаром инкира – углубленного в нее очага. Низкий потолок помещения препятствовал рассеиванию теплого воздуха.

Климат Западного Памира с повышением высоты становится все более суровым. Жилища Западного Памира и Припамирья лишены оконных проемов. Их освещение осуществляется через отверстие венчатого покрытия, лежащего на столбах. Можно выделить четыре основных этапа эволюции данного типа жилища (*рис.1*) [3, с.64].

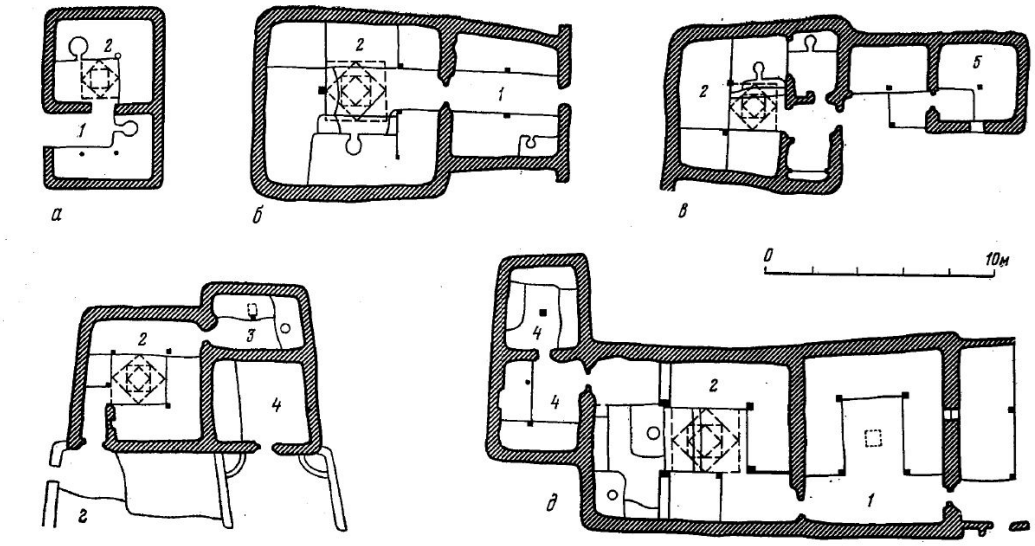


Рис. 1. Планировка жилищ Западного Памира и Припамирья
а-Дарваз, б-Ванч, в-долина Бартанга, г- Шунган, д –Ванхан; 1-доулун(дарго), 2-жилое помещение, 3-кухня, 4-кладовые, 5-жилая комната

1. Дарваз. Дверь дома, расположенная в центре лицевой стены, ведет прямо к центру помещения с низкими лежанками. Очаг размещается сбоку от прохода. Покрытие, выполненное в виде брусчатого купола в два-три венца, опирается на один-три столба.

2. Долины Ванча и Язгулема. Вход в дом прямой, лежанки расположены на возвышенность, очаги занимают боковое положение. Покрытие состоит из четырех-пяти венцов, опирающихся на три столба.

3. Рушан, долина Бартанга. Вход прямой, лежанки расположены возле входа, под ними размещается хлев. Очаги расположены сбоку от прохода. Крыша оперя-

ется на четыре столба.

4. Шугнан и Вахан. Дверь расположена сбоку, в переднем верхнем углу, вход изгибается обычно вправо. Очаг перенесен вглубь помещения. К дому примыкают кухня, кладовые, амбары. Такое круговое расположение вспомогательных помещений приводит к дополнительному утеплению жилого блока. Кровля лежит на четырех столбах.

Другой отличительной особенностью кровли традиционного горного жилища является ее капитальность. Следствием этого стала необходимостью поддержки тяжелых балок опорными столбами. Стены жилищ горных районов выложены из каменной кладки. Повышенные нагрузки от толстой земляной кровли отразилась на конструктивных особенностях стен. Однако главную роль играла сейсмостойкость несущих конструкций, что можно проследить по изменению толщины стен в разных регионах, при этом толщина стен не была обусловлена требованиями теплоизоляции. Помимо каменных стен в горных районах применялись глинобитные стены из пахсы. Была распространена и стропильная двускатная крыша с поперечным или продольным камышовым покрытием [3, с. 66].

В предгорьях камень применялся только для возведения цоколя и кладки основания дома. Основным строительным материалом стен был необожженный кирпич сырец, пахсы или гуваля – сырцового и обожжённого кирпича в виде овалов длиной до 30 см. В качестве связующего раствора использовали лой – смесь суглинка с водой. Для штукатурки стен и обмазки крыш применялась смесь лоя с соломой. Обычно жилище состояло из более чем одной комнаты, уже с закрытом и открытом айваном. Очаги для приготовления пищи и хлебные печи были со временем вынесены из жилья в переднюю, на айваны, а в летное время просто во двор [4].

Жилище равнинных районов. Стационарный тип жилища сложился в большей или меньший степени у всех народов Средней Азии, в первую очередь у исторически оседлых таджиков и узбеков. Стационарными жилищами были прямоугольные в плане дома, возведенные из кизяка, сырцового кирпича или пахсы и не имеющих существенных конструктивных отличий.

Толщина кровли напрямую зависела от количества осадков. В районах с большим количество годовых осадков, толщина кровли превышала 50 см без учета балок. В Хиве, где отмечается малое количество осадков, толщина кровли составляет всего 15-18 см. При этом применялась плоская, бес чердачная и чердачная двухскатная кровли. Как и в горных районах, толщина стен зависела от сейсмической нагрузки. Ферганская долина, Ташкент, Наманган являются одними из самых сейсмоопасных районов. В этих регионах все стены жилого помещения состояли из двойного каркаса толщиной 60-90 см. В других районах конструкция стен была более облегченной [3, с. 50].

Основным строительным материалом равнинных районов был лесс – тонкий суглинок. При его смешивании с водой получали лессовое тесто лой, применявшееся для глинобитных стен пахса, а также для изготовления гуваля – сырцового и жженного кирпича в виде овальных комков длиной до 30 см. Как и в предгорьях лой использовали как связующий раствор, а также для штукатурки и обмазки. Стены дома обмазывали саманной глиной и белили. Для заполнения каркаса в основном применялись камышовые циновки или камыш. Толщина стен составляла 5-7 см. Обычно каркасные дома встречались у узбеков и таджиков [4].

В крупных городах Средней Азии жилой комплекс представляет собой зам-

кнутую систему с внутренним двором. Комнаты, расположенные по периметру, открыты во двор и обращены глухой стороной на улицу. Планировочная структура зависит от числа помещений дома и размеров владения. В Маргилане, Коканде, Ходженте, Ура-Тюбе дома не занимали весь участок, строения поворачивали под прямым углом и выходили в сад. Из-за большой амплитуды годовых температурных колебаний возникает необходимость в разделении помещение дома на зимние и летние. Существенных различий в конструктивном решении подобных помещение нет, отличия заключается в габаритах и ориентации. Также немаловажным фактором, влияющим на объемно-планировочную структуру дома, была попытка приспособления жилища к жаре, создания тенистости и прохлады. Для решения данной проблемы в Средней Азии были широко распространены айваны [3].

Роль айвана в традиционном жилище немаловажна. Летом он использовался для работы, сна, отдыха. Часть его использовали как переднюю у входа в комнаты. Выделяют два основных типа айванов: углубленная между комнатами айван-лоджия и наружная айван-галерея перед фасадом (*рис 2*). В Хорезме, в регионе Хивы, айван, расположенный в северной части, декорировали красивой резьбой на единственной колонне, поддерживающей крышу. Северное расположение обеспечивало постоянную тень и прохладу.

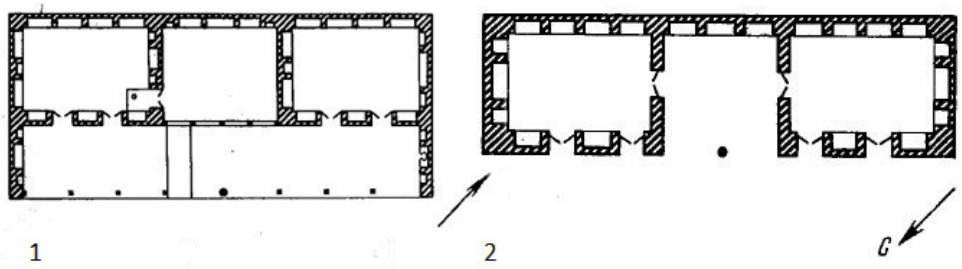


Рис. 2. Типы айванов. 1-айван-галерея, 2-айван лоджия.

Интерьер традиционного жилища напрямую зависел от типа очага. В курном помещении стены и потолок были лишены декора, который был сосредоточен на деревянных опорных столбах, дверях, ставнях. В жилище с дымоудалением на стены вешали вышитые занавеси, расписывали потолок, в Бухаре применялась резьба по ганчу – алебастровой штукатурке стен. В стенах располагались ниши для белья, посуды и т.д. Глинобитный пол был застлан паласами или войлоками. Несмотря на различия в архитектурно-планировочных решениях, интерьер таджикского и узбекского дома был схож с интерьером юрты [4].

Жилище кочевников. Мобильное жилище считается неотъемлемым способом заселения для кочевых народов Средней Азии, однако такого рода объекты находят свое применение у народов Таджикистана и южного Узбекистана которые вели оседлый образ жизни. К данным видам типа жилища относились: юрта кииз уй, малая юрта жолым уй (у казахов), кос (у казахов), полусферический шалаш лочиг, капа (у узбеков), конический шалаш курке (у казахов), орача (у туркмен).

Часто встречающимся видом жилища была юрта, несущая в себе особенности быта. Главными достоинствами юрты была ее портативность, легкость, технологичность сборки, надежная защита летом и зимой. Наиболее применяемой на территории Средней Азии была юрта, так называемого тюркского типа, с двумя

разновидностями — кыпчакской и найманской. В кыпчакской разновидности применялся шарообразный купол, обозначенный многочисленным наличием купольных жердей и большим купольным кольцом. У второго подтипа был небольшой изгиб на концах жерди, а диаметр купольного круга был высоким и небольшим, в результате чего появилась конусообразная форма купола, что отдаленно напоминает монгольский тип, у которого имелись прямые жерди. Наибольшее распространение кыпчакский тип юрты получил среди полукочевых узбеков, казахов, южных и памирских киргизов и туркменов. Найманский подтип не имел широкого распространения и использовался туркменами-човдурами, каралкалпаками, эрсари, алтайскими казахами, хорезмскими узбеками.

Деревянный каркас юрты был покрыт циновками и войлоком. Отдельное внимание уделялось входному отверстию. Войлочное покрытие выполнялось двумя вариантами. Первый вариант, часто применяемый, состоял из трех частей: двух трапециевидных покрышек купола, нескольких прямоугольных покрышек для стен и небольшого войлока ромбовидной или округлой формы для верхнего круга. Второй вариант покрытия, использовавшийся исключительно казахами и киргизами в юртах кыпчакского типа, состоял из нескольких больших войлоков, покрывавших юрту сверху до низу, оставляя 20-25 см цоколя, и один-два войлока для верхнего круга. Оба варианта часто применялись в один временной период.

Пространство внутри жилища делилось на определенные зоны. Центральная зона служила местом очага – сакральным центром. Напротив входной зоны устраивалось почетное место. Левая часть служила местом для женщин и здесь устраивалась спальная зона хозяев, а возле входа — утварь и складские помещения. Правая (мужская) зона была местом для гостей, а также хранения конской сбруи и предметов скотоводства. Переход на оседлый образ жизни нисколько не повлиял на традиционное жилище бывших кочевников.

Шалаши использовали при временных стоянках, а иногда в качестве временного жилища и защиты пастухов. По значимости эти мобильные строения значительно уступали юрте, однако капа, лочиг шалаш, узбеки-карлуки считали своим национальным жилищем. Также к временным жилищам относятся пещерные, применявшиеся нередко таджиками, жившими в долине р.Сох в период второй половины XX в [4].

Заключение. В общем можно сделать вывод, что формирование типов традиционного жилища отвечает прежде всего (и по преимуществу) на крайние показатели географических и климатических особенностей. На равнинах доминируют продолжительность и высокие температуры лета. Соответственно все усилия устремлены к борьбе с перегревом, главные помыслы отданы устройству летних помещений, а также их деталям и декору. На высокогорье берут перевес низкие температуры – и в дому создаются благоприятные условия для зимовки. В том и другом случае особое внимание уделяется фактору сейсмики. В жилище Западного Памира главную роль в конструкции принимает на себя несущая система столбов, тогда как стены из дикого камня на глине выполняют лишь функции ограждения. В результате сейсмостойкость и долговечность построек.

Список использованных источников и литературы:

1. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Том 08. Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии VI-XIX вв. / Под редакцией Ю. С. Яралова (от-

ветственный редактор), Б .В. Веймарна, В. А. Лаврова, А. М. Прибытковой, М. А. Усейнова, О .Х. Халпахчьяна. - Москва: Стройиздат, 1969. 489 с.

2. Лучкова В. И. Краткая история градостроительства доиндустриального мира. - М. : МАКС-Пресс, 2007. - 352 с.

3. Жилище народов Средней Азии и Казахстана / под редакцией Неразик Е. Е., Жилина А. Н. (отв. ред.). Сборник статей. – Москва : Наука, 1982. – 240 с.

4. Российский этнографический музей, Традиционное жилище в Средней Азии [электронный ресурс]: - информационный сайт. - режим доступа: http://www.ethnomuseum.ru/tradicionnoe-zhilishche

5. О национальных особенностях восточного жилища [электронный ресурс]: - информационный сайт. - режим доступа: http://www.bookinguz.com/arkhitektura/137-o-nacionalnyh-osobennostjah-vostochnogo-zhilischa

Razykov Sh. B., Zadvernyuk L. V.
razykov.sherzod@mail.ru, lusyzadver@mail.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

TRADITIONAL DWELLING IN CENTRAL ASIA

Abstract – The article is studies the traditional dwelling in Central Asia. The thousand-year of experience of the national housing is very interesting not only from cognitive but also from a practical point of view. With improvised materials and simple techniques, the builders have learned from their best to create optimal conditions for existence. All elements designed to facilitate local life in climate went home for the benefit of appearance: aivans gave him a picturesque spatiality, as details become decorative works art.

Dwellings of different nations of the world are very diverse. Their architecture depends on the geographical landscape and terrain, climate, local historical, cultural and ethnic characteristics. Existing-exist several major differences Traditional Houses in Central Asia. For example, features a stationary housing farmers correspond to the two cultural zones - Zone mountains and foothills area and oases. In the first zone consists of two areas: a) Pamir, Pamir region, Upper Zarafshan, Nurata Mountains, south-western spurs of the Talas Alatau - Ugam and Chatkal ranges; b) the foothills of the Kopet Dagh. In the area of oases are three areas: a) agricultural areas between the rivers Amu Darya and Syr Darya (Bukhara, Samarkand, Fergana group); b) the Khorezm oasis and the middle reaches of the Amu Darya; c) southern regions of Turkmenistan and Uzbekistan south part.

Keywords: home, house, yurt, hearth, quince, Zarafshan, the Pamirs, Central Asia.

Рыбаченко С. А., Лучкова В. И.
for.svetlana.r@gmail.com, luch@mail.khstu.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ГОРОДСКИЕ ДОМИНАНТЫ РЕЧНОГО ФАСАДА ХАБАРОВСКА

Абстракт – Данная статья является продолжающим этапом исследования речной панорамы г. Хабаровска. Проанализирована силуэтная активность исторического поселения, с целью выявления доминант и особенностей их расположения относительно друг друга, остальной застройки и ландшафта. Определены основные точки обзора исторической части города и проведен визуально-ландшафтный анализ параметров застройки для систематизации и описании значимости доминант в силуэте города по ряду признаков.

В ходе анализа выявлены адаптированные и диссонирующие объекты существующей застройки, и описано их влияние на визуальное восприятие речной панорамы города Хабаровска.

Ключевые слова: доминанты, типы доминирования, речная панорама города, адаптированные и диссонирующие объекты.

Введение. Речные панорамы, согласно наблюдениям Карпенко В. Е. [2], выполняют три важные градостроительные функции:

• ориентационную функцию - прочтение структуры города;
• художественную функцию - формирование образа города;
• семантическую функцию - смысловое содержание структуры города.

Выполнением этих функций в градостроительной системе занимаются, чаще всего, доминантные объекты или целый архитектурно-ландшафтный ансамбль.

Силуэт города

Силуэт исторического поселения обычно строится на контрастном сопоставлении высотных доминант, играющих роль пространственных ориентиров, и массивов рядовой застройки. Архитектор Мертенс определил оптимальное соотношение доминант к общей застройке - 1:2, 1:3, 1:4. Но помимо архитектурной составляющей существуют и ландшафтные особенности, присущие каждому конкретному поселению, которые помогают создать выразительную водную панораму города (табл.1.). Береговой фасад г. Хабаровска на 2/3 представлен элементами озеленения и только на 1/3 – архитектурой (рис.1.)

Табл. 1. Составляющие панорамы

Антропогенные	*архитектурные*	*Доминанты*
		Фоновая застройка
Естественные	*Ландшафтные*	*Элементы ландшафта*

Со времен становления краевой столицы речная панорама города была представлена, в основном, экспозицией высокого берега с парком и фрагментарным расположением архитектуры на бровке склона. Рельеф уже не играет важную роль в формировании силуэта города. Высотные архитектурные сооружения, свободно

расположенные в структуре города, притягивают внимание на себя при рассмотрении речной панорамы г. Хабаровска.

В процессе исследования установлены основные точки обзора речной панорамы исторической части города. Логика их расположения проста – фронтально, слева и справа (рис.1 а, б, в).

Рис. 1. Речная панорама исторической части города с различных ракурсов г. Хабаровска: а – слева, б – фронтально, в – справа.

Проанализировав данные панорамы, мы можем видеть, что очень сильно выделяются доминанты на выступающих точках рельефа, как в плане, так и в разрезе. За счет этого, их месторасположение на видах приближено к центру. На основание графического анализа, можно предположить локацию будущих акцентов.

Доминанты. Признаки выявления

Система современных высотных акцентов в Хабаровске сложилась после завершения строительства Спасо-Преображенского Собора в 2004 году. Появился целостный художественный пейзаж с уникальным архитектурным ансамблем.

Силуэтная активность создается не только за счет возведения вертикалей, сильно доминирующих на преобладающем горизонтальном фоне, но и за счет абриса самих зданий.

Дизайн завершения крыш имеет важное градостроительное значение, потому что силуэт города с реки человек воспринимает, прежде всего, на фоне неба и воды, где отчетливо читается отражение особенно в темное время суток. Взаимоотношение берегового фасада с окружающей средой определяется физическими особенностями строения глаза и черепа. Построив пропорциональную картинку 9:4,6, которую видит человек, авторы выявили некоторые закономерности восприятия речной панорамы города (рис. 2).

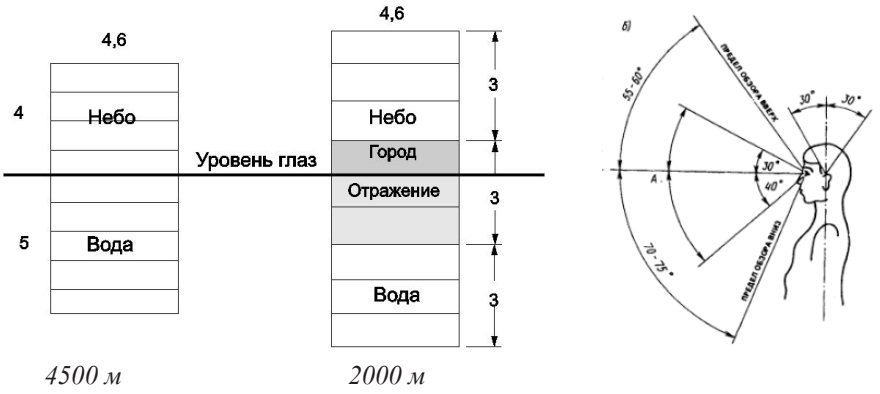


Рис.2 Пропорции видимой части панорамы города, исходя из соотношения горизонтального(135°) и вертикального углов (60° – выше и 75° ниже уровня горизонта) зрения при неподвижном положении головы.

При оптимальном расстоянии для созерцания соотношение «небо-архитектурно-ландшафтная часть-вода» определяется как 3 : 3 : 3, учитывая что вторая составляющая состоит из частей: материальная и нематериальная (отражение). При различных условиях восприятия во времени и погодных условиях, а также дистанции до берега, это соотношение варьируется.

Основываясь на этом положении, можно сделать предположить, что наиболее доминантными будут считаться объекты, которые имеют сложные по своим очертаниям завершения крыш, а также высотные объекты, которые читаются на большой площади однородного фона.

В ночное время суток здания-акценты ведут себя разным образом за счет отражения в воде и архитектурной подсветки: они могут усиливать доминирование, либо полностью утрачивать эту функцию, но, что особенно примечательно могут появиться новые цветосветовые доминанты.

1. Доминанты и их классификация. Особенности расположения

В обзорной статье Лопатина и Шипицыной описано доминирование различного типа [3]:

- за счет высотного преимущества;
- за счет стилевого контраста;
- в связи со сложной пространственной организацией объекта;
- за счет социально-функциональных качеств.

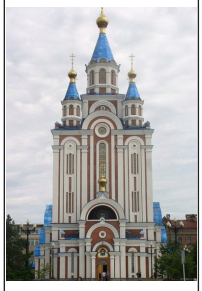
Согласно классификации Ри А. У. на речной панораме города Хабаровска можно выделить 3 группы доминат [4]:

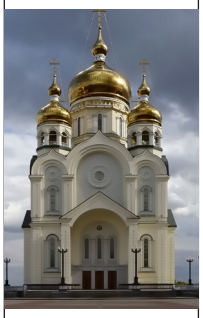
- группа высотных доминант, ориентированных на реку или расположенных вдоль рек: трубы ТЭЦ
- группа высотных доминант, фиксирующих бровку террасы: Утес, памятник Н. Н. Муравьеву-Амурскому, краеведческий музей, художественный музей, гостиничный комплекс «Парус», филармония, Успенский собор, Спасо-Преображенский собор;
- группа высотных доминант, расположенных в центральной части поймы: жилой комплекс «Амурские зори» на ул. Кавказская.

- В данную классификацию можно добавить еще один пункт:
- группа доминант, свободного расположения на рельефе**:** Жилой комплекс «Амурские зори» по ул. Тургенева, 55, Жилой дом Крылья по ул. Калинина, 8, Адм. Здание Транснефть по ул. Запарина, 1, жилой комплекс «Golden Keys» по ул. Блюхера, 4 и др.

На основании этих классификаций можно составить описательную таблицу градостроительных доминант г. Хабаровска.

Табл. 2 Описание доминант речной панорамы города Хабаровска

№	Название объекта, адрес	Авторы	Время создания	Общий вид	Наличие	Высота	Значимость в силуэте поселения
группа доминант, фиксирующих бровку террасы							
1	Памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому	А.М. Опекушин	1887—1891 годы		Существующий, видоизменялся со временем		Низкая-доминирование за счет стилевого контраста
2	Музейно-культурный комплекс «Амурский утес» , улица Шевченко, 15, Хабаровск		1943		существующий		Средняя-доминирование за счет стилевого контраста
3	Хабаровская краевая филармония и Дальневосточный художественный музей (бывшее Военное собрание ул. Шевченко, 7)	1914-1916 А. Николаев-Труханин, 1928 – Б.Я. Улинич, 1938 – П.А. Стариков	1938		Существующая, видоизменялась		Средняя-доминирование за счет стилевого контраста
4	Градо-Хабаровский Собор Успения Божией Матери, пл. Соборная, 1, Хабаровск	Проект-коллективом авторов ГУП «Хабаровскгражданпроект» Исполнители - ФСУ «Дальспецстрой»	20 мая 2000 года - 29 октября 2001 года		Существующий, видоизменялся со временем	54 м	Высокая-доминирование за счет стилевого контраста, высотного преимущества

5	Антенна				утраченая		Низкая-доминирование за счет силуэтного контраста
6	Спасо-Преображенский собор переулок Тургенева,24, Хабаровск	по проекту архитекторов Юрия Живетьева, Николая Прокудина и Евгения Семёнова	2001—2004		существующая	95 м	Высокая-доминирование за счет стилевого контраста,
7	Дом-радио		1975-1985		существующий	Более 40м	Утратил функцию доминанты
группа высотных доминант, расположенных в центральной части поймы							
8	Жилой комплекс «Амурские зори» ул. Кавказская	«Амурские зори»	апрель 2012-2014		существующая	Около 70 м	Высокая-доминирование за счет высотного преимущества
группа доминант, свободного расположения на рельефе							
9	Жилой комплекс «Амурские зори» — ул. Тургенева, 55	«Амурские зори»			существующая	60м	Средняя-доминирование за счет высотного преимущества
10	Жилой дом Крылья по ул. Калинина, 8	«Амурские зори»			строящаяся	75 м	Средняя-доминирование за счет высотного преимущества
11	Адм. Здание Транснефть, ул. Запарина, 1	«Амурские зори»			существующая	36м	Средняя-доминирование за счет высотного преимущества
12	Golden Keys, жилой комплекс, ул. Блюхера, 4	«Амурские зори»			строящаяся		Средняя-доминирование за счет высотного преимущества

Для выявления визуальных особенностей восприятия градостроительных и локальных доминант использовался метод натурного обследования с фотофиксацией. На примере зданий, венчающих холмы Хабаровска, можно увидеть как меняется степень доминантности в зависимости от координат месторасположения зрителя и условий восприятия (общий или фрагментарный вид).

а

б

в

Рис. 2. Степень доминантности в зависимости от координат месторасположения зрителя и условий восприятия: а – утес, б – Успенский собор, в – Спасо-Преображенский собор

Морфология исторического ландшафта и планировочной структуры города подчеркнута размещением доминант за счет стилевого контраста на максимумах кривой рельефа. Между собой они расположены на приблизительно равных расстояниях друг от друга. Спасо-преображенский собор с некоторых позиций наблюдателя теряет функцию доминирования, либо спорит с жилым комплексом «Амурские зори». Из вышеописанного можно сделать вывод, что современная жилая застройка является диссонирующим, средоразрушающим объектом. Однако, с некоторых ракурсов обзора Данный жилой комплекс хорошо композиционно и визуально взаимосвязан с градостроительной средой.

Проанализировав таким образом здания, имеющие культурную и историческую ценность, можно определить допустимый уровень высоты застройки в луче видимости объекта.

Заключение. Новое строительство приводит к утрате историко-архитектурного наследия и обезличиванию эстетического облика города.

При дальнейшей застройке, влияющей на панораму города необходимо предусмотреть снижение и нейтрализацию негативного воздействия более поздних градостроительных объектов, дезорганизующие систему доминант, а также возобновить традиционных структурные элементы берегового фасада Хабаровска. Необходимо ужесточить требования в управлении развития высотных акцентов города, их геометрии, размеров и контурных отношений с контекстом окружающей застройки.

Список использованных источников и литературы:

1. Дуров А.Н., Полуян О.И., Аладьина Г.В. Ландшафтно-визуальное исследование условий восприятия исторических и культурных объектов по улице Греческой в городе Таганроге. - http://www.scienceforum.ru/2014/513/3778

2. Карпенко В.Е. Формирование световой панорамы прибрежного города (на примере Владивостока), 2013

3. Лопатин Н.Е. архитектурная доминанта: обобщение знаний и формирование теории проектирования//Архитектон: известия вузов № 26 Июнь 2009 - http://archvuz.ru/2009_2/4

4. Ри А.У. Влияние градоформирующих свойств рельефа на систему высотных доминант исторической части г. Иркутска// ВЕСТНИК ИрГТУ №3 (74) 2013, с 66-72

Rybachenko S. A., Luchkova V. I.
for.svetlana.r@gmail.com; luch@mail.khstu.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

CITY DOMINANTS OF THE WATERFRONT OF KHABAROVSK

Abstract - This article is an ongoing investigation phase river panorama of Khabarovsk. The outline is analyzed historical settlement activity in order to identify the dominant features and their location relative to each other, the rest of the building and the landscape. The basic viewpoint of historical part of the city and conducted visual landscape analysis parameters built to organize and describe the significance of the dominants in the waterfront of the city on a number of grounds.

The analysis revealed adapted and dissonant objects existing buildings, and describes their impact on the visual perception of the river panorama of the city of Khabarovsk.

Keywords: dominant, types of domination, river panorama of the city adapted and dissonant objects.

Seki Kazuaki
skkzarc@kanto-gakuin.ac.jp
KGU, Yokohama, Japan

URBAN SPACE OF KAMAKURA
CITY OF SAMURAI DURING THE MIDDLE AGES IN JAPAN

Abstract - This report provides historical information on restored concepts and images of the urban space of Kamakura from the 12th to the 14th centuries during the Middle Ages in Japan. I intend to show fundamental elements of the city and its structure as a highly unique example of urban space in the history of Japan.

Keywords: Kamakura; urban space and fabrics; *Yato*; *Kiritos*hi*; Wagaejima;* Wakamiya-oji

1. Dual capital. Minamoto Yoritomo established Kamakura *Bakufu* ("tent government" or "shogunate") in 1180 as a "second" capital where political and military headquarters were located. At the time, Japan had two separate governments, each handling its own sphere of activities and not interfering with the other.

In Kyoto (*Heian-kyo*), the Imperial Palace still existed as a ritualistic and symbolic center. The Palace was recognized as the "first" Japanese capital in the Middle Ages. During this period, a "dual" system of governance existed, characterized by ritualistic or religious power in Kyoto and political or military power in Kamakura (*Fig.1*).

2. Locations and Topography. Kamakura is located in the eastern part (*Kanto*) of mainland (*Honshu*) Japan and is approximately 500 km away from Kyoto. The structure of the Kamakura urban space was not totally artificially designed but was mainly topography-oriented. Natural elements such as seashore and beach, rivers, hills, and valleys formed its fundamental structure (*Fig.2*).

3. Hill–Valley: *Yato* and *Kiritoshi.* One major reason that Yoritomo chose Kamakura as the home of the samurai regime was the topographical features of the area. The east, west, and north directions of Kamakura are surrounded by hills, and only the south direction faces the sea. Thus, protecting the area from intruders is easy and attacking it is difficult. In fact, these topographical features enhanced the function of a "walled city" without requiring man-made boundaries such as walls and gates.

However, in some of the hills, *Kiritoshi*, a narrow strait at the summit, was created to serve as a node of traffic to areas outside of the city. In addition, numerous hill–valley combinations called *Yato* existed in Kamakura. Many of the major political institutions and religious facilities, such as ruler's residence, temples, and shrines, were located in the plains of *Yato*, which bite into the hills. Serpentine-shaped city boundaries trace the natural topography (*Fig.3*).

4. Beach and Port: *Wagaejima.* In Kamakura, a ruin of the oldest port in Japan can be found; called *Wagaejima*, it is located in the south part of the beach that is open to the sea (Sagami Bay). It was built in 1232 and was said to be completed in only 26 days. Today, some parts of the port still remain by the beach.

This port was useful in importing and exporting goods, as well as in the passage of humans and information, to both domestic and foreign districts, mainly in the south part of China. Trade activities developed through the sea route from this port (*Fig.4*).

5. Streets and Zoning. In 1182, Yoritomo erected *Wakamiya-oji*, a vast (33m width) and straight causeway from *Yuigahama* beach to *Tsurugaoka Hachiman* precinct. It is a strong axis that organized the entire city. This causeway was maintained through successive eras of Northern and Southern Court, Muromachi, Warring States, and Edo until the present day. Thus, it is an important element that symbolizes Kamakura, the capital of the samurai.

This type of "boulevard" that runs through the center of the north–south axis reflects cultural influences from the Chinese continent, such as *Sujyaku* Avenue in Japan's ancient cities of *Heijo-kyo* and *Heian-kyo*. However, the strict grid system of street pattern and zoning in *Jobo-sei* was not introduced in Kamakura (*Fig.5*).

6. *Gosho*: *Shogun*'s residence and governmental headquarter of *Bakufu*. In October 1180, Minamoto Yoritomo moved into Kamakura and then stayed in a place called *Okura*. In this place, he built a new residence and administrative headquarters called *Gosho* (from the description of *Azuma Kagami*). New buildings of *Gosho* were

completed in December of the same year and were used over the first three generations of the *Genji* regime; they were called *Okura Gosho*.

However, *Gosho*, the center of the Kamakura shogunate, was transferred several times from 1180 to 1333 to the following locations:

Okura Gosho: 1180 to 1219.

Nikaido-oji Gosho (provisional): 1219 to 1225.

Utsunomiya Zushi Gosho: 1225 to 1236.

Wakamiya-oji Gosho: 1236 to 1333.

Most archaeological relics in the lower layer of the existing urban area have not been uncovered, so the image of each *Gosho* is represented only by partial excavations and fragmentary descriptions in the historical literature.

Recently, research on the history of medieval urban space and architecture has developed. The discovery of new evidence through archaeological excavations and historical literature unveiled the function and meaning of these *Gosho*s (*Fig.6*).

7. Religious Facilities: Shrines and Temples. Many shrines and Buddhist temples existed in medieval Kamakura. Among them, *Tsurugaoka Hachiman* is the most important because its origin dates back to 1063 and 1081, and it was founded by an ancestor of the Minamoto family. It was initially located near *Yuigahama* beach (*Fig.7*).

Yofuku-ji is a highly unique temple in Kamakura that Yoritomo ordered to be constructed in memory of the deceased in the *Oshu* battle of 1192. The temple was designed to imitate *Nikai-odo* in *Chuson-ji* at *Hiraizumi* (*Fig.8*).

Kencho-ji was established in 1253 as the first temple of Zen Buddhism by *Rankei-douryu*, a monk from Sung. The compositional layout of various buildings is supposed to trace the original style of temples in Sung China (*Fig.9*).

Great Buddha (*Daibutsu*) is an approximately 12-meter high bronze statue of *Amida*, which is almost equal in size but far more sophisticated than the Great Buddha dedicated for *Todai-ji* at Nara in 752 (*Fig.10*).

8. Residence of Samurai. Since 1984, relics at *Imakoji-nishi* were continuously excavated and ruins of several residences that were supposed to be used by high-class samurai (*Gokenin*) were discovered. Many fragments of objects, including ceramic items from China, were also found (*Fig.11*).

Epilogue. In January 2012, the Japanese government submitted a recommendation document titled “Kamakura, Home of the Samurai, Japan” for registration of the area as a UNESCO World Heritage Site. However, in April 2013, the International Council on Monuments and Sites (ICOMOS) recommended Kamakura as “not to be described” to UNESCO. Thus, the Japanese government withdrew the application.

Although Kamakura has a unique character that was formed by the samurai regime during the Middle Ages in Japan, it has no sufficient appeal from a global perspective.

At the same time, many important urban fabrics that tell the history of Kamakura have not been revealed as having “universal value” in human history.

Evidently, the entire picture of urban space in Kamakura during the Middle Ages in Japan has not been presented clearly. Thus, further research on this area is necessary.

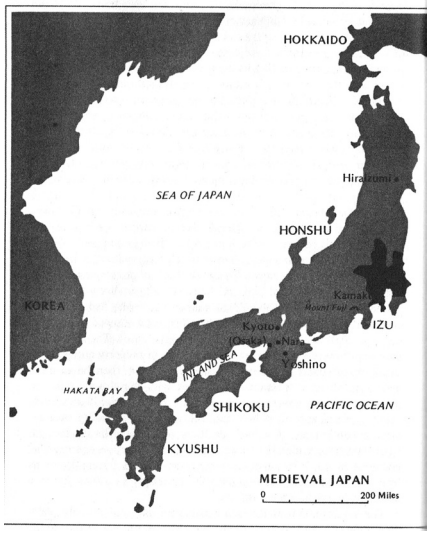


Fig.1. Map of Medieval Japan

Fig.2. Topography of Medieval Kamakura (Model)

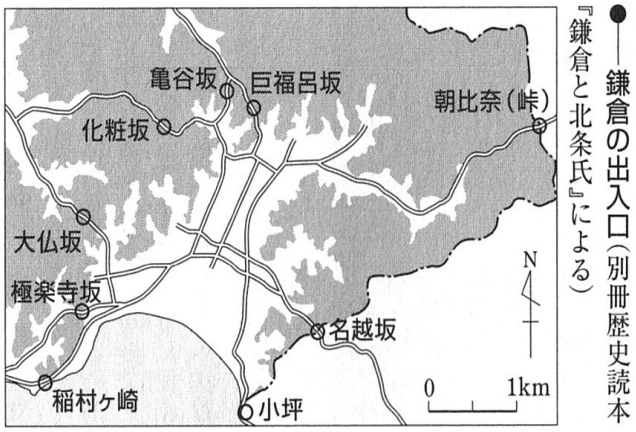


Fig.3. Position of Kiritoshi

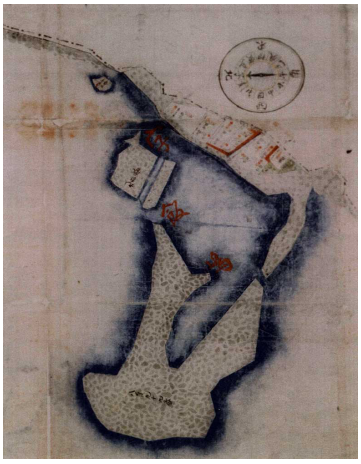


Fig.4.Wagaejima

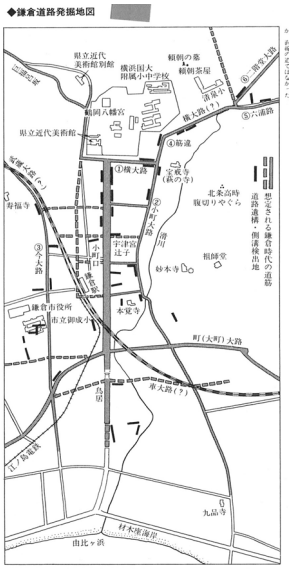


Fig.5. Wakamiya-oji

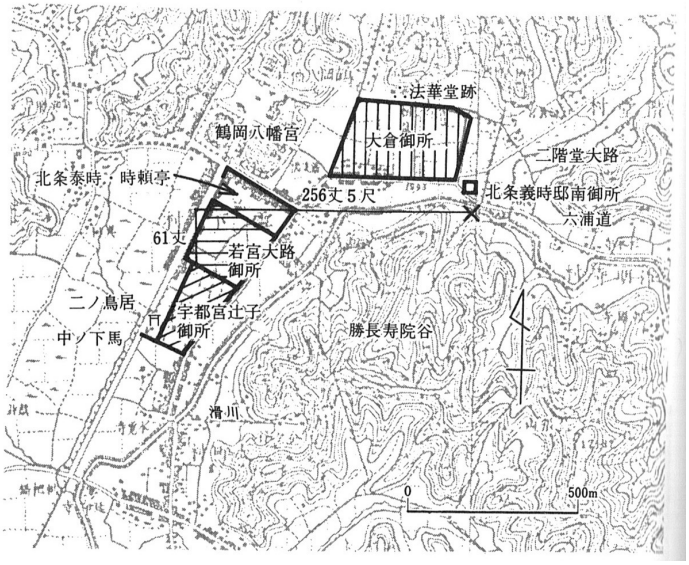


Fig.6. Places of Goshos

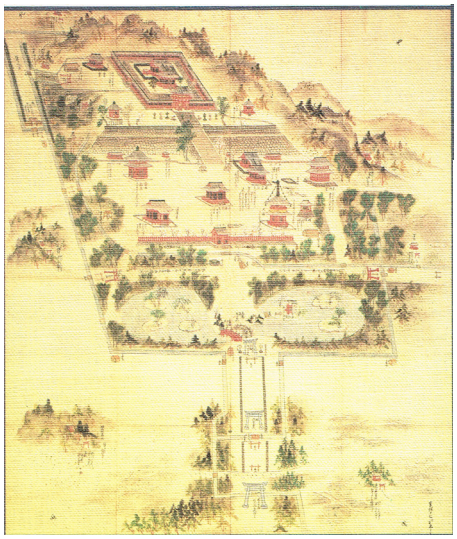


Fig.7.Tsurigaoka Hachiman

●——永福寺想像復元図（原画：木村春美）

Fig.8.Yofuku-ji (Reconstruction drawing)

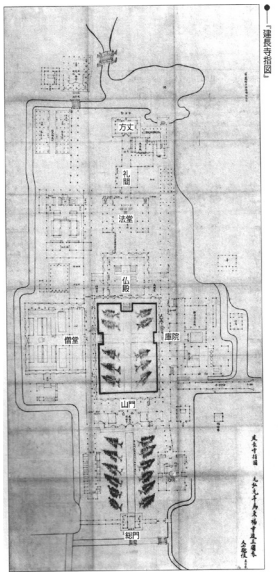


Fig.9. Kencho-ji

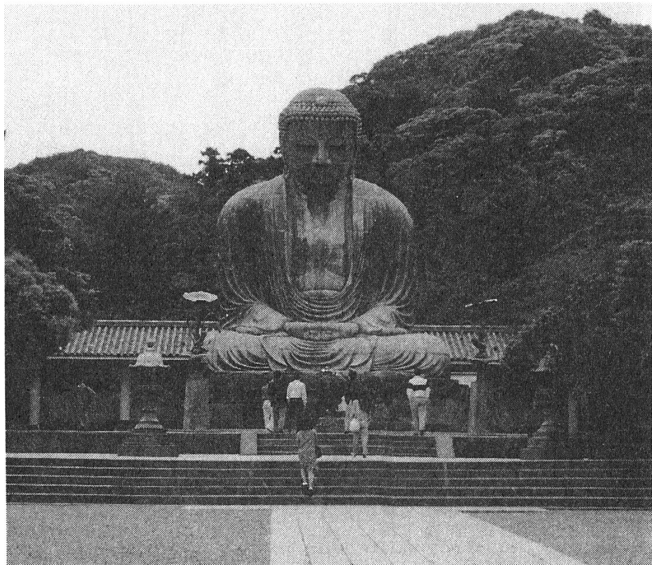


Fig.10. Great Buddha (Daibutsu)

●——今小路西遺跡想像復元図（指導：鈴木亘，イラスト：松本徹）

Fig.11. Residential area of Samurai (Imakoji-nishi zone, reconstruction drawing)

Сёки Казуаки
skkzarc@kanto-gakuin.ac.jp
КГУ, Йокогама, Япония

ГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВА КАМАКУРЫ. ГОРОД САМУРАЕВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ

Абстракт - В данном исследовании представлена историческая информация, концепции реконструкции и изображения городских пространств города Камакура XII–XIV вв. Автор стремится показать основные элементы города и его структуру как уникальный пример средневекового урбанизированного пространства в истории Японии.

Глава победившего военного клана Минамото Ёритомо основал Бакуфу (Временное правительство военных или "сёгунат") в 1180 г. в Камакуре как вторую столицу, где были размещены политические и военные структуры управления страной. В то время Япония имела два раздельных правительства (императорское и военное), каждое поддерживало свою собственную сферу влияния и не взаимодействовало с другим. Императорский дворец в Киото (Хэйанкю) был церемониальным и символическим центром страны. Дворец официально считался «первым правительством» в Средние века. Таким образом, было ритуальное и религиозное правительство в Киото и политическое и военно-экономическое правительство в Камакуре.

Камакура расположена в восточной части (Канто) главной территории страны (остров Хонсю), приблизительно в 500 км от Токио. Структура городского пространства Камакуры не была полностью художественно решена, но топографически идеально подходила для новой столицы самураев. Природные элементы, такие как морской берег и пляж, реки, холмы и долины, сформировали его изначальную живописную структуру (в отличие от Киото, выстроенного на строго регулярной основе). Одна из главных причин, по которой сёгун Ёритомо выбрал Камакуру как дом самурайского правления, были топографические особенности местности. Восточное, западное и северное направления Камакуры окружены холмами. И только южное направление ориентировано на море. Таким образом, защита территории от нападающих легка, вместе с тем атака на город сложна. В городе до сих пор сохранился ряд важных синтоистских святилищ и буддийских храмов, а также центр планировочной структуры.

Однако заявка на памятник ЮНЕСКО была отклонена в силу ее не проработанности. И это задача для будущих исследователей.

Ключевые слова: Камакура, городские пространства и ткани, Ято, Киритоси, Вагаэдзима, Вакамийа-одзи.

Ульчицкий О.А., Булатова Е.К.
archi-mgtu@mail.ru; bulatova_ek@bk.ru
МГТУ, Магнитогорск, Россия

ТРИАДА АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В АРХИТЕКТУРНОЙ НАУКЕ

Абстракт - одна из проблем архитектурной науки сегодня – это поиск путей исследования современной архитектуры. В статье обозначены основные научные подходы к изучению современной архитектуры и рассмотрено каждое направление в отдельности: «междисциплинарное», «творческое», «историко-архитектурное». «Междисциплинарное» или синергетическое направление изучению современной архитектуры рассматривается как ведущий теоретическое направление в российской архитектурной науке. «Творческое» или «креативное» направление - рассматривается как наиболее перспективное с точки зрения развития «новейшей архитектуры» и развития практико-экспериментальной и творческой деятельности в архитектурной науке, представляя реальным научным результатом (открытием) – новое видение или новые технологии в архитектуре как в искусстве. «Историко-архитектурное» или «стилевое» направление – рассматривается как необходимое теоретическое направление по накоплению знаний и опыта в процессе смены архитектурных стилей и направлений, а так же в привнесении в архитектурную науку новых терминов, понятий, фактов из мира современной архитектуры. Данное направление необходимо так же как основа изучения или ознакомления с архитектурой любого периода.

Ключевые слова: современная архитектура, синтез искусств, творческий, «креативный», синергетический, стилевой, междисциплинарный, историко-архитектурный, искусствоведческий подход.

Синергетический подход в архитектурной науке. Прежде чем изучать современную архитектуру, необходимо разобраться: а как же сегодня наука подходит к этому вопросу?

На основе собственного опыта и анализа общемировых тенденций, выделим **триаду** актуальных направлений, которые направлены на изучение современной архитектуры:

междисциплинарный или «*синергетический»*[14] (включает множество различных теоретических подходов не только к современной архитектуре, но и к архитектуре в целом, таких как: семиотический, метафизический, морфологический, математический, типологический, экологический и пр.);

творческий («креативный») или «созидательный» – синтез искусств;

«историко-архитектурный» («стилевой») или искусствоведческий.

Другие подходы если они и возможны, носят не научный или околонаучный характер и используются в достижении конкретного результата, н.р.: «журналистский» или научно-познавательный и др.

Междисциплинарный или синергетический подход совмещает две или более областей знаний, в которых рассматривается архитектура, обосновываясь попытками найти в различных научных областях связи с объектом исследования, в нашем случае с современной архитектурой. Например, семиотика и архитектура – это аспект или подход к изучению современной архитектуры в контексте семиотики. Семиотика — научная дисциплина, исследующая формальные свойства знаковых систем. Фактически — это система знаков, посредством которой определяются те или иные свойства реальных объектов, предметов [19].

Современная архитектура может быть исследована и как «образосодержащее» или «смыслосодержащее» явление, где используется, условно названый нами, «метафизический подход» к архитектуре. Основа теории такого подхода формируется в области философии Гегеля, Шпенглера, Гессе, Гёте, Умберто Эко и д.р.

Архитектурная морфология – противопоставляется типологическому подходу и изучает любую архитектуру вне историко-культурного контекста. Такой подход к архитектуре рассматривает ее как биологическую структуру или как результат влияния законов физики природы на объект, фактически, являясь синтезом архитектуры и различных областей естественных наук: геометрии, физики, математики и др. Основателем такого подхода в архитектуре, считается А.Г. Габричевский [2] теоретик архитектуры I пол. XX в., который позаимствовал теоретические основы данного подхода у своих современников, физиков и математиков: Н.И. Лобачевского, В.И. Вернадского и др.

В этом же направлении, можно назвать и экологический подход, но сегодня он может рассматриваться не только в ***междисциплинарном*** аспекте, но и в творческом или «стилевом». Современные исследования, направленные на результаты создания энергосберегающей, ресурсосберегающей, «зеленой» архитектуры, «арборархитектуры», «геоархитектуры» и «экофункционализма» –являются наиболее приоритетными в современной архитектурной науке.

Современные российские ученые, занимающиеся исследованием современной архитектуры в синергетическом аспекте: Н.А. Сапрыкина; Е.М. Микулина; А.Г. Раппапорт; И.Г. Лежава; А.В. Боков; В.А. Нефёдов; Ю.А. Табунщиков; Л.П. Холодова; И.В. Шубенков; Ю.С. Янковская и др.

Творческий или «креативный» подход в архитектуре. Второй подход, который сегодня, фактически, забыт в России, но активно развивается за рубежом, являясь продуктом творческой деятельности Starchitects – «***творческий»*** или ***«синтез искусств»***.

Основателями такого подхода к исследованию современной архитектуры, их можно так же назвать первооткрывателями или даже «законодателями» формообразования современной архитектуры, художественного осмысления архитектуры как искусства, — это многие выдающиеся художники и архитекторы XX века: фактически все супрематисты: Кандинский, Малевич, Ладовский, Лисицкий, Хидекель и многие др.; русские конструктивисты: И. Леонидов, К. Мельников, Я. Чернихов, братья Веснины и др. Западные модернисты и неопластицисты: от Пита Мондриана и Т. Ван Дусбурга до школы «Баухаус» В. Гропиуса и функционализма Ле Корбюзье и Миса ван Дер Роэ и д.р. Данный подход воплощается в их теоретических работах и реализованных проектах.

В России, сегодня этот подход, находится в состоянии анабиоза. Развитие да-

ется только художественно-теоретическому направлению: позволим себе сослаться на докторскую диссертацию М.В. Дуцева «Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре» [4] (см. рис). Анализируя, последнюю с точки зрения современной архитектурной науки, подводящую определенную черту в исследовании современной архитектуры, работу по теории архитектуры, можно отследить попытку - дать ход творческому подходу к современной «новейшей архитектуре» [4].

Фактически, автор предлагает усиление художественно-теоретического в архитектурной науке, рассматривая современную архитектуру сквозь «призму» неких художественных образов, но он никак не включает деятельную «креативную» суть этого подхода.

Работа представляет новый взгляд на современную архитектуру в художественном контексте субъективного представления о смысловом и образном содержании той или иной формы пока только в теории, что было так же отмечено на защите докторской диссертации Михаила Викторовича членами Диссертационного Совета в ННГАСУ.

Несмотря на такую уверенную заявку: продолжить в творческом направлении исследовать современную архитектуру и приоткрыть некие фундаментальные принципы, в его случае, основанные на «теории полей» [4], данное направление, продолжает оставаться приоритетным исключительно для реальных творческих экспериментов, синтеза различных областей искусства ни сколько в теории, а в реальной практике художественной либо иной; в реальных лабораторных экспериментах, подобно тому, как это делал, например, А.М. Родченко, создавая новые технологии в искусстве, экспериментируя с фотографией, живописью и анимацией изображений. Примерно тоже делал В. Кандинский с живописью. Все эти эксперименты в дальнейшем использовались в архитектурных композициях, однако стоит принять, то, что молодой доктор, приоткрыл тайну творческой составляющей в современной архитектуре, «препарировав» множество объектов постмодернизма, неоавангарда и многого другого, в своём исследовании.

Идея восприятия современного архитектурного объекта как произведения искусства, по сути — субъективное восприятие как таковое, и есть суть этого подхода. Наиболее значимые отечественные исследователи в этом направлении: Малевич, К.С., Кандинский, В.В., Чернихов, Я.Г., Родченко, А.М. и др.

Историко-архитектурный научный подход. Третий подход – ***«стилевой»*** или классический - ***историко-архитектурный*** подход к развитию современной архитектуры (исследование «стилеобразования» в современной архитектуре и выявление стилеобразующих тенденций). В этом направлении работает множество исследователей: архитекторов и искусствоведов. Нет необходимости заострять внимание на данном подходе, т.к. он рассматривает архитектуру в историко-культурном контексте от её истоков по н.в., определяя границы возникновения архитектуры 4-5 тыс. до н.э. и оперирует такими понятиями как «архитектурный стиль», «единство стиля» [6] и пр.

Период зарождения «современной архитектуры» - от эпохи промышленной революции, сер. XIX в. по н.в. Как правило, «стилеобразование» современной архитектуры рассматривается от начала эклектики или зарождения промышленного дизайна, и как последовательная или параллельная смена стилей и направлений, завершается обзором «актуальных направлений» в архитектуре.

Наиболее интересные работы отечественных ученых в данном направлении, представлены: А.В, Иконниковым, И.А. Добрициной, Д.Л. Мелодинским, С.М. Хан-Магомедовым и др.

Рис. Защита докторской диссертации Дуцева М.И. – новейший творческий подход к современной архитектуре. Слева, выступления официальных оппонентов: докт. арх., проф, зав. каф. ДАС МАРХИ Ефимова, А.В. и докт. арх., проф., зав. каф. ТАиПК УралГАХА Холодовой Л.П.

Заключение. Триада актуальных научных направлений в архитектурной науке – это исключительно современной явление на рубеже XX и XXI вв. Архитектурная наука в России, ищет альтернативные пути развития: появляются новые теории, возникают новые концепции понимания традиционных вещей. Научные сообщества архитекторов-теоретиков, архитекторов-историков и архитекторов-практиков, рано или поздно должны объединиться, создав, таким образом, Триаду и, заменив, тем самым, морально устаревшую систему творческих Союзов и научных школ. «Триады» должны так же объединить ныне существующие Союзы, современные научные школы и исторически сложившиеся институты, давая возможность архитектору получить актуальную теоретическую базу; практические навыки, дающие возможность экспериментировать и создавать новые (авторские) технологии и концепции, а так же необходимые энциклопедические знания истории архитектуры и профессиональную грамотность в его области деятельности.

Список использованных источников литературы:

1. Булатова, Е. К. Формирование архитектурной среды туристского центра для малых и средних городов (на примере Южного Урала) : автореф. дис. … канд. арх. : 05.23.20 / Е.К. Булатова ; Министерство образования и науки Российской Федерации ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет». – Нижний Новгород, 2014.
2. Габричевский, А. Г. Морфология искусства / А.Г. Габричевский. – М.: Аграф, 2002.
3. Добрицына, И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки / И. А. Добрицына. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с. : ил.
4. Дуцев, М. В. Концепция художественной интеграции в новейшей ар-

хитектуре : автореф. дис. … д-ра арх. : 05.23.20 / М.В. Дуцев ; Министерство образования и науки Российской Федерации ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет». – Нижний Новгород, 2014.

5. Из архива русского авангарда. Проспект к выставке «Советское искусство 20-х-30-х гг.» / В.В. Кандинский. – Ленинград, 1989.

6. Иконников, А. В. Архитектура XX века. [Текст] : Издание в 2-х т. Т 1. : Утопии и реальность / А. В. Иконников. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 656 с. 1055 ил.: - (Высшее профессиональное образование: РГНФ, Российская академия архитектуры и строительных наук).

7. Кандинский, В. В. Конкретное искусство / В.В. Кандинский // L'art concret // XXe Siècle (Paris). 1938. № 1. P. 9-15. – Режим доступа: http://www.kandinsky-art.ru/library/isbrannie-trudy-po-teorii-iskusstva96.html

8. Корбюзье, Ле. Тайны творчества: между живописью и архитектурой / Ле Корбюзье ; сост. и науч. ред. Жан-Луи Коэн. – Москва : ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2012.

9. Малевич, К. С. Черный квадрат / К. С. Малевич. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2003. – 576 с.

10. Мелодинский, Д. Л. Постмодернизм. Статика-динамика – поиски нового языка художественной выразительности / Д. Л. Мелодинский // Архитектура и время. – 2010. – № 3. – С. 86-87.

11. Раппапорт, А. Г. К пониманию архитектурной формы : автореф. дис. … д-ра искусствоведения : 18.00.01 / А. Г. Раппапорт ; Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостр-ва. – Москва, 2000.

12. Современные проблемы архитектуры, изобразительного искусства и дизайна: Межвуз. сб. науч. тр./ Отв. ред. О.А. Ульчицкий. – Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2009.- Вып.2.

13. Хан-Магомедов, С. М. Супрематизм и архитектура (проблемы формообразования) / С. М. Хан-Магомедов. – Москва : Архитектура-С, 2007. – 520 с. : ил.

14. Холодова Л.П. Глобальная креативность: синтез архитектуры с другими научными дисциплинами / Л.П. Холодова, Я. Янкова, С.С. Титов // Архитектон: известия вузов. – 2004. – №1. Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2004_1/ta01

15. Чернихов Я.Г. Основы современной архитектуры / Я.Г. Чернихов - Л.: Изд. ЛОА, 1931.

16. Шевелёв, И. Ш. Формообразование. Число. Форма. Искусство. Жизнь / И. Ш. Шевелёв. – Кострома : ДиАр, 1995. – 166 с.

17. Шубенков, М. В. Структурные закономерности архитектурного формирования / М.В. Шубенков. - М.: Архитектура-С, 2006. — 320 с.

18. Янковская, Ю.С. Семиотика в архитектуре – диалог во взаимодействии: Место семиотических исследований в современной теории архитектуры. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2003. – 125 с.: 73 ил.

Ulchycky O. A., Bulatova E. K.
archi-mgtu@mail.ru; bulatova_ek@bk.ru
MSTU, Magnitogorsk, Russia

TRIAD OF CURRENT TRENDS IN ARCHITECTURAL SCIENCE

Abstract - One of the problems in architectural science today is a search of ways to study modern architecture. The article outlines the key scientific approaches to the study of modern architecture and considered each direction separately: “interdisciplinary”, “creative”, “historical-architectural.” In the article the main scientific approaches are outlined for studying of modern architecture and considered each of directions separately: “interdisciplinary”, “creative”, “historical-architectural”. “Interdisciplinary” or synergistic understanding of modern architecture is considered as a leading theoretical direction in the Russian architectural science. “Artistic” or “creative” direction is considered as the most promising in terms of development of “modern architecture” and the development of practice-experimental and creativity in architectural science, presenting the real scientific result (opening) a new vision or new technologies in architecture, as in art. “Historical-architectural” or “style” direction is regarded as the necessary theoretical direction for the accumulation of knowledge and experience in the process of changing architectural styles and trends, as well as bringing in architectural science new terms, concepts, facts from the world of modern architecture. This direction is necessary as the basis of learning or familiarization with the architecture of any period. Triad of current scientific directions in architectural science is exclusively modern phenomenon at the turn of XX and XXI centuries. Architectural science in Russia is looking for alternative ways of development such as new theories, new concepts of the understanding traditional things. The scientific communities of theorists-architects, historians-architects and practitioners-architects sooner or later must unite and create by this way the Triad, which replace the obsolete system of creative Unions and scientific schools. “Triad” should join existing Unions, modern scientific school and historically formed institutions, for getting to the architect the actual theoretical base, practical skills, which enable them to experiment and create new (author) technologies and concepts, as well as the necessary encyclopedic knowledge of the history of architecture and professional competence in his field.

Keywords: modern architecture, synthesis of arts, artistic, “creative”, synergistic, style, interdisciplinary, historical-architectural, artistic approach.

Хворостьянов К.Д., Панчук Н.Н.
khvorostyanov93@gmail.com; panch-03@inbox.ru
ТОГУ, Хабаровск. Россия

ИНТЕРАКТИВНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО, КАК ЧАСТЬ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И АНАЛИЗА

Абстракт - Исследование посвящено развитию интерактивной медиа-среды, рассмотрено её нынешнее состояние и исследованы пути дальнейшего развития. Выявлены новые потребности современного общества, связанные с развитием информационных технологий. Проводится анализ современных инструментов проектирования и анализа городской среды. Рассмотрены существующие стилистические платформы, имеющие достаточный технический и аналитический потенциал, для формирования интерактивной среды, а так же способы взаимодействия социума с динамической средой. Вводится понятие анима-модели, как нового способа анализа существующей ситуации и следующей ступени развития параметрических моделей. Описываются проблемы интеграции медиа-среды в городскую ткань, и приводятся возможные пути их решения.

Ключевые слова: интерактивность; динамичность; медиа-среда; параметрическая модель; анима-модель; информационное общество.

1. Формирование новой интерактивной, медиа-среды, предпосылки и пути её развития. Окружающая нас среда, всегда являлась фундаментом для дальнейшего развития общества. А точнее, всегда было желание человека сделать эту среду более комфортной и безопасной. Условия в которых мы находимся имеют непосредственное влияние на все сферы нашей жизни. Изначально, самыми главными факторами являлись природные условия в которых мы находимся, в основном климатические условия. Людям приходилось заботится о тепле, свете, воздухе и т.д. Но этого недостаточно для удовлетворения всех современных потребностей человека. И на протяжении всей истории, условия комфортности растут качественно и количественно. Желание людей изменить, или создать искусственно, окружающее их пространство, является мощным фактором развития архитектуры, который заставляет архитекторов реагировать на малейшие изменения в обществе. На наш взгляд, одним из последних глобальных факторов, изменивших жизнь всех и каждого, стал факт создания интернета и последовавшая за ним волна тотальной технологизации общества.

В настоящее время всемирная паутина имеет огромное влияние на нашу жизнь, мало того, что мы можем получить любого рода информацию (книги, музыка, фильмы и т.д.) в любом месте, и в любое время, так же мы имеем безграничный доступ к общению и коммуникации (соц. сети, форумы, блоги и т.д.). Все сферы нашей жизни постепенно отцифровываются и становятся неосязаемы. Эти явления стали неотъемлемой частью нашей жизни и подталкивают архитекторов на непосредственные изменения и в городской среде. Нас перестали устраивать статичные простран-

ства, созданные ранее. Теперь мы хотим от окружающей нас действительности той же динамичности, гибкости и интерактивности, которые присущи виртуальной реальности. Постепенно появляются новые критерии комфортности, в основном они связанны с логистикой, коммуникацией и по большей части со сферой впечатлений.

Людям давно известно, что различные факторы среды, такие как цвет, форма, звук и т.д. имеют влияние на наше эмоциональное и физическое состояние. Мы научились использовать окружающую среду, чтобы влиять на состояние человека, но в нынешней ситуации, от нас требуется нечто совсем другое. Архитекторы и дизайнеры должны научиться создавать такую среду, которая давала бы людям отклик в зависимости от их состояния. Таким образом мы приближаемся к концепции интерактивного пространства, постоянно изменяющего, эволюционирующего, гибкого и динамичного. Архитектура переходит в разряд высокотехнологичного продукта, и здесь нужно чётко понимать, что это связанно не только с архитектурным обликом построек, но и с их наполнением некими, медиа функциями.

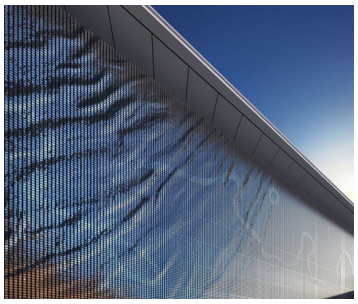
Рис.1. 1,2–Биметаллический павильон, Дорис Ким Сунг 3–Купол лотоса, освещающий Иерусалимскую пещеру Даан Розенгард

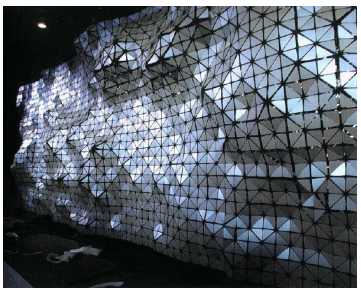
2. Нынешнее состояние интерактивной среды и инструменты для её создания. И так, что же мы, архитекторы, готовы предложить людям в сложившейся ситуации? Прежде чем двигается дальше стоит понимать, что интерактивная среда разнообразна и имеет множество видов, так например она может быть автоматической, то есть без влияния на неё человека. Такая среда изменяется под воздействием каких-либо физических факторов, окружающего нас пространства. Примером интерактивной среды, без прямого участия человека, могут служить оболочки из термобиметаллов (рис.1), реагирующие на температурные изменения окружающей. Такие оболочки могут использоваться для затенения фасадов в зависимости от температурного режима или отвечать за проветривание объекта. Другим видом интерактивности, может служить медиаискусство, имеющее довольно разнообразную классификацию, от видео- и саундарта, до сетевого искусства. Ещё одним ярким примером интерактивности являются генеративные инсталляции и интерактивные перформансы. В последнее время широкое распространение получили интерактивные фасады с использованием различного вида подсветки, проекций и т.д. (рис.2) Не менее интересными являются и интерактивные полы, использующие разнообразные цветные жидкости и светодиоды. Предпосылкой к созданию масштабных интерактивных моделей городов являются интерактивные карты, имеющие огромную популярность в настоящее время (2гис). Это далеко не все виды интерактивного взаимодействия человека с пространством. Мы находимся лишь в начале долгового пути изучения и освоения принципов взаимодействия медиа-пространства и человека.

Что же в настоящее время представляет собой проектирование новых медиа пространств и объектов, и какими инструментами обладают архитекторы на данный момент? Естественно предположить, что традиционные методы проектирования не полностью удовлетворяют концепции интерактивности. Мы уже никогда не сможем отказаться от чертежей и моделей будущих объектов, но теперь нам потребуется «оживить» и проанализировать их в цифровом формате, прежде чем предварять свои замыслы в жизнь. Благодаря цифровым технологиям и программированию мы можем анализировать и учитывать не только внешние факторы окружающей среды, но так же принимать во внимание и исследовать социальную составляющую в которой будет существовать наш проект. Примерами в настоящее время могут послужить пред-проектные исследования связанные с социальными сетями, базами данных транспортных систем, эффективностью использования тех или иных территорий и т.д. Создание в будущем интерактивной модели города на основе всех собранных и постоянно обновляемых баз данных даёт возможность проектировать более эффективных объектов городской среды. Если же говорить о городе в целом, то такие методы анализа дают нам возможность выявить предпочтительные векторы дальнейшего развития отдельных территорий или систем.

Рис. 2.1-Cosmo, генеративная инсталляция, Mathrioshka
2.2-Shukhov Space, Интерактивный перформанс, Mathrioshka

Какие же направления в архитектуре более всего связаны с интерактивностью окружающего нас пространства и обладают соответствующим аналитическим потенциалом? Сразу же можно сказать, что ни одно архитектурное направление сформировавшийся до 20 века не отвечает нужным нам параметрам, из-за недостаточной интеграции с современными технологиями. Ко всему прочему статичность в архитектуре прошлых столетий не даёт нам нужной динамики в эстетическом аспекте интерактивных объектов будущего. Привязанность к жёстким формам, следование определённым концепциям и правилам, отсутствие важных технических аспектов проектирования с возможностью обработки больших баз данных, делает невозможным полный анализ градостроительной ситуации и создание динамического, интерактивного пространства. Наиболее подходящими стилем является параметризм, благодаря высокой степени интеграции информационных технологий в процесс проектирования и анализа. Это делает возможным создание сложных, с технической точки зрения, объектов и моделей. К тому же этот стиль никак не привязаны к конкретному месту и времени, и не несёт в себе никакой национальной окраски, то есть в зависимости от места мы можем накладывать требуемый эстетический шаблон, отвечающий требованиям той или иной местности или





3 - Turbulent Line - Kinetic Façade Brisbane Domestic Terminal Car Park
4-Hyposurface

общества. Рассмотрим подробнее сформировавшиеся виды параметрических объектов, как возможные варианты основы будущей интерактивной медиа-среды:

-Nurbs-поверхности. Является математической формой, отображающей абсолютно гладкие поверхности.

-Сечения. Метод при котором возможно создать сколь угодно сложную форму по средством деления её на сечения.

-Двойное сечение. Отличается от предыдущего пункта использованием сеточной структуры сечений.

-Сетка Вороного. Математический метод разбивки плоскости или пространства на части.

-Паттерны. Множество элементов изменяющийся по определённым правилам и алгоритмам.

-Минимальная поверхность. Поверхность, у которой средняя кривизна равна нулю во всех точках.

-Цепная поверхность. Поверхность созданная при помощи цепных линий.

-Metaball. Способ создания сложных сглаженных поверхностей, по средствам множества полярно заряженных частиц. (рис.3)

Кроме того, параметризм интересен ещё и тем, что включает в себя методы оптимизации интерактивных моделей под влиянием интересующих нас факторов и при их изменении. Это подталкивает нас к созданию нового типа модели, которую можно назвать Анима-моделью (Anima-model от лат. animus-ум). Такая модель будет сочетать в себе привычную нам 3D-модель, но с одним исключительным отличием, она будет изменяться и оптимизироваться под влиянием существующих окружающих факторов и собранных данных. Ко всему прочему построение такой модели будет правомерно, как для определённого объекта, так и для города в целом. Совокупность всего вышеперечисленного даёт нам возможность для начала формирования интерактивной медиа-среды.

Рис.3. 1-Nurbs-поверхность 2-Сечения 3-Двойное сечение 4-Сетка Вороного 5-Паттерны 6-Минимальная поверхность 7-Цепная поверхность 8-metaball

3. Аналитика информационного пространства. Так же стоит поговорить о том, как используются информационные сети, для анализа существующей городской среды. Довольно неново использовать информацию из социальных сетей или данные сотовых операторов при планировании городского пространства. Но работа с таким видом данных отличается от обычных статистических расчётов. Здесь

имеет месть совершенно другой способ представления этой информации, в первую очередь это связанно с тем, что эти данные имеют определённую геолокационную привязку и не могут рассматриваться в статичном виде, то есть требуется рассматривать такие данные на протяжении какого-либо периода времени, что даст более обширную картину действительности.

Например, вы проводите анализ городской среды, основанный на высказываниях людей в социальных сетях о комфортности тех или иных мест в городе. В итоге вы получаете данные, которые кроме каких-то числовых характеристик имеют степень окраски высказываний, геолокационное положение и временные характеристики. Логично предположить, что обычное представление этих данных, например в виде диаграмм, карт и сводных таблиц, не охватывает все полученные характеристики, и требуется способ при котором будет видна реальная масштабность и динамика полученных результатов. То есть речь идёт о том, чтобы максимально разносторонне использовать полученные сведения. Реализовать это можно путём маркировки единиц информации в зависимости от запроса, но нужно понимать, что должна быть единая система графического представления результатов. Идея создания способа представления информационных систем не нова и в это направлении стремительно набирает популярность.

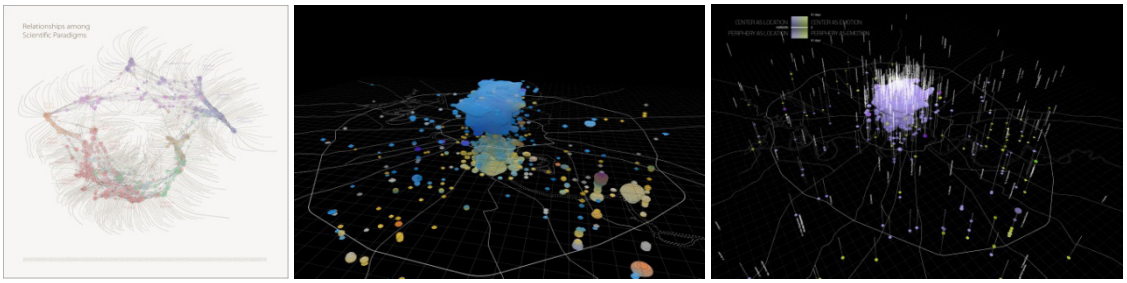


Рис.4. Инфографические схемы изображения данных на основе информационных систем

4. Проблемы интеграции элементов медиа-среды в существующую городскую ткань и возможные варианты их решения. Го́род — крупный (по сложившимся стереотипам) населённый пункт, жители которого заняты, как правило, не сельским хозяйством. Имеет развитый комплекс хозяйства и экономики, является скоплением архитектурных и инженерных сооружений, обеспечивающих жизнеобеспечение населения. Это лишь одно из общепринятых определений города, но чем же он является по своей сути, без чего город не будет являться городом? Ответ на этот вопрос очевиден, без людей. Именно люди формируют город, либо иной градостроительный объект, мегаполис, посёлок и т.д. Масса людей, в свою очередь, формирует общество. Из этого следует, что при интеграции новой медиа-среды следует в первую очередь отталкиваться от мнения и реакции социума на нововведения. В любом обществе существует сформировавшиеся мнения о том какой должна быть окружающая среда. Кроме того, любое общество многослойно и разнообразно по своей сути. Из этого следует вопрос, для кого же именно мы будем создавать эту новую среду? Точнее, как интегрировать эту среду с учётом мнения, пожеланий и возможностей каждого человека? На мой взгляд существует несколько путей решения этой проблемы. Одним из них может быть, ориентация оптимизации городской среды в сторону преодоления расслоения общества. Довольно сложный в реализации способ, в силу появления

дополнительных сложностей, связанных со сбором и обработкой данных. Так же этот способ будет тормозить развитие общества в целом, так как предпочтение в удовлетворении потребностей и комфорте будет отдаваться уязвлённым и менее развитым слоям социума. Ещё одним решением может служить, оптимизация по усреднённым данным. Довольно распространённый способ, при котором берутся средние показатели тех или иных факторов, но при таких условиях, эффективность объектов и территорий будет не максимальной. Следующим пунктом в списке решений выступает, смешанная оптимизация, которая бы меняла свой вектор в зависимости от каких-либо условий. Сложность заключается как раз в определении этих условий. Это далеко не все варианты и вопрос заслуживает дальнейшего рассмотрения и нахождения подходящего решения.

Следующей проблемой, и на мой взгляд важнейшей, является нынешняя система образования. И связи между специалистами разных направлений. Для успешного внедрения медиа-среды в городскую ткань, требуется совершенно другой подход к обучению, как следствие специалисты совсем другого уровня. Архитектору стало мало иметь знания в сфере проектирования, ко всему прочему ему приходится быть и социологом, и программистом, и даже музыкантом, чтобы успешно создавать интерактивные объекты. К сожалению существующие обучающие программы не предусматривают интеграции сторонних факторов в процесс обучения. Не так давно, у студентов появилась возможность изучать в университетах программные продукты для проектирования, раньше же им приходилось заниматься самообучением. В настоящее время, малое внимание уделяется продуктам связанным с программированием, хотя логично предположить, что именно такие продукты значительно упростят процесс проектирования медиа-объектов.

Решением этой проблемы могут стать студенческие исследовательские институты или исследовательские кластеры, так как сфера интерактивности в настоящее время мало изучена и имеет огромное разнообразие. Такие институты могут быть как узконаправленные, например изучающие только термобиметаллические оболочки, так и разнонаправленные, сочетающие в себе различные направления, например архитектурно-социологические. Так же это позволит внести в процесс обучения фактор взаимосвязи между различными специалистами.

Заключение. Таким образом, формирование медиа-среды происходит здесь и сейчас. На наших глазах, за последнее десятилетие, общественные связи эволюционировали и плавно перетекли в цифровой формат. И архитекторы, в сложившейся ситуации, просто не могут закрыть на это глаза, так как за изменениями социальных отношений, должны последовать изменения в городской среде. Город не должен потерять своей социальной функции, заключающейся в налаживании связей между людьми. Городская среда должна стремиться удовлетворять новейшие потребности социума, и для этого она должна подвергнуться изменениям направленным на формирование диалога с человеком. Интерактивность и динамичность архитектурной среды, понятия, которые могут ответить на вызов нового информационного пространства, формирующего современный социум.

Список использованных источников и литературы:

1. Интернет–проект «Хитека: Копилка знаний и идей по развитию архитектуры и автоматизации проектирования» / [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.hiteca.ru/

2. Хайман Эдуард. Видеолекция «Пространство вне себя», Москва: точка ветвления, 11 ноября 2011 / [Электронный ресурс] – режим доступа: http://vimeo.com/31642916

3. Хайман Эдуард. От мегаполиса к плагаполису. Новые зоны ответственности архитектора. // Архитектура и социальный мир / Отв. редактор И.А. Добрицына. – Прогресс-Традиция, 2012. – М., с. 270-284 ISBN 978-5-89826-398-0

4. Zhogolev Y. M., Luchkova V. I. GIS data sheet. Building information model (BIM) / Proceeddings the 17th inter-university seminar on Asian megacities. Natural risks and urban environment (Хабаровск, 6-8 сентября 2012 г.). – Хабаровск, 2012. – С. 234-240.

5. Вадим Смахтин. Лекция «Стремление к взаимодействию», Москва, Стрелка: воркшоп Взаимодействие, 2011 / [Электронный ресурс] – режим доступа: http://vimeo.com/30992320

6. Жоголев Ю. М., Лучкова В. И. Геоинформационные системы (ГИС) и геоинформационные технологии в архитектуре. / Новые идеи нового века – 2012 : материалы Двенадцатой международной научной конференции ФАД ТОГУ : в 2 т. / Тихоокеан. гос. ун-т. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. – Т. 1. С. 69-75.

Khvorostianov K.D., Panchuk N.N.
khvorostyanov93@gmail.com; panch-03@inbox.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

INTERACTIVE INFORMATSIOONOE SPACE AS PART OF URBAN ENVIRONMENT. MODERN METHODS OF DESIGN AND ANALYSIS.

Abstract – the research is devoted to the development of interactive media environment, reviewed her present status and investigated ways of further development. Identified new needs of modern society, associated with the development of information technology. Modern design tools and analysis of the urban environment are explored. Existing stylistic platform with sufficient technical and analytical capacity to form an interactive environment reviewed, as well as the ways of interaction of society with a dynamic environment. The concept of anima-model as a new method of analysis of the existing situation and the next stage of the development of parametric models entered. The problems of integration of the media environment in the city fabric are described, and provide possible solutions.

Keywords: interactivity; dynamics; the media environment; parametric model; anima-model; information society.

Целуйко Д. С., Лучкова В. И.
Dima123117@gmail.com; Vera.Luchkova@mail.khstu.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ЭЛЕМЕНТЫ КИТАЙСКОГО САДА

Абстракт – Статья посвящена традиционным элементам китайского сада: стене, окну и воротам, и их воссозданию в современных садах. На протяжении многих веков складывались традиции китайского сада. Парки, выполненные согласно древним правилам, имеют мировую известность. В наше время картина изменилась. При высоких темпах развития отмечается утрата национальной самобытности, современная ландшафтная архитектура отошла от традиционного представления элементов сада, но сохранила композиционные закономерности традиционных садов. В результате детали традиционного сада отличаются от современных аналогов.

Ключевые слова: китайский сад, элементы сада, современные сады Китая, история, композиция, традиции.

Введение. Классический китайский спроектирован таким образом, что наблюдатель не может охватить взором весь сад. Сад состоит из комплекса обособленных пространств, двориков и «зелёных комнат». Их границы строго определены галереями, павильонами, внутренними садовыми стенами. Перемещаясь по саду, в каждый момент времени посетитель наблюдает новые виды. Например, вид на сад от главного входа исторически закрывался холмом или деревьями. Приём «заимствование вида» предполагал созерцание сада с разных сторон: надо было учесть, как видит его хозяин, подъезжающие гости и даже соседи [7,8]. Типичный китайский сад окружён стенами и включает в себя один или несколько прудов, группы камней, деревья и цветы, различные залы и павильоны, которые соединены извилистыми дорожками и зигзагообразными галереями. Перемещаясь от одного места к другому, посетители могут просматривать ряд тщательно подобранных сцен [7,9].

Стена, окно и ворота. Стены являются важным функциональным, символическим и эстетическим элементом сада. Мир сада для китайского мировоззрения изначально должен быть заключен в определенные границы и изолирован от мира. Наружная стена может иметь различную конфигурацию, следовать рельефу или наоборот жёстко фиксировать как планиметрическую, так и вертикальную границу. Обычно сверху ограждающие стены сада покрываются черепицей, иногда традиционной конфигурации как на зданиях, иногда придавая вверху стены волнообразный вид, символизирующий облака или дракона, летящего в облаках. Реже верх стены занимает прямое изображение дракона, в этих случаях применяется черепица, имитирующая чешую дракона. Стены могут быть как внешними, ограждающими сад, так и внутренними, разделяющими сад на зоны и так называемые сценарные виды [6,7,8].

Тело стены чаще всего строили из кирпича, затем обмазывали глиной и красили в красный, белый, желтый или серые цвета. Красный цвет был характерен для наружных стен императорских садов. Стены классического частного сада или внутренние стены императорских садов имеют обычно белый цвет, что позволяет

их использовать как фон для бесконечно меняющихся картин в течение различного времени дня (отражение солнечных восходов и закатов, исчезновение в туман и дождь) или как экран ночью при лунном свете (рис.1).

Рис.1. Сад скромного чиновника (Чжочженюань) Сучжоу

В целом стена стала важным объектом, который не только ограждает сад от внешнего мира, разделяет между собой различные внутренние зоны сада, но и несет в себе самостоятельную символику и эстетику [3,5,7].

Во внутренних стенах садов часто можно встретить небольшие проемы или окна самой разнообразной формы (в виде круга, вазы, веера, прямоугольника, ромба и др.). Конфигурация оконных проемов различных объектов в садово-парковых комплексах намного более разнообразна, чем в традиционном городском жилище. Часто окно рассматривается как рама, обрамляющая картину созданного за окном пейзажа (рис.2). Такие окна всегда тщательно планируются, иногда они приобретают наиболее эффектную для восприятия открывающегося вида форму, например, в виде веера, круга, многоугольника или даже причудливой вазы. Решетки на этих на этих окнах как переплеты в стенных проемах усадьбы являются отдельной важной темой для проектирования. Так же проемы в стене могут носить и декоративный характер. Рисунок переплетов в стеновых проемах подчас бывает очень причудлив и изыскан.

Рис.2. Сад хозяина рыбацкий сетей (Ваншиюань) Сучжоу

Важным элементом сада являются резные орнаментированные триумфальные ворота – пайлоу. Выполненные из камня или дерева, они возводились в честь правителей, героев или выдающихся событий, но также имели декоративный характер. Они могли быть перекрыты одной или несколькими крышами, в зависимости от числа пролётов. Пайлоу устанавливали обычно перед храмами, кладбищами, местом службы чиновников и в садах. Ворота представлены в разных формах, один из типов включает в себя размещение деревянных столбов на каменных основаниях, связанных между собой деревянными балками (рис.3). Другая форма пайлоу представлена арками из кирпича или камня. Все элементы окрашиваются в белый, красный или желтые цвета. Во всех типах присутствуют обширная детализация, крыши украшены фигурами драконов и фениксами. На лицевой и внутренней сторонах ворот присутствует каллиграфия. В садах триумфальные ворота служат символическими входами на определенную территорию [3,7].

Рис. 3. Ворота пайлоу в летнем дворце. Пекин

Современные сады. Новые китайские садово-парковые комплексы отличаются от традиционных, но при всех видимых отличиях они сохраняют все классические приемы китайского садово-паркового искусства. Современные сады создаются на территориях пораженных промышленностью, тем самым возрождая её и придавая новое значение, делая центром культурной и общественной жизни. Архитекторы не пытаются перенести в сад сюжет из книг или воссоздать горный рельеф, они преобразовывают уже созданные на данном пространстве объекты, используя при этом традиции классических китайских садов [4].

Как известно, в традиционных китайских садах очень важную роль играли стены. Они членили и разгораживали пространство, создавая систему перетекающих микропространств, и формировали сложный маршрут, служили фоном для композиций из растений и камней, и были экраном для игры теней (рис.4). На стены могли быть каллиграфически нанесены строки стихов, изречения мудрецов или пожелания.

Рис.4. Хоутан парк. Шанхай

В строительстве внешних стен больше нет необходимости, так как все парки являются общественными. Внутренние стены стали делать даже из железа, покрытого краской (рис.5). В целом в садах заметно сократилось количество декора: стены не покрываются черепицей, стало меньше проемов и сценарных окон и разнообразие их форм стало более бедным, в основном проемы имеют прямоугольную форму. В связи с новыми материалами заметно уменьшилась толщина самой стены [1,2].

Рис. 5. Парк при судостроительном заводе. Чжуньшань

Но при всех изменениях в саду сохраняется картинность пейзажей. Проектировщики сада по-прежнему уделяют большое внимание любованию пейзажем.

В современном китайском саду есть аналог триумфальным воротам Пайлоу (Рис.6). Внешне они не похожи ни на одну традиционную форму Пайлоу, современные ворота имеют только один пролет и выполнены из металла или дерева. Отсутствие декора и необычная форма, продиктованная общей концепцией сада, вписывается в окружающий ландшафт и в результате образует обрамление для пейзажа. Вместо традиционных ярких цветов все чаще используется серый цвет или покрытие лаком.

Рис. 6. Хоутан парк. Шанхай

Заключение. Под влиянием высоких темпов развития в современной ландшафтной архитектуре Китая происходит утрата традиций и национальных форм. Появляется огромное количество информации, которая дает для архитектора возможность узнать о любом стиле, направлении и тенденциях современной архитектуры, в результате чего происходит утрата национальных архитектурных традиций. Рассмотренные современные сады позволяют выразить надежду на то, что традиционные элементы и колоссальное наследие традиционного китайского сада не будет забыто, и что современные тенденции — это лишь этап становления нового Китайского сада.

Список использованных источников и литературы:

1. Китайская ландшафтна компания Turenscape [электронный ресурс]: - информационный сайт. - режим доступа: http://www.turenscape.com/english/projects/project.php?id=443
2. Китайская ландшафтна компания Turenscape [электронный ресурс]: - информационный сайт. - режим доступа: http://www.turenscape.com/english/projects/project.php?id=71
3. Компания “Ландшафтное искусство” [электронный ресурс]: - информационный сайт. - режим доступа: http://www.landy-art.ru/helpful_information/garden/china.html
4. Дормидонтова В. В. “Европейское влияние на современные сады востока” Научная статья.
5. Виноградова Н.А. Китайский сад. - М.: Арт-Родник, 2004.
6. Лучшие китайские сады. История. Дизайн. Философия. - М.: Арт-Родник, 2010.
7. Лучкова В.И. История китайского города. Градостроительство, архитектура, садово-парковое искусство: монография / В. И. Лучкова. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011.
8. Лоу Цинси. Классические сады и парки Китая. Межконтинентальное изд-во Китая (на русск. яз.). Пекин, 2003.
9. Фан Сяофэн Лучшие китайские сады. — Москва: Арт-родник, 2010.

Ссылки на изображения:

1. Рис.1 http://lenaburova.ru/east/201203China/Suzhou/IMG_3482.jpg
2. Рис.2 http://lenaburova.ru/east/201203China/Suzhou/IMG_3607.jpg
3. Рис.4 http://www.archdaily.com/131747/shanghai-houtan-park-turenscape/09i-%E8%8A%A6%E7%AC%9B%E5%8F%B0/
4. Рис.5 http://www.landezine.com/index.php/2011/02/shanghai-houtan-park-by-turenscape/02-turenscape-houtan-park/
5. Рис.6 http://www.landezine.com/index.php/2011/02/shanghai-houtan-park-by-turenscape/02-turenscape-houtan-park/

Tseluyko D. S., Luchkova V. I.
Dima123117@gmail.com; Vera.Luchkova@mail.khstu.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

ELEMENTS OF CHINESE GARDEN

Abstract - Article is devoted to traditional elements of Chinese garden: to a wall, a window and gate, and their reconstruction in modern gardens. Throughout many centuries there were traditions of the Chinese garden. The parks executed according to ancient rules have a world fame. Presently the picture changed. At high rates of development loss of national originality is noted, the modern landscape architecture departed from traditional representation of elements of a garden, but kept composite regularities of traditional gardens. As a result of a detail of a traditional garden differ from modern analogs.

Keywords: Chinese garden, garden elements, modern gardens of China, history, composition, traditions.

Черкашина И.А., Козыренко Н.Е.
cherkashina.i.a@yandex.ru, kozyr77@mail.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФУНКЦИЙ ПЕРВЫХ ЭТАЖЕЙ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ

Абстракт - Исследование посвящено сегменту жилого здания – первому этажу – который в процессе исторического развития жилищного фонда под влиянием, социальных, экономических и других сопутствующих сменяющимся эпохам факторов изменял свое функциональное назначение. В ходе исследования выявляется структура жилого городского фонда в российских и европейских городах, выделяются основные этапы модернизации жилых ячеек, проводится анализ отечественного и зарубежного опыта строительства типовой жилой застройки на основании национальных и менталитетных особенностей.

В рамках исследования проводится анализ функциональной наполненности

первых этажей исторически сложившейся жилой застройки города Хабаровска в зависимости от типа постройки, даты возведения и районного местоположения.

Ключевые слова: история; сегмент, первый этаж; функциональная трансформация, факторы; структура.

1. Жилищная ситуация в российских городах в конце XIX – XX века. Изменение функционального использования первых этажей. В XIX – начале XX века в России основное население проживало в основном в частных домах, муниципального или государственного жилья не было. Практически все многоквартирные дома были так называемыми «доходными» домами. Строителями доходных домов чаще были купцы или предприниматели, то есть частные лица, на свои деньги для получения прибыли, путем сдачи квартир внаем жильцам.

Национализации жилых домов произошла в 1917 году после октябрьской революции, что означало, что жилой фонд стал собственностью государства.

24 августа 1918 г. был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах».

В 20-30-е годы XX века, когда происходили коренные социальные преобразования, назрела потребность в массовом строительстве жилищ. Необходимо было научиться строить быстро и экономично. Одной из идей было освободить жилую площадь - вынести ряд функций за пределы квартиры. Осуществление этой задачи на практике привело к формированию комплексов, с корпусами бытового обслуживания, где жильцы могли бы пользоваться столовой, душевыми, прачечной, залом собраний, библиотекой-читальней, детскими учреждениями.

Активность, возникшая в строительной отрасли Советской России к середине 20-х годов, позволила архитекторам-конструктивистам, каковыми являлись Гинзбург М.Я. и Милинис И.Ф, реализовать некоторые идеи новой архитектуры (рис. 1).

Стремлением зодчих было воплотить свое понимание образцового жилья социалистической эпохи (дома-коммуны) в здании новой архитектуры. Развитые формы общежития и централизованного бытового обслуживания сочетались бы с комфортом для отдельной семьи. Проектом была предусмотрена общая кухня со столовой для жильцов, а также детский сад и ясли, что, к сожалению, не было осуществлено. Ввиду острой нехватки площадей жилые квартиры освобождались от «коммунальных» функций. Основная идея Гинзбурга заключалась в этой компоновке: кухня, столовая, прачечная и спортзал находились в отдельном корпусе бытового обслуживания.

Рисунок 1. Жилой дом архитектора Гинзбурга М.Я.

В 20-30-е годы в Нижнем Новгороде были сооружены четыре комплекса домов-коммун на основе новых идей коллективизации быта. Проект Соцгорода при автозаводе в Н. Новгороде предлагал новое решение в строительстве жилья. Решено было построить город-коммуну, представлявший из себя поселение с обобществленным бытом, коллективными формами жилища, состоящее из домов-коммун на

1000 человек каждый. В 1929 году был принят проект, в котором квартал включал два дома-коммуны, каждый из которых состоял из семи жилых корпусов двух яслей и одного детсада, а также общественно-культурного центра (клуба), обращенного к проезжей части. Таким образом, внутри квартала создавался единый детский сектор.

Жилые здания в советской архитектуре второй и третьей пятилетки.

Коммунистическая партия и Советское правительство, решая главнейшие задачи индустриализации страны, одновременно развернули борьбу за повышение уровня материального благосостояния трудящихся. Поставленной целью было повышение производительности общественного труда, как главного условие успешного строительства социализма. В решении этой задачи огромное значение имело строительство жилища как важнейшего материального блага, без которого немыслимо достижение поставленной цели.

Во вторую и, особенно, в третью пятилетки произошла смена приоритетов. Проблемы функциональной организации дома как нового в социальном плане организма (дома-коммуны), столь острые в предыдущий период, отошли на задний план. Теперь одной из ведущих проблем архитектуры жилища стала разработка самой удобной и экономичной квартиры. Элементы культурно-бытового обслуживания было решено разместить в структуре квартала, а впоследствии — микрорайона. Господствующим типом жилого дома в городах стал секционный дом в 5, реже 8 этажей. До 1939 г. секции из двух квартир на лестничной клетке были наиболее распространены.

В начале 30-х годов развернулось интенсивное строительство специальных домов для инженерно-технических работников высшей квалификации. Вследствие того, что стране были крайне необходимы такие специалисты, представление им жилья повышенного комфорта рассматривалось как мера поощрения творческого инженерного труда. Эти дома проектировались по особой программе - квартиры увеличенных площадей, высокий уровень благоустройства и отделки (дом на Моховой, архитектор И. Жолтовский; «Дом Ленсовета» архитекторы Е. Левинсон, И. Фомин).

Вышедшее после первого Всесоюзного совещания по строительству постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства» наметило пути перехода на индустриальные методы строительства. Подразумевался переход на подрядный способ ведения работ, развитие промышленности строительных материалов, в частности сборного железобетона и т. д.

Идея индустриализации строительства нашла в то время выражение, в частности, в развитии крупноблочного строительства. В начале 30-х годов в Ленинграде было реализовано строительство жилых домов из крупных шлакобетонных блоков. Примером архитектуры 30-х годов был спроектированный жилой дом А. Бурова и Б. Блохина. Он включал в себя коридорную систему с двусторонней застройкой экономичными одно- и двухкомнатными квартирами. На первом этаже дома предусматривались помещения культурно-бытового обслуживания для жильцов.

Подводя итоги, можно констатировать, что в рассматриваемый период развития советской архитектуры чрезвычайно сократилось разнообразие объемно-пространственных решений жилища. В городском и рабочем поселковом строительстве все свелось, в сущности, к секционному типу дома. Квартиры и секции изменялись только в связи с изменением норм на проектирование. Практически исчезли пространственные типы квартир. Даже поиски композиционных решений в связи с необходимостью расширения корпуса дома мало что давали в

этом отношении. Была, в сущности, снята с повестки дня проблема жилого дома с элементами культурно-бытового обслуживания, столь актуальная в предыдущий период (дома-коммуны и др.), дом на Ленинградском проспекте (А. Буров и Б. Блохин) остался одиночным отголоском прошлых поисков (к тому же замыслы авторов были искажены в процессе эксплуатации).

«Коммуналки» и «Сталинские» дома».

В архитектуру 1930-1950-х годов выразилась ориентация усилий советских строителей на освоение классического наследия. Возродился ансамблевый подход к жилой застройке, тяга к показной церемонности и образной выразительности, постепенно перераставшие во внешнюю парадность, а местами и чопорность. Так называемые «сталинские» дома той эпохи представляют собой тип домов из кирпича или керамических панелей, с высоким бельэтажем.

Жилые здания в советской архитектуре послевоенных лет.

Программа архитектуры послевоенных лет представляла собой строительство в восстанавливаемых, реконструируемых и вновь возводимых городах. Срочно требовалось внедрения заводских методов производства строительных элементов, а для этого - типизации проектов жилых и культурно-бытовых зданий по всей стране.

Уже в 1946—1947 гг. Комитет по делам архитектуры рекомендовал к внедрению более двухсот типовых проектов малоэтажных жилых и общественных зданий из различных материалов.

В 1947 г. в Академии архитектуры СССР была разработана идея полносборного крупнопанельного строительства жилища. Были предложены легкие самонесущие панели и каркасная система несущих конструкций. В 1948 году в Москве на Соколиной горе и Хорошевском шоссе по проектам были сооружены первые экспериментальные каркасно-панельные дома. С 1950 года началось сооружение бескаркасных панельных домов.

Строительство пятиэтажных панельных домов, названных «хрущевками», началось с постановления «О развитии жилищного строительства в СССР», принятого Советом Министров СССР, в период руководства Советским Союзом Н. С. Хрущева. Преимуществами таких домов были легкость и быстрота их монтажа.

При проектировании блоковых домов соблюдались следующие нормы: не менее 9 кв. м. на одного человека, близость школ, поликлиник, детских садов и т.п. 31 июля 1957 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О развитии жилищного строительства в СССР», положивший начало новому жилищному строительству.

Примерно с середины 1970-х годов в стране начался второй этап индустриального домостроения. Стали массово появляться типовые панельно-блочные высотки, которые в планировочном и архитектурном решении мало чем отличались от «хрущевок».

В отличие от «хрущевок» и «брежневок», типы домов начала 1980-х годов гораздо более разнообразные, с повышенным художественно-эстетическим и эксплуатационным уровнем жилья. Также в этот период в стране активно начали осваивать монолитное домостроение.

Примерно с конца 1990-х годов, когда в России после экономического спада вновь стало возможным массовое домостроение, типов и серий домов стало много больше.

2. Жилье в зарубежных развитых странах. 2.1. Виды городского жилья

В современных зарубежных развитых странах (Западная Европа, США, Канада, Австралия) все городские жилые дома можно условно разбить на две группы – частные односемейные дома - дома для одной семьи, коттеджи, и многоквартирные (многосемейные) дома (рис. 2, цифры усредненные).

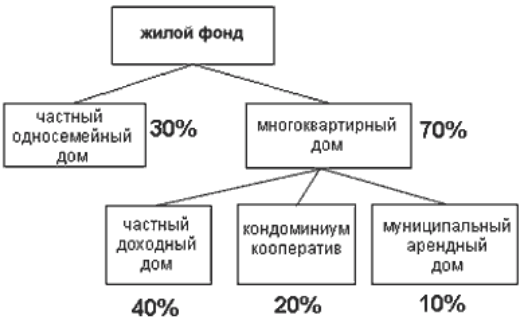


Рисунок 2. Структура городского жилого фонда в современных разитых странах

Многоквартирный дом (МКД) – это жилище, состоящее из нескольких квартир (от 2 до многих сотен), в которых проживают не связанные родством семьи.

Частный доходный дом. Исторически сложилось, что частный доходный дом (ЧДД) является самым древним видом многоквартирного дома в городах.

Первоначально в домах проживали люди разного социального уровня. Структура сдачи в аренду квартир домовладельцем соответствовала определенной схеме. На 1 этаже были магазины и лавки, 2 и 3 этажи занимали хорошие квартиры, где жильцами были состоятельные люди, чем выше, тем квартиры становились меньше и дешевле – вплоть до каморок на верхнем этаже и чердачных помещений, которые сдавались по дешевке бедной прослойке населения. Частный доходный дом как вид жилья оказался очень эффективным.

Многоквартирный жилой дом появившийся в начале XX века - кондоминиум. Это дом коллективной формы собственности и управления. К таким многоквартирным домам относятся: кондоминиум, кооператив и существующая в некоторых странах (например, Финляндия, Швеция) форма коллективного владения типа акционерного общества. Это многоквартирный дом вместе с земельным участком, оформленные как единый комплекс, однако квартиры в нем - собственностью жильцов, а остальное имущество дома и земля являются их совместной собственностью.

Некоторые кондо создавались с учетом размещения в них нежилых помещений (в основном на 1 этаже), в которых могли располагаться магазины, офисы и т.д.

Муниципальный арендный дом. Этот вид жилого дома относится к категории социального жилья. В большинстве стран малоимущим предоставляют в аренду квартиру в муниципальном социальном многоквартирном доме. Такие дома, построенные на средства городского бюджета, находящиеся в собственности и управлении муниципалитета (или специализированной организации под его контролем). Примером таких домов служат: «коммунальный дом» в Швеции, коммуна в Италии, HLM во Франции.

Каждый тип жилья, рассмотренный выше, удовлетворяет те или иные потребности горожан. Поэтому в структуре городского жилья они занимают свое определенное место. Структура городского жилого фонда складывается столетиями и зависит от традиций, менталитета, экономических и политических реалий, существующего законодательства. Например, в США и Канаде люди не стремятся жить в многоквартирных домах, особенно коллективной формы собственности, поэтому преобладающим видом городского жилья там является частный односемейный дом. Некоторые цифры, характеризующие структуру городского жилого фонда в разных странах (данные 2000 - 2004 гг.), приведены в таблице 1.

Таблица 1. Структура городского жилого фонда в разных странах (данные 2000-2004 г.г.)

Вид жилого дома	США	г. Нью-Йорк	Швеция	Англия	Австрия
Частный односемейный дом	40%	20%	26%	35%	40%
Частный доходный дом	44%	60%	30%	23%	20%
Кондоминиум, кооператив	10%	10%	20%	20%	30%
Муниципальный арендный дом	6%	10%	24%	22%	10%
Всего	100%	100%	100%	100%	100%

3. Анализ функциональной наполненности первых этажей исторически сложившейся жилой застройки города Хабаровска. Первый этаж города является одним из составных элементов системы, формирующей архитектуру, облик городской среды. Однако, возникновение потребности использования этих пространств продиктовано происходившими историческими процессами. Переход общества к рыночной экономике и как следствие создание условий для формирования института частной собственности и конкурентоспособной среды, привели к тому, что сфера услуг стала постепенно разрастаться. Магистрали коммерческой деятельности проходили по ходу движения основных потребительских потоков. Возросла необходимость в новых площадях для размещения частных предприятий. Это явление влечет за собой появление визуальной разрозненности функциональных элементов рассматриваемого субъекта, а именно – жилого здания. Заполняемость первых этажей коммерческими предприятиями напрямую зависит от районного расположения отдельно взятой жилой ячейки.

Направление коммерческой активности определяют основные магистрали, они задают частоту сегментации фасада атрибутикой той или иной фирмы (рис. 3 и рис. 4, зеленым цветом обозначена жилая зона, синим - коммерческая). Потребительская активность центральных районов является одним из главнейших факторов, формирующих интерес к первым этажам.

Рисунок 3. ул. Муравьева-Амурского, 26

Рисунок 4. ул. пр. Даниловского, 30

Рисунок 5. ул. Карла Маркса, 92

Рисунок 6. Амурский бульвар, 3

Однако, наравне с этим существуют объекты с выделенными в процессе проектного этапа зонами для общественных нужд (рис. 5, рис. 6). Такого рода элементы имеют разные формы воплощения. Во многих случаях они не контрастируют на общем фоне фасада, лаконично вписываясь в общий ансамбль.

Современные проектные решения, предусматривающие наличие арендных площадей в коммерческих целях не защищают от визуальной разрозненности элементов фасада (рис. 7, рис. 8).

Рисунок 7. Ул. Дзержинского. 92

Рисунок 8. ул. Шеронова, 115

Заключение. На основе материалов проведенного анализа можно сделать вывод, что функции первых этажей изменялись под влиянием исторических факторов, переменой мотивов строительства и структуры нового жилья. В современном мире прослеживается тенденция к формированию на первых этажах коммерческих и общественных организаций. Исторически сложившееся территориальное зонирование города зачастую препятствует возникновению новой застройки, включающей в себя организацию торговых точек, офисных пространств и других функциональных объектов. В связи используются существующие постройки, методом преобразования их из объектов жилого фонда в нежилые.

Основным направлением является использование фасадов, первых этажей жилых домов в коммерческих целях. Опыт показывает, что в середине XX в. эксплуатация первых этажей жилых домов под общественные нужды была широко распространена и не создавала визуального хауса на фасаде здания. С течением времени количество коммерческих организаций возросло, что породило возникновение такого явления как лоскутная архитектура.

Современное жилье, еще на проектной стадии подразумевающее отведение необходимого количества площадей под коммерческие нужды, в итоге не всегда способно предотвратить возникновение «лоскутов» на фасаде. Необходима четкая систематизация пространства для распределения визуальных элементов на фасаде. Приемлемым способом решения данной проблемы, на основании зарубежного опыта, является строительство специализированных сооружений для общественных и коммерческих нужд.

Представленная проблема является достаточно актуальной для современного города. Пути решения, однако, до сих пор не сформированы. Проблемы, обозначенные в статье, будут прорабатываться в ходе дальнейшего исследования.

Список использованных источников литературы:

1. Анисимова И.И. Опыт проектирования доступного жилища в США// Журнал ACADEMIA. Архитектура и строительство: изд-во Редакция журнала «Academia. Архитектура и строительство». – Москва. 2008. – Вып. 1. - С. 53-58.
2. Аракелян Р.Г. Современные объемно-пространственные принципы формирования жилой среды// Журнал Архитектура и строительство России: изд-во Журнал «Архитектура и строительство России». – Москва. 2011. – Вып. 10. - С. 2-17.
3. Березин Д.В. Проблема архитектуры первых этажей жилого дома в условиях современного города// Журнал Жилищное строительство: Рекламно-издательская фирма «Стройматериалы». – Москва. 2009. –Вып. 9. - С. 9-12.
4. Былинкин Н., Калмыкова В., Рябушин А. История Советской архитектуры. 1917-1954 гг.. М.: Стройиздат, 1985. – 256 с.
5. 5. Designing at Ground Level [Электронный ресурс]:SPUR - некоммерческая организация - режим доступа: http://www.spur.org/publications/article/2014-06-03/d..

Cherkashina I.A, Kozyrenko N.E
cherkashina.i.a@yandex.ru, kozyr77@mail.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

HISTORICAL TRANSFORMATIONS OF FUNCTIONS OF THE GROUND FLOOR OF RESIDENTIAL BUILDINGS

Abstract - This research is focused on a segment of a residential building, its ground floor, which changed its functional purpose during the process of historical development of housing under the influence of social, economic and other related factors, corresponding to eras changing. The research reveals the structure of the urban housing stock of Russian and European cities highlights the main stages of modernization of residential cells, analyzes domestic and foreign experience of building a model of residential development on the basis of national and mentality features.

The research analyzes the functional filling of the ground floor of the existing residential area of the city of Khabarovsk, depending on the type of construction, the construction date and location of the district.

Keywords: history; segment, first floor; functional transformation factors; structure.

Чайченко И.О., Ароян А.С.
elka2201@inbox.ru; aroyan_art@mail.ru
ПНТУ, Полтава, Украина

МЕТОД ТРЕХМЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ ВОССОЗДАНИИ УТРАЧЕННОГО ИНТЕРЬЕРА ЦЕРКВИ ПЕТРОВСКОГО ПОЛТАВСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Абстракт – Исследование посвящено архитектуре церкви Полтавского Петровского Кадетского корпуса и ее визуализации с помощью современных компьютерных программ, а также изучению ее истории, конструктивного решения и декоративного оформления, поскольку она являла собой высокую культурную ценность. Сложность работы заключалась в том, что на данный момент церковь не сохранилась и исследовалась исключительно по архивным материалам, и по самому месту ее нахождения (здание бывшего Петровского Полтавского кадетского корпуса сохранилось, но находится в полуразрушенном состоянии. Целью исследования является визуальная реконструкция и анализ полученных данных для дальнейшего изучения самого Петровского Полтавского Кадетсткого корпуса как выдающегося памятника архитектуры и составляющей уникального ансамбля Круглой площади в Полтаве (Украина).

Ключевые слова: реконструкция; воссоздание; архивные документы; трехмерное моделирование; домовая церковь, кадетский корпус.

1. Актуальность темы. Главный дом бывшего Петровского Полтавского кадетского корпуса является уникальным памятником архитектуры сер. XIX в., возведенным по распоряжению Николая I в 1835-1840 гг. Оно представляет собой трехэтажное Т-образное здание, совмещающее в себе казарму (вдоль главного фасада), домовую церковь во имя Св. Сампсония (в центральной части) и двухэтажное крыло столовой. По архитектуре своей – это редкий для Украины образец позднего ампира с развитой ордерной композицией и богатым декором (что нехарактерно для кадетских корпусов того периода). Самым выдающимся объектом в архитектурно-художественном отношении была церковь, увенчанная полусферическим куполом (Рис. 1). Общее решение корпуса и, в частности церкви, дает все основания считать автором проекта академика В. Стасова.

После революции здание не утратило своей функции, но церковь превратили в зал собраний. В годы Войны, здание было сожжено и восстановлено в 1957 г. как Полтавское высшее зенитно-ракетное училище. Объем церкви был реконструирован под клуб (зал собраний), с сохранением общей стилистики, но ликвидацией колонн, парусов и кардинальной перестройкой балконов.

С закрытием училища в 1995 г. здание бывшего Кадетского корпуса осталось пустым и в течение уже 20 лет постепенно разрушается. В 2006 г. сильный пожар полностью уничтожил купол и существенно повредил объем бывшей церкви, оставив лишь несущую стеновую основу и своды (Рис. 2-4).

Активизация общественного движения за спасение памятника архитектуры

в 2012 г. поставило ряд вопросов касательно путей его восстановления и проблем приспособления под новые функции. Этот процесс длится и по сей день. Для осознания особой культурной ценности здания Кадетского корпуса широкой общественностью и в качестве своеобразного эксперимента весной 2014 года была создана проектная группа в составе преподавателей и студентов Полтавского национального технического университета, которая поставила задачу – создать трехмерную реконструкцию утраченных интерьеров здания. Руководитель группы – ассистент А.С. Ароян; команда – студенты 3-го курса И. Чайченко, А. Чиняков, К. Федорова, В. Ризнык, М. Лысак; консультант – студент 5-го курса Р. Куприян. Непосредственно воссозданием интерьера церкви занимались И. Чайченко (иконостас, киоты), А. Чиняков (общая несущая структура объема), К. Федорова (колонны, балконы, декоративные элементы).

2. Аналитический этап. За основу исследования и воссоздания внутренней церкви Полтавского Петровского Кадетского корпуса были приняты архивные данные, в частности сохранившиеся чертежи (общие планы здания на 1977 г.) и фотодокументы (всего 2 фотографии начала XX в.), аналоги домовых церквей кадетских корпусов. Большую помощь при работе оказал старший преподаватель В.А. Павленко, предоставив уникальные документы, и доцент Белявская О.Ю.

Рис. 1 Вид алтарной части и иконостаса церкви (одно из 2-х фото начала XX в.) (по материалам [2])

Рис. 2 Современный вид помещения, где находилась церковь (вид от алтарной части на главный балкон) Фото: А.С. Ароян (2013 г.)

Рис.3 Современный вид алтарной части (вид с главного балкона на сцену) Фото: А.С. Ароян (2013 г.)

Рис. 4 Расположение объема церкви в структуре здания бывшего кадетского корпуса Аэрофотосъемка: С. Шарков (2013 г.)

Используя чертежи и выполняя снятие натуральных размеров и габаритов объема церкви бывшего Кадетского корпуса, была начата компьютерная обработка и 3D моделирование объекта (использовалось программное обеспечение: 3DS

Max 2012/2014, постобработка – Adobe Photoshop). Общий процесс моделирования занял 2 месяца и проходил в рамках учебного курса «Компьютерная графика в архитектурном проектировании».

3. Последовательность работы. Весь этот трудоемкий процесс состоял из определенных стадий, требовавших детальной обработки и глубокого изучения материала. Первым основополагающим этапом стало изучение сохранившейся натуры и архивных материалов, а именно:

- исследование здания в натуре (фотофиксация месторасположения внутренней церкви, обмеры, зондажи);
- изучение сохранившейся проектной документации (такой как: уцелевшие копии чертежей, фотодокументы);
- изучение описаний выпускников кадетского корпуса (где излагаются некоторые особенности интерьера церкви, такие как освещение, расположение хоров и пр.) [1].

Соответственно, в процессе моделирования и визуализации возникали определенные вопросы, возможные заблуждения и гипотезы. Но основной вопрос, охватывающий все области этого исследования (а именно серьезное несовпадение больших объемов помещения с видами на архивных фото), в общих чертах выглядел так:«каким образом внутренняя церковь Кадетского корпуса, которую мы видим на сохранившихся фотографиях и чертежах, помещалась в пространство, которое есть сейчас» (Рис. 5).

Естественно, в процессе работы возникали серьезные нестыковки, требовавшие детального рассмотрения вопросов, возникающих по ходу исследования (как и в большинстве исследований, побочные эффекты являли собой немаловажные детали и направляли к исходным данным), а именно: несоответствие высот, неопределенность расположения балконов, сложность с определением оконных проемов из-за неясного света на старых фотографиях.

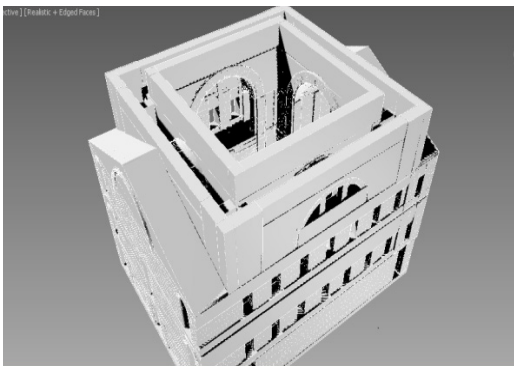


Рис. 5 Трехмерная модель на этапе завершения создания существующих стен и перекрытий

Рис. 6 Трехмерная модель иконостаса, киотов и паникадила (определение масштабности)

4. Заключительная фаза исследования, гипотезы. Вследствие анализа обработанного материала была выдвинута гипотеза, основывающаяся на реальном исследовании: внутри церкви видны балконы с арками, которых нет в действительности. Те арки и балконы, которые можно наблюдать сейчас, не могли быть видны на этих фотографиях т.к. они находятся выше чем граница кадра. Исходя из вышеперечисленного выдвигается гипотеза: существовало два яруса с

балконами и арками, что соответствует описаниям выпускников корпуса (конкретно о том, что, по их словам: «хор пел очень высоко») [1]. То есть первый ярус, который опирается на колоннаду состоял из 3-х балконов, предназначенных для высокопоставленных лиц, таких как члены царской семьи (попечители корпуса). Второй ярус балконов опирался на арки первого яруса и паруса над алтарем – он представлял собой, собственно, хоры. Такая структура, когда хор поет высоко над внутренним объемом церкви, хоть и необычна, но встречается в классической архитектуре (пример – Николаевская церковь в Диканьке). Второй ярус также увенчивался парусами (их следы видны в кладке и сейчас) и переходил в круглый плафон, над которым и располагался купол.

Рис. 7 Графическая реконструкция алтарной части и иконостаса церкви (ракурс по фото начала XX в.)

Рис. 8 Графическая реконструкция (вид от притвора на алтарь и иконостас)

Рис. 9 Графическая реконструкция (вид с главного балкона на алтарь)

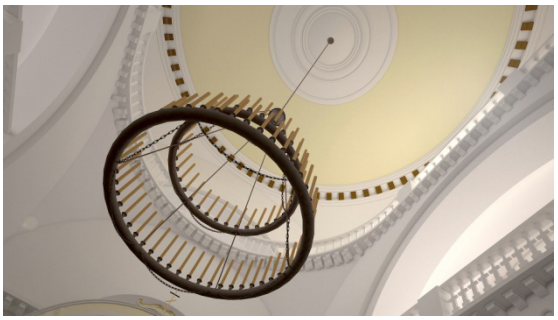


Рис. 10 Графическая реконструкция (вид на плафон и верхний ярус хоров – решение плафона выполнено по аналогии с квадратным потолком зала Зенитного училища, выполненного в стиле советского ампира)

Для того чтобы эту гипотезу подтвердить (или опровергнуть), было проведено детальное трехмерное моделирование интерьера церкви, с учетом масштаба визуализируемых объектов, их размеров и соотношений. Этот процесс также состоял из определенных этапов.

1. Моделирование существующего интерьера (реального, видимого сейчас объема - без балконов, колонн и т.д.);
2. Моделирование иконостаса церкви (как главной модульной

составляющей, по которой можно бы определить размеры остальных элементов) (Рис. 6);

3. Привязка иконостаса церкви к существующему объему (т.е. производная от модуля иконостаса к остальному объему пространства внутренней церкви, а также моделирование колонн и балконов с учетом параметров общего, ныне существующего, объема – несущие стены, высота перекрытий и т.д.).

4. Одним из последних и заключительных этапов являлось моделирование деталей и декоративных элементов на основе анализа аналогичных интерьеров (церкви кадетских корпусов Российской империи, церкви, запроектированные академиком В. Стасовым, скульптурные композиции фронтонов, барельефов и декоративных композиций в стиле ампир).

В конечном итоге, для проверки корректности модели был использован путь рендеринга (визуализации) с ракурсов, совпадающих с фотографиями (Рис. 7-10). Следует отметить, что в ходе работы было установлено, что ограда балконов первого яруса была выполнена в форме стилизованных римских мечей, что созвучно Монументу Славы (архитектор Ж. Тома де Томон) в центре Круглой площади Полтавы, на которую выходит здание Кадетского корпуса.

Заключение. В ходе работы по воссозданию утраченного интерьера церкви Петровского Полтавского кадетского корпуса были выявлены факты, которые существенно меняют представление о ее расположении и параметрах. Способ расположения «коробки» церкви в структуре Кадетского корпуса представляет собой принцип внутреннего объема, опоясанного двухуровневыми балконами и галереей по внешнему периметру, что позволяло совершать крестный ход не выходя на улицу (при сложной конфигурации плана здания это было бы затруднительно). Зал зенитно-ракетного училища, несмотря на кардинальную перестройку балконов, ликвидацию иконостаса, парусов и колонн, стилистически решен практически так же, как и церковь с использованием лепных деталей и форм стиля ампир.

Экспериментальное трехмерное моделирование показало конкретные практические преимущества при воссоздании интерьеров, по которым недостаточно информации. Данный метод позволил установить наличие достаточно сложного объемно-пространственного решения церкви и подобрать наиболее соответствующий вариант его демонстрации. В дальнейшем планируется уточнить характер деталей и орнаментальных композиций с целью создания подробной модели интерьера с возможностью ее анимирования для более наглядного восприятия.

Список использованных источников и литературы:

1. Бучневич В.Е. Записки о Полтаве и её памятниках. – 2-е изд. Исправл. и дополн. С планом Полтавской битвы и достопримечательностями г. Полтавы. – Х.: Издательство САГА, 2008. – 6, 449, 24 с., 41 ил. – (Репринтное воспроизв. Издания Полтава: Типо-литогр. Губернск. Правл. 1902 г.).

2. (История Полтавы. Сайт Бориса Тристанова (сайт) URL: http://histpol.pl.ua/ru/)

Chaichenko I.O., Aroian A.S.
elka2201@inbox.ru; aroyan_art@mail.ru
PNTU, Poltava, Ukraine

THE METHOD OF THREE-DIMENSIONAL MODELING IN RECONSTRUCT THE LOST CHURCH INTERIOR OF PETER'S POLTAVA CADET CORPS

Abstract - The research focuses on the architecture of Peter's Poltava cadet corps, its visualization by modern computer programs, the study of its history, design and decoration, because it was a high cultural value.

The complexity of the work consisted in the fact that the Church were not survived for this moment and were studied only for archival materials, and the place of its location (the building of Peter's Poltava cadet corps has survived, but it is in a dilapidated condition). Also the group of people who caught existing interior of the Church was interviewed.

Therefore during modeling process and visualization certain questions, possible delusions and hypothesis were affected. But the main question (as a mismatch of huge volumes of room) sounds like:

"How this internal church which we seeing on saved pictures and drawings was fitted in that space which is exist now?"

Certainly, during the investigation process serious inconsistencies were raised. These inconsistencies had to be solved during the investigation (like in major part of investigations side effects were very important details and leaded to solving of the problem). Problems were like: inconsistencies of heights, unclear situation with location of balconies, difficult measuring of windows opening because of unclear light inner.

Finally, for making sure there was used the way of rendering (computer program's visualization) from that points which is similar with old pictures. So we got a conclusion and the whole situation became clearer.

The main goal of this investigation is visual reconstruction and analysis of information which was received during all this research for further investigations of Peter's Poltava cadet corps and it cultural value for Poltava and Ukraine.

Keywords: reconstruction; recreation; history; archival documents; three-dimensional modeling; house church; cadet corps.

Чередина И. С.
cherrina@mail.ru
МАрхИ, Москва, Россия

ЖИЛЬЕ ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ В МОСКВЕ. 1940-1980 ГОДЫ

Абстракт - В 1930-е годы, когда в стране возникла острая потребность в инженерных кадрах высокой квалификации, началось строительство «жилья для специалистов». Это строительство стало началом особой темы в истории советской архитектуры. Темой, о которой не было принято говорить открыто. Так как такое жилье проектировалось по собственным нормам, и было несопоставимо с массовой застройкой. [3, с.95-99].

Московское жилье для элиты эволюционировало параллельно с развитием массового жилья, но по своим внутренним законам. Особенности проектирования и строительства этого жилья менялись, но суть процесса создания «жилья не для всех» оставалась неизменной. В статье анализируются примеры жилых домов, начиная с послевоенного периода 1940-1950-х годов («полнометражное жилье») и до конца 1980-х. Интересным фактом было то, что в 1960-е годы, в период гонений на архитектурные излишества, когда все строительные материалы были на строгом учете, элитное жилье продолжало свое развитие и строилось вплоть до конца советского периода в1980-е годы, но уже под названием «жилье улучшенной планировки».

Ключевые слова: жилье для советской элиты, полнометражные квартиры, дома улучшенной планировки.

Введение. На протяжении всего существования советской архитектуры тема жилья звучала, как одна из самых актуальных. Однако, несмотря на многочисленные конкурсы, открытые обсуждения и дискуссии на тему дешевого массового жилища, как бы в параллельном мире всегда существовало жилье для избранных, которое проектировалось и развивалось по собственным законам и в разные годы даже называлось по-разному, в зависимости от своего времени и его представлении о комфорте.

Послевоенное строительство элитного жилья. Приостановленную войной линию развития жилья для советской элиты продолжили разработки полнометражных квартир (с количеством комнат от четырех и более). К таким домам относятся построенные в 1949 году жилые дома на улицах Чкалова (Земляной вал), Садово-Триумфальной и Тверской. Все эти дома имеют общие признаки: градостроительную ситуацию – все они расположены на центральных магистралях, все имеют большую протяженность фасадов, в архитектурном оформлении использованы ордерные приемы и детали, везде применены жилые секции, из полнометражных квартир «повышенной комфортности». Возродилось даже устройство двух входов в квартиру: «парадного» - в большую переднюю и «черного» - в кухню. Во внешнем облике зданий характерным приемом обогащения плоскости фасада стал эркер традиционно использовавшийся в доходных домах начала XX века и совершенно «забытый» в советской архитектуре.

На улице Чкалова, по проекту архитектора Е. Рыбицкого, был возведен де-

вятиэтажный жилой дом (№ 46—48), который можно назвать типичным примером элитного жилья послевоенного времени. Фасад дома строился по принципу симметричной композиции, которая подчеркивалась многоярусным построением в центральной части здания, завершением которого стал декоративный фронтон.

Корпус по высоте имеет традиционное для оформления фасадов многоэтажных жилых домов трехчастное членение: стилобат обработан под руст, линии декоративных карнизов пропущены между ярусами. Пилястры с модернизированными коринфскими капителями украшают два верхних этажа здания. Основой композиции здания стали эркеры, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга, они соответствуют четырем секциям дома. Над аркой по центру фасада по типу двухъярусной этажерки устроен открытый эркер. Для того, чтобы усилить пластический эффект, в центральных эркерах размещены балконы, а на верхнем ярусе - восьмого и девятого этажей - еще и лоджии. Для усиления богатства пластики фасада использован также цвет. Нижние этажи, выделенные рустом, имеют более интенсивную окраску, подчеркивающую мощную основу здания. Дом на улице Чкалова увенчан развитым карнизом с высокой балюстрадой, что еще более подчеркивает богатство его убранства.

В доме в четырех секциях были запроектированы 73 полнометражные (в основном четырехкомнатные) благоустроенные квартиры. В каждой секции дома две такие квартиры. В композиции плана квартиры основу составляет холл, площадью 18 кв.м. По обе стороны от холла расположены две жилые комнаты: столовая и спальня. Вход в гостиную был прямо из прихожей. Прием анфиладного соединения комнат (уже хорошо отработанный, к этому времени) также был использован в планировке этого дома. Парадные комнаты, выходившие на главный фасад здания, соединены между собой анфиладой. Спальня и кухня обращены окнами во двор. В планировке квартир был и еще один интересный прием: в расположенных по одной линии комнатах, связанных через холл, широкие дверные проемы с остекленными дверями позволяли раскрыть пространство квартиры на всю ширину корпуса. Кухня и санитарный узел были рядом с «черной» лестницей, в глубине квартиры, Категория дома диктовала и оборудование квартир. В кухнях были установлены газовые плиты, встроенные шкафы, холодильники и мусоропроводы. Кроме жилых комнат во всех квартирах было большое количество подсобных помещений, удобных для жильцов, но значительно увеличивающих стоимость такого жилья.

Дом на улице Чкалова получил очень высокие отзывы критики, которая особо отмечала, что в его архитектурном решении ярко выражены новые представления о столичном жилом доме и о жилище советского человека.

По архитектурному решению и планировочным особенностям дому на улице Чкалова очень близок построенный в том же 1949 году семиэтажный жилой дом на Садово-Триумфальной улице (№ 4—10). Проект был выполнен архитекторами З. Розенфельдом и А. Сурисом. Это здание расположено в 100 метрах от площади Маяковского, поэтому оно также относится к категории домов на парадной магистрали и обладает всеми чертами, необходимыми для крупного жилого дома такого уровня. Среди использованных приемов: горизонтальное членение фасада на три яруса - с тяжелым цоколем, который подчеркнут арочными проемами и обработан под руст, повторяющиеся на фасаде акценты в виде эркеров, пышный карниз с высокой балюстрадой над ним. Главный фасад украшает и дополняет его монументальное пластическое решение большое количество ордерных деталей. Над эрке-

рами расположены мансардные надстройки, имевшие не только декоративное, но и чисто практическое назначение. Авторам удалось расположить в этих надстройках дополнительные помещения, которые использовались как мастерские художников, что было подчеркнуто как особое достоинство этого приема. Проработка архитектурного решения дворового фасада также заслужила одобрения критики.

Тема парадного входа в дом на Садово-Триумфальной улице продолжает и усиливает прием, найденный в доме на улице Чкалова. Этот вход отличался еще большей пышностью. Авторы облекают пространство вестибюля в форму сводчатого зала, который тонет в полумраке, что должно было создать особую торжественную, легкую и успокаивающую атмосферу. Стены в вестибюле гладкие, облицованы плитами серого полированного мрамора. Картину венчает строгий лепной карниз, созданный в традиции русского классицизма. К лестнице и лифту из вестибюля можно пройти через обработанную кессонами большую арку. Особую картину солидности и праздничной приподнятости внутреннего убранства дома удачно дополняли такие детали как: мозаичный пол, выложенный в шахматном порядке, металлические ограждения лестничных перил и лифтов с литыми декоративными деталями.

Дом на Садово-Триумфальной был построен по индивидуальному заданию застройщика, и поэтому имел особые черты, отличавшие его даже от распространенных в те годы образцов элитного жилья. В нем было два основных типа квартир, разнящихся по размерам жилой площади. Так называемые в документах полнометражные квартиры (по сути большие многокомнатные), были расположены в нижних этажах дома. Планировка этих квартир не публиковалась и не обсуждалась в прессе. Она была основана на двухстороннем (по ширине корпуса) расположении комнат. Центр такой квартиры - просторный холл с действующим камином. Для связей между помещениями, как и в доме на улице Чкалова, были использованы большие застекленные двери, раскрывающие пространство по ширине дома. Благодаря этому, парадная анфилада была устроена как вдоль фасада здания, так и поперек него. Интимная часть жилья, кухня с комнатой для прислуги и санузлы были отнесены в глубину квартиры и создавали особую хозяйственную зону.

Более скромные и менее престижные (двух- и трехкомнатные) квартиры были расположены на верхних этажах здания. Однако, даже эти квартиры значительно отличались от принятых в массовом жилищном строительстве образцов. В доме на Садово-Триумфальной улице жилая площадь двухкомнатной квартиры была 45 кв. м. (против 30--35 кв.м. в массовом строительстве). Такая квартира, рассчитанная на небольшую семью, имела достаточно просторную переднюю (около 11 кв.м.), расположенную рядом с жилой комнатой. Большая жилая комната (около 27 кв.м.) освещалась тройным окном эркера и могла соединяться с пространством передней, что создавало значительные удобства в эксплуатации помещений и делало пространство такой квартиры весьма значительным.

Размер кухни также отличался в большую сторону от общепринятых размеров (8,6–10,4 кв.м.). Расположенные в глубине квартиры кухни, по отделке и оборудованию полностью соответствовали самым взыскательным требованиям. Стены были облицованы светлой поливной плиткой на высоту 2-х метров. Встроенные полки и кухонные шкафчики отличались изящной обработкой и тщательным исполнением. Въехавшая в квартиру семья могла пользоваться кухней без дополнительного оборудования. Еще одним плюсом в такой квартире было то, что все подсобные помещения располагались вблизи от выхода на черную лестницу.

Характерным признаком оформления интерьеров «жилья не для всех» было использование во всех квартирах большого количества декоративной лепнины, тщательно проработанной профилированной столярки, обрамлявшей внутренние дверные проемы и сами двери. В интерьерах дверные проемы часто выполнялись в виде арок, везде был великолепный штучный паркет – все эти детали дополняли внутреннее убранство квартир.

Последней главой в истории создания жилья для советской элиты в послевоенный период, конца 1940-х начала 1950-х годов стал еще один тип «жилья не для всех», о котором необходимо упомянуть. Это московские высотки, две из которых были полностью жилыми (у Красных ворот - в центральной части административные функции и только в 2-х крыльях жилые квартиры). Появление в Москве высотных доминант имело огромное градостроительное значение, подчеркивало решение столицы как ансамбля, закрепляло исторически сложившуюся структуру города, намечало перспективы развития и формирование нового масштаба. Жить в высотном здании было очень почетно и престижно. Квартиры там получали ученые, писатели, знаменитые летчики и известные актеры, то есть люди, которых знала вся страна.

Жилые здания на Котельнической набережной 1948--1952 гг. - архитекторы Д. Чечулин, А. Ростковский и инженер Л. Гохман и на площади Восстания 1950--1954 г.г. - архитекторы М. Посохин, А. Мдоянц и инженер М. Вохомский во многом напоминали парадную торжественность общественных сооружений своего времени. Но эти высотные дома стали не просто жильем - их роль для города была много значительней. Вертикальные башенные композиции, изобилующие декоративными деталями, превратились в знаки и особые символы процветания и роста не только столицы, но и государства в целом.

В высотках все было особенным. Своей роскошью потрясали уже входные вестибюли: огромное пространство и высота, лепнина, сияние полированного камня и огромных люстр, широкие торжественные лестницы, ордерные детали, просторные общественные зоны. Квартиры в этих домах имели внутреннюю дифференциацию: те, где была улучшенная планировка, обычно располагались в высотных частях зданий. Интерьеры многих квартир были украшены колоннами с лепными капителями, декоративными карнизами и лепниной на стенах и потолках, значительные по размеру и удобно скомпонованные жилые комнаты. Даже вид из окон в таких квартирах был особенный. В основном окна смотрели в сторону реки или на Кремль. «Обычные квартиры» (в три-четыре комнаты), расположенные в крыльях дома, могли иметь окна, обращенные только во двор.

Во всех интерьерах была богатая отделка, лепные детали, дверные проемы между комнатами украшали деревянные панели со стеклянными вставками. Кухни и ванные комнаты были оборудованы по последнему слову техники своего времени. Кафельная плитка, встроенная мебель, мойка, четырехкомфорочная газовая плита и холодный бетонный шкаф заводского изготовления, встроенный под окном во время строительства дома. Все это поднимало уровень жилья до сказочных высот, недоступных простым гражданам. Строительство высотных зданий стало последним значительным событием в жилой архитектуре для элиты пятидесятых годов.

Дорогое жилье, которое строилось по индивидуальным проектам и высотные дома не играли большой роли в увеличении жилого фонда города, но именно этим примерам архитектурная критика уделяла особое внимание. Само существование такого жилья было частью мифа о всеобщем благоденствии, реализованным

«примером», демонстрирующим, что скоро такое жилье будет доступно всем гражданам страны. Кроме того, именно эти сооружения решали задачи, поставленные в генеральном плане реконструкции столицы, так как отражали поиск облика многоэтажного жилого дома, выходящего на парадную магистраль.

Изменение творческой направленности в 1950-е годы. Очередное изменение творческой направленности, произошедшее в советской архитектуре в середине 1950-х годов, повлияло на особенности строительства «жилья не для всех». Первым мероприятием, которое были вынуждены провести советские архитекторы, было максимальное упрощение фасадов подчас уже строящихся домов. Пережив шоковое состояние от жестких постановлений правительства по поводу «борьбы с украшательством в архитектуре», зодчие стали «счищать» в проектах все декоративные детали, которые придавали домам на крупных магистралях законченный вид и создавали композиционное единство застраиваемых проспектов и улиц. Такие дома в мастерских назвали «обдирными». Лишенные пластических элементов здания стали безликими, утратили индивидуальность. На некоторых стройках архитекторы, чтобы хоть как-то спасти положение, пытались разнообразить уже строящиеся дома треугольными окнами, выступающими с плоскости фасада. Пример такого строительства - жилые дома в конце Ленинского проспекта.

Новое проектирование этого периода должно было ориентироваться только на индустриальные и типовые методы строительства. Утвердившийся суровый стиль технологизма диктовал свои законы. В этот переломный период речь в основном шла о малометражных квартирах, которые срочно должны были разрядить острую социальную проблему и расселить граждан из подвалов и коммунальных квартир в маленькие, но индивидуальные квартиры.

В конце 1960-х годов вновь стали появляться «островки» элитной многоэтажной застройки. Это, прежде всего, происходило на новых территориях, которые осваивались городом. Речь идет о Западном и Юго-Западном районах города, которые в те годы считались наиболее комфортными с точки зрения экологии. К престижным территориям также относились районы «в тихом центре» (расположение дома в центре, но не на шумной магистрали, как это было прежде, на этом этапе - один из определяющих признаков элитности).

На новом этапе элитное жилье размещалось в домах облицованных светлым керамическим кирпичом, чаще всего башенного типа (12-14, иногда в 6 этажей). В таких домах при входе дежурила консьержка, в них располагались квартиры «улучшенной планировки», с высотой потолков 3,2 м, общей площадью до 110 м2 (иногда до 150 м2) , с большими комнатами и кухней не менее 12 м2 . Такие дома появились в арбатских переулка, на Бронных улицах, в Кунцево и т.д.

Сегодня эти дома по сравнению с послевоенными, как их часто называют «сталинскими» и современными, дорогими домами, возводимыми в Москве, выглядят более чем скромно. Но их ценность состоит в том, что они были построены на века, с надежным конструктивным решением и из качественных материалов.

В 1970-80-е годы строительство жилья для советской элиты было продолжено. Этот период знаменован строительством большого комплекса жилых домов «повышенной комфортности» в Новых Черемушках. Жилье предназначалось для работников ЦК КПСС, и поэтому в народе было названо «Царским селом». Официально - это Квартал 29. Он занимает территорию площадью около 12 га между Профсоюзной и Ново-Черемушкинской улицами. Архитекторам удалось создать

компактную жилую структуру с встроенными магазинами и уютными дворовыми пространствами. Новый квартал – это кирпич, бетон и стекло. Жилье оторвано от земли – все дома поставлены на мощные сквозные арки. И впервые за много лет аскетизма в архитектуре появились эркеры, как возврат к богатой пластике фасадов жилых домов дореволюционного, а потом послевоенного периодов.

Квартиры в Царском селе удобно зонированы. Центром такой квартиры является большой холл, отделенный от гостиной двухстворчатой остекленной дверью. Из холла через эту дверь открывается вид на большую гостиную (25 м2) с эркером, значительно обогащающим пространство комнаты. Жилые и вспомогательные помещения размещены очень рационально. Рядом со спальнями, выходящими окнами на тихую сторону квартала, расположены санузлы. В туалетах кроме обычного оборудования установлены биде и умывальник. В ванной комнате предусмотрено место для стиральной машины. Достаточно места отведено под стенные шкафы и антресоли, есть небольшая кладовка (2 м2). В каждой квартире есть большой балкон-лоджия. Значительная площадь кухни позволяет использовать ее как повседневную столовую. Во всех квартирах тщательно продумано размещение всего необходимого оборудования (розеток, светильников, сантехнического оборудования и проч.). Высокое планировочное качество жилья в «Царском селе» снова породило надежду, что как только будет решена острая проблема с жильем, планировка квартир станет образцом для строительства массового жилья в Москве.

Жилой комплекс Квартал 29 или «Царское село» был построен к 1988 году. Его благополучно заселили соответствующим заказу контингентом жителей. Это был последний комплекс жилья для советской элиты, который построила советская власть. Тема оказалась закрытой вполне естественным путем.

Выводы – Анализ самостоятельно развивающейся линии проектирования и строительства жилья для элиты позволяет сделать заключение, что жилье подобного типа в советской архитектуре было всегда. Элитные дома всегда отличали высокие художественные достоинства и значительный бытовой комфорт.

В послевоенный период можно выделить еще 2 этапа его развития: 1.Со второй половины 1940-х до середины 1950-х годов. В этот период внешние черты «домов не для всех» выделяли эти сооружения из окружающей застройки. 2. С начала 1960-х до конца 1980-х годов. Внешняя пышность ушла, и основное внимание в элитных домах переключилось на создание максимального комфорта внутри жилого дома.

Тема была закрыта с распадом СССР. Во все периоды развития элитного жилья, в основе которого лежали увеличенные нормы высоты помещений, его размеров и количества комнат, всегда присутствовала мысль о том, что когда-нибудь эти нормы будут применены для массового жилого строительства. Но ни на одном этапе существования советской архитектуры эти надежды не воплотились в жизнь.

Список использованных источников и литературы:

1. Иконников А.В. Архитектура Москвы. XX век. – М.: Московский рабочий, 1984. –222 с.

2. Хайт В.Л. Квартал 29 в Новых Черемушках // Архитектура СССР, 1988. – № 6. – С.53-59.

3.Чередина И. С. Московское жилье конца XIX – середины XX века. – М.: Архитектура–С, 2004. – 115 с.

Cheredina I.S.
cherrina@mail.ru
MArchI, Moscow, Russia

HOUSING FOR SOVIET ELITE IN MOSCOW. 1940-1989-IES

Abstract - The construction of "housing for experts" began in 1930-s, when the country was in urgent need for highly qualified engineering staff. It was the beginning of a special theme in the history of Soviet architecture. It was a topic that was not discussed openly because such housing was designed according to their own rules and was not comparable to the mass construction. Moscow housing for the elite has evolved parallel with the development of mass housing but under the internal laws. Main features of design and construction of this special housing have changed, but the essence of the process of creating the housing for elite remained unchanged.

The article analyzes the examples of houses from the period 1940-1950-ies (called full-length housing) to the end of 1980-s. The most interesting examples of 1940-1950-ies – houses on major avenues – Earth Wall Street (Chkalov street), Garden Ring street. High-rise buildings (late 1940-1950s) are also good examples of housing for the Soviet elite.

An interesting fact was mentioned: in the 1960-s during the persecution of the architectural excesses, when all building materials were on a strict accounting, luxury housing continues to develop and build up to the end of the Soviet period at 1980-s but under the name of "housing of improved design". In late 1960-1970s luxury housing were built in the quiet center of Moscow or in new and clean areas of the city. In the 1980s housing for the elite took the free urban areas transforming it for their new status.

Keywords: housing for the Soviet elite, full-length apartments, buildings of improved design.

Chu Qiao, Yan Wang
174749954@qq.com;ayan97@sina.com
HIT, Harbin, China

SOCIO-ECONOMIC CHARACTERISTICS OF DAOWAI DISTRICT IN THE 1920S

Abstract - Daowai District was the residential area occupied by the Chinese when Harbin was colonized. It is also the cradle of Harbin's national commerce and industry in modern history. Because Daowai district，lying beyond Middle East Railway, was inhabited by many Chinese during the rule of Tsarist Russia,it was ignored by most of the research on the evolution of the city and social economy of modern Harbin. The protection and regeneration of the historic blocks need guide of history resource. This paper has analyzed the four stages of Daowai's national commerce and industry in modern history. Based on the relevant data of the industrial and commercial data of Daowai District in 1922, this paper has elaborated on the land-use pattern in 1922 . By

means of space syntax, this paper summarized three feature of social economy during the booming period in modern history.

Keywords: Harbin, Daowai, Socio-economic characteristics, Space syntax,1920s.

Due to the historical reason, Daowai, is called Fujiadian in the past and lying beyond Middle East Railway, was dominated by Chinese even prior to the demise of Russian political power in the city following the Bolshevik Revolution. It is also one main cradle of Harbin's national commerce and industry in modern history.

1. The development. Harbin, known as a colony in modern history, had gradually functioned as the traffic hub between Europe and Asia and developed into an international commercial port since Middle East Railway was brought under construction in 1898. Hence, the analysis on the development of national commerce and industry in Daowai District should be based on the context of the world trade where Harbin was set at that time. The development of national commerce and industry in modern Harbin can be broken down into four stages.

1.1 Forming Period. The first stage had extended from the construction of Middle East Railway in 1898 to the end of Japanese-Russian war. Considering that the construction of Middle East Railway and new city should required massive resources, the international trade at that time in Harbin just focused on the import trade. Stimulated by the import trade and everyday need, the national commerce and industry began to develop in Daowai District. Free from the taxation and other constraints, the national commerce and industry in Daowai had expanded rapidly in a short period extending over 6 to 7 years.

1.2 Development Period. The second stage ranged from the opening of Harbin in 1905 to the First World War. The international trade at that time revolved around intermediary trade. After the Japanese-Russian war, many powers had sped up their seizure of trading market in Harbin. In 1905, Harbin opened its market to the outside and became an international trading city. After the breakout of the First World War in 1914, Harbin was reduced to a trading center toward Russia by many powers due to the extremely short supply of physical resource in Russia. With the factory funded by national capital expanding rapidly, the industry in Daowai experienced an explosive growth. The national commerce in the northern part of Northeast China had also achieved the further development, featured by the establishment of a large number of new firms. In the 1920s, those major commercial stores in Harbin had laid a solid foundation for further development.

Fig. 1. Daowai district location figure in 1920 appears at the lef and the right side shows the evolution of the modern daowai district street.[1]

1.3 Thriving Period. In the 1920s, the import and export trade in Harbin entered a booming period. The flour industry and oil industry focusing on the wheat and soybean were well developed. The national commerce had also thrived together with the emergence of national industry. [2] In 1921, the Chinese government regained its sovereignty gradually, providing a positive political environment for the prosperity of national commerce and industry. A large number of migrant refugees from many other provinces had ensured a constant supply of labor force. Hence, the national commerce and industry in Daowai had entered the period of prosperity and boom.

1.4 Decline Period. The fourth stage took place during the rule of Manchukuo. Due to a series of artificial and natural disasters after 1929, such as the conflict between China and Soviet Union, global financial crisis, devastating flood and 9.18 Incident, the economy in Harbin was seriously affected. In addition, Japan had also taken some political measures, including the monopoly foreign trade and the limitation on foreign immigrant. Hence, the national commercial activities in Daowai switched to internal trade. As the Japanese mostly controlled the industries such as flour and oil, the national commerce and industry in Daowai fell into a decline.

2. Functional Survey of Daowai district: 1920s. In its prime age of 1920s, the number of businesses and services in the Daowai District had reached 4500 and more. During.

[1]《哈尔滨 印·象(第一卷):1987-1949》 pp.14-5

[2]刘迎红.民国时期东北北部民族资本商业的分期与影响[J].北方论丛,1997.

the period from1921 to 1929, this area had become a famous commercial district on the north region of northeast in China.

2.1 Land-use distribution. Although the historical records cannot provide sufficient information of the entire land-uses of the street, a diverse business area can be seen from the existing data presented. Large department stores were mainly distributed in the central street——Jing Yu street. Whilst small shops, which is the main business scale in this area, were mainly located in the side streets and the east beginning of the main street where international banks and Social groups dominated. In addition, there were at least ten more bazaars in the 1920s,which included permanent, all-purpose bazaars with a broad palette of goods, as well as specialty bazaars, including a fruit market, a poultry market, a fish market, a livestock market, and a flea market. [3] Restaurants and hotels are mainly located in the northern part of Zhengyang street its auxiliary, and TaoHua Lane, TianYi Street, TaiGu Street, which is the first commercial area in the Daowai district formation. Schools were also found steps away from the main street.

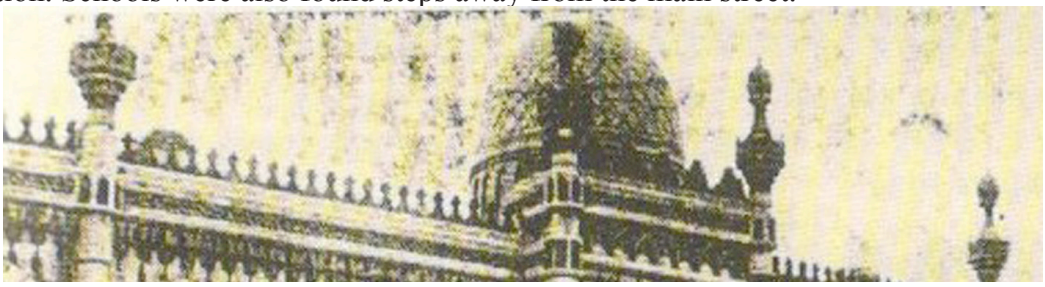


Fig.2. Proportion of overall functions,1922[4]]

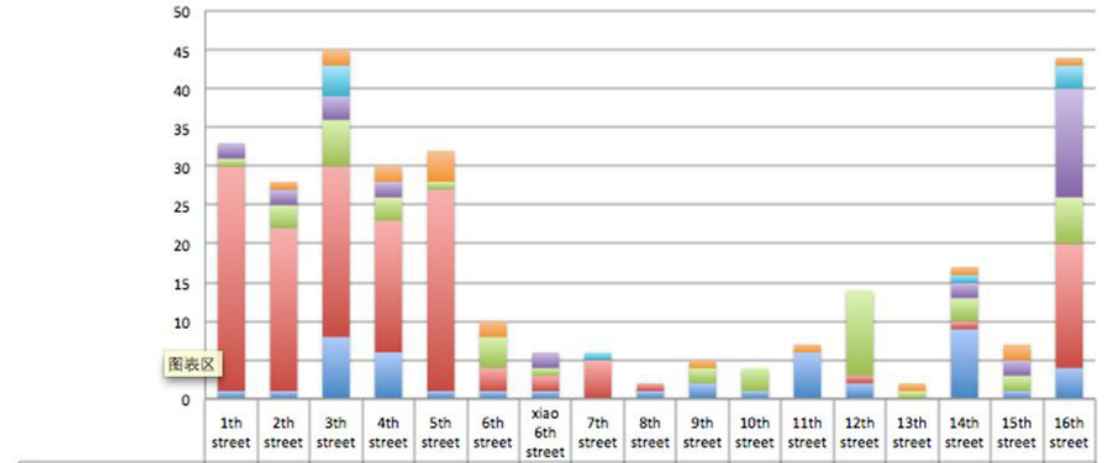
The density of plots was decreasing from the east section to the west. Similarly, the diversity of the land uses followed the same trend, highlighting the old section of the street where spontaneously evolved with out planning.

2.2 Land-use statistics. First of all, the statistical analysis was carried out on typology of overall functions. The land uses of the Daowai district in 1920s can be classified to 6 functional types. Fig.2 shows the proportion of each function. The largest component is retail units -comprising 66% which includes department stores, boutique shops and other small shops selling all kinds of commodities. Small proportion of the chart entertainment shows, but in fact there are a lot of underground entertainment areas exist in the outer channel, such as sex workers, casinos, opium dens, mainly distributed in the Peach Blossom Lane, North market, Hui Fang, the Tianyi Street area. This reflects the social conditions of modern road outside, rotten thing to the main entertainment. The rest 4 categories are spread evenly.

According to the records, the side streets were also developed for commercial use, the land-use proportions of individual side street of JingYu street are shown in Fig.3. Each street contains six categories of uses with its distinct focus. 1th Street holds 29 different scales of retails which account for 88%, even higher than the proportion of retails in the main street. TaiGu Street, grain-exchang account for a large proportion-comprising

[3] Ternavskii, Ves' Kharbin na 1926 god, 159-
[4] 殷仙峰编. 哈尔滨指南. 东陲商报馆,p749-

66%,which includes Granaries and grains. Granaries and grains exist only in this street, illustrated here was an important transit grain transactions.



	1th street	2th street	3th street	4th street	5th street	6th street	xiao 6th street	7th street	8th street	9th street	10th street	11th street	12th street	13th street	14th street	15th street	16th street
Social groups		1	2	2	4	2				1		1		1	1	2	1
Entertainment&Cultural			4					1							1		3
Restaurants&Hotel	2	2	3	2			2								2	2	14
Company and industry	1	3	6	3	1	4	1			2	3		11	1	3	2	6
Retail	29	21	22	17	26	3	2	5	1				1		1		16
Service	1	1	8	6	1	1	1		1	2	1	6	2		9	1	4

Fig. 3.. Proportion of overall functions,1922[4]

Secondly, this part is to show the statistics for typology of retails. The type of goods sold by all the retailers along the street in 1920s covered 9 categories, which are showed in Fig.4. Due to the dramatic increase in import and export trade Starting in 1921，money shop native bank, grain-exchange, grocery and timber trading are kinds of commerce that spreads out rapidly through the region by force of their low cost, little risk and high profits.

The proportions indicate that Daowai district in 1920's was a commercial area in which retail dominated and co-operated with catering, accommodation, entertainment

and financial services.

3. Analysis of Harbin industry and commerce in the 1920's with the theory and method of space syntax. Prof Bill Hillier at The Bartlett, University College London, pioneered space syntax in the 1970s. It is a science-based, human-focused approach that investigates relationships between spatial layout and a range of social, economic and environmental phenomena. Space syntax shows that space can shape a social patten. One of research using the space syntax approach has shown that the spatial layout powerfully shape movement patterns. This relation shapes the evolution of the centres and sub-centres that makes cities liveable. This part will use this theory of space syntax and method to analyze the socio-economic characteristics of Daowai district in the 1920s.

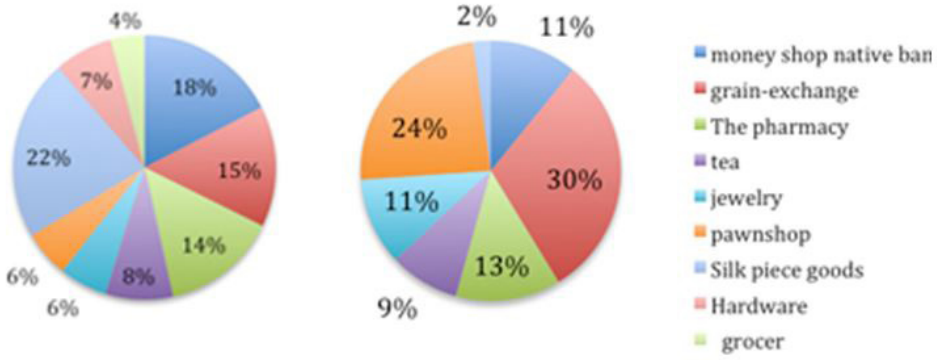


Fig. 4. Proportion of retail facilities,1922[14]

3.1 Axial analysis of the modern urban center change. This part of the study picks three moments in history, to represent the morphological changes and centre-shift process, based on the city map of 1910, 1920 and 1938. Axial analysis is conducted to explore the spatial structure and its changes. It needs to note that the map of 1920 did not depict the "new" development in the northwest of 14th street. As the main Business area at that time was in the "new" spill-out development, this becomes a negative factor for the research. In order to supply a gap, a conjecture is made basing on 1938's map.

The results of syntactic analysis is shown in fig.5.The red lines respect the integration cores, which is the top 10% of most integrated lines. It shows that in 1910, the centre position and the integration core mainly concentrated in daoli district. in 1920, It is shown that the functional centre expand to the south, spread to the north in Nangang. But the centre Is not very obvious，due to the big barrier - railway; in 1938, the south part in Nangang District .

Fig. 5 .Global integration of the city,1910,1920 and 1938.[1]

Generally speaking, the positions of live centres show a certain degree of syntactic significance. However, this criterion cannot fully account of the position of the functional centre. Therefore, it leads the study going to the second step: investigating the local spatial property – the correlation of integration and street diversity

3.2 Integration and economic diversity. There proved to be a strong correlation between the integration, that is an important variable space syntax reflecting the distribution of movement, and the number of retail, that is the primary factors associated with economic diversity. Calculated for every one of the commercial streets in the area in 1920, the correlation value for this relation proved to be 0.663, showed in Fig.6, meaning that street which had a higher degree of integration value also had a higher a high degree of diversity in the streets. Furthermore, the number of retail and local integration(R=2) in 1910 are more highly correlated-up to 0.890. (Fig.8.)It implies that the spatial configuration has a very large impact on the number of retail as well as the diversity of the street.

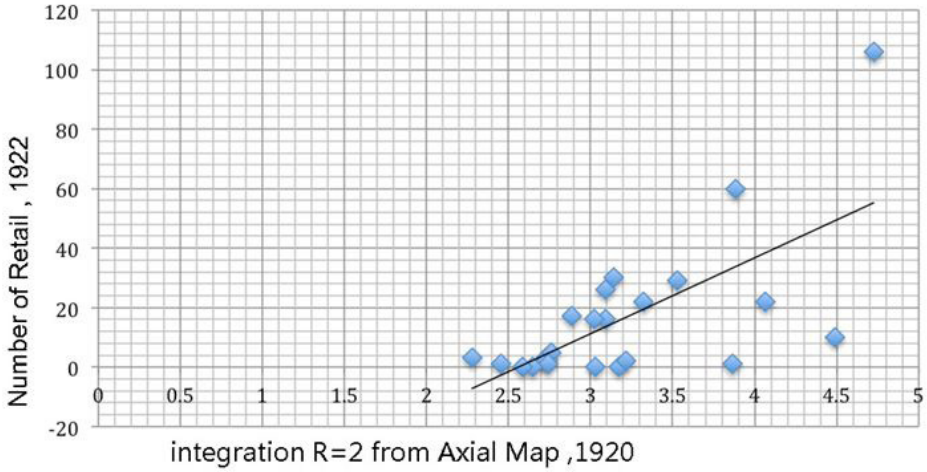


Fig. 6 .National Romantic style in Finland

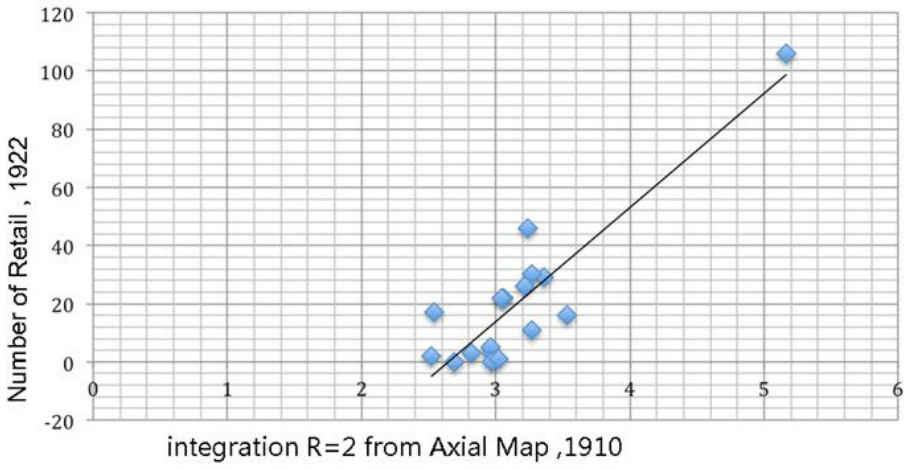


Fig. 7 .National Romantic style in Finland

When looked at in some detail, the results were even more convincing. Of the streets there were two, called 4th street, TaiGu street, that did not comply with the general pattern. TaiGu street consisted of a higher number of retails which meant that it is higher than the one integration had shaped.

From the above analysis, we can see the grain retail trade in the TaiGu Street accounted for a large proportion. Because the conditions of the street local integration was good. When look at segment choice measurements at different scales, we can find some message about it. The distribution of segment choice (radius 750m) ,shown in Fig.8， is measured to look at which part of the centre would undertake much movement flow when consider the city as a whole. It is found the main line and the three sides of the centre are prominent, forming a route of Import and export trade. Therefore, the junctions between the main line and these prominent lines(include TaiGu street) are principally serving as the access points of commodity dumping and plunder of raw.

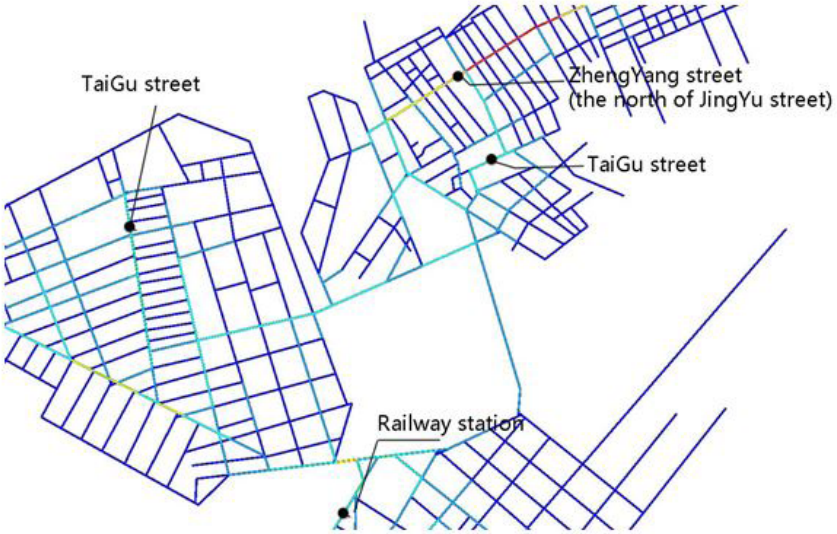


Fig. 8. segment choice at scale of radius 750m,1920.

Conclusion: According to the above description and analysis, we can sums up three characteristics of social and economic in Daowai district in the 1920s.

Colonial feature. First of all, the origin and development of national industry and commerce have significant colonial in nature. Modern commerce in the north region of Northeast China, Except for a small proportion of national commerce and industry develops from handicraft industry, most of them accompany the trade with foreign powers on an unequal basis. Secondly, land use patterns in the region showed an unharmonious economical structure of cities represented that rich in interests of business and more will of invest in business than industry . However, the national commercial during this period mainly serviced for imperialist's commodity dumping and plunder of raw materials in China. This result in shortage of factors that transmit capital from business to industry hinders the production and development of modern national industry.

Marginal feature. Because of the city being bounded by the railway and artificial planning, this area has been always located in the marginal belt beyond the urban economic center. Slightly affected by the war and global economic crisis, this area has achieved the great development. In the republican era, some other commercial port just like Tianjin、Shanghai gradually recession during the WWI. But harbin was not recession, he rapid progress and grow.

Dependent feature. The national commerce and industry in Daowai are mainly in small and medium size. Compared with foreign capitals, they are more easily influenced by the changing economy. However, the geographical condition of Daowai District has determined that it is always a vigorous area. The street has rich economic diversity due to

this area had more premises per hectare,. Although the individual business might easily go into or out of business, the whole area can still sustain its own development.

Чу Кяао, Ян Вэн
174749954@qq.com; ayan97@sina.com
ХТИ, Харбин, Китай

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЙОНА ДАОВЭЙ В 1920Е ГОДЫ

Абстракт - Район Даовэй был местом для коренных китайцев, когда Харбин был колонизирован. Так же район является отправной точкой для государственной торговли и промышленности в современной истории Харбина. Так как Даовэй, лежащий за пределами Китайско-Восточной железной дороги, был населён многочисленными гражданами Китая на протяжении существования Царской России, он был изолирован от социально-экономического развития. Защита и восстановление исторических составляющих нуждается в пояснениях к данному исследованию. В этой статье рассмотрены четыре этапа становления государственной торговли и промышленности в современной истории Харбина. Основываясь на соответствующих документах 1922 года о торговле и промышленности Даовэйя, эта статья уточняет модель природопользования 1922 года. При помощи взаимодействия пространств, эта статья раскрывает три социально-экономические черты переломного момента современной истории Харбина. В силу исторических причин Даовэй называют Фуджиадиан.

Харбин, известный как посёлок в начале современной истории, постепенно стал функционировать как пересечение между Европой и Азией и получил статус международного торгового порта со времен строительства железной дороги в 1898 году. Таким образом, анализ развития национальной торговли и промышленности в районе Даовэй должен основываться на контексте всемирной торговли, где Харбин вовремя занял свою позицию. Развитие национальной промышленности и торговли в Харбине может быть разбито на четыре этапа.

Первый этап длился с периода построения Китайско-Восточной железной дороги в 1898 до окончания Русско-японской войны. Учитывая строение железнодорожных путей, от Харбина требовалось большое количество ресурсов, поэтому на международном рынке в то время Харбин был сфокусирован лишь на импорте. Национальная торговля и промышленность стала развиваться в районе Даовэй благодаря стимуляции импорта и ежедневных потребностей граждан. Свобода от налогов и прочих ограничений позволила национальной торговле и промышленности в Даовэйе быстро расширится в короткие сроки, входящие в рамки 6-7 лет.

Ключевые слова: Харбин, Даовэй, социально-экономические характеристики, взаимодействие пространств, 1920е годы.

Шенцова О. М.
shenolga@yandex.ru
МГТУ, Магнитогорск, Россия

ПРИНЦИП КОМБИНАТОРНОСТИ В АРХИТЕКТУРЕ

Абстракт - в статье рассматривается распространенный сегодня в России и за рубежом комбинаторный принцип архитектурного формообразования зданий и сооружений. Рассматриваются примеры архитектурных объектов, при создании которых использовался принцип комбинаторики.

Ключевые слова: архитектурная бионика, комбинаторика, модуль.

Для архитектурной бионики в плане проблемы стандартизации очень важно изучение сочетаний элементов как на плоскости, так и в пространстве. Этот вопрос нашел уже свою проработку в теории архитектуры, в искусстве и математике. Но его рассмотрение в основном было подчинено эстетическим или математическим задачам. Мы взглянем на него с архитектурных позиций: использования в архитектуре повторяющихся форм не только с точки зрения их красоты, но и практической значимости.

Плоскость, по существующим данным науки, равномерно и плотно во все стороны может быть заполнена лишь тремя правильными многоугольниками: шестиугольником, треугольником и квадратом, т.е. лишь теми многоугольниками, у которых углы кратны, а сумма углов в стыковых точках равна 360°. Другие правильные геометрические фигуры, в том числе и окружность, оставляют зазоры.

В современной архитектуре имеется тенденция оперировать структурами, составленными из крупных объемных элементов, развивающимися во всех направлениях и принимающими самые разнообразные очертания. Есть примеры использования и шестигранных элементов. Их нужно шире внедрять в практику и найти способы их применения в архитектуре, и особенно в компактных композициях.

Такие композиции, кроме экономического преимущества в затратах строительного материала, обладают также некоторыми конструктивными и композиционными преимуществами: при стыковке шестиугольников получаются три угла, а не четыре, следовательно, в стыках необходимо соединять меньшее число элементов; меньше потери тепла в связи с меньшей площадью ограждений; большое разнообразие форм помещений, распланированных в пределах шестиугольника, легкое образование эркеров, лоджий (в частности, в жилищном строительстве) и т.д.; психологически уравновешеннее воспринимаемая плавность развития внутреннего пространства комнат или других помещений; большие удобства в расстановке мебели; большая вариантность блокирования, облегчающая объемно-планировочные решения и возможность создания живописных композиций зданий.

Однако шестигранные элементы имеют по сравнению с кубическими и некоторые недостатки. Например, у них большее число конструктивных элементов и их стыковок. Поэтому возможно, что их выгоднее применять в монолитном

железобетоне или монолитных пластмассах.

Заполнять пространство целиком без просветов можно одним лишь кубом. Из полуправильных многогранников такую миссию выполняет ромбический додекаэдр (имеет 12 граней, 24 ребра и 14 вершин) и тетракайдекаэдр — многогранник Кельвина.

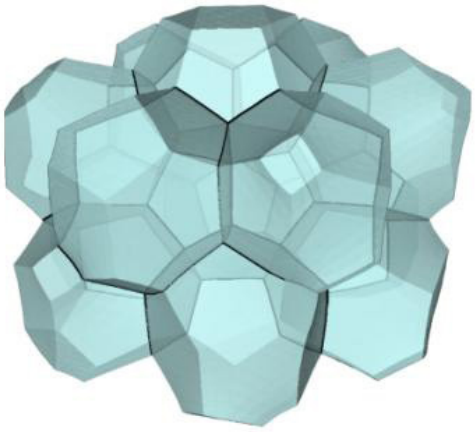


Рис. 1. Формирование плотных упаковок из эластичных сфер и образование тетракайдекаэдров (многогранников Кельвина).

Модель такого явления хорошо наблюдать на мыльных пузырьках. Появляющиеся в этом процессе полярные напряжения придают упругость всей системе (рис. 1, 2).

Одним из примеров использования модульной системы является «М-хаус» в Гормане (Лос-Анджелес, США) спроектировал Майкл Янцен. Это действующий прототип сборно-разборной модульной системы «M-vironment», состоящей из множества взаимозаменяемых компонентов. Каркас здания составляют несколько «кубиков» из стальных труб, к которым шарнирно крепятся раздвижные панели из стекла, дерева или железобетона (в зависимости от назначения). Несмотря на скромные размеры опытного образца (в доме всего две небольшие комнаты), система «M-vironment» допускает бесконечное множество комбинаций. Таким образом, можно создавать разнообразные по функциям и совершенно не похожие друг на друга сооружения (рис.3).

Рис. 2. Купол Г.Н. Павлова из вспарушенных шестиугольников.

Необычное здание в столице Дании г. Копенгагене заслужило внимание как высотное модульное здание, высота которого 116 метров и площадь 21688 квадратных метров. За множество зеленых террас получило название «Village in the sky». По проекту на нижних этажах разместятся магазины и офисы, выше квартиры, а верхние этажи займет отель, из окон номеров которого будет прекрасный вид на центр Копенгагена (рис. 4) [5].

Исследовательский институт биотехнологий Австралийского национального Университета в Канберре был построен по проекту архитектурной фирмы Lyons, которой руководит Корбет Лион (Corbett Lyon).

Рис. 3. Модульный дом «М-хаус».
Арх. Майкл Янцен,
Лос-Анджелес, США.

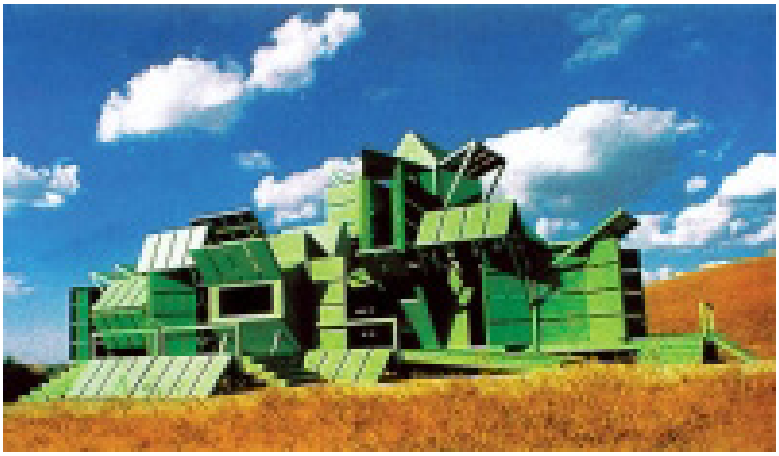


Рис.4. Модульный дом
«Village in the sky».
Дания, г. Копенгаген.

В качестве строительного материала был использован сборный железобетон модульной системы сборки, причем по внешнему контуру здания рисунок стен имитирует клеточную структуру (рис. 5).

Рис.5. Исследовательский институт биотехнологий Австралийского национального университета в г. Кенберре . Австралия.

Комплекс, проектируемый бюро AQSO arquitectos office в Марокко, составлен из модулей размером 6х3 м. Из этих ячеек в зависимости от расположения в общей планировочной сетке формируются апартаменты пяти типов. Под строительство жилого комплекса переменной этажности отведен участок площадью 10 000 кв. м в историческом районе Афна города Касабланки, неподалеку от территории старого аэропорта. Участок расположен между широким бульваром и парковой зоной с кварталом малоэтажной застройки. Согласно проекту, центром композиции являются два внутренних двора, которые будут окружены кольцом зданий. Конструктивно они не связаны, однако, стилистическое решение всех корпусов единое. Предполагается, что всего в жилом комплексе будет представлено пять типов квартир площадью от 70 до 160 кв.м. Планировочная сетка объекта состоит из модулей площадью примерно 18 кв.м. Соответственно, в самой тесной квартире таких модулей будет четыре, а в самой просторной – девять (рис. 6) [4].

Рис.6. Модульный принцип жилого комплекса в Марокко.

Снаружи это может показаться оптической иллюзией. Однако на самом деле этот блочный дом в городке Изоле (Словения). Команда Ofis Arhitekti выиграла национальный архитектурный конкурс благодаря разработке дома.

Он состоит из 30-ти блоков разного размера: от студии до трёхкомнатной квартиры. Внутреннее пространство весьма небольшое, но зато во всех комнатах есть балкон трапециидальной формы, сильно выдающийся наружу, что позволяет неплохо увеличить жилую площадь (рис. 7).

Рис.7. Социальное жилье в г. Изоль (Словения).

Архитектурная мастерская «MOS Architects» создала концепцию модульного дома, получившего название «Element House».

Согласно проекту будут создаваться «полуфабрикатные» (prefab) блоки, которые можно будет соединять между собой, добиваясь нужного размера дома. Каждый такой блок будет иметь площадь порядка 14 квадратных метров, то есть будет площадью как обычная жилая комната. Несколько таких блоков в совокупности создадут обычный, просторный дом по размеру заказчика. Стоит отметить, что добавлять их можно будет в любое время. Далеко ходить за примером не надо: при появлении в семье ребенка можно добавить комнату. Ребенок повзрослел и переехал – модуль можно убрать.

Размеры модульного дома «Element House» могут расти практически до бесконечности, в соответствии с последовательностью Фибоначчи (1-1-2-3-5-8…). Поэтому в один дом могут объеди-

няться сразу несколько семей, вся улица или даже целый городок и стать единым жилым организмом. При этом «организм» может постоянно меняться – расти и уменьшаться в зависимости от его насущных потребностей (рис. 8) [5].

Основу для отеля Bayside Marina hotel, созданного японским архитектурным бюро Yasutaka Yoshimura Architects, составили модули в форме грузовых контейнеров. Этот отель находится на побережье в Йокохаме и представляет собой разбросанные случайным образом блоки. Таким образом из каждого номера открывается разный вид. Длинные узкие контейнеры были произведены в Тайланде, а собраны уже в Японии. Каждый блок состоит из двух таких контейнеров, расположенных один над другим (рис. 9).

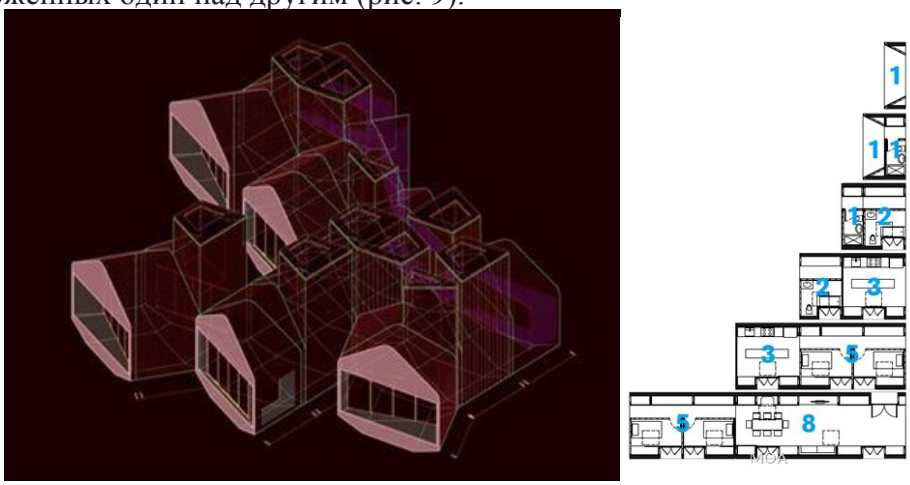


Рис. 8. Модульный дом «Element House». .

Рис.9. Отель Bayside Marina hotel в г. Йокохама, Япония.

Идея таунхаусов в Сколково - оболочка и внутренность, берлога и медведь, - вот отправнвя мысль проекта... Три модуля дают возможность путем трансформации получить 7 типов квартир. Модули стоят из П-образных оболочек и образуют собой сплошной фронт застройки. Расстановка домов произведена с учетом мастерплана территории и представляет собой полосу таунхаусов в шахматном порядке, заключенных в окружность. Один фасад оболочек глухой (со стороны входа), другой полностью остекленный (со стороны ствола). Оболочек 3 типа: с 6 метровым пролетом, с 6,90 м. пролетом, и 6,90 м. пролетом с повернутой стеной на 20 градусов. Последняя вариация дает возможность получить квартиры большей площади и гармонично замкнуть ряд таунхаусов. Четвертый тип оболочки включает в себя трехуровневую квартиру. (рис. 10).

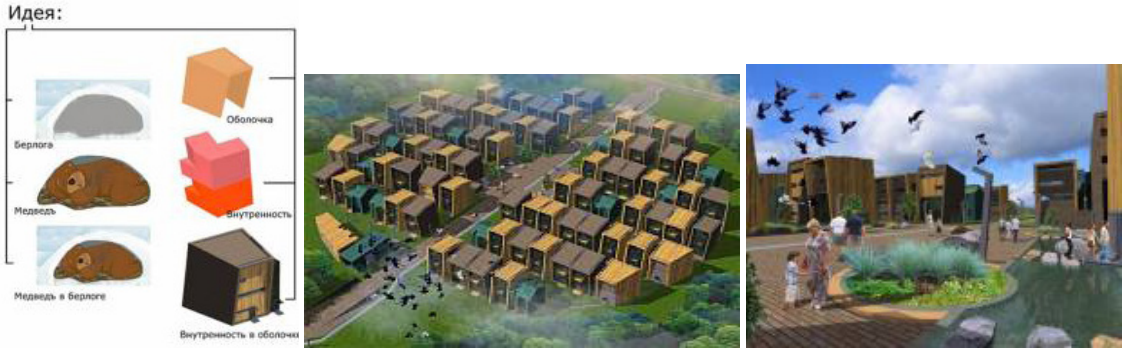


Рис. 10. Проект таунхауса в Сколково. Москва Арх. Виталий и Евгений Ананченко.

Проект здания Ironbank был задуман Ричардом Нэйшем и Тимом Мелвиллом, архитекторами новозеландской студии RTA, как взаимопроникновение различных городских срезов, двух контрастирующих уличных условий. Расположенное в исторической части Окленда (Новая Зеландия), новое здание фасадом выходит на главную улицу — впечатляющую смесь строений викторианской и эдвардианской эпох, большинство из которых за последнее время пришло в упадок. Параллельная ей улица является нагромождением подсобных помещений сервисных и складских служб. А здание банка стало связующим мостом между миром этикета, традиционности, демонстрации былого величии — и беспорядочной хаотичности застройки [6].

Фасад строения выполнен из стеклофибробетона (СФБ) — искусственного камня, который изготавливается посредством дисперсного армирования цементных бетонов на плотных заполнителях стекловолокном, устойчивым к щёлочи. Такая «завеса» со стороны главной улицы надёжно укрывает внутреннее пространство и объединяет смежные исторические фасады.

Архитекторы уверенно разбивают и снова лепят форму здания, дабы уменьшить потенциальный вес, который ассоциируется с офисными центрами среднего размера. Пять башен нового строения фрагментированы вертикально, оставляясь в композиции разборных офисных мест и торговых пространств, которые и образуют жизнеспособную рабочую общность (рис. 11).

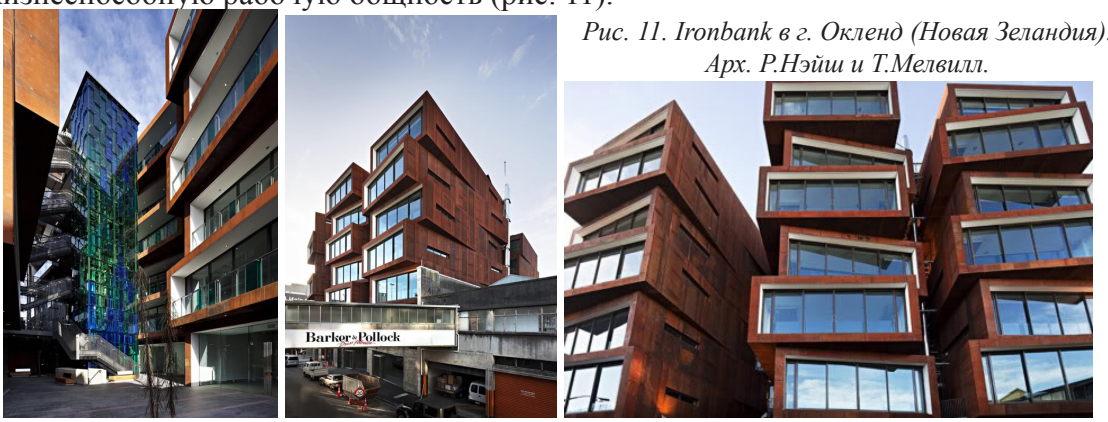


Рис. 11. Ironbank в г. Окленд (Новая Зеландия). Арх. Р.Нэйш и Т.Мелвилл.

Канадский архитектор Моше Сэфди спроектировал и построил экстраординарный экспериментальный жилой комплекс в Монреале, составленный из модульных бетонных блоков. Названный Habitat 67, жилой комплекс был попыткой Сэфди изменить подход к проектированию строительства городского жилья, обеспечить его доступность и создать микрорайон с собственными магазинами и школами.

Все квартиры были собраны на месте, и у каждой квартиры есть собственное место для небольшого сада, расположенное на крыше соседа снизу.

Сэфди спроектировал 15 различных типов квартир в соответствии с численным составом семей (рис. 12).

Рис. 12. Модульный жилой комплекс в г. Монреаль, Канада. Арх. Соше Сэфди.

.

Чтобы сделать комплекс доступным, Сэфди разработал план по массовому производству строительных блоков прямо на месте. Сэфди создал фабрику на полуострове для строительства квартир, которые были собраны из отдельных модулей в единое целое, а затем установлены на нужное место при помощи подъемного крана.

Заключение. Приведенные примеры комбинаторного формообразования показывают, что принцип комбинаторности и модульного проектирования в архитектуре набирает обороты и становится значимым в архитектурной практике.

Список использованных источников литературы:

1. Волчок Ю.П., Лазарев А.И. Прогнозирование техники многоярусных структур на основе бионического метода (отношение: материал-форма). - В сб. науч. трудов: Проблемы формообразования в современной архитектуре. М., вып. 3, ЦНИИТИ-ЦНИИП градостроительства, 1976.

2. Лебедев Ю.С., Рабинович В.И., Положай Е.Д. Архитектурная бионика. -М.: Стройиздат, 1990. - 269с.

3. Пронин Е.С. Теоретические основы архитектурной комбинаторики. - М.: Архитектура-С, 2004.

4. Интернет- ресурсы:

5. 4. Жилые модули в Марокко[Электронный ресурс]. -URL: http://econet.kz/articles/3109-zhilye-moduli-v-marokko. -Загл. с экрана.

6. 5. Модульный дом [Электронный ресурс]. -URL: http://www.archfacade.ru/2010/04/modulnyj-dom-ot-mos-architects.html. -Загл. с экрана.

7. 6. RTA. Ironbank на перекрёстке [Электронный ресурс]. -URL: http://notebene.ucoz.ru/news/rta_ironbank_na_perekrjostke/2011-03-17-450. -Загл. с экрана.

Shentsova O. M.
shenolga@yandex.ru
MSTU, Magnitogorsk, Russia

THE PRINCIPLE OF COMBINATORIAL ARCHITECTURE

Abstract - In the article the combinatory principle of an architectural shaping of buildings and constructions is considered in Russia and abroad today. Examples of

architectural objects the creation with using principle of combinatory are reviewed.

Keywords - architectural bionics, combinatory**,** module.

Шутова А. С., Иванова А. П.
annshu@pro.dimas.ru; iva.nova@mail.ru
ТОГУ, Хабаровск, Россия

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Абстракт - Принципы «Хорошего города» (Building Healthy Places, Город для людей) и реальность постсоветского пространства: проблемы адаптации универсальных рецептов «Нового урбанизма» к отечественным реалиям. Общественные пространства (ОП) рассматриваются со стороны коммуникативного фактора, т.е. возможности в данном пространстве диалога как членов социума между собой, так и диалога социума и государства. Основные качества ОП и варианты трансформации. Принципы формирования гуманной городской среды. Потенциал открытых общественных пространств дальневосточных городов.

Ключевые слова: Everyday Urbanity, новый урбанизм, общественные пространства, джентрификация, принципы формирования городской среды, город для людей.

1. Зарубежное видение проблемы гуманизации постиндустриальной городской среды. В данном разделе приводятся результаты международных исследований в области формирования городского пространства. Особое внимание уделяется восприятию города в целом.

В 2013 г. некоммерческая научно-образовательная организация Urban Land Institute (основанная в 1936 г. Washington, DC) опубликовала доклад Building Healthy Places, постулирующий основные принципы формирования гуманной городской среды (таб. 1).

Таблица 1. Основные принципы формирования гуманных ОП, согласно Urban Land Institute

Принцип	***Раскрытие принципа***
1. Put people first	«Сначала люди». Необходимость общественных пространств без коммерческой составляющей
2. Recognize economic value	Здоровье населения как составляющая экономического роста
3. Empower champions for health	Активные пространства, формируемые спортивными субкультурами

4. Energize shared spaces	Насыщенность пространства разнообразными программами и возможность «переменных»программ
5. Ensure equitable access	Обеспечение справедливого досуга (в том числе малоимущим и пенсионерам)
6. Mix it up	Разнообразие культурных и социальных экосистем
7.Embrace unique character	Уникальность (своеобразие) данной территории
8. Promote access to healthy food	Доступность здоровой экологически чистой еды
9. Make it active	Доступность активного (в идеале - спортивного) образа жизни

В тоже время, Project for Public Spaces (PPS) — неправительственная организация, основанная в 1975 урбанистом-стратегом Уильямом Уайтом, предлагает следующие характеристики идеального городского пространства (таб. 2 и таб. 3).

Таблица 2. Эмоциональные характеристики «Идеального места», согласно Project for Public Spaces (PPS)

Слагаемые Public Spaces			
Открытость	Виды использования	Комфорт	Связи/доступности
Кол-во женщин, детей и пожилых людей	Формы владения местным бизнесом	Гигиеничность	Траффик
Социальные связи	Виды землепользования	Состояние застройки	Использование транзитов
Добровольческие инициативы	Ценность собственности	Экологическое состояние	Пешеходная активность
Вечернее использование	Розничные продажи	Криминальная статистика	Пассажиропоток
Уличная жизнь	Арендная плата		Способы парковки

Таблица 3. Слагаемые Public Spaces, согласно Project for Public Spaces (PPS)

Эмоциональные характеристики «Идеального места»			
Открытость	Виды использования	Комфорт	Связи/доступности
Кооперативное, интерактивное, дружелюбное, добрососедское, разнообразное, внимательное	Веселое, активное, живое, особенное, реальное, полезное, оригинальное, праздничное	Безопасное, чистое, «зеленое», удобное для сидения, удобное для пешеходов, историческое, одухотворенное	Протяженное, близкое, связное, понятное, удобное для прогулок, доступное

Фактически, все вышеперечисленные принципы подробнее раскрывают идеи «Новой урбанистики» и Everyday Urbanity, повторяя давно озвученные концепции приоритета пешехода и эмоциональной насыщенности городской среды (что отходит к идеям «экономики впечатлений» Р. Флориды).

2. Отечественный взгляд на проблему. На основе доклада Urban Land Institute группой отечественных градостроителей в 2014 г. были сформулированы принципы «Хорошего города» (таб. 4).

Таблица 4. Принципы «Хорошего города»

Принцип	***Раскрытие принципа***
Разнообразие возможностей	Хороший город должен предоставлять максимум разнообразных возможностей всем гражданам в жилье, работе, отдыхе и удовлетворении своих потребностей, диверсифицированных по специализации, ценам, типу, качеству и другим параметрам. Иными словами если город предоставляет только услуги государственного детского сада и нет предложения нянь или частных садов – это недостаточно хороший город.
Преимущество общественных интересов над частными	Общественные интересы всегда и везде имеют приоритет: интересы жителей выше интересов отдельного собственника (хоть он может быть и инвестором), интересы города выше локальных интересов отдельного района.
Мобильность	Современная, гибкая, постоянно совершенствующаяся коммуникационная инфраструктура, основанная на преимуществе «индивидуального» LMT (low moving transport) и общественного транспорта всех видов (иерархически организованного в зависимости от размеров города – suburban/urban transit/local). Все направлено на минимизацию необходимых усилий на перемещение. В понятие мобильности входит также доступность в выборе и смене локации мест проживания и работы. Структурирование системы коммуникаций по приоритетам: транзитного/уличного, грузового/пассажирского, автомобильного/пешеходного движения.
Экологичность	Город добавляет к урбанистическим достоинствам все преимущества негородского образа жизни – свежий воздух, природные пространства, общение с фауной, возможности выращивать все что угодно. У жителя хорошего города не может быть мыслей «отдохнуть на даче от городской суеты и стресса». Природная и коммуникационные инфраструктуры имеют наивысший одинаковый приоритет при принятии любого решения о развитии и застройке и важнее чем инвестиции в экономику, строительство жилья, и создания систем всевозможных услуг.
Экономическая устойчивость и эффективность	Разделение общественных и приватных пространств и соответствующее разделение ответственности в содержании этих пространств между властями и собственниками (жилых, офисных, производственных зданий). Площадь общественных пространств хорошего города составляет 30%-50% от общей площади. Соблюдение баланса затрат на создание любых улучшений и на их последующее содержание. Компактность и высокая технологичность освоенных (застроенных) пространств, минимальная техногенная нагрузка на естественные природные пространства.

Таблица 4., продолжние

Современные пространственные принципы организации города	Совмещенность функций жилья, работы и третьих мест, максимальный приоритет многофункциональным зданиям и комплексам, проникновение природы в здания, безбарьерность и проницаемость, повышенная плотность в коммуникационных узлах и пониженная – на границе с природной сетью окружающей и пронизывающей город (пониженной плотности соответствует меньшее количество функций на территории, повышенной плотности – максимальная полифункциональность). Только опасные и вредные производства выносятся за городскую черту – остальные места приложения труда рассредоточены по городу в соответствии с коммуникационным каркасом.
Адаптивность к меняющимся обстоятельствам	Способность сжиматься и возрождаться (resilience), перестраивать свою структуру. Современность, технологичность и устремленность в будущее при сохранении уважительного отношения к материальному наследию предыдущих поколений (необходим общественный консенсус относительно понятия «наследие»). Все большая доля временных, быстровозводимых и мобильных сооружений в том числе и для жилья, уменьшающийся расчетный срок службы любых зданий.

Одновременно, на официальном сайте Департамента Экономической Политики и Развития города Москвы было представлено видение столицы как «Города удобного для жизни» и выделены следующие приоритеты развития столицы (таб.5).

Таблица 5. Приоритеты развития Москвы, как «Города удобного для жизни»

Приоритеты	***Расшифровка***
Мобильный город	Создание условий для свободного, комфортного, предсказуемого перемещения по городу пешеходов, велосипедистов, пассажиров общественного транспорта и автомобилистов
Комфортная городская среда	Улучшение качества жизни москвичей. Сбалансированное развитие общественного пространства, сохранение исторического наследия, улучшение внешнего облика столицы
Здоровый город	Модернизация городской медицины и профилактики заболеваний. Благоприятная экология и общедоступный спорт для всех поколений москвичей
Образованный город	Повышение качества и доступности всех видов образования, в том числе и дополнительного
Социально защищенный город	Повышение московского социального стандарта, адресная поддержка нуждающихся, сохранение и развитие системы льгот, сокращение бедности
Новая экономика Москвы	Обеспечение устойчивого роста экономики и доходов жителей. Благоприятный инвестиционный климат, инвестиционный рывок
Открытая Москва	Активное участие жителей в управлении города, развитие местного самоуправления, прозрачность, подотчетность и доступность государственной власти

Суммируя предлагаемые принципы можно выделить базовые составляющие новых общественных пространств, которые и являются основным объектом исследования.

3. Базовые характеристики общественного пространства, оптимального для местных условий (г. Хабаровск). Обозначив мировые и столичные принципы формирования городской среды, рассмотрим подробнее существующие об-

щественные пространства (открытые) на территории г. Хабаровска. Для анализа городской среды взяты наиболее популярные места отдыха или значимые в городском планировании места (таб.6).

Таблица 6. Анализ популярных ОП г. Хабаровск

Ресурс	Площадь им. Ленина	Городские пруды	Парк Динамо	Парк им. Гайдара	Парк Северный	Набережная	Центральный парк	Стадион им Ленина	Парк им. Гагарина
Озеленение территории	-/+	-/+	+	+	+	-	+	+	+
Объекты архитектуры (исторической и современной)	+	-/+	-	-	+	+	+	+	-
Инфраструктура развитая (не избыточная)	+	+	-	+	+	+	+	+/-	-
Качество человеческого капитала*	+	+	+	+	+	+	+	+	-/+
Соседство с культурными объектами	+	+	+	+	-	+	+	-/+	+
Наличие рядом институтов	+	+	-	-	+	-	-	-	+
Возможность устройства «переменных» программ	-	-	+	-	+	-	+	+	-
Наличие малых архитектурных форм (скульптур, беседок, фонтанов)	+	+	+	+	+	+	-	-	-
Всесезонное использование	+	-	+	-	-	-	-	-	-
Использование ОП для занятия спортом населением	-/+	+	+	-	+	+	-	+	-
Кол-во баллов	8	7	7	5	8	6	6	6	3,5

** Качество человеческого капитала — совокупность значений: возрастной группы, со циального статуса, экономического состояния.*

Исходя из результатов таблицы, наиболее сформировавшимися являются центральная площадь и парк Северный, городские пруды и парк Динамо. К развивающимся ОП можно отнести набережную им. Г. Невельского, Центральный парк и

стадион им. Ленина. Эти объекты воспринимаются единым пространством для отдыха горожан, и на взгляд автора, являются наиболее перспективными для развития. На данной территории есть как архитектурное наследие, объекты культуры в шаговой доступности, также развита инфраструктура и большое количество спортивных объектов. К угасающим городским пространствам можно отнести парк им. Гайдара (из-за его чрезмерной коммерциализации и узкой направленности) и парк им. Гагарина. Хотя парк им. Гагарина, имеет больший потенциал развития, в связи отсутствия «конкурентных» ОП рядом возрастает его значимость для города в целом.

Заключение. Необходимость в публичных пространствах запускает процесс переформатирования общественных территорий с целью повышения полифункциональности и интенсификации их использования. В. Вучик пользуется понятием livable city: город, удобный для жизни. Это универсальная урбанистическая идея, и надеемся, она восторжествует в дальневосточных городах, в идеале расширив свои рамки из «места для людей» в «город для людей».

Список использованных источников и литературы:

1. Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. — Basic Books, 2002. Русскоязычное издание: Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Классика-XXI, 2005. — 430 с. Идеи креативного города были развиты в книге Чарльза Лэндри, The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators.
2. Вукан Р. Вучик. «Транспорт в городах, удобный для жизни» М.: «Территория будущего», 2011
3. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. — 460 с.
4. Иванова А. П., Шутова А. С. Среда обитания. Новое качество жизни/ Новые идеи нового века – 2013 : материалы Тринадцатой международной научной конференции = The new Ideas of New Century – 2013, – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. Т.I. – С.191-198
5. Иванова А. П., Шутова А. С. Новые общественные пространства Хабаровска и Владивостока / Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного и дорожно-транспортного комплекса: материалы региональной научно-практической конференции. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. – Вып.. (Научные чтения памяти профессора М. П. Даниловского). С. 150-155
6. Ян Гейл. «Новые городские пространства». М.: «Концерн КРОСТ», 2012;

Shutova A. S., Ivanova A. P.
annshu@pro.dimas.ru; iva.nova@mail.ru
PNU, Khabarovsk, Russia

PRINCIPLES OF FORMATION OF IDEAL URBAN ENVIRONMENT

Abstract - In the first part of the article discusses the principles of "good city» (Building Healthy Places, Cities for People) and the reality of the post-Soviet space: problems of adaptation universal recipes "New Urbanism" to the Russian reality. Public spaces (PS) are considered by the communicative factor, there are opportunities in this space as members of society dialogue between themselves and the dialogue of society and the state. Disclosed are emotional characteristics Public Spaces. Basic quality of PS and options for their transformation, the principles of the formation of a humane urban environment are presented.

In the second part of the study is an analysis of Khabarovsk open public spaces. Criterion appears fullness analysis by environmental resources of public spaces. The potential of the urban environment of Khabarovsk are revealed.

In conclusion, it is concluded that the need for public spaces starts the process of reformatting of public areas in order to increase and intensify their multifunctional use. B. Vuchik uses the concept of livable city: city, convenient for life. This is a universal urban idea, and we hope it will prevail in the Far Eastern cities, ideally expanding its scope of "places for people" in the "city for people".

Keywords: Everyday Urbanity, New Urbanism, public space, gentrification, the principles of the urban environment, the city for the people.

Юденок И. Н., Моор В. К.
IrinaYudenok@mail.ru, moorv@rambler.ru
ДВФУ, Владивосток, Россия

ДОХОДНЫЕ ДОМА В АРХИТЕКТУРЕ ВЛАДИВОСТОКА НАЧАЛА XX ВЕКА

Абстракт – Исследование посвящено зданиям «доходных домов» г. Владивостока, как одного из основных типов существующей дореволюционной застройки, сформировавших и повлиявших на архитектурно-художественный образ города в целом. Выявлены общие принципы и закономерности градостроительных особенностей расположения доходных домов и их влияние на архитектурно–художественные особенности квартала и города.

Ключевые слова: доходные дома, масштабный и художественный уровень застройки, принципы формирования, архитектурно-художественный образ, архитектурная доминанта.

1. Исторические и градостроительные предпосылки формирования Доходных домов в г. Владивостоке. В 1860 г. 2 июля на северном берегу бухты Золотой Рог был основан военный пост, ставший потом городом Владивостоком. Основным импульсом роста города стало начало строительство в 1891 г. Уссурийской железной дороги и перенос во Владивосток административного центра Приморской области [7]. По ряду исторических причин резко увеличивается гражданское население города, нуждающееся в доступном жилье. Строительство доходных домов решало проблему обеспечения доступным жильем разные слои населения.

Меняется характер застройки – первичная застройка усадебного типа (деревянные дома) заменяется строчной вдоль красных линий улиц, состоящей из кирпичных зданий в 2-3 этажа. Можно отметить, что строчная застройка зданий вдоль красных линий городских улиц г. Владивостока связана с малым количеством свободных земельных участков и их дороговизной, ограниченных военными территориями и сложным рельефом города с крутыми перепадами. По мере ветшания объектов происходила замена фрагментов деревянной застройки новыми зданиями доходных домов.

Поэтому можно отметить, что формирование нового облика города происходило поэтапно. Наслаивание новой регулярной градостроительной системы на исторически сложившуюся структуру вело к формированию новых архитектурных доминант, огромную роль, в формировании которых сыграли доходных дома. Эти здания сформировали новый образ города, и Владивосток приобрел городской вид. Доходные дома, становившиеся архитектурными доминантами, гармонизировали архитектурные ансамбли на основе симметрии и порядка. Ансамбли и отдельные здания, построенные в 1890-1916 гг. и сейчас создают своеобразие, неповторимость архитектурного облика города и поэтому с архитектурно-художественной стороны особенно значимы.

2. Градостроительные особенности расположения доходных домов. Улицы осуществляют взаимосвязь всех процессов города, диктуя расположение кварталов застройки и земельных участков зданий, определяя композиционные очертания.

В структуре застройки г. Владивостока здания доходных домов размещались вдоль улиц и на пересечениях основных магистралей. В связи с этим можно выделить две основные схемы размещения доходных домов с градостроительной точки зрения: угловой тип зданий и здания, имеющие линейное (рядовое) расположение (рис. 1).

Доходные дома «углового типа» располагались на углу пересечения улиц, становились доминантами городских ансамблей. Эти здания являются одними из важнейших градоформирующих акцентов центральной части города, расположенные на пересечениях основных магистралей. Они и сейчас задают масштабный и художественный уровень застройки улиц. Такие доходные дома, являются доминантами и акцентами в структуре квартала. Углы зданий, выходящие на перекресток, венчающие парадный фасад выделялись определёнными архитектурно-художественными приёмами, рассматриваемыми ниже. Примерами таких доходных домов, являются: доходный дом В. П. Бабинцева (ул. Светланская 20), доходный дом М. П. Пьянкова (ул. Фокина 1а) и другие.

Здания, имевшие рядовое расположение, ставились сомкнутым фронтом по красным линиям улиц. Такие доходные дома имели один парадный фасад - это рядовые дома с плоскими фасадами. Примерами доходных домов, имеющих такую схему размещения, являются: доходный дом Е. Ф. Медведева (ул. Светланская 5),

доходный дом А. Б. Филлипченко (ул. Светланская 111), доходный дом И. С. Багинова (ул. Светланская 16) и другие [3, 7].

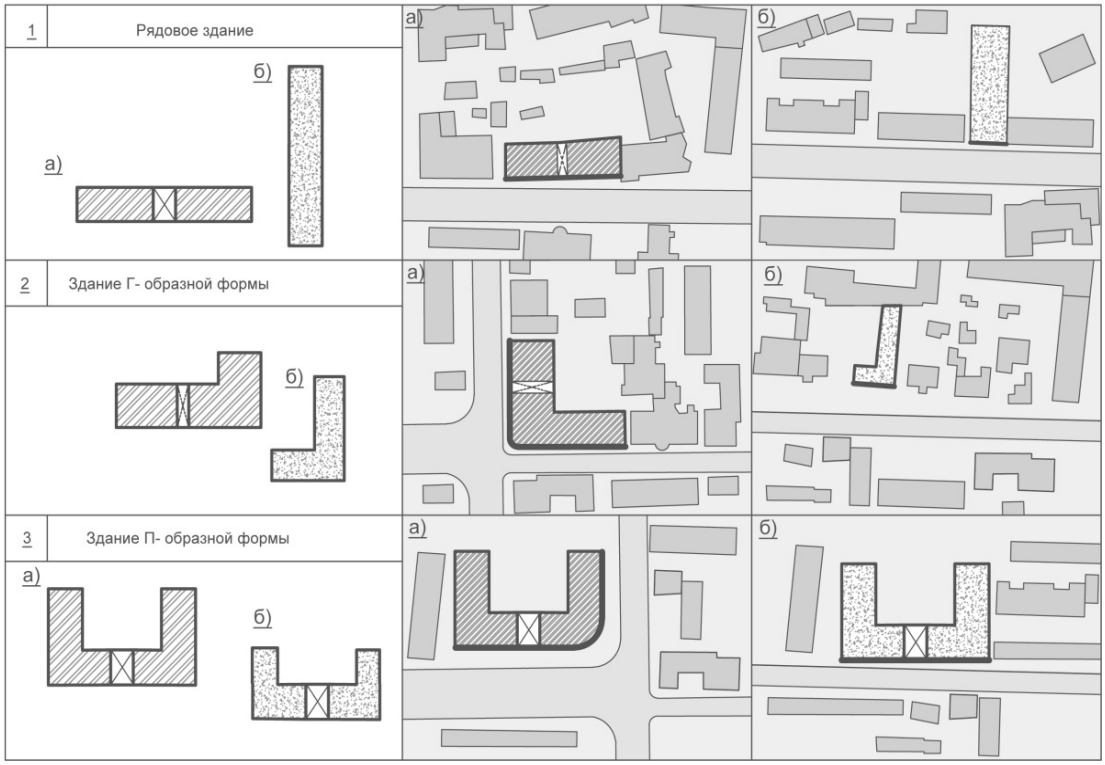


Рис. 1. Схема классификации доходных домов по общим принципам построения объемно-планировочной структуры

3. Региональные особенности. Одной из отличительных черт региональных особенностей г. Владивостока, является наличие сложного в строительном отношении, ландшафта городской среды. Доходные дома влияли на масштабный и художественный уровень застройки, который иногда формировался с учётом особенностей сложного ландшафта городской среды. Расположенные доходные дома на сложных участках с крутым рельефом являются мастерскими примерами использования непригодных в строительном отношении участков. Появляются оригинальные объемно–планировочные решения. Интересными примерами использования сложного горного рельефа в градостроительстве являются: доходный дом Л. С. Беркович, доходный дом Л. Ш. Скидельского (рис. 2), ансамбль деловых и жилых зданий братьев Синкевич и Фихмана (рис. 3), доходный дом Д. А. Аморандоса и другие. Эти здания «врезаны в рельеф без нарушения его структуры, а объёмно-планировочное решение выполнено так, что на более низких отметках сделаны входы в 1-й этаж, а на более высоких – во 2-й и даже в 3-й этажи [3, 7].

Рис. 2. Доходный дом Л. Ш. Скидельского (ул. Океанский проспект 30 А)

4. Архитектурно-художественные особенности. Особенности архитектурно–художественной композиции доходных домов тесно связаны с градостроительным расположением в структуре города. Так например, если здания доходных домов, занимали угловое положение, то угол здания выделялся куполом или срезался под углом 45о, венчаясь аттиком. Купола имели разное очертание, некоторые были более вытянутыми, другие шарообразными. Примерами являются: доходный дом Дембри (ул. Адмирала Фокина 25) и доходный дом Циммермана (ул. Океанский проспект 24), который находится на углу Океанского проспекта и ул. Фонтанной. Угловое расположение здания акцентированно двумя крупными балконами на срезаной под 45о плоскости и завершением крыши в виде восьмигранного купола. А также есть пример, оригинального решения завершения четырёх гранным криволинейным куполом, примером является доходный дом М. П. Пьянкова (ул. Адмирала Фокина 1А).

Главные фасады зданий рядового расположения также имели симметричное построение, где центром симметрии являлся главный вход, выделяясь и декорируясь, а завершался аттиком. Примерами использования такого типа построения являются здания «жилых» доходных домов (то есть только, те в которых располагались квартиры для сдачи в аренду). Например доходный дом Ф. А. Кольцова (ул. Абрекская 6), доходный дом Ф. А. Беляцкого (ул. Карла Либнехта 10), доходный дом О. И. Терлецкого (ул. Краснознаменный переулок 10), а также другие здания доходных домов.

Иногда аттик размещался со смещением, выделяя «арку-проход» во внутренний двор. Примером является доходный дом Е. Ф. Медведева (ул. Светланская 5).

Таким образом можно отметить, что доходные дома влияли и формировали общую архитектурно–художественную композицию целых кварталов и улиц города. Характерными приёмами архитектурно–художественных решений фасадов доходных домов г. Владивостока являются:

1. Акцентировка углов посредством башен, куполов, эркеров (рис. 3-1).
2. Выделение значимых элементов здания аттиками и ризалитами (рис. 3-2).
3. Расчленение плоскости фасада карнизами, выявление горизонтальной структуры здания (рис. 3-3).

4. Выделение первого этажа здания посредством увеличения оконных проёмов, более крупной рустовки стен, цветового решения (рис. 3-4).

5. Наличие дополнительных входов и сквозных проездов во внутренний двор (рис. 3-5).

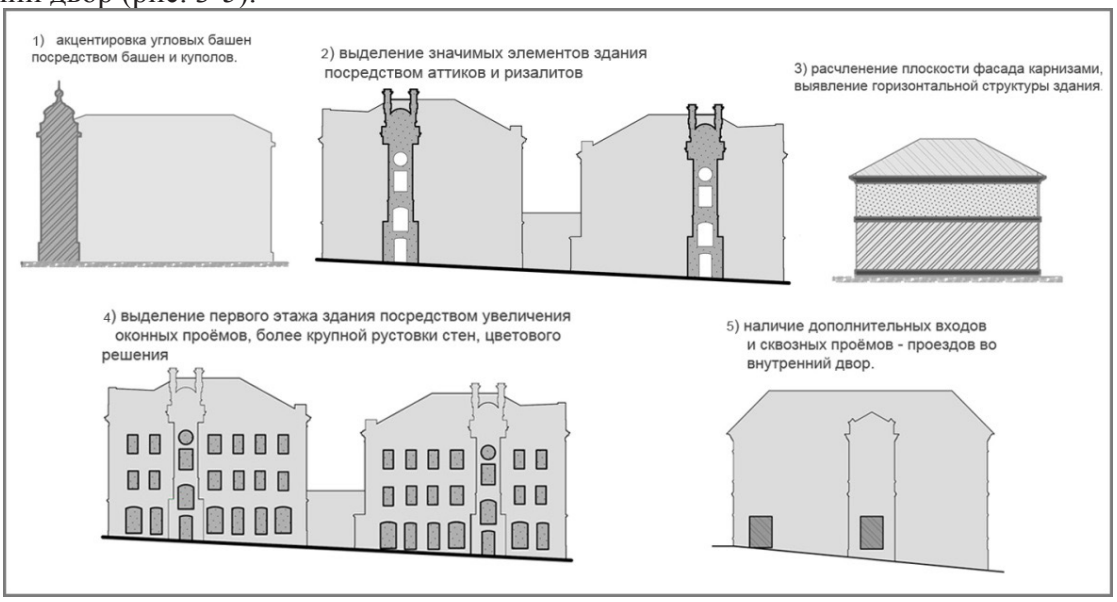


Рис. 3. Выделение значимых элементов здания аттиками и ризалитами

Другими критериями оценки архитектурно–художественных особенностей являются стилевые направления, влиявших на формирование и композицию доходных домов. Во Владивостоке, на тот период, не было местных архитектурных традиций, а интернациональность предпринимателей и застройщиков, способствовала появлению разностилья и «пестроты» построек. В архитектуре доходных домов города одновременно присутствовали различные стилевые направления. Фасады зданий были решены в стилях: так называемом «кирпичном», классицизме, позднем классицизме, модерне и эклектике в сочетании с мотивами барокко, ампира и местным колоритом. В те времена большинство фирм подрядчиков были китайскими или с преобладанием китайских строителей, а количество архитектурных чертежей до конца XX в. было минимизировано, что объясняет множественное присутствие китайских мотивов в архитектуре г. Владивостока [4, 5].

Заключение. Культурологическая роль улицы заключается в сохранении и возрождении традиций местного зодчества в сочетании с общероссийскими тенденциями. В настоящее время большое значение имеют вопросы исследования, развития, и реконструкции исторической части городов России. Доходные дома и сейчас влияют на масштабный и художественный уровень застройки, который иногда формировался с учётом особенностей сложного ландшафта городской среды.

Для более успешной деятельности современных архитекторов-реставраторов необходимо глубокое изучение архитектурных приемов, сформировавших русскую архитектуру талантливыми зодчими в предшествующие эпохи. Особенность дальневосточной архитектуры состоит в сложном переплетении русского, европейского и восточного зодчества, имеющего своеобразный колорит. Города региона имеют интересную архитектуру дореволюционного периода.

Исследовав типологические и композиционные решения доходных домов

дальневосточных городов, характер их размещения в застройке, авторы статьи считают, что доходные дома повлияли на масштабный и художественный уровень застройки, которая формировалась с учётом особенностей сложного ландшафта городской среды и на сегодняшний день являются одними из наиболее значимых зданий в исторических центрах городов. Опыт исследования доходных домов начала XX в. может быть использован при проектировании зданий подобного типа в современных условиях.

Список использованных источников и литературы:

1. Васильев Е. А. Большой Владивосток: Владивосток: б. и., 1938.–96, ил.

Владивосток: памятники архитектуры / сост. Мялк А. В. – Владивосток : ИПК «Дальпресс», 2005. – 180 с.

2. Крадин Н. П. Памятники архитектуры Хабаровска. – Хабаровск: изд–во «Этнос – ДВ», 1996. – 252 с., ил.

3. Крастиньш Я. А. Стиль модерн в архитектуре Риги. – М.: Строиздат, 1988. – 271 с.

4. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830-х – 1910-х городов. – М.: «Искусство», 1978. – 398 с.

5. Крадин Н. П. Старый Хабаровск: портрет города в дереве и камне. – Хабаровск : Кн. изд – во, 1999. – 304 с., ил.

6. Моор В. К., Обертас В. А., Ерышева Е. А. Памятники истории и культуры города Владивостока. – Владивосток: издатель СВЕТЛАНА кунгурова, 2012. – 250 с.

7. РГИА ДВ, ф. р-27, оп. 1, д. 50, л. 94.

8. Уссурийску 125 лет: очерки истории. – Владивосток, Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. – 132 с.

Yudenok I. N., Moor V. K.
IrinaYudenok@mail.ru, moorv@rambler.ru
FEFU, Vladivostok, Russia

RESIDENTIAL BUILDING IN ARCHITECTURE OF VLADIVOSTOK EARLY XX CENTURY

Abstract - Research is devoted to the building of “tenements” in Vladivostok, as one of the main types of existing pre-revolutionary building, shaped and influenced the architectural and artistic image of the city as a whole. The general principles and patterns of urban location features tenement houses and their influence on their architectural and artistic features.

Keywords: residential building, the scale and level of artistic development, formation principles, architectural and artistic image, architectural dominant.

Yang Fan, Sun Hui, Zhang Wei
Fanfandlut@126.com; sunliang8691@sina.com
DUT, Dalian, China

STUDY ON THE EVALUATION OF MASTER PLANNING IMPLEMENTATION IN CHINA —Case Studies on Beijing, Guangzhou and Changsha[1]*

Abstract - This paper intends to clearly define the concept of the evaluation on master planning implementation, analyze and compare the cases of evaluation on planning implementation of Beijing, Guangzhou and Changsha. The purpose of the paper is to summarize the achievements and shortcomings of the evaluation on master planning implementation of China, and suggest developing trends and improvements for the evaluation.

Keywords: master planning; evaluation on planning implementation; China

1. Background of China's evaluation on master planning implementation

1.1 Problem posing

The evaluation on master planning implementation is an important step in the master planning process. This evaluation is the basis of planning system reform, improving the quality of plan construction, elevating plan implementation efficiency [1]. China is now in the process of quick urbanization development meanwhile economic, political, social system reform. And it has been prevailingly aware of that the evaluation on master planning implementation is not only a lever to control master planning and construction, but also an efficient tool to improve the implementation of policy and to balance orderly development of politics, economics and society. The evaluation on master planning implementation is a complicated concept and practice containing multiple connotations. Chinese urban planning has just started, thus lacking systematic and efficient theoretical research and practical exploration. The theoretical understanding and practical operation of evaluation is deviated and problematic to varying degrees from region to region, department to department and person to person. Given this situation, it is necessary to academically comprehend and categorize the concept of the evaluation on master planning implementation, practically review and summarize cases and research results of existing typical Chinese evaluation modes.

1.2 Concept defining

The evaluation on master planning implementation is an evaluation focusing on the master plans already carried out and completed and their results brought, so it's a retrospective, factual and practical evaluation. In China, according to regulatory requirements, such as "China's Urban and Rural Planning Law" [2] and practical evaluation experience, urban planning evaluation can be categorized into four groups based on regional levels, and they are: the evaluation on provincial urban system planning, the evaluation on master planning, the evaluation on town planning, and the evaluation

1 * This work was supported by a soft science research grant (No.2013-R2-43) from the Science and Technology Program funded by the Ministry of Housing and Urban-Rural Development of China (MOHURD).

on strategic planning and others. Here, the evaluation on master planning, based on time sequence, can be further divided into the evaluation on master planning prediction and the one on master planning implementation. And it is worth mentioning that the evaluation on master planning implementation is contemporarily the most widely used by a majority of Chinese cities, relatively regulatory complete and most attention-drawing evaluating category and thus it's the research core of this paper. Here more specifically, the evaluation on master planning implementation can be further divided into the process-phase evaluation and the result-revision evaluation (Fig. 1).

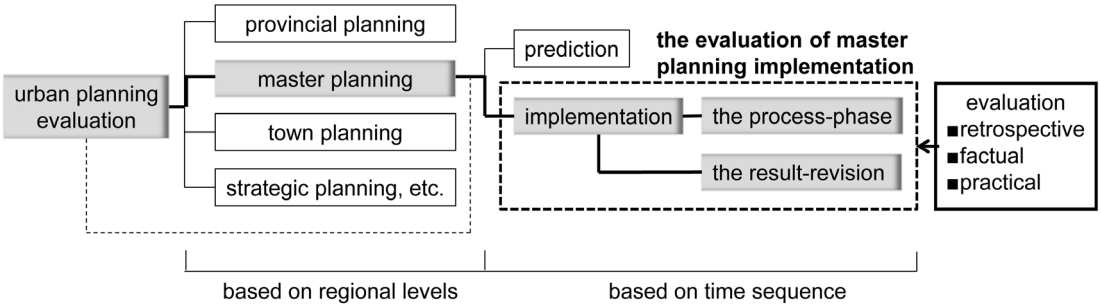


Figure 1. The conceptual framework of evaluation

1.3 Present situation

The evaluation in China is in its infancy and developing fast. After "China's Urban and Rural Planning Law" was passed in 2007, the evaluation officially became in law an important protection mechanism during planning and implementation process and an essential link in the chain of urban planning. In practice, evaluations mainly for previous planning review and preparation guidance, mainly to the result-revision evaluation on master planning implementation, and relatively lack of the process-phase evaluation. At present, China has successively promulgated "China's Urban and Rural Planning Law" (2007), "The Evaluation on Master Planning Implementation Law" (2009), and "Revision of the Overall Urban Planning Rules" (2010) and other regulations which associated with the evaluation on master planning implementation. More and more cities, such as Beijing, Shanghai, Guangzhou, Hangzhou, Wuhan, Changsha, etc., are beginning to explore and research on the evaluation, and formed their own evaluation ways. In this paper, Beijing, Guangzhou, Changsha are selected to be analyzed and compared as three typical cities of China on evaluation patterns.

2. Case study of Chinese evaluation of master planning implementation

2.1 The evaluation of master planning implementation of Beijing with multi-dimensional comparison and key factors refining

Beijing is the capital of China, which plays a representative and paradigm role in politics, economics, and construction and planning etc. Beijing has a high level of urban synthesized development and is in the socio-economic transition. Studying Beijing evaluation of master planning implementation has important implications to understand the level of development and policy-orientation of Chinese evaluation of master planning implementation. Based on "China's Urban and Rural Planning Law" and "Beijing Urban and Rural Planning Ordinance", according to CPC and Beijing Municipal Government's opinions on developing of Beijing, combining with the fact of Beijing urban planning and construction, Beijing Municipal Planning Commission (Beijing Planning Institute led by

six units) organized an activity of the process-phase evaluation on "Beijing Urban Master Plan (2004-2020)" in 2009 [3] (Fig. 2).

The evaluation on planning implementation of Beijing is macroscopic and systematic, it focuses on the process-phase evaluation. The "Beijing Urban Master Plan (2004-2020)" was evaluated in three spatial levels (center city, metro and towns), six spatial elements (economic, employment, population, land, housing, administrative approval) and four periods (2003, 2009, 2010, 2020), to identify gaps, analyze the reasons and put forward countermeasures. Besides, the evaluation has refined six key factors (population and environment, industry development, urban and rural integration, urban spatial development, livable urban construction, history and culture preservation) which impact and constraint planning and implementation in the current and periods, and analyzed these factors to predict the situation in the system and proposed the corresponding improvement measures and programs. Assessments eventually formed an overall evaluation report and 15 special reports, covering economics, space, population, industry, transportation, environment, historic preservation, etc. The evaluation also established a spatial data platform, through the use of GIS technology to analyze the data and processing spatial elements of the six categories, to provide a quantitative basis for the implementation of urban planning and evaluation data support [4] (Fig. 3).

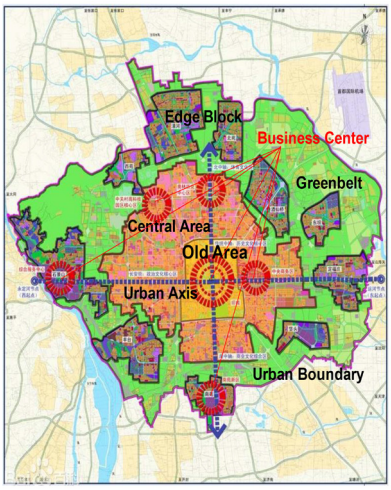


Figure 2. Beijing Urban Master Plan (2004-2020)

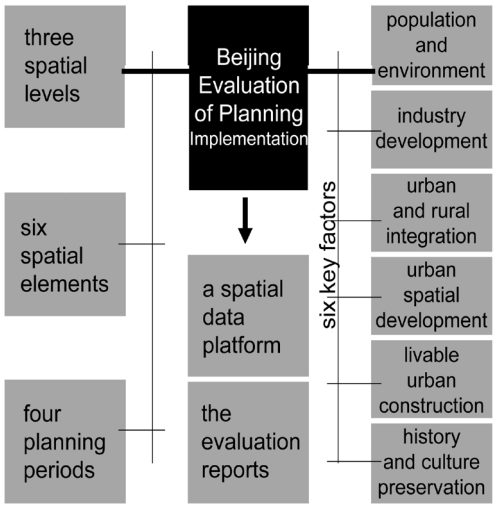


Figure 3. Beijing evaluation mode

2.2 Urban development strategy implementation evaluation of Guangzhou with periodic rolling and a combination of quantitative and qualitative

Guangzhou is one of Chinese four most powerful cities, whose economic is developed and in the social economic transition. Guangzhou is also the earliest city in China that began the evaluation of master planning implementation, its mean to assess its system and leading. It can be said that, Guangzhou urban planning evaluation basically represents the cutting edge of the horizontal direction and the reform of Chinese urban planning evaluation, and has important significance. From the point of view of resources and environmental carrying capacity, Guangzhou is the first city to make overall development strategy planning among cities in 2000, and launched a new round of strategic planning and evaluation in 2009. Guangzhou is focusing on facing 2020, making "Guangzhou Urban Strategic Plan (2010-2020)" and efforts to improve implementation and operability.

The evaluation on planning implementation of Guangzhou is practical and

concrete, it focuses on the process-phase evaluation and the result-revision evaluation. "Guangzhou Urban Strategic Plan (2010-2020)" started to assess, continuing periodic rolling evaluation model of "little evaluation" and "big evaluation", wherein "little evaluation" is carried every year, and then make a implementation plan of next year; at the same time, plans will be going through a "big evaluation" every 3-5 years, based on it and making plans of recent construction. Periodic rolling evaluation generally focuses on the supply of land for construction, infrastructure construction, improvement of the urban environment, and the protection of historical and cultural sites, etc. These evaluation methods lead to the implementation and improvement of the overall urban planning, and ultimately break the blueprint style of planning embodiment [5]. In addition, this evaluation adopts the method of qualitative and quantitative evaluation, on the basis of the previous qualitative evaluation, to explore the quantitative evaluation. Qualitative evaluation is mainly a construction evaluation (to compare planning goal and the implementation results), the policy evaluation (population policy, space policy, industrial policy, etc.), the affecting factors evaluation (planning internal environment and external environment) and so on, in respect of quantitative evaluation, for the first time, the evaluation selects the population (population size, population spatial distribution and population strategy), non-construction land and construction land (to compare the control rules, the present situation, the strategic planning) and some other aspects to quantitative evaluation and comparison, and uses the GIS technology as the technical support, making the planning evaluation more rigorous, scientific and objective (Fig. 4).

2.3 The evaluation on master planning implementation of Changsha with integrated consideration from both internal and external and phased promotion

Changsha is the capital of Hunan province, whose industrialization and urbanization grows very fast, and also is the one of the most rapidly economically developing cities, and it is in the period of social and economic rapid development. The evaluation on master planning implementation of Changsha started relatively late, but it develops fast, especially hosted a lot of evaluation practice in recent years. There are reference significance to study of Changsha planning evaluation for understanding overall present situation and development trend of China planning evaluation. "Changsha Urban Master Plan (2003-2020)" is the comprehensive construction framework and policy platform to guide the rapid development of Changsha, and it has comprehensive effects on various fields such as economy, society, culture, environment and so on. The work about evaluation on master planning implementation carried out in 2011, for the master planning of modification and revision service mainly.

The planning evaluation of Changsha is brief and direct, and it focuses on the result-revision evaluation. "Changsha Urban Master Plan (2003-2020)" evaluation on planning implementation mainly contains the external and the internal aspects of evaluation content. The first is the external aspect of evaluation (conditions of urban development), including the evaluation of administrative division, national strategy changes, relative planning changes, major project changes and so on. Followed by the internal aspect of evaluation (main contents of master planning and compulsory contents of modification), among them, the evaluation of the main content of master planning including planning objectives, the urban nature, the urban scale, space structure, land layout, comprehensive transportation, infrastructure, ecological environment, historical preservation, etc. This planning intends to modify the mandatory contents including the land for plan, city center, comprehensive transportation system, infrastructure, public

service facilities, source of the water, farmland, the index of environmental protection, natural and historical cultural protection, disaster prevention and mitigation facilities, etc. In addition, the whole process of the evaluation on planning implementation is divided into four parts, which are the evaluation review, the scheme comparison, the results study, the summary and report, to carry on more orderly and efficiently [6] (Fig. 5).

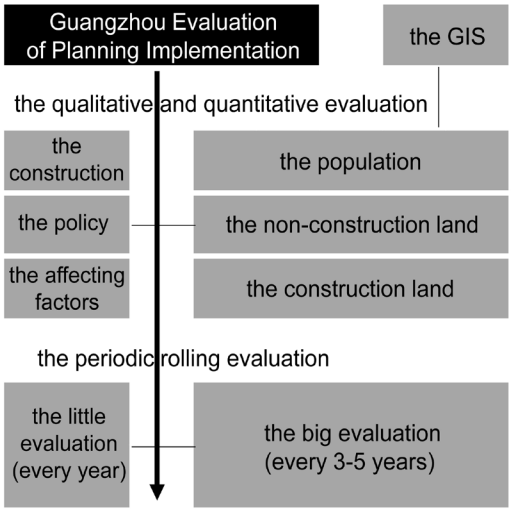


Figure 4. Guangzhou Evaluation Mode

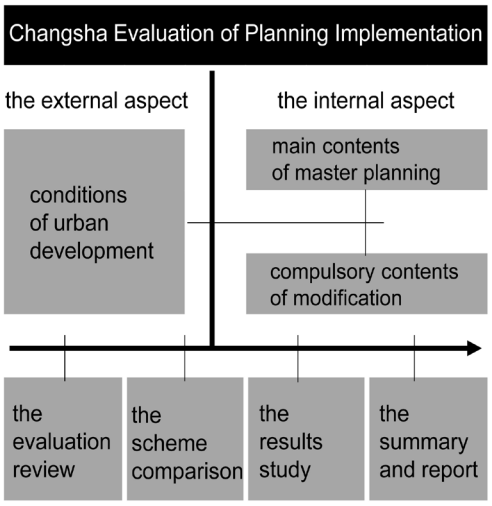


Figure 5. Changsha Evaluation Mode

3. Thoughts and discussions of China's evaluation on master planning implementation

3.1 Case study and comparison

Through the specific cases we can know that, different practice cases have different methods and concerns on evaluation of master planning implementation, and their evaluation scope, objects, contents and other things related are not identical. In order to better grasp the essence content, internal commonness and the regularity of development of the evaluation on master planning implementation in China, it is necessary to refine and transversely compare the core content of the above cases and the key factors, thus provides the basis for further summary of the achievements and the development trend of evaluation (Table 1).

Table 1. The evaluation comparison of Beijing, Guangzhou and Changsha

City	Focus	Plan	Methods	Limitation	Commonality
Beijing (capital, guiding)	process-phase evaluation	"Beijing Urban Master Plan (2004-2020)"	multi-dimensional comparison & key factors refining	Quantitative evaluation, public participation and dealing with key factors still need improving.	1. Respective evaluation modes are initially formed. 2. It is turning to specific quantitative direction from the macroscopic qualitative. 3. It is generally lack of public participation, quantitative research, system building, etc.
Guangzhou (a first-tier city, pioneering)	result-revision & process-phase evaluation	"Guangzhou Urban Strategic Plan (2010-2020)"	periodic rolling & a combination of quantitative and qualitative	Dealing with qualitative and quantitative, public participation still need improving.	
Changsha (a rapid developing city, universal)	result-revision evaluation	"Changsha Urban Master Plan (2003-2020)"	integrated consideration from both internal and external & phased promotion	Procedural feedback, public participation, quantitative evaluation, technical methods still need improving.	

3.2 Achievements and shortcomings

We can see that, under the relevant evaluation rules, different cities in China have been initially formed suitable planning evaluation methods for their own developments. Currently, the evaluation approaches mainly reflect in the process-phase evaluation and the result-revision evaluation of master planning implementation, establishing the related evaluation framework, contents and technical means. The evaluation has played a positive role for the establishment, implementation and improvement of master planning. At the same time, the evaluation of master planning implementation in China overall is still in its infancy. It is lacking in the evaluation theory, method, technology and experience, etc. A scientific and perfect evaluation framework and the mechanisms of evaluation implementation with strong operability have not yet formed. All these problems remain to be further researched and improved.

3.3 Developing trends and improvement suggestions

As can be seen from the cases, currently the evaluation of master planning implementation in China is exploring the change from goal plan to action plan, from macroscopic and qualitative to specific and quantitative, from the result oriented to process oriented, from a single level to the comprehensive level [7]. Besides, in terms of evaluation mechanism, it is advisable to detail related regulations, technical manual, and enforcement regulation of the evaluation, strengthen the construction of data information platform and information sharing system for evaluation, improve the mechanism of public participation, planning monitoring, feedback mechanism, etc. From the aspect of evaluation system, it is advisable to build up the whole-process evaluation system from planning formulation to implementation, induce, integrate and perfect the system scientifically, and intake factors like periodic rolling, multiple values and sustainable development views into the evaluation system.

4. Conclusion

Evaluation methods are just approaches, all of which serve the purpose. Therefore, before choosing the methods, firstly the purpose and value standpoints of evaluation need to be analyzed. Then, choose or build the method based on the actual situation, rather than simple application. Besides, with the development of the society and the change of policy, evaluation method should be constantly updated and perfected in order to promote and guarantee the healthy development and scientific implementation of urban planning. At last, planning evaluation cannot be limited to the degree of material planning implementation and the project progress, but to jump from the planning, taking the evaluation of the rationality of the target, the applicability of the scene, and the result of social values as important.

Bibliography:

1. Sun Shiwen, Zhou Yu. Evaluation Research on Urban Planning Implementation[J]. Urban Planning Forum, 2003, (2): 15-27.

2. The Central People's Government of China. China's Urban and Rural Planning Law[EB/OL]. http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2007-10/28/content_788494.htm, 2007-10-28/2014-12-10.

3. Beijing Municipal Government. Beijing Urban Master Plan (2004-2020)[J]. Beijing Planning Review, 2005, (2): 5-51.

4. Shi Weiliang, Zhao Feng, Yang Ming. New Transformation, New Development

and New Life-For the Exploration of "Evaluation on Implementation of Beijing City Master Plan"[J]. Ideal Space, 2012, 54(10): 30-37.

5. Lv Chuanting, Wu Chao, Huang Dingxi. From Concept Planning to Structure Planning: Review and Innovation of Strategic Planning of Guangzhou[J]. City Planning Review, 2010, 34(3): 17-24.

6. Zhu Yuyu, Duan Ning. The Assessment and Modification of Master Plan-Taking the Modification of Changsha Master Plan for Example[J]. Ideal Space, 2012, 54(10): 56-59.

7. Lin Liwei, Shen Shan, Jiang Guoxun. Evaluating Urban Planning Implementation: a Research Review[J]. Planners, 2010, 26(3): 14-18.

Ян Фэн, Сан Хуи, Джан Вэй
fanfandlut@126.com; sunliang8691@sina.com
ДТУ, Далянь, Китай

ИССЛЕДОВАНИЕ ОЦЕНКИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В КИТАЕ

Абстракт - Эта статья дает четкое представление о реализации генерального планирования, анализа и сравнения (оценки) по осуществлению планирования в Пекине, Гуанчжоу и Чанша. Целью работы является обобщение достижений и недостатков в оценке по реализации генеральных планов городов Китая, и предложение развивающихся тенденций и улучшений для его оценки.

Ключевые слова: генеральное планирование; оценка реализации планирования; Китай

Участники:

1. АмГУ, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия
2. ВАП, Ворлд Аппер Программ, г. Тревизо, Италия
3. ВГУЭС, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток, г. Артем, Россия
4. ВолгГАСУ, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, г. Волгоград, Россия
5. ГУАВ, Государственный Университет Архитектуры Венеции, г. Венеция, Италия
6. ДВГГУ, Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск, Россия
7. ДВГУПС, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск Россия
8. ДВФУ, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
9. ДТУ, Даляньский технологический университет, г. Далянь, Китай
10. ИВЭП ДВО РАН, Институт водных и экологических проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Хабаровск, Россия
11. ИОЗ, Институт общественных зданий, г. Москва, Россия
12. КНТУ, Кировоградский национальный технический университет, Кировоград, Украина
13. МАрхИ, Московский архитектурный институт, г. Москва, Россия
14. МАСИ, Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия
15. МГТУ, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия
16. НИИТИАГ РААСН, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, г. Москва, Россия
17. НУХ, Национальный Университет Ханьян, г. Сеул, Южная Корея
18. ПолтНТУ, Полтавский национальный технический университет имени Юрия Кондратюка, г. Полтава, Украина
19. СамГАСИ, Самаркандский государственный архитектурно-строительный институт, г. Самарканд, Узбекистан
20. СахГУ, Сахалинский Государственный Университет, г. Сахалин, Россия
21. СГТУ, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А., г. Саратов, Россия
22. СУ, Санмун-Университет, г. Чхонан, Южная Корея
23. СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
24. СФУ, Сибирский федеральный университет. г. Красноярск, Россия
25. ТОГУ, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия
26. УГ, Университет Гачон, Сеул, Южная Корея
27. УГНТУ, Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, Россия
28. УИ, Университет Инха, г. Инчхон, Южная Корея
29. УКГ, Университет Канто-Гакуин, г. Иокогама, Япония
30. УралГАХА, Уральская государственная архитектурно-художественная академия, г. Екатеринбург, Россия
31. УТ, Университет Триеста, г. Триест, Италия
32. УХ, Университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония
33. ХГИИиК, Хабаровский государственный институт искусств и культуры, г. Хабаровск, Россия
34. ХНУ, Ханкенский национальный университет, г. Ансон, Южная Корея
35. ХТИ, Харбинский технологический институт, г. Харбин, Китай
36. ХУ, Хиросаки Университет, г. Аомори, Япония
37. ЧПУ, Ченстоховский политехнический университет (Политехника Ченстоховска), г. Ченстохова, Польша

Participants:

1. ASU, Amur State University, Blagoveschensk, Russia
2. CUT, Czestochowa University of Technology, Polytechnic University Czestochowa, Poland
3. DUT, Dalian University of Technology, Dalian, China
4. FEFU, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
5. FESTU, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
6. FESUH, Far Eastern State University of Humanities, Khabarovsk, Russia
7. FEB RAS, Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia
8. GU, Gachon University, Seoul, South Korea
9. HIT, Harbin Institute of Technology, Harbin, China
10. HNU Hankyong National University, Ansung, South Korea
11. Hokkaido University, Sapporo, Japan
12. HU, Honyeng University, Seoul, South Korea
13. IPB, Institute of public buildings, Moscow, Russia
14. IU, Inha University, Incheon, South Korea
15. KGU, Kanto-Gakuin University, Yokohama, Japan
16. KNTU, Kirovograd National Technical University, Kirovograd, Ukraine
17. KSIAC, Khabarovsk State Institute of Arts and Culture, Khabarovsk, Russia
18. MArchI, Moscow Architecture Institute, Moscow, Russia
19. MACI, Moscow Architecture and Construction Institute, Moscow, Russia
20. MSTU, Magnitogorsk State Technical University named after Nosov G.I., Magnitogorsk, Russia
21. NIITIAG RAASN, Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Moscow, Russia
22. PNTU, Poltava National Technical University named after Y. Kondratyuk Poltava, Ukraine
23. PNU, Pacific National University, Khabarovsk, Russia
24. SakhSU, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia
25. SamSACEI, Samarkand State Architectural and Civil Engineering Institute, Samarkand, Uzbekistan
26. SFU, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
27. SPbSU, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
28. SSTU, Saratov State Technical University named after Y. A. Gagarin, Saratov, Russia
29. SU, Sunmoon University, Chungnam, South Korea
30. SUAV, State University of Architecture of Venice, Venice, Italy
31. University of Hirosaki, Aomori, Japan
32. USAAA, Ural State Academy of Architecture and Art , Yekaterinburg, Russia
33. USPTU, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia
34. UT, University of Trieste, Trieste, Italy
35. VSUACE, Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering, Volgograd, Russia
36. VSUES, Vladivostok State University of Economics and Services, Vladivostok, Artem, Russia
37. WUP, World Upper Programm, Treviso, Italy

Алфавитный указатель авторов. Т. 1–3

1	***Акчурина Н.С.***	к. арх., профессор каф. АП УралГАХА
2	***Александрова Л.Н.***	к.т.н., доцент, ТОГУ
3	***Алмазова Е. А.***	СамГАСИ
4	***Андреевских Е.В.***	студент, УралГАХА
5	***Антонец М.А.***	магистр архитектуры, аспирант ПолтНТУ
6	***Антонова Н.Н.***	доцент каф. ОАПРЖС ВолгГАСУ
7	***Аракелова Д. А.***	студент ТОГУ
8	***Ароян А.С.***	к. арх., архитектор, Урбан-платформа “CityLab”
9	***Артюхова С.В.***	магистрант ДВФУ
10	***Ачилов Ш.Д.***	доцент, к. арх., зав. кафедрой ЮНЕСКО СамГАСИ
11	***Базилевич Е.М.***	к.псих.н., доцент каф. ИЗО, зам. декана ФАД, ТОГУ, член СХ РФ
12	***Базилевич М.Е.***	ст. преподаватель каф. АиУ ТОГУ, член СД РФ
13	***Байшев Ю.П.***	УралГАХА
14	***Баклыская Л.Е.***	доцент каф. ДАС ТОГУ, член СА РФ
15	***Бакшеева Е. Е***	доцент, к. арх., УралГАХА
16	***Балакина С.П.***	студент ТОГУ
17	***Балистрери Т.К.***	почетный профессор ГУАВ
18	***Березина М.А.***	магистрант ВГУЭС
19	***Березкина Н.Ю.***	магистрант ХГИИК
20	***Бизиани Т.***	к. арх., преп. научного сектора ICAR 14 УТ, архитектор фриланс
21	***Бирзуль А.Н.***	ст. преподаватель ДВГУПС
22	***Богачев А.П.***	к.т.н., доцент, каф. ХТБТ ТОГУ
23	***Борисов С.В.***	к. арх., доцент, МАРХИ, член СА РФ
24	***Булатова Е.К.***	ассистент МГТУ им. Носова
25	***Бурик В.О.***	студент ТОГУ
26	***Бурлак О.В.***	магистрант ТОГУ
27	***Бусыгина Ю.В.***	АмГУ
28	***Вакулина И.Н.***	ст. преподаватель, ВолгГАСУ
29	***Ван Ксяоли***	магистрант, ХТИ
30	***Васильева Н.А.***	к. арх., доцент каф. Дизайна АмГУ, член СД РФ
31	***Васильева Н.С.***	студент ТОГУ
32	***Васильева А.В.***	аспирант НИИТИАГ
33	***Власова Е.С.***	бакалавр арх., магистрант каф. АиУ ТОГУ
34	***Гаванья Д.***	профессор, УТ
35	***Гаврилко М.О.***	студент АмГУ
36	***Гань Имэй***	ДВГГУ
37	***Гарнага В.В.***	магистрант ТОГУ
38	***Глатоленкова Е.В.***	бакалавр архитектуры, преподаватель каф. ДАС, ТОГУ
39	***Голованова Л.А.***	д.э.н., профессор каф. ЭТиНЭ ТОГУ
40	***Головей Е.А.***	студент ТОГУ
41	***Голубева Е.А.***	к. арх., доцент, зав.каф. Конструкций зданий и сооружений, УралГАХА
42	***Горай Е.С.***	магистрант ТОГУ
43	***Горнева О.С.***	к. арх., доцент, УралГАХА
44	***Грин И.Ю.***	к. арх., доцент, каф. АиУ ТОГУ, член СА РФ, член – корр. ААН
45	***Губанкова М.Л.***	УралГАХА

46	***Гудина Н.С.***	аспирант УралГАХА
47	***Данилов И.А.***	ст. преподаватель каф. АиУ ТОГУ
48	***Денисюк Н.А.***	ст. преп., МГТУ им. Носова
49	***Десятов Л.В.***	доцент каф. ТАиПК УралГАХА, член СА РФ
50	***Джан Вэй***	профессор, ДТУ
51	***Джан Лиджуан***	аспирант ХТИ
52	***Диао Куйкуй***	магистрант ДТУ
53	***Дивакова М.Н.***	к. арх., доцент, зав. каф. ЛАиД УралГАХА
54	***Долганова С.А.***	ассистент, ВолгГАСУ
55	***Дорофеева Н.Н.***	доцент каф. АиУ ТОГУ, член СА РФ
56	***Дьячкова Л.Г.***	д.п.н., профессор каф. ИЗО ТОГУ
57	***Дунин В.Е.***	ст. преподаватель, ВолгГАСУ
58	***Евстафьева В.А.***	студент ТОГУ
59	***Ерещенко А.Г.***	к. арх., доцент ПолтНТУ
60	***Ермилова Н.Ю.***	к. пед.н., доцент ВолгГАСУ
61	***Ермоленко Е.В.***	ст. преподаватель, МАРХИ
62	***Жилкина З.В.***	к. арх., профессор, каф. Рисунка МАрхИ
63	***Жу Дай***	магистрант ДВГГУ
64	***Жущиховская И.С.***	д.и.н., профессор каф. дизайна ВГУЭС
65	***Завьялова Ю.Ю.***	УралГАХА
66	***Задвернюк Л.В.***	к. арх., доцент каф. АиУ ТОГУ
67	***Задохина М.Б.***	доцент каф. ИЗО ТОГУ, член СД РФ
68	***Зайчиков Р.С.***	ст. преподаватель, ДВФУ
69	***Затонская И.Г.***	ст. преподаватель, ВолгГАСУ
70	***Зон Мин***	магистрант ХТИ
71	***Зуева П.П.***	к. арх., доцент, МАРХИ, член СА РФ
72	***Иванова А.П.***	к. арх., доцент каф. ДАС ТОГУ
73	***Иванова Н.В.***	к. арх., профессор, ВолгГАСУ
74	***Иванушкин Е.Ю.***	магистрант ТОГУ
75	***Иванчук А.С.***	магистрант ТОГУ
76	***Иванчура В.И.***	СФУ
77	***Имбринцев Н.Н.***	техник, магистрант ДВФУ
78	***Имэй Гань***	магистрант ДВГГУ
79	***Йингли Мао***	студент ХТИ
80	***Йингхуи Мао***	преподаватель ХТИ
81	***Казанева Е.К.***	д.т.н., к. арх., доцент каф. Архитектуры МГТУ им. Носова, Советник РААСН
82	***Казарбина С.В.***	ТОГУ
83	***Казмина А.В.***	студент ВолгГАСУ
84	***Кай Джун***	магистрант ХТИ
85	***Карикаш В.И.***	ст. преподаватель, ДВГГУ
86	***Карпенко А.Г.***	доцент каф. ОАПРЖС ВолгГАСУ
87	***Кергенцева О.А.***	студент ТОГУ
88	***Ким А.А.***	магистрант каф. АиУ ТОГУ
89	***Ким А.Б.***	ДВГУПС
90	***Ким Кьюбам***	студент ХНУ
91	***Кирпикова К.С.***	магистрант УралГАХА

92	***Клинникова О.В.***	студент ДВГУПС
93	***Кожар Н.В.***	д. арх., профессор, Политехника Ченстоховска
94	***Козыренко Н.Е.***	к. арх., доцент, зав. каф. ДАС ТОГУ, почетный работник образования, член СА РФ
95	***Козыренко С.М.***	к. культурологии, доцент каф. ДАС ТОГУ, член СА РФ
96	***Колезнева И.В.***	ст. преподаватель УралГАХА
97	***Колышев Ю.Б.***	профессор каф. Основ Архитектурного Проектирования Рисунка, Живописи, Скульптуры, ВолгГАСУ
98	***Колышева Г.В.***	МОУ СОШ №14, г. Волгоград
99	***Конюхова Е.М.***	МГТУ им. Носова
100	***Копьёва Д.Д.***	магистрант ДВФУ
101	***Коробий Е.Б.***	доцент, зав. каф. Дизайна АмГУ, член СД РФ
102	***Косенкова Ю.Л.***	НИИТИАГ РААСН
103	***Костюнина О.А.***	аспирант ТОГУ
104	***Крадин Н.П.***	д. арх., профессор, заслуженный архитектор, член-корр. РААСН, член СА РФ, ТОГУ
105	***Кремлёва Д.В.***	магистрант УралГАХА
106	***Криворотько М.О.***	студент ТОГУ
107	***Ку Ян-Мин***	профессор, президент Инчхонской ассоциации архитектурного образования, УИ
108	***Кугаевская Т.С.***	к.т.н., доцент каф. Теплогазоснабжения, вентиляции и теплоэнергетики ПолтНТУ
109	***Кудреватых П.В.***	магистрант ТОГУ
110	***Кузибаев М.К.***	СамГАСИ
111	***Кузьмин Д.***	УТ
112	***Кузьмичев Н.В.***	студент ТОГУ
113	***Кулешова Н.А.***	студент ТОГУ
114	***Лазарева Т.В.***	аспирант ИОЗ
115	***Ламанова Р.В.***	УралГАХА
116	***Лапшина Е.А.***	к. арх., профессор, каф. ПАСИ, почетный работник высшего образования, член СА РФ, ДВФУ
117	***Ли А.И.***	студент ТОГУ
118	***Ли Джан-бам***	к. арх., профессор, УС
119	***Ли Джеман***	магистрант ХНУ
120	***Ли Енсок***	магистрант ХНУ
121	***Ли Ксяндзжи***	аспирант ДТУ
122	***Ли Цзяинь***	ДВГГУ
123	***Липко Д.А***	студент ТОГУ
124	***Литвиненко Н.С.***	аспирант ТОГУ
125	***Литвинчук А.А.***	правительство Хабаровского края
126	***Лиханский А.Ю.***	аспирант ДВФУ
127	***Лобков А.О.***	студент ТОГУ
128	***Логинов С.С.***	студент ТОГУ
129	***Логунова О.С.***	ассистент МГТУ им. Носова
130	***Ломовская В.Е.***	студент ВолгГАСУ
131	***Луговая Л.Н.***	доцент УралГАХА
132	***Лукиных Г.Л.***	д. с.-х.н., профессор УралГАХА
133	***Лучкова В.И.***	к. арх., профессор каф. АиУ, декан ФАД ТОГУ, почетный работник образования, член СА РФ

134	***Лучшев А.А.***	магистрант каф. АиУ ТОГУ
135	***Лю Дапинг***	профессор, ХТИ
136	***Лямина П.Ю.***	магистрантУралГАХА
137	***Лян Цзе***	ДВГГУ
138	***Лян Цзян***	профессор ДТУ
139	***Магдалинский А.Н.***	магистр техники и технологии, преподаватель ДВГУПС
140	***Макарова Н.В.***	аспирант УралГАХА
141	***Макуха Е.В.***	старший преподаватель ПолтНТУ
142	***Маматкулов Д. Д.***	д.т.н., профессор, СамГАСИ
143	***Мартынов В.В.***	доцент ДВГГУ
144	***Мартынова Н.В.***	к.п.н., доцент ДВГГУ
145	***Махинов А.Н.***	ИВЭП ДВО РАН, Хабаровск
146	***Меренков А.В.***	к. арх., профессор, зав. каф. АП УралГАХА, член СА РФ
147	***Мингалеева К.А.***	ассистент, ДВФУ
148	***Мирошниченко А.О.***	магистрант ТОГУ
149	***Мирсков К.А.***	студент ТОГУ
150	***Михеева Е.А.***	магистрант ВГУЭС
151	***Моор В.К.***	к. арх., профессор, зав. каф. АиГ ДВФУ, заслуженный архитектор РФ, член–корр. РААСН
152	***Морева Н.Е.***	студент ТОГУ
153	***Мостовой С.А.***	научный сотрудник ДВФУ
154	***Мурашова О.А.***	студент ТОГУ
155	***Наумова А.С.***	студент ТОГУ
156	***Неудачина М.А.***	магистрант ТОГУ
157	***Нечаева А.Ю.***	магистрант УралГАХА
158	***Никитина Н.И.***	магистрант каф. АиУ ТОГУ
159	***Новикова Ю.К.***	студент ТОГУ
160	***Носенко М.О.***	ст. преподаватель каф. ГВиВ, зам. декана ИСФ ТОГУ
161	***Павленкович О.Б.***	к.п.н., доцент ДВГГУ
162	***Павлов С.А.***	преподаватель ТОГУ
163	***Павлович В.И.***	студент МАРХИ
164	***Пакушева О.И.***	студент ДВГУПС
165	***Панчук Н.Н.***	и.о. зав. каф. АиУ ТОГУ, член СА РФ
166	***Пашинский В.А.***	профессор, д.т.н., зав. каф. ТСКИиМ, КНТУ
167	***Переверзева И.С.***	студент ТОГУ
168	***Петров В.И.***	магистрант каф. АиУ ТОГУ
169	***Петунина Т.Ю.***	аспирант УралГАХА
170	***Пиотрович А.А.***	профессор, д.т.н., зав. каф. СП, ДВГУПС
171	***Питиляк Д.А.***	аспирант СахГУ
172	***Плохих В.И.***	доцент УралГАХА
173	***Подгорная Т.И.***	д.г–м.н., профессор, каф. АиУ ТОГУ
174	***Половцев И.Н.***	зам. начальника управления капитального строительства и реконструкции, СПбГУ
175	***Полянцева Е.Р.***	аспирант УралГАХА
176	***Пономаренко А.Н.***	магистрант каф. АиУ ТОГУ
177	***Потокина Т.М.***	к.ф.н., доцент каф. ОАПРЖС ВолгГАСУ

178	***Прокопова А.С.***	преподаватель ДВГГУ
179	***Прокопьев А.П.***	к.н.т., доцент СФУ
180	***Прокофьева И.А.***	к. арх., доцент, МАРХИ, член Союза Московских Архитекторов
181	***Псаров С.А.***	к.ф.-м.н., доцент ТОГУ
182	***Путько А.В.***	доцент, каф. ГиВ ДВГУПС
183	***Пяо Хуи-Йин***	магистрант УИ
184	***Пятков А.С.***	ст. преподаватель каф. ДАС ТОГУ, член СД РФ
185	***Пятков С.В.***	доцент каф. Дизайна ТОГУ, член СА РФ, член СД РФ
186	***Радина М.А.***	магистрант ТОГУ
187	***Раднаев Б.Б.***	студент ТОГУ
188	***Разыков Ш.Б.***	магистрант ТОГУ
189	***Россетти С.***	к. арх., преп. научного сектора ICAR 14 УТ, архитектор
190	***Рыбаченко С.А.***	бакалавр арх., магистрант каф. АиУ ТОГУ
191	***Рябкова Е.Б.***	доцент каф. АиУ, зам. декана ФАД ТОГУ, член СА РФ
192	***Рябушкина***	ТОГУ
193	***Рязанов Д.Н.***	студент ТОГУ
194	***Савочкин В.С.***	к.т.н., доцент ТОГУ
195	***Садикова А.М.***	магистрант УралГАХА
196	***Сан Хуи***	профессор ДТУ
197	***Сафиуллин Т.М.***	УралГАХА
198	***Самсонова Е.М.***	к.с.н., доцент, каф. ИЗО
199	***Сарченко В.И.***	СФУ
200	***Саяпина Д.Г.***	студент АмГУ
201	***Седышев Д.С.***	магистрант ТОГУ
202	***Сёки Казуаки***	магистр строительства, профессор истории архитектуры, УКГ
203	***Сетогути Тсуёси***	профессор, университет Хоккайдо
204	***Сеху Гилдас-Емелин***	аспирант ДТУ
205	***Сидей В.Н.***	преподаватель КНТУ
206	***Смольников Г.В.***	к.н.т., доцент СФУ
207	***Смольянинова Т.А.***	аспирант, ст. преподаватель каф. АиУ ТОГУ
208	***Соломатов Д.Г.***	аспирант СФУ
209	***Солонина Н.С.***	УралГАХА
210	***Старкова Н.В.***	магистрант ТОГУ
211	***Старчоус И.В.***	студент ТОГУ
212	***Степаненко А.Н.***	д.т.н., профессор каф. СК ТОГУ
213	***Сурнин Э.Г.***	СФУ
214	***Сяонань Ли***	магистрант ДВГГУ
215	***Сяотин Ли***	магистрант ДВГГУ
216	***Тамулевич С.В.***	доцент, каф. Дизайн ДВГГУ
217	***Тараканова К.В.***	магистрант, каф. ДАС ТОГУ
218	***Тарасова И.В.***	к. арх., доцент, каф. ТАиПК УралГАХА
219	***Тетеряев П. Н.***	студент ТОГУ
220	***Тимохин А.В.***	к.т.н., доцент ДВГУПС
221	***Тишкина А.И.***	студент ТОГУ
222	***Ткаченко Ю.Г.***	к.т.н., доцент, каф. СК ТОГУ
223	***Токарева Т.В.***	старший преподаватель, МГТУ им.Г.И.Носова

224	***Туцкая В.С.***	студент ДВГУПС
225	***Тыченко А.М.***	аспирант ДВГГУ
226	***Ульчицкий О.А.***	к. арх., доцент МГТУ
227	***Федоров Д.С.***	магистрант, каф. АиУ ТОГУ
228	***Фролова Я.А.***	аспирант ДВГУПС
229	***Ха Тэ-Ян***	магистрант, УИ
230	***Хахаев Д.В.***	студент ТОГУ
231	***Хворостьянов К.Д.***	студент, каф. АиУ ТОГУ
232	***Хо Ган-Му***	магистрант УИ
233	***Холодова Л.П.***	д. арх., профессор, заслуженный работник, зав. каф. ТАиПК УралГАХА, член академии естествознания, член СА РФ
234	***Цацура Е.И.***	студент ТОГУ
235	***Цветкова Р.В.***	студент ТОГУ
236	***Целуйко Д.С.***	магистрант ТОГУ
237	***Цзе Лян***	магистрант ДВГГУ
238	***Цзылу Лу***	магистрант ДВГГУ
239	***Цзяинь Ли***	магистрант ДВГГУ
240	***Цюн У.***	магистрант ДВГГУ
241	***Чайченко И.О.***	студент ПолтНТУ
242	***Чередина И.С.***	к. арх., профессор, МАРХИ
243	***Черкашина И.А.***	магистрант каф. ДАС ТОГУ
244	***Чу Кяао***	магистрант ХТИ
245	***Чучмий П.А.***	магистрант каф. ДАС, ТОГУ
246	***Шангареев Р.Р.***	МАСИ
247	***Шарипова Х.А.***	магистрант СамГАСИ
248	***Швец А.В.***	аспирант УралГАХА
249	***Шевцов М.Н.***	д.т.н., профессор, зав. каф. Гидравлика, водоснабжение и водоотведение ТОГУ. Заслуженный эколог РФ
250	***Шен На***	аспирант, преподаватель, ДТУ
251	***Шенцова О.М.***	к.п.н., доцент, каф. Архитектуры МГТУ им. Носова
252	***Школьникова К.К.***	студент АмГУ
253	***Шипицына О.А.***	к. арх., профессор, каф. ТАиПК УралГАХА
254	***Шишкина И.В.***	магистрант УралГАХА
255	***Шульгин В.В.***	к.т.н., доцент, ПНТУ
256	***Шумилин Е.В.***	ст. преподаватель ТОГУ
257	***Шутова А.С.***	магистрант каф. АиУ ТОГУ
258	***Эйша Нилэни Линйаэджи***	магистр наук, СУ
259	***Юденок И.Н.***	ДВФУ
260	***Юсупов Т.М.***	магистр арх., аспирант УралГАХА
261	***Явысенко Е.Е.***	студент ТОГУ
262	***Ягнюкова Н.В.***	студент ВолгГАСУ
263	***Ян Вэн***	доцент архитектурного факультета ХТИ
264	***Ян Джен***	аспирант ДТУ
265	***Ян Фэн***	аспирант ДТУ
266	***Янковская Ю.С.***	д. арх., профессор, зав. каф. Архитектуры, УралГАХА, член СА РФ

267	***Ярковая Т.Н.***	доцент УралГАХА
268	***Ясинская Я.О.***	студент каф. ДАС, ТОГУ
269	***Яшков М.В.***	студент каф. АиУ, ТОГУ

Index of names. Vol. 1–3

1	***Akchurina N.S.***	professor, PhD, Architectural design dept., USAAA
2	***Aleksandrova L.N.***	associate professor, PhD, PNU
3	***Almazova E.A.***	SSIACE
4	***Andreevskikh E.V.***	student, USAAA
5	***Antonets M.A.***	master of architecture, postgraduate student, PNTU
6	***Antonova N.N.***	associate professor, Architectural Design, Painting, Sculpture Foundation dept., VSUACE
7	***Arakelova D.A.***	student, PNU
8	***Aroian A.S.***	PhD, architect, urban-platform “CityLab”
9	***Artyukhova S.V.***	master studentFEFU
10	***Achilov S.D.***	associate professor, PhD, head of UNESCO dept., SSIACE
11	***Bazilevich E.M.***	associate professor, PhD, Fine Arts dept., PNU, member of Union of Artists of RF
12	***Bazilevich M.E.***	assistant professor A&U dept., PNU, Union of Designers of RF
13	***Bayshev Y.P.***	USAAA
14	***Baklyskaya L.E.***	associate professor, Design dept., PNU, Union of Architects of RF
15	***Baksheeva E.E.***	PhD, associate professor, USAAA
16	***Balakina S.P.***	student, PNU
17	***Balistreri T.C.***	honorary professor, SUAV
18	***Berezina M.A.***	master studentVSUES
19	***Berezkina N.Y.***	master studentKSIAC
20	***Bisiani T.***	PhD, researcher TU, scientific sector ICAR 14, architect freelance
21	***Birzul A.N.***	assistant professor, Hydraulics, Water supply dept., FESTU
22	***Bogachev A.P.***	PhD, associate professor, CEBT dept., PNU
23	***Borisov S.V.***	aspirant, Arch. Design Foundation dept., MAI (State acad.), Union of Architects of Moscow
24	***Bulatova E.K.***	assistant, MSTU
25	***Burik V.O.***	student PNU
26	***Burlak O.V.***	master studentPNU
27	***Busygina Y.V.***	student ASU
28	***Vakulina I.N.***	assistant professor VSUACE
29	***Wang Xiaoli***	master student HIT
30	***Vasilyeva N.A.***	associate professor, PhD, Design dept., ASU, Union of Architects of RF
31	***Vasilyeva N.S.***	student PNU
32	***Vasilyeva A.V.***	postgraduate student, NIITIAG RAASN
33	***Vlasova E.S.***	bachelor, master studentA&UD dept., PNU
34	***Guaragna G.***	professor TU

35	***Gavrilko M.O.***	student ASU
36	***Gang Imay***	FESUH
37	***Garnaga V.V.***	master studentPNU
38	***Glatolenkova E.V.***	bachelor, lecturer, Design dept., PNU
39	***Golovanova L.A.***	professor, Dr. of Economics, ThENE dept., PNU
40	***Golovei E.A.***	student PNU
41	***Golubeva E.A.***	PhD, head Structure of buildings dept, USAAA
42	***Goray E.S.***	master studentPNU
43	***Gorneva O. S.***	PhD, associate professor, USAAA
44	***Grin. I.Y.***	PhD, associate professor, A&UD dept., PNU, Union of Architects of RF, Corresponding member of Academy of Arch. Heritage
45	***Gubankova M.L.***	USAAA
46	***Gudina N.S.***	postgraduate student, USAAA
47	***Danilov I.A.***	assistant professor, A&UD dept., PNU
48	***Denisyuk N.A.***	assistant professor MSTU
49	***Desyatov L.V.***	associate professor, Arch. Theory and Prof. Communications dept., USAAA, UofAof RF
50	***ZHANG Wei***	Professor, DUT
51	***Zhang Lijuan***	postgraduate student, HIT
52	***DIAO Cuicui***	master studentDUT
53	***Divakova M.N.***	PhD, associate professor, LAaD dep., USAAA
54	***Dolganova S.A.***	assistant, VSUACE
55	***Dorofeeva N.N.***	associate professor, A&UD dept., PNU
56	***Dyachkova L.G.***	Dr. of Education, professor, Fine Arts dept., PNU
57	***Dunin V.E.***	assistant professor, VSUACE
58	***Evstaf'eva V.A.***	student PNU
59	***Ereschenko A.G.***	PhD, associate professor, PNTU
60	***Ermilova N.I.***	PhD, associate professor, VSUACE
61	***Ermolenko E.V.***	lecturer, MAI
62	***Zhilkina Z.V.***	PhD, professor, Drawing dept., MAI
63	***Zhyu Dai***	master studentFESUH
64	***Zhushchikhovskaya I.S.***	Dr. of Historical Sciences, professor, Design dept.,VSUES
65	***Zavyalova Y.Y.***	USAAA
66	***Zadverniuk L.V.***	PhD, associate professor, A&UD dept., PNU
67	***Zadokhina M.B.***	associate professor, Fine Arts dept., PNU, Union of Designers of RF
68	***Zayachikov R.S.***	lecturer FEFU
69	***Zatonskaia I.G.***	assistant professor VSUACE
70	***Zong Min***	master student HIT
71	***Zueva P.P.***	PhD, associate professor, MAI, Union of Architects of RF
72	***Ivanova A.P.***	PhD, associate professor, Design dept., PNU
73	***Ivanova N.V.***	PhD, professor VSUACE
74	***Ivanushkin E.Y.***	master student PNU
75	***Ivanchuk A.S.***	master student PNU
76	***Ivanchura V.I.***	SFU
77	***Imbrintcev N.N.***	master student FEFU
78	***Imey Gang***	master student FESUH

79	***Yingli Mao***	student, HIT
80	***Yinghui Mao***	lecturer, HIT
81	***Kazaneva E.K.***	Dr of Engineering, PhD, assistant professor, Architecture dept., MSTU named after Nosov G.I., Advisor of the Russian Academy of Architecture and Building Sciences, Union of Architects of RF
82	***Kazarbina S.V.***	PNU
83	***Kazmina A.V.***	student VSUACE
84	***Cai Jun***	master student HIT
85	***Karikash V.I.***	assistant professor, DAA dept., FESUH
86	***Karpenko A.G.***	associate professor, Architectural Design, Painting, Sculpture Foundation dept., VSUACE
87	***Kergentseva O.A.***	student PNU
88	***Kim A.A.***	undergraduate student, A&UD dept., PNU
89	***Kim A.B.***	FESTU
90	***Kim Kyubum***	student of HNU
91	***Kirpikova K.S.***	master student USAAA
92	***Klinnikova O. V.***	student FESTU
93	***Kazhar N.V.***	Dr. arch., professor, University of Technology of Czestochowa
94	***Kozyrenko N.E.***	PhD, associate professor, head of Design dept., PNU, honorable worker, Union of Architects of RF
95	***Kozyrenko S.M.***	PhD, associate professor, Design dept., PNU, Union of Architects of RF
96	***Koleznevaa I.V.***	assistant professor USAAA
97	***Kolyshev Y.B.***	professor, FADDPS dept., VSUACE
98	***Kolysheva G.V.***	school №14, Volgograd
99	***Konyukhova E.M.***	MSTU
100	***Kopieva D.D.***	master student FEFU
101	***Korobiy E.B.***	associate professor, head of Design dept. ASU, Union of Designers of RF
102	***Kosenkova Y.L.***	NIITIAG RAASN
103	***Kostiunina O.A.***	postgraduate student, PNU
104	***Kradin N.P.***	Dr. of Architecture, professor, PNU, Honored Architect, Corresponding Fellow of Russian Academy of Architectural and Construction Science, Union of Architects of RF
105	***Kremleva D.V.***	master student, USAAA
106	***Krivorotko M.O.***	student PNU
107	***Koo Young-Min***	professor, president of Incheon Foundation of Architectural Education, IU
108	***Kugaevskaya T.S.***	PhD, associate professor, Heating, Gas Feeding and Ventilating dept., PNTU
109	***Kudrevatykh P.V.***	bachelor, master studentA&UD dept., PNU
110	***Kuzibayev M.K.***	SSIACE
111	***Kuzmin D.***	UT
112	***Kuz'michev N.V.***	student PNU
113	***Kuleshova N.A.***	student PNU
114	***Lazareva T.V.***	postgraduate student, IPB
115	***Lamanova R.V.***	USAAA
116	***Lapshina E.A.***	PhD, professor FEFU, honorable worker, Union of Architects of RF
117	***Li A.I.***	student PNU
118	***Lee Jang-bum***	professor(Ph.d), SU
119	***Lee Jaeman***	master student HNU
120	***Lee Youngseok***	master student HNU

121	***Li Xiangjie***	postgraduate student, DUT
122	***Li Tszyian***	FESUH
123	***Lipko D.A.***	student PNU
124	***Litvinenko N.S.***	postgraduate student, PNU
125	***Litvinchuk A.A.***	The Government of Khabarovsk Region
126	***Likhansky A.I.***	postgraduate student, FEFU
127	***Lobkov A.O.***	student PNU
128	***Loginov S.S.***	student PNU
129	***Logunova O.S.***	assistant, MSTU
130	***Lomovskaia V.E.***	student VSUACE
131	***Lugovaya L.N.***	associate professor, USAAA
132	***Lukinykh G.L.***	Dr. Social-Agricultural Sciences, professor, USAAA
133	***Luchkova V.I.***	PhD, professor, Dean of FAD PNU, honorable worker, Union of Architects of RF
134	***Luchshev A.A.***	master student A&UD dept., PNU
135	***Liu Daping***	professor, HIT
136	***Lyamina P.Y.***	master student USAAA
137	***Lian Jie***	FESUH
138	***Liang Jiang***	professor, DUT
139	***Magdalinsky A.N.***	master of engineering and technology, lecturer FESTU
140	***Makarova N.V.***	postgraduate student, USAAA
141	***Makukha E.V.***	assistant professor PNTU
142	***Mamatkulov D.D.***	Dr. of Engineering, professor, SSIACE
143	***Martynov V.V.***	associate professor FESUH
144	***Martynova N.V.***	PhD, associate professor FESUH
145	***Makhinov A.N.***	PhD, associate professor FESUH
146	***Merenkov A.V.***	PhD, professor, head of Architectural Design dept., USAAA, Union of Architects of RF
147	***Mingaleeva K.A.***	assistant, FEFU
148	***Miroshnichenko A.O.***	master student PNU
149	***Mirskov K.A.***	student PNU
150	***Mikheeva E.A.***	master student VSUACE
151	***Moor V.K.***	PhD, professor, head of A&UD planning dept., FEFU, honorable architect of RF, correspondent member of RAASN
152	***Moreva N.E.***	student PNU
153	***Mostovoi S.A.***	FEFU
154	***Murashova O.A.***	student PNU
155	***Naumova A.S.***	student PNU
156	***Neudachina M.A.***	master student PNU
157	***Nechaeva A.U.***	master student USAAA
158	***Nikitina N.I.***	bachelor, master student A&UD dept., PNU
159	***Novikova Y.K.***	undergraduate student, A&UD dept., PNU
160	***Nosenko M.O.***	assistant professor, Hydraulics, Water supply and Water disposal dept., Deputy Dean CEF, PNU
161	***Pavlenkovich O.B.***	PhD, associate professor FESUH
162	***Pavlov S.A.***	lecturer, PNU
163	***Pavlovich V.I.***	student MAI
164	***Pakusheva O.I.***	student, FESTU

165	***Panchuk N.N.***	acting head of A&UD dept., PNU, Union of Architects of RF
166	***Pashinskiy V.A.***	professor, Dr. of Engineering, head of Technology of building structures, materials and products dept., KNTU
167	***Pereverseva I.S.***	student PNU
168	***Petrov V.I.***	bachelor, master studentA&UD dept., PNU
169	***Petunina T.Y.***	postgraduate student, USAAA
170	***Piotrovich A.A.***	professor, Dr. of Engineering, head of Construction engineering dept., FESTU
171	***Pitilyak D.A.***	postgraduate student, SakhSU
172	***Plokhikh V.I.***	associate professor, USAAA
173	***Podgornaya T.I.***	Dr. of Geological and Mineralogical Sciences, professor, A&UD dept., PNU
174	***Polovtsev I.N.***	deputy head division of construction and reconstruction SPbSU
175	***Poliantceva E.R.***	postgraduate student, USAAA
176	***Ponomarenko A.N.***	master student A&UD dept., PNU
177	***Potokina T.M.***	associate professor, Architectural Design, Painting, Sculpture Foundation dept. VSUACE
178	***Prokopova A.S.***	lecturer FESUH
179	***Prokopiev A.P.***	PhD, associate professor SFU
180	***Prokofieva I.A.***	PhD, associate professor, MAI, union of Moscow architects
181	***Psarov S.A.***	PhD, associate professor, PNU
182	***Putko A.V.***	associate professor, FESTU
183	***Piao Huiying***	master student IU
184	***Pyatkov A.S.***	assistant professor, Design dept., PNU, Union of Dis. of RF
185	***Pyatkov S.V.***	associate professor, Design dept., PNU, Union of Architects of RF
186	***Radina M.A.***	master student PNU
187	***Radnaev B.B.***	student PNU
188	***Rasykov Sh. B.***	master student PNU
189	***Rossetti S.***	PhD, researcher TU, scientific sector ICAR 14, architect
190	***Rybachenko S.A.***	bachelor, master student A&UD dept., PNU
191	***Ryabkova E.B.***	assistant professor, A&UD dept., Deputy Dean of FAD, PNU, Union of Architects of RF
192	***Ryabushkina E.S.***	PNU
193	***Ryazanov D.N.***	student PNU
194	***Savochkin S.V.***	PhD, associate professor PNU
195	***Sadikova A.M.***	master student USAAA
196	***Sun Hui***	Professor, DUT
197	***Safiullin T.M.***	USAAA
198	***Samsonova E.M.***	PhD, associate professor, Fine Arts dept., PNU
199	***Sarchenko V.I.***	SFU
200	***Sayapina D.G.***	student, ASU
201	***Sedyshev D.S.***	master student PNU
202	***Seki Kazuaki***	master of engineering, professor of History of Architecture, KGU
203	***Setoguchi Tsuyoshi***	Professor, University of Hokkaido
204	***Sehoue Gildas Yemalin***	postgraduate student, DUT
205	***Sidei V.N.***	lecturer KNTU
206	***Smolnikov G.V.***	PhD, associate professor KNTU
207	***Smolianinova T.A.***	postgraduate student, assistant professor, A&UD dept., PNU

208	***Solomatov D.G.***	postgraduate student, SFU
209	***Solonina N.S.***	USAAA
210	***Starkova N.V.***	master student PNU
211	***Starchous I.V.***	Student PNU
212	***Stepanenko A.N.***	Dr. of Engineering, professor, Building constructions dept., PNU
213	***Surnin E.G.***	SFU
214	***Syaonan Lui***	master student FESUH
215	***Syotin Li***	master student FESUH
216	***Tamulevich S.V.***	associate professor, Design dept, FESUH
217	***Tarakanova K.V.***	master student PNU
218	***Tarasova I.V.***	PhD, associate professor, Architecture Theory and Professional Communications dept., USAAA
219	***Teteryaev***	student PNU
220	***Timokhin A.V.***	PhD, associate professor FESTU
221	***Tishkina A.I.***	student PNU
222	***Tkachenko Y.G.***	PhD, associate professor, Building constructions dept., PNU
223	***Tokareva T.V.***	assistant professor MSTU
224	***Tutskaya V.S.***	student FESTU
225	***Tychenko A.M.***	postgraduate student, FESUH
226	***Ulchytsky O.A.***	PhD, associate professor, MSTU
227	***Fedorov D.S.***	master student PNU
228	***Frolova Y.A.***	postgraduate student,FESTU
229	***Ha Tae-Young***	master student IU
230	***Khakhaev D.V.***	Student PNU
231	***Khvorostianov K.D.***	Student PNU
232	***Huh Gang-Moo***	master student IU
233	***Holodova L.P.***	prof., Dr.Arch., head of dept.,Vice-president of Scientific, USAAA, h onorable worker , Union Of Architects of RF
234	***Tsatsura E.I.***	student PNU
235	***Tcvetkova R.V.***	student PNU
236	***Tseluyko D.S.***	master student FESUH
237	***Jie L.***	master student FESUH
238	***Tszylu L.***	master student FESUH
239	***Tszyian L.***	master student FESUH
240	***Tsuen U.***	master student FESUH
241	***Chaichenko I.O.***	student PNTU
242	***Cheredina I.S.***	PhD, professor, MAI
243	***Cherkashina I.A.***	master student A&UD dept., PNU
244	***Chu Qiao***	master student HIT
245	***Chuchmy P.A.***	master student A&UD dept., PNU
246	***Shangarev R.R.***	MACI
247	***Sharipova H.A.***	master student SSIACE
248	***Shvets A.V.***	postgraduate student, USAAA
249	***Shevtsov M.N.***	Dr. of Engineering, professor, head of Hydraulics, Water Supply and Sanitation dept, Honored ecologist of the Russian Federation
250	***Shen Na***	postgraduate student, Lecturer, DUT

251	***Shentsova O.M.***	PhD, associate professor, Arch. dept., MSTU named after Nosov G.I.
252	***Shkolnikova K.K.***	student ASU
253	***Shipitsyna O.A.***	PhD, professor, ATPC dept., USAAA
254	***Shishkina I.V.***	master student USAAA
255	***Shulgin V.V.***	PhD, associate professor, PNTU
256	***Shumilin E.V.***	assistant professor PNU
257	***Shutova A.S.***	master student A&UD dept., PNU
258	***Asha Nilani Linayage***	master of science, SU
259	***Yudenko I.N.***	FEFU
260	***Yusupov T.M.***	master of Architecture, postgraduate student, USAAA
261	***Yavysenko E.E.***	student PNU
262	***Yagniukova N.V.***	student VSUACE
263	***Yan Wang***	associate professor, school of architecture, HIT
264	***Yang Zhen***	postgraduate student, DUT
265	***Yang Fan***	postgraduate student, DUT
266	***Yankovskaya Y.S.***	Dr. of Architecture, professor, head of Architectural dept., USAAA, Union of Architects of RF
267	***Yarkovaya T.N.***	associate professor USAAA
268	***Yasinskaya Y.O.***	student Design dept., PNU
269	***Yashkov M.V.***	student, A&UD dept., PNU

Содержание
Content

1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ, АРХИТЕКТУРЕ И ДИЗАЙНЕ / *THEORY AND HISTORY ISSUES IN URBAN PLANNING, ARCHITECTURE AND DESIGN* 5

Базилевич М.Е. */ Bazilevich M.E.*

Художники архитектуры на Дальнем Востоке (первая половина XIX – начало XX вв.) / Artists of architecture in the far east (first part of XIXth – the beginning of xxth century) 6

Базилевич М.Е. */ Bazilevich M.E.*

К вопросу о работе межевых инженеров на Дальнем Востоке (первая половина XIX – начало XX вв.) / The problem of the surveyor engineer at the Far East (first part of XIX - early XX centuries) 11

Базилевич М.Е., Крадин Н. П. */ Bazilevich M.E., Kradin N.P.*

Инженеры путей сообщения на Дальнем Востоке(конец XIX – первая половина XX вв.) / Railway engineers in the Far East (end of XIX – first half of XX centuries) 16

Балистрери Т.К. */ Balistreri T.C.*

Венеция: новые проблемы нового века и находки, указывающие на необходимость обновленного исследования города / Venice: new problems discoveries in historical part of city and importance of new research 22

Ван Сяоли, Лю Дапинг */ Wang Xiaoli, Liu Daping*

Изучение архитектурного языка мечетей с точки зрения маргинальной культуры / Research of mosque architectural language from the perspective of marginal culture taking the existing mosque in heilongjiang province as example 31

Васильева А.В., Косенкова Ю.Л. */ Vasilyeva A.V. , Kosenkova Y.L.*

Социальные задачи и практика жилищного строительства Москвы рубежа 1930 – 1940-х годов / Social tasks and practice of housing development of Moscow during 1930 – 1940 years 37

Власова Е.С., Грин И.Ю. */ Vlasova E.S., Grin I.Y.*

Депрессивные города. Критерии оценки и этапы процесса угасания / Depressed towns. Evaluation criteria and stages of process of extinction 44

Гаванья Д. */ Guaragna G.*

Метаморфоза: Карло Скарпа, архитектурное вмешательство в существующее и отношения с водой / Metamorphosis: Carlo Scarpa and the water of venice. The architectural intervention on the pre-existences 50

Головей Е.А., Дорофеева Н.Н. */ Golovei E.A., Dorofeeva N.N.*

Камень в китайских садах. Композиционный анализ / Stone in chinese gardens. Compositional analysis 56

Данилов И.А. */ Danilov I.A.*

Дальневосточный фрагмент глобального пространственно-географического тренда городского расселения / The Far Eastern fragment of global spatial and geographic trend of urban settlement 62

Данилов И.А. */ Danilov I.A.*

Символическая структура древних русских городов и новый этап градостроительной модернизации Хабаровска / The symbolic structure of ancient russian cities and a new stage of urban modernization of Khabarovsk 70

***Джан Лиджуан, Лю Дапинг** / Zhang Lijuan, Liu Daping*

Анализ развития и особенности современных национальных зерноперерабатывающих промышленных зданий в Харбине / Analysis of the development and the characteristics of modern national flourindustry buildings in Harbin……78

***Диао Куйкуй, Лян Цзян, Сан Хуи** / Diao Cuicui, Liang Jiang, Sun Hui*

Анализ форм дорожек в традиционных садах китайского и европейского стилей / Road form analysis in traditional gardens combining chinese and western styles……84

***Ерещенко А.Г.** / Ereshchenko A.G.*

Исторические предпосылки возникновения и развития клубных зданий советского периода / Historical prerequisites of emergence and development of club buildings of the soviet period……88

***Ермоленко Е. В.** / Ermolenko E.V.*

Античные прототипы современных художественных музеев / Antique prototype of modern art museums……95

***Задвенюк Л.В.** / Zadvenyuk L.V.*

Подземный дом. Взгляд из будущего в прошлое. На примере традиционного жилища Китая Яодун / Belowground house. View from the future into the past. The example of China traditional accommodation Yaodun……101

***Зайчиков Р.С.** / Zayachikov R.S.*

Декоративные элементы фасадов центральной (исторической) части г. Владивостока / Decorative elements of facades of the central (historical) part of Vladivostok……108

***Зон Мин** / Zong Min*

Анализ эстетических характеристик современной западной архитектуры / Analysis of the aesthetic characteristics of contemporary western architecture……113

***Зуева П.П.** / Zueva P.P.*

Взгляды Ф. Л. Райта на архитектуру и общество / The views of F. L. Wright on architecture and society……118

***Иванова А.П.** / Ivanova A.P.*

Ориентализм и вестернизация: эффект бумеранга / Orientalism and westernization: the boomerang effect……123

***Иванушкин Е.Ю., Лучкова В.И.** / Ivanushkin E.Y., Luchkova V.I.*

Архитектура отчуждения как признак маргинального положения / The architecture of alienation as a sign of the marginal position……128

***Иванчук А. С., Лучкова В. И.** / Ivanchuk A.S., Luchkova V.I.*

Интегрированная классификация современных городских набережных / The integrated classification of modern urban embankments……135

***Йингли Мао, Йингхуи Мао, Ян Вэн** / Yingli Mao, Yinghui Mao, Yan Wang*

Проектирование группы жилых районов вдоль Китайской Восточной железной дороги / Planning layout for residential group of Chinese Eastern railway……142

***Йингли Мао, Ян Вэн** / Yingli Mao, Yan Wang*

Реставрация и эксплуатация корейской школы №2 в Харбине / The restoration and reuse of Harbin korean no.2 middle school……149

***Йингхуи Мао, Йингли Мао, Ян Вэн** / Yinghui Mao, Yingli Mao, Yan Wang*

Основные типы и распределение придорожной застройки Китайско-Восточной железной дороги / The main types and distribution of residential construction of Chinese Eastern railway……154

***Кай Джун, Лю Дапинг** / Cai Jun, Liu Daping*

Анализ пространственного образа зданий вокзалов КВЖД / Analysis on the space pattern of buildings of the Chinese Eastern railway stations……160

***Ким А.А., Лучкова В.И.**/ Kim A.A., Luchkova V.I.*

Колониальная политика Европы и ее влияние на развитие архитектуры Китая / Colonial policy in Europe and its impact on the development of chinese architecture ……..167

***Ким Кьюбам** / Kim Kyubum*

План восстановления деревни Гурьонг / Guryong residential village revitalize plan……174

***Кожар Н.В.** / Kazhar N.*

Проблема соотношения «идеального» и «реального»в архитектурной теории эпохи романтизма / The problem of correlation of «ideal» and «real» in the architectural theory of the romanticism era……..178

***Кремлёва Д.В, Десятов Л.В., Швец А.В.** / Kremleva D.V., Desyatov L.V., Shvets A.V.*

Маркетинговая «запутанность» торговых центров Екатеринбурга / Marketing «complexity» shopping centers of Yekaterinburg……..185

***Ку Ян-Мин, Хо Ган-Му** / Koo Young-Min, Huh Gang-Moo*

Исследование об общественном пространстве, порождающее культурную гибридизацию среды / Node of incubated area a study on community spacethat incubates culturally hybrid environment……..191

***Кузьмин Д.** / Kuzmin D.*

Архитектор Антонио Лазьяк от Европы до Египта (1856-1946) / From middle Europe to Egypt Antonio Lasciac architect (1856-1946) ……198

***Литвиненко Н.С., Лучкова В.И.** / Litvinenko N.S., Luchkova V.I.*

Интеграция принципов систем модулей и пропорций с информационно-пространственной оптимизацией объектов архитектуры / Integrating the principles of module systems and proportions with information-spatial optimization objects of architecture……209

***Лиханский А.Ю., Лапшина Е.А.** / Likhaskiy A., Lapshina E.*

Метафора в тектонике/ Metaphor in tectonics……215

***Лучшев А.А.** / Luchshev A.A.*

Особенности формирования территорий под воздействием социо-экономических, духовных и политических влияний в средневековых призамковых городах / Features of formation of territories under the action socio-economic, spiritual and political influence in the medieval castle town……221

***Макуха Е.В.** / Makukha E.V.*

Типологические аспекты проектирования земских школ Полтавской губернии / Typological aspects of designing of zemsky schools of Poltava gubernia……228

***Неудачина М.А., Козыренко С.М.** / Neudachina M.A., Kozyrenko S.M.*

История возникновения коллективного жилища / History of collective housing……233

***Нечаева А.Ю., Горнева О.С.** / Nechaeva A.U., Gorneva O.S.*

Потенциал развития «молодёжного объединения» в составе свердловской организации Союза архитекторов / Development potential of the «youth association» amount of sverdlovsk foundation of the Union of architects……239

***Павлович В.И., Шангареев Р.Р.** / Pavlovich V.I., Shangareev R.R.*

Сохранение усадьбы Михалково как образца московской дворянской усадьбы в неоготическом стиле / Preservation estate Mihalkovo as a model of moscow neogothic noble estate246

Петунина Т.Ю., Шипицына О.А. */ Petunina T. Y., Shipitsina O. A.*

Открытые городские пространства: общедоступные источники хранения информации / Urban open spaces: publicly available data sources……252

Прокофьева И.А. */ Prokofieva I.A.*

Истоки и особенности творческого метода архитектора С. М. Калугина. Петровский пассаж — ключевое произведение мастера / Origins and features creative methods of architect S.M. Kalugin. Petrovsky passage – a key works of the masters……258

Пяо Хуи-Йин, Ку Ян-Мин */ Piao Huiying, Koo Young Min*

Исследование об архитектурном представлении как о методе толкования эволюции отстранения – на примере процесса Лакана о формировании объекта на основе системы воображения, символов, актуальности / A study on architectural representation as a method of interpretation of an evolution of defamiliarization – focused on Lacan's process of forming subject on the basis of the system of imagination, symbol, actuality……263

Разыков Ш.Б., Задвернюк Л.В. */ Razykov Sh.B., Zadvernyuk L.V.*

Традиционное жилище в Средней Азии / Traditional dwelling in Central Asia……269

Рыбаченко С. А., Лучкова В. И.*/ Rybachenko S.A., Luckova V.I.*

Городские доминанты речного фасада Хабаровска / City dominants of the waterfront of Khabarovsk……275

Сёки Казуаки */ Seki Kazuaki*

Городские пространства Камакуры. Город самураев средневековой Японии / Urban space of Kamakura city of samurai during the middle ages in Japan……282

Ульчицкий О.А., Булатова Е.К. */ Ulchycky O.A., Bulatova E.K.*

Триада актуальных направлений в архитектурной науке / Triad of current trends in architectural science……288

Хворостьянов К.Д., Панчук Н.Н. */ Khvorostianov K.D., Panchuk N.N.*

Интерактивное информациооное пространство, как часть городской среды. Современные методы проектирования и анализа / Interactive informatsioonoe space as part of urban environment. Modern methods of design and analysis……294

Целуйко Д.С., Лучкова В.И. */ Tseluyko D.S., Luchkova V.I.*

Элементы китайского сада / Elements of chinese garden……301

Черкашина И.А., Козыренко Н.Е. */ Cherkashina I.A., Kozyrenko N.E.*

Исторические трансформации функций первых этажей жилых зданий / Historical transformations of functions of the ground floor of residential buildings……306

Чайченко И.О., Ароян А.С. */ Chaichenko I.O., Aroian A.S.*

Метод трехмерного моделирования при воссоздании утраченного интерьера церкви Петровского Полтавского кадетского корпуса / The method of three-dimensional modeling in reconstruct the lost church interior of Peter's Poltava cadet corps……314

Чередина И.С. */ Cheredina I.S.*

Жилье для советской элиты в Москве. 1940-1980 годы / Housing for soviet elite in Moscow. 1940-1989-ies……320

Чу Кяао, Ян Вэн */ Chu Qiao, Yan Wang*

Социально-экономические характеристики района Даовэй в 1920е годы / Socio-economic characteristics of daowai district in the 1920s……326

Шенцова О.М. */ Shentsova O.M.*

Принцип комбинаторности в архитектуре / The principle of combinatorial architecture……334

Шутова А.С., Иванова А.П. */ Shutova A.S., Ivanova A.P.*

Принципы формирования идеальной городской среды / Principles of formation of ideal urban environment……341

Юденок И. Н., Моор В. К. */ Yudenok I.N., Moor V.K.*

Доходные дома в архитектуре владивостока начала XX века / Residential building in architecture of Vladivostok early XX century……347

Ян Фэн, Сан Хуи, Джан Вэй */ Yang Fan, Sun Hui, Zhang Wei*

Исследование оценки реализации генерального планирования в Китае /

Study on the evaluation of master planning implementation in China. Case studies on Beijing, Guangzhou and Changsha……353

Участники 361
Participants 362
Алфавитный указатель авторов. Т. 1–3 363
Index of names. Vol. 1–3 368

Научное издание

«НОВЫЕ ИДЕИ НОВОГО ВЕКА – 2015»

Материалы
Пятнадцатой Международной научной конференции

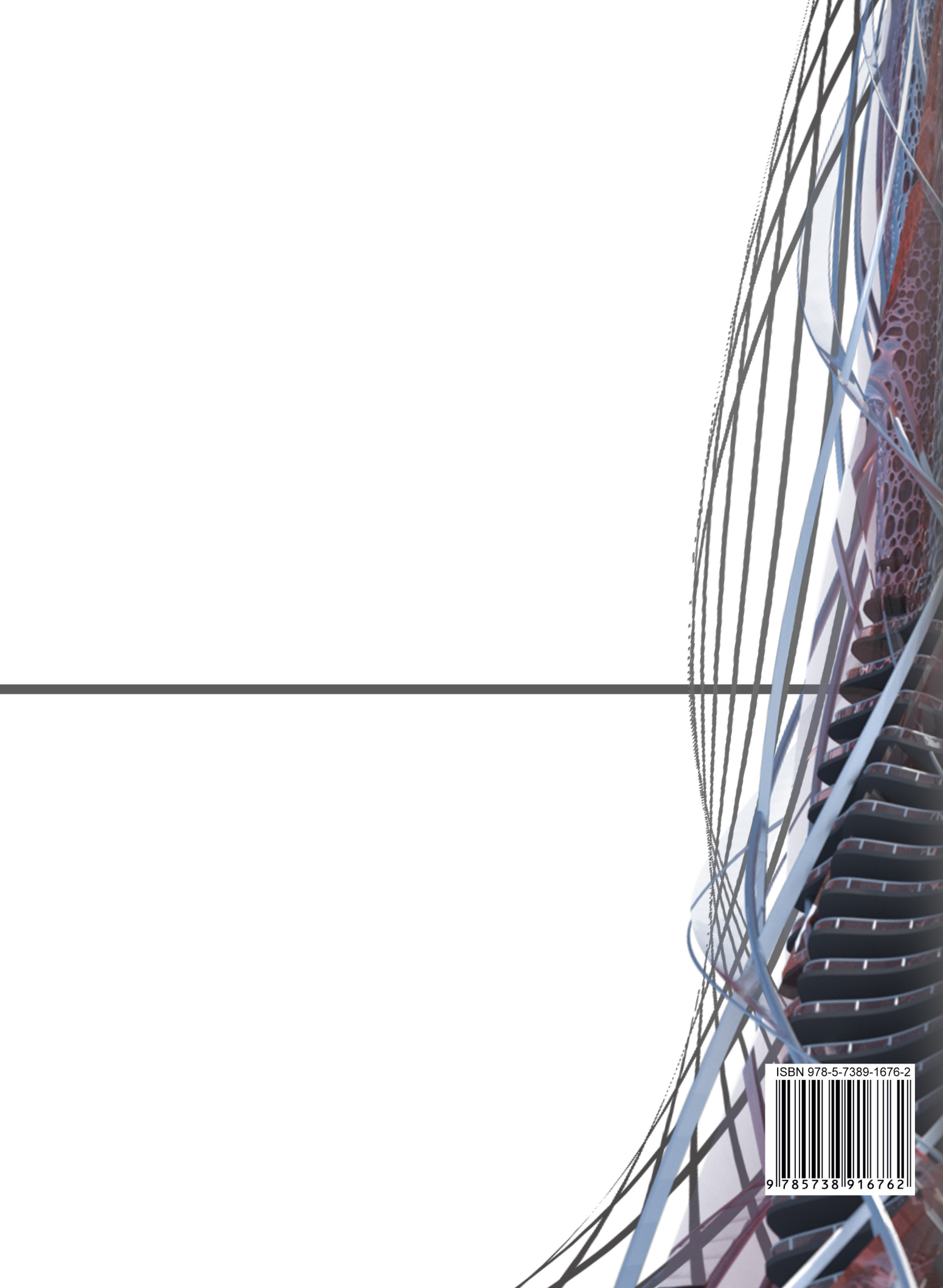
Том 1

Отпечатано с авторских оригиналов

Подписано в печать 18.02.15. Формат 84 × 108 $^{1}/_{16}$. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс».
Печать цифровая. Усл. печ. л. 39,9. Тираж 60 экз. Заказ 57.

Издательство Тихоокеанского государственного университета.
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.

Отдел оперативной полиграфии издательства
Тихоокеанского государственного университета.
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.


ISBN 978-5-7389-1676-2